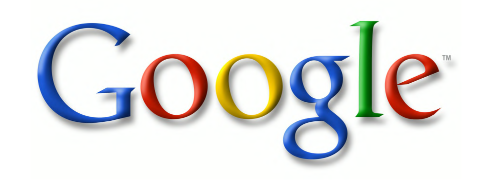
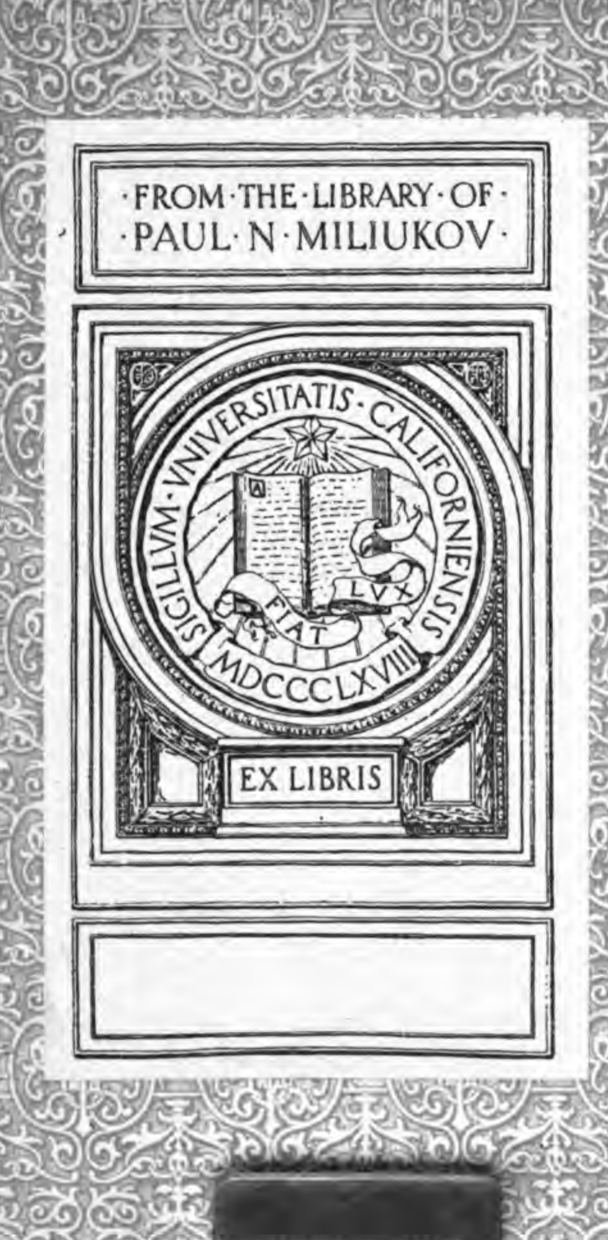


БИБЛІОТЕКА ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІ

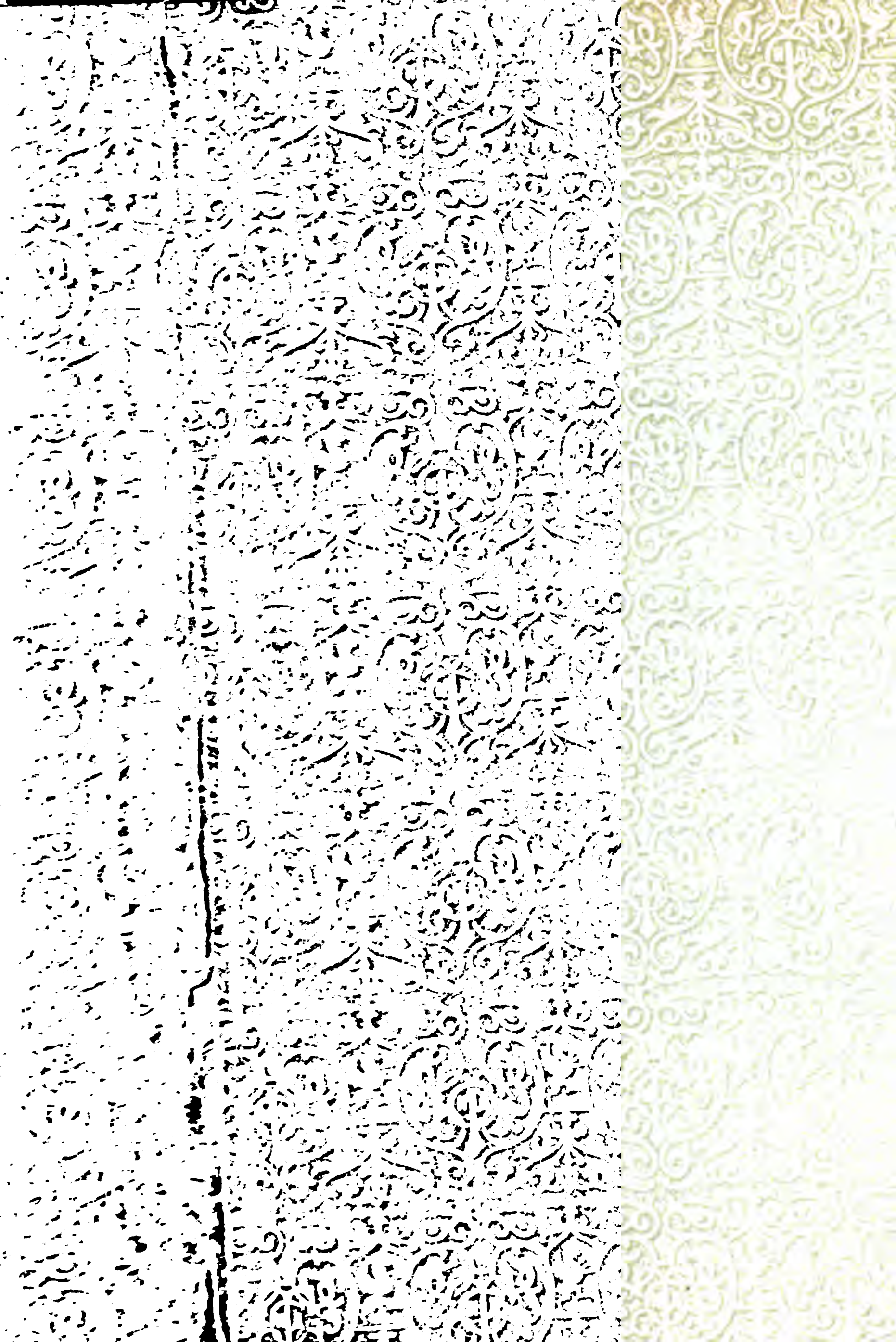
XXV.

В. ЖЕЛѢЗНОВЪ

ОЧЕРКИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ



·FROM·THE·LIBRARY·OF·
·PAUL·N·MILIUKOV·
SIGILLVM·VNIVERSITATIS·CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

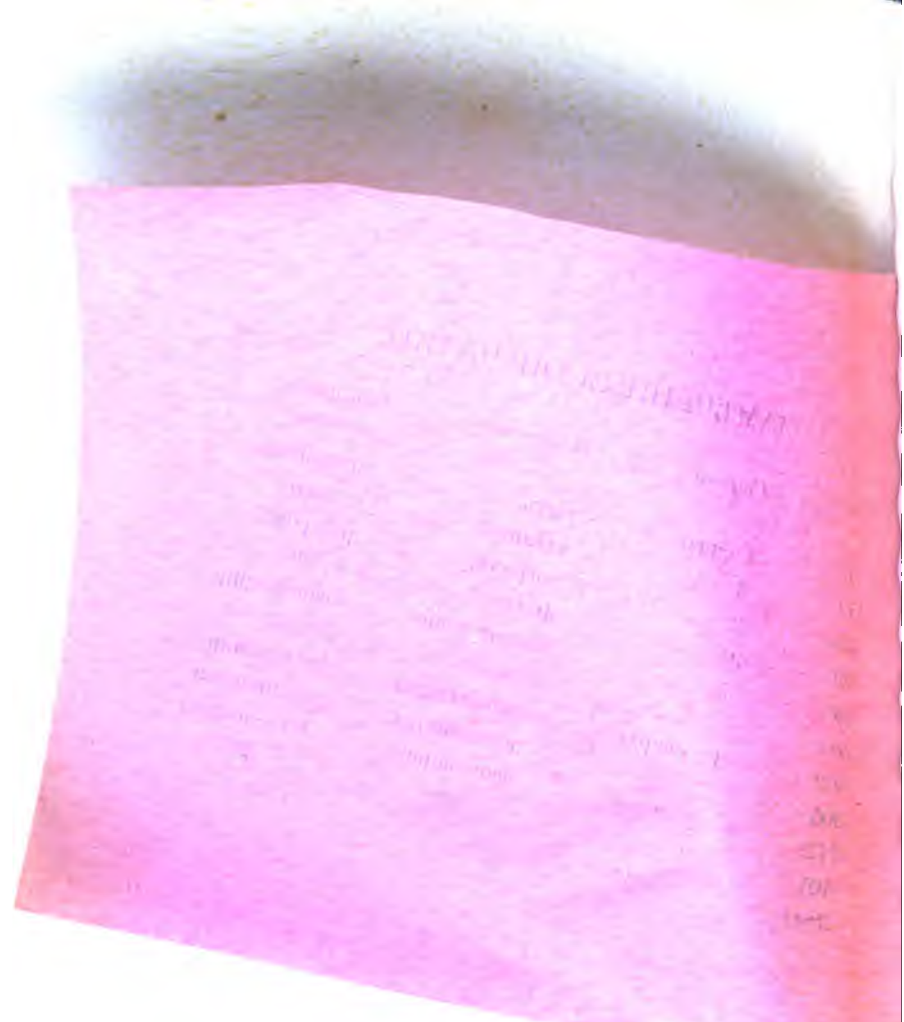


БИБЛІОТЕКА ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ,

издаваемая подъ редакціей

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
15	1 снизу	выхъ	торговыхъ
172	3 „	удѣлить	удѣлять
239	2 „	погрома	разгрома
261	10 „	10,000	1,000
289	5 „	Demograquie	Demographie
300	3 „	Brauts	Brants
302	12 сверху	субъективую	субъективную
305	1 „	поднимается	поднимется
312	2 снизу	économipues	économiques
401	9 „	50	25
380	8 сверху	въ	внѣ



БИБЛІОТЕКА ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ,

издаваемая подъ редакціей

А. С. Бѣлкина, Н. Д. Виноградова, А. Э. Вормса, А. А. Кизеветтера, П. Н. Милюкова, проф. *П. И. Новгородцева, В. Д. Соколова* и проф. *А. И. Чупрова.*

XXV.

В. Я. Желѣзновъ.

ОЧЕРКИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. С. Бѣлкина, Н. Д. Виноградова, А. Э. Ворлса, А. А. Кизеветтера, П. Н. Милюкова, проф. *П. И. Новгородцева, В. Д. Соколова* и проф. *А. И. Чупрова.*

Изданія Т-ва И. Д. Сытина.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

I. Проф. **В. Минто**. Дедуктивная и индуктивная логика. Перев. *С. А. Котляревскаго,* подъ редакціей *В. Н. Ивановскаго.* XXIV+542. Ц. 1 р. 75 к. 5-е изданіе (13, 14 и 15 тысяч. экз.).

II. Исторія Греціи со времени Пелопонесской войны. Сборникъ статей. Перев. подъ редакціей *Н. Н. Шамонина* и *Д. М. Петрушевскаго.* Вып. I. XXVII+451+IV. Вып. II. XX+502+VI. Ц. за оба вып. 3 р. 50 к.

III. Римская имперія. Сборникъ статей въ переводѣ *А. С. Милюковой.* XX+667. Ц. 2 р. 50 к.

IV. **И. Ремсенъ**. Введеніе въ изученіе органической химіи. Перев. *Н. С. Дрентельна,* съ измѣненіями и дополненіями проф. *М. И. Коновалова.* XXVII+517. Ц. 1 р. 75 коп. 3-е изданіе.

V. **Г. Шенбергъ**. Положеніе труда въ промышленности. Перев. *М. Соболева* подъ редакціей проф. *А. И. Чупрова.* XII+391+VI. Ц. 1 р. 60 к.

VI. **Г. Гефдингъ**. Современная философія. Перев. *А. П. Поливановой,* подъ редакціей *Д. В Викторова.* XXIV+268+XX. Ц. 1 р. 30 к.

VII. **Б. Н. Чичеринъ**. Политическіе мыслители древняго и новаго міра. Вып. I. XIV+469. Вып. II. 433. Ц. за оба вып. 3 р. 50 к. (Распроданы.)

VIII. **И. Ремсенъ**. Введеніе въ изученіе химіи (Неорганическая химія). Переводъ подъ редакціей проф. *М. И. Коновалова.* XXIV+537. Ц. 1 р. 75 к. 3-е изданіе, исправленное и дополненное.

IX. **М. Ферворнъ**. Общая физіологія. Перев. проф. *М. А. Мензбира* и *Н. А. Иванцова.* Вып. I. XX + 518. Вып. II. VI+574. Ц. за оба вып. 4 р. (Распроданы.)

X. **Ф. Регельсбергеръ**. Общее ученіе о правѣ. Перев. *И. А. Базанова,* подъ редакціей проф. *Ю. С. Гамбарова.* XIV+295. Ц. 1 р. 40 к. (Распродана).

XI. **Макъ-Кендрикъ** и **Снодграсъ**. Физіологія органовъ чувствъ. Перев. *Н. В. Гороновича.* XX+413. Ц. 1 р. 75 к.

XIII. Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ до Смутнаго времени. Сборникъ статей, изд. подъ редакціей *В. Н. Сторожева.* Вып. I. XXVI+658. Ц. 2 р. 75 к.

XIV. **Г. Лоренцъ**. Элементы высшей математики. Основанія аналитической геометріи, дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій и ихъ приложеній къ естествознанію. Переводъ съ дополненіями, измѣненіями и историческимъ очеркомъ развитія математическаго анализа *В. П. Шереметевскаго.* Томъ I. XXXVI+751. Ц. 3 р. 2-е изданіе.—Томъ II. XXIV+595. Ц. 2 р. 50 к., 2-е изданіе. Для покупающихъ оба тома вмѣстѣ—5 р.

XV. **А. Р. Уоллэсъ**. Дарвинизмъ. Съ портретомъ автора. Перев. проф. *М. А. Мензбира,* съ приложеніемъ его статьи: *А. Уоллэсъ и его научное значеніе.* XL+753. Ц. 3 руб.

XVI. **Э. Порритъ**. Современная Англія. Права и обязанности ея гражданъ. Перев. *О. В. Полторацкой.* XVI+368+XXII. Ц. 1 р. 60 к.

XVII. **Т. Гексли** и **Г. Мартинъ**. Практическія занятія по зоологіи и ботаникѣ. Съ 342 рис. въ текстѣ. Перев. *И. А. Петровскаго, П. П. Сушкина* и *Н. К. Кольцова.* XXIV+762. Ц. 3 р. 50 к.

XVIII. Исторія Римской республики по Моммсену. Перев. *Н. Н. Шамонина.* Вып. I. XXIV+529. Ц. 2 р. (Распродана.)

XIX. **Б. Н. Чичеринъ**. О народномъ представительствѣ. XXVI+812. Ц. 3 р.

XX. **Георгъ Майръ**. Закономѣрность въ общественной жизни. Перев. *Н. Н. Романова,* просмотрѣнный и дополненный *В. Э. Деномъ,* подъ редакціей проф. *А. И. Чупрова.* Съ приложеніемъ діаграммъ и картограммы XVIII+480. Цѣна 2 р. 25 к. (Распродана).

XXI. **Н. Локіеръ**. Спектроскопъ и его примѣненія. Перев. *С. Г. Займовскаго*, подъ редакціей и съ дополненіемъ очерка: „О новѣйшемъ развитіи спектральныхъ изслѣдованій“ проф. *В. А. Михельсона*. Съ 85 рис. въ текстѣ и 3 цвѣтными спектральными таблицами. XX+234. Ц. 1 р. 75 к.
XXII. **М. А. Ганчъ**. Краткое руководство по стереохиміи. Перев. *З. В. Кикиной*, подъ редакціей проф. *М. И. Коновалова*. XXIV+246. Ц. 1 р.
XXIII. **Т. Грантъ**. Греція въ вѣкъ Перикла. Перев. подъ редакціей *Н. Н. Шамонина*. Съ рисунками. XXIV+358. Ц. 1 р. 60 к.
XXIV. **М. Фостеръ и Л. Шоръ**. Физіологія для начинающихъ. Перев. *Д. Д. Бекарюкова*. Съ 111 рис. въ текстѣ. XXIII+330. Ц. 1 р. 50 к.
XXV. **В. Я. Желѣзновъ**. Очерки политической экономіи. 6-е изданіе, исправленное и дополненное. XXIII+858. Ц. 2 р. 50 к.
XXVI. **А. В. Дайси**. Основы государственнаго права Англіи. Перев. *О. В. Полторацкой*, подъ редакціей проф. *П. Г. Виноградова*. XXXVI+658. Ц. 2 р. 2-е изданіе.
XXVII. **В. Ѳ. Иконниковъ**. Наканунѣ реформъ Петра Великаго. Очерки государственнаго, общественнаго и частнаго быта Московской Руси XVII вѣка. XXIII+304. Ц. 1 р. 25 к.
XXVIII. **А. К. Роджерсъ**. Краткое введеніе въ исторію новой философіи. Перев. *С. С. Зелинскаго*, подъ редакціей *Ю. И. Айхенвальда*. XX+224. Ц. 1 р.
XXIX. **Г. Тардъ**. Преступникъ и преступленіе. Перев. *Е. В. Выставкиной*, подъ редакціей *М. Н. Гернета*, съ предисловіемъ *Н. Н. Полянскаго*. XX+324. Ц. 1 р. 25 к.
XXX. **А. Берри**. Краткая исторія астрономіи. Перев. *С. Г. Займовскаго*, подъ редакціей проф. *Р. Ф. Фогеля*. Съ 112 рис. и портретами. XXXIX+606. Ц. 2 р. 50 к.
XXXIII. **Д. Романэсъ**. Духовная эволюція человѣка. Перев. *Е. И. Бошнякъ*, подъ редакціей *Н. Д. Виноградова*. XXV+618. Ц. 2 р.
XXXIV. Проф. **Як. Самойловъ**. Введеніе въ кристаллографію. XXIV+209. Ц. 1 р. 25 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

II. **А. Бэнъ**. Психологія. Томъ II. Перев. *С. И. Ершова*., подъ ред. *А. С. Вѣлкина*.
XII. **Фридрихъ Паульсенъ**. Историческій очеркъ развитія образованія въ Германіи. Перев. подъ редакціей *Н. В. Сперанскаго*.
XXXI. **Анри Мишель**. Идея государства. Перев. *П. А. Рождественскаго*.
XXXII. **Г. Гефдингъ**. Исторія философіи. Въ 2-хъ томахъ. Перев. *Д. В. Викторова*.
XXXV. **Сталло**. Понятія и теоріи современной физики. Перев. *Г. А. Котляра*.
XXXVII. **Проф. Дюгюи**. Конституціонное право. Перев. *В. А. Краснокутскаго*, *В. И. Сыромятникова* и *А. С. Ященко*.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

XIII. Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ до Смутнаго времени. Сборникъ статей, подъ редакціей *В. Н. Сторожева*. Вып. II.
XVIII. Исторія Римской республики по Моммсену. Перев. *Н. Н. Шамонина* Вып. II.
XXXVI. **А. Гейки**. Творцы геологіи. Перев. *С. Г. Займовскаго*.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ СЕРІЯ:

I. **Карлъ Федернъ**. Данте. Перев. *В. М. Спасской*, подъ редакціей *М. Н. Розонова*. Съ многочисленными иллюстраціями.

I. **Математика:** 1) Курсъ общеобразовательный (аналитическая геометрія), 2) курсъ спеціальный (элементарная математика). II. **Науки физико-химическія:** 1) физика (механическій отдѣлъ, ученіе о теплотѣ, звукѣ и свѣтѣ), 2) химія (введеніе и неорганическая химія). III. **Науки біологическія:** введеніе, органографія цвѣтковыхъ растеній и ученіе объ устройствѣ человѣческаго тѣла. IV. **Науки философскія:** программа первая (психологія и логика), программа вторая (логика). V. **Науки общественно-юридическія:** 1) исторія и строеніе общества, 2) политическая экономія. VI. **Исторія:** 1) первобытная культура, 2) древній Востокъ, 3) Греція, 4) Римъ. VII. **Исторія литературы:** греческая и римская. **Списокъ книжныхъ магазиновъ и библіотекъ,** вошедшихъ въ соглашеніе съ Комиссіей относительно снабженія ея читателей книгами. Объявленія.

Цѣна **35** к., съ пересылкой—**48** к., наложеннымъ платежомъ—**65** к.

Программы домашняго чтенія на 2-й годъ систематическаго курса.

Изданіе третье, исправленное и дополненное.

Содержаніе: Предисловіе. — Правила для сношеній читателей съ Комиссіей. — Составъ Комиссіи и списокъ пожертвованій въ ея пользу. — Планы систематическаго чтенія на четыре года. — Программы на 2-й годъ.

I. **Математика:** 1) курсъ общеобразовательный (дифференціальное и интегральное счисленія), 2) курсъ спеціальный (аналитическая геометрія). II. **Науки физико-химическія:** 1) физика (ученіе объ электричествѣ и магнетизмѣ), 2) химія органическая, химія теоретическая и физическая. III. **Науки біологическія:** 1) анатомія растеній, 2) споровыя растенія, 3) сравнительная анатомія животныхъ, 4) гистологія и эмбріологія животныхъ. IV. **Науки философскія:** программа первая (исторія философіи), программа вторая (психологія съ педагогикой). V. **Науки общественно-юридическія:** 1) общее ученіе о правѣ, 2) государственное право (общее западныхъ державъ и русское), 3) экономическая исторія Англіи. VI. **Исторія:** 1) всеобщая (Средніе вѣка), 2) русская (до Смутнаго времени). VII. **Исторія литературы:** 1) всеобщая литература (Средніе вѣка и эпоха Возрожденія), 2) русская литература (до XVII вѣка). **Списокъ книжныхъ магазиновъ и библіотекъ,** вошедшихъ въ соглашеніе съ Комиссіей относительно снабженія ея читателей книгами. Объявленія.

Цѣна **45** к., съ пересылкой—**60** к., наложеннымъ платежомъ—**77** к.

Программы домашняго чтенія на 3-й годъ систематическаго курса.

Изданіе третье, исправленное и дополненное.

Содержаніе: Предисловіе. — Правила для сношеній читателей съ Комиссіей. — Составъ Комиссіи и списокъ пожертвованій въ ея пользу. — Планы систематическаго чтенія на четыре года. — Программы на 3-й годъ.

I. **Науки математическія.** II. **Науки о природѣ неорганизованной (физико-химическія):** А. Астрономія. Б. Метеорологія и климатологія. III. **Науки о природѣ организованной (біологическія):** А. Общая физіологія. Б. Физіологія растеній. В. Физіологія животныхъ. IV. **Науки философскія:** программа первая (теорія познанія и метафизика), программа вторая (исторія древней и средневѣковой философіи). V. **Науки общественно-юридическія:** 1) экономическая исторія Россіи, 2) экономія сельскаго хозяйства, 3) экономія промышленности, 4) экономія торговли, 5) гражданское право, 6) уголовное право. VI. **Исторія:** 1) всеобщая исторія (XVI, XVII и XVIII вв.). Программа А. Программа Б. 2) русская исторія (XVII и XVIII вв.). VII. **Исторія литературы:** 1) всеобщая литература: А. Испанская литература (XVII и XVIII вв.). Б. Англійская литература (XVII и XVIII вв.). В. Итальянская литература (XVII и XVIII вв.). Г. Вѣкъ ложнаго

классицизма во Франціи. Д. Французская литература (XVIII в.). Е. Нѣмецкая литература (XVII в.). Ж. Нѣмецкая литература (XVIII в.); 2) Русская литература XVIII в. **Програмы чтенія по отдѣльнымъ наукамъ.** Этнографія. **Чтеніе по отдѣльнымъ вопросамъ (темамъ).** Отдѣльныя темы по общественнымъ наукамъ. **Приложеніе:** Параллельная программа по экономіи сельскаго хозяйства. Дополнительный списокъ пособій. **Списокъ книжныхъ магазиновъ и библіотекъ,** вошедшихъ въ соглашеніе съ Комиссіей относительно снабженія ея читателей книгами. Объявленія.

Цѣна **60** к., съ пересылкой—**85** к., наложеннымъ платежомъ—**95** к.

Программа домашняго чтенія на 4-й годъ систематическаго курса.

Изданіе третье, исправленное и дополненное.

Содержаніе: Предисловіе. — Правила для сношеній читателей съ Комиссіей. — Составъ Комиссіи и списокъ пожертвованій въ ея пользу. — Планы систематическаго чтенія на четыре года. — Программы на 4-й годъ.

I. **Математика** (спеціальный курсъ): Теоретическая механика. II. **Науки физико-химическія:** Динамическая геологія. III. **Науки біологическія:** А. Палеонтологія. Б. Біогеографія. В. Теорія эволюціи и дарвинизмъ. Г. Самостоятельныя научныя работы по ботаникѣ. IV. **Науки философскія:** программа первая (этика), программа вторая (исторія новой философіи). Темы для письменныхъ работъ по исторіи новой философіи. V. **Науки общественно-юридическія:** Международное право. Соціальная политика. Финансовая наука. VI. **Исторія:** 1) Всеобщая исторія (эпоха французской революціи и XIX вѣкъ). Программа А. (полная). Программа Б. (сокращенная), 2) русская исторія (XIX вѣкъ). VII. **Исторія литературы:** Всеобщая литература. А. Нѣмецкая литература XIX в. Б. Французская литература XIX в. В. Англійская литература XIX в. Г. Итальянская литература XIX в. Д. Русская литература XIX вѣка. **Списокъ книжныхъ магазиновъ и библіотекъ,** вошедшихъ въ соглашеніе съ Комиссіей относительно снабженія ея читателей книгами. Объявленія.

Цѣна **60** к., съ пересылкой—**74** к., наложеннымъ платежомъ—**91** к.

Эпизодическія программы.

Серія I. Содержаніе: „Пирамида“ (Древній Египетъ). *М. О. Гершензона.*—„Средневѣковый городъ“. *А. К. Дживелегова.*—„Исторія французской революціи“. *М. Н. Коваленскаго.* — „Смутное время въ Московскомъ государствѣ“. *Н. Н. Алябьева.* — „Исторія кодификаціи гражданскаго права въ Россіи“. *В. А. Краснокутскаго* и *К. К. Нотгафта.* — „Растительныя сообщества Средней Россіи“. *А. Θ. Флерова.* — „Валленштейнъ“ Шиллера. *А. Θ. Лютера.*—„Байронъ и его время“. *П. С. Когана.*—„Новгородскія былины“. *Н. М. Мендельсона.* — „Городское хозяйство и городскіе финансы“. *П. П. Гензеля.*—„Факторы преступности“. *Н. Н. Полянскаго.* — „Основы судебной реформы 1864 г. въ Россіи“. *С. В. Позднышева.*—„Вопросъ о смертной казни въ старой и новой литературѣ“. *С. В. Позднышева.* Изданіе 2-е. Цѣна 20 к., съ перес. — 31 к., налож. платежомъ — 41 к.

Серія II. Содержаніе: „Корея“. *А. А. Борзова.* — „Японія“ *М. Н. Коваленскаго* и *С. Г. Григорьева.* — „Право войны“. *С. А. Ященко.* — „Средневѣковая исторія Англіи“. *Д. М. Петру-*

шевскаго. — „Горе отъ ума“ Грибоѣдова. *Ю. И. Айхенвальда.* — „Анна Каренина“, романъ гр. Л. Н. Толстого. *И. Н. Розанова.* — „Дарвинизмъ“. *Н. К. Кольцова.* Цѣна 15 к., съ перес.—19 к., налож. платежомъ—36 к.

Сборникъ программъ для чтенія по вопросамъ государственнаго строя.

Содержаніе: Предисловіе. Ч. I. Историческія программы—1) Программы по всеобщей исторіи и 2) Программы по русской исторіи. Ч. II. Программы по вопросамъ государственнаго строя—I. Общая часть. 1. Общее ученіе о правѣ. 2. Исторія философіи права. 3. Государственное право: а) Общее государственное право, б) Государственное право западныхъ державъ и в) Русское государственное право. II. Отдѣльныя программы: 1. Общее ученіе о государствѣ. 2. Государственныя формы. 3. Правовое государство. 4. Раздѣленіе властей. 5. Судъ въ правовомъ государствѣ. 6. Земское самоуправленіе. 7. Политика Аристотеля. 8. Средневѣковая исторія Англіи. 9. Старый порядокъ и революція. 10. Земскіе соборы. 11. Планъ государственнаго преобразованія Сперанскаго и 12. Добавочный списокъ пособій къ программамъ №№ 1, 2 и 3. Цѣна 50 к., съ пересылкой—68 к., наложеннымъ платежомъ—85 к.

Отчетъ Комиссіи по организаціи домашняго чтенія за 1896 г. съ приложеніемъ **статистическихъ матеріаловъ** объ ея дѣятельности за 1895 и 1896 гг. Ц. **30** к., съ пересылкой—**43** к., налож. платежомъ—**53** к.

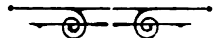
А. В. Горбуновъ. Одинъ изъ опытовъ University Extension въ Россіи. Отчетъ о дѣятельности Комиссіи за 1897 г. Цѣна **15** к., съ пересылкой—**17** к.

„Памяти Ѳ. И. Буслаева“. Съ портретомъ его. Изд. Учеб. Отд. Общ. Распростр. Технич. Знаній. М. 1898 г. Цѣна **75** к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія книга эта **рекомендована** для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

„Тридцать лѣтъ жизни Учебнаго Отдѣла Общества Распространенія Техническихъ Знаній“. Съ 5 портретами и 15 біографіями. Составилъ **А. Е. Грузинскій**. М. 1902 г. Ц. 1 р.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ при Учебномъ Отдѣлѣ: Москва, Маросейка, М. Успенскій пер., д. № 3. Телефонъ № 136-27.



В. Я. ЖЕЛѢЗНОВЪ.

ОЧЕРКИ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

6-е изданіе, исправленное и дополненное.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой д

Москва.—1908.

ОТЪ РЕДАКЦІИ «БИБЛІОТЕКИ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ».

За послѣднія десятилѣтія въ русскомъ обществѣ замѣчается несомнѣнное усиленіе интереса къ самообразованію. Оживленіе издательской дѣятельности, устройство въ провинціи курсовъ и публичныхъ лекцій, появленіе кружковъ спеціалистовъ, ставящихъ своей задачей помощь самообразованію,—все это дѣлаетъ очевиднымъ, что потребность въ серіозномъ чтеніи сознается у насъ все болѣе расширяющимися общественными кругами. Къ сожалѣнію, популяризація знаній, необходимыхъ для всякаго образованнаго человѣка, все еще далеко не идетъ вровень съ этимъ быстрымъ усиленіемъ спроса на чтеніе со стороны жаждущей просвѣщенія публики. Оригинальныхъ популяризаторовъ у насъ еще слишкомъ мало, а выборъ переводныхъ произведеній далеко не всегда дѣлается лицами, которыя соединяли бы въ себѣ пониманіе потребностей современнаго русскаго читателя съ хорошимъ знаніемъ иностранной популярной литературы. Отъ этого на нашемъ книжномъ рынкѣ такъ часто появляются книги, нужныя только тѣмъ, кто могъ бы прочесть ихъ и въ иностранномъ подлинникѣ, и, наоборотъ, многихъ книгъ, которыя были бы нужны всякому образованному человѣку, на русскомъ языкѣ не существуетъ. Въ результатѣ одинаково страдаютъ и интересы издателей и интересы читающей публики.

Въ послѣднее время, однако, въ издательское дѣло замѣтно проникла свѣжая струя. Старыя и вновь возникающія фирмы издаютъ множество популяр-

ныхъ книгъ для чтенія и самообразованія. Къ этого рода изданіямъ принадлежитъ и «Библіотека для самообразованія». Но среди другихъ подобныхъ изданій она занимаетъ свое особое мѣсто въ связи съ той спеціальной цѣлью, которую она преслѣдуетъ. Эту цѣль, долженствующую сообщить всѣмъ выпускамъ «Библіотеки для самообразованія» нѣкоторое внутреннее единство, редакція считаетъ нужнымъ особенно подчеркнуть.

«Библіотека для самообразованія» находится въ самой тѣсной связи съ московской «Комиссіей по организаціи домашняго чтенія», начавшей свою дѣятельность при «Учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній» въ 1893 году, и редакторы «Библіотеки для самообразованія» обыкновенно состоятъ членами Комиссіи.

Составляя свои «программы» систематическаго чтенія, Комиссія, какъ видно изъ ея проспекта, имѣетъ въ виду соединить общедоступность чтенія съ его серіозностью и основательностью. Съ этой цѣлью въ каждой программѣ указанъ тотъ *необходимый минимумъ* познаній, безъ усвоенія котораго ознакомленіе съ соотвѣтствующимъ отдѣломъ науки нельзя признать сколько-нибудь основательнымъ. *Всѣ* книги, необходимыя для пріобрѣтенія такого минимума познаній, указаны *на русскомъ языкѣ*, и почти всѣ онѣ доставляются читателямъ Комиссіей на льготныхъ условіяхъ (см. «Правила для сношеній съ Комиссіей» перепечатанныя въ концѣ настоящаго тома). Относительно способа усвоенія *необходимыхъ* пособій даны въ программахъ ближайшія указанія. Всѣ указанія Комиссіи дѣлаются такъ, чтобы ими могли воспользоваться лица трехъ категорій: 1) лица, вовсе не имѣвшія возможности пріобрѣсти правильнаго средняго образованія, но болѣе или менѣе привыкшія читать серіозныя книги популярно-научнаго содержанія; 2) лица, окончившія курсъ средней школы, но не получившія высшаго образованія, и 3) лица, окончившія высшую школу, которыя пожелали бы съ помощью Комиссіи освѣжить забытыя знанія,

пополнить пробѣлы или пріобрѣсти новыя свѣдѣнія въ незнакомыхъ имъ отдѣлахъ наукъ. При составленіи «программъ» Комиссія имѣла въ виду нѣкоторый средній уровень читателей. Этотъ средній уровень характеризуется въ глазахъ Комиссіи не столько количествомъ пріобрѣтенныхъ свѣдѣній, сколько извѣстной привычкой къ серіозному чтенію. Умѣнье читать серіозную книгу есть необходимое условіе успѣшности самообразованія. Къ сожалѣнію, это умѣнье принадлежитъ къ числу навыковъ, которые трудно передать съ помощью однихъ письменныхъ сношеній. Комиссіи поневолѣ приходится предполагать, что у ея читателей этотъ навыкъ уже пріобрѣтенъ.

Содержаніе книжекъ, издаваемыхъ въ «Библіотекѣ для самообразованія», находится въ прямой зависимости отъ намѣченныхъ Комиссіей цѣлей, какъ онѣ охарактеризованы въ приведенныхъ выдержкахъ изъ ея проспекта. Редакція «Библіотеки для самообразованія» вводитъ въ свою серію только такія книги, изъ которыхъ каждая даетъ необходимый минимумъ познаній, безъ усвоенія котораго ознакомленіе съ соотвѣтствующимъ отдѣломъ науки нельзя признать сколько-нибудь основательнымъ. Другими словами, «Библіотека для самообразованія» состоитъ изъ ряда пособій, признанныхъ Комиссіей «необходимыми» для усвоенія ея «программъ», но не существовавшихъ до сихъ поръ въ русской популярной литературѣ или же вышедшихъ изъ продажи, а также изданныхъ въ неудовлетворительномъ переводѣ. Съ подобными пробѣлами постоянно принуждена считаться всякая программа для самообразованія. Притомъ, чѣмъ она общѣе и энциклопедичнѣе, тѣмъ пробѣловъ оказывается больше, и тѣмъ необходимѣе становится создать литературу, спеціально приспособленную для самообразовательныхъ цѣлей, какъ ихъ ставитъ та или другая программа. Англійскія и американскія общества содѣйствія самообразованію давно уже стали на этотъ путь — созданія спеціально приспособленныхъ къ программамъ пособій,

Подборъ такихъ пособій и представляетъ «Библіотека для самообразованія». Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ заграничной популярной литературѣ имѣются вполнѣ подходящія сочиненія, редакція издаетъ переводы ихъ; если же подходящихъ пособій не имѣется, то редакція издаетъ сборники, хрестоматіи, компиляціи или оригинальныя произведенія, приспособленныя къ программамъ Комиссіи. Такимъ образомъ, для руководителей «домашняго чтенія» и ихъ читателей облегчается зависимость отъ случайнаго наличнаго состава популярной литературы, имѣщейся на русскомъ языкѣ; а читающая публика вообще получаетъ рядъ общедоступныхъ руководствъ по всѣмъ отраслямъ общеобразовательныхъ знаній.

Благодаря содѣйствію издательской фирмы Т-ва И. Д. Сытина, редакція имѣетъ возможность придать книжкамъ «Библіотеки для самообразованія» внѣшній видъ, соотвѣтствующій европейскимъ изданіямъ этого рода, не поднимая въ то же время цѣны изданія выше обыкновенной. Соотвѣтствующій форматъ и прочный переплетъ должны отвѣчать назначенію «Библіотеки для самообразованія», цѣль которой — дать рядъ основныхъ пособій, предназначенныхъ для постояннаго употребленія.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Настоящіе «Очерки» представляютъ собой исправленное и значительно дополненное изданіе литографированнаго курса публичныхъ лекцій, читанныхъ авторомъ въ 1898—1899 академическомъ году въ Кіевѣ. Главные выводы остаются тѣ же, какіе были высказаны два года тому назадъ; не измѣненъ и общій планъ работы. Прибавлены лишь нѣкоторыя фактическія подробности и болѣе полно развиты тѣ теоретическія положенія, обстоятельному выясненію которыхъ мѣшала ограниченность времени, бывшаго въ распоряженіи автора при чтеніи лекцій. Авторъ заботился о простотѣ и общедоступности изложенія, стараясь, однако, не жертвовать при этомъ серьезностью мысли.

Берлинъ, 23/10 февраля 1901 г.

В. Ж.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА КЪ ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Предлагаемое изданіе воспроизводитъ первое почти безъ измѣненій. Занятый иной неотложной работой, авторъ былъ вынужденъ отказаться пока отъ переработки «Очерковъ», которая во многихъ отношеніяхъ представлялась ему желательной. Авторъ ограничился, поэтому, только немногими замѣчаніями, указывающими на его отношеніе къ новѣйшей полемикѣ по поводу основныхъ вопросовъ экономической теоріи (въ лекціяхъ о цѣнности и доходахъ), сообщеніемъ болѣе свѣжихъ данныхъ относительно нѣкоторыхъ теченій въ современной экономической жизни (въ особенности въ лекціяхъ о формахъ коллективнаго договора и фабричномъ законодательствѣ) и краткими указаніями на выдающіяся явленія въ экономической литературѣ послѣдняго времени.

Новоконстантиновъ,
Подольской губерніи,
31 августа 1902 г.

В. Ж.

СОДЕРЖАНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

УЧЕНІЕ ОБЪ ОБМѢНѢ.

Лекція седьмая.

Лекція восьмая.

Лекція девятая.

Лекція десятая.

Лекція одиннадцатая.

Стр.

УЧЕНІЕ О РАСПРЕДѢЛЕНІИ.

Лекція двѣнадцатая.

Лекція тринадцатая.

Лекція четырнадцатая.

Лекція пятнадцатая.

Лекція шестнадцатая.

УЧЕНІЕ О ПОТРЕБЛЕНІИ.

Лекція семнадцатая.

ВВЕДЕНІЕ.

Лекція первая.

Понятіе политической экономіи.—Хозяйственная дѣятельность.—Экономика и техника.—Послѣдовательныя ступени развитія общественнаго хозяйства.—Ступень замкнутаго домашняго хозяйства—при первобытномъ семейномъ строѣ, въ эпоху рабства и крѣпостничества.—Городское ремесленное хозяйство.—Переходъ къ капиталистическому хозяйству.—Система развитого капитализма.

Мм. гг. Приступая къ изложенію публичнаго курса политической экономіи, я считаю необходимымъ прежде всего остановить ваше вниманіе на вопросѣ о предметѣ, подлежащемъ изслѣдованію этой науки. Вѣдь научная работа, выясняющая разнообразныя явленія окружающей насъ міровой жизни, должна быть для успѣха дѣла строго распредѣлена между отдѣльными отраслями знанія, изъ которыхъ каждая можетъ быть полнымъ хозяиномъ лишь въ ограниченной сферѣ, лишь въ точно отмежеванныхъ ей предѣлахъ изслѣдованія. Отвѣчая въ наиболѣе общей формѣ на поставленный вопросъ, мы должны сказать, что политическая экономія принадлежитъ къ разряду наукъ соціальныхъ, т.-е. что предметомъ ея изученія служитъ человѣческое общество. Этимъ мы проводимъ уже рѣзкую грань, отдѣляющую нашу науку отъ обширной области

естествознанія; но въ намѣчаемыхъ нами предѣлахъ мы должны позаботиться еще о дальнѣйшемъ разграниченіи, выдѣляя политическую экономію изъ общей совокупности соціальныхъ знаній, указывая ей ту часть общественной жизни, изученіе которой составляетъ ея спеціальную задачу. Человѣческое общество представляетъ собой настолько сложное цѣлое, слагающееся изъ такого огромнаго количества разнообразныхъ, взаимно переплетающихся явленій, что оно можетъ быть удовлетворительно изучаемо лишь при условіи совмѣстной работы ряда наукъ, изъ которыхъ каждая затрогивала бы лишь одну только сторону соціальнаго существованія людей.

Спеціальная сторона общественной жизни, изслѣдованіе которой беретъ на себя политическая экономія, заключается въ хозяйственной дѣятельности, сущность же хозяйственной дѣятельности сводится къ борьбѣ человѣческаго общества съ природой, съ цѣлями удовлетворенія разнообразныхъ потребностей людей матеріальными средствами. Представимъ себѣ, напр., группу колонистовъ, рѣшившихъ переселиться изъ своей страны и устроить новую жизнь на незаселенныхъ еще мѣстахъ. Прослѣживая первые шаги ихъ дѣятельности въ новой обстановкѣ, мы увидимъ, что при всѣхъ цѣляхъ, какія они будутъ себѣ ставить, они всегда натолкнутся на вопросъ о матеріальныхъ средствахъ для осуществленія этихъ цѣлей. Прежде всего, чтобы удовлетворить первымъ своимъ потребностямъ въ пищѣ, жилищѣ и одеждѣ, они займутся распахиваніемъ почвы, рубкой лѣса и подготовкой лѣсного матеріала для построекъ, разведеніемъ скота и

уходомъ за нимъ, пряденіемъ льна и шерсти и т. д. Далѣе, если это культурные люди и если они пожелаютъ и въ новыхъ мѣстахъ своего пребыванія удовлетворять своимъ религіознымъ потребностямъ, потребностямъ въ образованіи, въ развлеченіяхъ, въ сообщеніи свѣдѣній, они и въ этомъ случаѣ будутъ вынуждены затратить извѣстное (и весьма значительное) количество усилій для созданія тѣхъ матеріальныхъ средствъ, при помощи которыхъ только и могутъ быть удовлетворены эти высшія потребности. Понадобится выстроить церковь, школу, затратить извѣстное количество труда, чтобы получить средства на содержаніе учителя и священника, все время которыхъ будетъ занято возлагаемыми на нихъ культурными задачами, и т. д., иначе говоря, для выполненія всѣхъ задачъ нашего маленькаго общежитія потребуется опредѣленная хозяйственная дѣятельность.

Но, говоря, что задачей политической экономіи представляется изслѣдованіе хозяйственной дѣятельности человѣческихъ обществъ, мы все еще недостаточно точно опредѣляемъ ея содержаніе. Дѣло въ томъ, что сама хозяйственная дѣятельность является сложнымъ процессомъ, въ которомъ политическая экономія изучаетъ лишь одну спеціальную сторону. Всматриваясь въ сущность и характеръ хозяйственной дѣятельности, мы прежде другихъ чертъ замѣтимъ, что при ней человѣкъ совершаетъ нѣкоторыя цѣлесообразныя дѣйствія, имѣющія въ виду извлеченіе изъ міра окружающей его природы необходимыхъ ему матеріальныхъ средствъ. Земледѣлецъ разрыхляетъ землю, сѣетъ зерно, собираетъ жатву; ремесленникъ-портной рѣжетъ сукно,

сшиваетъ его, разглаживаетъ; рабочій на фабрикѣ регулируетъ ходъ машины, изготовляющей пряжу или ткань; во всѣхъ этихъ случаяхъ мы замѣчаемъ развитіе опредѣленныхъ технических ъ процессовъ, примѣненіе которыхъ открываетъ людямъ возможность фактически осуществлять свою власть надъ природой. Но этой технической стороной дѣла, которая сама по себѣ представляется чрезвычайно сложной и изучается разнообразными техническими науками, не исчерпывается все содержаніе хозяйственной дѣятельности человѣческихъ обществъ. Въ ней обнаруживаются и другія явленія уже не техническаго, а соціальнаго характера, изученіе которыхъ и составляетъ задачу политической экономіи, какъ общественной науки.

Уже въ приведенномъ нами примѣрѣ, приглядываясь ближе къ жизни группы колонистовъ, мы нашли бы, что въ связи съ выполняемыми ею техническими процессами между ея членами существуютъ опредѣленныя соціальныя отношенія, характеръ которыхъ окрашиваетъ въ своеобразный цвѣтъ всю жизнь этой группы. Ея жизнь сложится иначе, если въ ея предѣлахъ будутъ хозяева и рабочіе, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда она вся будетъ слагаться изъ трудящихся лицъ. Намъ ясно, что для членовъ такой группы былъ бы далеко не безразличенъ принятый ею или данный окружающей общественной средой политическій режимъ. Они чувствовали бы себя, конечно, иначе при господствѣ принципа самоуправленія, чѣмъ въ патріархально - деспотическомъ строѣ. То же самое справедливо и относительно экономическаго уклада жизни. Для людей важно не только, какими ору-

діями и пріемами они достигаютъ своихъ хозяйственныхъ цѣлей, но и каковы ихъ отношенія другъ къ другу въ ихъ экономической дѣятельности.

Возьмемъ другой примѣръ. Вы уѣзжаете на лѣто въ деревню. Гуляя по обширнымъ полямъ, окружающимъ вашу деревню, вы замѣчаете на знакомомъ фонѣ сельскаго пейзажа фигуру крестьянина, медленно проводящаго сохой борозду. Въ этой фигурѣ все такъ гармонируетъ съ общимъ сѣренькимъ тономъ русской деревенской природы, что вы, пожалуй, прошли бы мимо, не остановивъ вниманія на этой отдѣльной части общей картины. Но васъ интересуютъ экономическіе вопросы, вы подходите къ крестьянину и заводите съ нимъ разговоръ. Вы узнаете прежде всего, что онъ тогда-то началъ обработку поля, что онъ предполагаетъ ее кончить въ такое-то время, что въ такой-то срокъ нужно будетъ посѣять такое-то количество зерна, которое къ осени дастъ ему столько-то пудовъ новаго хлѣба. Далѣе, онъ разскажетъ вамъ о способахъ своей работы, объяснитъ составныя части употребляемыхъ имъ орудій, укажетъ ихъ назначеніе и т. д. Но, собравъ самыя подробныя свѣдѣнія по всѣмъ этимъ вопросамъ, вы узнаете еще очень мало о дѣйствительныхъ хозяйственныхъ условіяхъ существованія нашего крестьянина. Для этой цѣли вы должны будете продолжить ваши разспросы, и тѣ отвѣты, которые вы на нихъ получите, быть-можетъ, покажутся вамъ болѣе поразительными, болѣе наводящими на размышленіе, чѣмъ предыдущіе. Вы узнаете, напр., что крестьянинъ обрабатываетъ не свою землю, а сосѣдняго помѣщика.

Здѣсь передъ вами раскрывается уже соціальное отношеніе. Вы увидите, что урожай, допустимъ, въ 40 пудовъ съ даннаго участка, долженъ быть подѣленъ между крестьяниномъ и помѣщикомъ поровну. Иначе говоря, борьба съ природой дала нашему крестьянину результатъ въ видѣ 40 пудовъ хлѣба, а соціальныя отношенія оставляютъ ему изъ нихъ только 20. Далѣе, вы узнаете, что въ истекшемъ хозяйственномъ году крестьянинъ проѣлъ весь свой хлѣбъ, и ему пришлось занять для посѣва 10 пудовъ сѣмянъ, за что кредиторъ требуетъ послѣ сбора жатвы дать ему лишній пудъ сѣмянъ; наконецъ, для васъ обнаружилось, что, какъ членъ обширнаго государственнаго союза, крестьянинъ вынужденъ будетъ отдать извѣстную долю изъ собраннаго имъ хлѣба въ видѣ налоговъ и вообще всякаго рода обязательныхъ сборовъ, идущихъ на покрытіе расходовъ государства, земства и сельскаго общества.

Только узнавъ всѣ эти условія, вы будете въ состояніи отдать себѣ правильный отчетъ о дѣйствительномъ положеніи крестьянина.

Итакъ, политическая экономія имѣетъ предметомъ своего изслѣдованія общественныя отношенія людей, возникающія на почвѣ ихъ хозяйственной дѣятельности, т.-е. усилій, направленныхъ на удовлетвореніе разнаго рода потребностей матеріальными средствами.

Чтобы лучше понять основной характеръ хозяйственной дѣятельности, намъ необходимо изучать ее не у одного какого-либо народа и не въ одну какую-либо эпоху, а охватить всѣ относящіяся сюда явленія въ процессѣ ихъ историческаго движенія;

говоря иными словами, намъ необходимо уяснить себѣ хозяйственную дѣятельность, какъ нѣчто измѣнчивое, формирующееся, проходящее опредѣленныя фазы развитія.

Я не ставлю своей задачей дать характеристику процесса историческаго развитія хозяйственной дѣятельности человѣческихъ обществъ въ его цѣломъ, а попытаюсь лишь въ самыхъ общихъ чертахъ намѣтить главныя формы, въ которыя отливалось общественное хозяйство, главныя ступени его послѣдовательнаго развитія. Для этой цѣли мы можемъ воспользоваться классификаціей послѣдовательныхъ ступеней развитія общественнаго хозяйства, предложенной извѣстнымъ нѣмецкимъ ученымъ Бюхеромъ.

Точка зрѣнія, съ которой, по мнѣнію Бюхера, лучше всего можно выдѣлить основные типы хозяйственной организаціи, дается самой сущностью процесса экономической дѣятельности. Приглядываясь къ этому процессу, мы найдемъ, что онъ совершается между двумя крайними полюсами— производствомъ и потребленіемъ. Люди создаютъ матеріальныя средства и съ помощью ихъ удовлетворяютъ свои потребности, потребляя эти средства, — такова сущность человѣческаго хозяйства. Очевидно, что между указанными конечными моментами должно лежать извѣстное разстояніе. Этимъ разстояніемъ, т.-е. характеромъ связи, устанавливающейся въ данномъ обществѣ между производствомъ и потребленіемъ, и объясняются, по мнѣнію Бюхера, существенныя различія въ строѣ человѣческаго хозяйства въ различные періоды его историческаго развитія,

Основываясь на указанномъ принципѣ, Бюхеръ предлагаетъ классификацію общественнаго хозяйства по тремъ существеннымъ формамъ, смѣнявшимъ другъ друга въ историческомъ процессѣ: 1) ступень замкнутаго домашняго хозяйства (хозяйство безъ обмѣна), на которой блага потребляются въ томъ же самомъ хозяйствѣ, въ которомъ они произведены; 2) ступень городского хозяйства (непосредственный обмѣнъ), на которой блага переходятъ непосредственно изъ производящаго хозяйства въ потребляющее; 3) ступень народнаго хозяйства (товарный обмѣнъ), на которой блага обыкновенно проходятъ чрезъ цѣлый рядъ хозяйствъ, прежде чѣмъ поступятъ къ потребленію.

Указанная схема представляетъ наибольшія удобства еще и потому, что въ ней укладываются и различія во взаимныхъ отношеніяхъ между лицами, участвующими въ хозяйственной дѣятельности.

Ступень замкнутаго домашняго хозяйства характеризуется системой рабства и крѣпостничества; ступень городского хозяйства — системой свободной экономической дѣятельности мелкихъ самостоятельныхъ ремесленниковъ; ступень народнаго хозяйства—системой крупнаго производства, основанной на сосредоточеніи средствъ производства въ рукахъ крупныхъ капиталистовъ и на свободномъ юридически трудѣ наемныхъ рабочихъ.

Если оставить въ сторонѣ наиболѣе раннія и наименѣе извѣстныя формы человѣческаго существованія, то можно начать обозрѣніе послѣдовательнаго развитія хозяйственной дѣятельности съ

образованія замкнутаго домашняго хозяйства большой патріархальной (или матріархальной) семьи. Такая форма экономическихъ отношеній существовала, какъ господствующій типъ, въ теченіе весьма долгаго времени и до сихъ поръ не окончательно еще вытѣснена новѣйшимъ хозяйственнымъ развитіемъ даже изъ жизни европейскихъ народовъ.

Первобытная семейная группа, основанная вначалѣ на господствѣ и руководительствѣ матери (матріархатъ), затѣмъ — отца (патріархальная семья), составляла основную хозяйственную единицу и вмѣстѣ съ тѣмъ вообще отграничивала собой кругъ хозяйственныхъ отношеній.

Экономическая дѣятельность того времени почти цѣликомъ сосредоточивалась въ предѣлахъ такой замкнутой группы. Между производствомъ и потребленіемъ продуктовъ не было никакихъ промежуточныхъ ступеней: семья сама производила все, необходимое для ея членовъ, и все потребляла. Производительное и потребительное (домашнее) хозяйства при такомъ порядкѣ совершенно не отдѣляются другъ отъ друга, образуя неразрывную цѣпь объединенныхъ процессовъ. Обмѣнъ между отдѣльными хозяйствами вначалѣ совсѣмъ неизвѣстенъ, но и впослѣдствіи, когда онъ мало-помалу начинаетъ возникать, онъ имѣетъ лишь случайный характеръ, почти не затрогивая главныхъ основаній хозяйственной дѣятельности самостоятельныхъ семей. Обмѣниваются излишками — и то чрезвычайно рѣдко, съ трудомъ опредѣляютъ сравнительную цѣнность обмѣниваемыхъ предметовъ, потому что самаго мѣрила цѣнности, въ его наиболѣе точной формѣ — металлической монеты —

еще не существуетъ. Мѣновая сдѣлка представляется какимъ-то крайне сложнымъ и опаснымъ дѣломъ, приступая къ которому надо непремѣнно предполагать возможность обмана со стороны другихъ лицъ, вступающихъ въ сдѣлку. Поэтому совершеніе акта обмѣна ставится подъ особую защиту закона, требующаго присутствія свидѣтелей, произнесенія торжественныхъ символическихъ формулъ и т. д. Естественно, что, при выполненіи главныхъ хозяйственныхъ задачъ того времени цѣликомъ силами замкнутой семьи, процессъ раздѣленія труда устанавливается не между отдѣльными семьями, а въ ихъ предѣлахъ, среди ихъ членовъ. Сообразно различіямъ возраста, пола, индивидуальной силы и способностей, отдѣльные члены данной семейной группы выполняли разнообразныя работы; одни изготовляли орудія, другіе пускали ихъ въ дѣло, третьи ухаживали за скотомъ, четвертые заботились объ организаціи домашняго потребленія и хозяйства.

Конечно, говоря о «семьѣ», мы имѣемъ передъ собой въ данномъ случаѣ общественную группу, неоравненно болѣе крупную и сложную, чѣмъ семья въ современныхъ намъ культурныхъ обществахъ. Патріархальный семейный союзъ включалъ въ себя такіе элементы, которые въ настоящее время сошершенно обособлены. Напр., изъ описанія дворца Пріама Гомеромъ мы видимъ, что залу царя окружали 50 комнатъ, гдѣ жили его сыновья съ женами и дѣтьми. И теперь еще въ Китаѣ и Индіи семьи, живущія въ одномъ дворѣ, насчитываютъ очень часто по 16—40 человѣкъ, славянская «задруга»—20—25 членовъ; и до сихъ поръ сохраняю-

щій еще свою изолированность альпійскій крестьянскій дворъ часто включаетъ 12—18 лицъ [1]). Но помимо болѣе широкаго круга лицъ, соединенныхъ родственными или, лучше сказать, родовыми узами, патріархальная семья содержала въ себѣ и чуждые по крови элементы, прикованные къ ней принудительнымъ подчиненіемъ, именно рабовъ. Въ этомъ послѣднемъ условіи и заключается основная причина продолжительности историческаго существованія строя замкнутаго домашняго хозяйства. Благодаря институту рабства, ослабленіе родовыхъ связей и постепенное разложеніе крупныхъ патріархальныхъ семей на мелкія группы не повлекло за собой коренныхъ перемѣнъ въ характерѣ экономической дѣятельности.

Внѣ пользованія трудомъ рабовъ для болѣе широкаго выполненія хозяйственныхъ задачъ открывался единственный путь: свободная кооперація отдѣльныхъ семей. Мы имѣемъ не мало свидѣтельствъ о фактическомъ примѣненіи этого способа въ случаяхъ обширной охоты, рыбной ловли, расчистки дикихъ лѣсныхъ мѣстъ, постройки большихъ судовъ и т. п. [2]), но главнымъ русломъ, по которому потекла экономическая жизнь всѣхъ извѣстныхъ намъ древнихъ культурныхъ обществъ, было все-таки рабство. Мы не будемъ останавливаться здѣсь на причинахъ, вызвавшихъ это явленіе и способствовавшихъ его дальнѣйшему развитію;

---

1) См. *Gustav Schmoller*, Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre. I. Leipzig, 1900, стр. 241.

2) Относительно примѣненія принципа коопераціи въ первобытныхъ обществахъ см. въ особ. *Зибера*: «Очерки первобытной культуры».

отмѣтимъ лишь, что на почвѣ рабства явилась возможность расширенія сферы хозяйственной дѣятельности, оставаясь при прежнемъ строѣ замкнутаго домашняго хозяйства.

Насколько институтъ рабства способствовалъ расширенію хозяйственной дѣятельности отдѣльныхъ семей, показываетъ хотя бы исторія древняго Рима.

Въ настоящее время только съ большимъ усиліемъ воображенія мы можемъ представить себѣ всю сложность хозяйственной дѣятельности, развивавшейся внутри богатаго рабовладѣльческаго дома. Указываютъ, что существовало около полутораста названій для разнообразныхъ функцій, выполнявшихся рабами въ богатыхъ римскихъ домахъ. Право собственности и безпредѣльнаго распоряженія трудомъ массы несвободныхъ людей создавало гигантскій механизмъ римскаго рабовладѣльческаго домохозяйства, на фонѣ котораго фигура римскаго богача выступала въ грандіозныхъ очертаніяхъ, совершенно не соотвѣтствовавшихъ его личнымъ силамъ. Опираясь на цѣлый штатъ прекрасно дисциплинированныхъ и обученныхъ рабовъ, господинъ владѣлъ огромнымъ могуществомъ, о размѣрахъ котораго мы можемъ судить по слѣдующей мастерской характеристикѣ извѣстнаго уже намъ ученаго Бюхера: «Прежде всего передъ нами выступаетъ familia rustica, служившая производительнымъ цѣлямъ: въ каждомъ имѣніи есть управляющій и его помощникъ, со штабомъ надсмотрщиковъ и мастеровъ, въ распоряженіи которыхъ находится большое число рабочихъ на поляхъ, виноградникахъ, пастуховъ и скотниковъ, челяди въ кухнѣ и домѣ, прядильщицъ,

ткачей и ткачихъ, валяльщиковъ, портныхъ, плотниковъ, столяровъ, рабочихъ, производившихъ металлическія издѣлія, и рабочихъ, занятыхъ сельскохозяйственными промыслами. Familia urbana дѣлится на персоналъ управляющій и персоналъ для услугъ господину и госпожѣ, какъ въ домѣ, такъ и внѣ его. Здѣсь прежде всего отмѣтимъ завѣдующаго имуществомъ съ кассиромъ, бухгалтерами, управляющими домами, сдаваемыми внаемъ, закупщиками и т. п. Особый персоналъ несвободныхъ чиновниковъ и рабочихъ имѣется на тотъ случай, если господинъ беретъ въ аренду государственную землю или снаряжаетъ корабли. Внутри дома служатъ: домоправитель, привратники, сторожа для комнатъ и сторожа для залъ, хранители мебели, хранители серебра, гардеробщики; хозяйскіе припасы находятся въ вѣдѣніи домашняго гофмейстера, ключника, смотрителя за кладовой; въ кухнѣ тѣснится большая толпа поваровъ, истопниковъ, пекарей хлѣба, пироговъ, паштетовъ; за столомъ прислуживаютъ особые слуги: обязанность однихъ накрывать на столъ, другихъ — накладывать кушанье, третьихъ — пробовать, четвертыхъ — наливать вино; за ѣдой гостей увеселяетъ толпа красивыхъ мальчиковъ, танцовщицъ, карликовъ и шутовъ. Для личныхъ услугъ къ господину приставлены: церемоніймейстеръ, на обязанности котораго лежитъ вводить гостей, различные камердинеры, купальщики, слуги для втиранія мазей, слуги, обтирающіе господъ, домашніе хирурги, врачи чуть ли не для каждой части тѣла, брадобреи, чтецы, домашніе секретари и т. п. Для домашняго же обихода держатъ ученаго или философа, архитектора, живо-

писца, скульптора, музыкальную капеллу; въ библіотекѣ занимаются переписчики, гладильщики пергамента, переплетчики; ихъ трудъ подъ руководствомъ библіотекаря составляетъ собственное домашнее производство книгъ. Когда господинъ появляется гдѣлибо въ публичномъ мѣстѣ, передъ нимъ шествуетъ толпа рабовъ (anteambulones), другая толпа слѣдуетъ за нимъ (pedisequi); nomenclator называетъ ему имена встрѣчныхъ, которыхъ надлежитъ привѣтствовать; собственные distributores и tesserarii распредѣляютъ въ народѣ подачки и даютъ избирательный пароль... Эта система избирательнаго давленія восполняется устройствомъ зрѣлищъ, состязаній колесницъ, борьбы звѣрей, игръ гладіаторовъ; для этихъ зрѣлищъ заготовляется особая группа рабовъ... Человѣческія силы, — заканчиваетъ Бюхеръ, — растрачивались съ невѣроятной расточительностью; въ концѣ концовъ, при помощи этого тысячерукаго организма замкнутаго домашняго хозяйства, поддерживаемаго грандіозной системой дисциплины и воспитанія, личная сила рабовладѣльца удесятерялась, и это обстоятельство помогало кучкѣ аристократовъ господствовать надъ полуміромъ».

Конечно, не слѣдуетъ думать, будто системой замкнутаго домашняго хозяйства исчерпывались тогда всѣ хозяйственныя отношенія. Не только Греція и Римъ, но и государства древняго Востока знали уже многія хозяйственныя явленія, далеко выходящія за предѣлы охарактеризованной нами экономической организаціи. Торговля и въ то время совершалась уже въ весьма широкихъ размѣрахъ, а съ ней все болѣе и болѣе вторгалась въ жизнь система денежнаго хозяйства. Появлялись зачатки

торгово-промышленнаго кредита; коммерческія сдѣлки, съ увеличеніемъ торговаго обмѣна, пріобрѣтали все болѣе свободный характеръ. Юридическія нормы, касающіяся хозяйственнаго оборота, успѣли настолько очиститься отъ прежнихъ стѣснительныхъ ограниченій, что новѣйшіе европейскіе юристы могли принять ихъ за образецъ для регулированія мѣновыхъ отношеній современнаго намъ экономическаго строя.

Тѣмъ не менѣе эта сторона хозяйственной жизни древнихъ не развилась настолько, чтобы устранить преобладающія черты стараго хозяйственнаго порядка, а послѣ крушенія римской государственности новые народы, пришедшіе на смѣну античнымъ, долго еще оставались также на стадіи замкнутаго домашняго хозяйства [1]).

Указанныя черты хозяйственной организаціи наблюдаются и въ средневѣковомъ общественномъ строѣ, основанномъ на крѣпостномъ трудѣ. Барскій дворъ, къ которому тяготѣютъ крѣпостныя деревни, представляется характернымъ типомъ средневѣковаго деревенскаго хозяйства. Здѣсь также все производится и потребляется въ границахъ господства вла-

[1]) Схема Бюхера встрѣтила рѣзкія возраженія со стороны, спеціалистовъ, историковъ древности, въ особенности Эд. Мейера и Белоха, которые указываютъ на значительное развитіе торговли и крупнаго производства во время хозяйственнаго расцвѣта Греціи и Рима. Но эти возраженія (направляемыя по пути и противъ Родбертуса) идутъ мимо цѣли, потому что всякая схема общественнаго развитія, а тѣмъ болѣе захватывающая столь крупныя эпохи, по необходимости должна быть упрощенной, по сравненію со всей сложностью дѣйствительныхъ отношеній. А каковы бы ни были цифры торговыхъ оборотовъ Пирейской гавани въ V в. до Р. Х.

стелина, и вся экономическая дѣятельность группы лицъ, объединенныхъ узами крѣпостныхъ отношеній къ данному владѣльцу, тяготѣетъ къ единому центру, управляется единой руководящей волей. Обмѣнъ здѣсь также представляетъ второстепенное явленіе, и самые оброки, выполняемые крѣпостными, имѣютъ форму натуральныхъ продуктовъ (хлѣба, шерсти, скота, меду, вина, лѣсного матеріала, ремесленныхъ издѣлій — сукна, полотна, башмаковъ, ножей, бочекъ и т. п.). Такіе экономическіе порядки наблюдались и въ нашемъ отечествѣ въ эпоху крѣпостного права. Господство натуральнаго хозяйства, сосредоточеннаго вокругъ барскаго дома, отражалось и во многихъ сторонахъ жизни, представляющихъ на первый взглядъ лишь проявленіе общихъ психологическихъ чертъ человѣческой природы. Такъ, знаменитое русское гостепріимство и хлѣбосольство представляетъ естественный продуктъ крѣпостническаго хозяйственнаго строя, когда въ рукахъ одного человѣка сосредоточивается масса запасовъ, по преимуществу, въ натуральной формѣ, которые трудно

или размѣры предпріятій у нѣкоторыхъ лицъ въ нѣкоторыхъ греческихъ городахъ того времени, — основное положеніе Бюхеровой схемы, что замкнутое хозяйство составляло наиболѣе характерный экономическій типъ у античныхъ народовъ, остается непоколебленнымъ. Уже одинъ фактъ, что въ самыя цвѣтущія времена Греціи и Рима производство, а въ особенности крупное, основывалось на *рабскомъ* трудѣ должны были бы отбить охоту разыскивать въ древнемъ мірѣ аналогіи съ современнымъ капиталистическимъ хозяйствомъ. См. *Ed. Meyer*, Die wirtschaftliche Entwicklung des Altertums, Jahrb. f nat. Oek. u. Stat., 1895 (есть русскій перев., изд. Водовозовой) и *J. Beloch*. Zur griechischen Wirtschaftsgeschichte. Zeitschr. f. Socialwissenschaft. 1902.

обратить въ деньги и которые лучше всего потребить въ кругу пріятелей и прихлебальщиковъ. Самая скупость и разсчетливость того времени принимала нелѣпую форму плюшкинской скаредности, въ силу которой помѣщикъ гноилъ огромное количество натуральныхъ запасовъ въ своихъ кладовыхъ, не обогащаясь самъ и не облегчая труда своимъ крѣпостнымъ.

Итакъ, существенными чертами крѣпостного хозяйства было такъ же, какъ и въ древности, непосредственное отношеніе между производствомъ и потребленіемъ, потребленіе главной массы продуктовъ въ предѣлахъ производящей группы. Конечно, было бы ошибкой и въ данномъ случаѣ, какъ и при оцѣнкѣ хозяйственнаго строя античныхъ народовъ, полагать, что замкнутымъ хозяйствомъ барщиннаго двора исчерпывались всѣ экономическія явленія средневѣковой жизни; тамъ параллельно существуютъ и другія формы хозяйственной дѣятельности. Такъ, въ средніе вѣка была довольно развита торговля такими продуктами, которые приходилось привозить издалека, какъ, напр., мѣха, соленая рыба, вино. Съ другой стороны, въ это время существовало и обособленное отъ деревни и феодальной власти помѣщика самостоятельное городское ремесленное хозяйство. Это послѣднее въ средніе вѣка успѣло уже опредѣлиться настолько рельефными чертами, что мы можемъ разсматривать его какъ особый, болѣе развитой сравнительно съ предыдущимъ типъ хозяйственной организаціи. Существованіе свободныхъ ремесленниковъ можно отмѣтить и въ болѣе ранніе періоды человѣческой исторіи, но городская жизнь средневѣковья представляетъ на-

столько характерныя черты, что на ней мы всего лучше можемъ выяснить сущность этого новаго экономическаго порядка.

Хозяйство города, слагающагося изъ свободныхъ ремесленниковъ, основывается на дальнѣйшемъ расширеніи круга экономическихъ отношеній; производительное и потребительное хозяйства здѣсь отдѣляются другъ отъ друга путемъ установленія прямого обмѣна между производителемъ и потребителемъ. Ремесленникъ производитъ продуктъ, въ которомъ самъ онъ не нуждается (или нуждается въ незначительной части общей массы производимыхъ имъ предметовъ), но онъ не выноситъ своего продукта на рынокъ неизвѣстнаго ему круга покупателей, а изготовляетъ его на заказъ. Отношенія между производителемъ и потребителемъ имѣютъ вполнѣ непосредственный характеръ; не требуется ни торговца, ни биржи, ни сложныхъ средствъ транспорта. Районъ, въ предѣлахъ котораго находились покупатели городскихъ произведеній, захватывалъ незначительное пространство вокругъ рыночнаго центра, въ нѣсколько деревень, изъ которыхъ въ теченіе одного дня можно было добраться до города и вернуться обратно. Тѣмъ не менѣе, сравнительно съ выше охарактеризованной формой замкнутаго хозяйства, городское ремесленное хозяйство имѣло болѣе широкій кругъ отношеній; въ немъ сталкивались два обособившихся строя жизни — городской и деревенскій, соединенные общими узами раздѣленія труда и обмѣна продуктовъ. Въ силу непосредственной и постоянной связи городского ремесленника съ заказчикомъ, въ первомъ развивалось чувство моральной отвѣтственности, выражав-

шейся въ обязанности мастера поставлять «справедливую» работу. Этотъ этическій элементъ поддерживался и въ отношеніяхъ мастеровъ другъ къ другу (гильдіи, цехи) и къ подчиненнымъ имъ лицамъ — подмастерьямъ и ученикамъ. Первоначально эти послѣдніе входили какъ бы въ составъ семьи мастера, относились къ нему не какъ къ представителю иного общественнаго класса, а только какъ къ болѣе старшему и опытному товарищу. И ученикъ и подмастерье сами становились черезъ извѣстное количество лѣтъ путемъ обученія мастерству самостоятельными мастерами.

Такой строй отношеній существовалъ, однако, недолго, такъ какъ въ немъ коренились противорѣчивые элементы, развитіе которыхъ неизбѣжно должно было повести къ упадку цеховой жизни.

Цеховая организація основывалась на двухъ противоположныхъ принципахъ — внутренней свободы и самоуправленія, съ одной стороны, и подчиненія внѣшней власти территоріальнаго владѣльца — съ другой. Крупные феодалы охотно привлекали къ своимъ резиденціямъ искусныхъ ремесленниковъ и давали имъ извѣстныя привилегіи. Главной изъ этихъ привилегій была личная свобода городскихъ поселенцевъ, откуда бы они ни появлялись. «Городской воздухъ дѣлалъ свободнымъ», какъ говоритъ средневѣковая поговорка.

Однако власть сюзерена во многихъ городахъ оставалась, ограничивая въ томъ или иномъ отношеніи корпоративныя права цеховъ. Полной автономіи не было нигдѣ [1]). Но и въ предѣлахъ самой

[1]) Handbuch der Politischen Oekonomie, изд. Schönberg'омъ, ст. *Schönberg'a*, Gewerbe, I Theil, 4 изд., 1-й полутомъ второго тома, стр. 543 (Tübingen, 1896).

цеховой организаціи не было дѣйствительной равноправности: господствующее положеніе занимали въ нихъ мастера-хозяева, которые естественно должны были поставить себя въ болѣе благопріятныя условія сравнительно съ младшими членами цеховъ, какъ только это стало выгодно. Отсюда понятно, что цехи могли сохранять свою первоначальную организацію, лишь поскольку она не противорѣчила интересамъ наиболѣе сильныхъ элементовъ общества. Въ XVI и въ особенности въ XVII в. счастливыя времена цеховой жизни исчезаютъ безвозвратно. Городской воздухъ становится мало благопріятнымъ для свободы, и тяжелая рука бывшаго феодальнаго сюзерена, который успѣлъ уже превратиться въ могущественнаго абсолютнаго монарха (если не уступилъ мѣста болѣе сильному сосѣду), начинаетъ чувствоваться все сильнѣе и сильнѣе. Съ другой стороны, измѣнилось и отношеніе мастеровъ къ рабочимъ; развитіе денежнаго хозяйства создало почву для образованія болѣе крупныхъ предпріятій, и мастера воспользовались нормами цехового права съ тѣмъ, чтобы поставить себя въ исключительно-привилегированное положеніе по сравненію съ ихъ подмастерьями и учениками. Между послѣдними и ихъ хозяевами образуется уже глубокая разница въ общественномъ положеніи и въ перспективахъ на будущее, и съ тѣмъ самымъ отношенія ихъ изъ мирно-патріархальныхъ переходятъ въ открытую вражду. Возникаютъ частые протесты, стачки, коалиціи противъ хозяевъ и пр. Наступаетъ время упадка цеховой организаціи. И вмѣстѣ съ тѣмъ появляются признаки новаго хозяйственнаго строя, который не закончилъ еще цикла своего раз-

витія и по настоящее время даже въ наиболѣе передовыхъ странахъ Европы, именно капиталистическаго хозяйства.

Время открытій и изобрѣтеній создало, какъ извѣстно, коренной переворотъ въ экономической и политической организаціи европейскихъ народовъ. Оно сообщило могущественный стимулъ развитію тѣхъ отношеній, зародыши которыхъ существовали уже и раньше, но не находили благопріятныхъ условій для дальнѣйшаго роста. Напримѣръ, капиталистическая домашняя промышленность существовала задолго до XVI вѣка даже въ довольно отсталыхъ по экономической культурѣ мѣстностяхъ; она не имѣла только почвы для широкаго развитія. Нѣкоторые нѣмецкіе ремесленники работали уже въ средніе вѣка для экспорта въ другія государства Германіи и даже за ея предѣлы. Ахенскія сукна, гамбургское пиво, разнообразныя издѣлія золотыхъ дѣлъ мастеровъ находили себѣ внѣшній рынокъ еще въ XV вѣкѣ. Въ связи съ этимъ экспортомъ возникъ особый классъ капиталистовъ-скупщиковъ, которые первоначально концентрировали торговлю, а затѣмъ стали проникать въ самую промышленность, заставляя работать мастеровъ надъ ихъ матеріалами. Въ XVI столѣтіи такая форма примитивной капиталистической промышленности встрѣчается въ Германіи уже довольно часто [1]).

Развитіе морской торговли открывало новые пути для образованія торговаго капитала, который и въ данномъ случаѣ находилъ возможность для обращенія къ промышленной дѣятельности. Участники монопольныхъ торговыхъ компаній, наживавшіе

---

[1]) *Schönberg*, указ. соч. стр. 552.

огромные капиталы на эксплуатаціи вновь открытыхъ странъ, обратились къ устройству крупныхъ промышленныхъ предпріятій, когда это стало выгодно. Въ этомъ переходѣ европейскихъ государствъ въ XVI, XVII и XVIII вв. отъ мелкой замкнутой системы домашняго хозяйства и ремесленно-цеховой организаціи къ крупному капиталистическому производству и обращенію не малую роль играли потребности централизованной государственной власти. Крупная абсолютная монархія XVII и XVIII вв. не могла существовать безъ поддержки капиталистическихъ предпріятій; ей нужны были деньги для содержанія арміи и оплачиваемаго чиновничества, а средства страны, опирающейся на первобытное земледѣліе и ремесло, конечно, были для этого недостаточны. Отсюда государственное поощреніе крупному капитализму, выразившееся въ системѣ такъ называемой меркантильной политики. Наиболѣе типичное выраженіе эта система нашла себѣ въ мѣрахъ Кольбера, министра абсолютнѣйшаго изъ правителей — «короля-солнца». Не даромъ историкъ французской промышленности Левассеръ называетъ Кольбера «организаторомъ абсолютной монархіи» [1]).

Кольберъ старался создать для развитія національной промышленности наиболѣе благопріятныя условія, какія были возможны безъ ущерба для абсолютной власти монарха. Онъ заботился объ устройствѣ усовершенствованныхъ путей сообщенія, отмѣнилъ стѣснительныя таможенныя преграды внутри страны, между ея отдѣльными областями, устраи-

[1]) *Levasseur*. Histoire des classes ouvriéres en France томъ 2, стр. 169.

валъ удобные морскіе порты и выдавалъ преміи на вывозимыя за границу издѣлія, и въ то же время преграждалъ путь во Францію иностраннымъ мануфактурнымъ товарамъ, назначая на нихъ высокія таможенныя пошлины.

Такъ возникли во Франціи крупныя капиталистическія мануфактуры, главнымъ образомъ, въ текстильной промышленности [1]). Такая же система промышленной политики примѣнялась и въ другихъ европейскихъ государствахъ въ XVII и XVIII вв. Повсюду крупная торговля и крупная промышленность пользовались поощреніемъ государственной власти.

Однако, поощряя развивающуюся промышленность, государственная власть имѣла въ виду, конечно, прежде всего свои собственные интересы, а съ другой стороны, она не могла отрѣшиться отъ пріемовъ управленія, свойственныхъ абсолютизму. Мелочное вмѣшательство бюрократіи, придирчивый и стѣснительный контроль, всего менѣе умѣстный въ такомъ измѣнчивомъ дѣлѣ, какъ промышленная дѣятельность, вскорѣ стали невыносимы для успѣвшей уже окрѣпнуть крупной буржуазіи [2]).

[1]) Какъ велики были уже во время Кольбера французскія мануфактуры, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ. Въ Эльбёфѣ во всѣхъ суконныхъ мануфактурахъ было занято около 3.000 лицъ, въ Лувье — 1.900 и т. д. Въ Руанѣ одинъ негоціантъ имѣлъ капиталъ отъ 5 до 6 милліоновъ ливровъ (Legendre). Въ Парижѣ въ XVII в. считалось около 200 купцовъ, каждый съ капиталомъ болѣе 500.000 ливровъ и т. д. *Levasseur,* указ. соч., стр. 261—264.

[2]) Насколько стѣснительны были для капиталистовъ мѣры меркантильной политики, можно видѣть хотя бы изъ поста-

Конецъ XVIII и начало XIX вв. отмѣчены борьбой буржуазіи противъ стараго режима. Система регламентаціи и опеки смѣнилась системой политической и промышленной свободы. Къ этому времени относится и техническое развитіе промышленности, связанное съ крупными изобрѣтеніями конца XVIII в. (изобрѣтеніе машинъ въ текстильной промышленности и примѣненіе двигательной силы пара). Съ этого времени дальнѣйшее развитіе капитализма совершается болѣе быстрымъ темпомъ; новая форма экономической дѣятельности принимаетъ тогда болѣе опредѣленный видъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней начинаютъ уже намѣчаться черты будущаго экономическаго порядка. Выдвинувъ на первый планъ исторической жизни буржуазію, новая эпоха не создала этимъ новаго общественнаго класса, она только закрѣпила и упрочила его господство. Но вмѣстѣ съ нимъ, въ силу распространенія политической свободы на всѣ классы общества и въ связи съ усиливающейся концентраціей производства въ крупныхъ предпріятіяхъ, впервые выступилъ, какъ дѣятельная прогрессивная сила, классъ промышленныхъ рабочихъ. Отсюда новыя отношенія между классами, новая борьба и новые успѣхи прогресса.

новленія, изданнаго Кольберомъ (arrêt du 24 décembre 1670), по которому выработка матерій, несоотвѣтствующихъ обязательнымъ регламентамъ, каралась въ первый разъ — выставленіемъ такихъ издѣлій у позорнаго столба съ обозначеніемъ имени мануфактуриста, во второй разъ — выговоромъ и въ третій разъ—выставкой у позорнаго столба самого мануфактуриста. *Levasseur*, II, стр. 190.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній мы можемъ уже перейти къ характеристикѣ развитого капиталистическаго хозяйства, какъ своеобразной формы экономической организаціи. При этомъ мы не должны упускать изъ виду, что имѣемъ дѣло съ живымъ, измѣняющимся и формирующимся на нашихъ глазахъ процессомъ общественныхъ отношеній.

Чѣмъ же характеризуется эпоха развитого капитализма въ отличіе отъ разсмотрѣнныхъ уже нами эпохъ замкнутаго домашняго хозяйства и ремесленнаго производства?

Въ сферѣ производства мы находимъ преобладаніе крупнаго капитала, опирающагося технически на примѣненіе машинъ. Крупное машинное производство мало-по-малу вытѣсняетъ мелкое—ремесленное и домашне-кустарное, имѣя привилегію въ улучшенныхъ сравнительно способахъ производства и болѣе выгодныхъ условіяхъ сбыта продуктовъ.

Въ Англіи въ прядильной промышленности побѣда крупнаго машиннаго производства надъ мелкимъ ручнымъ совершилась еще въ XVIII в. Толчокъ техническимъ усовершенствованіямъ этой промышленности былъ данъ незначительнымъ сравнительно изобрѣтеніемъ «летающаго челнока» (fly-shuttle) въ ткачествѣ. Ткачи могли вырабатывать вдвое большее количество ткани, чѣмъ прежде, и прядильщики не успѣвали подготовить столько пряжи, сколько было нужно. Дороговизна пряжи побудила одного ткача (Харгревса) изобрѣсти (въ 1764 году) прядильную машину (Дженни) изъ 8 веретенъ, вставленныхъ въ раму и приводимыхъ въ

движеніе однимъ колесомъ, при чемъ пальцы прядильщика замѣнялись подвижной «кареткой». Впослѣдствіи число веретенъ въ рамѣ было увеличено до 20, 30 и 120.

Сначала Харгревсъ пользовался только самъ своимъ изобрѣтеніемъ, но затѣмъ сталъ дѣлать и продавать свои «Дженни» другимъ ткачамъ; несложность механизма способствовала широкому распространенію машины, такъ какъ ее легко можно было сдѣлать простой ручной работой. Харгревсъ не могъ поэтому обезпечить себѣ пользованія своими патентными правами и умеръ, какъ говоритъ историкъ англійской хлопчато-бумажной промышленности, «не получивъ ни малѣйшаго вознагражденія за свое цѣнное изобрѣтеніе» [1]). Дальнѣйшее усовершенствованіе прядильнаго дѣла связано съ именемъ Аркрайта (имѣвшаго цѣлый рядъ менѣе счастливыхъ предшественниковъ), изобрѣвшаго «прядильную раму» «или водяную раму» (water-frame), такъ какъ она приводилась въ движеніе водой (въ 1768 — 71 гг.). Благодаря этому изобрѣтенію, хлопчато - бумажное ткачество освободилось отъ необходимости употреблять льняную основу, такъ что потребленіе хлопчато - бумажной пряжи соотвѣтственно расширилось. Наконецъ Кромптонъ комбинировалъ принципы машинъ Харгревса и Аркрайта, создавъ такъ называемую «mule» (въ 1774—1779 гг.), съ помощью которой стало возможно выдѣлывать изъ хлопка основу для самыхъ тонкихъ тканей [2]).

---

1) *Thomas Ellison*, The Cotton Trade of Great Britain. London 1886, стр. 17.

2) *Ellison*, указ. соч., стр. 19—38.

Этими изобрѣтеніями и открывается новая эра въ прядильной промышленности Англіи; ручное пряденіе исчезаетъ безъ слѣда, и прядильщикъ становится типичной фигурой рабочаго крупной промышленности, получающаго высокую заработную плату, наклоннаго къ энергичной защитѣ своихъ интересовъ, къ участію въ политической жизни и т. д.

Въ ткацкой промышленности техническій прогрессъ совершался медленнѣе. Въ 1785 г. священникъ Картрайтъ изобрѣлъ механическій ткацкій станокъ, но эта машина страдала многими несовершенствами, такъ что ручное ткачество продолжало существовать. Только въ 30 и 40 гг. XIX ст. были произведены существенныя улучшенія въ механическомъ станкѣ, и съ той поры ручное ткачество быстро вымираетъ. Медленное распространеніе машиннаго производства въ ткацкомъ дѣлѣ было причиной того, что переходное бѣдственное время для ручныхъ ткачей стало хроническимъ. Они могли держаться противъ машины сравнительно долго, но эта борьба стоила имъ чрезвычайныхъ лишеній. Они удлинили до крайнихъ предѣловъ свой рабочій день и все-таки зарабатывали такъ мало, что могли жить только впроголодь. Въ Больтонѣ ручные ткачи въ 1800 году имѣли еще чистый недѣльный заработокъ въ 15 шилл. 6 пенсовъ; въ 1834 г. онъ понизился до 4 шилл. $1^1/_2$ пенсовъ; въ Глазго заработокъ ручныхъ ткачей понизился съ 14 шилл. въ 1797 году до 7 шилл. 6 пенс. въ 1833 и т. д. [1]).

[1]) *Bowley*, Wages in the United Kingdom in the XIX century. Cambridge, 1900, стр. 112. Подробныя свѣдѣнія объ упадкѣ ручного ткачества см. въ старой работѣ *Maxwell*, Manual labour versus machinery etc. London, 1834 (рѣчь въ парламентѣ по вопросу о назначеніи комиссіи для изслѣдованія причинъ бѣдности 500.000 ручныхъ ткачей съ документальными приложеніями).

Такъ самостоятельное ручное производство уступило мѣсто машинному труду въ крупной промышленности. Въ личномъ составѣ участниковъ производственной дѣятельности обособились, такимъ образомъ, двѣ рѣзко различающихся другъ отъ друга группы—съ одной стороны капиталисты, владѣющіе средствами и орудіями производства, съ другой — наемные рабочіе, лишенные этихъ средствъ и предлагающіе только свою рабочую силу [1]). Далѣе среди второй категоріи мы усматриваемъ значительное количество женщинъ и дѣтей, трудъ которыхъ сталъ возможенъ благодаря широкому примѣненію машинъ, не требующихъ ни большой физической силы ни продолжительной подготовки. Въ дѣтскомъ трудѣ на фабрикахъ многіе очень долго видѣли совершенно новое явленіе, порожденное капитализмомъ. На самомъ же дѣлѣ дѣтскій трудъ примѣнялся и ранѣе, только въ меньшихъ размѣрахъ и менѣе замѣтно для образованной публики. Въ ручномъ пряденіи и ткачествѣ участвовали не только взрослые, но и дѣти; дѣти же въ большой мѣрѣ работали и на мануфактурныхъ. Но только съ той поры, когда

[1]) Машина вытѣсняла постепенно и такія формы предпріятій, которыя основывались не на трудѣ самостоятельныхъ производителей. Въ домашней промышленности, какъ мы выше упоминали, уже въ XVIII вѣкѣ можно было весьма часто встрѣтить скупщика-капиталиста или капиталиста, раздававшаго работу зависимымъ отъ него домашнимъ рабочимъ. Это были предварительныя формы крупныхъ капиталистическихъ предпріятій, которымъ также было трудно устоять противъ машиннаго фабричнаго производства. Однако онѣ и до сихъ поръ не вполнѣ еще вытѣснены изъ многихъ производствъ.

дѣтскій трудъ сталъ примѣняться къ машинному производству, къ нему обратилось вниманіе общества и были созданы нормы законодательной его защиты. Какъ велико число дѣтей, занятыхъ въ настоящее время въ фабричной промышленности и внѣ ея, можно видѣть на примѣрѣ Англіи, для которой существуютъ и лучшія данныя относительно употребленія дѣтскаго труда. По отчету «Департамента Труда» въ 1891 году въ Англіи и Уэльсѣ въ главнѣйшихъ отрасляхъ промышленности было занято дѣтей:

	Дѣтей въ возрастѣ отъ 10 до 15 лѣтъ.		
Текстильная промыш.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Всего.
Хлопчато-бумажная	39.956	52.451	92.407
Шерстяная	16.681	19.567	36.248
Смѣшанная	3.372	3.896	7.268
Льняная	206	484	690
Другія волокнистыя вещества .	1.731	514	2.245
Шелковая	1.926	3.685	5.611
Всего въ текстильной промышл.	63.872	80.597	144.469
Домашнее и личное услуженіе.	8.667	110.198	118.865
Перевозка товаровъ и передача извѣстій	96.576	2.576	99.152
Земледѣліе	71.519	1.517	73.036
Производство платья	16.619	35.020	51.639
Горная промышлен. Угольная .	31.318	249	31.567
Добываніе другихъ минерал. .	1.208	175	1.383
Пища и жилище	18.393	3.246	21.639
Строительн. и мебельн. промыш.	14.005	1.183	15.188
Неквалифицированный трудъ (General Labour)	13.081	95	13.176
Производство желѣза и стали .	10.501	472	10.973
Коммерческіе и иные клерки .	9.732	523	10.255
Всего дѣтей отъ 10 до 15 лѣтъ, *занятыхъ* хозяйств. трудомъ.	419.209	262.194	681.403
Всего *незанятыхъ* дѣтей . . .	1.191.649	1.350.515	2.542.164 [1]).

[1]) *Richmond Mayo-Smith,* Statistics and Economics, стр. 83.

Изъ этой таблицы видно, что болѣе всего было занято дѣтей въ текстильной промышленности (суммируя всѣ ея отрасли), далѣе слѣдуютъ домашнія услуги (огромное большинство приходится на дѣвочекъ) и доставка товаровъ и извѣстій (по преимуществу мальчики). Очень много мальчиковъ показано и въ земледѣліи, что еще разъ свидѣтельствуетъ о томъ, что не одна фабрика эксплуатируетъ дѣтскій трудъ (между тѣмъ на земледѣльческихъ малолѣтнихъ рабочихъ защита фабричнаго законодательства не распространяется [1]). Наконецъ довольно крупная цифра дѣтей (мальчиковъ) отмѣчена для угольной промышленности.

Мы уже упоминали, что съ усиленіемъ примѣненія дѣтскаго труда на фабрикахъ на его защиту выступило фабричное законодательство, которое установило предѣльный возрастъ для пріема дѣтей на фабрики и ограничило количество часовъ труда для тѣхъ дѣтей, которымъ разрѣшена фабричная работа. Эти мѣры не могли остаться безъ вліянія на сокращеніе количества дѣтей, занятыхъ въ промышленномъ трудѣ, съ дальнѣйшимъ развитіемъ капитализма.

Количество дѣтей до 13 лѣтъ (half-timers) на англійскихъ текстильныхъ фабрикахъ по даннымъ ценза 1891 года съ 1874 года уменьшалось слѣдующимъ образомъ:

Въ	1874	году	ихъ	было	125.886
»	1878	»	»	»	110.585
»	1885	»	»	»	91.651
»	1890	»	»	»	86.468 [2]).

[1]) Нѣкоторую защиту имъ даетъ только законодательство объ обязательномъ посѣщеніи школы.

[2]) *Mayo-Smith*, стр. 84.

Въ Соединенныхъ Штатахъ процентъ дѣтей (отъ 10 до 15 лѣтъ), занятыхъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности, упалъ съ 1880 года по 1890 съ 16,8% до 10,3%[1]).

То же самое справедливо и относительно **женскаго труда**. Фабрика расширила формы примѣненія женскаго труда, но она не создала его[2]). Въ домашней прядильной и ткацкой промышленности женщина работала съ давняго времени; такъ же велико всегда было примѣненіе женскаго труда въ швейномъ дѣлѣ. Эксплуатація принимала тамъ не менѣе угрожающія формы, чѣмъ на фабрикѣ; не меньше были и моральныя опасности; но только съ появленіемъ фабричной женской работы былъ поставленъ вопросъ объ охранѣ нравственности, здоровья и интересовъ работницы прямымъ вмѣшательствомъ государства.

Какъ велико участіе женскаго труда въ современномъ капиталистическомъ хозяйствѣ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: рассматривая данныя объ участіи мужского и женскаго труда въ десяти главнѣйшихъ отрасляхъ англійской индустріи за пятидесятилѣтіе съ 1841 по 1891 годъ, находимъ, что въ то время какъ число мужчинъ, занятыхъ въ этихъ отрасляхъ промышленности, увеличилось на 53%, число женщинъ выросло на 221%. Абсолютныя цифры, относящіяся сюда, имѣютъ слѣдующій видъ.

---

1) *Mayo-Smith*, стр. 85—86.

2) Напр., въ кружевной промышленности Франціи XVII в., созданной Кольберомъ, были заняты исключительно женщины. Онѣ считались сотнями въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ *Levasseur*, указ. соч., стр. 201—202.

Всего въ 10 отрасляхъ [1]) промышленности насчитывалось:

1841 г.		1851 г.		1861 г.	
мужч.	женщ.	мужч.	женщ.	мужч.	женщ.
1.030.600	463.600	1.324.200	997.910	1.357.200	1.150.100

1871 г.		1881 г.		1891 г.	
мужч.	женщ.	мужч.	женщ.	мужч.	женщ.
1.385.500	1.203.200	1.401.900	1.299.500	1.576.100	1.447.500

Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности участіе женщинъ еще значительнѣе; такъ, въ текстильной промышленности въ 1891 г. насчитывалось на 430.500 мужчинъ 585.600 женщинъ [2]). Въ этомъ привлеченіи женщинъ къ промышленной дѣятельности наравнѣ съ мужчинами многіе видятъ такое же соціальное зло, какъ въ примѣненіи дѣтскаго труда. Въ началѣ капиталистическаго развитія, дѣйствительно, трудъ женщинъ на фабрикѣ представлялъ во многихъ сторонахъ неутѣшительное явленіе, разстраивая нормальный ходъ семейной жизни и подрывая физическія силы женщинъ. На борьбу съ этими вредными условіями выступило фабричное законодательство, принимая женскій и дѣтскій трудъ подъ свою защиту и устанавливая для его примѣненія нормы, необходимыя съ гигіе-

---

[1]) 1) Глиняная и фаянсовая посуда; 2) топливо, газъ, химическія вещества; 3) мѣха, кожа, клей; 4) дерево, мебель, карты и т. д.; 5) бумага, клеенка и т. д.; 6) текстильныя издѣлія, крашеніе; 7) платье; 8) пища, питье, куренье; 9) часы, инструменты, игрушки; 10) печатаніе, переплетное дѣло и т. д.

[2]) *John A. Hobson*, The evolution of modern capitalism. London 1894, стр. 291 (есть рус. перев., изд. Поповой).

нической и моральной точекъ зрѣнія. Желательно, конечно, чтобы государство и далѣе развивало свою дѣятельность въ этомъ направленіи, потому что въ женскомъ фабричномъ трудѣ и теперь еще замѣчается много недостатковъ въ самыхъ передовыхъ государствахъ. Но, ограждая женщинъ отъ неблагопріятныхъ условій промышленнаго труда, современное общество не должно видѣть въ самомъ этомъ трудѣ нѣчто несвойственное женщинѣ. Вѣдь здѣсь, въ сущности, есть и другая сторона, на которую могутъ опереться прогрессивныя стремленія современной женщины, такъ какъ, участвуя въ промышленномъ трудѣ, она становится фактически равноправной съ мужчиной и можетъ завоевать себѣ самостоятельность и въ кругѣ семейныхъ отношеній. Вотъ почему самые ревностные защитники европейской работницы постоянно высказываются не за полное освобожденіе ея отъ промышленнаго труда и возвращеніе къ домашнему очагу, а лишь за гарантію нормальной обстановки ея работы, соотвѣтственно экономическимъ, моральнымъ и гигіеническимъ требованіямъ.

Среди сторонниковъ уничтоженія женскаго труда на фабрикахъ мы встрѣчаемъ по преимуществу такихъ лицъ, которыя относятся съ полнымъ отрицаніемъ къ крупнымъ капиталистическимъ предпріятіямъ, но не во имя преобразованія общества на новыхъ болѣе справедливыхъ началахъ, а изъ пристрастія къ прежнимъ, уже отжившимъ формамъ хозяйственнаго строя, въ которыхъ женщина не смѣла еще помышлять о свободѣ и самостоятельности. «Фабричная работница,— говоритъ Жюль Симонъ въ своей извѣстной книгѣ «L'ouvrière»,—

занята не особенно утомительнымъ трудомъ; помѣщеніе, гдѣ она работаетъ, лучше ея жилища; она получаетъ бо̀льшую плату, сравнительно съ домашнимъ заработкомъ за шитье и вышиванье». «Итакъ, гдѣ же зло?» — спрашиваетъ онъ. Отвѣтъ простъ: «Женщина, сдѣлавшись работницей, перестаетъ быть женщиной. Вмѣсто замкнутой, укрытой, цѣломудренной жизни, полной дорогихъ привязанностей, столь необходимой для ея и даже для нашего счастья, она живетъ подъ владычествомъ надсмотрщика, среди товарокъ сомнительной нравственности, въ постоянномъ общеніи съ мужчинами, отдѣленная отъ мужа и дѣтей»...[1]). Такія тирады можно постоянно слышать отъ людей, которые желали бы воскресить доброе старое время, когда общество дѣлилось на много замкнутыхъ кастъ, когда каждый зналъ свое мѣсто и умѣлъ слѣпо подчиняться авторитету. О томъ, что прежнія формы женскаго труда были не менѣе вредны для здоровья и не рѣже были сопряжены съ опасностью для нравственности (стоитъ вспомнить хотя бы о модисткахъ и бѣлошвейкахъ), эти противники фабричной работы женщинъ не вспоминаютъ. Не думаютъ они также и о томъ, что въ составѣ женщинъ-работницъ не мало дѣвушекъ, которыя не имѣютъ еще своего самостоятельнаго домашняго очага, и вдовъ, которымъ не откуда ждать поддержки.

Фабричная работа впервые открыла трудящейся женщинѣ перспективы самостоятельности и дѣятельности на широкой общественной аренѣ за пре-

---

1) *Jules Simon*, L'ouvrière. Paris, 1861, Préface, стр. V—VII.

дѣлами семейнаго союза. Работница, участвующая въ профессіональномъ рабочемъ союзѣ, знающая свои права при работѣ, предоставленныя ей фабричнымъ законодательствомъ, и умѣющая защищать ихъ, не потеряна для семейной жизни, а наоборотъ, внесетъ и въ семейную обстановку, въ свои отношенія къ мужу и дѣтямъ, болѣе разумныя, гуманныя и справедливыя начала, чѣмъ покорно-пассивная или забитая раба патріархальной семьи.

Итакъ, господствующимъ типомъ развитого капиталистическаго строя стало крупное производство. Особенно сильно развились, помимо крупной текстильной промышленности, горное дѣло, желѣзодѣлательная промышленность и машиностроеніе. Употребленіе парового двигателя потребовало громадныхъ количествъ каменнаго угля; для постройки машинъ и приспособленій для нихъ нужно было добывать много желѣза. Съ этимъ развитіемъ и концентраціей крупныхъ предпріятій капиталистическія страны стали мало-по-малу дифференцироваться на обособленные промышленные округа, въ каждомъ изъ которыхъ сосредоточивалась какая-либо спеціальная отрасль промышленности. Развитіе путей сообщенія открывало возможность отдаленной перевозки продуктовъ; поэтому каждая промышленность стремилась избрать себѣ мѣсто, наиболѣе удобное по естественнымъ и инымъ условіямъ. Въ Англіи, напримѣръ, хлопчато-бумажная промышленность сосредоточилась въ Ланкаширѣ, кораблестроительная — на Тайнѣ, шерстяная — въ Іоркширѣ и т. д. Въ каждомъ же изъ этихъ округовъ стали выростать промышленные центры, притягивавшіе къ себѣ населеніе изъ окрестныхъ мѣст-

ностей. Городская жизнь стала развиваться на счетъ сельской.

Если взять для примѣра изъ англійскихъ городовъ Бирмингамъ (центръ металлургической промышленности), Лидсъ (шерстяной) и Манчестеръ (хлопчато-бумажной), то легко увидимъ, какъ отражалось на ростѣ городовъ развитіе капиталистической промышленности.

Было жителей:

	въ Бирмингамѣ	въ Лидсѣ	въ Манчестерѣ
въ 1801 г.	73.000	53.000	35.000
въ 1841 г.	181.000	152.000	353.000[1]).

Обращаясь къ даннымъ относительно всего населенія Англіи, находимъ, что въ настоящееe время въ этой странѣ городское населеніе уже значительно превосходитъ сельское.

По даннымъ 1891 года въ городахъ въ Англіи жило 72% всего населенія, а въ сельскихъ мѣстностяхъ всего только 28%, т.-е. значительно менѣе одной трети. При этомъ усиленное возрастаніе городского населенія замѣчается и въ самое послѣднее время. За десятилѣтіе съ 1881 года по 1891 годъ городское населеніе возросло въ общемъ на 15,4%, а сельское — только на 3% [2]).

Такой же процессъ наблюдается и въ другихъ странахъ, ставшихъ на путь капитализма. Напр., во Франціи за пятидесятилѣтіе съ 1836 по 1886 г. населеніе городовъ увеличивалось слѣдующимъ образомъ.

---

1) *Nostitz*, Das Aufsteigen der arbeitenden Classen in England. Jena, 1900, стр. 6.

2) *Георгъ Майръ*: «Статистика и обществовѣдѣніе», т. 2-й, стр. 84.

Города съ населеніемъ.					Число город. въ 1836 г.	Число город. въ 1886 г.	Увеличеніе населенія въ % съ 1836 по 1886 г
отъ	10.000	до	15.000	жит.	52	87	61,6
»	15.000	»	20.000	«	24	48	77,0
»	20.000	«	30.000	»	20	45	74,2
»	30.000	»	50.000	»	8	25	195,6
»	50.000	»	100.000	»	6	19	328,6
»	100.000	и	больше	»	9	11	129,8 [1].

Если взять отдѣльные примѣры, то картина будетъ еще поразительнѣе. Такъ, Рубэ въ началѣ текущаго столѣтія былъ еще жалкимъ мѣстечкомъ съ населеніемъ всего около 8 тысячъ жителей; съ двадцатыхъ же годовъ XIX в., по мѣрѣ развитія въ немъ крупной (тексильной) промышленности, онъ сталъ необыкновенно быстро увеличиваться:

въ 1821	году	въ	немъ	было	уже	18.187	жит.
» 1869	»	»	»	»	»	65.091	»
» 1886	»	»	»	»	»	100.299	» [2].

Еще быстрѣе росли города въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки.

Чикаго въ годъ основанія (1837 г.) имѣлъ 4.170 жителей, а въ 1880 году въ немъ насчитывалось уже 503,000 жителей.

---

1) *E. Levasseur.* La population francaise. Tome II. Paris, 1891, стр. 343.

2) *Levasseur,* указ. соч., II, стр. 354. См., вообще, всю XVII главу этого тома («Les populations urbaines»). Общія цифры объ отношеніи между городскимъ и сельскимъ населеніемъ Франціи даны въ I томѣ, гл. IV, стр. 325—330. Въ обоихъ томахъ приведены интересныя пояснительныя діаграммы, а во второмъ—также и общія историческія замѣчанія относительно нѣкоторыхъ городовъ Франціи. Подробный очеркъ развитія городовъ даютъ *Paul Meuriot,* Des agglomérations urbaines dans l'Europe contemporaine. Paris, 1897, и *A. F. Weber,* The growth of cities in the XIX century, 1899.

Такимъ образомъ города стали въ XIX столѣтіи играть крупную роль въ жизни европейскихъ народовъ. Первоначально, въ силу неблагопріятныхъ условій, въ какія были поставлены жившіе тамъ трудящіеся классы, въ городской жизни видѣли источникъ разнообразныхъ пороковъ, преступности, вырожденія. Но по мѣрѣ послѣдовательнаго роста культуры, по мѣрѣ того, какъ трудящимся классамъ удалось обезпечить себѣ болѣе сносныя условія существованія, въ связи съ законодательной поддержкой и усиліями передовой интеллигенціи, физіономія европейскаго города существенно измѣнилась къ лучшему. Городъ рисуется теперь не только въ видѣ мѣста, предназначеннаго для тяжелой, утомительной и истощающей работы, но и какъ культурный центръ, средоточіе просвѣщенія и болѣе живой общественно-политической атмосферы. Городскіе рабочіе болѣе образованы и развиты, лучше организованы въ профессіональные и иные союзы. Къ ихъ услугамъ ежедневная пресса, музеи и библіотеки, лекціи, товарищескія собранія и митинги. Освобождаясь отъ трудового дня, они легко находятъ возможность посвятить свое остальное время высшимъ сторонамъ жизни. Съ другой стороны, при такихъ условіяхъ имъ легче оказывать вліяніе и на измѣненіе своего матеріальнаго положенія.

Таковы черты капиталистической организаціи хозяйства въ области производства. Что касается сферы о б м ѣ н а, то и здѣсь мы находимъ крупныя измѣненія сравнительно съ охарактеризованными нами выше болѣе ранними экономическими формами. Процессъ общественнаго раздѣленія труда идетъ при капиталистическомъ хозяйственномъ строѣ

гораздо болѣе быстрымъ темпомъ, чѣмъ въ предыдущія эпохи общественнаго развитія. Промышленность сельско-хозяйственная и обрабатывающая все болѣе и болѣе дифференцируются; каждая отрасль промышленности раздробляется на множество самостоятельныхъ вѣтвей, и вмѣстѣ съ тѣмъ параллельно съ такимъ дифференцирующимъ процессомъ развивается и процессъ общественной интеграціи. Отдѣльныя хозяйственныя единицы не изолированы другъ отъ друга, какъ при строѣ замкнутаго домашняго хозяйства, а напротивъ, находятся въ сильномъ взаимодѣйствіи, и тѣмъ въ большей степени, чѣмъ дальше проводится спеціализація занятій. Продукты, производимые въ капиталистическомъ хозяйствѣ, суть товары; всѣ они вовлекаются въ обширную сѣть мѣнового оборота. Рынокъ, благодаря массовому производству, спеціализаціи промысловъ и усовершенствованіямъ транспорта, все расширяется, и, въ концѣ концовъ, обращеніе товаровъ принимаетъ форму международнаго и міроваго обмѣна. Желѣзныя дороги, каналы, океаническіе пароходы связываютъ отдаленнѣйшіе пункты земного шара тѣсными экономическими узами. Развитіе кредита и акціонерныхъ предпріятій еще болѣе усиливаетъ темпъ развитія гигантскаго механизма современнаго товарнаго обращенія. Такимъ образомъ расширеніе рынка до возможныхъ предѣловъ составляетъ характерную черту современнаго экономическаго строя. Дѣятельность, напр., англійской фабрики часто стоитъ въ непосредственной зависимости не отъ англійскихъ покупателей, а отъ какого-либо азіатскаго или африканскаго рынка. Если въ этихъ далекихъ уголкахъ земного шара случатся какія-

нибудь неблагопріятныя осложненія, сокращающія спросъ на товары, англійская промышленность испытываетъ жестокія потрясенія. Товары, заготовленные для продажи на внѣшнемъ рынкѣ, не найдутъ сбыта и на родинѣ, потому что главная масса мѣстнаго населенія не располагаетъ такимъ доходомъ, который открывалъ бы возможность пріобрѣтать многіе продукты національнаго производства, несмотря на потребность въ нихъ. Заготовленные товары будутъ лежать, не находя сбыта, въ то время какъ туземные жители, нуждаясь въ нихъ, не будутъ имѣть необходимыхъ для покупки ихъ средствъ. Но, кромѣ предметовъ потребленія, на рынокъ выбрасывается ежегодно и масса средствъ производства, которыя никоимъ образомъ не могутъ быть проданы въ родной странѣ. Отсюда крайняя неустойчивость современной промышленности и ея погоня за новыми рынками. Современныя войны имѣютъ въ своей основѣ уже не религіозныя или династическія цѣли, а цѣликомъ коммерческіе интересы, стремленіе захватить новые рынки для сбыта товаровъ. Неустойчивость промышленности при такомъ строѣ усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что и при наличности опредѣленныхъ рынковъ для сбыта размѣры спроса, предъявляемаго на этихъ рынкахъ, чрезвычайно измѣнчивы. А между тѣмъ производство страны, удовлетворяющей этому спросу, не представляется какой-нибудь объединенной организаціей, регулируемой во всѣхъ частяхъ единой цѣлью. Въ предѣлахъ страны дѣйствуетъ множество предпріятій, ожесточенно конкурирующихъ другъ съ другомъ, стремящихся обогнать своихъ соперниковъ. При недостаткѣ точныхъ свѣдѣній ни о размѣрахъ буду-

щаго спроса, ни объ объемѣ предложенія изготовляемыхъ продуктовъ, въ основѣ коммерческихъ расчетовъ лежитъ духъ спекуляціи, случайнаго и часто преувеличеннаго вычисленія будущихъ выгодъ. Только въ самое послѣднее время конкуренція отдѣльныхъ предпріятій въ одинаковыхъ отрасляхъ промышленности начинаетъ смѣняться обширными монопольными организаціями — синдикатами, трестами. Но существо дѣла остается прежнимъ и при этомъ измѣненіи формы капиталистическихъ предпріятій; въ основѣ производства все же нѣтъ ни сознательнаго регулированія всѣхъ составляющихъ его силъ, ни точнаго расчета объема спроса на рынкѣ, ни заботы объ охраненіи интересовъ трудящихся классовъ. Въ промышленныхъ затрудненіяхъ измѣнилась лишь форма; мѣсто острыхъ, но кратковременныхъ кризисовъ заняли продолжительные періоды депрессіи. И ужъ, конечно, не синдикатамъ справиться съ неустройствами современнаго рыночнаго оборота. Больше надеждъ внушала бы скорѣе организація рабочихъ въ профессіональные союзы, которые открываетъ имъ возможность задерживать чрезмѣрныя спекулятивныя стремленія предпринимателей. Однако и эта сила далеко еще недостаточна, чтобы парализовать недостатки современной экономической организаціи. Капиталистическій строй покоится на противорѣчивыхъ основаніяхъ, изъ существа которыхъ вытекаютъ и неустройства товарнаго обращенія. Производство ведется въ извѣстныхъ отношеніяхъ общественно: каждое предпріятіе и даже каждая отрасль промышленности поставлены въ тѣсную зависимость другъ отъ друга, служа какъ бы органической частью сложнаго, но единаго

цѣлаго; и въ то же время во главѣ каждой хозяйственной единицы стоятъ изолированные предприниматели, дѣйствующіе каждый исключительно въ своихъ личныхъ интересахъ и за свой личный страхъ и рискъ. Отсюда отсутствіе равновѣсія между составными элементами народнаго хозяйства; нѣкоторыя отрасли, напр., созданіе машинъ, орудій, приспособленій для нихъ, — словомъ, средствъ производства, могутъ развиваться въ ущербъ производству предметовъ потребленія, такъ какъ связь между производствомъ и потребленіемъ, столь ясная, напр., въ эпоху замкнутаго домашняго хозяйства, теперь совершенно затемняется. благодаря обособленію промысловъ и изолированности предпринимателей. Орудія производства, съ точки зрѣнія предпринимателей, изготовляющихъ ихъ, составляютъ такой же законченный предметъ, какъ и предметы потребленія, и они будутъ стараться производить ихъ въ возможно большемъ количествѣ, не считаясь съ размѣрами общественной потребности въ нихъ, такъ какъ эта потребность выражается въ крайне неопредѣленной формѣ рыночнаго спроса. Легко представить себѣ, какая сложность и запутанность отношеній возникаетъ при такихъ условіяхъ неурегулированности производства, когда обмѣнъ охватываетъ собой всѣ страны міра.

Впрочемъ, указывая темныя стороны современнаго обмѣна товаровъ, мы должны упомянуть и о томъ, что при наличности мірового хозяйственнаго оборота развиваются и нѣкоторыя явленія, благопріятствующія человѣческому прогрессу. Такъ, напр., не говоря уже о широкихъ культурныхъ сношеніяхъ, завязывающихся между различными странами вмѣстѣ

съ развитіемъ соединяющихъ ихъ экономическихъ узъ, вопросы войны въ настоящее время все болѣе и болѣе отодвигаются на второй планъ передъ насущными интересами мирной дѣятельности. При тѣхъ сложныхъ экономическихъ отношеніяхъ, въ которыхъ стоятъ другъ къ другу культурныя страны, войны, помимо непосредственныхъ тратъ, должны вызывать тяжелыя потрясенія въ общемъ хозяйственномъ строѣ и притомъ не только для воюющихъ сторонъ, но и для государствъ, связанныхъ съ ними экономическими отношеніями. При такихъ условіяхъ европейскимъ правительствамъ часто приходится задумываться надъ вопросомъ, что выгоднѣе: затѣвать ли войну, которая, быть-можетъ, дастъ новое территоріальное пріобрѣтеніе или обезпечитъ новый рынокъ, или лучше уладить дѣло миромъ, отказавшись отъ незначительныхъ и притомъ проблематическихъ выгодъ, какія сулитъ война, въ виду реальныхъ экономическихъ бѣдствій, неразрывно связанныхъ съ веденіемъ всякой войны? Какъ мы уже сказали, войны ведутся теперь по преимуществу ради пріобрѣтенія колоній. Вооруженныхъ столкновеній между самими крупными капиталистическими націями, которыя вытекали бы изъ новаго хозяйственнаго строя, Европа еще не видѣла. Послѣдняя крупная европейская война (франко-прусская) была вызвана отчасти династическими соображеніями (Наполеонъ III), отчасти стремленіемъ къ политической гегемоніи (Пруссія). Надо надѣяться, что въ будущемъ, по мѣрѣ того какъ рабочіе классы, менѣе всего заинтересованные въ войнѣ, будутъ пріобрѣтать все большее и большее вліяніе на ходъ государственнаго управленія и международной по-

литики, шансы войны упадутъ еще болѣе [1]). Въ самой колоніальной политикѣ начинаетъ, повидимому, обнаруживаться сознаніе необходимости расширенія мирной колонизаціи въ противоположность прямому вооруженному захвату. Надо думать, что неудачи Англіи въ южно-африканской войнѣ обратятъ вниманіе на потребность въ новыхъ пріемахъ колоніальной политики, болѣе сложныхъ, но зато менѣе рискованныхъ, чѣмъ война.

Наконецъ, въ сферѣ распредѣленія при капиталистической организаціи хозяйства мы находимъ вполнѣ выдѣленными четыре основныя части дохода: предпринимательскую прибыль, процентъ, ренту и заработную плату. При этомъ характерными моментами оказываются постепенное паденіе процента и ростъ заработной платы. Рабочимъ удается измѣнить къ своей выгодѣ условія рабочаго договора, и въ наиболѣе развитыхъ капиталистическихъ странахъ мы находимъ и лучшее сравнительно матеріальное положеніе трудящихся классовъ. Впослѣдствіи намъ придется еще возвратиться къ этому вопросу, теперь же мы замѣтимъ только, что это улучшеніе участи рабочихъ въ значительной мѣрѣ необходимо отнести и на счетъ тѣхъ политическихъ условій, въ которыхъ живутъ и дѣйствуютъ всѣ классы европейскаго общества. На почвѣ политической свободы, открывающей возможность и рабочему классу наравнѣ съ другими слоями общества отстаивать свои интересы, развивалась мало-по-малу

---

[1]) Эти строки были написаны задолго до русско-японской войны. Но и теперь авторъ не находитъ нужнымъ измѣнять ихъ. Въ происшедшемъ кровопролитіи виноватъ не капитализмъ, а старый государственный порядокъ Россіи, допускавшій возможность самыхъ безразсудныхъ авантюръ.

ихъ союзная организація, видоизмѣнялись законода тельныя нормы и повышался культурный уровень массъ. Въ культурныхъ странахъ Запада рабочіе стоятъ передъ предпринимателями не безпорядочной толпой, а стройно организованной силой, корни которой далеко идутъ за предѣлы чисто-экономической дѣятельности, глубоко проникая и въ политическую жизнь. Поэтому при сужденіи о вліяніи капиталическаго хозяйственнаго строя на положеніе трудящихся массъ необходимо постоянно имѣть въ виду, каковы политическія условія въ данной странѣ.

Мы разсмотрѣли, въ чемъ заключается основной характеръ главныхъ типовъ экономическаго развитія человѣческихъ обществъ. Но мы опять должны повторить, что эта характеристика ни въ какомъ случаѣ не можетъ исчерпывать все содержаніе экономической исторіи и что, съ другой стороны, въ каждую данную эпоху мы найдемъ существованіе не только одного (преобладающаго) типа, но и многихъ другихъ экономическихъ формъ, изъ которыхъ однѣ представляются пережитками болѣе или менѣе отдаленнаго прошлаго, другія — зародышами будущаго развитія. Основываясь на знаніи главнѣйшихъ характерныхъ типовъ экономическаго строя, мы можемъ легче разобраться въ пестрой мозаикѣ фактовъ дѣйствительной жизни. Мы будемъ въ состояніи прослѣдить въ ней дѣйствіе главныхъ экономическихъ силъ, не спутывая границъ проявленія каждой силы и отводя каждому явленію его надлежащее мѣсто въ общемъ жизненномъ строѣ. Съ другой стороны, всматриваясь въ измѣненія, происходившія въ хозяйственной жизни, мы легко отрѣшимся отъ обычнаго близорукаго отношенія къ будущему. Зная,

что въ прошломъ происходили великія перемѣны экономическихъ отношеній, мы уже a priori будемъ ожидать и въ будущемъ подобныхъ крупныхъ измѣненій, а изучая внимательнѣе условія существующаго, найдемъ нѣкоторыя указанія и на тѣ формы, къ которымъ тяготѣетъ развитіе нашихъ экономическихъ условій. И мы не будемъ со страхомъ или враждой относиться къ этому будущему, не будемъ замыкаться въ узкой сферѣ привычныхъ намъ впечатлѣній, а бодро посмотримъ въ глаза тому, что насъ ожидаетъ. Съ человѣкомъ, не привыкшимъ глубоко вдумываться въ смыслъ общественныхъ явленій, при столкновеніи съ смѣлой и широкой теоріей происходитъ приблизительно то же, что бываетъ съ жителемъ равнины, впервые восходящимъ на высокую гору. Передъ нимъ раскрываются далекія перспективы, онъ въ состояніи единымъ взглядомъ окинуть и пройденный путь, и предстоящую ему далекую дорогу, а онъ настолько свыкся съ привычнымъ ему узкимъ горизонтомъ, что не замѣчаетъ всего величія развертывающейся передъ нимъ картины. У него кружится голова отъ новыхъ, не испытанныхъ еще впечатлѣній, и онъ въ безотчетномъ страхѣ закрываетъ глаза и проситъ спутника отвести его назадъ, въ долину, гдѣ нѣтъ этихъ подавляющихъ картинъ... Но такое состояніе не удержится долго: онъ привыкнетъ къ новымъ перспективамъ и сумѣетъ оцѣнить красоту горнаго пейзажа. Такъ и изучающій соціальную жизнь свыкнется мало-по-малу съ тѣми указаніями на будущее, которыя даетъ ему это изученіе, и все болѣе и болѣе будетъ понимать глубокій смыслъ стариннаго изреченія: «Не нами міръ начался, не нами и кончится»

Лекція вторая.

Задачи и пріемы экономическаго изслѣдованія.—Взгляды классической школы экономистовъ.—Посылки эгоизма и свободной конкуренціи.—Германская историческая и историко-этическая школы.—Реакція противъ историческаго направленія со стороны австрійскихъ экономистовъ (Менгеръ).—Какъ же смотрѣть на значеніе психологическихъ мотивовъ въ хозяйственной дѣятельности? — Выводы экономической науки (характеръ экономическихъ законовъ).—Построеніе экономическихъ идеаловъ.—Общіе логическіе пути облекаются въ экономической наукѣ только въ своеобразныя формы.—Необходимость отрѣшиться отъ предвзятой точки зрѣнія.

Мм. гг. Въ прошлый разъ, разсматривая предметъ, изучаемый политической экономіей, мы пришли къ выводу, что эта наука изслѣдуетъ явленія хозяйственной дѣятельности людей, соединенныхъ въ общество. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы установили, что политическая экономія изучаетъ не всю хозяйственную жизнь въ ея цѣломъ, а только одну сторону ея, именно ту, которая сводится къ совокупности соціальныхъ отношеній, возникающихъ между людьми на почвѣ удовлетворенія ихъ разнообразныхъ потребностей матеріальными средствами. Какъ мы видѣли, хозяйственная дѣятельность не представляется неизмѣнной, застывшей въ разъ навсегда опредѣленныхъ формахъ. Современное народное хозяйство есть продуктъ тысячелѣтняго историческаго развитія; оно носитъ на себѣ не

только слѣды болѣе или менѣе отдаленнаго прошлаго, но и зародыши новыхъ экономическихъ явленій и отношеній, которыя выльются въ будущемъ въ болѣе опредѣленныя и законченныя формы.

Теперь мы должны перейти къ другому, весьма важному предварительному вопросу экономической теоріи,—къ вопросу о задачахъ, которыя ставитъ себѣ экономическое изслѣдованіе, и о пріемахъ, съ помощью которыхъ оно осуществляетъ эти задачи.

Для серьезнаго изученія экономическихъ проблемъ вопросы методологіи имѣютъ первостепенное значеніе. Разсмотрѣніе ихъ представляется крайне необходимымъ и при популярномъ изложеніи основныхъ началъ экономической науки. Задача высшаго преподаванія заключается не въ сообщеніи возможно большого количества готовыхъ свѣдѣній, а, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы положенія науки самостоятельно усваивались слушателями. И пожилой ученый, всю жизнь посвятившій изслѣдованію истины, и юный студентъ, только приступающій къ изученію науки, одинаково являются равноправными членами великой ученой республики... Желательно, чтобы слушатель могъ критически отнестись ко всякой доктринѣ, чтобы его научныя убѣжденія складывались на почвѣ сознательнаго усвоенія и самостоятельной оцѣнки предлагаемаго матеріала. Для этого необходимо познакомиться съ тѣмъ механизмомъ, при помощи котораго наука достигаетъ своихъ выводовъ.

Въ исторіи человѣческаго знанія построеніе теорій, объясняющихъ тѣ или иныя жизненныя явленія,

обыкновенно предшествуетъ критическому пересмотру и провѣркѣ основаній, на которыхъ покоятся сами эти теоріи. Такъ было и съ политической экономіей. Экономическая наука довольно долгое время пыталась уже разрѣшать разнообразные вопросы государственной и общественной жизни, въ ней успѣли смѣниться различныя теоретическія направленія, прежде чѣмъ методологическіе вопросы были поставлены на очередь.

Основанія современной экономической науки были заложены такъ называемой классической школой политической экономіи (Ад. Смитомъ, Рикардо, Мальтусомъ). Однако и эти писатели не дали теоретической формулировки примѣняемыхъ ими методологическихъ пріемовъ. Конечно, это не значитъ, чтобы экономисты классической школы не имѣли представленія о желательныхъ пріемахъ изслѣдованія экономическихъ явленій. Ихъ труды ярко свидѣтельствуютъ о томъ, что они имѣли въ виду опредѣленныя требованія, какія, по ихъ мнѣнію, должны быть предъявляемы къ соціальнымъ наукамъ. Въ своихъ основныхъ предпосылкахъ они исходили изъ общаго философскаго міровоззрѣнія, характеризующаго собою XVIII вѣкъ. Они раздѣляли общее этому вѣку убѣжденіе въ томъ, что существуетъ «естественный порядокъ» человѣческихъ обществъ, отъ котораго данныя историческія общества (европейскія государства конца XVIII вѣка) уклонились, благодаря нѣкоторымъ неблагопріятнымъ условіямъ. Важно лишь, думали они, выяснить основы этого нормальнаго общественнаго строя, чтобы онъ могъ быть и осуществленъ немедленно въ самой жизни. Въ глазахъ экономистовъ класси-

ческой школы люди представлялись совершенно однородными величинами, комбинаціи которыхъ исчерпываютъ все содержаніе отношеній, изъ которыхъ складывается общественная жизнь. Общество разсматривалось, такимъ образомъ, въ видѣ механической массы индивидовъ, связанныхъ довольно несложными отношеніями на почвѣ свободнаго договора. Предполагая, что каждый членъ общества равенъ всякому другому по своимъ силамъ, эта школа естественно приходила къ выводу, что при гарантіи индивидуальной свободы отдѣльныя лица, преслѣдуя свои личные интересы, содѣйствуютъ въ то же время и благосостоянію цѣлаго общества. Вѣдь каждый лучше, чѣмъ кто-либо другой, понимаетъ свои интересы и умѣетъ защитить ихъ; слѣдовательно, чѣмъ строже и послѣдовательнѣе будутъ проводиться въ жизни эгоистическіе мотивы, тѣмъ бо́льшіе результаты будутъ достигнуты для блага всего общества. Примѣняя указанныя общефилософскія соображенія къ своей спеціальной области — изслѣдованію экономическихъ отношеній и явленій, классическая школа принимала слѣдующія предпосылки: 1) систему экономической свободы (свободной конкуренціи); 2) господство эгоистическихъ побужденій въ хозяйственной дѣятельности людей. Излагая свои научные выводы въ общей, отвлеченной формѣ, классическіе экономисты, въ сущности, примѣнили указанныя посылки къ изслѣдованію тѣхъ общественныхъ отношеній, которыя сложились къ концу XVIII и началу XIX вѣка въ Англіи. Въ то время англійская экономическая жизнь выдѣлила три главныхъ класса населенія: классъ землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабо-

чихъ. Изслѣдованіе отношеній между этими тремя классами фактически и поставила своей задачей школа классической политической экономіи. И нужно отдать справедливость этой школѣ: въ изслѣдованіи реальныхъ экономическихъ отношеній ея представители проявили большую проницательность. Они помогли уяснить эти отношенія, устранивъ всѣ случайныя или, лучше сказать, второстепенныя черты ихъ и выдвинувъ основныя силы, которыми регулировались эти отношенія. Они впервые внесли стройную систему въ научную работу изслѣдованія экономическихъ условій жизни европейскихъ обществъ. Къ сожалѣнію, они не остановились только на этомъ. Если бы они сказали: вотъ фактическія условія современной намъ экономической организаціи, вотъ тѣ немногія главныя силы, которыми управляется наша хозяйственная жизнь,— они не уклонились бы съ пути правильнаго научнаго изслѣдованія. Болѣе общіе вопросы экономической теоріи, съ одной стороны, вопросы иныхъ хозяйственныхъ періодовъ—съ другой, оставались бы внѣ круга положеній, установленныхъ классической школой, и относительно ихъ не могло бы возникнуть никакого сомнѣнія въ необходимости другихъ самостоятельныхъ теоретическихъ изслѣдованій, для которыхъ посылки объ эгоизмѣ и хозяйственной свободѣ не могутъ уже быть приняты. Но классическая школа пошла дальше тѣхъ выводовъ, какіе она могла сдѣлать на основаніи изученнаго ею фактическаго матеріала, и въ своихъ изслѣдованіяхъ приняла ошибочное направленіе, облекая свои положенія въ абсолютную форму. Она считала свои теоретическіе выводы годными для объ-

ясненія хозяйственныхъ явленій всѣхъ временъ, странъ и національностей, а принципы практической политики — вѣчными постулатами для созданія нормальнаго строя экономическихъ отношеній.

Такимъ образомъ классическая школа устраняла изъ своего поля зрѣнія весьма существенный признакъ хозяйственной дѣятельности, съ которымъ мы познакомились въ предыдущей лекціи,—именно ея способность къ историческому развитію. Прилагая одинаковый масштабъ къ явленіямъ, относящимся къ различнымъ ступенямъ хозяйственной эволюціи, экономисты этого направленія естественно обрекали свою науку на безсиліе, какъ только ей необходимо было подойти къ различнымъ моментамъ въ исторіи общественнаго хозяйства. Впрочемъ, какъ мы только что замѣтили, сами эти экономисты изучали только современныя имъ хозяйственныя условія англійской жизни; ихъ теоретическіе интересы не связывались съ изученіемъ историческаго прошлаго, если дѣло не шло объ унаслѣдованныхъ пережиткахъ этого прошлаго, стѣснявшихъ развитіе современной экономической дѣятельности. Главной опасностью, съ которой имъ пришлось встрѣтиться, былъ вопросъ о тенденціяхъ современнаго имъ народнаго хозяйства, подготовляющихъ его будущія судьбы. Представляя себѣ систему экономической свободы въ видѣ чего-то чрезвычайно устойчиваго, обреченнаго на вѣковѣчное существованіе,экономисты - классики естественно не могли разобраться достаточно полно въ современныхъ имъ жизненныхъ фактахъ и склонны были оцѣнивать слишкомъ низко нѣкоторые обществен-

ные элементы, за которыми было большое будущее. Такъ, напр., основываясь на наблюденіи современныхъ ему отношеній между хозяевами и рабочими, Рикардо пришелъ къ выводу, что заработокъ рабочихъ всегда долженъ стоять на minimum'ѣ средствъ существованія. При этомъ, какъ мы подробно увидимъ ниже, въ соотвѣтственномъ отдѣлѣ нашего курса, онъ упускалъ изъ виду, что рабочіе не всегда останутся такими беззащитными, какъ въ началѣ капиталистическаго періода. Онъ не придалъ надлежащей оцѣнки рабочимъ союзамъ и рабочимъ коалиціямъ, которые существовали уже и въ его время, но были поставлены юридически въ неблагопріятныя условія [1]).

Другимъ крупнымъ недостаткомъ классической доктрины было механическое выдѣленіе хозяйственной дѣятельности изъ другихъ сторонъ народной жизни. Въ особенности опаснымъ для вѣрности научныхъ выводовъ было неизбѣжное при такомъ воззрѣніи игнорированіе роли государства. Побуждаемые ненавистью къ стѣснительной правительственной опекѣ абсолютной монархіи XVIII вѣка, экономисты - классики невольно уменьшали значеніе государственнаго регулированія человѣческихъ отношеній вообще. Въ государствѣ видѣли только охранителя основаній общежитія и съ крайнимъ недовѣріемъ смотрѣли на его вмѣшательство въ договорныя отношенія между частными лицами на почвѣ ихъ хозяйственной дѣятельности. Послѣдователи

---

1) Ад. Смитъ уже выдвигалъ моментъ борьбы между хозяевами и рабочими и признавалъ значеніе коалицій. Вообще онъ гораздо болѣе свободенъ отъ упрека въ односторонности, чѣмъ Рикардо.

классической школы, экономисты такъ называемаго «манчестерскаго» направленія, дѣлали дальнѣйшій логическій выводъ изъ ученія классиковъ, требуя полнѣйшей экономической свободы. Они смотрѣли, какъ на нѣчто естественное, на фабричный трудъ женщинъ и дѣтей, совершавшійся въ ихъ время, благодаря произволу фабрикантовъ, въ ужасающей моральной и гигіенической обстановкѣ. Вѣдь эти женщины и дѣти «добровольно» согласились работать въ такихъ условіяхъ; пусть несутъ и всѣ послѣдствія принятаго рѣшенія. Конечно, выдвигая такія теоріи, манчестерцы имѣли въ виду прямыя выгоды класса фабрикантовъ; но ошибочность построеній классической школы, которая въ то время была господствующимъ направленіемъ экономической науки, давала имъ возможность облекать свои практическія вожделѣнія въ форму несомнѣнныхъ якобы научныхъ истинъ.

Но если классической школѣ политической экономіи, благодаря принятому ею методу, было невозможно достигнуть правильнаго выясненія экономической дѣйствительности, то она ошибалась еще болѣе, выступая съ требованіями практической политики.

Классическая школа, какъ мы видѣли, имѣла свой идеалъ нормальнаго экономическаго строя. Въ извѣстной степени этотъ идеалъ и былъ осуществленъ въ дѣйствительной жизни въ началѣ XIX столѣтія, когда промышленная свобода заняла мѣсто прежней правительственной регламентаціи. Для эгоистическихъ мотивовъ было открыто широкое поле. Но наступили ли на самомъ дѣлѣ счастливыя времена для общества? Увы, обновленная

жизнь наглядно показала, къ чему приводитъ господство эгоистическихъ интересовъ, если общество включаетъ въ себя неравные по силамъ элементы. Торжество досталось на долю сильныхъ, слабѣйшіе же элементы общества были обречены на подчиненіе такъ же, какъ въ былыя времена крѣпостничества.

Вмѣстѣ съ развитіемъ капитализма появился типъ дѣльца, человѣка холоднаго расчета, который не въ состояніи пожертвовать даже и ничтожной долей личной выгоды для общественной цѣли. Этотъ типъ «экономическаго человѣка» былъ подмѣченъ литературой, и, напр., для Англіи, мы находимъ рядъ характерныхъ въ данномъ отношеніи фигуръ въ произведеніяхъ Диккенса. Всякій, кто читалъ его святочный разсказъ о духѣ Марлея, помнитъ фигуру стараго Скруджа, который, такъ сказать, замораживалъ все, что ни приходило съ нимъ въ соприкосновеніе. Это былъ прекрасный дѣловой человѣкъ, но съ нимъ опасно было встрѣчаться. Когда онъ проходилъ по улицѣ, никто не подходилъ къ нему, никто не рѣшался спросить дороги; ни одинъ нищій не протянулъ къ нему руки за полушкой. Даже собака нищаго - слѣпца, встрѣчаясь съ Скруджемъ, заводила своего хозяина въ отдаленные закоулки дворовъ и тамъ вертѣлась около него, помахивая хвостомъ, какъ будто хотѣла сказать: «Да, хозяинъ, ужъ лучше совсѣмъ не имѣть глазъ, чѣмъ такой дурной взглядъ, какъ у Скруджа». Эти люди, соединяющіе черствость и крайній эгоизмъ съ сознаніемъ за собой юридическаго права поступать исключительно въ своихъ личныхъ интересахъ, представляютъ собой характерный типъ но-

ваго экономическаго режима. Они появляются всюду, гдѣ только капитализмъ начинаетъ развиваться. И въ русской жизни, несмотря на то, что этотъ процессъ сравнительно очень недавняго происхожденія, онъ уже успѣлъ выдвинуть нѣсколько подобныхъ типовъ. Ихъ можно отмѣтить даже въ русской литературѣ. Укажемъ на кустаря-скупщика Дужкина (въ «Павловскихъ очеркахъ» В. Г. Короленко), представляющаго образецъ человѣка, лишеннаго лучшихъ нобужденій и дѣйствующаго всегда изъ эгоистическаго расчета. Его сынъ, стараясь возстановить передъ собесѣдникомъ обстановку своего дѣтства, говорилъ, что его родитель и въ своей хозяйственной дѣятельности и въ отношеніяхъ къ нимъ, дѣтямъ, руководствовался исключительно однимъ расчетомъ: «Старшій братъ работалъ вдвое больше меня и получалъ въ недѣлю двѣ чашки чаю и одинъ кусокъ сахару, я, какъ болѣе слабый, работалъ меньше и получалъ одну чашку чаю и полкуска сахару». Да, это былъ дѣйствительно твердый, настойчивый и серьезный человѣкъ. Но только отъ всѣхъ его дѣловыхъ добродѣтелей окружающимъ людямъ было не легко.

Каково было попасть въ экономическую зависимость отъ такихъ людей, — легко себѣ представить. Обращаясь къ исторіи трудящихся классовъ въ началѣ XIX столѣтія, мы всюду встрѣчаемъ поистинѣ ужасающія картины. Описанія быта промышленныхъ рабочихъ въ одинъ голосъ указываютъ намъ на неслыханныя бѣдствія, перенесенныя ими въ первое время развитія крупной промышленности, когда общественный контроль не наложилъ еще узды на произволъ фабрикантовъ и когда

сами рабочіе не имѣли еще достаточно силъ, чтобы отстоять свои интересы.

Какъ же понимать значеніе эгоистическаго мотива въ хозяйственной дѣятельности? Слѣдуетъ ли отвергнуть его цѣликомъ, какъ несостоятельную гипотезу, или только поставить въ связь съ другими, не затронутыми классической школой сторонами жизни?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы постараемся дать въ концѣ настоящей лекціи, теперь же укажемъ лишь на попытку его разрѣшенія, предложенную исторической школой германскихъ экономистовъ, смѣнившей во второй половинѣ XIX столѣтія классическую школу.

Уже въ 40-хъ годахъ нѣмецкій ученый Рошеръ указывалъ на необходимость историческаго изученія вопросовъ хозяйственной теоріи. Онъ въ цѣломъ рядѣ произведеній разсматривалъ разнообразныя стороны экономической дѣйствительности, но ему не удалось дать полной и обстоятельной формулировки своей теоріи. Эту задачу выполнилъ Карлъ Книсъ. Въ своемъ сочиненіи «Политическая экономія съ исторической точки зрѣнія» («Die Politische Oekonomie vom geschichtlichen Standpunkte»), вышедшемъ первымъ изданіемъ въ пятидесятыхъ годахъ, этотъ ученый задался цѣлью дать критику основаній методологіи старой классической школы и выдвинуть новые постулаты. Самый объектъ политической экономіи обладаетъ, по мнѣнію Книса, совершенно иными свойствами, чѣмъ какія видѣла въ немъ классическая школа. Экономическая жизнь, говоритъ онъ, не представляетъ механической массы индивидуумовъ. Это—организмъ, въ которомъ

переплетаются явленія права, хозяйства, нравственности, культуры Нельзя разсматривать одну его сторону независимо отъ всѣхъ остальныхъ, такъ какъ каждая изъ нихъ находится подъ постояннымъ вліяніемъ всѣхъ другихъ сторонъ народной жизни. Съ другой стороны, Книсъ ставилъ въ упрекъ классической школѣ ея неисторичность. Какъ извѣстно, эта школа, исходя изъ положенія объ естественномъ порядкѣ общественнаго хозяйства, считала его вѣчнымъ и неизмѣннымъ. Книсъ выставилъ положеніе, что хозяйственная жизнь такъ же, какъ и всякая другая, находится въ процессѣ постояннаго измѣненія и является продуктомъ долгаго историческаго развитія. Опредѣливши иначе, чѣмъ классическая школа, предметъ изслѣдованія политической экономіи, Книсъ естественно выступилъ и противъ основной посылки объ эгоизмѣ, какъ господствующемъ хозяйственномъ стимулѣ. Онъ попытался, опираясь на данныя историческаго и психологическаго изученія, намѣтить цѣлый комплексъ побужденій, проявляемыхъ фактически людьми въ ихъ хозяйственной дѣятельности. Первымъ изъ этихъ мотивовъ онъ называетъ себялюбіе, вытекающее изъ естественнаго чувства самосохраненія, присущаго всѣмъ живымъ существамъ и въ первоначальномъ своемъ видѣ не представляющаго ничего дурного, поскольку съ нимъ не находятся въ противорѣчіи интересы другихъ людей. Только когда это чувство, сталкиваясь съ требованіями жизни и дѣятельности другихъ людей, вырождается въ эгоизмъ, т.-е. въ преслѣдованіе собственныхъ цѣлей въ ущербъ интересамъ другихъ людей, оно становится вред-

нымъ, и задачей общества (или государственной власти) при такихъ условіяхъ оказывается уже не поощреніе, а, напротивъ, борьба съ проявленіями этого чувства.

На ряду съ указанными двумя мотивами въ человѣкѣ и въ его хозяйственной дѣятельности обнаруживается существованіе и другихъ мотивовъ, уже не личнаго, а общественнаго характера. Вѣдь человѣкъ искони представляется общественнымъ существомъ, и потому общественные мотивы должны быть для него настолько же «естественными», какъ и личные. Среди нихъ мы замѣчаемъ прежде всего «чувство права и справедливости», регулирующее взаимныя отношенія между людьми, какъ отдѣльными индивидуумами. Далѣе, также вполнѣ реальнымъ слѣдуетъ признать и общественное чувство, опредѣляющее отношеніе человѣка уже не къ отдѣльнымъ лицамъ, а къ обществу, какъ къ цѣлому. Человѣкъ издавна пріучался цѣнить, уважать и защищать общественные интересы; въ его психической жизни представленіе объ общественномъ благѣ составляетъ такую же неотъемлемую часть, какъ и пониманіе своего личнаго интереса. Итакъ, мы видимъ (указыв. Книсъ), что хозяйственная жизнь фактически является результатомъ дѣйствія цѣлаго ряда разнообразныхъ мотивовъ и что, слѣдовательно, изучать явленія экономической дѣятельности людей необходимо, опираясь на логическую посылку о существованіи не одного только, а именно нѣсколькихъ психологическихъ побужденій. Далѣе, также соотвѣтственно различію въ общемъ міросозерцаніи, историческая школа иначе смотритъ и на законы политической экономіи. Съ

точки зрѣнія классической доктрины, законы политической экономіи въ томъ видѣ, какъ они были установлены этой доктриной, настолько просты и всеобщи, что они могутъ быть съ успѣхомъ приложимы къ выясненію какихъ угодно формъ экономической жизни, къ какимъ бы эпохамъ они ни относились, у какихъ бы народовъ ни встрѣчались. «Подобно тому, какъ человѣкъ, рѣшившій извѣстное число алгебраическихъ уравненій, — говоритъ Дж. Ст. Милль въ своей «Логикѣ», — можетъ безъ труда рѣшить всѣ другія уравненія того же рода, такъ и знающій политическую экономію Англіи или одного Іоркшира знаетъ политическую экономію всѣхъ народовъ».

Историческая школа смотритъ на дѣло иначе; такъ какъ экономическая жизнь подлежитъ постояннымъ измѣненіямъ, то и законы политической экономіи должны имѣть относительный характеръ; они должны отражать на себѣ относительность хозяйственной жизни.

Опредѣляя инымъ образомъ сравнительно съ классической школой сущность теоретическихъ выводовъ, историческое направленіе намѣтило иначе и практическія задачи экономической политики. Въ то время какъ экономисты-классики ставили задачей идеальнаго государства осуществленіе хозяйственной свободы и гарантію интересовъ отдѣльныхъ личностей, историческая школа высказалась въ пользу вмѣшательства государства въ экономическую жизнь общества. Если государство, говорила она, не желаетъ покровительствовать господству одного класса надъ другимъ, оно должно установить извѣстныя законодательныя нормы, регулирующія ихъ

взаимныя отношенія, ограничить рабочій день женщинъ и дѣтей, гарантировать болѣе гигіеническія условія обстановки труда и т. п., и вообще способствовать тому, чтобы слабѣйшіе элементы общества не были угнетаемы болѣе сильными. Такимъ образомъ въ области экономической политики историческая школа выдвинула соціально-реформаторскія задачи

Итакъ, во всѣхъ своихъ постулатахъ историческая школа представляетъ рѣзкую противоположность классической политической экономіи; она высказалась категорически противъ началъ, которыя выставляла эта послѣдняя. Однако, высказывая во многихъ отношеніяхъ болѣе соотвѣтствующіе реальнымъ жизненнымъ условіямъ взгляды на задачи и пріемы экономическаго изслѣдованія, историческая школа не сумѣла вполнѣ удовлетворительно разрѣшить основныя проблемы экономической методологіи. Она впала въ другую крайность, и вмѣсто того, чтобы, изучая съ исторической точки зрѣнія явленія хозяйственнаго порядка, стремиться къ открытію нѣкоторыхъ общихъ типическихъ формъ хозяйственныхъ явленій и общихъ типическихъ отношеній между ними, она поставила своею цѣлью изученіе мельчайшихъ сторонъ экономической жизни, какъ будто задача политической экономіи состоитъ только въ накопленіи фактическихъ свѣдѣній, сырого матеріала. Особенно усиленно подчеркивая принципъ «относительности» хозяйственной жизни, экономисты этой школы мало-по-малу удалялись отъ теоретическаго изученія дѣйствительности и практически впадали въ полную безпринципность. Работа соби-

ранія свѣдѣній по хозяйственной исторіи совершалась прямо въ ущербъ развитію политической экономіи, какъ общей теоретической науки о народномъ хозяйствѣ. Теоретическая путаница, возникшая, такимъ образомъ, въ основныхъ взглядахъ экономистовъ исторической школы, естественно вызвала за собой реакцію въ видѣ попытки возвращенія къ основамъ классической школы,—реакцію, во главѣ которой сталъ извѣстный австрійскій экономистъ Карлъ Менгеръ. Менгеръ попытался пересмотрѣть отъ начала до конца всѣ методологическія основанія и пріемы политической экономіи предыдущихъ школъ. Его книга «О методѣ соціальныхъ наукъ и политической экономіи въ особенности» произвела глубокое впечатлѣніе и въ дѣйствительности она представляетъ весьма серьезное и обстоятельное изслѣдованіе вопросовъ экономической методологіи.

Сущность воззрѣній этого ученаго сводится къ тому, что для правильнаго развитія экономической теоріи необходимо не отбрасывать въ сторону пріемы классическихъ экономистовъ, а продолжать ихъ дѣло, стоя на ихъ почвѣ. Требованія же исторической школы Менгеръ считаетъ гораздо болѣе несоотвѣтствующими истиннымъ задачамъ политической экономіи, чѣмъ тѣ принципы, которыми руководствовались экономисты-классики.

Прежде всего, говоритъ Менгеръ, намъ необходимо установить основное положеніе, что современное экономическое знаніе представляетъ не единую науку, а цѣлую сѣть самостоятельныхъ дисциплинъ съ особыми задачами и логическими пріемами. Міръ явленій распадается на два обшир-

ныхъ міра—міръ индивидуальнаго и общаго. Изслѣдованіе индивидуальныхъ явленій народнаго хозяйства ставятъ своей задачей науки историческія — хозяйственная исторія и статистика. Путемъ историческаго изученія мы можемъ изслѣдовать сущность и взаимную связь конкретныхъ явленій хозяйственной жизни. Такимъ путемъ мы будемъ, напр., изслѣдовать хозяйство Германіи, Англіи и другихъ странъ въ тѣхъ индивидуальныхъ явленіяхъ, которыя характеризуютъ ихъ экономическій строй или развитіе. Въ данномъ случаѣ мы будемъ стоять внѣ области теоретическихъ обобщеній и изслѣдованія причинъ, изображая лишь фактическое состояніе соціальной жизни.

Если же мы перейдемъ къ задачамъ теоретическаго обобщенія, мы должны будемъ искать въ отдѣльныхъ явленіяхъ ихъ общія черты, выяснять типы и типическія отношенія въ хозяйственной жизни. При этомъ типы и типическія отношенія могутъ быть «точные» или «эмпирически-реалистическіе». Первые будутъ изображать наиболѣе элементарную и всеобщую природу явленій хозяйственной жизни, вторые окажутся окрашенными въ конкретный цвѣтъ, соотвѣтственно фактическимъ условіямъ; степень отвлеченія при ихъ выводѣ будетъ уже меньшей, тѣмъ не менѣе и тѣ и другіе будутъ представлять лишь отвлеченіе (по существу своему, одностороннее) отъ реальной дѣйствительности. Установленіе ихъ и должно составить задачу политической экономіи, какъ теоретической науки о народномъ хозяйствѣ. Итакъ, политическая экономія въ своей теоретической части изучаетъ вопросы, касающіеся типовъ и отношеній между

типами, иначе говоря, изучаетъ основныя формы экономическихъ явленій и проявляющіяся въ нихъ закономѣрныя отношенія.

Наконецъ, третью группу экономическихъ наукъ образуютъ науки практическія — экономическая политика и финансовая наука. Науки этой группы по своей природѣ существенно отличаются отъ историческаго и теоретическаго изслѣдованія: онѣ вырабатываютъ систему правилъ, необходимыхъ для практической дѣятельности, и относятся поэтому не къ области теоріи, а искусства (Kunst-Lehren). Такимъ образомъ Менгеръ намѣчаетъ цѣлую систему экономическихъ наукъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою строго опредѣленную область изслѣдованія и особые методологическіе пріемы.

Въ сферѣ экономической теоріи намъ нужно, говоритъ Менгеръ, слѣдовать методологическимъ пріемамъ классической школы. Для установленія типовъ экономическихъ явленій необходимо выдѣлить хозяйственную сторону отъ всѣхъ другихъ областей общей народной жизни. Сверхъ того, въ самихъ экономическихъ явленіяхъ намъ необходимо абстрагировать основные элементы, изъ которыхъ придется исходить при дальнѣйшихъ теоретическихъ построеніяхъ. Анализируя экономическую жизнь, мы поступаемъ, какъ химикъ, который разлагаетъ вещество на составные элементы; мы будемъ разсматривать, такъ сказать, атомы, изъ которыхъ составляются хозяйственныя явленія. При этомъ мы будемъ находиться въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ естествоиспытатель, потому что послѣдній оперируетъ съ атомами, имѣю-

щими неэмпирическую природу, а при изученіи общества изслѣдователь беретъ своимъ исходнымъ пунктомъ отдѣльнаго человѣка, т.-е. вполнѣ реальную величину. Органическая теорія, выдвинутая исторической школой, по мнѣнію Менгера, была построена, благодаря отсутствію правильнаго пониманія не только методологическихъ пріемовъ анализа, но и сущности самой хозяйственной жизни. Вѣдь экономическая жизнь общества представляетъ лишь совокупность дѣятельностей отдѣльныхъ (физическихъ и юридическихъ) личностей: въ ней нѣтъ единой регулирующей и направляющей воли; наоборотъ, въ своей хозяйственной дѣятельности люди сталкиваются другъ съ другомъ, преслѣдуя свои личныя цѣли, и изъ суммы этихъ столкновеній получается общественный результатъ. Если ужъ говорить объ органическомъ характерѣ общества, то его нужно видѣть въ проявленіи безсознательнаго начала въ общественной жизни. Историческая школа экономистовъ, указываетъ Менгеръ, перенося требованія исторической школы права въ разработку экономической теоріи, просмотрѣла то здоровое зерно, которое заключалось въ ученіяхъ юристовъ, именно, что многія общественныя учрежденія и нормы представляютъ не продуктъ сознательнаго общественнаго творчества, а возникаютъ на почвѣ преслѣдованія людьми своихъ частныхъ цѣлей, въ результатѣ котораго возникаютъ и новыя общественныя учрежденія.

Итакъ, по мнѣнію Менгера, органическую теорію въ томъ видѣ, какъ ее формулировали экономисты - историки (т.-е. въ смыслѣ взаимодѣйствія частей общественнаго организма), необходимо от-

бросить; а разъ ея основныя положенія устраняются, то нужно иначе смотрѣть и на тѣ мотивы, которыми руководствуется человѣкъ въ своей хозяйственной дѣятельности. Для цѣлей вывода типическихъ отношеній хозяйственной жизни господствующимъ мотивомъ мы должны признать эгоистическій интересъ. Изъ всей массы человѣческихъ побужденій мы изолируемъ только одинъ элементъ — преслѣдованіе индивидуумомъ своей личной выгоды въ хозяйственной сферѣ жизни. При теоретическомъ изученіи общества необходимо итти путемъ такихъ одностороннихъ изслѣдованій. Политическая экономія раскроетъ намъ одну часть соціальныхъ явленій, наука права — другую, наука нравственности — третью и т. д., и только общая совокупность всѣхъ теоретическихъ соціальныхъ наукъ въ состояніи объяснить намъ всю общественную жизнь. Поэтому неправильно требовать повѣрки положеній экономической теоріи на фактахъ дѣйствительности; такая повѣрка примѣнима лишь ко всей суммѣ выводовъ всѣхъ теоретическихъ соціальныхъ знаній. Что же касается исторической точки зрѣнія при построеніи экономической теоріи, то она умѣстна, по мнѣнію Менгера, лишь для характеристики новыхъ хозяйственныхъ формъ, возникающихъ въ извѣстную историческую эпоху и не существовавшихъ ранѣе. При изслѣдованіи же этихъ формъ необходимо опять-таки строго придерживаться изложенныхъ выше пріемовъ теоретическаго изслѣдованія.

Наконецъ, какъ мы уже упоминали, вопросы хозяйственной политики Менгеръ относитъ къ об-

ласти особой науки и не предрѣшаетъ въ разсматриваемомъ сочиненіи «о методѣ» ни окончательныхъ идеаловъ хозяйственной жизни, ни ближайшихъ задачъ экономической политики, ни средствъ, съ помощью которыхъ они могутъ быть осуществлены, ограничивая задачу своего изслѣдованія формальной стороной вопроса. Но, судя по другимъ сочиненіямъ экономистовъ австрійской школы, требованія этого направленія во всякомъ случаѣ идутъ не дальше тѣхъ постулатовъ, которые выставляла историческая школа германскихъ экономистовъ.

Признавая за изложенной теоріей серьезныя научныя достоинства въ смыслѣ выясненія особенностей отдѣльныхъ экономическихъ дисциплинъ [1]), мы не можемъ, однако, считать и ее удачнымъ разрѣшеніемъ интересующаго насъ вопроса. Намъ думается, что атомистическое построеніе Менгеромъ основаній экономической теоріи стоитъ гораздо дальше отъ истиннаго выясненія сущности хозяйственныхъ явленій, чѣмъ выводы исторической школы. Менгеръ слишкомъ легко раздѣлывается съ моментомъ историческаго развитія народнаго хозяйства, полагая, что вообще типы и типическія

---

[1]) За исключеніемъ финансовой науки, которую Менгеръ неправильно относитъ только къ группѣ практическихъ дисциплинъ. Изслѣдуя хозяйство государственныхъ органовъ (включая и мѣстное управленіе), финансовая наука, согласно классификаціи самого Менгера, должна совершенно такъ же, какъ и политическая экономія, распадаться на описаніе индивидуальныхъ явленій (государственнаго хозяйства въ различныхъ странахъ), теоретическое выясненіе типическихъ формъ и отношеній (въ государственно - хозяйственныхъ явленіяхъ) и, наконецъ, практическую (финансовую) политику.

отношенія въ данной области могутъ имѣть абсолютное значеніе. Въ сущности и его «экзактные» типы оказываются лишь абстракціями, взятыми изъ строя современныхъ намъ экономическихъ отношеній, основанныхъ на принципѣ трудораздѣльнаго хозяйства и системѣ свободной конкуренціи.

Чтобы разобраться въ изложенныхъ методологическихъ теоріяхъ, мы прежде всего должны обратиться къ исходному пункту нашихъ разсужденій, т.-е. къ вопросу объ объектѣ, съ которымъ имѣетъ дѣло экономическая наука. Мы видѣли, что предметомъ политической экономіи являются соціальныя отношенія, возникающія между людьми на почвѣ борьбы ихъ съ природой для удовлетворенія потребностей матеріальными средствами. Эти отношенія, развиваясь исторически, существуютъ тѣмъ не менѣе съ значительнымъ постоянствомъ въ теченіе продолжительныхъ періодовъ времени. Мы различаемъ въ нихъ, съ одной стороны, нѣкоторые наиболѣе элементарные признаки, свойственные хозяйственной дѣятельности людей во всѣ эпохи ихъ исторической жизни, съ другой—нѣкоторыя типическія черты, характеризующія различнымъ образомъ каждую отдѣльную ступень экономическаго развитія Мы отмѣчали, напр., явленія хозяйства рабскаго, крѣпостническаго и капиталистическаго, и каждый разъ мы усматривали въ нихъ своеобразные признаки, существованіе которыхъ можно прослѣдить вѣками и въ различныхъ человѣческихъ обществахъ.

Такимъ образомъ выводы экономической науки можно раздѣлить на двѣ основныхъ категоріи:

1) положенія, относящіеся къ человѣческой хозяйственной дѣятельности, на какой бы ступени развитія она ни находилась;

2) выводы, касающіеся только опредѣленныхъ историческихъ эпохъ хозяйственнаго развитія.

Перваго рода выводы по существу дѣла представляются крайне элементарными и мало содержательными; ими можно пользоваться, какъ аксіомами въ математическихъ наукахъ, для заключеній относительно болѣе сложныхъ комбинацій общественныхъ отношеній. Выводы второго рода составляютъ обычное содержаніе экономической науки, и они-то, главнымъ образомъ, и имѣлись въ виду не только исторической, но и классической школой. Относительно нихъ ставился и вопросъ объ эгоистическихъ мотивахъ. И мы можемъ теперь остановиться подробнѣе на этомъ вопросѣ.

Мы прежде всего скажемъ: знаменитая «посылка эгоизма» не представляется намъ настолько важнымъ условіемъ экономическаго изслѣдованія, какъ это могло бы казаться изъ разсмотрѣнія методологическихъ споровъ между различными направленіями экономической науки. Вообще вопросъ о мотивахъ представляется намъ второстепеннымъ вопросомъ.

Припомнимъ нашу характеристику различныхъ типовъ хозяйственнаго развитія. Мы намѣчали существенныя черты экономическихъ отношеній каждаго изъ этихъ типовъ, и между тѣмъ намъ ни разу не было надобности прибѣгать къ вопросу о мотивахъ. Почему? Да потому, что не въ мотивахъ заключается ключъ къ уясненію сути междуче-

ловѣческихъ отношеній. Мы обращались каждый разъ къ вопросу объ организаціи хозяйства, и въ ней находили уже объясненными дальнѣйшія явленія экономической жизни. Вѣдь существеннымъ факторомъ, обусловливающимъ всѣ главныя явленія общественнаго хозяйства, каждый разъ являлся хозяйственный строй, основанный на способахъ осуществленія задачъ экономической дѣятельности (замкнутое домашнее хозяйство, товарное капиталистическое производство) и закрѣпленный опредѣленными юридическими институтами. Въ эпоху рабства человѣкъ господствуетъ надъ человѣкомъ, и принудительное начало является руководящимъ принципомъ какъ въ организаціи процесса производства, такъ и въ области распредѣленія всей суммы богатствъ, добытыхъ трудомъ раба. Въ эпоху крѣпостничества, какъ мы видѣли, въ основѣ хозяйственной дѣятельности также лежитъ непосредственное принужденіе, хотя въ нѣсколько смягченной формѣ.

При господствѣ капиталистическаго хозяйства въ основѣ хозяйственнаго строя оказывается уже не юридически - принудительное начало въ отношеніяхъ капиталиста къ рабочимъ, а частная собственность на средства производства. Эти средства находятся въ обладаніи одного общественнаго класса, рабочіе же лишены ихъ и вынуждены предлагать капиталистамъ свой, повидимому, «свободный» трудъ. На почвѣ этихъ основныхъ отношеній хозяйственной жизни развиваются уже вторичныя образованія, въ видѣ психологическихъ мотивовъ, руководящихъ людьми въ ихъ хозяйственной дѣятельности. Естественно, что, въ силу

различій въ основахъ хозяйственнаго строя въ различныя историческія эпохи, различны будутъ и преобладающія побужденія человѣческихъ дѣйствій. Въ первобытной коммунистической общинѣ, ставящей цѣлью своей хозяйственной дѣятельности равномѣрное удовлетвореніе потребностей всѣхъ членовъ, основанное на всеобщемъ, приблизительно равномъ трудѣ, мы найдемъ наиболѣе характернымъ не эгоистическій мотивъ, а общественное чувство. Если при такомъ строѣ личный интересъ возникаетъ и проявляется въ экономической сферѣ, то онъ идетъ въ разрѣзъ съ основными побужденіями, которыя вытекаютъ изъ даннаго строя. Равнымъ образомъ въ замкнутой семьѣ патріархальнаго періода господствуютъ также совершенно иные мотивы, чѣмъ въ современномъ хозяйственномъ обществѣ. Члены семьи (не считая рабовъ) вообще руководятся въ своей жизни родственными узами, а потому и нормы ихъ взаимныхъ отношеній и въ хозяйственной дѣятельности выливаются въ особый этическій кодексъ.

Въ сферѣ капиталистическаго производства основныя общественныя группы (капиталисты — рабочіе) находятся между собой въ постоянномъ антагонизмѣ. Взаимныя отношенія ихъ регулируются эгоистическими мотивами. Но въ данномъ случаѣ мы сдѣлали бы большую ошибку (въ какую и впала классическая политическая экономія), если бы не обратили вниманія на то, что происходитъ въ предѣлахъ этихъ группъ. Въ капиталическомъ хозяйствѣ на ряду съ классомъ капиталистовъ существуетъ другая группа—рабочихъ. Спрашивается, какія же отношенія развиваются внутри этой группы?

Если бы каждый отдѣльный рабочій проникся эгоистическими побужденіями и сталъ бы отстаивать только свои личные интересы, то выигралъ ли бы онъ, какъ представитель цѣлаго класса рабочихъ? Конечно, нѣтъ. Рабочіе могутъ (и мы видимъ, что въ западно-европейскихъ странахъ такъ фактически и происходитъ) улучшить свое положеніе, отстаивая свои общіе интересы. Въ такомъ общемъ дѣлѣ у нихъ развиваются высшія моральныя побужденія, возникаетъ способность жертвовать своими временными и случайными личными интересами во имя общаго блага. Въ развитіи этой групповой дѣятельности и заключается характерное явленіе экономическаго быта болѣе передовыхъ европейскихъ народовъ. Въ извѣстные критическіе моменты, какъ, напр., во время стачки, при образованіи и поддержкѣ рабочихъ союзовъ, на сцену выступаютъ лучшія побужденія, и дѣятельность отдѣльныхъ лицъ регулируется требованіями общаго группового интереса. Этотъ-то важный моментъ и просмотрѣла классическая политическая экономія; не видѣла его также и историческая школа, которая указывала на существованіе разнообразныхъ мотивовъ, регулирующихъ хозяйственныя явленія, но не опредѣлила ни круга отношеній, къ которымъ относятся тѣ или другіе мотивы, ни ихъ производнаго значенія. Болѣе того, историческая школа, а въ особенности то развѣтвленіе ея, которое носитъ названіе «историко-этическаго направленія», придала ученію о мотивахъ совершенно фальшивую, сентиментальную окраску, отступая въ своихъ построеніяхъ отъ односторонняго, узкаго, но трезваго реализма ан-

глійскихъ экономистовъ. Желая во что бы то ни стало видѣть возможность осуществленія высшихъ этическихъ идеаловъ при современномъ экономическомъ строѣ, германскіе экономисты наивно заявляли, что фабрикантъ долженъ понять свои соціальныя обязанности и не угнетать рабочихъ, а руководить ими, воспитывая и развивая въ нихъ нравственныя чувства, что прусская монархія, опираясь на извѣстное своими историческими заслугами прусское чиновничество, призвана стать выше страстей и интересовъ отдѣльныхъ партій и охранять своей могущественной рукой слабые, обиженные и угнетенные элементы общества [1]). Такія пожеланія, конечно, были бы только смѣшны, если бы они не выражали собой сильныхъ тенденцій въ средѣ самихъ господствующихъ классовъ, для которыхъ было очень желательно закрыть сентиментальной пеленой реальныя общественныя язвы и неустройства. Съ другой стороны, усиленная пропаганда «этическаго принципа», высшихъ моральныхъ побужденій въ хозяйственной дѣятельности, соединенная съ очевиднымъ пристрастіемъ къ классу фабрикантовъ и прусской бюрократіи, порождала въ средѣ сторонниковъ трудящихся классовъ естественную реакцію противъ морализма и въ концѣ концовъ приводила къ тому, что вопросъ о моти-

---

[1]) См. напр., у *Гельда*, въ первой книгѣ его «Zwei Bücher zu socialen Geschichte Englands», у *Брентано* въ концѣ второго тома «Arbeitergilden der Gegenwart», въ курсѣ *Шенберга*, въ заявленіяхъ *Шмоллера* на годичныхъ засѣданіяхъ союза соціальной политики и т. д., и т. д. Впервые такія воззрѣнія были высказаны *Лоренцомъ Штейномъ* еще въ 40 гг., въ «Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs».

вахъ хозяйственной дѣятельности не находилъ себѣ должной разработки. Обыкновенно экономисты—сторонники трудящихся классовъ—игнорировали его, видя въ немъ праздный вопросъ, подробное трактованіе котораго можетъ быть устранено простымъ допущеніемъ посылки о классовомъ антагонизмѣ.

Между тѣмъ вопросъ о мотивахъ, не будучи краеугольнымъ вопросомъ экономической методологіи, все же не лишенъ самостоятельнаго значенія. Непринятіе его въ расчетъ можетъ приводить къ ошибочнымъ заключеніямъ, какъ это было, напримѣръ, съ Лассалемъ, Марксомъ и Энгельсомъ, которые приняли классическую теорію о «желѣзномъ законѣ заработной платы», выведенную при игнорированіи факта наличности группового интереса среди рабочихъ.

Какіе же мотивы должно предполагать экономическое изслѣдованіе, если оно стремится строго придерживаться почвы реальной жизни?

Посылка «эгоизма» или «хозяйственнаго расчета» вполнѣ примѣнима къ изслѣдованію отношеній между самостоятельными хозяйственными единицами. Сюда относится громадная масса явленій рыночнаго оборота. Отношенія между фабрикантомъ и купцомъ, у котораго онъ пріобрѣтаетъ сырой матеріалъ, между лавочникомъ и независимымъ потребителемъ, между коммерческимъ кредиторомъ и вполнѣ самостоятельнымъ и независимымъ должникомъ цѣликомъ входятъ въ категорію хозяйственныхъ явленій, объяснимыхъ при помощи посылки хозяйственнаго расчета.

Наоборотъ, объясненіе отношеній между лицами, не вполнѣ зависимыми другъ отъ друга въ ихъ

хозяйственномъ положеніи, не можетъ быть полнымъ, если въ изслѣдованіе введена только посылка эгоизма. Групповые мотивы здѣсь могутъ имѣть мѣсто, и изслѣдователь всегда долженъ отдать себѣ ясный отчетъ, существуютъ ли они въ разсматриваемомъ частномъ случаѣ. Таковы отношенія между хозяевами и рабочими, въ особенности въ крупныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, таковы нѣкоторыя явленія въ области организаціи потребленія (замѣна лавочниковъ потребительскими обществами) и т. п.

Наконецъ, современная хозяйственная жизнь знаетъ такого рода экономическія явленія, для объясненія которыхъ недостаточны ни посылка эгоизма, ни посылка групповыхъ мотивовъ. Въ предпріятіяхъ, построенныхъ на принципѣ непосредственнаго общественнаго контроля (государственныя, муниципальныя предпріятія), главнымъ двигателемъ человѣческихъ дѣйствій является уже чувство отвѣтственности передъ цѣлымъ общественнымъ союзомъ и чувство общественнаго долга.

Итакъ, ученіе о мотивахъ представляется намъ въ иномъ освѣщеніи сравнительно съ доктринами, предложенными классической и исторической школами политической экономіи. Говоря о различныхъ побужденіяхъ людей, проявляющихся въ ихъ хозяйственной дѣятельности, мы не должны забывать, что они представляютъ собой продуктъ экономическаго строя, въ которомъ живетъ, дѣйствуетъ и чувствуетъ каждый данный индивидуумъ. Основными посылками при построеніи теоретическихъ выводовъ политической экономіи мы должны принимать прежде всего не мотивы, а хозяйственный

строй, выясненіе котораго поможетъ намъ разобраться и въ самыхъ мотивахъ [1]).

Перейдемъ теперь къ слѣдующему важному вопросу экономической методологіи — о характерѣ экономическихъ законовъ. И въ данномъ случаѣ мы не можемъ раздѣлить ни точки зрѣнія классической экономіи, ни исторической школы, ни взглядовъ Менгера. Прежде всего мы признаемъ, что, дѣйствительно, можно найти нѣкоторые общіе типы въ хозяйственныхъ явленіяхъ, но такими типами мы никоимъ образомъ не можемъ считать абстракціи отъ явленій одной формы (ступени) экономическаго развитія. Мы можемъ открыть ихъ, только отвлекаясь отъ всѣхъ конкретныхъ историческихъ формъ экономическихъ отношеній, анализируя ихъ и намѣчая такимъ путемъ черты, общія всѣмъ ступенямъ хозяйственной исторіи. Такія типическія черты, какъ мы уже упоминали выше, будутъ весьма элементарными и мало содержательными, но онѣ важны, какъ аксіомы въ математическихъ наукахъ, для объясненія сложныхъ жизненныхъ формъ. Таковъ, напримѣръ, законъ, что хозяйственная дѣятельность человѣческихъ обществъ совершенствуется при помощи примѣненія принципа раздѣленія труда; таково положеніе, что хозяйственная дѣятельность человѣка стоитъ въ опредѣленной зависимости отъ внѣшней физической

---

[1]) Къ выводамъ, сходнымъ съ изложенными въ текстѣ, пришелъ недавно и *Зомбартъ* (въ «Der moderne Kapitalismus»). Однако ему не удалось еще вполнѣ освободиться отъ старыхъ традицій, что сказалось въ особенности на выборѣ въ качествѣ посылокъ для изслѣдованія только «господствующихъ мотивовъ руководящихъ субъектовъ хозяйства». При изученіи капиталистической эпохи необходимо, по мнѣнію Зомбарта, при-

среды; таковъ выводъ, что ходъ хозяйственной дѣятельности зависитъ отчасти отъ характера орудій труда, употребляемыхъ человѣкомъ, и т. д. При всей элементарности подобныхъ обобщеній съ ихъ помощью можно намѣтить цѣлую систему, такъ сказать, соціологическихъ выводовъ, нарисовать въ наиболѣе простыхъ, элементарныхъ чертахъ общую сущность хозяйственныхъ отношеній человѣческихъ обществъ. Но указанными обобщеніями не исчерпывается содержаніе экономической науки; въ ея задачу входитъ и установленіе болѣе частныхъ законовъ, проявляющихся въ отдѣльныхъ типахъ хозяйственнаго развитія. Намъ необходимо подойти также и къ изслѣдованію этихъ характерныхъ типовъ, намѣтить постоянныя черты экономическихъ явленій въ предѣлахъ каждаго даннаго типа и установить историческіе законы народнаго хозяйства. Опираясь на полученное такимъ путемъ знаніе, мы можемъ объяснить сложныя отношенія различныхъ историческихъ эпохъ, напр., эпохи рабства, крѣпостничества, капитализма. Съ другой стороны, мы должны поставить задачей экономической науки и теоретическое выясненіе основныхъ условій, опредѣляющихъ преобразованія обществен-

---

нимать въ соображеніе только мотивы предпринимателей, но не рабочихъ. Такой постановкой задачи Зомбартъ съ первыхъ же шаговъ подрѣзываетъ себѣ крылья, такъ какъ для полноты пониманія многихъ явленій современной экономической жизни нельзя обойтись безъ выясненія вліяній, оказываемыхъ стремленіями рабочихъ классовъ, а слѣдовательно, и дѣйствующихъ въ этихъ случаяхъ мотивовъ. Голословное допущеніе, что въ капиталистическую эпоху рабочихъ можно игнорировать въ смыслѣ ихъ вліянія на «руководство» хозяйственной дѣятельностью, представляется особенно страннымъ у такого наблюдательнаго изслѣдователя, какъ Зомбартъ. См. *Werner Sombart*. «Der moderne Kapitalismus». I Bd. Leipzig, 1902, стр. XVII—XXII.

наго хозяйства, переходъ его съ одной исторической ступени на другую

Выяснивши, такимъ образомъ, наши взгляды на характеръ экономическихъ законовъ, мы можемъ отдать себѣ отчетъ въ условіяхъ построенія тѣхъ идеаловъ, которые должны быть поставлены для практической дѣятельности въ сферѣ экономическихъ отношеній. Такъ какъ искусство, практика могутъ развиваться только на почвѣ выясненія дѣйствительности, то естественно, что характеръ нашего экономическаго знанія будетъ опредѣлять и наши практическіе соціально - хозяйственные идеалы. На почвѣ общаго отвлеченнаго знанія хозяйственной жизни (ея наиболѣе элементарныхъ законовъ) можно конструировать тотъ общій идеалъ, которымъ слѣдуетъ руководиться въ экономической дѣятельности. Напрасно думаютъ, что научное построеніе такого идеала невозможно, что онъ долженъ быть только продуктомъ поэтической фантазіи. На основаніи выводовъ экономической науки, раскрывающихъ главную сущность хозяйственныхъ отношеній, мы можемъ намѣтить въ общихъ очертаніяхъ идеалъ будущаго, по направленію къ которому будетъ и должна двигаться экономическая жизнь. При этомъ слѣдуетъ только остерегаться отъ ошибки, въ которую впадали экономисты-утописты, конструируя этотъ идеалъ во всѣхъ деталяхъ жизненныхъ отношеній. Такихъ построеній наука не въ состояніи дать; она можетъ лишь нарисовать идеалъ отдаленнаго будущаго въ элементарныхъ, грубыхъ чертахъ, основываясь на своихъ простѣйшихъ соціологическихъ обобщеніяхъ.

Но, кромѣ этого отдаленнаго идеала, знаніе историческихъ законовъ, проявляющихся въ данную историческую эпоху, открываетъ возможность построенія идеала ближайшаго будущаго, указанія задачъ государственной политики и общественной дѣятельности въ смыслѣ реформы существующихъ экономическихъ отношеній и условій. Жизнь настойчиво требуетъ разрѣшенія этихъ ближайшихъ задачъ, отвѣта на текущіе запросы — и политическая экономія въ своей практической части можетъ оказать ей требуемую услугу. Такъ, на почвѣ выясненія прошлыхъ условій и существующихъ жизненныхъ формъ человѣкъ можетъ перестраивать и свою общественную жизнь. Въ этомъ случаѣ онъ поступаетъ такъ же, какъ при дѣятельности въ физической средѣ, комбинируя фактическіе матеріалы и силы, заставляя одни изъ нихъ дѣйствовать на другіе соотвѣтственно своимъ цѣлямъ. Люди сознали уже не только условія окружающаго ихъ міра, но и свои общественныя отношенія, и въ этомъ сознаніи и заключается ихъ сила, ихъ способность, опираясь на него, создавать себѣ лучшее будущее.

Итакъ, мы разсмотрѣли взгляды на задачи и пріемы экономическаго изслѣдованія главнѣйшихъ направленій экономической мысли и попытались выяснить собственную точку зрѣнія на этотъ вопросъ. При этомъ мы указали тѣ особенныя формы, въ какія облекаются въ данномъ случаѣ общіе логическіе методы изслѣдованія. Само собой разумѣется, что и здѣсь мы встрѣчаемся ни съ чѣмъ инымъ, какъ съ примѣненіемъ индуктивнаго и дедуктивнаго процесса мысли,—единственно возмож-

ныхъ путей человѣческаго знанія. Классическая школа центромъ тяжести изслѣдовательной работы въ области политической экономіи ставила дедукцію изъ a priori принятыхъ, указанныхъ нами выше посылокъ; историческая школа, наоборотъ, выдвинула на первый планъ историческую индукцію. Тѣмъ не менѣе и та и другая не устранили примѣненія совмѣстно обоихъ процессовъ. Въ посылкахъ классической школы мы можемъ видѣть (хотя и несовершенную) индукцію отъ основаній новаго экономическаго строя; съ своей стороны, и историческая школа, установивъ путемъ исторической индукціи свои основныя положенія (напр., о проявленіи разнообразныхъ мотивовъ въ хозяйственной дѣятельности людей), въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ строила на нихъ дедуктивно свои выводы. Равнымъ образомъ и съ нашей точки зрѣнія представляется необходимымъ комбинированное примѣненіе обоихъ процессовъ, индуктивнаго—при установленіи общихъ типическихъ формъ экономическихъ отношеній и ихъ законовъ и дедуктивнаго — при выясненіи болѣе сложныхъ комбинацій, основанныхъ на извѣстномъ сочетаніи простѣйшихъ типическихъ элементовъ. Если, напримѣръ, мы установили индуктивнымъ путемъ, что въ данномъ хозяйственномъ періодѣ типическими отношеніями между извѣстными классами общества оказываются антагонистическіе интересы, то изъ этого положенія мы можемъ уже вывести дедуктивно сущность каждой категоріи ихъ взаимныхъ отношеній.

Этимъ я могъ бы закончить изложеніе методологическихъ вопросовъ политической экономіи. Но я

долженъ сказать нѣсколько словъ объ одномъ явленіи, часто встрѣчающемся при изученіи соціальныхъ отношеній. Среди ученыхъ, занимающихся естественными науками, въ настоящее время было бы странно видѣть человѣка, который задался бы цѣлью искажать истину въ своихъ личныхъ интересахъ. Въ естествознаніи давно уже установилась точка зрѣнія, согласно которой считается существенно необходимымъ изучать факты такъ, какъ они есть, и излагать въ томъ видѣ, какъ они представляются изслѣдователю. Выполняя свою задачу, натуралистъ не станетъ стушевывать однѣ стороны явленій и подчеркивать другія, придавать завѣдомо неправильное освѣщеніе изучаемымъ фактамъ, а всегда будетъ держаться почвы строгаго объективизма. Не то мы видимъ въ изслѣдованіяхъ общественной жизни. Здѣсь изслѣдователь постоянно сталкивается съ человѣческими симпатіями и антипатіями, выгодами и интересами. Съ нѣкоторыми явленіями общественной жизни у него связаны свои собственные интересы, которые заставляютъ его уклоняться отъ пути объективнаго изученія, терять твердую почву, на которой стоитъ естествоиспытатель. А между тѣмъ въ цѣляхъ научнаго выясненія дѣйствительности необходимо, чтобы изслѣдователь и при изученіи соціальныхъ явленій отрѣшился отъ всѣхъ нарушающихъ нормальный ходъ его работы симпатій и антипатій, личныхъ выгодъ и интересовъ и старался высказывать одну только истину въ томъ видѣ, какъ она ему представляется. Пусть онъ заблуждается, но если онъ не внесетъ въ изслѣдованіе постороннихъ элементовъ, въ видѣ личной точки зрѣнія, истина всегда восторжествуетъ.

Каждый ученый, приступая къ изслѣдованію общественныхъ явленій, долженъ повторить себѣ прекрасную формулу французской судебной присяги: «Я скажу правду, всю правду, ничего, кромѣ правды».

УЧЕНІЕ О ПРОИЗВОДСТВѢ.

Лекція третья.

I. Сущность производства.—Характеристика условій производства.—Природа, трудъ, капиталъ.—Естественныя условія хозяйственной дѣятельности.—Климатъ (распредѣленіе тепла, влажности и воздушныхъ теченій).—Рѣки и моря.—Горы и низменности. — Строеніе земной коры. — Флора и фауна.—Измѣненіе естественной среды сознательными усиліями человѣка.—Роль общественныхъ условій въ техническомъ прогрессѣ. II. Трудъ.—Опредѣленіе хозяйственнаго труда; его историческія формы.—Масса труда.—Составъ населенія по поламъ, возрастамъ, занятіямъ.—Здоровье и физическія силы населенія.—Смертность.—Переселенія.—Безработица.

I.

Мм. гг.! Въ предшествовавшемъ изложеніи я попытался намѣтить основные предварительные вопросы, составляющіе введеніе въ экономическую теорію. Я разсмотрѣлъ, въ чемъ заключается объектъ экономическаго изслѣдованія, его цѣли и логическіе пріемы, при помощи которыхъ политическая экономія осуществляетъ свои задачи. Теперь перейдемъ къ изложенію самой системы экономическаго знанія. Здѣсь мы прежде всего встрѣчаемся съ вопросомъ, какимъ образомъ слѣдуетъ разбить эту систему на элементарныя части, чтобы намѣтить главнѣйшіе отдѣлы экономической науки? Естественно, что такое дѣленіе должно исходить не изъ апріорныхъ, извнѣ взятыхъ положеній, а изъ изученія свойствъ

самого объекта, на изслѣдованіе котораго направлена экономическая мысль. Мы видѣли, что предметомъ политической экономіи является хозяйственная дѣятельность человѣческаго общества. Знаніе основныхъ процессовъ хозяйственной дѣятельности поможетъ намъ разбить и содержаніе экономической науки на соотвѣтствующіе отдѣлы. Въ одной изъ предыдущихъ лекцій намъ уже приходилось указывать на два крайнихъ полюса, между которыми вращается хозяйственная дѣятельность,—на производство и потребленіе. Люди нуждаются въ извѣстномъ запасѣ матеріальныхъ средствъ, которыя они черпаютъ изъ внѣшней природы и употребляютъ для удовлетворенія своихъ потребностей. Но мы видѣли, что уже на раннихъ ступеняхъ человѣческой культуры этими процессами не исчерпывается вся экономическая дѣятельность. Даже въ эпоху господства простѣйшей формы экономической организаціи—замкнутаго домашнаго хозяйства—продукты не прямо обращались къ потребленію, а предварительно распредѣлялись между составными частями этой маленькой группы. Если въ составъ ея входили господа и рабы, то условія распредѣленія слагались различно для каждаго изъ этихъ классовъ, въ зависимости отъ существа ихъ взаимныхъ отношеній, характеризующихъ данную фазу экономической жизни. Такимъ образомъ между производствомъ и потребленіемъ протекаетъ самостоятельный промежуточный моментъ распредѣленія, т.-е. раздѣла долей общей массы продуктовъ между составными частями общества. По мѣрѣ развитія хозяйственной жизни въ эти стадіи экономической дѣятельности вплетается еще одинъ промежуточный моментъ, имен-

но моментъ обмѣна. Когда изолированныя хозяйства не удовлетворяютъ своихъ потребностей собственными силами, то они вступаютъ въ обмѣнъ другъ съ другомъ сначала только излишками отъ собственнаго потребленія, а затѣмъ мало-по-малу вся хозяйственная жизнь складывается такимъ образомъ, что каждая производительная единица изготовляетъ уже какую-нибудь спеціальную категорію продукта. Иначе говоря, хозяйственная организація строится по принципу общественнаго раздѣленія труда, при которомъ каждое отдѣльное хозяйство вноситъ, такъ сказать, свою часть въ общій запасъ продуктовъ, производя не ту совокупность предметовъ, въ которыхъ оно само нуждается, а извѣстные спеціальные товары, въ обмѣнъ на которые оно только и можетъ получить себѣ все необходимое. Такимъ образомъ производство, обмѣнъ, распредѣленіе и потребленіе— вотъ 4 главныхъ отдѣла экономической науки, соотвѣтствующіе основнымъ послѣдовательнымъ процессамъ хозяйственной дѣятельности людей.

Обратимся къ ученію о производствѣ. Прежде всего мы должны отвѣтить на общій вопросъ, что такое производство, каковы его существенныя черты? При этомъ словѣ у насъ на первый разъ возникаетъ представленіе о созданіи чего-то новаго, чего раньше не было. Если мы видимъ вновь выстроенное обширное зданіе, то оно представляется намъ какимъ-то новымъ предметомъ, созданнымъ творческой человѣческой дѣятельностью. Но если присмотрѣться къ тѣмъ элементамъ, изъ которыхъ слагается сложный продуктъ, и къ тѣмъ трудовымъ процессамъ, путемъ которыхъ онъ былъ созданъ,

то мы увидимъ, что въ данной области человѣческая дѣятельность строго замыкалась рамками, данными природой. Человѣческій трудъ не творитъ новаго вещества; онъ придаетъ веществу только новую форму; въ этомъ видоизмѣненіи формы и заключается вся сущность производства. Созидательная дѣятельность человѣка состоитъ лишь въ пользованіи готовыми матеріалами и силами природы. Изучая естественныя свойства явленій, познавая ихъ, человѣкъ имѣетъ возможность такъ ихъ регулировать, что на почвѣ ихъ взаимнаго соотношенія является новая форма вещества, способная дать удовлетвореніе человѣческимъ потребностямъ. Приглядываясь ближе къ этимъ измѣненіямъ, производимымъ руками человѣка, мы встрѣчаемся не съ чѣмъ инымъ, какъ лишь съ движеніемъ матеріи, съ утилизированіемъ силъ природы. Движеніе и противодѣйствіе движенію—вотъ въ чемъ заключается производственная дѣятельность человѣка. Возьмемъ, напримѣръ, каѳедру. Чѣмъ при ея созданіи пользовался человѣкъ? Онъ пускалъ въ ходъ двигательные процессы. Нужно было срубить дерево, т.-е. вдвинуть въ него топоръ, сцѣпленіе частицъ котораго сильнѣе сцѣпленія частицъ дерева; затѣмъ, пользуясь силой тренія, перевезти срубленный стволъ, употребляя въ дѣло мускульную силу животныхъ, въ мѣсто, гдѣ его можно распилить на доски. Вся суть этого новаго техническаго процесса распиливанія будетъ также состоять въ продвиганіи пилы, какъ болѣе твердаго вещества, чрезъ дерево, преодолѣвая сопротивленіе его частицъ. Будь это ручная лѣсопилка или паровая—элементарные процессы производства не измѣнятся. Въ первомъ случаѣ употребляемое движеніе

является результатомъ мускульной работы человѣка, во второмъ—силы пара. Для пользованія этой последней силой человѣкъ придвигаетъ зажженную спичку къ горючему матеріалу, благодаря чему, въ силу дѣйствія опредѣленныхъ химическихъ законовъ, развивается извѣстное количество тепла, превращающее воду въ паръ. Сила упругости частицъ пара приводитъ въ движеніе передаточный механизмъ, который, въ свою очередь, заставляетъ дѣйствовать дальнѣйшія части машины, распиливающія дерево на доски. Итакъ, въ движеніи вся суть производственной дѣятельности. Разсматривая съ этой точки зрѣнія разнообразныя отрасли человѣческаго труда, мы не можемъ не видѣть, что онѣ вполнѣ зависятъ отъ запаса матеріаловъ и силъ, данныхъ въ природѣ, и что только знаніе и расширеніе знанія даетъ возможность человѣку удовлетворять свои потребности. Опираясь на знаніе естественныхъ свойствъ явленій, человѣкъ получаетъ возможность заставлять однѣ естественныя силы дѣйствовать на другія, чтобы въ результатѣ получить желательное ему преобразованіе вещества. Познакомившись съ сущностью производства, мы можемъ теперь перейти къ выясненію его составныхъ элементовъ. Въ нашемъ примѣрѣ мы видѣли, что производственная дѣятельность имѣетъ характеръ какого-то сложнаго процесса. Мы различали въ немъ человѣческія усилія, направленныя на рубку, распилку, передвиженіе дерева, естественныя свойства, которыми пользовался человѣкъ, и, наконецъ, орудія труда, которыми онъ пытался увеличить силу своихъ органовъ. И во всѣхъ формахъ производственной дѣятельности мы постоянно встрѣтимся съ той

или иной комбинаціей этихъ же основныхъ элементовъ. Человѣкъ становится въ ней лицомъ къ лицу съ природой; онъ добываетъ изъ нея нужныя для него матеріальныя средства. При этомъ онъ употребляетъ извѣстныя усилія какъ физическія, такъ и умственныя. Онъ напрягаетъ имѣющійся въ его организмѣ запасъ мускульной и нервной энергіи, чтобы достигнуть поставленной цѣли. Итакъ, природа и трудъ—вотъ два основные элемента хозяйственной производственной дѣятельности

Природа доставляетъ матеріалы и силы, наличный запасъ которыхъ опредѣляетъ собой границы человѣческихъ трудовыхъ завоеваній. Однако эти границы постоянно измѣняются какъ въ сторону суженія, такъ и расширенія. Человѣкъ можетъ истощать естественныя богатства, но онъ же можетъ находить и новые источники. Чѣмъ дальше развивается человѣческое знаніе, тѣмъ большія сокровища раскрываются для людей въ міровой жизни. Для дикаря-охотника все богатство занимаемой имъ мѣстности заключается въ стадахъ дичи, истребленіе которой превращаетъ для него самый цвѣтущій край въ безплодную пустыню. Современные культурные народы могутъ, наоборотъ, извлекать столько разнообразныхъ средствъ изъ окружающей ихъ природы, что на пространствѣ земли, гдѣ съ трудомъ прокормились бы десятка два бродячихъ дикарей-охотниковъ, теперь могутъ существовать тысячи людей. Итакъ, естественныя условія составляютъ основу, на которой развивается производственная дѣятельность человѣчества. Однако въ этой дѣятельности въ физической средѣ человѣкъ выступаетъ по большей части не непосредственно,

такъ какъ силы его сами по себѣ очень слабы для выполненія намѣчаемыхъ имъ сложныхъ задачъ. Онъ нуждается всегда въ извѣстныхъ средствахъ, т.-е. въ готовыхъ уже продуктахъ труда, пользуясь которыми можно было бы успѣшнѣе вести новое производство. Этими средствами могутъ быть, напримѣръ, орудія, зданія, дорожныя сооруженія и т. д., которыя требуютъ спеціальныхъ трудовыхъ затратъ, но которыя, взамѣнъ того, значительно облегчаютъ дальнѣйшее производство. Такія средства носятъ техническое названіе капитала.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, мы можемъ разбить ученіе о производствѣ на слѣдующіе отдѣлы: 1) вліяніе естественныхъ условій на хозяйственную дѣятельность человѣческаго общества; 2) общественныя отношенія, связанныя съ приложеніемъ труда къ производству; 3) характеръ соціальныхъ отношеній, возникающихъ въ силу примѣненія капитала, т.-е. средствъ производства, созданныхъ прошлымъ трудомъ общества и направленныхъ на расширеніе и продолженіе его производственной дѣятельности.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній мы можемъ уже перейти къ выясненію естественныхъ условій, при которыхъ примѣняется человѣческій трудъ. Посмотримъ, въ чемъ состоятъ эти условія, какъ они опредѣляютъ содержаніе и направленіе трудовыхъ процессовъ человѣческаго общества.

Уже изъ элементарныхъ географическихъ свѣдѣній вы знаете, что люди имѣютъ въ своемъ обладаніи ограниченную географическую территорію, многія части которой представляются до сихъ поръ

недоступными для экономической культуры. Вся площадь земного шара равняется только 509 милліонамъ квадратныхъ километровъ, при чемъ бóльшая доля этого пространства приходится на моря, служащія для хозяйственной дѣятельности людей только путями сообщенія да источникомъ рыболовства. Но и на сушѣ дѣятельность человѣка не вездѣ можетъ прилагаться съ одинаковымъ успѣхомъ. Прежде всего на нее вліяетъ разнообразіе климатическихъ условій, т.-е. распредѣленія тепла, влажности и воздушныхъ теченій.

Распространеніе животныхъ породъ въ различныхъ климатическихъ областяхъ зависитъ отъ степени ихъ приспособляемости. Извѣстно, что человѣкъ принадлежитъ къ наиболѣе приспособляющимся органическимъ существамъ. Едва ли есть такая мѣстность на земномъ шарѣ, гдѣ человѣкъ абсолютно не могъ бы существовать. Нансенъ и Іогансенъ достигли 86° 14′ полярной широты. Верхоянскъ, имѣющій среднюю температуру въ январѣ въ—53°, составляетъ постоянное поселеніе съ правами уѣзднаго города, и, наоборотъ, одно изъ самыхъ жаркихъ мѣстъ на свѣтѣ—Массова—является главнымъ населеннымъ мѣстомъ итальянской колоніи Эритреи (у Чермнаго моря). Тѣмъ не менѣе, если человѣкъ можетъ существовать всюду, то не всякая мѣстность доступна ему безъ чрезвычайной поддержки извнѣ. Уже такія земли, какъ островъ Шпицбергенъ или земля Франца Іосифа, почти совершенно необитаемы. Насколько неблагопріятны условія жизни сѣверныхъ мѣстностей, можно видѣть изъ того, что одна и та же раса, живущая на крайнемъ сѣверѣ, совершенно отличается отъ сво-

ихъ южныхъ родичей. Между тунгузами, обитающими въ Сѣверной Сибири, и тунгузами—завоевателями и господами Китая, между тюркскими номадами на Ленѣ (якутами) и турками, господствующими въ Западной Азіи,—всякій съ перваго взгляда признаетъ колоссальную разницу [1]).

Въ извѣстномъ географическомъ дѣленіи на климатическіе поясы мы можемъ видѣть попытку опредѣленія размѣровъ естественныхъ областей, представляющихъ существенно различныя условія для хозяйственной культуры. Если мы возьмемъ за основаніе для такого дѣленія линіи равной годовой температуры (изотермы), то на жаркій поясъ придется 49,3% всей земной поверхности, на умѣренный—38,5% и на холодный—12,2%. Такимъ образомъ жаркій поясъ образуетъ около половины всего пространства земли, однако только одна четверть его приходится на сушу, три же четверти—на море.

Разница въ степени тепла вліяетъ существеннымъ образомъ какъ на потребности человѣка, такъ и на способы ихъ удовлетворенія. Житель знойнаго юга нуждается въ болѣе легкой одеждѣ, менѣе обильной пищѣ, менѣе солидномъ жилищѣ, чѣмъ житель сѣверныхъ странъ; и въ то же время южная природа открываетъ болѣе легкіе пути къ добыванію предметовъ, необходимыхъ для человѣка. Гумбольдтъ вычислялъ, что поле банановъ можетъ прокормить въ 133 раза большее количество людей, чѣмъ равное по размѣрамъ поле пшеницы. Позднѣйшія вычисленія нѣсколько уменьшили эту цифру, но все же

1) *Fr. Ratzel.* Anthropogeographie. 2-te Aufl. Stuttgart, 1879, стр. 472.

и теперь ее считаютъ очень высоко (въ 25 разъ по Риттеру).

Впрочемъ, говоря о «легкости жизни» въ тропическихъ странахъ, мы не должны забывать, что щедрая природа не является единственнымъ условіемъ работы живущихъ тамъ народовъ. Пришлые завоеватели и поселенцы могутъ въ короткое время превратить благодатныя условія жизни дикарей въ тяжкое подневольное существованіе. Добываніе алмазовъ въ Южной Африкѣ представляетъ яркій примѣръ европейскаго хищничества, вторгающагося неумолимо въ жизнь дикихъ племенъ и создающаго новыя формы рабства (прикрытаго нѣкоторой видимостью «свободнаго» промышленнаго договора). Возвратимся, однако, къ естественнымъ вліяніямъ.

Мы замѣтили, что въ крупныхъ чертахъ на различіе естественной обстановки человѣческаго труда указываетъ уже дѣленіе на географическіе поясы. Но, конечно, и въ этихъ поясахъ при болѣе внимательномъ наблюденіи мы найдемъ значительныя различія.

Напр., въ умѣренной полосѣ разница въ продолжительности временъ года все еще настолько велика, что она существеннымъ образомъ отражается на ходѣ сельскаго хозяйства. Продолжительность сельско-хозяйственныхъ работъ колеблется въ предѣлахъ одной Европы между 4 и 11 мѣсяцами (въ Россіи онѣ продолжаются въ среднемъ 4 мѣсяца, въ Восточной Пруссіи—5, въ Средней Германіи—7, въ Южной Англіи—11 мѣсяцевъ).

Но даже въ предѣлахъ одной Европейской Россіи, благодаря разницѣ въ продолжительности зимы, сельско-хозяйственныя работы продолжаются не оди-

наковое время. Въ Московской губеніи, напр., полевыя работы производятся на два мѣсяца короче, чѣмъ въ Ставропольской. Извѣстныя породы растеній могутъ произрастать не далѣе опредѣленныхъ градусовъ широты: рожь и овесъ у насъ до 66° с. ш., пшеница до 63°, сахарная свекловица до 43—51°, кукуруза на зерно до 53° и т. д. Такимъ образомъ мы видимъ, что климатическія условія оказываютъ существенное вліяніе на характеръ сельскохозяйственной культуры въ каждой странѣ. Продолжительность зимы опредѣляетъ и время замерзанія рѣкъ, т.-е. длительность мертваго сезона для судоходства. Россія въ этомъ отношеніи представляетъ неблагопріятныя условія сравнительно съ западно-европейскими государствами: такъ, наша главная рѣчная артерія — Волга—замерзаетъ на 150 дней, тогда какъ Рейнъ всего на 26 дней. На сѣверо-востокѣ Архангельской губ. ледъ на рѣкахъ держится даже 200 дней.

Второе весьма важное климатическое условіе — влажность также бываетъ весьма различна въ зависимости отъ географическаго положенія страны. По степени влажности страны дѣлятся на бѣдныя осадками (имѣющія ежегодно не болѣе 350 mm. дождей), среднія (отъ 250 до 1000 mm.) и богатыя осадками (свыше 1000 mm.). Среднія считаются наиболѣе благопріятными для экономической культуры, къ нимъ принадлежатъ: Центральная и Западная Европа, Восточный Китай и восточная половина Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Мѣстности, бѣдныя осадками, захватываютъ большее пространство, чѣмъ всѣ остальныя области. Къ нимъ относятся: Центральная и Южная Африка, Западная

Америка, Восточная Европа (наше отечество) и бóльшая часть Азіи и Австраліи [1]).

Конечно, вліяніе этого условія всего значительнѣе также въ области сельскаго хозяйства. Оно сказывается, напр., въ количествѣ урожаевъ даже на сравнительно небольшой географической территоріи. Въ Тульской губ., въ мѣстностяхъ съ сравнительно сухимъ климатомъ, путемъ сравненія дождливыхъ годовъ съ сухими, нашли, что въ дождливые годы средняя урожайность исчислялась на десятину въ 106 пуд., въ средніе—въ 81,6 пуд., въ сухіе—въ 67.

Наконецъ, скажемъ нѣсколько словъ о воздушныхъ теченіяхъ, какъ климатическомъ условіи, вліяющемъ на хозяйственную дѣятельность людей

Прежде всего нельзя не отмѣтить, что вѣтеръ долгое время служилъ единственной силой, пользованіе которой открывало людямъ возможность плаванія по морю. И до сихъ поръ еще значеніе вѣтра для судоходства весьма важно (рыбачьи суда на морѣ, каботажное и рѣчное судоходство). Для первоначальной же человѣческой культуры благопріятныя воздушныя теченія имѣли огромнѣйшее значеніе. «Никто не сомнѣвается, что сѣверо-восточный пассатъ облегчилъ открытіе Америки, равно какъ сѣверо-восточный и юго-западный муссоны Индѣйскаго океана создали первое сообщеніе грековъ съ Индіей... Только регулярные вѣтры могли побудить моряковъ отважиться въ плаваніе вдаль отъ защиты береговъ» [2]).

---

1) *Schmoller,* указ. соч., стр. 131.

2) *Ratzel,* указ. соч., стр. 569.

Вліяніе вѣтровъ часто сказывается въ полной противоположности сосѣднихъ частей одной и той же страны, раздѣленныхъ преградами для воздушныхъ теченій.

«Многіе изъ гористыхъ острововъ тропическаго Тихаго океана представляютъ роскошную лѣсную растительность, съ одной стороны, и безплодную пустыню— съ другой. Гавайскіе острова прямо раздѣлены на двѣ половины: одна зеленая, другая — пустынная. Восточныя горы Австраліи дѣлятъ Іоркскій полуостровъ на двѣ части: обвѣваемую юго-восточнымъ пассатомъ, обильную дождями восточную сторону и сухую — западную. На Вестъ-Индскихъ островахъ—та же картина: сырая сѣверная сторона, обращенная къ пассатному вѣтру, противополагается сухой южной сторонѣ»[1]) и т. д.

Вліяніе вѣтровъ не ограничивается, однако, указаннымъ контрастомъ ландшафтовъ. Вся Южная и Восточная Африка суха, благодаря восточнымъ горнымъ высотамъ, похищающимъ влажность у юго-восточнаго пассата. Такъ какъ для всей Индіи юго-западный муссонъ представляется наиболѣе обильнымъ влагой, то Westghats получаютъ богатѣйшіе осадки, а ихъ задній склонъ принадлежитъ къ сухимъ областямъ. Средняя Америка лучше овлажняется съ атлантической стороны, обращенной къ сѣверо-восточному пассату, чѣмъ со стороны Тихаго океана. Здѣсь обнаруживаются крупныя культурныя вліянія. Въ Средней Америкѣ культура никогда не могла овладѣть влажной, покрытой лѣсомъ сѣверной стороной, которая осталась

---

1) *Ratzel*, указ. соч., стр. 571.

и до нашего времени достояніемъ грубыхъ лѣсныхъ индѣйцевъ, тогда какъ солнечная западная сторона всегда была культурной областью, гдѣ еще до прибытія европейцевъ жило густое населеніе земледѣльцевъ [1]).

Дальнѣйшимъ естественнымъ факторомъ въ производственной дѣятельности людей являются рѣки и моря. Рѣки находятся въ связи съ вертикальнымъ строеніемъ территоріи, которое опредѣляетъ ихъ направленіе. Онѣ представляютъ наиболѣе удобное условіе для человѣческихъ сношеній; поэтому первоначальныя общества стремились располагаться по теченію рѣкъ. Мы знаемъ, что на зарѣ цивилизаціи историческая жизнь развивается всего раньше по теченію рѣкъ. Сыръ и Аму-Дарья въ Средней Азіи, междурѣчье Гоанго и Янтъ-се-кіанга въ Восточной Азіи (Китай), Тигръ и Евфратъ въ Месопотаміи и долина Нила въ Египтѣ были колыбелью четырехъ великихъ цивилизацій древняго Востока. Въ нашей отечественной исторіи мы также находимъ слѣды вліянія разсматриваемаго фактора; древнерусскія княжества, какъ извѣстно, были расположены въ бассейнѣ великаго воднаго пути, соединявшаго Балтійское море съ Чернымъ; здѣсь зародилась русская культурная жизнь. Сравнивая современныя территоріальныя условія нашего отечества съ западно-европейскими, мы находимъ, что Россія и въ данномъ отношеніи поставлена въ неблагопріятное положеніе сравнительно съ западно-европейскими государствами. Общимъ мѣриломъ для сужденія о степени благопріятности или неблагопріятности распредѣле-

---

1) Тамъ же, стр. 572.

нія рѣкъ обыкновенно принимается отношеніе длины рѣкъ, протекающихъ въ данной странѣ, къ пространству, занимаемому этой страной. Прилагая это мѣрило къ разсматриваемому случаю, мы и убѣждаемся въ справедливости указаннаго выше положенія: на 100 кв. миль площади приходится судоходныхъ рѣкъ и каналовъ во Франціи 125 верстъ, въ Англіи—120, въ Германіи—119, въ Италіи—50, въ Европейской Россіи — 41. Дальнѣйшимъ существеннымъ факторомъ является горизонтальное развитіе суши (берега морей). Очертаніе береговъ имѣетъ громадное значеніе для всей хозяйственной жизни и дѣятельности, такъ какъ съ тѣхъ поръ какъ люди начинаютъ преодолѣвать препятствія, которыя море ставитъ для человѣческихъ сношеній, все развитіе культуры становится въ зависимость отъ усовершенствованія мореходства, дающаго возможность устанавливать торговыя и культурныя связи между отдаленными другъ отъ друга народами. Уже въ древнемъ мірѣ страны съ развитой береговой линіей имѣли и развитую культуру: таковы, напр., Греція и Финикія. Въ настоящее время въ лучшихъ условіяхъ въ данномъ отношеніи оказывается среди частей свѣта Европа, а въ предѣлахъ самой Европы—Соединенное Королевство (Англія). Въ то время какъ въ Европѣ одна верста берега приходится на 30 кв. верстъ пространства, въ Австраліи—одна на 73, въ Америкѣ—одна на 78, въ Азіи—одна на 90 и въ Африкѣ—одна на 151. Въ Европѣ Соединенное Королевство имѣетъ 6,5 кв. миль пространства на одну версту берега, Франція—14,6 и Россія—45,6.

Важное значеніе имѣетъ также распредѣленіе горъ и низменностей (вертикальное развитіе

территоріи). Подобно тому, какъ человѣкъ не можетъ жить далѣе извѣстнаго градуса широты, предѣлы доступности территоріи для человѣческаго существованія опредѣляются и ея вертикальнымъ строеніемъ. Приближаясь къ границамъ снѣговой линіи, мы не найдемъ уже въ горныхъ мѣстностяхъ человѣческаго жилья. Во всей Европѣ выше 1200 метровъ надъ уровнемъ моря живетъ не болѣе 20.000 человѣкъ. Съ другой стороны, горы имѣютъ значеніе въ качествѣ препятствія для человѣческихъ сношеній. Горы какъ бы намѣчали границы, въ предѣлахъ которыхъ замыкались отдѣльныя цивилизаціи. Онѣ служили естественнными преградами для международныхъ сношеній. По мѣрѣ возрастанія человѣческой культуры люди научились преодолѣвать эти препятствія, такъ что въ настоящее время они не имѣютъ уже такого значенія, какъ прежде.

Далѣе, необходимо отмѣтить еще два существенныхъ фактора, именно — геологическое строеніе земной коры и почвенныя условія. Подъ геологическимъ строеніемъ понимается совокупность минеральныхъ породъ, существующихъ въ земной корѣ. Запасы минеральныхъ богатствъ всегда имѣли значеніе для хозяйственной дѣятельности человѣческихъ обществъ; въ настоящее же время, когда вся система производства опирается на примѣненіе паровыхъ двигателей и металлическихъ механизмовъ, особенную важность представляютъ залежи каменнаго угля и желѣза. Наиболѣе благопріятны условія промышленности въ тѣхъ странахъ, гдѣ залежи каменнаго угля встрѣчаются вмѣстѣ съ другими минералами, для обработки которыхъ каменный уголь необходимъ, напримѣръ, съ желѣзомъ. Такъ, Англія занимаетъ

привилегированное положеніе сравнительно съ другими европейскими странами, именно, благодаря наличности указанныхъ условій. Каменный уголь даетъ возможность Англіи развивать свою промышленную дѣятельность въ размѣрахъ, которые были бы немыслимы при пользованіи для топлива лѣснымъ матеріаломъ. Вычислено, что для полученія того количества топлива, которое необходимо для современнной англійской промышленности, потребовалось бы дровъ вдвое больше, чѣмъ могло бы дать все пространство Великобританіи, если бы оно было покрыто лѣсомъ.

Что касается почвенныхъ условій земной коры, то отъ нихъ зависитъ характеръ и развитіе сельско-хозяйственной культуры. Въ нашемъ отечествѣ, напр., распредѣленіе чернозема, суглинка и другихъ почвъ опредѣляетъ характеръ занятій жителей различныхъ географическихъ полосъ. Если принять во вниманіе какъ климатъ, такъ и геологическія и геогностическія условія земной коры, то мы найдемъ, что пространства земли, доступныя для сельско-хозяйственной культуры, распредѣлены на поверхности земного шара чрезвычайно неравномѣрно. Въ Египтѣ доступны сельскохозяйственной культурѣ только $2^1/_2{}^0/_0$ всей территоріи, въ Японіи—только $16^0/_0$, въ Британской Индіи—изъ 427.154 квадратныхъ миль всей площади 190.842 недоступны для обработки. Въ Европѣ отношенія уже гораздо благопріятнѣе: въ кантонѣ Ури (Швейцарія) процентъ земли, доступной сельскохозяйственной культурѣ, составляетъ $28^0/_0$, Въ Финляндіи—37, въ Норвегіи—47, въ Швеціи—уже 69, въ большинствѣ германскихъ государствъ—отъ 80 до $90^0/_0$ [1]).

---

[1]) *Schmoller*, указ. соч., стр. 133.

Наконецъ слѣдуетъ упомянуть еще о флорѣ и фаунѣ, т.-е. о характерѣ растительнаго и животнаго царства.

«Принадлежность человѣка къ органическому міру,— говоритъ Ратцель, приводитъ къ особенно острой борьбѣ его за существованіе именно въ данной области. Пища человѣка есть вмѣстѣ съ тѣмъ пища животныхъ, являющихся его конкурентами. Для защиты тѣла отъ холода ему нужно какъ бы удвоить свою кожу, лишенную волосъ и потому не ограждающую его отъ вредныхъ вліяній климата. Въ этой борьбѣ человѣкъ дѣлитъ природу на два враждебныхъ лагеря, изъ которыхъ одинъ борется въ союзѣ съ нимъ, другой—противъ него» [1])

Изъ явленій растительнаго міра особенно важное значеніе имѣютъ лѣса. «Лѣса, говоритъ Ратцель, въ мѣстностяхъ съ рѣдкимъ населеніемъ играли нѣкогда не менѣе значительную роль въ качествѣ естественныхъ границъ, чѣмъ горы. Пока культура слаба, лѣсъ намѣчаетъ ея границы. Поэтому изъ существа всѣхъ тропическихъ лѣсныхъ областей вытекаетъ, что онѣ должны быть рѣдко населены Преувеличенныя вычисленія населенія внутренней Африки объясняются, главнымъ образомъ, непринятіемъ въ расчетъ первобытнаго лѣса, который свободенъ отъ человѣческаго обитанія на обширныя пространства... Существуетъ замѣчательная зависимость между могучей лѣсной растительностью и безсильными народцами и между низкой травяной растительностью и могущественными народами и государствами... Первобытный африканскій лѣсъ

1) *Ratzel*, указ. соч., стр. 472—473.

населяютъ малорослыя охотничьи племена — «лѣсные гномы», какъ ихъ называетъ Эминъ-паша» [1]).

Что касается *полезныхъ культурныхъ растеній*, то въ данномъ случаѣ весьма интересно отмѣтить разницу въ снабженіи ими Стараго и Новаго Свѣта. Оказывается, что Америка гораздо бѣднѣе культурными растеніями, чѣмъ Старый Свѣтъ. Это объясняется не скудостью естественныхъ богатствъ Новаго Свѣта, а въ значительной мѣрѣ тѣмъ, какъ говоритъ Ратцель, «что американскій человѣкъ до встрѣчи съ европейцами не имѣлъ времени воспользоваться всѣми окружавшими его сокровищами природы» [2]).

Распредѣленіе *животнаго міра* также оказывало существенное вліяніе на судьбы человѣчества и въ частности на хозяйственную дѣятельность. Борьба съ *дикими звѣрями* способствовала развитію вооруженія первобытныхъ людей, опредѣляла характеръ ихъ жилища и содѣйствовала упроченію совмѣстной жизни. «Въ среднемъ бассейнѣ Замбези, говоритъ Ратцель, встрѣчается особенно много свайныхъ деревень, воздвигнутыхъ для защиты противъ львовъ, леопардовъ и слоновъ. Польза огня, какъ средства противъ ночныхъ нападеній дикихъ звѣрей, быть-можетъ, сознавалась ранѣе, чѣмъ имъ стали пользоваться для приготовленія пищи. Выдѣленіе вождя изъ среды общественной группы равноправныхъ мужчинъ слѣдуетъ приписать на ряду съ

---

[1]) *Ratzel*, указ. соч., стр. 473 и 477.

[2]) Тамъ же, стр. 509. См. интересную сравнительную таблицу культурныхъ растеній Стараго и Новаго Свѣта, приводимую Ратцелемъ изъ „Völkerkunde“ Пешеля.

войной организованнымъ охотничьимъ экспедиціямъ[1]). Еще болѣе важное значеніе имѣло **прирученіе животныхъ**. Отъ распространенія животныхъ породъ, изъ которыхъ человѣкъ могъ черпать себѣ помощниковъ въ его хозяйственной дѣятельности, зависѣли дальнѣйшіе успѣхи культуры. Сравнительная отсталость австралійскихъ дикарей объясняется крайней скудостью австралійской фауны; жизнь американскихъ племенъ также сложилась неблагопріятно въ значительной мѣрѣ въ силу скудости животнаго царства. Не имѣя ни рогатаго скота, ни лошадей, ни овецъ, ни верблюдовъ, американскіе туземцы не могли выйти изъ стадіи кочевого и полукочевого существованія, такъ какъ они не имѣли условій для созданія молочнаго скотоводства и обработки земли съ помощью домашнихъ животныхъ[2]).

Этими замѣчаніями мы и ограничимся для характеристики вліянія естественныхъ условій производства на хозяйственную дѣятельность человѣческихъ обществъ. Необходимо только прибавить, что эти условія не представляются неизмѣнными; человѣкъ всегда борется съ физической средой, въ которой ему суждено жить и работать, измѣняя ее, приспособляя къ своимъ цѣлямъ. Опираясь на изученіе естественныхъ явленій, люди мало-по-малу изобрѣтаютъ все болѣе усовершенствованные техническіе пріемы для своей работы и тѣмъ освобождаются отъ гнетущаго вліянія на нихъ окружающей природы. Чѣмъ дальше подвигалось хозяйственное и культурное развитіе человѣчества, тѣмъ въ большей степени человѣкъ

---

1) *Ratzel*, указ. соч., стр. 521.

2) *Schmoller*, указ. соч., стр. 137.

становился господиномъ природы, преобразуя въ желательномъ ему направленіи формы растительнаго и животнаго міра и преодолѣвая препятствія, полагаемыя естественными условіями его экономической дѣятельности.

Нѣсколько примѣровъ преодолѣнія людьми могущественныхъ препятствій, поставленныхъ природой на пути осуществленія ихъ хозяйственныхъ цѣлей, наглядно покажутъ вамъ размѣры завоеваній человѣческаго труда и генія. Море въ настоящее время не разграничиваетъ уже раздѣляемыя имъ части свѣта на обособленные и неизвѣстные другъ другу міры. Громадный заатлантическій континентъ, менѣе 500 лѣтъ тому назадъ совершенно неизвѣстный жителямъ Стараго Свѣта, теперь соединенъ съ нимъ такими удобными путями, какихъ въ то время не знали и на сушѣ. Съ развитіемъ крупнаго парового судоходства переѣздъ черезъ океанъ сталъ безопаснѣе, регулярнѣе и быстрѣе, чѣмъ въ средніе вѣка передвиженіе между государствами въ предѣлахъ европейскаго континента. И уже навѣрное переѣздъ черезъ бурный Ламаншъ въ настоящее время безопаснѣе, чѣмъ переправа черезъ тихую русскую рѣку, совершаемая при помощи первобытнаго отечественнаго парома или досчаника.

Равнымъ образомъ горныя преграды, которыя еще такъ недавно являлись чрезвычайно крупными, а иногда даже непреодолимыми препятствіями для сношеній между людьми, въ настоящее время не имѣютъ болѣе такого значенія. Всякій, кому приходилось путешествовать по Западной Европѣ, напр., въ Швейцаріи, могъ наглядно убѣдиться въ томъ, какія огромныя завоеванія достигнуты людьми въ дѣлѣ

борьбы съ естественными препятствіями. Въ нѣсколько минутъ масса людей и грузовъ переносится съ одного склона горной цѣпи на другой, тогда какъ прежде въ этихъ мѣстностяхъ передвиженіе людей и товаровъ требовало чрезвычайныхъ усилій и жертвъ. Конечно, такіе результаты достались человѣчеству не даромъ; такъ, однѣ только буровыя работы при прорытіи Монъ-Сенисскаго туннеля продолжались 9 лѣтъ и стоили 75 милл. франковъ при длинѣ пути въ 13 килом.; устройство Сенъ-Готардскаго туннеля (длина 15 килом.) обошлось въ 200 милл. фр. [1]). Немало усилій потрачено также человѣчествомъ на соединеніе морей, отрѣзанныхъ сушей. Напр., Суэцкій каналъ строился съ 1858 по 1869 г. и стоилъ около 457 милл. фр.; но зато онъ далъ громадное сбереженіе во времени, необходимомъ для сношеній Европы съ Азіей. Такъ, трата времени на сообщеніе съ Восточной Азіей сократилась отъ Гамбурга и Лондона на 43—44%, отъ Марселя—на 59%, отъ Тріеста—на 63% сравнительно съ тѣмъ его количествомъ, которое тратилось раньше, когда необходимо было огибать мысъ Доброй Надежды.

Точно такъ же не мало труда и усилій люди затрачивали на осушеніе болотъ, имѣя въ виду оздоровленіе климата и пользованіе тѣми участками земли, которые до осушенія почвы оставались недоступными для сельско-хозяйственной культуры. Нагляднымъ примѣромъ грандіозныхъ затратъ на это дѣло могутъ служить осушительныя работы, производившіяся въ Голландіи. Тамъ было осушено, напр., цѣлое (Гаар-

[1]) Серія гигантскихъ сооруженій этого рода пополнилась недавно открытіемъ Симплонскаго туннеля, длиной въ 19,7 килом.

лемское) озеро, пространствомъ въ 18.000 гектаровъ, что обошлось въ 11 милл. флориновъ. Недавпо взялась за это дѣло и Россія, имѣющая огромныя пространства болотъ.

Работы по осушенію начались у насъ только съ начала 70 гг., но и за это время достигнуты уже весьма крупные результаты. Такъ, въ области Пинскихъ болотъ было осушено болѣе $2^1/_2$ милл. дес. при среднемъ расходѣ въ $1^1/_2$ р. на дес.; производились и производятся также значительныя осушительныя работы въ Петербургской, Новгородской и Прибалтійскихъ губ. Наконецъ можно отмѣтить борьбу съ наносными песками и дюнами путемъ древесныхъ насажденій. Во Франціи, въ Гаскони, лѣса, разведенные на дюнахъ, представляютъ теперь стоимость въ 25 милл. фр.; кромѣ того, травой, обильно произрастающей въ этихъ лѣсахъ, пользуются для подстилки и корма скоту Въ Россіи работы по укрѣпленію сыпучихъ песковъ за послѣднее время производились въ нѣсколькихъ губерніяхъ (главнымъ образомъ, въ Черниговской, Кіевской и Астраханской, а также въ Саратовской, Харьковской, Самарской, Херсонской и Курляндской [1]).

Не менѣе поразительны успѣхи новѣйшей техники и въ тѣхъ формахъ труда, которыя были извѣстны людямъ съ отдаленнѣйшихъ временъ ихъ историческаго существованія- Новѣйшее время внесло въ пріемы хозяйственной дѣятельности научные выводы и методы. Наука оставила Олимпъ, доступный немногимъ избраннымъ, и переселилась въ шумную сутолоку экономической жизни. Крупнѣйшіе научные

[1]) См. соч. проф. *Карышева:* „Трудъ, его роль и условія приложенія въ производствѣ“.

дѣятели въ области естествознанія извѣстны также и примѣненіемъ ихъ теоретическихъ открытій къ промышленной техникѣ, таковы: Лавуазье, Гальвани, Либихъ, Фарадей, Гельмгольцъ, Пастеръ и другіе знаменитые естествоиспытатели. Но и изобрѣтатели-практики, не получившіе систематическаго научнаго образованія, какъ, напр., Уаттъ, Стефенсонъ и др., доходили до своихъ изобрѣтеній не простой практической смѣткой, а прилежнымъ изученіемъ научныхъ данныхъ, имѣющихъ отношеніе къ избранной ими отрасли техники. Но такъ было только въ началѣ современнаго техническаго развитія Въ настоящее же время всѣ европейскія государства основываютъ свои надежды на дальнѣйшее развитіе техническихъ усовершенствованій не на появленіи самородковъ, геніевъ самоучекъ, а на широкой и солидной постановкѣ дѣла технического образованія. Успѣхи Германіи въ промышленной дѣятельности, такъ ярко и для многихъ неожиданно обнаружившіеся за послѣднее время, въ значительной мѣрѣ обязаны образцовой организаціи техническаго образованія [1]).

Было бы слишкомъ долго останавливаться на характеристикѣ техническихъ улучшеній новѣйшаго времени хотя бы въ главныхъ отрасляхъ промышленности; я укажу поэтому лишь на усовершенствованіе двигательной силы примѣненіемъ пара. Сила воды и вѣтра, которою пользовался человѣкъ при менѣе развитыхъ формахъ экономической организаціи, стала уже недостаточной съ появленіемъ крупнаго капиталистическаго производства

[1]) См. *George Blondel*, L'essor industriel et commercial du peuple Allemand. Paris, 1897, стр. 125—135.

Вѣтряная мельница можетъ имѣть въ среднемъ только 77 рабочихъ дней въ году; морской штиль можетъ надолго задержать движеніе корабля. Сила паденія воды, утилизируемая первобытнымъ мельничнымъ колесомъ, не можетъ достигать значительныхъ размѣровъ, такъ какъ для движенія передается только часть развиваемой энергіи (около 15—20%). Кромѣ того, она связана съ опредѣленной мѣстностью, которая по инымъ условіямъ можетъ быть неблагопріятной для устройства промышленныхъ предпріятій. Поэтому, съ развитіемъ разработки каменнаго угля, техническая изобрѣтательность направилась на изобрѣтеніе болѣе могучаго и подвижнаго двигателя. Знаменитая машина Уатта и была примѣнена вначалѣ въ угольной промышленности (гдѣ уже и ранѣе употреблялись менѣе совершенныя паровыя машины). Вскорѣ затѣмъ ее примѣнили и къ обрабатывающей (прежде всего къ текстильной) промышленности. Чѣмъ дальше развивалось капиталистическое производство, тѣмъ крупнѣе становились машины. До 50 гг. XIX ст. употреблялись по преимуществу сравнительно небольшія машины, въ 2—30 лошадиныхъ силъ, въ настоящее время не рѣдкость встрѣтить машины болѣе, чѣмъ въ 1000 лошадиныхъ силъ; морскіе пароходы имѣютъ даже машины въ 8—15 тысячъ лошадиныхъ силъ. И между тѣмъ, благодаря спеціальнымъ усовершенствованіямъ, примѣненіе такихъ гигантскихъ двигателей обходится сравнительно дешево; вычисляютъ, что по сравненію съ 50-ми годами теперь расходуется въ 36 разъ меньшее количество угля на развитіе одной и той же силы [1]). Не меньшіе успѣхи сдѣланы и въ усовершенствованіи

[1]) *Schmoller*, указ. соч., стр. 213.

самихъ рабочихъ машинъ. Въ первой лекціи, говоря о новѣйшемъ развитіи текстильной промышленности Англіи, мы уже упоминали, что одинъ работникъ можетъ управиться теперь со станкомъ, на которомъ помѣщено множество веретенъ. Уже въ 1842 году высчитывали, что 448.900 прядильщиковъ, работавшихъ при машинахъ въ культурныхъ государствахъ того времени, вырабатывали такое количество пряжи, для изготовленія котораго понадобилось бы не менѣе 17.000.000 ручныхъ прядильщиковъ [1]).

Однако, говоря объ усовершенствованіяхъ производства, мы не должны забывать, что разсматриваемый прогрессъ техники, позволяющій людямъ въ настоящее время успѣшнѣе бороться съ природой, находится въ непосредственной зависимости не только отъ развитія человѣческихъ знаній, но и отъ эволюціи самихъ соціальныхъ отношеній. Соціальныя условія послѣдняго времени болѣе благопріятствуютъ борьбѣ человѣка съ естественными условіями. Въ древнемъ мірѣ, напр., мы видимъ совершенно иное. Такіе памятники древности, какъ египетскіе пирамиды и каналы, были сооружены благодаря поразительной, безрасчетной тратѣ человѣческаго труда. При употребленіи въ дѣло огромной массы несвободныхъ рабочихъ, организаторы не задавались вопросомъ, какъ облегчить ихъ трудъ; выбывшихъ изъ строя легко можно было замѣнить новыми. Трудъ и даже жизнь человѣка при рабской организаціи общества цѣнились такъ низко, что для изобрѣтенія удобныхъ техническихъ приспособленій не было достаточно сильныхъ стимуловъ у лицъ, отъ которыхъ зависѣлъ распорядокъ предпринимавшихся работъ. Технически

[1]) Тамъ же, стр. 215.

при такихъ условіяхъ все дѣло сводилось къ тому, чтобы вдвинуть въ каждый производственный процессъ огромную массу людей. Поэтому за все время примѣненія несвободнаго (рабскаго, а впослѣдствіи крѣпостного) труда успѣхи экономической культуры были незначительны. Въ нашемъ отечествѣ низкій уровень сельско-хозяйственной культуры объясняется также существованіемъ до сравнительно недавняго времени крѣпостныхъ отношеній. Вѣдь въ крѣпостную эпоху секретъ владѣльческаго хозяйства заключался не въ томъ, чтобы примѣнять усовершенствованныя орудія или сложныя системы земледѣлія, а чтобы полнѣе эксплуатировать личный трудъ крѣпостныхъ. Наши дореформенные помѣщики не разъ разорялись, когда думали устраивать свое хозяйство технически на европейскій ладъ, забывая о разницѣ основныхъ условій приложенія труда у насъ и на Западѣ. Съ замѣной рабства и крѣпостничества свободными формами человѣческаго труда совершенствуется и техника. Чѣмъ выше рабочая плата, тѣмъ болѣе выгоднымъ для капиталистовъ представляется вводить въ производство усовершенствованные техническіе пріемы, орудія и машины. Итакъ, техническій прогрессъ вызывается въ значительной мѣрѣ соціальными условіями; возрастаніе власти человѣка надъ природой указываетъ и на соотвѣтственныя улучшенія въ соціальномъ строѣ. Къ сожалѣнію, благодаря тому, что экономическій режимъ, основанный на примѣненіи улучшенныхъ техническихъ пріемовъ, оказывается также не лишеннымъ многихъ темныхъ сторонъ, нѣкоторые наблюдатели жизненныхъ явленій склонны относиться къ нему съ крайнимъ отрицаніемъ, усматривая, напр., въ дурныхъ условіяхъ современной

городской жизни роковое и непосредственное вліяніе самого техническаго прогресса. Въ нашей литературѣ можно указать немало примѣровъ, свидѣтельствующихъ о нашей культурной отсталости, благодаря которой даже наиболѣе чуткіе къ народному благу умы склонны видѣть въ примитивныхъ условіяхъ крестьянскаго хозяйства лучшую форму человѣческаго труда, идеализируя деревенскую жизнь сравнительно съ городской. Яркій примѣръ такой идеализаціи примитивнаго труда представляетъ Глѣбъ Успенскій, который въ цѣломъ рядѣ сочиненій развиваетъ мысль, что хозяйственный строй, при которомъ трудится нашъ земледѣлецъ, гдѣ силы природы руководятъ человѣкомъ въ его дѣятельности, гдѣ проявляется власть земли, какъ нельзя лучше способствуетъ нормальной человѣческой жизни. Въ сущности же эта власть земли не только не развиваетъ гармонически всѣхъ сторонъ человѣческой природы, а наоборотъ, дѣлая работника слабой игрушкой стихій, вырабатываетъ изъ него суевѣрнаго, коснаго человѣка, подтачиваетъ въ немъ вѣру въ свои силы, въ возможность управлять природой ради разумныхъ человѣческихъ цѣлей. Только прогрессъ культуры способенъ дать людямъ твердую точку опоры для ихъ хозяйственной дѣятельности, расширяя предѣлы трудовыхъ завоеваній и доставляя больше досуга для преслѣдованія высшихъ цѣлей. Мы не должны относить недостатки современнаго общественнаго строя на счетъ человѣческой культуры; будемъ видѣть въ ней не врага, а друга, создающаго лучшія условія жизни и для самихъ трудящихся классовъ, которыхъ при помощи этой силы можно вывести изъ ихъ первобытнаго полузоологическаго существованія.

II.

Выяснивъ въ главныхъ чертахъ, въ чемъ заключается вліяніе естественныхъ условій на хозяйственную дѣятельность, перейдемъ къ характеристикѣ человѣческаго труда. Трудъ есть затрата физической и нервной энергіи; но не всякая затрата силъ будетъ, однако, хозяйственнымъ трудомъ. Для того, чтобы трудъ имѣлъ хозяйственное значеніе, онъ долженъ быть: 1) цѣлесообразнымъ, т.-е. имѣть цѣлью удовлетвореніе потребностей человѣка; 2) онъ долженъ быть направленъ на созданіе матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для удовлетворенія этихъ потребностей. Итакъ, подъ хозяйственнымъ трудомъ мы будемъ понимать только цѣлесообразную затрату человѣческой энергіи, направленную на созданіе матеріальныхъ средствъ, удовлетворяющихъ человѣческимъ потребностямъ.

Затрата энергіи, имѣющая въ виду осуществленіе какой-либо хозяйственной цѣли, сама по себѣ не предполагаетъ еще непріятнаго, тягостнаго ощущенія. Оно появляется лишь съ извѣстнаго момента, когда продолжительность трудового напряженія переходитъ границу, полагаемую силами даннаго работника. Какъ показалъ Джевонсъ, въ послѣдовательной смѣнѣ ощущеній, испытываемыхъ работникомъ при выполненіи труда, проявляется извѣстная закономѣрность (которую онъ называетъ, слѣдуя мало извѣстному экономисту Дженнингсу,—„the law of variation of labour“). При началѣ работы, пока работникъ еще не приспособился къ ней, онъ испытываетъ непріятное чувство; но вскорѣ это чувство

постепенно сглаживается и уступаетъ мѣсто положительному удовольствію, увеличивающемуся въ теченіе нѣкотораго времени. Съ дальнѣйшимъ продолженіемъ работы возрастающее утомленіе опять вызываетъ у рабочаго чувство непріятности, переходящее въ серьезное страданіе, если отъ него потребуется продолжить трудовое напряженіе на значительное время [1]).

Очевидно, что если бы работника не побуждали къ работѣ иныя причины, кромѣ непосредственнаго удовлетворенія процессомъ труда, то онъ прекратилъ бы ее какъ разъ въ тотъ моментъ, когда чувство удовольствія смѣнилось непріятнымъ ощущеніемъ. Но такъ какъ онъ выполняетъ данную работу въ виду удовлетворенія какой-либо потребности, которую онъ считаетъ важной, то онъ, кромѣ того, будетъ принимать въ расчетъ и степень удовлетворенія, доставляемаго продуктомъ работы. Поэтому для прекращенія работы онъ выберетъ такой моментъ, когда удовольствіе, доставляемое продуктомъ труда, будетъ равно непріятности, создаваемой процессомъ работы [2]).

Отсюда естественно возникаетъ и практическое заключеніе, что люди не должны оставаться на работѣ больше указаннаго предѣла, потому что сумма страданій и непріятностей, испытываемыхъ ими, превышала бы мѣру, оправдываемую необходимостью.

Приведенное разсужденіе Джевонса не слѣдуетъ, конечно, понимать въ томъ смыслѣ, что изображенный имъ процессъ труда происходитъ такъ и въ

---

1) *W. S. Jevons,* The Theory of Political Economy. London, 1888, стр. 168—173.

2) *Jevons,* указ. соч., стр. 173—174.

дѣйствительной жизни. Джевонсъ предполагаетъ здѣсь свободнаго самостоятельнаго работника, дѣйствующаго независимо отъ какихъ бы то ни было принудительныхъ побужденій извнѣ. При системѣ наемнаго или крѣпостного труда хозяинъ или владѣлецъ заставитъ продолжать работу значительно дольше установленной нормальной границы, какія бы страданія это ни доставляло трудящемуся человѣку, если только онъ находитъ это выгоднымъ для себя и если никто не помѣшаетъ ему устанавливать такой распорядокъ работъ.

Вотъ почему въ современной намъ экономической жизни мы находимъ такія упорныя стремленія рабочихъ къ сокращенію часовъ труда. Рабочіе желаютъ хоть немного приблизить свое трудовое напряженіе къ той нормальной границѣ, которая указывается разумнымъ экономическимъ расчетомъ и отъ которой всячески стараются отдалить его ихъ хозяева.

Но разсужденіе Джевонса необходимо дополнить еще и въ другомъ отношеніи. Стимулы, побуждающіе человѣка къ хозяйственному труду, въ дѣйствительности также оказываются болѣе сложными, и, что особенно важно, различными въ разныя историческія эпохи. О нѣкоторыхъ изъ этихъ стимуловъ мы будемъ еще подробно говорить въ слѣдующей лекціи, а здѣсь отмѣтимъ лишь одну черту, на которую недавно указалъ извѣстный уже намъ нѣмецкій экономистъ Бюхеръ въ своихъ изслѣдованіяхъ о характерѣ труда первобытнаго человѣка.

Въ экономической наукѣ до самаго послѣдняго времени господствовало мнѣніе, что первобытный человѣкъ по существу лѣнивъ и неспособенъ къ

труду и что первые зачатки серьезной трудовой дѣятельности мы находимъ только въ эпоху рабства, которому и приписывалось высокое воспитательное значеніе въ исторіи развитія общественно-экономической культуры. Поэтому, сдѣлавъ нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній о лѣности дикарей, спѣшили перейти къ характеристикѣ условій успѣшности труда при рабскомъ, крѣпостномъ и свободномъ общественномъ строѣ. Однако, благодаря указаннымъ изслѣдованіямъ Бюхера, теперь уже не остается сомнѣнія, что и трудъ первобытныхъ людей заслуживаетъ глубокаго вниманія, такъ какъ въ немъ раскрываются такія черты, которыя не могутъ быть выяснены простымъ примѣненіемъ посылки о «прирожденной лѣности дикаря» и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ бросаютъ свѣтъ и на позднѣйшія явленія труда.

Наблюденія показываютъ, говоритъ Бюхеръ, что дикари выполняютъ значительное количество работы, и притомъ чрезвычайно тяжелой и утомительной вслѣдствіе крайняго несовершенства рабочихъ орудій. Приглядываясь къ импульсамъ, которые руководятъ дикими въ ихъ работахъ, мы открываемъ прежде всего наличность творческаго художественнаго инстинкта. Дикарь производитъ вещи, назначаемыя къ продолжительному употребленію, съ радостнымъ чувствомъ художника, испытывающаго удовлетвореніе въ процессѣ работы. Вещи домашняго обихода отдѣлываются съ чрезвычайной тщательностью, сохраняются, какъ сокровище, и по смерти владѣльца зарываются въ его могилу. Собиратели коллекцій для этнографическихъ музеевъ часто встрѣчались съ упорнымъ нежеланіемъ дикарей продать, повидимому, маловажныя вещи, предметы

ежедневнаго употребленія. Но, кромѣ такихъ издѣлій, изготовленіе которыхъ удовлетворяетъ художественному инстинкту, дикари вынуждены производить не мало предметовъ, разсчитанныхъ на непосредственное потребленіе, напримѣръ, пищу. Въ такихъ работахъ стимуломъ, поддерживающимъ энергію дикаря, является ритмъ. Простая ручная работа совершается путемъ правильнаго повторенія опредѣленныхъ движеній и, слѣдовательно, не только допускаетъ, но и требуетъ извѣстной ритмичности. Вмѣстѣ съ тѣмъ ритмическое повтореніе движеній дѣлаетъ ихъ автоматичными и, такимъ образомъ, освобождаетъ работающаго отъ умственнаго напряженія, столь тягостнаго для первобытнаго человѣка. Ритмъ и былъ могучимъ средствомъ, облегчавшимъ трудъ первобытныхъ людей, такъ какъ почти всѣ ихъ работы совершались съ помощью несложныхъ орудій и, слѣдовательно, допускали примѣненіе правильныхъ и плавныхъ движеній тѣла; а, кромѣ того, легкость одежды, освобождая всѣ члены, давала возможность выбирать наиболѣе удобную форму для ихъ движенія. Поэтому въ тѣсной связи съ примитивной работой повсюду стоитъ трудовая пѣсня. Бюхеръ приводитъ въ своемъ трудѣ множество примѣровъ примѣненія такихъ пѣсенъ изъ быта различныхъ народовъ, не исключая и Россіи.

Итакъ, стимулами работы первобытныхъ людей были здоровые инстинкты художественнаго творчества и естественно вытекающая изъ устройства человѣческаго организма наклонность къ ритмическимъ движеніямъ. Съ установленіемъ рабства сюда входитъ новый моментъ внѣшняго принужденія. Конечно, внѣшнее принужденіе къ работѣ было и ранѣе, въ

видѣ настоятельныхъ потребностей; голодъ всегда побуждалъ къ добыванію пищи, но тогда за потребностью слѣдовало тотчасъ и удовлетвореніе ея. Институтъ рабства отдѣлилъ удовлетвореніе потребностей отъ работы, создавъ трудъ для другихъ. Однако указанные выше стимулы продолжали существовать и во время рабства, скрашивая подневольное существованіе трудящагося человѣка. И трудно сказать, что болѣе способствовало выработкѣ привычекъ трудовой настойчивости, принужденіе ли, или соединеніе работы съ художественнымъ творчествомъ. Насколько одно принужденіе вообще оказывается недѣйствительнымъ, мы увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, когда будемъ разсматривать соціальныя условія успѣшности труда. Замѣтимъ только, что рабское и крѣпостное хозяйство включало въ себя комбинацію обоихъ импульсовъ. Когда же трудящійся человѣкъ опять нашелъ себѣ свободу, условія производственной техники радикально измѣнились. Капиталистическій строй создалъ новые техническіе пріемы работы, которые уже не допускаютъ ритма и пѣсни и не требуютъ художественнаго творчества. Хозяйственный трудъ обособился теперь вполнѣ въ спеціальное дѣло, для удовлетворенія же художественнымъ инстинктамъ рабочій можетъ пользоваться только свободнымъ временемъ. Отсюда все болѣе и болѣе страстное стремленіе европейскаго рабочаго къ сокращенію рабочаго дня, чтобы употребить досугъ на возвращеніе утраченной полноты жизни, но уже не въ примитивныхъ формахъ, которыя только и были доступны дикарю, а въ объемѣ, соотвѣтствующемъ требованіямъ современной культуры.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній мы можемъ уже перейти къ подробному разсмотрѣнію роли труда въ экономической дѣятельности общества. Здѣсь у насъ прежде всего возникаетъ вопросъ о массѣ человѣческаго труда, иначе говоря, о количествѣ трудовой энергіи, развиваемой на землѣ человѣческими обществами. Политическая экономія сравнительно недавно обратила вниманіе на этотъ вопросъ, при чемъ заслуга его постановки принадлежитъ по преимуществу русской экономической школѣ—московскимъ экономистамъ, которые впервые включили его разсмотрѣніе въ общую схему экономическаго знанія [1]). Матеріалъ для изслѣдованія въ данномъ случаѣ давно уже подготовленъ статистическими работами (изъ области статистики населенія) и заключается въ указаніи размѣровъ общественныхъ союзовъ и основныхъ группъ, на которыя распадается каждое общество съ точки зрѣнія участія его членовъ въ хозяйственномъ трудѣ.

Что касается общей массы трудовыхъ силъ, какими располагаетъ та или иная страна, то первое указаніе на нее даетъ количество жителей ея (абсолютная цифра населенія) и размѣры прироста. Если населеніе одной страны увеличивается медленно, а другой—быстро, то, будучи въ извѣстный моментъ равными по запасу ихъ трудовыхъ силъ, черезъ нѣкоторый промежутокъ времени онѣ будутъ уже значительно отличаться другъ отъ друга въ этомъ отно-

---

[1]) Глава о «населеніи», помѣщаемая обыкновенно въ обширныхъ курсахъ политической экономіи, издаваемыхъ германскими учеными, разрѣшаетъ указанный вопросъ только отчасти, такъ какъ данныя о населеніи приводятся внѣ связи съ ученіемъ о хозяйственномъ трудѣ.

шеніи. Такъ, Германія съ ея крупнымъ приростомъ населенія все болѣе и болѣе обгоняетъ Францію, въ которой количество жителей почти не увеличивается. Стоитъ сравнить данныя за одинъ только годъ, чтобы убѣдиться, насколько больше пополняется запасъ трудовыхъ силъ въ Германіи сравнительно съ Франціей.

Въ 1804 году избытокъ рожденій надъ смертными случаями составлялъ:

въ Германіи . .	696.874	или	61%	къ числу умерш.
» Франціи. . .	39.768	»	5%	» » »[1]).

Конечно, на остающуюся въ странѣ цифру населенія вліяетъ еще эмиграція; но въ данномъ случаѣ разница въ количествѣ переселеній не такъ велика, чтобы сколько-нибудь значительно уменьшить эту колоссальную разницу въ притокѣ рождающихся.

Однако, зная общее количество жителей въ странѣ и размѣры прироста ея населенія, мы имѣемъ еще весьма смутное представленіе о дѣйствительномъ объемѣ ея трудовыхъ силъ. Важно выяснить, на какія группы распадается ея населеніе, сколько въ ней лицъ, способныхъ и неспособныхъ къ труду. Прежде всего мы увидимъ, что даже по поламъ населеніе распредѣляется неравномѣрно. Въ Европѣ замѣчается преобладаніе женщинъ, въ другихъ частяхъ свѣта, наоборотъ, мужчинъ. Статистическія данныя, которыя относятся къ этому вопросу, имѣютъ, въ общемъ, слѣдующій видъ (наиболѣе точныя данныя мы имѣемъ только для Европы): въ Европѣ на тысячу мужчинъ приходится 1024 женщины, въ Америкѣ — 973, въ Азіи —958, въ Австраліи—852, въ

[1]) *Майръ*: «Статистика и обществовѣдѣніе», стр. 245.

Африкѣ—968. Такимъ образомъ, разсматривая массу населенія по частямъ свѣта, мы находимъ уже неодинаковое распредѣленіе мужчинъ и женщинъ. Но и въ предѣлахъ меньшихъ территоріальныхъ районовъ распредѣленіе по поламъ оказывается также неодинаковымъ. Въ Европѣ соотношеніе мужчинъ и женщинъ колеблется между слѣдующими границами: въ Великобританіи на 1000 мужчинъ приходится 1060 женщинъ, а въ Греціи только 906. Между этими крайними полюсами колеблются цифры полового состава населенія въ другихъ европейскихъ государствахъ [1]). Что касается Россіи, то по первой народной переписи оказывается, что количество мужчинъ и женщинъ въ ней почти одинаково, именно на 63.253.000 мужчинъ приходится 63.158.000 женщинъ. Различія въ численности половъ имѣютъ, съ точки зрѣнія условій производства, тотъ интересъ, что женщины располагаютъ, въ общемъ, меньшей мускульной силой, чѣмъ мужчины. Но въ виду особенности техническихъ условій, въ которыя поставленъ въ настоящее время человѣческій трудъ, эта разница въ мускульной энергіи не имѣетъ того значенія, какое она имѣла въ прежнее время. Въ настоящее время, съ развитіемъ машиннаго производства, и женщина съ ея болѣе слабой мускулатурой работаетъ наравнѣ съ мужчинами во многихъ отрасляхъ человѣческой работы (въ обрабатывающей промышленности). Но вмѣстѣ съ тѣмъ и теперь женщина продолжаетъ выступать въ многихъ прежнихъ ея трудовыхъ роляхъ; отмѣтимъ хотя бы громадный процентъ женщинъ среди домашней прислуги.

---

1) См. *Янсонъ:* «Сравнит. статистика населенія».

Гораздо болѣе важное значеніе имѣетъ распредѣленіе населенія по возрастамъ. Классифицируя населеніе съ этой точки зрѣнія, обыкновенно различаютъ въ немъ три категоріи: населеніе производительнаго возраста, полупроизводительнаго и непроизводительнаго, при чемъ полупроизводительный и непроизводительный возрасты, въ свою очередь, слагаются изъ двухъ подгруппъ. Къ производительному населенію относятъ лицъ въ возрастѣ отъ 21—60 лѣтъ; къ полупроизводительному населенію, полуработникамъ,—лицъ двухъ противоположныхъ возрастныхъ группъ отъ 15 до 20 лѣтъ и отъ 60 до 70. Затѣмъ идутъ непроизводительные возрасты; сюда относятся такія лица, которыя по условіямъ своего физическаго развитія не могутъ заниматься самостоятельнымъ трудомъ и, слѣдовательно, должны содержаться на счетъ другихъ, т.-е. дѣти въ возрастѣ до 15 лѣтъ [1]) и старики свыше 70 лѣтъ. Разсматривая населеніе различныхъ европейскихъ государствъ по указаннымъ категоріямъ возраста, находимъ слѣдующія соотношенія:

Въ % къ общему числу населенія .	Производ. 21 -60	Полупроизвод. 15—20 и 60—70	Непроизвод. до 15 и выше 70
Соед. Корол..	45,5	14,9	39,6
Соед. Штаты	45,3	13,8	40,9
Франція	52,6	15,8	31,6
Германія	47,0	14,9	38,1
Италія	49,7	15,1	35,2
Россія	45,9	14,5	39,5

[1]) Однако въ силу ненормальныхъ условій экономической жизни, какъ мы видѣли выше, до сихъ поръ дѣти принимаютъ крупное участіе въ хозяйственномъ трудѣ. Равнымъ образомъ вынуждены работать и старики.

Изъ этой таблицы мы видимъ, что около $^1/_3$ населенія (а въ большинствѣ указанныхъ государствъ болѣе трети), по условіямъ своего физическаго развитія, должны были бы содержаться на счетъ другихъ слоевъ населенія

Далѣе, въ составѣ населенія выдѣляются различныя группы по профессіональному положенію лицъ, по ихъ занятіямъ. Здѣсь мы ограничимся только свѣдѣніями относительно западно-европейскихъ государствъ; относительно Россіи мы не имѣемъ такихъ данныхъ, такъ какъ матеріалъ, собранный всеобщей переписью, еще не разработанъ. По свѣдѣніямъ, относящимся къ 80 гг прошедшаго столѣтія, находимъ слѣдующее отношеніе между главнѣйшими группами занятій въ Англіи, Франціи и Германіи:

	Соед. Королев. 1881 г.	Германія. 1882 г.	Франція. 1886 г.
Группы занятій:			
Сельское хозяйство .	17,4%	40,6%	36,9%
Горная и обраб. пром.	52,7%	31,5%	22,9%
Торговля и перевоз. пром.	7,8%	7,7%	12,3%
Свободн. профессіи.	6,2%	5,1%	6,8%
Прислуга	15,9%	7,3%	10,4%[1]).

Изъ этой таблицы мы видимъ, что почти все количество труда, которымъ располагаетъ каждая изъ разсматриваемыхъ странъ, занято въ пяти главныхъ группахъ профессій. Главныя же различія между отдѣльными группами обусловливаются отношеніемъ между сельско-хозяйственной и обрабатывающей про-

---

[1]) См. *Янсонъ*: «Сравнительная статистика населенія».

мышленностью (съ горной); такъ, въ Англіи, странѣ развитой промышленности и крупнаго капитала, на сельское хозяйство приходится значительно меньшая доля труда, чѣмъ во Франціи и Германіи.

Не входя въ подробности состава приведенныхъ цифръ, я обращу ваше вниманіе только на группу свободныхъ профессій, въ которой объединены довольно разнородные элементы. Въ нее входитъ, между прочимъ, и войско, содержаніе котораго ложится тяжелымъ бременемъ на хозяйственную дѣятельность народа. Вліяніе содержанія арміи на экономическую жизнь сказывается въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, лица, пополняющія ея ряды, тѣмъ самымъ отвлекаются отъ хозяйственной дѣятельности; во-вторыхъ, остальная часть населенія, занятая хозяйственнымъ трудомъ, должна затрачивать массу энергіи для доставленія средствъ, въ которыхъ нуждается войско. Современныя европейскія государства страдаютъ отъ чрезмѣрнаго развитія милитаризма, вынуждающаго содержать большія количества войскъ даже въ мирное время. Въ самомъ дѣлѣ, по даннымъ, относящимся къ 1890 г., общая численность европейскихъ армій въ мирное время составляла около 4 милл. человѣкъ, т.-е. около 2,2% всего мужского населенія и 4,6% всего мужского населенія рабочаго возраста. По отдѣльнымъ государствамъ мы найдемъ еще болѣе крупныя отношенія. Во Франціи численность арміи равна 7% мужского рабочаго населенія, въ Германіи—5,4%, въ Австро-Венгріи — 4,3%, въ Италіи — 4,2%, въ Великобританіи — также 4,2%, въ Россіи — 3,9% [1]). Какъ ви-

---

1) *Карышевъ*, указ. соч.

дите, Франція находится въ наиболѣе тяжелыхъ условіяхъ: ея армія составляетъ наибольшій контингентъ рабочаго населенія; затѣмъ слѣдуютъ три государства тройственнаго союза; послѣднее мѣсто въ этомъ ряду занимаетъ Россія. Но хотя % русской арміи и невеликъ, тѣмъ не менѣе при нашей бѣдности онъ обходится намъ не дешево. Я не буду входить въ подробное разсмотрѣніе тѣхъ сложныхъ и разнообразныхъ вліяній, которыя оказываетъ развитіе милитаризма на народное хозяйство; замѣчу только, что отвлеченіе рабочихъ силъ отъ непосредственной хозяйственной дѣятельности и обремененіе государственнаго бюджета расходами на содержаніе армій крайне невыгодно отражается не только на экономическомъ, но и на культурномъ состояніи европейскихъ государствъ.

Говоря о распредѣленіи населенія между различными занятіями, интересно отмѣтить фактъ, что страны, болѣе развитыя экономически, характеризуются большой обособленностью занятій (болѣе широкимъ проведеніемъ принципа общественнаго раздѣленія труда). Относительно Россіи мы по нашимъ личнымъ наблюденіямъ можемъ судить, насколько слабо еще у насъ диференцированіе занятій по сравненію съ болѣе передовыми государствами Европы. Немалая доля рабочихъ даже въ нашей крупной промышленности еще не потеряла связи съ земледѣліемъ. Однако если мы обратимся и къ западно - европейскимъ государствамъ, то и тамъ встрѣтимъ еще существованіе подобныхъ явленій. Извѣстны, напр., огромные успѣхи капитализма въ Германіи послѣ франко - прусской войны. Оказывается, однако, что въ самое послѣднее время въ

Германіи существуютъ еще значительные остатки прежней связи обрабатывающей промышленности и земледѣлія. По даннымъ за 1895 годъ оказывается, что изъ 11.942.138 лицъ, занятыхъ въ земледѣліи, для 3.649.445 лицъ земледѣліе было побочнымъ (подсобнымъ) занятіемъ [1]).

Продолжая далѣе разсмотрѣніе условій, опредѣляющихъ количество трудовой энергіи, которымъ располагаетъ какая-либо страна, мы должны обратиться къ изученію состоянія здоровья и физическихъ силъ населенія, такъ какъ величина общей массы человѣческаго труда зависитъ отъ отношенія количества здоровыхъ къ больнымъ. Если это отношеніе будетъ неблагопріятно, т.-е. если степень болѣзненности населенія въ данной странѣ будетъ выше, чѣмъ въ другой, то сумма трудовой энергіи въ первой будетъ меньше. Къ сожалѣнію, по данному вопросу мы не располагаемъ достаточно подробными и точными статистическими данными. Нѣкоторымъ показателемъ болѣзненности населенія могутъ служить цифры лицъ, обладающихъ физическими недостатками. По вычисленію Георга Майра, количество лицъ, пораженныхъ физическими недостатками, въ различныхъ европейскихъ государствахъ распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

На 10.000 жителей приходилось (въ началѣ 90 гг.):

	Слѣпыхъ.	Глухонѣм.	Идіотовъ.	Сумасш.
Австрія	8,1	12,0	21,7	
Венгрія	10,5	10,9	6,0	10,0
Швеція	8,3	11,1	18,2	15,9
Норвегія	12,9	10,8	39,0	
Англія и Уэльсъ	8,1	4,9	83.6	

1) *Mayo-Smith*, стр. 91.

	Слѣпыхъ.	Глухонѣм.	Идіотовъ.	Сумасш.
Шотландія	7,0	5,3	25,9	12,5
Ирландія	11,4	7,2	31,8	13,3
Соед. Штаты	8,1	6,7	17,0	15,3
Канада.	0,7	10,0	27,4 (идіотовъ и сумасш. вмѣстѣ)	
Гватемала	21,0	8,8	5,7	2,0
Британская Индія .	17,4	7,5	2,8 (идіотовъ и сумасш. вмѣстѣ)	

Какъ извѣстно, нѣкоторыя мѣстности особенно неблагопріятны для развитія умственныхъ способностей человѣка (кретины въ альпійскихъ мѣстностяхъ); и въ данномъ случаѣ, однако, главную роль играютъ соціальныя условія (дурное питаніе и жилище бѣдныхъ семей въ горахъ). Реклю считаетъ, что швейцарскіе кретины являются результатомъ крайне негигіеническихъ условій жизни швейцарскихъ бѣдняковъ. Даже такіе физическіе недостатки, какъ слѣпота, въ значительной мѣрѣ связаны съ общественными неустройствами—отсутствіемъ медицинской помощи, невѣжествомъ населенія. Послѣдними условіями объясняется, напр., чрезвычайная распространенность слѣпоты въ Россіи.

При физическихъ недостаткахъ мы имѣемъ дѣло съ постоянной неспособностью къ труду, благодаря которой изъ общаго состава трудящейся массы вычеркивается значительный контингентъ рабочихъ силъ. Но для характеристики болѣзненности населенія не должно упускать изъ виду и временныхъ заболѣваній, при которыхъ извѣстная часть населенія отвлекается на нѣкоторое время отъ участія въ хозяйственномъ трудѣ. Статистическіе матеріалы по этому вопросу пока еще довольно скудны даже для западно - европейскихъ государствъ, потому что ихъ

приходится черпать изъ регистраціи больницъ и страховыхъ учрежденій, которая охватываетъ не все населеніе. Въ Германіи, напр., цифра больныхъ, лѣчившихся въ больницахъ, участвующихъ въ веденіи статистики заболѣваемости, колебалась въ 1889—91 гг. приблизительно отъ 700 до 800 тысячъ въ годъ, при чемъ въ среднемъ каждый больной находился въ больницѣ въ теченіе 32,5 дней (въ общихъ больницахъ—27,6 до 28,3 дней; въ частныхъ лѣчебницахъ—отъ 40 до 40,2 дней).

Что касается данныхъ, собираемыхъ страховыми учрежденіями, то, по, свѣдѣніямъ англійскихъ Friendly societies, заболѣваемость среди ихъ членовъ распредѣлялась слѣд. обр. среди лицъ различнаго возраста (въ періодъ 1876—80 гг. въ Англіи и Уэльсѣ):

Возрасты.	Число недѣль болѣзни, приходящееся въ среднемъ на одного члена въ теченіе года.
20	0,89
30	0,96
40	1,37
50	2,18
60	4,32
70	12,24
80	25,07
90	44,95

Эта таблица наглядно показываетъ, какъ увеличивается заболѣваемость вмѣстѣ съ возрастомъ. Старики въ возрастѣ отъ 60 и, въ особенности, 70 лѣтъ болѣютъ уже такъ часто, что для общества оказывается мало полезнымъ привлекать ихъ къ хозяйственной работѣ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что освобожденіе стариковъ отъ труда назначеніемъ имъ

отъ общества достаточной пенсіи вызывается не только соображеніями гуманности, но представляется простой необходимостью.

По даннымъ германскаго обязательнаго страхованія (охватывающаго около 7 милліоновъ лицъ) оказывается, что въ среднемъ за 7 лѣтъ (съ 1888 по 1894) на каждые 100 членовъ страховыхъ кассъ заболѣвало среди мужчинъ 26,4, среди женщинъ 30,7 лицъ, а количество дней болѣзни, приходящееся на одного члена, составляло за тѣ же годы въ среднемъ для мужчинъ 6,02 и для женщинъ 5,54 (а для мужчинъ и женщинъ вмѣстѣ—5,92). Средняя продолжительность выдачи пособій на случай болѣзни составляла за указанное время на 1 случай заболѣванія въ среднемъ для мужчинъ 16,5, для женщинъ 18,0 дней (для тѣхъ и другихъ вмѣстѣ —16,8 дней) [1].

Что касается условій русской жизни, то мы не имѣемъ аналогичныхъ статистическихъ данныхъ; однако мы можемъ воспользоваться нѣкоторыми косвенными указаніями относительно заболѣваемости русскаго населенія. Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній относительно самыхъ болѣзней, но мы располагаемъ достаточными данными для характеристики причинъ, порождающихъ болѣзни въ трудящемся населеніи. Прежде всего въ данномъ случаѣ имѣютъ значеніе, конечно, санитарныя условія, та обстановка, среди которой трудящіеся классы живутъ и работаютъ. Свѣдѣнія же объ обстановкѣ труда въ нашемъ отечествѣ указываютъ, что санитарныя условія у насъ крайне неблагопріятны сравнительно съ положеніемъ рабочихъ въ Западной Европѣ, такъ

---

[1]) *Г. Майръ*: «Статистика и обществовѣдѣніе», т. II, стр. 605.

что цифры, которыя мы только что привели относительно Западной Европы, пришлось бы значительно повысить для того, чтобы онѣ отвѣчали русской дѣйствительности [1]).

Ни для кого не тайна, что въ условіяхъ жизни какъ сельскаго, такъ и городского населенія Россіи существуетъ весьма благопріятная почва для развитія различныхъ заразныхъ болѣзней, напр., тифа, дифтерита. Первое условіе распространенія всякаго рода болѣзней—скученность населенія въ жилыхъ помѣщеніяхъ—у насъ представляется повсюду весьма характернымъ явленіемъ. Если сравнить фактическія условія жилищъ нашего крестьянина и промышленнаго рабочаго съ требованіями гигіены, то мы найдемъ, что они, вообще, стоятъ далеко ниже этихъ требованій. Такъ, напримѣръ, мы имѣемъ свѣдѣнія о такихъ жилищахъ, гдѣ рабочій пользуется объемомъ воздуха въ 5 разъ меньшимъ того минимума, который устанавливаетъ гигіена. Затѣмъ крайне неблагопріятно для здоровья и самое устройство жилищъ; напр., курныя избы встрѣчаются до сихъ поръ на огромныхъ пространствахъ Россіи. Въ Рязанской

---

1) Можно привести также и нѣкоторыя прямыя указанія относительно болѣзненности русскаго населенія, но относящіяся только къ нѣкоторымъ мѣстностямъ. Такъ, напр., среди нашего сельскаго населенія въ высшей степени распространена малярія. Въ 15 земледѣльческихъ губерніяхъ число заболѣваній одной этой болѣзнью равно 4—49,5%. По даннымъ, касающимся одной Полтавской губ., малярія отнимаетъ въ среднемъ болѣе 10 дней въ году у каждаго рабочаго. Перемножая эту потерю на общую сумму населенія, мы найдемъ, что потеря въ трудѣ, благодаря маляріи, въ одномъ Кобелякскомъ уѣздѣ составляетъ около 22.000 рабочихъ дней. См. указ. соч. *Карышева*.

губерніи онѣ составляютъ около трехъ четвертей всего числа жилыхъ помѣщеній. Тѣснота, наблюдаемая въ жилищахъ русскаго рабочаго населенія, приводитъ къ ихъ загрязненію, загрязненіе же способствуетъ распространенію эпидемій. Извѣстно, что такія болѣзни, какъ, напримѣръ, тифъ и дифтеритъ, свили себѣ прочное гнѣздо во многихъ сельскихъ мѣстностяхъ и городскихъ рабочихъ кварталахъ. Съ ними напрасно борется земская и городская медицина, такъ какъ, пока не устранена основная причина, т.-е. антисанитарныя условія жизни трудящагося люда, противъ нихъ нельзя найти дѣйствительнаго средства. Далѣе, сверхъ антигигіеническихъ жилыхъ помѣщеній, существеннымъ факторомъ въ развитіи болѣзней рабочаго населенія являются неблагопріятныя условія питанія. Русскій рабочій питается неудобоваримой и мало питательной пищей, благодаря чему у насъ замѣчается массовое распространеніе болѣзней пищеварительныхъ органовъ. На эту категорію болѣзней въ Московской губ. приходится около 16,5% общей болѣзненности. Такія же явленія наблюдаются и въ фабричныхъ центрахъ, напр., въ Жирардовскихъ мануфактурахъ (въ варшавскомъ фабричномъ округѣ) указанныя заболѣванія составляютъ около 25% всѣхъ болѣзней. Между тѣмъ эти условія трудовой обстановки и жизни рабочаго населенія, которыя изъ году въ годъ лишаютъ общество значительной массы труда, вовсе не необходимо вытекаютъ изъ естественныхъ обстоятельствъ, какъ это думаютъ многіе. Сознательная человѣческая дѣятельность, направленная на борьбу съ неблагопріятными соціальными условіями, приводитъ и къ уменьшенію болѣзненности. Напримѣръ,

изслѣдованія относительно чахотки показали, что въ Англіи она мало-по-малу уменьшается. Чахотка оказывается далеко не непреодолимымъ бичомъ человѣчества. Сравнивая данныя за послѣдовательный рядъ лѣтъ, мы можемъ отмѣтить успѣхи, которыхъ достигли современныя культурныя общества въ борьбѣ съ этой болѣзнью.

Принимая для сравненія 50 годы и ближайшее къ намъ время (1884—1894 гг.), находимъ:

На 100.000 жителей въ Англіи и Уэльсѣ умирало:

Въ	1851	году	273,4	Въ	1884	году	173,3
»	1852	»	277,3	»	1885	»	167,0
»	1853	»	298,4	»	1886	»	161,2
»	1854	»	275,5	»	1887	»	150,8
»	1855	»	277,7	»	1888	»	142,8
»	1856	»	256,4	»	1889	»	143,5
»	1857	»	260,2	»	1890	»	150,6
				»	1891	»	159,9
				»	1892	»	146,8
				»	1893	»	146,8
				»	1894	»	138,5

Сравнивая оба ряда приведенныхъ цифръ, мы видимъ, что гигіеническія мѣропріятія новѣйшаго времени и улучшеніе положенія трудящихся классовъ были не напрасны: смертность отъ чахотки понизилась за послѣднія 40 лѣтъ почти вдвое.

То же самое можно сказать и относительно другихъ заразительныхъ болѣзней. Такъ, напримѣръ, цифры смертности отъ оспы, кори, скарлатины, дифтерита, коклюша, горячечныхъ болѣзней, поноса, считая на 100.000 жителей, также значительно понизились въ Англіи.

	Смертность отъ этихъ болѣзней составляла:
Въ 1851—60 гг.	отъ 420,9 до 414,8
» 1871—80 »	338,2
» 1881—87 »	отъ 220,7 до 277,9 [1]).

Есть еще косвенный признакъ, по которому можно судить о степени болѣзненности населенія, это—цифры общей смертности. Смертность указываетъ на результаты борьбы даннаго общества съ неблагопріятными условіями жизни, и, конечно, гдѣ она ниже, тамъ можно предположить и меньшее развитіе болѣзней, и большую успѣшность въ борьбѣ съ ними. По даннымъ, относящимся къ 1884—93 гг., для различныхъ европейскихъ государствъ оказываются слѣдующія цифры смертности: самую высокую цифру смертности мы находимъ въ Россіи, гдѣ на 1.000 живущихъ приходится 35,5 смертей, въ Венгріи—32,3, въ Австріи—28,7, въ Германіи—24,5, въ Италіи—26,8, въ Испаніи—31,9, во Франціи—22,4, въ Швейцаріи—21,4, въ Бельгіи—20,4, въ Англіи—19,1, въ Норвегіи — 16,9, въ Швеціи — 17,1 [2]). Въ этомъ ряду цифръ крайніе предѣлы представляютъ данныя, съ одной стороны, для Россіи, съ другой—для Швеціи и Норвегіи, странъ не съ лучшими климатическими и вообще естественными условіями, и, однако, въ нихъ смертность почти вдвое менѣе, чѣмъ въ Россіи [3]). Всматриваясь въ эти цифры, мы замѣтимъ въ нихъ тенденцію опредѣленнаго характера.

---

1) См. *Майръ*: «Статистика и обществовѣдѣніе», т. II, стр. 456—457.

2) *Майръ*, «Статистика и обществовѣдѣніе», стр. 310.

3) Въ цвѣтущихъ англійскихъ колоніяхъ, гдѣ населеніе пользуется большимъ благосостояніемъ, чѣмъ въ самой метрополіи, цифры смертности поразительно низки. Онѣ со-

Въ странахъ съ лучшей культурой, въ которыхъ трудящееся населеніе находится въ болѣе выгодныхъ условіяхъ существованія, цифры указываютъ на меньшую смертность: таковы Англія, страна крупнаго капитала и высокой заработной платы, и Швеція, въ которой нѣтъ крупнаго накопленія богатствъ, но зато уровень благосостоянія низшихъ классовъ населенія также высокъ. Такимъ образомъ, разсматривая даже въ наиболѣе общихъ, грубыхъ чертахъ данныя относительно смертности (такъ называемыя цифры общей смертности), мы не можемъ не замѣтить въ нихъ отраженія общихъ культурныхъ условій существованія населенія.

Далѣе, на количество труда въ обществѣ вліяетъ механическій факторъ — эмиграція и иммиграція. Страны, въ которыя направлена иммиграція, располагаютъ сравнительно большимъ количествомъ труда, такъ какъ въ средѣ эмигрантовъ преобладаютъ такія возрастныя группы, которыя входятъ въ категорію рабочаго населенія, съ другой стороны, значительную часть въ составѣ эмигрантовъ образуютъ мужчины. Такимъ образомъ, страны, въ которыя направлена иммиграція, выигрываютъ въ общей массѣ труда, наоборотъ, страны, изъ которыхъ происходитъ эмиграція—теряютъ [1]). Кромѣ эмиграціи между

ставляли, напр., въ Новой Зеландіи въ концѣ 90-хъ гг. даже менѣе 10 (въ 1897 г.—9,14 на 1.000). См. The Statesman's Year-Book за 1899 г. London, 1899, стр. 288—290, и *W. P. Reeves*, The long white cloud. London, 1899, стр. 402.

[1]) Какое значеніе имѣетъ эмиграція при распредѣленіи массы труда на земной поверхности, можно видѣть хотя бы изъ того факта, что между 20 и 90 годами XIX столѣтія европейскія государства отдали изъ своего населенія однимъ только Соединеннымъ Штатамъ болѣе 13½ милліоновъ челов.; вся же

отдѣльными территоріями, имѣютъ значеніе и переселенія внутри государствъ. Въ нашемъ отечествѣ наблюдается постоянное передвиженіе населенія изъ перенаселенныхъ частей въ окраины. Причинами такого перераспредѣленія населенія являются соціальныя условія, и, въ данномъ случаѣ, необезпеченность населенія, которая гонитъ его изъ старыхъ прадѣдовскихъ мѣстъ въ новыя, отдаленныя и неизвѣстныя мѣстности. И въ самомъ процессѣ переселенческаго движенія, доставляющаго піонеровъ культуры для пустынныхъ и рѣдко заселенныхъ окраинъ, сказываются общія соціальныя условія существованія нашего трудящагося населенія. Относительно русскихъ переселеній печать постоянно констатируетъ цѣлый рядъ бѣдствій, испытываемыхъ переселенцами во время своего долгаго и многотруднаго пути изъ внутреннихъ губерній въ Сибирь и другія окраины. При тяжелыхъ условіяхъ нашей экономической жизни и самый процессъ перераспредѣленія населенія происходитъ болѣзненнымъ образомъ, лишая страну значительнаго запаса ея рабочихъ силъ, въ которыхъ такъ нуждаются колонизуемыя мѣстности.

Наконецъ необходимо еще упомянуть объ одномъ условіи, вліяющемъ на массу трудовой энергіи, развиваемой обществомъ,—о безработицѣ. Безработица, какъ постоянное и угрожающее общественное явленіе, появляется только въ эпоху капиталистическаго

вообще эмиграція изъ Европы за это время (кромѣ Соед. Штатовъ, въ Австралію, Канаду, Южную Америку и другія внѣевропейскія мѣстности) опредѣляется круглымъ числомъ въ 20 милл. человѣкъ. См. *Майръ*, «Статистика и обществовѣдѣніе», т. II, стр. 482.

хозяйства. Ни при рабскомъ, ни при крѣпостномъ, ни при ремесленно-цеховомъ строѣ не было условій для созданія «арміи безработныхъ», какъ существеннаго элемента экономической организаціи. Пролетаріи древняго Рима получали прямую поддержку отъ государства, какъ привилегированный классъ; среди лицъ, занятыхъ хозяйственнымъ трудомъ (рабовъ), въ силу системы замкнутости хозяйства, не могло быть такихъ, чьи руки въ извѣстный моментъ были бы не нужны. То же самое было и во времена крѣпостничества. Городское ремесленное хозяйство составляло также довольно замкнутую систему, гдѣ спросъ и предложеніе продуктовъ были регулированы обязательными нормами и гдѣ не было мѣста для лишнихъ рукъ. Избыточные элементы населенія уходили бродяжничать и нищенствовать или нанимались въ армію или другія болѣе или менѣе авантюристскія занятія. Капиталистическій строй, съ его неустойчивостью промышленныхъ и мѣновыхъ отношеній, впервые создалъ безработицу, какъ характерное явленіе народнаго хозяйства. Я не имѣю возможности привести относящіяся сюда цифры; кромѣ того, и статистика безработицы до сихъ поръ еще сравнительно мало разработана даже въ передовой капиталистической странѣ — Англіи. Замѣчу только, что за послѣднее время въ цифрахъ безработныхъ замѣчается интересная тенденція, указывающая на вѣроятное будущее этого явленія и въ другихъ капиталистическихъ государствахъ. Оказывается, что высшіе разряды рабочаго населенія (обученные и организованные рабочіе) имѣютъ теперь болѣе регулярный заработокъ, чѣмъ въ начальный періодъ капиталистическаго развитія; они же

располагаютъ и наибольшими средствами для устраненія бѣдствій, порождаемыхъ случаями безработицы (въ страховыхъ кассахъ). И, наоборотъ, низшіе разряды рабочаго населенія въ настоящее время чаще бываютъ безъ работы, а скудость ихъ обычнаго заработка не даетъ имъ возможности бороться съ бѣдствіями безработицы.

Такимъ образомъ для дальнѣйшаго экономическаго развитія капиталистическихъ странъ, повидимому, и въ данномъ отношеніи раскрываются аналогичныя перспективы, какъ и въ другихъ сторонахъ жизни. Наиболѣе сильные элементы среди рабочихъ все болѣе и болѣе обезпечиваютъ себѣ лучшія условія существованія, но зато слабые оказываются теперь, быть - можетъ, даже въ худшемъ положеніи, чѣмъ прежде. Есть много основаній думать, что въ Англіи въ недалекомъ будущемъ пройдетъ законъ о назначеніи пенсій престарѣлымъ рабочимъ, и тогда положеніе высшихъ слоевъ рабочаго населенія станетъ болѣе устойчивымъ. Что же касается полнаго устраненія безработицы и въ особенности облегченія участи наиболѣе обездоленныхъ классовъ, то эта задача едва ли подъ силу современному экономическому режиму Надежда на болѣе свѣтлое будущее для всѣхъ трудящихся элементовъ общества можетъ основываться только на сознаніи и энергіи той доли рабочаго населенія, которая выдвинута на первый планъ современной жизнью и которая одна только имѣетъ достаточно досуга, умственнаго развитія и нравственныхъ силъ, чтобы намѣчать и проводить въ жизнь благодѣтельныя общественныя реформы.

Лекція четвертая.

Трудъ (продолженіе). — Качественныя различія труда. — Вліяніе на нихъ соціально-культурныхъ условій. — Рабскій и крѣпостной трудъ. — Трудъ крестьянина-собственника. — Трудъ наемнаго рабочаго въ крупной промышленности (вліяніе заработной платы и продолжительности рабочаго времени). — Вліяніе техническаго и общаго образованія на производительность труда. — Производительность труда въ свободной ассоціаціи равноправныхъ работниковъ.

Мм. гг. Въ прошлый разъ мы приступили къ разсмотрѣнію вопроса о роли труда въ хозяйственной дѣятельности человѣческихъ обществъ. Мы видѣли, что единственное средство, которымъ располагаетъ человѣкъ въ борьбѣ съ природой, заключается въ его способности комбинировать естественныя силы въ направленіи, желательномъ для его цѣлей. Несмотря на ограниченность человѣческихъ силъ, приложеніемъ труда все-таки создается огромная масса богатствъ, которая позволяетъ удовлетворять не только низшія потребности людей, но и высшіе запросы ихъ духовной природы. Разсматривая вопросъ о количествѣ трудовой энергіи, развиваемой въ предѣлахъ данной общественной организаціи, мы нашли, что этотъ запасъ находится въ прямой зависимости отъ численности и состава населенія. Поэтому мы и обратились къ обозрѣнію основныхъ группъ, на

которыя распадается населеніе каждаго государства. Нашъ очеркъ роли труда въ экономической жизни общества былъ бы, однако, не полонъ, если бы мы остановились на одной количественной сторонѣ дѣла; необходимо разсмотрѣть еще и качественную сторону трудового процесса, выяснить, почему при одинаковомъ числѣ агентовъ результатъ труда можетъ быть различнымъ. Если разсматривать трудовой процессъ съ точки зрѣнія проявляющихся въ немъ элементарныхъ причинъ и силъ, то мы найдемъ, что разница въ его результатахъ находится въ зависимости отъ интенсивности усилій и ловкости. Подъ интенсивностью труда мы понимаемъ отношеніе, существующее между количествомъ расходуемой трудовой энергіи и продолжительностью времени, въ которое она расходуется. Если, напримѣръ, затрачивая ежедневно одинаковое количество часовъ на трудовой процессъ, мы въ теченіе одного дня, работая сравнительно вяло, получаемъ извѣстное количество продуктовъ, а въ теченіе другого дня, трудясь съ большимъ рвеніемъ, большее, то во второмъ случаѣ разницу въ результатѣ нашихъ трудовыхъ усилій придется отнести, именно, на счетъ разсматриваемаго фактора, т. е. интенсивности труда. Но увеличеніе суммы продуктовъ, доставляемыхъ трудомъ, можетъ зависѣть и отъ большей степени ловкости работника. По мѣрѣ изученія техническихъ процессовъ и пріобрѣтенія техническихъ навыковъ у работника развивается способность въ каждый моментъ изъ каждой затраты трудовой энергіи извлекать наибольшую пользу, т. е. создавать все большее и большее количество продуктовъ. Ловкость, такимъ образомъ, есть отношеніе между затрачиваемой въ производствѣ тру-

довой энергіей и получаемымъ отъ того результатомъ.

Прилагая установленныя нами общія соображенія къ различнымъ существующимъ народнымъ хозяйствамъ и къ послѣдовательнымъ эпохамъ историческаго развитія экономическихъ отношеній, мы замѣтимъ существованіе крупныхъ различій въ степени напряженности и ловкости труда. Разыскивая причины этихъ различій, мы постоянно встрѣчаемся съ соціально-культурными условіями, въ которыхъ живетъ и работаетъ трудящееся населеніе. Среди этихъ условій прежде всего привлекаютъ наше вниманіе общественно-юридическія нормы, опредѣляющія отношенія трудящагося человѣка къ продукту его труда и къ тѣмъ лицамъ, которыя являются организаторами всей трудовой дѣятельности. На первыхъ ступеняхъ историческаго развитія мы находимъ почти у всѣхъ народовъ юридическій институтъ рабства. Этотъ институтъ въ его юридической сущности состоитъ въ томъ, что весь продуктъ труда, орудія производства и сама трудящаяся личность составляютъ полную собственность господина. Ясно, что при такихъ условіяхъ господинъ видитъ въ рабѣ — рабочемъ — лишь извѣстный механизмъ, дающій ему возможность существовать безъ примѣненія личной трудовой энергіи и поставляющій для него готовые продукты. Основнымъ побужденіемъ господина является желаніе оставить рабу только скудныя средства для поддержанія его жизни, весь же излишекъ взять себѣ. Итакъ, если рабъ, изо дня въ день находящійся въ тяжелой обстановкѣ, не можетъ, увеличивая напряженность труда, повысить результатъ своей дѣятельности для себя лично, у него не въ состоя-

ніи образоваться внутренній стимулъ напрягать свои силы болѣе возможнаго для него минимума. Единственнымъ мотивомъ, побуждающимъ его къ работѣ, является страхъ,—страхъ наказанія, страхъ палки, кнута господина или его надсмотрщика. По мѣрѣ развитія и усложненія общественной организаціи, покоящейся на рабскомъ трудѣ, этотъ трудъ начинаетъ производить такъ мало, что становится невыгоднымъ для господина. Въ силу увеличенія населенія и вздорожанія продуктовъ издержки производства возрастаютъ, и содержаніе раба становится невыгоднымъ, слишкомъ дорогимъ для рабовладѣльца; тогда у него возникаетъ стремленіе выжать изъ раба всѣ силы; когда же и такимъ путемъ не удается повысить въ необходимой мѣрѣ интенсивность рабскаго труда, становится на очередь насущный для самихъ рабовладѣльцевъ вопросъ о необходимости перехода къ смягченію института рабства. Такъ, въ древнемъ Римѣ рабская организація труда перешла въ болѣе смягченныя формы колоната, по свидѣтельству компетентнаго изслѣдователя античной древности, извѣстнаго экономиста Родбертуса, въ значительной мѣрѣ, въ силу интересовъ самихъ рабовладѣльческихъ классовъ. Для нихъ стало ясно, что въ крупномъ сельскомъ хозяйствѣ нѣтъ возможности въ каждый моментъ услѣдить за трудомъ раба, а потому они и нашли болѣе цѣлеобразнымъ предоставить ему нѣкоторую свободу и самостоятельность, смягчить его участь, чтобы, такимъ образомъ, создавъ лишніе внутренніе стимулы, повысить и его трудовую производительность. Тѣмъ болѣе невыгоднымъ становился рабскій трудъ въ новое время, когда съ нимъ вступалъ въ конкуренцію трудъ сво-

бодныхъ рабочихъ. Напр., по свидѣтельству британскаго консула въ Пернамбуко, трудъ рабовъ въ одномъ плантаторскомъ имѣніи, при одинаковой выработкѣ сахара, обходился въ четыре раза дороже, чѣмъ трудъ свободныхъ рабочихъ. При рабскомъ трудѣ производство сахара въ этомъ имѣніи стоило 4.251 ф. ст., при трудѣ свободныхъ рабочихъ то же самое количество сахара получалось только съ затратой 1.080 фунт. [1]).

Внутреннимъ стимуломъ, побуждавшимъ крѣпостного къ работѣ, было сознаніе, что часть работы онъ выполняетъ непосредственно для удовлетворенія собственныхъ нуждъ, и большая свобода труда. Художественные инстинкты и ритмичность работы находили здѣсь также гораздо большее примѣненіе. Тѣмъ не менѣе, присматриваясь ближе къ крѣпостному труду, мы найдемъ, что при всемъ различіи его отъ рабскаго онъ представляется тоже чрезвычайно мало выгоднымъ. И здѣсь, въ особенности же въ нѣкоторыхъ формахъ крѣпостничества, когда крѣпостной близокъ къ господину, когда онъ, напр., находится въ положеніи двороваго человѣка, его существованіе мало чѣмъ отличается отъ жизни раба; во всякомъ случаѣ, работая на господина, завися постоянно отъ его произвола, крѣпостной не могъ относиться съ искреннимъ рвеніемъ къ выполненію своихъ трудовыхъ обязанностей, и главнымъ мотивомъ, побуждавшимъ его къ работѣ, была попрежнему боязнь наказанія. Нельзя не отмѣтить также, что крѣпостное право существовало въ эпоху распространенія христіанскаго ученія, которое въ глазахъ

[1]) *Thomas Brassey* On Work and Wages, 4 изданіе. London, 1873, стр. 263—264.

крѣпостныхъ являлось религіей угнетенныхъ и обиженныхъ. Въ христіанствѣ крѣпостной видѣлъ осужденіе своего бѣдственнаго положенія, оно же подавало ему надежду на лучшее будущее. Въ сознаніи измученнаго тяжелой жизнью крѣпостного человѣка постоянно теплилась искра надежды, что Господь даруетъ ему или его потомкамъ болѣе справедливое существованіе.

Принудительная передача продуктовъ, добытыхъ цѣной тяжкаго труда, въ руки господина, который велъ праздную и часто развратную жизнь, естественно возмущала нравственное чувство крѣпостного, заставляя его, поскольку было возможно, давать лишь крайній минимумъ требуемой отъ него работы. Въ самомъ дѣлѣ, по свидѣтельству лицъ, сравнивавшихъ трудъ русскаго крѣпостного съ трудомъ англійскаго свободнаго рабочаго, замѣчалась поразительная разница въ степени производительности одинаковыхъ работъ, выполняемыхъ русскимъ и англійскимъ работникомъ. Миллъ приводитъ въ своихъ «Основаніяхъ политической экономіи» фактъ, сообщенный учеными англійскими путешественниками, что два англійскихъ косца, работающихъ по найму, обыкновенно скашиваютъ въ шесть разъ большее количество сѣна, чѣмъ двое русскихъ крѣпостныхъ, работая одинаковое количество времени. Аналогичныя свѣдѣнія находимъ и у Рошера [1]).

Такимъ образомъ крѣпостной трудъ оказывается экономически мало выгоднымъ, и, когда общее развитіе жизни начинаетъ требовать большаго, чѣмъ прежде, напряженія трудовой энергіи, для страны

---

1) *Wilhelm Roscher,* Grundlagen der Nationalökonomie. Stuttgart, 1880 (изданіе 15), стр. 143—153.

наступаетъ моментъ, когда крѣпостное право становится анахронизмомъ. Въ нашей отечественной исторіи при отмѣнѣ крѣпостного права особенное значеніе имѣли потребности государственной власти. Мы знаемъ, что матеріальныя средства необходимы для осуществленія всѣхъ цѣлей общественной дѣятельности. Съ расширеніемъ задачъ государства крѣпостное право становится уже тормазомъ для политической жизни страны, такъ какъ ея хозяйственная организація оказывается весьма мало производительной. Но хотя потребности государственнаго и общественнаго развитія и требуютъ отмѣны крѣпостного права, тѣмъ не менѣе такая реформа не достается даромъ. Изслѣдуя историческій процессъ перехода къ свободнымъ формамъ труда, мы всегда наталкиваемся на фактъ серьезной борьбы противоположныхъ интересовъ въ предѣлахъ даннаго общества, оказывающей существенное вліяніе на характеръ самой реформы. Сторонники стараго режима отстаиваютъ до послѣдней крайности свои интересы, такъ что давленіе крѣпостного права на массу крѣпостныхъ передъ освобожденіемъ чувствуется даже сильнѣе, чѣмъ раньше. Такъ, напр., историкъ русскаго крѣпостного права В. И. Семевскій указываетъ, что въ послѣднее время передъ реформой отношенія между крестьянами и помѣщиками особенно обострились и что рядъ повсемѣстно возникавшихъ крестьянскихъ бунтовъ еще болѣе подтверждалъ крайнюю необходимость реформы, не дожидаясь добровольнаго соглашенія помѣщиковъ, котораго невозможно было бы добиться. Эта мысль подтверждается и позднѣйшими изслѣдованіями вопроса о крѣпостномъ правѣ. Въ вышедшемъ недавно

изданіи Рязанской Архивной Комиссіи, въ которомъ разсматривается положеніе крестьянъ Рязанской губерніи незадолго до отмѣны крѣпостного права, мы находимъ интересныя свидѣтельства въ пользу указаннаго положенія. Авторъ этого изслѣдованія констатируетъ фактъ, что лѣтъ за 30 до отмѣны крѣпостного права начался процессъ ухудшенія условій жизни крестьянъ. Оказалось, что въ это время помѣщики, которые не желали примириться съ сокращеніемъ своихъ прежнихъ доходовъ (что являлось естественнымъ результатомъ невыгодности крѣпостного труда при увеличивающейся дороговизнѣ жизни), старались выжать возможно больше изъ крестьянина, урѣзать тѣ средства, которыми онъ располагалъ для покрытія своихъ личныхъ потребностей (величину надѣловъ). Между прочимъ, въ разсматриваемомъ сочиненіи приводится одинъ весьма характерный случай. Когда, по поводу покушенія крестьянина на жизнь одного помѣщика, былъ созванъ съѣздъ мѣстныхъ помѣщиковъ, то оказалось, что каждый изъ членовъ его могъ, основываясь на личномъ опытѣ, поразсказать о подобныхъ же происшествіяхъ. Факты эти не разглашались лишь изъ боязни подорвать авторитетъ владѣльца въ крестьянской средѣ, понизить престижъ помѣщичьей власти. Итакъ, мы сдѣлали бы большую ошибку, если бы, обращая вниманіе только на условія выгодности приложенія различныхъ формъ труда, пришли къ выводу, что отмѣна крѣпостного права такъ же, какъ и всякое другое прогрессивное измѣненіе, произошла путемъ естественной механической эволюціи. Уже изъ приведенныхъ фактовъ можно видѣть, что отмѣна крѣпостного права состоялась не безъ борьбы. Но эта

борьба не ограничивалась только отношеніями между помѣщиками и крѣпостными; она развивалась и въ средѣ самого дворянства между прогрессивными и реакціонными группами, между аболиціонистами и крѣпостниками. Изъ среды мѣстнаго дворянства выдѣлялись немногія единицы, искренно желавшія освобожденія крестьянъ. Меньшинство губернскихъ комитетовъ и либеральные члены Редакціонныхъ Комиссій умѣли широко взглянуть на переживаемый ими историческій моментъ, противопоставляя узкимъ интересамъ класса землевладѣльцевъ потребности цѣлаго государства. Конечно, такія лица были сильны своими знаніями и энергіей, а не численностью; большинство помѣщиковъ оставалось крѣпостниками. Вѣдь если все государство въ цѣломъ должно было выиграть отъ реформы, то помѣщики, какъ особый общественный классъ, несомнѣнно, должны были много терять, утрачивая свои привилегіи. Поэтому дворянское большинство энергично противилось поставленной правительствомъ реформѣ и, не имѣя силъ совершенно отстоять старый режимъ, стремилось вознаградить себя урѣзываніемъ экономической обезпеченности крестьянства, чтобы на почвѣ сосредоточиванія въ своихъ рукахъ матеріальныхъ средствъ сохранить за собой хозяйственное господство надъ трудомъ освобождаемыхъ юридически крѣпостныхъ. Недостатки крестьянской реформы были бы намъ непонятны, если бы мы забыли о борьбѣ интересовъ передъ осуществленіемъ акта освобожденія.

Переходимъ теперь къ характеристикѣ качественныхъ различій, замѣчаемыхъ въ свободномъ трудѣ.

Здѣсь намъ также необходимо имѣть въ виду, главнымъ образомъ, отношенія трудящагося чело-

вѣка къ продуктамъ его труда и къ средствамъ производства. Въ свободномъ трудѣ, соотвѣтственно этимъ отношеніямъ, мы различаемъ три формы: трудъ рабочаго-собственника (крестьянинъ и ремесленникъ), трудъ свободнаго наемнаго рабочаго и, наконецъ, трудъ члена свободной ассоціаціи равноправныхъ работниковъ.

Уже съ давнихъ поръ въ экономической наукѣ высказывалось мнѣніе, что наиболѣе интенсивнымъ трудомъ является работа мелкаго собственника, который работаетъ на собственной землѣ, собственными орудіями и собираетъ въ свою пользу весь продуктъ своего труда. Эта мысль особенно прочно укоренилась въ экономической наукѣ со времени Сисмонди, Дж. Ст. Милля и другихъ экономистовъ, ихъ послѣдователей. Сисмонди ссылается въ доказательство своего утвержденія на характерный въ данномъ отношеніи трудъ жителей швейцарскихъ долинъ. Онъ приводитъ свидѣтельство одного путешественника, который просто поражался безконечнымъ трудолюбіемъ швейцарскихъ жителей-земледѣльцевъ. «Открывая въ пятомъ часу утра свое окно, чтобы взглянуть на озеро и на далекія Альпы, я видѣлъ земледѣльцевъ въ полѣ, а возвращаясь съ вечерней прогулки, долго спустя по закатѣ солнца, часу уже въ восьмомъ, я видѣлъ, что земледѣлецъ все еще коситъ сѣно или подвязываетъ виноградныя лозы. Взгляните на поле, садъ, изгородь,—на всемъ непремѣнно увидите вы слѣды чрезвычайно трудолюбивой заботливости поселянина, увидите ихъ, можно сказать, на каждомъ деревѣ, каждомъ цвѣткѣ, каждой травкѣ. Если, напримѣръ, идетъ черезъ ниву или подлѣ нивы тропинка, хлѣбу не

даютъ, какъ въ Англіи, наклоняться надъ нею, такъ что каждый прохожій можетъ сорвать или стоптать его, — нѣтъ, нива по всей тропинкѣ огорожена, вбиты колья фута на три один ъ отъ другого, и вдоль, между ними, на высотѣ двухъ или трехъ футовъ отъ земли, проложены вѣтки. Взглянувъ вечеромъ на поле, засаженное капустой, вы увидите, что каждое растеніе полито. Въ огородахъ, которые около Цюриха очень велики, на каждомъ растеніи видны слѣды самаго заботливаго ухода. Они разсажены съ математической аккуратностью, нѣтъ между ними ни одной сорной травинки, ни одного камня».

Тѣмъ не менѣе, если внимательно присмотрѣться къ соціальнымъ условіямъ, среди которыхъ прилагается трудъ земледѣльца-собственника, мы увидимъ, что они далеко не всегда благопріятствуютъ ему стать идеальной по степени производительности формой человѣческаго труда. Рядъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ можетъ привести и земледѣльца-собственника къ необходимости труда для удовлетворенія не своихъ личныхъ потребностей, а другихъ лицъ или общественныхъ классовъ. Въ странахъ съ крупными государственными расходами, при системѣ налоговъ, падающихъ значительной долей на мелкихъ земельныхъ собственниковъ, при малыхъ размѣрахъ ихъ земельнаго владѣнія и слабомъ развитіи сельско-хозяйственной культуры, мелкимъ собственникамъ приходится удѣлять значительную долю своего продукта для удовлетворенія общественныхъ, государственныхъ и мѣстныхъ потребностей, а за покрытіемъ своихъ нуждъ обращаться, въ виду недостаточности собственныхъ

средствъ, къ арендѣ земли у крупныхъ владѣльцевъ или внѣземледѣльческимъ промысламъ. При такихъ условіяхъ собственнику въ значительной мѣрѣ приходится работать не на себя, а на другихъ. У того же Сисмонди, который такъ идеализируетъ положеніе мелкаго собственника, мы находимъ совершенно иную картину, когда онъ касается Савойи. «Притѣснительное правительство, говоритъ онъ, можетъ разрушать благосостояніе и притуплять умъ, которые должны были бы развиваться при собственности; налогъ можетъ отнимать почти весь чистый доходъ сельскаго хозяйства, наглость агентовъ власти можетъ нарушить спокойствіе поселянъ, невозможность найти защиту противъ могущественнаго сосѣда лишаетъ бодрости духа; въ прекрасной странѣ, возвращенной подъ власть сардинскаго короля, собственникъ носитъ тотъ же мундиръ бѣдности, что и поденщикъ». Въ этомъ мундирѣ до сихъ поръ щеголяетъ и нашъ русскій крестьянинъ. Въ силу многихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, среди которыхъ существуетъ наше мелкое крестьянское хозяйство, объ улучшеніи земледѣльческой культуры и о повышеніи производительности труда въ настоящее время сравнительно съ крѣпостной эпохой нечего говорить. Исторія нашего крестьянскаго хозяйства послѣ реформы свидѣтельствуетъ о полномъ разложеніи прежняго пратріархальнаго быта. Съ одной стороны, изъ среды крестьянъ выдѣляются деревенскіе буржуа, прилагающіе къ землѣ не столько собственный, сколько наемный трудъ; съ другой—образуется мало-по-малу классъ пролетаріевъ, для которыхъ владѣніе землей является лишь основаніемъ обязательствъ передъ казной, а средства къ

жизни даются уже иными формами работы. Припомните хотя бы у Глѣба Успенскаго фигуру крестьянина, «служащаго по балетной части», который «платитъ съ пуста» и тѣмъ не менѣе офиціально продолжаетъ числиться крестьяниномъ. Но даже оставляя въ сторонѣ указанныя формы мелкаго крестьянскаго хозяйства и обращаясь къ наилучшимъ изъ возможныхъ условій труда мелкаго собственника, найдемъ, что они не гарантируютъ наивысшей производительности. Всякій сложный человѣческій трудъ по существу своему необходимо требуетъ коопераціи, т.-е. соединенія отдѣльныхъ человѣческихъ усилій для общей цѣли. Въ этомъ отношеніи единичный хозяинъ, если даже онъ стоитъ во главѣ большой семьи, оказывается часто въ крайне невыгодномъ положеніи, не имѣя возможности пустить въ дѣло наиболѣе удобную для достиженія даннаго хозяйственнаго результата комбинацію трудовыхъ силъ. Наиболѣе производительной формой приложенія труда была бы, поэтому, не мелкая собственность, а ассоціація свободныхъ и равноправныхъ работниковъ. Но приведенныя соображенія касаются только земледѣлія; что же касается промышленности, то здѣсь трудъ мелкаго собственника (ремесленника или кустаря) оказывается даже менѣе производительнымъ, чѣмъ трудъ свободнаго наемнаго рабочаго. Если въ земледѣльческомъ хозяйствѣ форма труда, основанная на институтѣ мелкой частной собственности, въ силу особенностей земледѣлія можетъ отстаивать себя въ борьбѣ съ крупнымъ землевладѣніемъ, то въ области обрабатывающей промышленности во многихъ случаяхъ она просто немыслима, а въ другихъ—можетъ подержи-

ваться только цѣной крайне тяжкой работы и нищенскаго вознагражденія за нее. Въ этихъ отросляхъ промышленности господствующей формой приложенія труда въ настоящее время представляется трудъ свободныхъ рабочихъ, занятыхъ по найму у крупнаго капиталиста. Мы не можемъ себѣ представить, какимъ образомъ мелкіе собственники могли бы изготовить, скажемъ, локомотивъ, рельсы, морской пароходъ и т. п. предметы. Также немыслимо въ настоящее время и изготовленіе ситца руками мелкаго собственника, работающаго въ собственной мастерской, хотя прежде такая работа примѣнялась въ весьма широкой мѣрѣ.

Но, превосходя указанныя выше формы труда, свободный трудъ въ крупныхъ капиталистическихъ предпріятіяхъ самъ по себѣ представляетъ различныя степени производительности въ зависимости отъ тѣхъ соціальныхъ условій, въ какія онъ поставленъ, и, главнымъ образомъ, отъ уровня благосостоянія трудящихся классовъ населенія. Для успѣшности производства положеніе рабочихъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, далеко не безразлично. Въ частности, наблюдая разницу въ степени производительности свободнаго наемнаго труда въ различныхъ европейскихъ государствахъ или въ разное время въ жизни одного какого-либо изъ этихъ государствъ, мы необходимо встрѣтимся съ слѣдующими весьма существенными вліяніями: 1) продолжительностью рабочаго времени; 2) высотой заработной платы и 3) развитіемъ техническихъ знаній и общаго образованія.

Обращаясь къ вопросу о вліяніи положенія трудящихся классовъ на успѣшность труда, мы прежде

всего должны отмѣтить, что онъ лишь недавно (съ 70 гг.) сталъ предметомъ спеціальнаго изученія— сначала въ Англіи (Брассей), затѣмъ въ Америкѣ (Шенгофъ), Германіи (Брентано и Шульце-Геверницъ) и Россіи (Чупровъ, Янжулъ, Карышевъ). Конечно, нельзя сказать, чтобы этотъ вопросъ обходился молчаніемъ въ ранней экономической литературѣ. Уже у Адама Смита мы найдемъ, напр., слѣдующее разсужденіе: «Щедрое вознагражденіе за трудъ, поощряя размноженіе, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваетъ и прилежаніе рабочихъ, которое, какъ всякое человѣческое качество, увеличивается въ соотвѣтствіи съ дѣйствующимъ на него побужденіемъ. Обильныя средства къ существованію увеличиваютъ физическую энергію работника, а утѣшительная надежда на улучшеніе его положенія и на то, что онъ, быть-можетъ, окончитъ сви дни въ довольствѣ и благополучіи, побуждаетъ его напрягать свою силу до крайнихъ предѣловъ. Поэтому, гдѣ заработная плата высока, мы всегда встрѣтимъ болѣе активныхъ, усердныхъ и умѣлыхъ рабочихъ, чѣмъ тамъ, гдѣ она низка; въ Англіи, напримѣръ, больше, чѣмъ въ Шотландіи; въ сосѣдствѣ большихъ городовъ, чѣмъ въ отдаленныхъ сельскихъ мѣстностяхъ» и т. д. [1]). Адамъ Смитъ писалъ еще въ такое время, когда господствующими типами приложенія труда были земледѣліе, ремесло и мануфактура. Съ установленіемъ машиннаго производства мысль о благопріятномъ вліяніи лучшаго положенія рабочихъ на успѣшность труда была высказана впервые Роберт-

---

[1]) *Ad. Smith,* An inquiry into the nature and causes of the wealth of Nations. London, 1893 (въ одномъ томѣ), стр. 63—74.

томъ Оуэномъ, до сихъ поръ еще недостаточно оцѣненнымъ въ экономической литературѣ. Въ 1818 году онъ выпустилъ «Воззваніе къ британскимъ фабрикантамъ», въ которомъ убѣждалъ ихъ, ссылаясь на собственный успѣшный опытъ, попробовать сократить часы труда и повысить заработную плату ихъ рабочимъ.

Однако до недавняго времени разсматриваемый вопросъ не ставился предметомъ систематическаго изслѣдованія, и даже теперь его нельзя еще считать достаточно полно разработаннымъ. Первой книгой, въ которой было обращено спеціальное вниманіе на связь между положеніемъ рабочихъ и производительностью труда, было вышедшее въ 70 гг. (не лишенное, впрочемъ, извѣстной тенденціозности) сочиненіе лорда Брассея, сына одного изъ крупнѣйшихъ англійскихъ предпринимателей, собравшаго результаты наблюденій своего отца. Строя желѣзныя дороги въ различныхъ государствахъ, приглядываясь къ труду рабочихъ различныхъ національностей, Брассей-отецъ натолкнулся на нѣкоторые выводы, подтвержденные впослѣдствіи и теоретическими изслѣдованіями. Такъ, онъ нашелъ, что одинъ англійскій рабочій въ теченіе 10 часовъ въ состояніи сдѣлать столько же, сколько два русскихъ въ теченіе 16-часового рабочаго дня. Эти наблюденія подтверждаются исторіей труда и въ самой Англіи, гдѣ сокращеніе рабочаго времени имѣло своимъ послѣдствіемъ повышеніе производительности труда рабочихъ. Послѣ изданія фабричнаго закона о 10-часовомъ рабочемъ днѣ обнаружилось, что тѣ отрасли промышлености, на которыя распространилось дѣйствіе этого закона, постоянно прогрессировали; напр., въ хлопчатобумажной промышлен-

ности увеличилось количество вырабатываемыхъ продуктовъ, число веретенъ и станковъ удвоилось,— размѣры фабрикъ расширились вдвое противъ прежняго. Аналогичные факты наблюдаются и въ другихъ странахъ. Брентано приводитъ слѣдующій интересный примѣръ. Одинъ эльзасскій фабрикантъ самъ предложилъ своимъ рабочимъ сократить ихъ рабочій день, обѣщая удержать прежнюю заработную плату, если количество изготовляемыхъ продуктовъ не уменьшится. Дѣйствительность оправдала его предположенія: оказалось, что при новыхъ условіяхъ, когда рабочій день сократился съ 12 до 10 часовъ, выработка не только не уменьшилась, но даже возросла на 5%. Такимъ образомъ нельзя не видѣть, что вопросъ о доставленіи рабочему лучшихъ условій существованія въ видѣ сокращенія часовъ его труда является не праздной мечтой, а вытекаетъ изъ сущности самого фабричнаго производства, оправдывается интересами самой промышленности. Тѣмъ не менѣе и въ данномъ случаѣ, подобно тому, что наблюдалось при освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, при каждой соотвѣтственной попыткѣ реформы мы встрѣчаемся съ упорной оппозиціей класса капиталистовъ. Напримѣръ, въ Англіи во время внесенія въ парламентъ билля о 10-часовомъ рабочемъ днѣ фабриканты и ихъ политическіе представители наперерывъ другъ передъ другимъ заявляли, что эта мѣра погубитъ англійскую промышленность. Господствовавшая тогда экономическая школа («манчестерское» направленіе) съ своей стороны пыталась теоритически обосновать заявленія фабрикантовъ. Экономисты указывали, что установленіе 10-часового рабочаго дня создастъ

для иностранной промышленности возможность успѣшно конкурировать на международномъ рынкѣ съ англійскими продуктами и что, слѣдовательно, англійская промышленность будетъ совершенно подорвана, лишаясь необходимыхъ для нея рынковъ. Намъ станутъ понятными теперь насмѣшки и негодованіе, съ которыми передовые слои тогдашняго интеллигентнаго англійскаго общества встрѣтили эту оппозицію. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ Диккенсъ въ своемъ романѣ «Тяжелыя времена»: «Право, никогда еще не было столь ломкаго фарфора, какъ тотъ, изъ котораго сдѣланы шлоттеймскіе фабриканты-прядильщики. Какъ осторожно къ нимъ ни дотрогивались, они все же ломались съ такой легкостью, что неизбѣжно является подозрѣніе, не было ли у нихъ еще прежде трещинъ. Они гибли, когда они должны были посылать дѣтей изъ фабрики въ школу; они гибли, когда назначались инспектора для надзора за фабриками; они гибли, когда эти инспектора сомнѣвались въ ихъ правѣ подвергать своихъ рабочихъ опасности быть раздавленными машинами. Всякій разъ какъ шлоттеймскій фабрикантъ видѣлъ себя сильно обиженнымъ, т.-е. всякій разъ, какъ инспектора хотѣли сдѣлать его, хотя въ нѣкоторой степени, отвѣтственнымъ за свои поступки и не совсѣмъ предоставляли его самому себѣ, фабрикантъ угрожалъ выбросить все свое состояніе на дно Атлантическаго океана. Это весьма часто чуть ли не до смерти запугивало министра внутреннихъ дѣлъ. Но надо замѣтить, что при всемъ томъ шлоттеймцы всегда умѣли оставаться настолько практичными, что даже при самыхъ плачевныхъ обстоятельствахъ не шли дальше угрозы,

и своего состоянія въ океанъ не бросали, а наоборотъ, даже тщательно его берегли, такъ что оно мирно лежало подъ спудомъ, только росло и умножалось».

Послѣдующее развитіе англійской промышленности наглядно обнаружило, что правы были именно сторонники реформы. Во время дебатовъ въ парламентѣ по поводу «десятичасового билля» обыкновенно принимали, что, благодаря ему, плата рабочимъ должна понизиться, по крайней мѣрѣ, на 16%. Сэръ Джемсъ Грэемъ и мистеръ Кардуэллъ убѣждали палату, что плата упадетъ на 25%. Въ дѣйствительности, однако, оказалось совершенно иное. Въ 1859 году Робертъ Бэкеръ, бывшій въ теченіе долгаго времени фабричнымъ инспекторомъ, сообщилъ въ докладѣ въ «Social Science Association», что «хотя часы труда значительпо уменьшились, заработная плата въ нѣкоторыхъ случаяхъ поднялась на 40%, а въ общемъ приблизительно на 12%, и что «такое сокращеніе часовъ труда и увеличеніе заработной платы не вызвало сокращенія производства ни въ одной изъ отраслей текстильной промышленности, а слѣдовательно, и не нанесло ущерба нашему національному благосостоянію».

Что касается вліянія на цѣны и экспортную торговлю, то слѣдующая таблица весьма поучительна. Въ теченіе періода, отмѣченнаго послѣдовательнымъ сокращеніемъ часовъ труда, цѣна хлопчатобумажной пряжи упала съ 25,81 пенса за фунтъ въ 1821 году до 12,83 пенса въ 1884 г. Средняя цѣна тканей (piece-goods) за этотъ же самый періодъ упала съ 11,73 до 2,81 пенса за ярдъ.

Данныя объ экспортѣ имѣютъ слѣдующій видъ:

Экспортъ британскихъ хлопчатобумажныхъ товаровъ.

	Колич. въ милліонахъ.		Цѣна въ тысячахъ фунтовъ стерлинговъ.	На одного жителя.		
	Ярдовъ тканей.	Фунтовъ пряжи.		Ярдовъ тканей.	Фунтовъ пряжи.	Цѣна въ шиллинг.
1821—30	340	82	17,210	15	2	15
1831—40 (Фабрич. законы 1831, 1833 гг.). . . .	589	10	21,320	23	4	16
1841—50 („ „ 1844, 1847, 1850 гг.) .	965	187	24,215	35	5	17
1851—60 („ „ 1852, 1856 гг.)	1.888	171	38,030	70	6	27
1861—70 („ „ 1861, 63, 64, 67, 70 гг.)	2.444	136	51,620	81	4	40
1871—80 („ „ 1874, 1878 гг.) . . .	3.693	222	71,[illegible]3	110	7	43[1])

За это самое время многіе ланкаширскіе фабриканты, составили себѣ огромныя состоянія, какъ, напр., Hermons, Grosses, Ashtons и другіе.

Итакъ, жизненная практика показала, что сокращеніе часовъ труда выгодно не только для рабочихъ, но и для самихъ фабрикантовъ. Конечно, при этомъ отъ лицъ, завѣдующихъ предпріятіями, требуются извѣстныя усилія, чтобы создать соотвѣтственныя новымъ законодательнымъ нормамъ технически приспособленія для производства. Вынужденные необходимостью, они устраиваютъ ихъ и, такимъ образомъ, вполнѣ обезпечиваютъ свои барыши, но какъ только возникаютъ новыя стремленія къ сокращенію рабочаго дня, фабриканты забываютъ всю исторію своей промышленности и начинаютъ повторять

(1 *Sidney Webb and Harold Cox,* The eight hours day. London, 1891, стр. 95—97.

прежнія жалобы. Таково, напримѣръ, отношеніе большинства современныхъ англійскихъ фабрикантовъ къ законодательному установленію восьмичасового рабочаго дня [1]). Для насъ, однако, послѣ всего ска-

[1]) По вопросу о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ см., кромѣ указ. выше работы Вебба и Кокса.—*John Rae*, Eight hours for work, London, 1894; *George Gunton*, Eight hours day, ст. въ «Forum» за 1886 г., и 3 часть его книги «Wealth and Progress», New-York, 1890, стр. 205—382; *Tom Mann*. The eight hours mouvement; *Ad. Braun*, Zum Achtstundentag, Berlin. 1901. Соч. *Robertson*, The Eight hours question, имѣющее цѣлью поселить въ широкихъ кругахъ англійской публики недовѣріе къ осуществимости законодательнаго установленія восьмичасового дня, страдаетъ поверхностнымъ и тенденціознымъ отношеніемъ къ вопросу. Очень слаба также и работа *B. Rost'a*, Der achtstündige Normalarbeitstag, Leipzig, 1896 (содержитъ, впрочемъ, нѣкоторыя интересныя фактическія данныя о движеніи въ пользу 8-часового рабочаго дня). Хорошую характеристику американскаго восьмичасоваго движенія даетъ *Sartorius v. Waltershausen* въ своей извѣстной книгѣ «Der moderne Socialismus in den Vereinigten Staaten von America", Berlin, 1890. См. также *E. Cheyney*, Die Achtstundenbewegung in den Vereinigten Staaten und das neue Achtstundengesetz. Braun's Archiv für sociale Gesetzgebung, Bd. V, 1892. Богатый, но пока почти неиспользованный матеріалъ содержатъ труды англійской Коммиссіи Труда 1891—1894 гг. Для выясненія взглядовъ на вопросъ о восьмичасовомъ днѣ англійскихъ организованныхъ рабочихъ могутъ служить отчеты конгрессовъ трэдъ-юніоновъ (изд. Cooperative Printing Society Ltd, London and Manchester). Много свѣдѣній о восьмичасовомъ днѣ можно найти въ изданіяхъ американскихъ бюро статистики труда. См. Index of all Reports issued by Bureaus of Labor statistics in the United States, prior to the March I, 1902. Washington, 1902. Для положенія вопроса о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ въ Германіи крупный интересъ представляютъ пренія въ германскомъ рейхстагѣ I и II сессіи 6 законодат. періода 1884—85 и 1885—86 гг., I сессіи 8 закон. періода 1890—91 гг.; IV сессіи 9 законод. періода 1895—97 гг. и I сессіи 10 законод. періода 1898—1900 гг. См. Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstags за указ. годы.

заннаго, въ такомъ стремленіи рабочихъ и другихъ прогрессивныхъ элементовъ европейскаго общества нѣтъ ничего удивительнаго. Идеалъ, выставленный рабочими наиболѣе передовыхъ промышленныхъ странъ, — установленіе восьмичасового рабочаго дня,—не покажется уже намъ только красивой иллюзіей, а практическимъ жизненнымъ требованіемъ, осуществленіе котораго вполнѣ возможно. Мы имѣемъ уже и теперь случаи примѣненія восьмичасового дня въ Англіи, Америкѣ и въ особенности въ австралійскихъ колоніяхъ. Въ этихъ послѣднихъ, гдѣ экономическій режимъ представляетъ наибольшую степень совершенства, восьмичасовой рабочій день давно уже примѣняется въ значительномъ числѣ предпріятій.

Благодаря счастливой обстановкѣ, въ которой находился австралійскій рабочій уже съ 50 гг. этого столѣтія, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности подъ давленіемъ требованій, выставленныхъ самими рабочими, былъ введенъ восьмичасовой рабочій день. Въ большей части случаевъ до самаго послѣдняго времени введеніе восьмичасового рабочаго дня было результатомъ дѣятельности рабочихъ союзовъ. Но для нѣкоторыхъ отраслей промышленности онъ былъ установленъ и закономъ. Кромѣ женщинъ и мальчиковъ, которые вообще не могутъ, согласно австралійскому законодательству, работать больше 8 часовъ въ день, законодательная нормировка рабочаго дня въ размѣрѣ 8 часовъ распространяется на взрослыхъ мужчинъ, работающихъ въ копяхъ, на конножелѣзныхъ дорогахъ, служащихъ въ общественныхъ учрежденіяхъ и нанимаемыхъ подрядчиками на различныя общественныя работы. Въ настоящее время восьмичасовой рабочій день фактически существуетъ

въ 62 отрасляхъ австралійской промышленности, въ которыхъ занято около $^3/_4$ всего трудящагося населенія. Извѣстная пѣсенка англійскихъ рабочихъ:

Eight hours to work, eight hours to play,
Eight hours to sleep, eight shillings a day,—

«8 часовъ трудиться, 8 часовъ развлекаться, 8 часовъ спать и получать 8 шиллинговъ заработной платы»,—въ настоящее время въ Австраліи въ значительной степени выражаетъ уже не одни пожеланія, но и дѣйствительность. Восемь шиллинговъ ежедневной заработной платы (около четырехъ руб. на наши деньги) не далеко отстоятъ отъ фактическаго размѣра заработка австралійскаго рабочаго, который составляетъ теперь въ среднемъ около трехъ руб. въ день. А между тѣмъ отъ такого положенія рабочихъ выигрываетъ и вся промышленность: факты показываютъ, что австраліецъ производитъ въ свой короткій день больше продуктовъ, чѣмъ рабочій самыхъ передовыхъ европейскихъ странъ, хотя бы даже Англіи [1]).

Въ тѣсной связи съ вліяніемъ продолжительности рабочаго времени стоитъ и вліяніе высоты заработной платы. Извѣстный намъ писатель лордъ Брассей собралъ не мало свѣдѣній о томъ, что желѣзнодорожные рабочіе въ тѣхъ странахъ, гдѣ они поставлены въ наилучшія условія относительно заработной платы, даютъ и максимумъ работы. Сравнивая трудъ французскаго рабочаго съ трудомъ англійскаго, заработная плата котораго выше, Брассей

---

[1]) Относительно заработной платы и цѣнъ на жизненные припасы въ различныхъ австралійскихъ колоніяхъ см. *Brassey,* Foreign work and English wages. London, 1879, стр. 274—279.

нашелъ, что тамъ, гдѣ требовалось три англичанина, французскихъ рабочихъ нужно было пять. Другой англійскій предприниматель и извѣстный общественный дѣятель Мунделла также указываетъ, что отношеніе между производительностью труда континентальнаго и англійскаго рабочаго равно 3 : 5. По даннымъ, сообщаемымъ Лотіаномъ Беллемъ, извѣстнымъ знатокомъ желѣзодѣлательной промышленности Англіи, трудъ англійскаго рабочаго, несмотря на болѣе высокую заработную плату, обходится дешевле, чѣмъ трудъ бельгійскаго и французскаго рабочаго. Бельгіецъ при средней платѣ въ 16 шилл. 2 1/2 пенса вырабатываетъ 147 тоннъ угля, французъ при 15 шиллингахъ—164 тонны, а англичанинъ при 27 шиллингахъ 11 1/2 пенсахъ—351 тонну[1]). Американскій экономистъ Шёнгофъ указываетъ, что въ Америкѣ, несмотря на высокую заработную плату (сравнительно съ европейскими странами выше на 50—200% и на 300% выше, чѣмъ въ Московской губ.), производство продукта обходится дешевле, такъ что поштучная плата за выдѣлку разныхъ издѣлій тамъ ниже. Другой американскій ученый, статистикъ Карроль Райтъ, приводитъ слѣдующую таблицу, наглядно показывающую соотношеніе величины средняго ежегоднаго производства и заработной платы въ различныхъ государствахъ[2]):

---

1) *I. Lowtian Bell*, Principles of the manufacture of iron and steel, with some notes on the economic conditions of their production. London. 1884, стр. 515.

2) Конечно, эта таблица не отличается такой точностью, какъ вышеприведенныя данныя объ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности. Но она интересна, какъ поясненіе указаннаго положенія о высшей производительности труда въ странѣ, гдѣ рабочіе находятся въ лучшемъ положеніи.

	Ежегодное производство, приходящ. на 1 рабочаго	Ежегодная плата на 1 рабочаго.
Россія	381 долл.	120 долл.
Австрія	409 »	150 »
Германія	545 »	155 »
Франція	445 »	175 »
Великобританія . .	760 »	204 »
Соедин. Штаты . .	1.888 »	437 » [1]).

Наконецъ я укажу еще статистическія свѣдѣнія относительно англійской хлопчатобумажной промышленности, приводимыя германскимъ ученымъ Шульце-Геверницемъ въ его книгѣ: «Крупное производство».

	Недѣльное произв. на рабочаго.	Издержки на трудъ на 1 ярдъ.	Недѣльное рабочее время.		Недѣльный заработокъ ткача.	Покуп. сила его въ фунт. пшен. муки.
1814 г.	130,7 ярд.	1,3 пенс.	80		14 шилл.	56 ф.
1832 »	221,5 »	0,6 »	72		12 »	65 ф.
1890 »	540,0 »	0,13 »	54½	съ 3 стан.	17,2 »	151½ »
				съ 4 стан.	22 5 »	208 »

Изъ этой таблицы видно, что успѣхи англійской промышленности въ смыслѣ повышенія производительности труда стояли въ непосредственной связи съ улучшеніемъ положенія рабочихъ. Въ 1814 г. сумма недѣльнаго производства на каждаго рабочаго (въ ярдахъ) составляла 130,7 ярдовъ; издержки производства на 1 ярдъ=1,3 пенса; недѣльное рабочее время=80 часамъ; недѣльная заработная плата ткача составляла 14 шилл. Въ 1832 г. мы имѣемъ уже

[1]) См. *Чупровъ и Янжулъ*, «Экономическая оцѣнка народнаго образованія».

иныя цифры. Производство поднимается: на каждаго рабочаго приходится теперь 221,2 ярда, между тѣмъ недѣльное рабочее время сократилось съ 80 часовъ до 72; издержки производства упали до 0,6 пенса. Заработокъ ткача, правда, нѣсколько понизился, но покупательная сила его увеличилась. Въ переводѣ на хлѣбъ заработокъ его равнялся 65 фунтамъ пшеницы, такъ что положеніе рабочаго значительно улучшилось. За 1890 г. мы замѣчаемъ повышеніе по всей линіи: количество недѣльныхъ продуктовъ возросло до 540 ярдовъ на каждаго рабочаго, издержки производства упали до 0,13 пенса; недѣльное рабочее время сократилось до 54 часовъ, заработная плата значительно повысилась и колебалась между 15—22 шилл., а въ переводѣ на хлѣбъ=151—208 ф. пшеницы. Отсюда можно видѣть, что по мѣрѣ улучшенія положенія рабочаго, по мѣрѣ сокращенія рарабочаго времени и повышенія заработной платы, производительность труда возрастаетъ, а стоимость издержекъ производства уменьшается. Если сравнить состояніе аналогичныхъ отраслей промышленности въ различныхъ странахъ, мы найдемъ тѣже результаты. Сопоставляя данныя относительно промышленности Швейцаріи и Германіи съ соотвѣтственными свѣдѣніями для Англіи, мы найдемъ ту же разницу, которую мы замѣчали въ предѣлахъ одной Англіи. Въ Швейцаріи и въ Германіи количество недѣльнаго производства составляло 466 ярдовъ на человѣка; издержки производства на ярдъ = 0,37; рабочій день продолжался 12 часовъ, а заработная плата въ англійскихъ деньгахъ = 11 шилл. и 8 пенс. Въ то же самое время въ Англіи недѣльное производство = 706 ярдовъ на рабочаго; издержки производства составляли менѣе

чѣмъ 0,27; рабочій день разнился на 3 часа, именно продолжался 9 часовъ, а плата, вмѣсто 11 шилл., равнялась 16 шилл. и 8 пенсамъ[1]).

Присматриваясь ближе къ сущности вліяній, оказываемыхъ на производительность труда лучшей его обстановкой, находимъ, что дѣло сводится здѣсь къ повышенію интенсивности трудовой энергіи и притомъ какъ мускульной, такъ и нервной. По свидѣтельству Шульце-Геверница, въ хлопчато-бумажной промышленности Италіи одинъ ткачъ управляется только съ однимъ станкомъ, тогда какъ въ Германіи съ 2, въ Швейцаріи и Эльзасѣ съ 3, въ Англіи даже съ 4; что же касается Америки, гдѣ заработная плата выше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ, то тамъ ткачъ наблюдаетъ сразу за 6, а иногда за 8 станками[2]). Разница въ характерѣ труда ткача передовыхъ странъ заключается въ томъ, что онъ повышаетъ степень своего вниманія. Задачей работы при ткацкомъ станкѣ представляется наблюденіе за движеніями сложнаго механизма, которыя должно регулировать, связывая разорванныя нити, устраняя различныя задержки правильнаго хода машины и т. п. На такое сосредоточеніе вниманія, какое требуется работой сразу за нѣсколькими станками, хватаетъ силъ только у хорошо оплачиваемаго работника и при сравнительно короткомъ рабочемъ днѣ. Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленной дѣятельности имѣетъ значеніе просто большее напряженіе физическихъ силъ работника. Напримѣръ, успѣшность работы на сталелитейныхъ

1) *Шульце-Геверницъ*, «Крупное производство», пер. Красина, подъ ред. Струве. Спб., 1897 г., стр. 151—154.

2) *Шульце-Геверницъ*, указ. соч., стр. 148.

заводахъ въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ питанія рабочихъ. Лотіанъ Белль прямо заявляетъ, что преимущества англійскихъ рабочихъ передъ континентальными въ этой промышленности объясняются лучшимъ питаніемъ первыхъ. «Въ то время какъ континентальные рабочіе, говоритъ Белль, довольствуются животной пищей второго сорта, англійскій рабочій ѣстъ лучшіе сорта. Этого требуетъ простая расчетливость, ибо никто не знаетъ лучше рабочаго на нашихъ литейныхъ заводахъ, что его занятіе требуетъ обильнаго питанія. Безъ такого питанія онъ не могъ бы выдержать требуемаго напряженія его физическихъ силъ[1]). Конечно, такой столъ доступенъ англійскому рабочему только благодаря высокой сравнительно заработной платѣ; съ другой стороны, короткій рабочій день оставляетъ ему больше досуга, чтобы отдохнуть отъ сильнаго трудового напряженія.

Не слѣдуетъ думать, однако, что повышеніе производительности труда при вышеуказанныхъ условіяхъ должно наступать всегда, безъ всякихъ добавочныхъ усилій со стороны фабрикантовъ. Очень часто для того, чтобы воспользоваться выгодами сокращенія рабочаго дня и подъема заработной платы, фабриканту необходимо нѣсколько измѣнить техническую организацію его предпріятія. Фабричное законодательство и борьба рабочихъ за повышеніе платы и сокращеніе часовъ труда служатъ въ такихъ случаяхъ полезными стимулами дальнѣйшаго развитія техническихъ улучшеній. На этотъ фактъ указывалъ еще Портеръ въ его извѣстномъ трудѣ

---

[1]) *Lowtian Bell*, Principles of manufacture of iron and steel etc, стр. 484.

„Progress of the Nation“. По его словамъ, въ 1823 году на одной фабрикѣ въ Глазго прядильщикъ при $77^1/_2$ рабочихъ часахъ въ недѣлю вырабатывалъ 46 фун. пряжи, а послѣ 1833 г. при 69 рабочихъ часахъ, благодаря усовершенствованіямъ производства пряжи, вызваннымъ фабричнымъ законодательствомъ, онъ могъ производить уже $52^1/_2$ фунта пряжи такого же качества. Особенное значеніе имѣетъ при этомъ увеличеніе размѣровъ машинъ. Брассей приводитъ въ своей книгѣ „On Work and Wages“ свидѣтельство одного компетентнаго лица, что на мюляхъ съ 300—324 веретенами прядильщикъ производилъ въ день 16 фунтовъ пряжи № 200; съ увеличеніемъ размѣровъ мюли до 648 веретенъ прядильщикъ сталъ производить уже 32 фунта пряжи. Несмотря на то, что его работа потребовала большаго количества помощниковъ и что его собственный заработокъ поднялся на 20%, издержки производства пряжи сократились на 13 пенсовъ на фунтъ [1]). По словамъ другого англійскаго изслѣдователя, «огромное увеличеніе производительной силы (въ англійской хлопчатобумажной промышленности) въ широкой мѣрѣ обязано техническимъ улучшеніямъ, а эти послѣднія—стимулирующимъ вліяніямъ давленія конкуренціи, возрастанію заработной платы и сокращенію часовъ труда... Конечно, добавляетъ авторъ, — если увеличеніе выработки и удешевленіе продуктовъ были обязаны отчасти улучшеніямъ машинъ, то они равнымъ образомъ обязаны и улучшенію положенія нашихъ рабочихъ въ физическомъ и умственномъ отношеніяхъ, а такое улучшеніе стало возможнымъ единственно благодаря увеличенію заработка; уде-

1) *Brassey*, Work and Wages. стр. 127.

шевленію цѣны продуктовъ (потребляемыхъ рабочими) и сокращенію часовъ труда»[1]). Лотіанъ Белль, говоря о работѣ при доменныхъ печахъ, замѣчаетъ: «Хотя мы и не находимъ опредѣленныхъ утвержденій, однако, желѣзозаводчики не понесли убытковъ, уплачивая рабочимъ болѣе высокую плату сравнительно съ прежними годами. Такой благопріятный результатъ былъ обезпеченъ отчасти большимъ количествомъ труда (большимъ напряженіемъ), но въ еще большей степени введеніемъ хорошо обдуманнаго плана сбереженія труда» [2]).

Итакъ, рабочіе, добивающіеся для себя лучшаго положенія, и общественная власть, побуждаемая ихъ усиліями, служатъ дѣлу общечеловѣческой культуры. Они выбиваютъ духъ рутины и косности изъ его самыхъ крѣпкихъ позицій, способствуя, такимъ образомъ, успѣхамъ общественно-экономическаго прогресса. Необходимо прибавить, что охарактеризованныя условія повышенія производительности труда имѣютъ особенное значеніе въ странахъ съ отсталой промышленной техникой, какъ, напримѣръ, въ нашемъ отечествѣ. Можно сказать, не опасаясь возраженій, что повышеніе заработной платы и сокращеніе часовъ труда русскихъ рабочихъ должно значительно повысить производительность труда во всѣхъ отрасляхъ нашей крупной промышленности и удешевить ея продукты.

Наконецъ важнымъ факторомъ, вліяющимъ на производительность труда, является техническое и

---

[1]) *E. Merttens*, The Hours and the Cost of Labour in the Cotton Industry at home and abroad. Manchester Statistical Transactions, Session 1893—94, стр. 123—133.

[2]) *L. Bell*, стр. 521—522.

общее образованіе. Въ первой лекціи мнѣ уже приходилось упоминать, что капиталистическая эпоха развитія общественнаго хозяйства характеризуется ярко выраженнымъ союзомъ науки и производственной техники. Не буду поэтому подробно останавливаться на вопросѣ о техническомъ образованіи; скажу только, что если какое-нибудь государство, вступившее на путь капиталистическаго развитія, желаетъ итти успѣшно по этому пути, то оно не должно останавливаться передъ расходами на организацію техническаго образованія. Извѣстенъ быстрый ростъ крупной промышленности и торговли Германіи, поколебавшей за послѣднее время промышленное первенство старѣйшей и могущественнѣйшей изъ капиталистическихъ націй. А въ этой странѣ мы какъ разъ и находимъ лучшую постановку техническаго (и общаго) образованія. «Прогрессъ химической промышленности (Германіи), — пишетъ изслѣдователь условій успѣшнаго развитія германскаго капитализма, обязанъ большому количеству технологовъ, ученыхъ и способныхъ директоровъ, подготовленныхъ профессіональными учебными заведеніями. Въ настоящее время каждая отрасль промышленности въ Германіи имѣетъ свои техническія школы. Такъ, страховая касса вестфальскихъ горнорабочихъ поддерживаетъ 15 школъ, подготовляющихъ къ работѣ въ копяхъ; Хемницъ имѣетъ школу ткачества, въ Изерлонѣ и Ремшейдѣ созданы спеціальныя школы для желѣзной промышленности и для фабрикаціи бронзы и т. д. Коммерческое образованіе поддерживается въ Германіи съ величайшей заботливостью... Въ настоящее время существуетъ не менѣе 24 высшихъ коммерческихъ училищъ, не

считая среднихъ и низшихъ... Одна только ганноверская школа имѣетъ болѣе 1.000 учащихся и 80 профессоровъ, лейпцигская — болѣе 700 учащихся. Technische Hochschule въ Берлинѣ имѣла въ 1896 году 2.513 студентовъ. Изъ этихъ учебныхъ заведеній и выходятъ тѣ «изыскатели», которые отправляются во всѣ страны міра съ порученіями осматривать порты, склады, крупныя фабрики... Германія обладаетъ весьма замѣчательными промышленными музеями и музеями прикладного искусства. Въ нихъ меньше заботятся, чѣмъ у насъ (во Франціи), о собираніи коллекцій, представляющихъ историческій интересъ: стараются дать публикѣ собраніе новыхъ образцовъ, среди которыхъ представлены всѣ, даже самые скромные промыслы. Эти музеи поддерживаются тщательно на уровнѣ развивающейся техники, и, когда выставленныя издѣлія или машины устарѣли, ихъ немедленно убираютъ и замѣняютъ новыми, болѣе усовершенствованными [1]).

Что касается общаго народнаго образованія, то оно имѣетъ значеніе для производительности народнаго труда прежде всего потому, что только при немъ возможна и хорошая постановка дѣла техническаго обученія. Но оно имѣетъ и свое самостоятельное вліяніе. Современный промышленный трудъ, имѣющій дѣло съ сложными механизмами, требующій усиленнаго напряженія вниманія, не можетъ быть выполняемъ сколько-нибудь успѣшно при невѣжественности рабочихъ. Вотъ почему каждая капиталистическая страна, рано или поздно, приходила къ сознанію, что ей необходимо обращать серьезное

1) *George Blondel,* L'essor industriel et comercial du peuple Allemand, Paris, стр. 125—135.

вниманіе на дѣло образованія народа. Примѣромъ такой связи между заботами государства и потребностями развивающейся промышленности можетъ служить новѣйшая исторія Англіи.

Въ до-капиталистическое время или, лучше сказать, до развитія крупнаго машиннаго производства, государство не затрачивало ни одного фартинга на начальное обученіе народа. Частный починъ по существу дѣла также еще былъ очень слабъ. И только съ 30 гг., когда вопросы объ упорядоченіи англійской промышленности стали съ особенной настойчивостью ставиться на очередь, выдвинулся и вопросъ о государственномъ вмѣшательствѣ въ дѣло начальнаго народнаго образованія. Среди теоретиковъ въ данномъ отношеніи особенной проницательностью отличался Робертъ Оуэнъ, который съ успѣхомъ примѣнилъ систему образованія къ рабочимъ на собственной фабрикѣ и неустанно рекомендовалъ ее вниманію фабрикантовъ и парламента.

Конечно, практическія мѣропріятія принимались съ медленностью, свойственной британскому государственному механизму; первымъ шагомъ было установленіе въ первый разъ расходовъ на народное образованіе въ государственномъ бюджетѣ, въ 1832 году—въ скромной цифрѣ 20.000 фунтовъ ст., т.-е. около 200.000 русскихъ рублей. Въ 1839 г. эта сумма была увеличена до 30.000 фунтовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ для наблюденія за постановкой школьнаго дѣла былъ учрежденъ особый отдѣлъ при Тайномъ Совѣтѣ (Education Department). Въ это же время вопросъ о народномъ образованіи выдвигается и сторонниками фабричнаго законодательства, и спеціальными органами для надзора за испол-

неніемъ этого законодательства—фабричными инспекторами. Фабричный законъ 1833 года установилъ обязательное посѣщеніе начальной школы дѣтьми, работающими въ защищенныхъ закономъ предпріятіяхъ (по крайней мѣрѣ, два часа въ день), и фабричные инспектора начинаютъ заботливо слѣдить за исполненіемъ этого закона, который фабриканты старались обойти всѣми средствами. Въ 1843 году извѣстный инспекторъ Горнеръ сообщалъ въ своемъ отчетѣ, что въ округѣ Ольдгэмъ съ населеніемъ болѣе 100.000 человѣкъ нѣтъ ни одной школы для низшихъ классовъ и что въ его собственномъ округѣ, включая Манчестеръ, изъ 7.000 дѣтей, для которыхъ фабричнымъ закономъ было установлено обязательное посѣщеніе школы, около 4.500 не получаютъ никакого образованія.

Парламентская комиссія 1843 года, назначенная для выясненія вопроса о дальнѣйшемъ расширеніи фабричнаго законодательства, собрала ужасающіе факты относительно невѣжества и умственной одичалости дѣтей, работающихъ въ капиталистическихъ предпріятіяхъ (многіе изъ этихъ фактовъ приведены въ I томѣ «Капитала» Маркса). Движеніе въ пользу распространенія защиты фабричнаго законодательства на широкіе слои рабочаго населенія все время сопровождалось и расширеніемъ завоеваній начальной школы. Можно сказать, что англійская начальная школа выросла изъ фабричнаго законодательства. Понятно, что при такихъ условіяхъ дѣло не могло подвигаться очень быстро, такъ какъ само фабричное законодательство захватывало далеко не все рабочее населеніе страны. Отчетъ парламентской комиссіи о начальномъ образованіи, вы-

шедшій въ 1861 году указываетъ, что изъ $2^1/_2$ мил. дѣтей получили какое-либо образованіе только около $1^1/_2$ милліона, а изъ этихъ послѣднихъ не болѣе 900.000 посѣщали школы, поддерживаемыя государствомъ. Во всякомъ случаѣ, если принять во вниманіе односторонность побужденій, двигавшихъ англійское общество въ вопросѣ объ организаціи начальнаго образованія, нельзя не прійти къ выводу, что сознаніе необходимости просвѣщенія дѣтей, занятыхъ на фабрикахъ, дало блестящіе результаты. Законъ 1870 года создалъ спеціальную организацію для завѣдыванія школьнымъ дѣломъ, соотвѣтствующую общему духу англійскаго самоуправленія—выборные мѣстные Школьные Совѣты (School Boards). Этотъ законъ лежитъ и до сихъ поръ въ основѣ дѣйствующаго въ Англіи законодательства о народномъ образованіи. Совѣтамъ предоставлялось устанавливать въ ихъ округахъ правила объ обязательномъ посѣщеніи школы. Однако, многіе изъ Совѣтовъ не пользовались этимъ правомъ, и только въ 1880 году Англія получила, наконецъ, законъ объ обязательномъ посѣщеніи начальной школы [1]).

Такимъ образомъ начальное образованіе въ Англіи обязано движенію, начавшемуся въ ея общественной жизни, благодаря привлеченію дѣтей къ фабричному труду. Фабричная работа наглядно показала, что невѣжество несовмѣстимо съ новѣйшимъ развитіемъ промышленной дѣятельности. Стремленія передовыхъ элементовъ англійскаго общества нашли себѣ поддержку въ землевладѣльцахъ, которые вели въ то

[1]) См. подробно о мѣрахъ къ развитію народнаго образованія въ Англіи въ XIX в. у *Nostitz*, Das Aufsteigen des Arbeiterstandes in England. Jena, 1900, стр. 121—152.

время ожесточенную борьбу съ фабрикантами, оспаривавшими ихъ привилегіи. Но, дѣйствуя въ интересахъ собственнаго класса, землевладѣльцы способствовали, въ концѣ концовъ, общественному прогрессу, потому что цѣлью своихъ усилій въ данномъ случаѣ поставили борьбу съ близорукой политикой класса фабрикантовъ.

Сознаніе значенія народнаго образованія для богатства страны находимъ не въ одной Англіи. Франція послѣ разгрома, произведеннаго Пруссіей, въ число настоятельныхъ мѣръ государственной политики, назначенныхъ къ возрожденію производительныхъ силъ, подорванныхъ войной, поставила и начальное образованіе народа. Съ 1872 по 1889 годъ расходы на начальное образованіе въ этой странѣ поднялись съ 53 милл. до 154 милл. франковъ, такъ что теперь и во Франціи школа захватываетъ почти всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, такъ же какъ въ Германіи, Америкѣ и Англіи. Въ 1889 году количество учащихся мальчиковъ было почти равно количеству дѣвочекъ, первыхъ было 2.833 тысячи, вторыхъ—2.780 тыс.

Обращаясь къ нашему отечеству, мы не можемъ не поражаться огромной разницей въ степени распространенія у насъ народнаго образованія сравнительно съ западными государствами. По свѣдѣніямъ, относящимся также къ 80 гг., оказывается, что въ Россіи, при громадномъ количествѣ населенія вообще и школьнаго въ частности, насчитывалось всего около 2 мил. учащихся въ народныхъ школахъ. Если сравнить это количество съ общей цифрой дѣтей школьнаго возраста, то мы увидимъ, что въ школахъ обучалось только отъ $^1/_6$ до $^1/_7$ всѣхъ

дѣтей школьнаго возраста (отъ 7 до 14 лѣтъ). Въ этой цифрѣ мальчиковъ насчитывалось около $1^1/_2$ мил., а дѣвочекъ около 450 тыс., т.-е. дѣвочекъ училось втрое меньше, чѣмъ мальчиковъ. Взявъ данныя относительно отдѣльныхъ губерній, мы найдемъ еще болѣе низкое отношеніе: въ нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣвочекъ обучалось въ 10 разъ меньше, чѣмъ мальчиковъ [1]). Не много лучше обстоитъ дѣло и въ ближайшее къ намъ время. По даннымъ всеобщей народной переписи 1897 г. (въ которой, кстати сказать, за грамотныхъ считались и полуграмотные, т.-е. умѣющіе только читать) въ общемъ въ Россійской Имперіи грамотныхъ мужчинъ оказалось $29,_{33}$%, женщинъ — $13,_6$%. Въ 1906 году, считая населеніе Россіи въ $141\ ^1/_2$ милл., изъ которыхъ дѣтей школьнаго возраста было 12.736.000, могли обучаться въ школахъ только 5.389.000 чел., т.-е. недоставало школъ *болѣе, чѣмъ для 7.300.000 дѣтей.* По расчету самого правительства (министра народн. просвѣщенія) для достиженія общей доступности школъ въ Россіи потребовалось бы 250.000 школъ, а такъ какъ начальныхъ школъ во всей Россійской Имперіи считалось 90,000, то даже по предположеніямъ министерства (которыя, уже конечно, никакъ нельзя заподозрить въ преувеличеніяхъ) недоставало 160.000 школъ! Вотъ къ чему привела Россію политика стараго режима, съ ея свѣтобоязнью. Въ то время, когда государственный бюджетъ все расширялся и громадныя суммы тратились на самыя безразсудныя затѣи, на народное образованіе правительство находило возможнымъ удѣлить только нищенскія сред-

[1]) *Чупровъ* и *Янжулъ*, «Экономическая оцѣнка народнаго образованія».

ства. Такъ, въ 80-е годы, когда расходовъ на народное образованіе приходилось въ среднемъ на каждаго жителя въ Соед. Штатахъ Сѣв. Америки около 465 коп., въ Англіи—около 300, во Франціи — около 200, въ Россіи расходовалось всего 17 коп. [1]). По послѣднимъ даннымъ (за 1900 г.) эти расходы поднялись у насъ приблизительно до 37 коп. на душу населенія, при чемъ, однако, бо́льшую часть этой скромной суммы давали поступленія отъ земствъ, городскихъ и сельскихъ обществъ, пожертвованій частныхъ лицъ и т. д., а на долю казны приходилось менѣе 8 копеекъ [2])! Не станемъ поэтому удивляться и различію въ результатахъ производительности труда въ этихъ странахъ. Дальнѣйшее развитіе производительныхъ силъ Россіи находится въ прямой зависимости отъ распространенія народнаго образованія. Въ народномъ образованіи заинтересовано въ конечномъ счетѣ не только общество, но и само правительство. Поскольку правительство оказывается въ необходимости собирать большія средства изъ народнаго дохода, оно должно встрѣтиться и съ вопросомъ о силахъ, содѣйствующихъ или препятствующихъ расширенію этого дохода. А такъ какъ общее и техническое образованіе являются существенными условіями производительности народнаго труда, то эстественно, что прямой интересъ государственной власти заключается въ расширеніи расходовъ на народное образованіе. Излишняя бережливость въ данномъ

---

[1]) Тамъ же.

[2]) *И. Х. Озеровъ*, „Экономическая Россія и ея финансовая политика на исходѣ XIX и въ началѣ XX вѣка“. Москва, 1905, стр. 236.

отношеніи, составлявшая до послѣдняго времени основное правило русской политики въ дѣлѣ народнаго образованія, сказывалась постоянно и на состояніи самого государственнаго казначейства. Примѣры слабости русскихъ финансовыхъ средствъ, благодаря малой производительности русскаго народнаго труда, такъ часты и такъ общеизвѣстны, что на нихъ нѣтъ надобности останавливаться. Каждое неожиданное расширеніе государственныхъ расходовъ въ Россіи связано съ величайшими затрудненіями, тогда какъ въ западно-европейскихъ государствахъ экстренная прибавка къ государственному бюджету можетъ быть осуществлена гораздо легче, въ силу большаго обилія народныхъ средствъ, народнаго богатства, создаваемаго приложеніемъ болѣе производительнаго народнаго труда.

Намъ остается только сказать нѣсколько словъ о свободной ассоціаціи равноправныхъ работниковъ, какъ условіи, повышающемъ производительность труда. Въ данномъ случаѣ, въ противоположность всѣмъ предшествующимъ, мы не можемъ располагать фактическими данными. Всѣ попытки устройства такого рода товариществъ имѣли тотъ недостатокъ, что возникали на почвѣ противорѣчащихъ имъ общихъ соціальныхъ условій. Съ одной стороны, имъ приходилось выдерживать неравную борьбу съ окружающей инородной средой, съ другой стороны—самыя внутреннія отношенія членовъ ассоціаціи другъ къ другу и къ общему дѣлу не могли быть вполнѣ нормальными, такъ какъ всѣ они выходили изъ той же внѣшней общественной среды, построенной на иныхъ принципахъ соціальной организаціи и иныхъ этическихъ мотивахъ. Намъ необходимо поэтому итти де-

дуктивнымъ путемъ, выводя вѣроятныя условія производительности труда въ ассоціаціи на основаніи данныхъ о вліяніи тѣхъ отдѣльныхъ элементовъ производительной дѣятельности, которые должны быть объединены въ нормальной трудовой ассоціаціи. Такая ассоціація, согласно природѣ дѣла, предполагаетъ: 1) принадлежность орудій и средствъ труда самой общинѣ; 2) самостоятельную, построенную на началахъ равноправности и общественнаго контроля дѣятельность работающихъ лицъ; 3) сознательное отношеніе членовъ какъ къ выполняемой работѣ, такъ и къ взаимнымъ отношеніямъ членовъ и общимъ цѣлямъ ассоціаціи, т.-е. широкое развитіе техническаго и общаго образованія; 4) распорядокъ работъ и раздѣлъ продукта по принципамъ, устанавливаемымъ самой общиной, т.-е. сравнительно съ современными условіями болѣе короткій день, болѣе здоровая обстановка работы и болѣе высокое вознагражденіе за трудъ. Легко видѣть, что при такой организаціи производства соединялись бы всѣ выгодныя условія производительности труда, о которыхъ мы говорили выше и которыя до сихъ поръ выступали только въ обособленномъ видѣ. Вотъ почему такую форму организаціи производства, теоретически вполнѣ мыслимую, мы и должны считать наиболѣе благопріятствующей производительности труда. Когда, въ какой мѣрѣ и какими средствами можетъ быть осуществлена такая организація,—это вопросъ, не входящій въ содержаніе настоящей лекціи. Самыя формы, въ какихъ она конкретно могла бы имѣть мѣсто, не могутъ быть въ настоящее время опредѣлены со сколько-нибудь приблизительной точностью. Она остается, тѣмъ не менѣе, вполнѣ научно конструи-

руемымъ идеаломъ, основаннымъ на анализѣ исторической дѣйствительности. Можно видѣть и тенденціи, ведущія общество къ постепенному достиженію такого идеала.

Мы попытались намѣтить нѣкоторыя основныя условія, которыя отражаются на ходѣ экономической дѣятельности человѣческихъ обществъ, вліяя на размѣръ продуктовъ, производимыхъ при данной затратѣ человѣческаго труда. Выводъ, къ которому мы пришли при этомъ, можно вкратцѣ сформулировать въ видѣ положенія, что количество продуктовъ, доставляемыхъ человѣческой работой, прогрессируетъ вмѣстѣ съ улучшеніемъ участи трудящихся классовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ стало понятно, почему при прочихъ равныхъ условіяхъ русскій трудъ долженъ оказаться менѣе производительнымъ, чѣмъ трудъ европейскаго, американскаго или австралійскаго рабочаго. Передъ нами выступаютъ уже въ болѣе яркомъ свѣтѣ недостатки хозяйственной жизни нашего отечества, а съ другой стороны—мы можемъ отдать себѣ довольно ясный отчетъ въ тѣхъ желательныхъ преобразованіяхъ, которыя необходимы, чтобы производительность труда въ Россіи сравнялась съ успѣшностью работы въ болѣе культурныхъ странахъ. Мы видимъ, что главнымъ препятствіемъ успѣшнаго развитія производительныхъ силъ нашего отечества является наша культурная отсталость, что недостатки русскаго хозяйственнаго труда настойчиво требуютъ продолженія дѣла, начатаго великой крестьянской реформой. Дальнѣйшія судьбы нашего экономическаго развитія будутъ стоять въ непосредственной зависимости отъ обще-культурнаго движенія Россіи; расцвѣтъ или упадокъ ея производитель-

ныхъ силъ будетъ результатомъ ея способности или неспособности стать твердо на тотъ путь, по которому съ такимъ успѣхомъ шли и продолжаютъ итти обогнавшіе насъ западные сосѣди.

Лекція пятая.

Трудъ (продолженіе).— Сотрудничество или кооперація.— Простое и сложное сотрудничество.—Виды сложнаго сотрудничества: техническое и общественное раздѣленіе труда. — Историческая роль различныхъ формъ кооперація.—Выгоды простого сотрудничества. — Вліяніе простой кооперація на психическій складъ трудящихся. — Техническое раздѣленіе труда.— Раздѣленіе труда въ мануфактурѣ.— Машинное производство.—Общественное раздѣленіе труда.—Критика раздѣленія труда въ соціологической литературѣ

Мм. гг. Разсматривая характеръ и значеніе трудовыхъ процессовъ въ хозяйственной дѣятельности человѣческихъ обществъ, мы до сихъ поръ останавливались только на ихъ количественной и качественной сторонѣ. При этомъ мы все время не различали труда отдѣльнаго рабочаго отъ совмѣстной дѣятельности нѣсколькихъ людей, преслѣдующихъ одну хозяйственную задачу. Между тѣмъ этотъ вопросъ представляется чрезвычайно важнымъ съ точки зрѣнія соціальныхъ отношеній, возникающихъ на почвѣ хозяйственной жизни.

Въ общемъ смыслѣ сотрудничествомъ или коопераціей можно считать всякое соединеніе усилій нѣсколькихъ лицъ по направленію къ общей хозяйственной цѣли. Но если мы присмотримся ближе къ разнообразнымъ случаямъ примѣненія принципа кооперація, то мы найдемъ въ нихъ двѣ существенно различныхъ нормы, изъ которыхъ одну принято на-

зывать простымъ сотрудничествомъ, другую — сложнымъ. Простое сотрудничество имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда извѣстное сложное дѣло выполняется заразъ нѣсколькими лицами, при чемъ каждое изъ нихъ производитъ одинаковую работу со всѣми остальными участниками. При сложномъ же сотрудничествѣ общая хозяйственная цѣль выполняется такъ, что каждый отдѣльный рабочій производитъ особенную детальную операцію, изъ совокупности которыхъ слагается общая работа. Первый случай— простую кооперацію — мы имѣемъ, когда нѣсколько человѣкъ поднимаютъ тяжесть, вращаютъ воротъ, несутъ бревно, тянутъ рыболовную сѣть. Второй случай—сложную кооперацію—мы встрѣчаемъ, напримѣръ, въ мануфактурѣ. При изготовленіи часовъ одинъ рабочій выдѣлываетъ винтики, другой—приготовляетъ часовыя пружины, третій—дѣлаетъ колеса для часового механизма, четвертый—приготовляетъ стрѣлки, пятый — полируетъ металлическія части и т. д., наконецъ, послѣдній собираетъ вмѣстѣ всѣ эти части и пускаетъ въ ходъ, такъ что общій продуктъ получается въ результатѣ разнообразныхъ дѣятельностей отдѣльныхъ лицъ. Этотъ примѣръ относится къ такъ называемому *техническому* раздѣленію труда, т.-е. къ дробленію сложной работы на ея составные, детальные элементы въ какомъ-либо промышленномъ предпріятіи. Но раздѣленіе труда проявляется въ жизни общества гораздо глубже: оно проникаетъ собой всю общественную организацію, такъ какъ совершенно отдѣльныя, самостоятельныя на первый взглядъ профессіи оказываются при внимательномъ разсмотрѣніи только частицами общаго механизма народной дѣятельности. Такое

общественное раздѣленіе труда представляетъ еще большій интересъ для выясненія экономическихъ явленій, чѣмъ техническое.

Различныя формы коопераціи играли не одинаковую роль на протяженіи человѣческой исторіи. Въ первобытномъ обществѣ наибольшее примѣненіе находила простая кооперація: съ установленіемъ института рабства начинаетъ въ нѣсколько большей степени проникать въ хозяйственную жизнь система техническаго раздѣленія труда. Въ средніе вѣка съ раздѣленіемъ городского ремесленнаго и деревенскаго сельскаго хозяйства выдвигается уже въ широкой мѣрѣ принципъ общественнаго раздѣленія труда. Съ развитіемъ капиталистическаго производства раздѣленіе труда какъ техническое, такъ и общественное, дѣлаетъ колоссальные успѣхи. Уже въ мануфактурный періодъ техническое раздѣленіе труда проводится чрезвычайно далеко, а общественное, если и не развивается столь же быстрымъ темпомъ, все же достигаетъ значительно большихъ предѣловъ по сравненію съ прежнимъ временемъ. Съ введеніемъ машиннаго производства, наоборотъ, съ чрезвычайной силой растетъ общественное раздѣленіе труда, разлагая не только національную хозяйственную дѣятельность на множество обособленныхъ отраслей, но дѣлая даже отдѣльныя государства въ извѣстной степени диференцированными членами общей системы міроваго раздѣленія труда. Простая кооперація при этомъ отступаетъ еще болѣе на задній планъ, находя себѣ убѣжище въ наименѣе развитыхъ технически отрасляхъ промышленной дѣятельности— сельскомъ хозяйствѣ, строительномъ и отчасти дорожномъ дѣлѣ.

Вопросъ о кооперацiи издавна признавался однимъ изъ основныхъ вопросовъ экономической теорiи [1]). Однако онъ разработанъ сравнительно мало. Лучшее, что было высказано относительно соединенiя и раздѣленiя труда, принадлежитъ Адаму Смиту [2]) и Карлу Марксу. Адамъ Смитъ впервые далъ широкую постановку этому вопросу въ общей системѣ экономическаго знанiя, а Марксъ съ замѣчательной отчетливостью охарактеризовалъ различные виды кооперацiи, указавъ и связь ихъ съ общимъ историческимъ развитiемъ общественнохозяйственныхъ отношенiй.

---

1) Значенiе раздѣленiя труда сознавалось уже писателями классической древности. См., напр., указанiя *Ксенофонта* о распредѣленiи занятiй въ семьѣ (Экономика, Oeuvres de Xénophon, t. VI-*ème*. Paris, an XII, стр. 460) и въ особенности о выгодахъ раздѣленiя труда (Киропедiя, Oeuvres t. III-*ème*, стр. 248—251) и его дурныхъ сторонахъ (Экономика, стр. 460—463). Характерно, что, уясняя себѣ вполнѣ отчетливо вредное влiянiе раздѣленiя труда на работника, Ксенофонтъ даже и не задается вопросомъ, нельзя ли какъ-нибудь бороться съ нимъ, а просто дѣлаетъ выводъ (вполнѣ гармонирующiй съ общимъ мiровоззрѣнiемъ того времени), что люди, занимающiеся ремеслами, суть существа низшаго разряда и что порядочному гражданину не слѣдуетъ за это браться. *Платонъ*, намѣчая въ «Государствѣ» идеальный строй общежитiя, подходитъ къ вопросу о раздѣленiи труда съ *соцiологической* точки зрѣнiя (см. Oeuvres de Platon, trad. par V. Cousin, t. IX-*ème*. Paris, 1833, стр. 87—100). Экономическая же сторона вопроса занимала его еще менѣе, чѣмъ Ксенофонта, въ значительной мѣрѣ, повидимому, также благодаря пренебрежительному отношенiю къ промышленному труду (см. въ особ. Oeuvres, t. IX-*ème*, стр. 144—146).

2) Въ существенныхъ пунктахъ значенiе раздѣленiя труда было разъяснено уже предшественникомъ Смита — *Фергюсономъ* въ его «Опытѣ исторiи гражданскаго общества» (*Ad. Ferguson*, Essay of the history of civil society).

Послѣдующіе экономисты только излагали положенія, установленныя этими учеными, въ лучшемъ случаѣ прибавляя только незначительныя историческія или техническія иллюстраціи [1]). Въ послѣднее время Бюхеръ сдѣлалъ попытку пересмотрѣть ученіе о раздѣленіи труда, но его работа едва ли внесла что-либо новое въ освѣщеніе этого вопроса, если не считать отдѣльныхъ, болѣе или менѣе остроумныхъ замѣчаній. Что же касается его классификаціи раздѣленія труда на пять группъ, то, по нашему мнѣ-

[1]) Насколько историческая школа германскихъ экономистовъ страдаетъ отсутствіемъ оригинальнаго взгляда на этотъ вопросъ и—что еще удивительнѣе—отсутствіемъ исторической точки зрѣнія, можно видѣть хотя бы изъ слѣдующихъ примѣровъ. Рошеръ въ главѣ о раздѣленіи труда ограничивается лишь немногими анекдотическими замѣчаніями относительно современнаго раздѣленія труда по сравненію съ первобытнымъ строемъ и средними вѣками. Указаній же на характерныя особенности кооперации въ различныя эпохи хозяйственнаго развитія мы у него не найдемъ. См. *Wilhelm Roscher*, Grundlagen der Nationalökonomie. Stuttgart, 1880 (15 изд.), 119—122. Въ обширномъ курсѣ политической экономіи *Шенберга*, составленномъ коллективнымъ трудомъ многихъ представителей историко-этическаго направленія, вопросу «о соединеніи и раздѣленіи труда» отведено всего *три* страницы, при чемъ онъ трактуется афористически, въ формѣ краткаго конспекта, и съ полнымъ отсутствіемъ исторической точки зрѣнія. См. *G. Schönberg*, Handbuch der Pol. Oekonomie. 4 изд. Tübingen, 1896, т. 1, стр. 199—202. *Шмоллеръ*, удѣлившій особенное вниманіе этому вопросу (см. его статьи: Die Thatsachen der Arbeitsteilung и Das Wesen der Arbeitsteilung und der socialen Klassenbildung въ Jahrbuch für Gesetzgebung etc., 1889 и 1890), несмотря на приводимый имъ обширный историко-этнографическій матеріалъ, также не даетъ сколько-нибудь оригинальныхъ выводовъ (и притомъ онъ разсматриваетъ по преимуществу только выдѣленіе общественныхъ классовъ). Мысль автора безсильно блуждаетъ въ

нію, она представляется менѣе удачной, чѣмъ дѣленіе Маркса [1]).

Итакъ, приступая къ разсмотрѣнію вопроса о кооперацiи, не будемъ забывать, что различныя формы ея имѣютъ и различное историческое значеніе.

Начнемъ съ простой кооперацiи, т.-е. съ того случая, когда нѣсколько лицъ, преслѣдуя общую экономическую цѣль, выполняютъ однородную работу. Въ такомъ соединеніи трудовыхъ усилій получается болѣе крупная выгода для производства, чѣмъ при трудѣ отдѣльныхъ лицъ. Прежде всего эта выгода заключается въ томъ, что создается особая сила, которую не въ состояніи развить личность отдѣльнаго работника. Извѣстно, что сила одного лица имѣетъ очень ограниченные предѣлы. Людямъ

лабиринтѣ нагроможденныхъ имъ фактовъ, не находя спасенія и въ излюбленномъ средствѣ — «этической оцѣнкѣ» и стремленіи примирить противоположность интересовъ различныхъ общественныхъ группъ. Объ ея полетѣ можно судить хотя бы по слѣдующему примѣру. Видя вредъ классоваго господства меньшинства и гибельное вліяніе раздѣленія труда на физическія, моральныя и умственныя силы низшихъ слоевъ населенія, Шмоллеръ задается вопросомъ, нельзя ли устранить это разумной организаціей образовательныхъ, воспитательныхъ и иныхъ учрежденій, которая сглаживала бы рѣзкость различій между общественными группами, наблюдаемую въ настоящее время. Казалось бы, чего лучше? Но тутъ онъ неожиданно впадаетъ въ тяжкое раздумье. «Проблема,—говоритъ онъ,—не легка; элементы ея рѣшенія безконечно сложны. И если мы, напр., спросимъ: можетъ ли простой механическій рабочій когда-либо достигнуть такого развитія нервовъ и мышленія, какъ наши современные торговцы и среднія сословія?..., то мы натолкнемся на многія сомнѣнія»... (Jahrbuch für Gesetzgebung, 1890, стр. 102).

[1]) См. его статью «Arbeitstheilung» въ «Die Entstehung der Volkswirtschaft», въ особ., стр. 281—290 (2 изд.).

пришлось бы отказаться отъ многихъ производствъ, если бы они въ своей хозяйственной дѣятельности употребляли лишь единичныя усилія. Уже на зарѣ своего историческаго существованія люди прибѣгали въ этихъ случаяхъ къ созданію силы массъ, которая давала имъ возможность преодолѣть тѣ препятствія, устраненіе которыхъ не поддавалось усиліямъ одного человѣка, какъ, напр., переноска ствола большого дерева, поднятіе большихъ тяжестей, устройство плотины черезъ рѣку. Въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалась охота на обширномъ пространствѣ или рыбная ловля, необходимо было привлекать большое количество людей. Факты, рисующіе намъ жизнь дикарей, указываютъ наглядно, что простая кооперація была у нихъ могучимъ средствомъ борьбы за существованіе, при помощи котораго они, при всей слабости единичныхъ силъ каждаго отдѣльнаго представителя племени, имѣли возможность поддерживать свою жизнь на уровнѣ достигнутаго ими культурнаго развитія. Во всѣхъ важныхъ моментахъ ихъ хозяйственной дѣятельности мы постоянно встрѣчаемся съ примѣненіемъ принципа простой коопераціи. Рыбная ловля австралійцевъ, охота американцевъ на бизоновъ представляютъ весьма яркіе примѣры формъ этой первобытной коопераціи. Подробное описаніе ихъ, а также множество другихъ случаевъ примѣненія простой коопераціи въ первобытномъ обществѣ можно найти у Зибера въ его «Очеркѣ первобытной культуры». Въ настоящее время простая кооперація употребляется въ тѣхъ случаяхъ, когда сила человѣка не можетъ быть увеличена силой машины. Каждому изъ насъ постоянно приходится наблюдать ее, напримѣръ,

при постройкахъ мостовъ (вбиваніе свай) или при постановкѣ столбовъ для телефонныхъ проводовъ и т. д., гдѣ ярко выступаетъ разсматриваемая нами выгода простой коопераціи—созданіе особой силы, не находящейся въ распоряженіи отдѣльнаго человѣка. Итакъ, созданіе силы массъ составляетъ первую выгоду простой коопераціи. Вторая выгода заключается въ слѣдующемъ. На почвѣ соединенія человѣческихъ усилій развивается интересное психическое явленіе — соревнованіе другъ передъ другомъ участниковъ въ общей работѣ. Наблюденіе показываетъ, что нѣсколько человѣкъ, ведущихъ совмѣстную работу, выполняютъ ее гораздо интенсивнѣе, чѣмъ при одиночномъ трудѣ. Въ этомъ явленіи мы не найдемъ ничего удивительнаго, ничего противорѣчащаго существеннымъ свойствамъ человѣческаго характера, если вспомнимъ, что человѣкъ, какъ уже давно сказано, по своей природѣ есть существо общественное. Русская поговорка гласитъ, что «на людяхъ и смерть красна». Это выраженіе, дѣйствительно, глубоко вѣрно: на людяхъ лучше живется, лучше и работается.

Дальнѣйшая выгода отъ кооперативнаго труда заключается въ болѣе быстромъ прохожденіи послѣдовательныхъ фазъ сложной работы. Такая быстрота требуется въ тѣхъ случаяхъ, когда начало и конецъ извѣстной операціи отдѣлены нѣкоторымъ разстояніемъ, которое долженъ пройти извѣстный предметъ. Напримѣръ, при постройкѣ дома бываетъ необходимо переносить массу кирпичей отъ подножія зданія на его вершину. Эта работа будетъ выполнена гораздо быстрѣе, когда каменщики составятъ цѣпь и будутъ передавать кирпичи одинъ другому изъ рукъ въ руки.

Здѣсь одна общая работа распадается на отдѣльныя частичныя операціи, которыя каждый кирпичъ проходитъ гораздо быстрѣе при помощи многочисленныхъ рукъ одного коллективнаго работника, чѣмъ при помощи двухъ рукъ каждаго отдѣльнаго рабочаго, принужденнаго то взбираться съ грузомъ кирпичей наверхъ, то спускаться внизъ за новой ношей[1]). Нѣкоторое сходство съ указанной выгодой представляетъ слѣдующее преимущество простой коопераціи. Всякая сложная человѣческая работа, имѣющая своимъ объектомъ предметъ, обладающій большимъ пространственнымъ протяженіемъ, требуетъ, чтобы части этого предмета выполнялись одновременно. А такое одновременное исполненіе можетъ быть достигнуто только при помощи коопераціи. Напримѣръ, когда строится домъ, важно, чтобы рабочіе возводили его одновременно со всѣхъ сторонъ, потому что иначе и каждая отдѣльная часть не могла бы быть закончена. Далѣе, въ сельскохозяйственной промышленности встрѣчаются такъ называемые критическіе моменты, когда требуется особое напряженіе усилій, чтобы получить желаемые результаты. Напримѣръ, уборка хлѣба или сѣна должна быть совершена въ сравнительно короткое время для того, чтобы продуктъ не потерялъ своей цѣнности: не подмокъ, не сгнилъ при болѣе медленномъ выполненіи работы.

---

[1]) Какимъ образомъ усовершенствованіе производственной техники вытѣсняетъ простую кооперацію, можно видѣть хотя бы изъ того, что передача кирпичей при постройкахъ въ Западной Европѣ выполняется теперь уже механическимъ способомъ, съ помощью блока, приводимаго въ движеніе или руками, или даже паровымъ краномъ. На вершину дома передается при этомъ сразу большая партія кирпича.

Въ такихъ случаяхъ кооперація многихъ лицъ устраняетъ затрудненія въ правильномъ выполненіи работы, замѣняя растяженіе труда во времени, такъ сказать, пространственнымъ расширеніемъ его. Въ странахъ, гдѣ новый экономическій режимъ разрушаетъ существовавшій ранѣе строй соціальныхъ отношеній, позволявшихъ выполненіе сельскохозяйственныхъ работъ коллективнымъ путемъ, обыкновенно наблюдается цѣлый рядъ хозяйственныхъ потерь, возникающихъ благодаря непримѣняемости принципа коопераціи. Такъ, Марксъ указываетъ, что въ Остъ-Индіи, гдѣ англійское правительство насильственнымъ образомъ упразднило господствовавшій прежде общинный строй, значительное количество сельско-хозяйственныхъ продуктовъ часто оставалось несобраннымъ и пропадало въ силу именно указанныхъ условій. То же явленіе наблюдается въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ, въ силу рѣдкости населенія, часто оказывается невозможнымъ сразу выпустить на полевыя работы требуемое количество людей.

Наконецъ, простое сотрудничество дѣлаетъ возможнымъ пространственное расширеніе сферы труда въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется затрата массы человѣческихъ усилій на обширномъ пространствѣ, какъ, напримѣръ, при проведеніи каналовъ, устройствѣ шоссе, городскихъ мостовыхъ, сооруженіи желѣзныхъ дорогъ. Такая работа была бы совершенно не подъ силу отдѣльнымъ людямъ, если бы они даже работали надъ нею всю жизнь [1]). Выгоды про-

---

[1]) Въ устройствѣ мостовыхъ въ Европѣ повсюду примѣняется еще, по преимуществу, простая кооперація. Но въ Америкѣ и въ это дѣло введенъ уже принципъ замѣны соедине-

стой коопераціи были видны уже первобытнымъ людямъ, которые тѣмъ охотнѣе прибѣгали къ такому пріему работы, что онъ не требовалъ измѣненія общей сущности трудовыхъ процессовъ. Простая кооперація предполагаетъ употребленіе весьма нехитрыхъ орудій, не болѣе сложныхъ, чѣмъ у единичнаго работника. Если бревно или доску несутъ на плечахъ два человѣка, то они дѣйствуютъ такъ же силой собственныхъ мускуловъ, какъ и одинъ человѣкъ, переносящій посильную для него тяжесть; сѣть тянутъ изъ воды также голыми руками; землекопы, роющіе канаву сообща, дѣйствуютъ тѣми же орудіями, что и единичный землекопъ. Поэтому первобытный человѣкъ, при его ограниченныхъ умственныхъ силахъ и при несовершенствѣ орудій труда, естественно прибѣгалъ къ такому наиболѣе доступному ему способу приложенія большой массы трудовой энергіи къ разрѣшенію трудной хозяйственной задачи.

Не только въ первобытныхъ обществахъ, но и въ обществахъ, достигшихъ сравнительно высокой ступени культуры (государства древняго Востока и античныя общества), основанныхъ на рабскомъ трудѣ, т.-е. по преимуществу на пользованіи силой человѣка, мы найдемъ весьма широкое примѣненіе принципа простой коопераціи. Въ древности, напримѣръ, даже хлѣбъ еще не увозился съ полей, а уносился на плечахъ нѣсколькими работниками. Въ отсталыхъ странахъ такой способъ можно встрѣ-

---

нія человѣческихъ силъ работой машины. На парижской всемірной выставкѣ 1900 г. одна американская компанія выставила способъ починки асфальтовыхъ мостовыхъ примѣненіемъ спеціальной машины.

тить даже и теперь (въ Китаѣ). Перевозка строительныхъ матеріаловъ для исполинскихъ сооруженій древняго Египта (а также и готовыхъ статуй и другихъ памятниковъ къ мѣсту назначенія) производилась съ помощью человѣческихъ рукъ; массы людей впрягались и тащили съ страшной медленностью громадную тяжесть. На оставшихся изображеніяхъ можно видѣть, напримѣръ, что перевозка статуи требовала не менѣе 172 человѣкъ. Для доставки камней изъ каменоломенъ, лежавшихъ въ двухъ дняхъ пути отъ Нила, отправлялась экспедиція каждый разъ болѣе, чѣмъ въ 8 тысячъ человѣкъ[1]).

Въ такихъ случаяхъ примѣненіе простой кооперaціи вытекало, очевидно, не изъ абсолютныхъ преимуществъ этой формы соединенія усилій, а просто по незнанію лучшихъ формъ трудовыхъ комбинацій. Поэтому дальнѣйшее усложненіе хозяйственныхъ задачъ заставило людей направить изобрѣтательность на новые пути, развивая извѣстную уже и первобытному человѣку въ зачаточной формѣ систему раздѣленія труда. Переходъ къ этой системѣ знаменуетъ собой въ общемъ подъемъ человѣчества на высшую сравнительно ступень культурнаго развитія.

Но прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ раздѣленія труда, я скажу нѣсколько словъ о тѣхъ производныхъ вліяніяхъ, которыя развиваются на почвѣ примѣненія простой кооперaціи.

Вглядываясь въ психическій складъ людей, въ работѣ которыхъ преобладаетъ принципъ простого сотрудничества, мы всюду встрѣтимся съ однѣми и тѣми же чертами. Когда каждое отдѣльное лицо выполняетъ одну и ту же работу, что и другое, его

---

[1]) *Bücher,* Arbeit und Rhythmus, стр. 367—368 и 372—373.

мысли и чувства невольно формируются по общему шаблону. Но простое сотрудничество не ограничивается одной общностью работы; для облегченія трудовыхъ усилій при немъ обыкновенно въ широкой мѣрѣ примѣняется ритмичность движеній. Каждый работникъ приспособляется при этомъ къ общему ритму, слѣдитъ за смѣняющимися звуками хоровой пѣсни или за командой лица, дирижирующаго работой. Работая такимъ образомъ, онъ превращается въ пассивнаго автомата, слѣдующаго безъ размышленія чуждымъ ему побужденіямъ извнѣ. При продолжительности рабочаго времени и невозможности затратить немногіе часы досуга на развитіе самостоятельности сужденія и воли, трудящіяся массы превращаются въ покорное стадо, способное иногда къ слѣпымъ вспышкамъ протеста противъ тяготѣющаго на нихъ гнета, но совершенно лишенное силъ къ самостоятельному преслѣдованію и защитѣ своихъ интересовъ [1]).

Въ исторіи русской экономической жизни мы найдемъ также не мало примѣровъ указаннаго вліянія простой коопераціи. Вспомните хотя бы волжскаго бурлака — одинъ изъ характерныхъ типовъ наемнаго рабочаго до-реформенной Россіи. Тяжелая, монотонная, автоматическая работа бурлака приводила къ тому, что каждый индивидуумъ совершенно сливался по своимъ наклонностямъ, привычкамъ, міровоззрѣнію и характеру со всѣми остальными товарищами. Смѣнялись поколѣнія, на мѣсто одной

---

1) Въ настоящее время простая кооперація примѣняется иногда прямо, какъ орудіе дисциплины, созданія послушныхъ автоматовъ. Таково, напримѣръ, въ значительной мѣрѣ обученіе солдатъ, опирающееся на простую кооперацію.

рабочей группы выступала другая, но типъ бурлака оставался неизмѣннымъ. Вотъ, напримѣръ, какъ характеризуетъ Некрасовъ этотъ типъ:

«Унылый, сумрачный бурлакъ!
Какимъ тебя я въ дѣтствѣ зналъ,
Такимъ и нынѣ увидалъ:
Все ту же пѣсню ты поешь,
Все ту же лямку ты несешь,
Въ чертахъ усталаго лица
Все та жъ покорность безъ конца.
Прочна суровая среда,
Гдѣ поколѣнія людей
Живутъ и гибнутъ безъ слѣда,
И безъ урока для дѣтей.
Отецъ твой сорокъ лѣтъ стоналъ,
Бродя по этимъ берегамъ,
И передъ смертію не зналъ,
Что заповѣдать сыновьямъ».

Конечно, и въ простой коопераціи существуетъ извѣстный организаціонный моментъ, выдвигающій потребность въ болѣе высокихъ умственныхъ силахъ. Война или охота требуютъ предводителя, дѣятельность котораго обезпечиваетъ планомѣрность выполненія поставленной цѣли. По мѣрѣ появленія болѣе сложныхъ задачъ хозяйственной дѣятельности, организація ея предполагаетъ уже расширеніе принципа коопераціи за предѣлы простого сотрудничества. Главнымъ факторомъ прогрессивнаго движенія экономической жизни становится тогда сложное сотрудничество или раздѣленіе труда. Мы видѣли, что простая кооперація предполагаетъ неизмѣнность и несовершенство техническихъ пріемовъ. Съ другой стороны, каждый работникъ выступаетъ при ней, какъ однородная сила; отъ каждаго требуется одно и то же напряженіе. Но такъ какъ, при

всей нивеллированности типа первобытнаго человѣка, не могло не быть разницы въ умственныхъ способностяхъ и физической энергіи различныхъ людей, то очевидно, что простая кооперація соединялась съ нерасчетливой тратой силъ. Усложненіе хозяйственныхъ задачъ привело поэтому къ необходимости примѣнять такую форму совмѣстнаго труда, въ которой по возможности полно утилизировались бы разнообразныя способности. Этой формой и было раздѣленіе труда. Техническое раздѣленіе труда примѣнялось уже въ широкой мѣрѣ въ эпоху замкнутаго домашняго хозяйства; въ средніе вѣка съ отдѣленіемъ городскихъ ремеслъ отъ сельскаго хозяйства проводится довольно широко и общественное раздѣленіе труда.

Остановимся пока на техническомъ раздѣленіи труда. Потребность въ такой организаціи трудового процесса почувствовалась съ особенной силой, когда въ производственную дѣятельность сталъ проникать крупный капиталъ. Вначалѣ капиталистъ ограничивался тѣмъ, что скупалъ товары у самостоятельныхъ работниковъ, затѣмъ онъ сталъ давать имъ для обработки сырые матеріалы, затѣмъ устраивалъ вспомогательныя мастерскія для окончательной обработки издѣлій, которыя онъ получалъ отъ зависящихъ отъ него производителей. При этомъ работы мало-по-малу дифференцировались, раздѣляясь на частичныя операціи. Тогда не трудно было сдѣлать и послѣдній шагъ—объединить всѣхъ разрозненныхъ работниковъ подъ одной кровлей, чтобы подчинить ихъ болѣе полному контролю «хозяйскаго глаза» капиталиста. Такъ возникли капиталистическія мануфактуры. Когда всѣ работники стали работать

рядомъ, то явилась возможность дальнѣйшаго дробленія ихъ функцій. На долю каждаго выпадала мельчайшая операція общей работы, которую должно было повторять неизмѣнно изо дня въ день.

Техническое раздѣленіе труда достигло такой степени развитія въ эпоху мануфактуръ, что его не могла уже не замѣтить и теоретическая мысль. Фергюсонъ и Смитъ писали именно въ это время.

Какой же характеръ носитъ раздѣленіе труда въ мануфактурѣ?

Возьмемъ примѣръ, приводимый Марксомъ въ его «Капиталѣ», — каретное производство. Выдѣлка каретъ ранѣе находилась въ рукахъ цѣлаго ряда независимыхъ ремесленниковъ: каретника, сѣдельщика, слесаря, лакировщика. На каретной мануфактурѣ всѣ эти независимые ремесленники объединились въ одномъ и томъ же зданіи, взаимно помогая другъ другу, такъ что сложный продуктъ ихъ труда — карета—слагается въ результатѣ различныхъ спеціализированныхъ операцій, выполняемыхъ участниками общаго дѣла. Присматриваясь къ указанному процессу раздѣленія труда, мы найдемъ, что и онъ, подобно простой коопераціи, представляетъ цѣлый рядъ выгодъ, усиливающихъ производительную способность трудящихся лицъ. Рабочій, производящій изо дня въ день одну и ту же детальную операцію, обыкновенно весьма несложную, приспособляется къ ней, доходя до виртуозности при ея выполненіи. Съ другой стороны, благодаря тому же самому обстоятельству, т.-е. что детальный работникъ совершаетъ постоянно только одну операцію, ему нѣтъ необходимости тратить время на переходъ отъ одной ра-

боты къ другой, мѣняя различные инструменты. При мануфактурномъ способѣ производства всѣ послѣдовательныя фазы, которыя проходитъ продуктъ, совершаются въ одно время и подъ одной кровлей. При совмѣстномъ трудѣ детальныхъ работниковъ сокращаются «поры въ рабочемъ днѣ», какъ говоритъ Марксъ. Далѣе, раздѣленіе труда въ мануфактурѣ способствуетъ усовершенствованію рабочихъ инструментовъ, которые въ силу раздробленія даннаго дѣла на множество отдѣльныхъ, обособленныхъ операцій сами становятся все болѣе детальными. Видоизмѣненіе ихъ въ смыслѣ приспособленія къ частнымъ трудовымъ операціямъ оказывается при такихъ условіяхъ настолько легкимъ дѣломъ, что оно становится совершенно подъ силу изобрѣтательности самаго простого работника. Какъ далеко идетъ эта специализація рабочихъ инструментовъ, можно видѣть, напр., изъ факта, приводимаго Марксомъ въ первомъ томѣ его «Капитала»: въ 60 годахъ въ Бирмингамѣ производилось около 500 разновидностей однихъ молотковъ, назначившихся для выполненія различныхъ операцій.

Однако мы сдѣлали бы крупную ошибку, обративъ вниманіе исключительно на выгодныя стороны раздѣленія труда въ мануфактурѣ. Для того, чтобы мы могли отдать себѣ полный и ясный отчетъ относительно положенія рабочихъ при этой формѣ производства, мы должны выяснить общій характеръ примѣняющейся здѣсь организаціи труда. Въ мануфактурѣ извѣстное количество рабочихъ соединяется для совмѣстной дѣятельности не по своей охотѣ: они продаютъ свой трудъ капиталисту, который и является организаторомъ дѣла. При всѣхъ выгодахъ, доста-

вляемыхъ планомѣрной организаціей работы,—соединеніемъ усилій нѣсколькихъ лицъ и детальнымъ раздѣленіемъ труда между ними,—мануфактура представляетъ цѣлый рядъ темныхъ сторонъ, вредно отражающихся на положеніи рабочаго класса.

Чрезмѣрное раздѣленіе труда, приковывая рабочаго на всю жизнь къ выполненію одной детальной операціи, пагубно отражается на его физическихъ силахъ, моральной и психической жизни. Мануфактурный періодъ производства принесъ съ собой цѣлый рядъ болѣзней, возникающихъ именно на почвѣ этой приспособленности рабочаго къ отдѣльной частичной операціи. Сообразительность и сознательность рабочаго потерпѣли ущербъ. Когда онъ занимался, какъ самостоятельный ремесленникъ, въ его головѣ былъ общій планъ работы, онъ выполнялъ своими собственными силами всѣ разнообразныя операціи производственнаго процесса; теперь же, сдѣлавшись детальнымъ работникомъ, онъ выполняетъ только частицу обширной работы, обратившись какъ бы въ винтикъ сложнаго механизма. Проявленію его умственныхъ силъ нѣтъ мѣста; его интеллектуальныя способности мало-по-малу притупляются. Самый планъ производства ему неизвѣстенъ: это дѣло организатора-капиталиста. Незначительная частица огромнаго производственнаго механизма, мануфактурный работникъ не имѣетъ возможности составить себѣ удовлетворительное представленіе объ общей цѣли производственнаго процесса, въ которомъ онъ принимаетъ участіе. Что касается его физическихъ силъ, то нѣкоторые недостатки (искривленіе позвоночнаго столба, ненормальное развитіе рукъ, пальцевъ, ногъ) оказываются даже достоин-

ствами съ точки зрѣнія успѣшности производства, такъ какъ они способствуютъ большей быстротѣ и ловкости работы.

Крупное производство не могло, однако, удовлетвориться мануфактурной организаціей труда и перешло къ болѣе совершеннымъ пріемамъ, пользуясь машиной. Какъ ни высока была производительность мануфактуры, все же основой производственнаго процесса были въ ней ограниченныя по самому существу ихъ человѣческія силы. Въ мануфактурѣ, по остроумному замѣчанію Маркса, единственной машиной былъ коллективный работникъ. Вся работа производилась при помощи ручныхъ инструментовъ, хотя и болѣе специализированныхъ, чѣмъ у единичнаго работника. Напротивъ, примѣненіе машинъ открыло возможность дальнѣйшаго увеличенія силы, прилагаемой къ производству, такъ какъ къ труду рабочихъ присоединился самодѣйствующій механизмъ, который можно увеличивать по произволу до громадныхъ размѣровъ. Въ чемъ же заключается сущность машиннаго производства, этого новаго вида раздѣленія труда, который такъ могущественно вліяетъ на всю экономическую и культурную жизнь общества, когда онъ находитъ въ немъ благопріятныя условія для своего развитія?

Если мы будемъ разсматривать машину съ точки зрѣнія ея экономическаго значенія, мы замѣтимъ въ ней три составныя части: 1) двигатель, 2) передаточный механизмъ, регулирующій движеніе и измѣняющій, гдѣ нужно, его форму, и 3) рабочій механизмъ, или такъ наз. рабочую машину, съ помощью которой выполняются тѣ же самыя операціи, которыя прежде исполнялъ отдѣльный ремесленникъ или

рабочій въ мануфактурѣ. Особенно важное значеніе имѣютъ первая и третья части. Приглядываясь къ рабочей машинѣ, мы найдемъ въ ней тѣ же самые инструменты, правда, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, которые употреблялись какъ самостоятельнымъ работникомъ, такъ и при совмѣстной мануфактурной работѣ. Особенность машины заключается лишь въ томъ, что отдѣльные инструменты объединяются въ ея механизмѣ въ одно сложное цѣлое, приводимое въ движеніе единой силой. Человѣкъ не можетъ работать болѣе чѣмъ однимъ инструментомъ за разъ. Были попытки заставить человѣка работать обѣими руками, но онѣ потерпѣли полнѣйшую неудачу. Машина же позволяетъ помѣстить около одного двигателя множество инструментовъ, такимъ образомъ, она можетъ замѣнить множество человѣческихъ индивидуумовъ. Благодаря этой особенности, именно что машина можетъ слагаться изъ цѣлой массы инструментовъ, для приведенія ея въ дѣйствіе можетъ употребляться громадная сила, создаваемая примѣненіемъ гигантскихъ двигателей. Съ момента распространенія силы пара, въ качествѣ двигателя, мануфактуры постепенно приходятъ въ упадокъ, уступая мѣсто машинному производству. Это послѣднее пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе крупные размѣры, концентрируя въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ громадные механизмы и массы рабочихъ. Роль рабочаго становится теперь технически иной. Онъ не трудится непосредственно надъ сырымъ матеріаломъ, а ограничиваетъ свою дѣятельность, главнымъ образомъ, надзоромъ за машиной, регулируя и контролируя ея ходъ. Въ машинномъ производствѣ орудія труда вынуты изъ рукъ рабочихъ и переданы машинѣ,

на долю же рабочаго выпадаетъ лишь контроль за дѣйствіемъ автоматическаго механизма. Эта особенность производственнаго процесса, характеризующая машинное производство, своеобразно отражается на положеніи рабочаго. Прежде всего трудъ рабочаго нисколько не выигралъ въ разнообразіи и легкости; онъ становится крайне монотоннымъ, утомительнымъ, лишеннымъ всякаго содержанія [1]). Съ другой стороны, такъ какъ здѣсь не требуется ни ловкости, ни силы, то явилась возможность привлечь къ машинѣ трудъ женщинъ и дѣтей, эксплуатація которыхъ въ первое время существованія машиннаго производства, до установленія фабричныхъ законовъ, принимала поистинѣ угрожающія формы. Далѣе, употребленіе дорого стоящихъ механизмовъ и двигателей создало стимулъ къ возможному удлиненію работы, распространенію ея на ночное время, что дѣйствовало особенно пагубнымъ образомъ на неокрѣпшіе и слабые организмы женщинъ и дѣтей. Наибольшее распространеніе ночныя работы получили съ изобрѣтеніемъ способовъ пользованія дешевыми освѣтительными средствами — газомъ и электричествомъ. Наконецъ скученность массы людей въ тѣсныхъ и нездоровыхъ помѣщеніяхъ съ высокой температурой, испареніями, ядовитой пылью создали еще новый источникъ бѣдствій для трудящагося населенія. Итакъ, машинное производство фактомъ своего появленія создало новое зло въ общественной жизни европейскихъ народовъ: машины удлинили рабочій день, заставили работать ночью; онѣ привлекли къ труду слабый и неразвитый орга-

[1]) Но во всякомъ случаѣ не болѣе монотоннымъ и угнетающимъ, чѣмъ трудъ детальнаго работника въ мануфактурѣ.

низмъ женщинъ и дѣтей, онѣ заставили ихъ работать въ очень дурныхъ санитарныхъ условіяхъ. Въ такой тяжелой обстановкѣ, естественно, не было мѣста для психическаго развитія рабочаго. Непрерывный и продолжительный надзоръ за ходомъ машины способствовалъ физическому и умственному переутомленію рабочихъ, въ особенности же дѣтей, среди которыхъ замѣчалась полная деградація, истощеніе силъ, равнодушіе, апатія къ окружающему міру. Въ англійскихъ парламентскихъ изслѣдованіяхъ, относящихся къ началу прошлаго столѣтія, мы находимъ интересныя данныя, характеризующія положеніе дѣтскаго труда въ первое время развитія машиннаго производства. Стоитъ взглянуть хотя бы на примѣры, приводимые Марксомъ въ I томѣ «Капитала», чтобы составить себѣ ясное представленіе, до какой степени притупляющимъ образомъ дѣйствовало машинное производство на дѣтей, пока не явилось на ихъ защиту фабричное законодательство. Вотъ какіе отвѣты давали фабричныя дѣти на вопросы правительственныхъ комиссаровъ.

«Jeremias Haines, 12 лѣтъ: «Четырежды четыре — восемь, но четыре четверки — 16. Король — это тотъ, кому принадлежатъ всѣ деньги и все золото. Говорятъ, что у насъ есть король, и что этотъ король — королева, и что его называютъ принцесса Александра. Говорятъ, что она вступила въ бракъ съ королевскимъ сыномъ. Принцесса — это мужчина». Wm. Turner, 12 лѣтъ: «Я живу не въ Англіи. Думаю, что есть такая земля, но я ничего не слыхалъ о ней ранѣе». John Morris, 14 лѣтъ: «Слышалъ я, какъ нѣкоторые говорили, будто бы Богъ создалъ міръ и потомъ утопилъ весь народъ, кромѣ одного чело-

вѣка; слышалъ я, что этотъ одинъ человѣкъ былъ маленькая птичка». William Smith, 15 лѣтъ: «Богъ сдѣлалъ мужчину, а мужчина сдѣлалъ женщину». Edw. Taylor, 15 лѣтъ: «Я ничего не знаю о Лондонѣ». Henry Matthewman, 17 лѣтъ: «Хожу иной разъ въ церковь... Тотъ Человѣкъ, о Которомъ они проповѣдуютъ, былъ какой-то Іисусъ Христосъ; никакихъ другихъ именъ я назвать не могу; да и о Немъ ничего сказать не могу. Онъ не былъ умерщвленъ, а умеръ, какъ всѣ прочіе люди; Онъ не былъ, нѣкоторымъ образомъ, таковъ, какъ другіе люди, потому что Онъ былъ, нѣкоторымъ образомъ, религіозенъ, а другіе не религіозны»... «Чортъ—добрый человѣкъ. Я не знаю, гдѣ онъ живетъ. Христосъ былъ человѣкъ нечестивый». Эта дѣвочка (10 лѣтъ), вмѣсто слова God, складываетъ Dog, и не можетъ сложить имени королевы» (Ch. Empl. Comm. V. Rep. 1866, pp. 55 и 278[1]).

Эти факты, собранные оффиціальными изслѣдованіями, ярко рисуютъ крайнюю степень деградаціи, въ которую впадаютъ дѣти при машинномъ трудѣ, работая не только днемъ, но и ночью, вдали отъ всякихъ условій, которыя могли бы хоть немного развить ихъ умъ и оживить интересъ къ окружающей жизни. Тѣмъ не менѣе, если бы, основываясь на приведенныхъ фактахъ, мы пришли къ заключенію, что машинное производство всегда должно повлечь за собой подобнаго рода послѣдствія, то впали бы въ большую ошибку. Дѣло въ томъ, что неблагопріятная жизненная обстановка создается для рабочихъ не самыми машинами, а тѣми общественными условіями, при которыхъ существуетъ машинное

[1]) См. «Капиталъ», т. I, стр. 210, прим. 106. 2-е изд., Спб., 1898 г.

производство. Установленіе продолжительности рабочаго дня, устройство помѣщеній, въ которыхъ происходитъ работа, распредѣленіе работы между отдѣльными лицами, — однимъ словомъ, вся организація труда зависитъ при современномъ экономическомъ строѣ не отъ рабочихъ, а опредѣляется усмотрѣніемъ капиталистовъ, которые, въ качествѣ владѣльцевъ капитала, имѣютъ въ виду единственно извлеченіе прибыли изъ ихъ предпріятій. Однако только въ началѣ капиталистическаго развитія хозяева могли вполнѣ произвольно устанавливать распорядокъ фабричной работы. Вскорѣ они должны были подчиниться общественному контролю, который въ формѣ фабричнаго законодательства распространился мало-по-малу на всѣ отрасли крупной промышленности, устраняя вредное вліяніе машинной работы. Законодательство заставило фабрикантовъ устраивать болѣе обширныя помѣщенія для работы, вентилировать ихъ, сократило рабочій день дѣтей, подростковъ и женщинъ, запретило для нихъ ночныя работы. Этимъ самымъ косвеннымъ образомъ былъ сокращенъ день и взрослыхъ мужчинъ, потому что фабричная работа требуетъ однообразія въ продолжительности труда для всѣхъ группъ рабочихъ. Но рабочіе и своей собственной дѣятельностью добивались сокращенія рабочаго времени, лучшей обстановки работы и повышенія заработной платы. Увеличеніе досуга открыло имъ путь и къ умственному развитію. Съ другой стороны, какъ мы уже видѣли въ одной изъ предыдущихъ лекцій, значеніе умственнаго развитія рабочаго мало-по-малу стали сознавать и фабриканты, такъ какъ, благодаря ему, увеличивалась производительность фабричнаго труда. Разви-

тому рабочему можно было безъ боязни убытка поручить завѣдываніе болѣе сложными или болѣе быстро движущимися машинами. Такъ недостатки первоначальнаго примѣненія машинной работы начинаютъ сглаживаться. Типомъ современнаго фабричнаго рабочаго оказывается не жалкое, забитое и тупое существо, а человѣкъ, способный къ большому умственному напряженію во время работы, независимый въ отношеніяхъ къ высшимъ, разумный и хорошій товарищъ и сознательный гражданинъ родной страны.

Впрочемъ, мы возвратимся къ этому вопросу, когда займемся разсмотрѣніемъ критики принципа раздѣленія труда, представленной нѣкоторыми соціологами, а теперь перейдемъ къ характеристикѣ общественнаго раздѣленія труда, котораго мы пока еще не коснулись.

Вопросъ объ общественномъ раздѣленіи труда привлекъ вниманіе изслѣдователей сравнительно поздно. Адамъ Смитъ, признававшій огромное значеніе за раздѣленіемъ труда вообще, не далъ отчетливой характеристики различій, существующихъ между указанными его двумя видами. «Между техническимъ и общественнымъ раздѣленіемъ труда, говоритъ Адамъ Смитъ, существуетъ одно различіе, имѣющее чисто субъективный характеръ. Оно сводится лишь къ тому, что въ мануфактурѣ всѣ работники развиваютъ свою дѣятельность передъ глазами наблюдателя, тогда какъ при общественномъ раздѣленіи труда мы не въ состояніи окинуть однимъ взглядомъ весь производственный процессъ въ его цѣломъ». Иначе взглянулъ на дѣло Карлъ Марксъ, въ трудахъ котораго мы находимъ уже вполнѣ ясное

разграниченіе между этими двумя видами раздѣленія труда. Мы и укажемъ, основываясь на ученіи Маркса, условія развитія общественнаго раздѣленія труда, а затѣмъ перейдемъ къ характеристикѣ его особенностей, сравнительно съ спеціализаціей занятій внутри предпріятія. Нѣкоторое раздѣленіе труда внутри общества мы находимъ на самыхъ раннихъ ступеняхъ соціальнаго развитія человѣчества. Уже въ древнемъ мірѣ, внутри большой замкнутой семьи, особенно при развитомъ рабскомъ хозяйствѣ, мы замѣчаемъ далеко проведенное раздѣленіе функцій. По чисто физіологическимъ основаніямъ однѣ работы доставались на долю мужчинъ, другія — на долю женщинъ; съ другой стороны, потребности большого хозяйственнаго цѣлаго создавали почву для спеціализаціи различныхъ ремеслъ (кузнечнаго, столярнаго, портняжнаго и т. д.). По мѣрѣ того какъ самостоятельныя общины вступали въ разнообразныя сношенія другъ съ другомъ, обмѣниваясь своими произведеніями, въ предѣлахъ ихъ развивалось все дальше раздѣленіе труда. Каждая отдѣльная община. въ силу естественныхъ условій, въ которыхъ ей приходилось существовать, вырабатывала большее количество какого-либо спеціальнаго продукта, чѣмъ другая. Однѣ общины занимались больше охотой. другія—земледѣліемъ, третьи—рыболовствомъ и т. д. При столкновеніи ихъ другъ съ другомъ, при развитіи ихъ мѣновыхъ отношеній, развивалась и большая спеціализація занятій въ каждой общинѣ. По мѣрѣ того какъ общины, соединяясь между собой, сливались въ одно государственное цѣлое, общественное раздѣленіе труда въ нихъ становилось уже не международнымъ, а заключающимся въ границахъ одного

политическаго союза. Съ дальнѣйшимъ ходомъ исторіи, въ особенности съ рѣзкимъ отдѣленіемъ города отъ деревни, этотъ процессъ идетъ все дальше и дальше. Развитіе плотности поселенія сообщаетъ ему болѣе ускоренный темпъ. Когда незначительное населеніе разбросано по обширной территоріи, то представляется мало основаній для обмѣна и, слѣдовательно, для спеціализаціи отдѣльныхъ хозяйственныхъ группъ. Когда населенія находятся на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга, между ними возникаютъ болѣе живыя и тѣсныя сношенія, болѣе широкій обмѣнъ, и на почвѣ его спеціализація занятій идетъ все дальше и дальше. Впрочемъ, вліяніе плотности населенія можетъ замѣнить другой факторъ—улучшенные пути сообщенія, которые значительно способствуютъ расширенію обмѣна, въ особенности тогда, когда къ транспорту примѣняется сила пара. При совершенныхъ способахъ сообщенія (желѣзныя дороги и пароходство), обмѣнъ происходитъ не только въ предѣлахъ одной націи, но и между націями всего міра, благодаря чему и обширныя государства могутъ выступать до извѣстной степени какъ спеціализированныя части въ общей системѣ мірового общественнаго раздѣленія труда.

Выяснивши сущность общественнаго раздѣленія труда, мы можемъ уже составить себѣ и достаточно ясное понятіе объ отличіи его отъ техническаго раздѣленія труда. Эта разница сводится далеко не къ субъективнымъ моментамъ, какъ думалъ Адамъ Смитъ. Спеціальный работникъ мануфактуры, выполняющій только извѣстную часть сложной работы, не создаетъ цѣлаго продукта, между тѣмъ какъ при общественномъ раздѣленіи труда каждый отдѣльный

производитель или цѣлая группа производителей производятъ законченную работу, создавая особый товаръ, который поступаетъ прямо на рынокъ. Съ другой стороны, общественное раздѣленіе труда предполагаетъ свободныя отношенія между отдѣльными предпринимателями какъ равноправными личностями. Каждый продавецъ, являясь на рынокъ, не встрѣчаетъ тамъ лицъ, которыя стали бы отнимать у него товаръ принудительными мѣрами. Не то мы видимъ въ мануфактурѣ и на фабрикѣ: здѣсь въ основаніи раздѣленія труда лежитъ продажа рабочей силы и сущность производственнаго процесса заключается въ принудительной ассоціаціи. Рабочій долженъ подчиняться условіямъ труда, созданнымъ чужой для него волей капиталиста. Равнымъ образомъ пропорціональность между отдѣльными частями общей работы въ мануфактурѣ или на фабрикѣ устанавливается по плану, возникающему въ головѣ капиталиста. Въ общественномъ раздѣленіи труда мы находимъ иное. И здѣсь требуется извѣстная пропорціональность между различными частями производства. Необходимо, конечно, чтобы общество тратило на выработку той или другой категоріи товара лишь такое количество производительныхъ силъ, какое требуется общими интересами національнаго производства. Но установленіе пропорціональности между отдѣльными занятіями въ предѣлахъ цѣлаго общества происходитъ не при помощи единой регулирующей силы, а посредствомъ механизма обмѣна товаровъ. Благодаря рыночному обмѣну, производство до извѣстной степени приспособляется къ потребностямъ общества. Но самый процессъ такого приспособленія протекаетъ совершенно инымъ пу-

темъ, чѣмъ въ мануфактурѣ. Здѣсь нѣтъ единой руководящей воли, нѣтъ планомѣрности въ организаціи дѣла, которая характеризуетъ строй отдѣльнаго (мануфактурнаго или фабричнаго) предпріятія. Общій ходъ современнаго производства опредѣляется дѣйствіемъ стихійныхъ силъ, приводящихъ экономическія отношенія къ среднему нормальному уровню только въ результатѣ многихъ колебаній и бурь, волнующихъ постоянно хозяйственную жизнь.

Присматриваясь къ современному экономическому строю, мы найдемъ существенную разницу между политической формой культурныхъ европейскихъ народовъ и строемъ отдѣльныхъ предпріятій. Въ то время какъ въ политическомъ устройствѣ общества мы видимъ господство принципа свободы, въ мануфактурѣ и фабрикѣ мы замѣчаемъ вполнѣ деспотическую организацію. Здѣсь производственный процессъ регулируется произвольнымъ усмотрѣніемъ предпринимателя, во главѣ дѣла стоитъ одна личность, одинъ руководитель, хотя бы на фабрикѣ трудились сотни или даже тысячи рабочихъ. Напрасно говорятъ, что наше время—время свободы. Не всѣ сферы жизни затронуты этой свободой. Въ то время какъ въ политическомъ строѣ общества признаются извѣстныя гарантіи личныхъ правъ, въ организаціи труда на фабрикѣ, въ мануфактурѣ, въ мастерской мы не находимъ часто ни малѣйшей гарантіи свободной дѣятельности. Наоборотъ, все здѣсь построено по принципу деспотическаго режима. Такимъ образомъ, между разсматриваемыми сторонами общественной жизни въ настоящее время въ европейскихъ культурныхъ государствахъ замѣчается рѣзкое противорѣчіе. Въ то время какъ въ политической жизни

существуетъ опредѣленное представительство народныхъ интересовъ, въ области производства подобнаго представительства нѣтъ. Только въ сравнительно недавнее время на почвѣ общаго политическаго режима начинаютъ развиваться попытки нѣкотораго представительства рабочихъ массъ въ области экономическихъ отношеній путемъ посредническихъ бюро, третейскихъ судовъ, спеціальныхъ органовъ рабочихъ союзовъ и т. д. Общей же, такъ сказать, конституціонной хартіей фабричной жизни служитъ фабричное законодательство. Такъ мало-по-малу и въ современномъ обществѣ намѣчаются тенденціи будущаго общественнаго строя, устанавливая большее соотвѣтствіе въ различныхъ сторонахъ соціальной жизни, нарушенное благодаря различію темпа ихъ историческаго развитія. Точно такъ же и теперь уже въ передовыхъ странахъ можно подмѣтить нѣкоторые зачатки распространенія принципа общественнаго контроля и на общій ходъ производства и обмѣна.

Этими замѣчаніями мы и можемъ ограничиться для характеристики общественнаго раздѣленія труда. Перейдемъ теперь къ общей оцѣнкѣ принципа кооперации. Въ соціологической литературѣ можно найти не мало примѣровъ весьма неодинаковаго отношенія къ простой и сложной кооперации. Многіе соціологи, признавая вполнѣ необходимость и важность для нормальнаго общественнаго развитія простого сотрудничества, въ то же время стараются подорвать въ основѣ принципъ раздѣленія труда. Мы остановимся лишь на мнѣніяхъ нашихъ отечественныхъ писателей, въ виду ближайшей связи ихъ съ недавними и до сихъ поръ еще не вполнѣ поте-

рявшими силу теченіями нашей общественной жизни. Русскіе публицисты, пытаясь намѣтить идеалъ лучшаго общественнаго строя, не разъ касались вопроса о раздѣленіи труда, при чемъ часто приходили къ выводу, что въ немъ заключается серьезное зло, препятствующее правильному развитію соціальной жизни, и что въ идеальномъ обществѣ этому принципу не должно быть мѣста. Рѣзкую критику раздѣленія труда и рекомендацію обратиться къ болѣе простымъ формамъ экономической жизни мы находимъ, напр., у Л. Н. Толстого. Сельско-хозяйственный трудъ при условіяхъ самой простой техники, обработка земли единичными усиліями отдѣльной личности или, въ лучшемъ случаѣ, силами одной семьи — вотъ организація труда, которая представляется наиболѣе идеальной и желательной нашему моралисту. Нельзя не видѣть, что и при такой формѣ хозяйственной дѣятельности раздѣленіе труда все-таки въ извѣстной мѣрѣ остается. Но сведеніе его къ минимуму далеко не должно дать тѣхъ результатовъ, какихъ ожидаетъ отъ него Л. Н. Толстой. Вѣдь его идеаломъ является гарантія наивысшаго личнаго развитія, а это требованіе можетъ быть выполнено лишь при сложныхъ формахъ экономической дѣятельности. Сущность задачи заключается вовсе не въ томъ, чтобы человѣкъ, удовлетворяя своимъ потребностямъ, работалъ непремѣнно при условіяхъ примитивной техники, а въ томъ, чтобы, пользуясь наилучшими техническими пріемами, онъ тратилъ наименьшее количество времени и силъ на добываніе матеріальныхъ средствъ, чтобы остальное свободное время онъ посвящалъ высшимъ потребностямъ и запросамъ. При такихъ условіяхъ, которыя

рекомендуетъ Л. Н. Толстой, нѣтъ возможности развиваться умственно и достигать осуществленія высшихъ нравственныхъ требованій. Онъ совѣтуетъ всякому человѣку раздѣлить день на 4 упряжки, одна изъ которыхъ должна быть посвящена умственной работѣ. Но такъ могъ работать онъ, человѣкъ интеллигентный и богатый, находящійся въ привилегированныхъ условіяхъ, а если бы мы представили себѣ всѣхъ членовъ общества занятыми примитивнымъ земледѣльческимъ трудомъ, то и рѣчи бы быть не могло о какомъ-нибудь досугѣ для удовлетворенія высшихъ интересовъ. Вся жизнь тратилась бы на жалкую борьбу съ природой, не оставляющую никакого досуга для осуществленія высшихъ задачъ. Такую же по существу точку зрѣнія находимъ и у Г. И. Успенскаго. Успенскій, выросшій подъ впечатлѣніями «Разоренія», грубыхъ сценъ русской до-реформенной городской жизни съ ея господствующимъ типомъ—разгульной, безшабашной и въ то же время глубоко обездоленной и несчастной «мастеровщины», не могъ отрѣшиться отъ этихъ впечатлѣній и съ искренней болью сердца видѣлъ развитіе въ нашей жизни капиталистическаго хозяйства, организуемаго кулаками и «буржуями». Его невольно притягивала мирная сравнительно деревенская жизнь, съ гармоническимъ единствомъ природы, труда и моральныхъ идеаловъ. Вопіющія безобразія русской деревенской дѣйствительности не могли для него пройти незамѣченными; онъ постоянно и съ большой настойчивостью выдвигалъ ихъ въ своихъ произведеніяхъ. Но при всемъ томъ онъ склоненъ былъ думать, что эти безобразія—результатъ труднаго переходнаго времени и что деревен-

ская работа при другихъ условіяхъ могла бы стать сама по себѣ дѣйствительно идеальной формой человѣческаго существованія безъ внѣшней помощи со стороны высшей промышленной техники, находящейся въ ненавистныхъ рукахъ «грѣховодника»-капитала. Мы видѣли, однако, что примитивное сельское хозяйство, основанное на единичномъ трудѣ и простой кооперацiи, не такъ уже возвышаетъ человѣческую душу и что, съ другой стороны, развитіе машиннаго производства не такъ уже фатально соединяется съ ухудшеніемъ участи трудящагося люда. Но не будемъ останавливаться на разборѣ мнѣній, исходящихъ отъ авторовъ, въ которыхъ художникъ преобладаетъ надъ публицистомъ, которые оцѣнивали принципъ раздѣленія труда скорѣе подъ впечатлѣніемъ образовъ, создаваемыхъ воображеніемъ, чѣмъ усиліями критической мысли. Они разсуждали о данномъ вопросѣ не какъ теоретики-спеціалисты, а производили, такъ сказать, экскурсію въ чужую имъ область соціологическаго знанія. Но мы имѣемъ въ нашей литературѣ писателя, соединяющаго съ проницательнымъ и глубокимъ умомъ обширныя соціологическія свѣдѣнія,—я говорю о выдающемся публицистѣ Н. К. Михайловскомъ, который въ своихъ многочисленныхъ статьяхъ, начиная съ 60 гг., постоянно отстаивалъ мысль, что раздѣленіе труда приноситъ зло человѣку и что только простая кооперація въ состояніи вывести его на болѣе торную дорогу соціальнаго развитія. Опираясь на физіологическія и біологическія изслѣдованія, Н. К. Михайловскій утверждаетъ, что между организмомъ біологическимъ и человѣческимъ обществомъ существуетъ огромное различіе, выражающееся именно

въ разномъ значеніи раздѣленія труда. Органы отдѣльнаго индивидуума становятся тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ разнообразнѣе его отношенія къ окружающему міру. Они спеціализируются, выполняя каждый особенную функцію, и чѣмъ шире развивается такая спеціализація, тѣмъ выше и совершеннѣе становится индивидуумъ. Таковъ законъ физіологическаго раздѣленія труда, истинность котораго нельзя не признать. Онъ составляетъ одно изъ лучшихъ пріобрѣтеній физіологической науки. Но, продолжаетъ Н. К. Михайловскій, было бы неправильно распространять этотъ законъ и на факты общественнаго существованія людей. Органическая школа соціологовъ впадаетъ въ ошибку, смѣшивая условія развитія отдѣльнаго индивидуума съ развитіемъ общественнаго цѣлаго. Спенсеръ, напр., въ раздѣленіи труда видитъ проявленіе общаго закона дифференцированія явленій и, слѣдовательно, приближеніе человѣка къ высшему типу, съ чѣмъ, по мнѣнію Михайловскаго, никакъ нельзя согласиться. Дѣло въ томъ, что при общественномъ раздѣленіи труда мы находимъ результаты какъ разъ обратные тѣмъ, которые получаются при физіологическомъ раздѣленіи труда. При общественномъ раздѣленіи труда личность сама становится на положеніе отдѣльнаго органа, она съуживаетъ свои способности, выполняя всю свою жизнь какую-нибудь ничтожную детальную операцію, и, слѣдовательно, физически и морально деградируетъ. Другое дѣло простая кооперація: она усиливаетъ производительность человѣческой работы, но вмѣстѣ съ тѣмъ не превращаетъ человѣческую личность въ спеціальный органъ общественнаго цѣлаго. Исходя изъ этихъ положеній, указываетъ Михай-

ловскій, мы должны прійти къ выводу, что соціальный прогрессъ имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ общественное раздѣленіе труда уменьшается, а физіологическое раздѣленіе труда между отдѣльными органами человѣка возрастаетъ. «Прогрессъ, — говоритъ Михайловскій въ заключеніе своей извѣстной статьи: «Что такое прогрессъ?»—есть постепенное приближеніе къ цѣлостности недѣлимаго, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что затрудняетъ это движеніе. Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшаетъ разнородность общества, усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣлныхъ членовъ».

Послѣ того, что было сказано выше относительно вліянія общественныхъ отношеній на характеръ раздѣленія труда, мы легко увидимъ ошибочность этой формулы. Она была бы справедлива только въ томъ случаѣ, если бы было доказано, что раздѣленіе труда, по самому существу своему, при всякихъ общественныхъ отношеніяхъ вредно для разносторонняго развитія личности. Но мы знаемъ, что даже при современномъ, далеко не идеальномъ строѣ многіе недостатки раздѣленія труда могутъ быть устранены и фактически устраняются.

Прежде всего, работа при машинѣ, этотъ наиболѣе характерный типъ современнаго раздѣленія труда, требуетъ значительнаго умственнаго напряженія. Уже этимъ самымъ она ставитъ необходимымъ условіемъ успѣшнаго хода производства наличность развитыхъ умственно рабочихъ, способныхъ къ про-

должительному и усиленному вниманію. Работа при машинѣ монотонна, но эта монотонность иного рода, чѣмъ въ мануфактурномъ или ремесленномъ трудѣ: она требуетъ большого запаса умственной энергіи. Работа ручного ткача была не менѣе однообразна и утомительна, чѣмъ работа современнаго машиннаго ткача, но послѣднему, слѣдящему за движеніемъ нѣсколькихъ станковъ, необходимо гораздо болѣе напрягать вниманіе и обнаруживать больше сообразительности, когда въ ходѣ машины оказываются какія-нибудь неправильности. Даже въ тѣхъ отрасляхъ ручной работы, гдѣ требуется, повидимому, художественный вкусъ и индивидуальная изобрѣтательность, на самомъ дѣлѣ, при внимательномъ наблюденіи, мы найдемъ едва ли менѣе шаблонную, несложную и однообразно повторяющуюся работу, чѣмъ въ машинномъ производствѣ. Стоитъ присмотрѣться, напр., ко многимъ кустарнымъ издѣліямъ, чтобы видѣть, какъ рабски копируются изъ года въ годъ одни и тѣ же традиціонные образцы, какъ несложны и однообразны пріемы работы каждаго рабочаго.

Но если машина требуетъ большого умственнаго напряженія при работѣ, то она же возбуждаетъ и любознательность рабочихъ, заставляя самой сложностью своего механизма доискиваться принциповъ ея устройства. Въ противоположность крестьянину и ремесленнику, фабричный рабочій живѣе интересуется техническими знаніями, потому что онъ воочію видитъ передъ собой продуктъ сознательнаго человѣческаго творчества, опирающагося на данныя, доступныя только знающему человѣку. Итакъ, машинная работа сама по себѣ связывается съ настоятельной потребностью въ умственномъ развитіи ра-

бочихъ. Мы видѣли, что эту потребность стали сознавать даже фабриканты.

Но умственное напряженіе, требуемое машиной, приводитъ къ новымъ результатамъ — потребности сокращенія рабочаго дня. Сильное напряженіе нервной энергіи не допускаетъ чрезмѣрнаго удлиненія рабочаго дня безъ ущерба для здоровья рабочихъ. Рабочіе начинаютъ все энергичнѣе добиваться сокращенія часовъ труда; съ другой стороны, ихъ поддерживаетъ при этомъ законодательство, нормируя рабочій день дѣтей, подростковъ и женщинъ. Самое понятіе рабочаго дня, т.-е. точно опредѣленнаго количества часовъ дѣйствительной работы и чередованія ихъ съ временемъ отдыха, создалось только съ введеніемъ машинъ, дѣйствующихъ съ математической правильностью, допускающей точное урегулированіе и самаго человѣческаго труда. Только съ нормировкой фабричной работы возникла и идея регулированія другихъ отраслей хозяйственнаго труда, для которыхъ такое вліяніе фабричной жизни было, конечно, истиннымъ благодѣяніемъ. Мы не привыкли вдумываться въ окружающую насъ будничную жизнь, которая даетъ намъ много поучительныхъ примѣровъ такихъ вліяній. Сравнимъ хотя бы положеніе прислуги въ Англіи и Россіи. Въ Англіи прислуга имѣетъ уже опредѣленный рабочій день; а многимъ ли русскимъ людямъ приходитъ въ голову, что прислуга должна имѣть опредѣленные часы труда и отдыха?

Машинная работа сократила часы труда, но она же сдѣлала возможнымъ и большее вознагражденіе за нихъ. Если трудъ работника производитъ много, то и его доля въ продуктѣ можетъ быть больше. А

отстаивать свои интересы промышленный рабочій умѣетъ лучше всякаго другого.

Итакъ, машинный трудъ не представляется намъ въ такомъ мрачномъ освѣщеніи, какъ его любили изображать враги раздѣленія труда и сторонники патріархально-деревенской жизни. Мы видимъ, что при лучшихъ общественныхъ условіяхъ рабочій выходитъ изъ фабрики не болѣе утомленнымъ и подавленнымъ, чѣмъ ремесленникъ или кустарь, закончившій свой трудовой день. Посмотримъ же, на что онъ можетъ употребить и на что употребляетъ свой досугъ.

Не только рабочіе западно-европейскихъ государствъ, но даже и русскіе охотно пользуются временемъ, остающимся отъ работы, для пополненія своего образованія. Они наполняютъ вечерніе классы, повторительные курсы, школы дальнѣйшаго образованія, замѣняющіе для нихъ до извѣстной степени обученіе въ средней школѣ. Гдѣ только такіе курсы могутъ быть открыты, можно быть заранѣе увѣреннымъ, что въ учащихся не будетъ недостатка. Но къ европейскому рабочему начинаетъ приходить теперь и высшее образованіе въ видѣ публичныхъ лекцій, высшихъ популярныхъ курсовъ. Даже въ Англіи, гдѣ университетская наука издавна составляла привилегію богачей, недоступную и для довольно состоятельныхъ лицъ, въ настоящее время существуетъ широкое стремленіе привлечь рабочихъ къ высшему образованію. Англія, съ ея развитымъ фабричнымъ строемъ, должна была первая пробить брешь въ этой традиціи и показать примѣръ континентальнымъ странамъ; для этихъ послѣднихъ распространеніе университетскаго образованія на ши-

рокіе слои населенія оказалось еще болѣе легкимъ дѣломъ въ виду большаго количества свободныхъ интеллигентныхъ силъ. Такъ, впервые высшіе слои общества и трудящіеся классы встрѣчаются другъ съ другомъ на общей почвѣ, въ общемъ стремленіи къ умственному развитію.

Но рабочій не только учится, онъ живетъ и дѣйствуетъ, какъ сознательный гражданинъ родной страны. Значительную долю досуга онъ можетъ употребить на участіе въ корпоративныхъ товарищескихъ дѣлахъ своего профессіональнаго союза, въ выборахъ въ парламентъ и учрежденія мѣстнаго самоуправленія. Онъ слѣдитъ за дѣятельностью избранныхъ имъ кандидатовъ, поддерживаетъ ихъ въ борьбѣ съ противоположными и враждебными имъ общественными группами. Такая дѣятельность не можетъ не расширять его умственнаго кругозора, создавая изъ него сознательнаго участника общественныхъ дѣлъ и начинаній, гражданина крупнаго общественнаго цѣлаго. Она же поднимаетъ и нравственный уровень рабочаго класса, такъ какъ общественная жизнь открываетъ рабочимъ возможность защищать не эгоистическіе, а товарищескіе и общественные интересы, выступать борцами за высшіе идеалы права и долга.

Если въ серьезныхъ дѣлахъ и задачахъ жизни рабочій находитъ возможность повышать свой умственный и нравственный уровень, то онъ можетъ и въ самыхъ развлеченіяхъ найти условія для облагороженія его чувствъ и стремленій. Практика западноевропейскихъ государствъ показываетъ, что рабочій можетъ съ большой пользой и весело провести свободное время. Пройдите по окраинамъ или загород-

нымъ мѣстамъ европейскихъ городовъ въ воскресенье, и вы увидите, что они полны веселой и шумной толпой рабочихъ, пришедшихъ сюда, чтобы отдохнуть на свѣжемъ воздухѣ, среди густой зелени, разсѣяться звуками концерта, перемѣнить впечатлѣнія, навѣянныя однообразіемъ и скукой фабричной работы. Въ Швейцаріи и въ горныхъ частяхъ Германіи во всѣхъ окрестностяхъ городовъ вы найдете прогуливающихся рабочихъ, отправляющихся въ горы цѣлой семьей на весь день. Для укрѣпленія же физическихъ силъ уже и теперь рабочіе пользуются нѣкоторыми формами спорта, которыя раньше составляли только пустую забаву праздныхъ людей. Таковы, напримѣръ, разнообразные виды игръ на открытомъ воздухѣ, поражающіе на первый разъ наблюдателя фабричнаго быта въ Англіи. Для этой цѣли, конечно, служитъ и гимнастика, разумныя основы которой закладываются еще народной школой.

Можно ли говорить при такихъ условіяхъ, что фабричнаго рабочаго ждетъ отупѣніе, умственная одичалость, моральное вырожденіе? Если въ началѣ капиталистическаго развитія, когда его тенденціи еще недостаточно выяснились, можно было говорить о гибельномъ вліяніи фабрики, то въ настоящее время для такого взгляда нѣтъ уже никакихъ основаній [1]). Тѣмъ меньше, конечно, можно возражать

---

1) Въ прежнее время изслѣдователи фабричнаго быта впадали въ недоразумѣніе часто еще и потому, что среди фабричныхъ рабочихъ было много лицъ, вышедшихъ изъ крайне бѣдственныхъ условій существованія. Таковы, напримѣръ, были ирландцы, приносившіе съ собой въ условія городской жизни варварскую обстановку родного деревенскаго быта. «Исторія этой (хлопчатобумажной) промышленности можетъ напомнить намъ, говоритъ *Маршаллъ,* что многіе изъ тѣхъ, которые

противъ принципа раздѣленія труда, если имѣть въ виду болѣе идеальныя, сравнительно съ современными, условія общественнаго существованія. Когда условія развитой техники будутъ соединяться съ сознательной, добровольной и равноправной ассоціаціей трудящихся лицъ, то тогда въ еще большей степени устранились бы главнѣйшіе недочеты труда, сопряженные съ современной формой производства. Если сами трудящіеся будутъ заботиться о нормальной обстановкѣ ихъ работы и если техническая сторона дѣла позволитъ сокращать въ необходимыхъ предѣлахъ рабочее время, то, конечно, раздѣленіе труда не будетъ уже представлять никакой опасности. Въ такой коопераціи работниковъ, кромѣ уже охарактеризованныхъ нами мѣръ, принимаемыхъ отчасти и въ настоящее время въ развитыхъ промышленныхъ странахъ, присоединяется еще одинъ важный моментъ, для котораго теперь нѣтъ мѣста въ силу основныхъ условій нашего экономическаго строя. Здѣсь организація труда будетъ строиться на почвѣ

выполняютъ болѣе монотонную часть работы, обыкновенно вышли не изъ разряда искусныхъ рабочихъ, спустившихся къ такому труду отъ болѣе искусной работы, а наоборотъ, изъ разряда необученныхъ рабочихъ, которые поднялись до новаго труда. Большое количество работающихъ на ланкаширскихъ хлопчатобумажныхъ фабрикахъ пришло туда изъ пораженныхъ нищетой округовъ Ирландіи, тогда какъ другіе происходятъ отъ пауперовъ и людей слабой физической силы, которые были отправлены сюда въ большихъ количествахъ въ началѣ XIX столѣтія изъ самыхъ несчастныхъ условій жизни бѣднѣйшихъ земледѣльческихъ округовъ, гдѣ рабочихъ кормили и помѣщали въ жилища, пожалуй, хуже, чѣмъ животныхъ, за которыми они ухаживали» (см. *A. Marshall*, Principles of economics, стр. 324–325).

сознательной дѣятельности участниковъ въ общей работѣ. Въ экономическую жизнь войдетъ тогда въ полной мѣрѣ принципъ самоуправленія, который такъ оживляетъ и облагораживаетъ современную политическую жизнь. Внесеніе товарищескаго начала въ организацію труда и во всѣ функціи его должно радикально измѣнить отношеніе рабочихъ къ выполняемому ими труду. Намъ приходилось уже упомянуть, что при современномъ деспотическомъ регулированіи производства хозяевами отдѣльныхъ предпріятій замѣчается полное равнодушіе работника къ общему ходу дѣла въ избранномъ имъ производствѣ за весьма ничтожными исключеніями (ожиданіе кризиса и т. п.). При такихъ условіяхъ, когда работникъ, участвуя своимъ трудомъ въ предпріятіи, преслѣдуетъ, въ сущности, не свои собственные интересы, а интересы хозяина, онъ остается равнодушнымъ къ чуждой ему работѣ, которая въ силу этого оказываетъ на него еще болѣе удручающее дѣйствіе. Въ свободной же ассоціаціи и эта сторона дѣла уже не отражалась бы вредно на умственныхъ силахъ работника, а, напротивъ, возбуждала бы и развивала его интеллектуальную энергію, такъ какъ онъ былъ бы сознательнымъ участникомъ дѣла, принадлежащаго ему наравнѣ со всѣми другими.

Такимъ образомъ, имѣя въ виду болѣе совершенную систему хозяйственной дѣятельности, мы не можемъ не прійти къ выводу, что къ ней еще въ большей степени, чѣмъ къ современному экономическому строю, неприложима критика раздѣленія труда, выдвинутая указанными выше соціологами и публицистами.

Между тѣмъ выгоды раздѣленія труда громадны. Всѣ успѣхи культуры, не только матеріальной, а и

духовной, связаны съ развитіемъ раздѣленія труда. Если бы текстильная промышленность оставалась до сихъ поръ въ ея примитивной формѣ, то, какъ мы видѣли, трудъ ткача и прядильщика едва ли былъ бы менѣе монотоннымъ, чѣмъ теперь, но зато онъ давалъ бы обществу гораздо меньше продуктовъ. По вычисленіемъ Эллисона, производительность труда въ ткацкой промышленности увеличилась за послѣднія 70 лѣтъ до 80 годовъ XIX столѣтія въ 12 разъ, въ прядильной — въ 6 разъ. Но въ предшествующія семьдесятъ лѣтъ улучшенія прядильной промышленности уже увеличили производительность труда въ 200 разъ. Развитіе современной техники создало «механическихъ рабовъ», замѣняющихъ подневольный трудъ человѣка. Если основой античной умственной и художественной культуры былъ тяжкій трудъ раба, освобождавшій высшіе классы отъ черной работы, то въ настоящее время основой культурнаго прогресса служитъ развитіе техники. Оно начинаетъ создавать большій досугъ и для самихъ трудящихся классовъ, улучшая ихъ положеніе не только безъ ущерба, но и къ выгодѣ высшей культуры.

Въ заключеніе я скажу нѣсколько словъ о томъ моральномъ значеніи, какое имѣетъ организованный и совмѣстный человѣческій трудъ. Всякая нормальная человѣческая община должна имѣть извѣстную трудовую основу; нормальный общественный строй немыслимъ внѣ нормальной организаціи трудового процесса; вотъ почему экономическая жизнь, хозяйственная сторона общественной дѣятельности, должна постоянно затрогиваться при обсужденіи вопроса объ общемъ построеніи соціальнаго идеала, нормальнаго типа человѣческаго общества. Обращаясь къ от-

даленнымъ временамъ человѣческой исторіи, мы найдемъ, что такой идеалъ намѣчали уже первые христіане, отводя въ немъ значительное мѣсто общему и равноправному товарищескому труду. Новыя небеса и новая земля, въ которыхъ живетъ правда, практически во взаимныхъ отношеніяхъ первыхъ христіанъ осуществлялись въ видѣ мирной товарищеской общины, гдѣ нравственное развитіе и религіозный подъемъ духа должны были итти рядомъ съ отсутствіемъ экономическаго притѣсненія и эксплуатаціи. Но человѣчество не даромъ прожило около двухъ тысячъ лѣтъ съ того времени. Въ формулировку своего идеала оно вноситъ теперь много новаго; но, въ концѣ концовъ, и въ томъ болѣе развитомъ видѣ, въ которомъ рисуется идеалъ человѣческаго общежитія для современной науки, въ его основаніи попрежнему лежитъ трудовая товарищеская организація, внѣ которой немыслимо осуществленіе и нравственнаго идеала.

Итакъ, слѣдуетъ ли смотрѣть съ опасеніемъ на растущее раздѣленіе труда, развитіе машиннаго производства, вообще, прогрессъ техники? Мы старались показать, что нѣтъ. Важно лишь не закрывать глаза на недостатки современнаго раздѣленія труда, и, поскольку возможно, бороться съ ними. Самымъ успѣшнымъ средствомъ въ этой борьбѣ оказывается, какъ мы видѣли, облегченіе тяжелаго положенія трудящихся классовъ. Каждый шагъ въ этомъ направленіи все болѣе приближаетъ насъ къ достиженію высшаго идеала хозяйственнаго строя. Л. Н. Толстой проповѣдуетъ интеллигенту, чтобы онъ спустился до положенія крестьянина. Мы знаемъ, что раціональнымъ будетъ какъ разъ обратное. Необходимо, чтобы кре-

стьянинъ и рабочій сдѣлались интеллигентными, тогда только общество, дѣйствительно, выиграетъ. Мы будемъ привѣтствовать всякую попытку въ этомъ направленіи, помня, конечно, что важно неуклонно продолжать разъ начатое дѣло, пользуясь каждымъ добытымъ успѣхомъ, какъ базисомъ для дальнѣйшаго прогресса. Вѣдь то, чего намъ удалось добиться, оставляетъ неизгладимый слѣдъ въ общемъ теченіи жизненныхъ явленій или, какъ говоритъ поэтъ:

«То, что жизнь дала намъ разъ,
Не въ силахъ рокъ отнять у насъ».

Лекція шестая.

I. Капиталъ.—Понятіе.—Общее и историческое опредѣленіе капитала.— Виды капиталовъ.— Историческая роль капитала. — Значеніе капитала въ производствѣ. — Происхожденіе капитала. — Историческая форма накопленія. II. Хозяйственныя предпріятія. — Виды предпріятій.— Ремесло.—Домашняя промышленность.—Крупное фабричное производство.—Акціонерныя компаніи.—Синдикаты предпринимателей. — Государственныя и муниципальныя предпріятія. — Заключеніе отдѣла о производствѣ

I.

Мм. гг. Продолжая наше разсмотрѣніе основныхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается производственная дѣятельность людей, намъ необходимо остановиться на вопросѣ о капиталѣ.

Въ предыдущихъ лекціяхъ мнѣ не разъ приходилось упоминать, что созданіе матеріальныхъ предметовъ, необходимыхъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, представляетъ собой сложный процессъ, въ которомъ начало—постановка извѣстной хозяйственной цѣли и конецъ—осуществленіе ея (созданіе готовыхъ продуктовъ) раздѣлены извѣстнымъ промежуткомъ времени. Въ такомъ отдѣленіи момента постановки цѣли отъ ея осуществленія и заключается сущность роли, выполняемой капиталомъ въ процессѣ производства хозяйственныхъ благъ.

Разстояніе между указанными моментами заполняется приложеніемъ средствъ, составляющихъ продуктъ прошлаго труда и назначенныхъ для облегченія новаго производства. Извѣстный американскій соціологъ Уордъ говоритъ даже, что всякая дѣятельность людей во всѣхъ сферахъ жизни тѣмъ и характеризуется, что они достигаютъ своихъ цѣлей не непосредственно, а при помощи приложенія сложныхъ орудій и средствъ, которыя, ускоряя процессъ производства, дѣлаютъ возможнымъ выполненіе намѣченныхъ задачъ въ болѣе широкомъ объемѣ. Если мы, напр., озабочены передачей какого-нибудь извѣстія нашему другу или пересылкой куда-нибудь товара, то нашимъ первымъ движеніемъ было бы желаніе сейчасъ же извѣстить нашего друга или перенести массу товара. Но если мы вспомнимъ, что лицо, которому мы хотимъ передать извѣстіе, отдѣлено отъ насъ сотнями верстъ, то у насъ возникнетъ соображеніе о необходимости воспользоваться для достиженія нашей цѣли другимъ, болѣе сложнымъ, но зато вѣрнымъ способомъ. Отправляясь въ путь пѣшкомъ, мы достигли бы мѣста своего назначенія въ слишкомъ большой промежутокъ времени, или, быть-можетъ, и совсѣмъ не нашли бы въ себѣ силъ, достаточныхъ для такого предпріятія. Если же мы воспользуемся желѣзной дорогой или пароходомъ, т.-е. средствами, которыя представляютъ продуктъ сложнаго прошлаго труда того общества, въ которомъ мы живемъ, то мы гораздо скорѣе и удобнѣе достигнемъ поставленной нами цѣли. Существенное различіе между хозяйствомъ первобытныхъ обществъ—съ одной стороны, и наиболѣе развитыхъ экономически—съ другой, и заключается именно въ

разстояніи, отдѣляющемъ постановку хозяйственной цѣли отъ ея выполненія. Общество дикарей характеризуется тѣмъ, что въ немъ люди стремятся удовлетворить свои потребности по возможности путемъ непосредственныхъ усилій. Напр., нужду въ пищѣ они удовлетворяютъ совсѣмъ иначе, чѣмъ культурные народы. Они устраиваютъ въ удобное время охоту и, убивши извѣстное количество животныхъ, сразу же съѣдаютъ огромное количество добытой пищи, не умѣя сберечь запасы на продолжительное время. Ихъ жизнь представляетъ собой постоянную смѣну обжорства и голодовки. Напротивъ, въ современныхъ культурныхъ обществахъ мы находимъ сложную систему средствъ, прилагаемыхъ къ производству и сохраненію пищи. Готовый продуктъ получается здѣсь только послѣ продолжительной и сложной переработки. Но именно благодаря этимъ сложнымъ процессамъ, примѣняемымъ къ дѣлу, общество имѣетъ возможность удовлетворять свои потребности гораздо шире и полнѣе. Созданіе пищи представляется при подобныхъ условіяхъ далеко не такой почти всепоглощающей задачей, какъ въ первобытномъ обществѣ. Въ самомъ дѣлѣ, пища, которой пользуется современный человѣкъ, напр., хлѣбъ, которымъ питается англійскій рабочій, проходитъ черезъ цѣлый рядъ весьма сложныхъ приспособленій для производства зерна, для перевозки на мѣсто, перемалыванія въ муку и печенія. Зерно перевозится сначала желѣзной дорогой, затѣмъ передается на морской пароходъ, при чемъ для нагрузки и выгрузки его существуютъ спеціальныя приспособленія, размолъ его совершается на громадныхъ паровыхъ мельницахъ и т. д., однимъ словомъ, каждый

кусокъ хлѣба, потребляемый англійскимъ рабочимъ, имѣетъ за собой продолжительную и сложную исторію. Между тѣмъ общая масса труда, затрачиваемая современными культурными обществами на производство пищи, занимаетъ въ ихъ жизни гораздо меньшую долю, чѣмъ соотвѣтственная работа первобытныхъ людей при равныхъ естественныхъ условіяхъ. Нѣкоторыя же хозяйственныя цѣли были бы прямо неосуществимы безъ соотвѣтственныхъ вспомогательныхъ средствъ. Такимъ образомъ, отвлекая въ капиталѣ его наиболѣе общія черты, свойственныя ему во всѣ эпохи хозяйственнаго развитія человѣчества, мы опредѣлимъ его, какъ совокупность средствъ, созданныхъ прежнимъ трудомъ и назначенныхъ для облегченія и осуществленія будущаго производства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ предыдущаго изложенія мы уже знаемъ, что одна эпоха хозяйственнаго развитія характеризуется особенной ролью капитала, окрашивающей въ специфическій цвѣтъ всѣ ея экономическія отношенія. Поэтому на ряду съ общимъ опредѣленіемъ капитала мы должны дать спеціальное его опредѣленіе, соотвѣтственно его исторической роли въ эпоху капиталистическаго производства. Значеніе капитала, какъ продукта прошлаго труда, обезпечивающаго новое производство, остается и въ это время; но къ этимъ общимъ признакамъ присоединяется одинъ, спеціально характеризующій собой приложеніе капитала въ нашей экономической жизни; это—возможность для владѣльцевъ капитала извлекать прибыль, т.-е. извѣстный доходъ, безъ всякаго труда, въ силу одного факта владѣнія капиталомъ. Такимъ образомъ подъ капиталомъ въ современномъ хозяйственномъ строѣ

слѣдуетъ понимать средства производства, владѣніе которыми открываетъ возможность присвоенія продуктовъ чужого труда въ видѣ прибыли. Установивши общее и историческое понятіе капитала, мы можемъ уже перейти къ разсмотрѣнію его формъ.

Исходя изъ общаго опредѣленія капитала, мы можемъ раздѣлить всю массу средствъ, созданныхъ трудомъ общества для облегченія его дальнѣйшей хозяйственной дѣятельности, на слѣдующія категоріи: 1) сельско-хозяйственныя улучшенія (удобреніе, дренажъ, искусственное орошеніе и т. п.); 2) орудія труда—неодушевленныя (инструменты и машины) и одушевленныя (животныя); 3) сырые матеріалы (хлопокъ, шерсть) и вспомогательныя средства (уголь, дрова, масло для смазыванія машинъ); 4) зданія, гдѣ происходитъ переработка сырыхъ матеріаловъ, склады для сырыхъ матеріаловъ и изготовленныхъ издѣлій, не отправленныхъ еще изъ мѣста производства, помѣщенія для машинъ (сараи, депо); 5) средства передвиженія какъ сырыхъ матеріаловъ, такъ и обработанныхъ издѣлій (шоссе, каналы, желѣзныя дороги, пароходы и т. д.); 6) товарные склады и магазины, какъ средства, имѣющія своимъ назначеніемъ доставку готоваго продукта потребителямъ; 7) деньги, употребляемыя для цѣлей производства и обращенія (закупки сырыхъ матеріаловъ, уплаты жалованья рабочимъ и т. д.). Всѣ остальные предметы, назначаемые для непосредственнаго удовлетворенія потребностей, не могутъ быть названы капиталомъ съ точки зрѣнія общественнаго хозяйства. Сюда относятся какъ средства удовлетворенія матеріальныхъ, такъ и духовныхъ потребностей. Пища, одежда, жилище—съ одной стороны, школы, музеи, концертные

залы, театры—съ другой, не могутъ быть относимы къ катеріи капитала. Даже въ томъ случаѣ, если предметы потребленія приносятъ доходъ ихъ владѣльцу, напр., дома, сдаваемые внаймы или платныя библіотеки для чтенія, они не перестаютъ быть съ общественно-хозяйственной точки зрѣнія предметами потребленія, а не капиталомъ, такъ какъ они не служатъ для дальнѣйшего производства хозяйственныхъ благъ. Къ разряду предметовъ потребленія принадлежатъ и средства существованія рабочихъ, если не видѣть въ самомъ рабочемъ простое орудіе производства, нуждающееся въ пищѣ, какъ машина въ водѣ и углѣ.

Наконецъ съ точки зрѣнія роли капитала въ производствѣ заслуживаютъ вниманія еще два дѣленія капигала на виды, одно изъ которыхъ основывается на его общемъ, другое—на историческомъ понятіи.

Джонъ Стюартъ Милль различаетъ въ капиталахъ, занятыхъ въ какомъ-либо предпріятіи, основную и оборотную доли. Разница между этими видами капитала заключается въ слѣдующемъ. Подъ оборотнымъ капиталомъ Милль понимаетъ ту часть средствъ, созданныхъ прошлымъ трудомъ и предназначенныхъ для будущаго производства, которая служитъ въ производительномъ процессѣ одинъ только разъ, въ одной производительной операціи. Такъ, напр., дрова и уголь, которые пошли на развитіе тепловой энергіи, сгорѣвъ, совершенно утрачиваютъ свою прежнюю форму и оказываются въ своемъ измѣненномъ видѣ, въ формѣ золы, непригодными для продолженія даннаго производства. Точно такъ же и сырой матеріалъ, который перерабатывается на какой-либо

фабрикѣ, напр., шерсть, хлопчатая бумага, также измѣняетъ свою форму и перестаетъ уже сохранять прежнія свойства, благодаря которымъ онъ могъ быть превращенъ въ пряжу или ткань. Но, съ другой стороны, въ каждомъ предпріятіи участвуетъ и такой капиталъ, который предназначается на цѣлый рядъ производственныхъ операцій; напр., машины, посредствомъ которыхъ можно выткать сукно или холстъ, не пропадаютъ при выработкѣ одного аршина матеріи, а сохраняютъ свои качества, дѣйствуя въ теченіе многихъ лѣтъ и создавая тысячи кусковъ ткани. Такого рода средства производства Милль и называетъ основнымъ капиталомъ.

Съ точки зрѣнія исторической роли капитала при современномъ строѣ хозяйственныхъ отношеній извѣстнымъ германскимъ ученымъ Карломъ Марксомъ была предложена другая классификація. Марксъ дѣлилъ капиталъ на постоянный и перемѣнный, понимая подъ послѣднимъ средства, затраченныя капиталистомъ на заработную плату рабочихъ, а подъ первымъ—всѣ остальныя затраты на производство. При этомъ разграниченіи названный авторъ исходитъ изъ той мысли, что въ цѣнности продукта, который вырабатывается человѣческой дѣятельностью въ какомъ-либо предпріятіи, вся сумма затратъ труда, какъ прошлаго, такъ и настоящаго, воспроизводится въ полномъ объемѣ, при чемъ, однако, для капиталиста затрата постояннаго и перемѣннаго капитала даетъ неодинаковые плоды. Тѣ издержки, которыя были затрачены на всѣ необходимыя приспособленія для производства помимо заработной платы, совершенно точно воспроизводятся въ цѣнности продук-

товъ. Если, напр., въ теченіе года изнашивается $^1/_{10}$ часть употребляемыхъ въ дѣло машинъ, т.-е. если онѣ могутъ служить для производства данныхъ предметовъ въ теченіе десяти лѣтъ, то въ цѣнности ихъ въ теченіе каждаго года будетъ воспроизводиться десятая часть стоимости этихъ машинъ. Что же касается заработной платы, то на нее капиталистъ пріобрѣтаетъ извѣстное количество живого труда, который обладаетъ способностью создавать новыя цѣнности и притомъ въ большемъ количествѣ сравнительно съ вознагражденіемъ за трудъ. Капиталистъ потому и нанимаетъ рабочихъ, что они въ состояніи создать ему больше цѣнностей, чѣмъ сколько онъ самъ затрачиваетъ. Слѣдовательно, начало измѣненія въ будущей цѣнности продуктовъ, сравнительно съ настоящими издержками на нихъ капиталиста, создается только затратами на заработную плату, которая и называется, въ отличіе отъ иныхъ затратъ, неизмѣнно воспроизводимыхъ въ стоимости новаго продукта, перемѣннымъ капиталомъ [1]).

Выяснивши понятіе и главные виды капитала, мы можемъ теперь обратиться къ характеристикѣ его исторической роли. Капиталъ, въ смыслѣ средствъ производства, созданныхъ прошлымъ трудомъ, существовалъ всегда, но выдающееся значеніе въ хозяйственной дѣятельности общества ему стало принадлежать только въ новѣйшее время. Были цѣлыя историческія эпохи, когда участіе капитала въ процессѣ хозяйственнаго производства было незначительно, когда центръ тяжести экономической жизни лежалъ въ примѣненіи труда. Въ рабскомъ и крѣ-

---

1) О значеніи предложеннаго Марксомъ дѣленія капитала на виды см. ниже, въ лекціи о цѣнности.

постномъ хозяйствѣ не было мѣста для широкаго приложенія капиталовъ, такъ какъ примѣненіе сложныхъ и дорого стоящихъ орудій производства представляется немыслимымъ при общемъ строѣ крѣпостныхъ отношеній, когда у работника, какъ намъ приходилось уже ранѣе указывать, не было достаточныхъ стимуловъ для бережнаго и внимательнаго отношенія къ работѣ. Съ другой стороны, благодаря возможности употреблять въ дѣло массу дарового труда, и у самихъ владѣльцевъ не было побужденій изобрѣтать болѣе усовершенствованные способы производства. Капиталъ направлялся тогда преимущественно въ торговлю и ростовщичество. И только съ того времени, какъ рабская и крѣпостная формы труда смѣняются свободнымъ трудомъ, начинаетъ прилагаться въ болѣе обширномъ объемѣ и капиталъ. XVIII и въ особенности XIX вѣкъ характеризуются именно широкимъ приложеніемъ капитала къ производству. Вмѣстѣ съ тѣмъ весь строй хозяйственной дѣятельности пріобрѣлъ своеобразный характеръ. Въ эпоху рабства основой хозяйственной жизни было обладаніе всѣми факторами производства рабовладѣльцемъ: ему принадлежали естественныя силы земли, орудія труда и самая личность трудящагося человѣка. Въ настоящее же время общественно-экономическая жизнь строится на фактѣ выдѣленія особаго общественнаго класса, сосредоточившаго въ своихъ рукахъ владѣніе капиталомъ. Наша хозяйственная система потому и носитъ названіе капиталистической, что владѣніе капиталомъ является существеннымъ моментомъ, опредѣляющимъ всѣ стороны современныхъ экономическихъ отношеній. Прежде, при рабскомъ и крѣпостномъ режимѣ,

извѣстная часть общества могла получать доходъ безъ личнаго труда, основываясь на своемъ юридическомъ правѣ владѣнія личностью и трудомъ зависимыхъ людей, теперь же нетрудовой доходъ получается привилегированными классами общества въ силу ихъ права собственности на капиталъ и отсутствія средствъ производства у класса рабочихъ, свободный трудъ которыхъ прилагается къ средствамъ производства, находящимся во владѣніи капиталистовъ. Отсюда и характерная черта современнаго промышленнаго строя—отдѣленіе рабочихъ отъ продукта ихъ труда, который поступаетъ въ собственность капиталистовъ, рабочимъ же достается въ видѣ заработной платы только часть созданныхъ ими продуктовъ [1]).

Въ чемъ же заключается роль, выполняемая капиталомъ въ производствѣ?

Капиталъ повышаетъ успѣшность труда. Все, что нами было сказано выше о выгодахъ раздѣленія труда и, въ частности, машиннаго производства, приложимо и къ данному вопросу, потому что такая организація хозяйственной дѣятельности возможна только при наличности капитала и въ тѣмъ большей степени, чѣмъ больше капиталъ. Капиталъ ускоряетъ созданіе предметовъ, служащихъ для удовлетворенія потребностей общества, такъ какъ въ ту же единицу времени съ его помощью производится гораздо больше продуктовъ, чѣмъ голыми руками (послѣднее предположеніе, впрочемъ,

---

[1]) И землевладѣльцы получаютъ теперь свой доходъ не въ силу права на обязательный трудъ крестьянъ и сельскохозяйственныхъ рабочихъ, а вслѣдствіе права собственности на землю.

даже мыслимо только теоретически). На первый взглядъ казалось бы, что капиталъ удлиняетъ процессъ производства, потому что при работѣ голыми руками мы сейчасъ подходимъ къ нашей цѣли, а обращаясь къ изготовленію орудій, мы отодвигаемъ ея осуществленіе. Въ дѣйствительности же осуществленіе цѣли не замедляется, а ускоряется. Даже съ точки зрѣнія изолированно работающаго человѣка удлиненіе оказывается только кажущимся, потому что если мы раздѣлимъ полученное по истеченіи опредѣленнаго производственнаго періода количество продуктовъ на число единицъ времени, то на каждую единицу придется больше продуктовъ при употребленіи капитала, чѣмъ безъ него. Съ общественно же хозяйственной точки зрѣнія (единственно справедливой въ политической экономіи) вопросъ представляется еще болѣе яснымъ. Примѣненіе капитала соединяется съ раздѣленіемъ труда, а потому отдѣльныя части работы, которыя отдѣльный человѣкъ продѣлывалъ бы послѣдовательно, совершаются теперь одновременно. Въ то же время, когда земледѣлецъ засѣваетъ хлѣбъ, въ другой части территоріи другіе люди дѣлаютъ уже для него косу и серпъ; когда у портного иступились ножницы, новыя ножницы уже сдѣланы для него руками другихъ рабочихъ и т. д.

Упущеніе изъ виду этого обстоятельства (а, можетъ-быть, и сознательное замалчиваніе его) и составляютъ основную ошибку Бемъ-Баверка, строящаго всю свою теорію о капиталѣ и, въ особенности, о процентѣ на капиталъ на идеѣ, что примѣненіе капитала всегда сопряжено съ потерей времени или, какъ онъ выражается, съ «пожертвованіемъ времени»

(Opfer an Zeit)[1]). Потеря времени, въ дѣйствительности, только кажущаяся. Конечно, всякій производственный процессъ протекаетъ во времени; его начало и конецъ отдѣлены извѣстнымъ промежуткомъ, но въ общемъ примѣненіе капитала не удлинняетъ, а ускоряетъ осуществленіе хозяйственныхъ цѣлей. Въ громадномъ же большинствѣ случаевъ производство совершенно невозможно безъ капитала, такъ что если бы человѣкъ не сталъ при этомъ «жертвовать временемъ», то онъ пожертвовалъ бы жизнью. Въ современной хозяйственной жизни возникаетъ обыкновенно вопросъ не о выгодности приложенія капитала вообще, а о выгодности или невыгодности большей затраты капитала. Напримѣръ, выгода желѣзной дороги передъ гужевымъ сообщеніемъ заключается въ большемъ приложеніи капитала къ транспорту. Въ гужевомъ транспортѣ также участвуетъ капиталъ (лошади, телѣги, сани, сбруя и т. д.). Желѣзная дорога требуетъ значительно большаго капитала, но взамѣнъ облегчаетъ движеніе въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно было возможно и раньше, и создаетъ новую возможность для перемѣщенія, которой раньше не было. Многіе товары начинаютъ доставляться желѣзной дорогой изъ такихъ мѣстностей, откуда они раньше не уходили. Напримѣръ, перевозка хлѣба на далекое разстояніе была невозможна безъ желѣзныхъ дорогъ.

Въ тѣсной связи съ сказаннымъ стоитъ вопросъ о концентраціи капитала въ предпріятіяхъ. Для успѣшности производства не безразлично, какая масса капитала помѣщена въ предпріятіи. Обыкно-

---

[1]) См. *Böhm - Bawerk,* Kapital und Kapitalzins. II Abth. Positive Theorie des Kapitals. Innsbruck, 1899, стр. 83—89.

венно при организаціи производства въ крупныхъ предпріятіяхъ, т.-е. въ предпріятіяхъ съ крупнымъ капиталомъ, хозяйственныя задачи достигаются успѣшнѣе, чѣмъ при мелкихъ предпріятіяхъ. Подробно мы будемъ говорить объ этомъ въ слѣдующей лекціи.

Не слѣдуетъ забывать, однако, что хозяйственная роль капитала зависитъ не отъ его техническихъ особенностей самихъ по себѣ, но въ связи съ тѣми общественными условіями, въ которыхъ онъ примѣняется. Напримѣръ, современная общественная система характеризуется случаями напрасной траты капиталовъ, благодаря общей неурегулированности производства и несоразмѣрности его отдѣльныхъ отраслей.

Намъ необходимо теперь отвѣтить на слѣдующій весьма важный вопросъ въ теоріи капитала, именно, какимъ образомъ создается капиталъ, какъ возникаетъ онъ въ хозяйственной жизни, каковы источники его происхожденія. Ходячее житейское мнѣніе которое смѣшиваетъ капиталъ съ деньгами, склонно видѣть въ немъ результатъ сбереженія. Предполагаютъ, что лицо, имѣющее свободныя деньги, вмѣсто того, чтобы истратить ихъ на покупку предметовъ потребленія, отказывается отъ этого и обращаетъ ихъ на расширеніе производства. Было такое время и въ экономической наукѣ, когда это мнѣніе имѣло широкій кредитъ въ ученыхъ кругахъ. Въ первую половину прошлаго столѣтія, когда господствующимъ экономическимъ ученіемъ была такъ называемая манчестерская доктрина, горячо защищавшая интересы капиталистовъ, одинъ изъ представителей этой школы, англійскій ученый Сеньоръ (Senior), пытался доказать, какъ основной принципъ, что всякій капиталъ образуется путемъ сбереженія или

отказа отъ потребленія, откуда онъ дѣлалъ и дальнѣйшій выводъ, что прибыль на капиталъ составляетъ справедливую награду за воздержаніе капиталиста. Однако внимательное наблюденіе экономической дѣйствительности покажетъ намъ ошибочность этой мысли.

Прежде всего намъ необходимо отрѣшиться отъ исключительнаго представленія о денежномъ капиталѣ. Мы видѣли, что въ составѣ капиталовъ, которые употребляются въ производствѣ, деньги составляютъ только часть. Для выясненія вопроса о происхожденіи капитала мы обратимся поэтому къ существующему въ дѣйствительности сложному соединенію производственныхъ силъ, въ результатѣ котораго создаются предметы, удовлетворяющіе различнымъ человѣческимъ потребностямъ.

Если капиталистъ получаетъ извѣстную сумму денегъ въ видѣ прибыли съ своего капитала, то это значитъ лишь, что въ какомъ-либо производственномъ процессѣ въ теченіе извѣстнаго періода работало извѣстное количество людей, приводились въ движеніе какія-нибудь машины, перерабатывался сырой матеріалъ. Въ результатѣ такого рода дѣятельности и было получено извѣстное количество готоваго продукта, которое капиталистъ продалъ, то-есть обмѣнялъ на деньги. Частью этихъ денегъ онъ покрылъ издержки производства, а остальную долю удержалъ у себя въ качествѣ прибыли.

Съ этой долей онъ можетъ распорядиться различно: или обратить ее цѣликомъ въ предметы личнаго потребленія, или употребить на расширеніе производства. Слѣдовательно, сосредоточеніе извѣстнаго количества денегъ въ рукахъ капиталиста въ ка-

чествѣ прибыли явилось результатомъ приложенія чужого труда какъ текущаго, такъ и въ видѣ средствъ, созданныхъ прошлымъ трудомъ. Онъ только сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ то, что производили другіе, и, слѣдовательно, ни отъ чего не «воздерживался». Если онъ пожелаетъ обратить часть полученной имъ прибыли также въ капиталъ, то ему придется обратиться опять-таки къ чужому труду, который одухотворилъ бы собой мертвую матерію капитала.

Но въ составѣ капитала есть много такихъ предметовъ, которые капиталистъ никоимъ образомъ не могъ бы обратить на собственное потребленіе. Таковы—машины, рельсы, фабричныя зданія, удобреніе, дренажныя трубы и т. д. и т. д.

Гдѣ же источникъ происхожденія новаго капитала? Очевидно, не въ воздержаніи отъ его потребленія, а именно въ обращеніи его къ дальнѣйшему производству, въ воспроизводствѣ.

Но почему все-таки затраченное количество капитала и труда даетъ возможность капиталисту сосредоточивать въ своихъ рукахъ извѣстную долю готоваго продукта, составляющую излишекъ надъ вложенными въ дѣло издержками?

Причина этого заключается въ производительности человѣческаго труда. Трудящіеся люди могутъ произвести больше продуктовъ, чѣмъ сколько требуется на ихъ содержаніе.

Такова сущность процесса созданія капитала въ современномъ обществѣ. Непониманіе ея при поверхностномъ взглядѣ на дѣло объясняется вообще запутанностью и сложностью общественныхъ процессовъ, гдѣ основныя причины маскируются, бла-

годаря денежной формѣ капитала и распоряженію имъ капиталиста. На самомъ дѣлѣ, доходъ каждаго капиталиста стоитъ въ зависимости не отъ его личной дѣятельности, а отъ той атмосферы общественнаго труда, которая его окружаетъ. Мнѣніе, что данное лицо живетъ на труды своихъ предковъ, на капиталы, созданные въ отдаленныя времена, основано на полномъ непониманіи сущности капитала. Если мы внимательнѣе присмотримся къ капиталамъ, которыми располагаетъ общество, то найдемъ, что они созданы трудомъ очень недавняго времени. Самыя долговѣчныя, повиднмому, сооруженія въ дѣйствительности обыкновенно имѣютъ довольно краткую исторію, не говоря уже о томъ, что поддержаніе ихъ (ремонтъ) требуетъ постоянно новаго приложенія труда.

Если бы, напримѣръ, иностранецъ, незнакомый съ нашей исторіей, пріѣхалъ въ Петербургъ, то, увидя гранитныя набережныя, каналы, мосты, огромныя зданія, онъ, быть-можетъ, счелъ бы ихъ продуктомъ далекой исторической работы нашихъ предковъ, которыми спокойно пользуются современные русскіе люди. Однако одинъ вопросъ о времени основанія невской столицы сразу разсѣялъ бы его иллюзію. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только вспомнить, что столица наша существуетъ всего двѣсти лѣтъ. Значитъ, всѣ находящіяся тамъ обширныя и сложныя сооруженія далеко не стары.

Что же касается главныхъ капитальныхъ затратъ, напримѣръ, фабрикъ и заводовъ, желѣзнодорожныхъ сооруженій, пароходовъ и т. п., то ихъ исторія и еще короче. Многіе изъ нихъ существуютъ всего нѣсколько десятилѣтій и постоянно пополняются

новыми сооруженіями. Нѣтъ такихъ машинъ и такихъ зданій, которыя имѣли бы вѣчное существованіе, да у фабрикантовъ нѣтъ и расчета задаваться при сооруженіи ихъ подобными цѣлями. Прогрессъ техники требуетъ замѣны устарѣвшихъ машинъ новыми, болѣе усовершенствованными, что часто соединяется съ замѣной непригодныхъ уже къ новымъ механизмамъ фабричныхъ корпусовъ.

Итакъ, масса капиталовъ, которыми располагаетъ данное общество, постоянно мѣняетъ свой составъ. Даже послѣдніе, ближайшіе къ намъ годы имѣютъ огромное значеніе въ смыслѣ образованія новыхъ капиталовъ. Вотъ гдѣ секретъ того возрожденія, которое замѣчается послѣ разорительной войны у націй, располагающихъ обширными запасами труда. Несмотря на то, что война, казалось, совершенно уничтожила національное богатство, непродолжительнаго періода мирной трудовой дѣятельности бываетъ обыкновенно достаточно, чтобы все возвратилось въ прежній уровень. Вѣдь основныя средства страны остались далеко не подорванными: земля не могла быть разрушена, нѣкоторыя машины и зданія также уцѣлѣли, а, главное, сохранилась масса трудящагося населенія, которому стоитъ только напрячь свои силы, чтобы вскорѣ страна опять стала располагать тѣмъ же количествомъ капитала, какъ и до войны. Эти соображенія, которыя были высказаны еще въ половинѣ текущаго столѣтія Дж. Ст. Миллемъ, оказались пророческими въ примѣненіи къ франко-прусской войнѣ. Многихъ сильно поразилъ фактъ, что Франція чрезвычайно быстро оправилась отъ послѣдствій погрома и попрежнему заняла видное мѣсто въ ряду великихъ европейскихъ державъ.

Да и какъ было не удивляться, видя, что, несмотря на огромныя потери, причиненныя военными дѣйствіями, несмотря на пять милліардовъ контрибуціи, народное богатство Франціи не пришло въ упадокъ, а продолжало прогрессивно развиваться?

Секретъ этой могучей жизненной силы и въ данномъ случаѣ заключался въ томъ, что національный трудъ сталъ опять приносить свои плоды. Выгода же сравнительно съ прежнимъ временемъ состояла въ проведеніи нѣкоторыхъ реформъ, усиливающихъ производительность труда, въ особенности въ расширеніи народнаго образованія и установленіи болѣе совершеннаго политическаго режима, чѣмъ какой существовалъ при Наполеонѣ III.

Если капиталъ создается обращеніемъ части общественнаго труда на изготовленіе средствъ производства, то очевидно, что при прочихъ равныхъ условіяхъ тѣ страны будутъ болѣе богаты капиталами, гдѣ трудъ производительнѣе. Съ другой стороны, размѣры капиталовъ должны опредѣляться въ зависимости отъ объема доли труда, затрачиваемаго на изготовленіе предметовъ потребленія. Чѣмъ больше труда затрачивается на производство предметовъ роскоши для богатыхъ людей, тѣмъ меньше остается его на созданіе капитала.

Отсюда, конечно, не слѣдуетъ дѣлать вывода, что чѣмъ меньше страна потребляетъ, тѣмъ лучше для образованія въ ней капитала. Если трудящіеся классы мало потребляютъ, то и трудъ ихъ становится мало производительнымъ и, слѣдовательно, основное условіе созданія капитала ослабляется. Вотъ почему, при огромныхъ прибыляхъ капиталистовъ и бѣдственномъ

положенiи рабочихъ, страна въ цѣломъ можетъ страдать недостаткомъ капиталовъ.

Наконецъ, налоги, взимаемые государствомъ, также оказываютъ влiянiе на образованiе капиталовъ. Чѣмъ больше средствъ беретъ государство на свои цѣли, тѣмъ меньше остается капитала у народа. Однако и это условiе влiяетъ не само по себѣ, а въ связи съ производительностью труда.

Если государство тратитъ деньги, взятыя изъ народнаго дохода, на учрежденiя и предпрiятiя, повышающiя производительность народнаго труда, напримѣръ, на народное образованiе, устройство улучшенныхъ путей сообщенiя и т. п., то оно способствуетъ образованiю капиталовъ. Если же въ расходномъ бюджетѣ государства преобладаютъ траты на непроизводительныя цѣли (чрезмѣрные военные расходы, расходы на бюрократическую систему управленiя), то размѣры капитала страны должны соотвѣтственно уменьшиться. Равнымъ образомъ, если налоги падаютъ по преимуществу на низшiе классы населенiя, то ухудшенiе ихъ положенiя вредно отразится на производительности ихъ труда, а, слѣдовательно, и на образованiи капиталовъ въ странѣ. Мы легко убѣдимся въ справедливости этихъ теоретическихъ положенiй, если сравнимъ, положимъ, Англiю съ Россiей. Въ Англiи мы находимъ высшую производительность труда, высокую заработную плату, равномѣрное распредѣленiе налоговъ и крупные государственные и мѣстные расходы на культурныя цѣли, тогда какъ въ Россiи — бѣдность и обремененность налогами низшихъ классовъ, незначительные расходы государства на культурныя цѣли и слабую производительность труда. Удивительно ли,

что и образованіе капиталовъ у насъ совершается медленно по сравненію съ Англіей?

Наконецъ, говоря объ образованіи капиталовъ, необходимо отмѣтить, что въ настоящее время общество отдѣляетъ долю труда, назначаемую на созданіе средствъ производства, не сознательно. Капиталисты, вырабатывающіе средства производства, повинуются внушеніямъ рынка, отличающимся крайне неопредѣленнымъ и неустойчивымъ характеромъ. Повидимому, въ современномъ обществѣ замѣчается даже тенденція къ чрезмѣрному изготовленію средствъ производства, что вызываетъ несоотвѣтствіе въ различныхъ сторонахъ хозяйственной дѣятельности общества и создаетъ напрасную трату капитала при кризисахъ или депрессіяхъ. Съ другой стороны, самое выдѣленіе части дохода общества на созданіе капитала происходитъ благодаря разнообразнымъ несогласованнымъ другъ съ другомъ и неурегулированнымъ стремленіямъ капиталистовъ къ прибыли и наживѣ, сбереженіямъ лицъ свободныхъ профессій, желающихъ обезпечить себѣ доходъ подъ старость, сбереженіямъ самихъ трудящихся классовъ и т. д.

Перейдемъ теперь къ послѣднему вопросу въ ученіи о капиталѣ — объ историческихъ формахъ накопленія. Посмотримъ, не является ли фактъ сосредоточенія капиталовъ въ настоящее время въ рукахъ немногихъ лицъ результатомъ того, что въ прошломъ нѣкоторые члены общества отличались особымъ, сравнительно со всѣми остальными, трудолюбіемъ и бережливостью.

Ходячее идиллическое представленіе о накопленіи богатства упорными трудами отдаленныхъ предковъ легко разрушается, если обратиться хотя бы къ

бѣглому просмотру дѣйствительныхъ историческихъ фактовъ. Извѣстно, напр., что въ созданіи крупныхъ европейскихъ капиталовъ значительную роль играла, между прочимъ, торговля съ новооткрытыми заокеанскими странами.

Что же представляла собой европейская колоніальная торговля въ XVI, XVII и XVIII вв.?

Всѣ имѣющіяся на этотъ счетъ свидѣтельства единодушно раскрываютъ передъ нами картину всевозможныхъ хищеній, насилій и обмана. Европейскіе авантюристы сбывали туземцамъ по чрезмѣрной цѣнѣ вещи, иногда имъ ни на что ненужныя, добывая себѣ взамѣнъ туземные продукты по баснословно дешевымъ цѣнамъ. Въ началѣ XVIII вѣка Hudsonbay-Company продавала свои товары туземцамъ съ прибылью въ 2000%. Португальцы наживали «обыкновенно» 400% на экспортируемыхъ ими товарахъ. И, наоборотъ, тѣ же самые португальцы покупали мѣстные продукты по цѣнѣ, вдесятеро меньшей, чѣмъ по какой они перепродавали ихъ впослѣдствіи. Напр., въ Остъ-Индіи они платили 3—5 дукатовъ за центнеръ перца, за который они въ Лиссабонѣ выручали 40 дукатовъ. Естественно, что въ пришествіи европейцевъ туземцы видѣли стихійное бѣдствіе, внезапно обрушившееся имъ на голову и наполнявшее ихъ сердца отчаяніемъ или жаждой мести. Жители Молуккскихъ острововъ отчасти сами истребили у себя гвоздичныя деревья, которыя они считали причиной своихъ бѣдствій (такъ какъ ради нихъ пріѣзжали торговцы пряностями). Представители Hudsonbay-Company постоянно заботились о томъ, чтобы ворота ихъ форта были крѣпко заперты на ночь, потому что въ противномъ

случаѣ тѣ же самые индѣйцы, съ которыми они вели торговлю въ теченіе дня, вернулись и перерѣзали бы ихъ [1]).

Но колоніальная дѣятельность европейцевъ не ограничивалась торговлей. Еще итальянскія республики широко пользовались подневольнымъ трудомъ въ колоніяхъ, съ чѣмъ связывалась и все развивавшаяся торговля рабами. Съ открытіемъ же новыхъ земель извлеченіе барышей изъ рабскаго и зависимаго труда приняло грандіозные размѣры. Достаточно вспомнить хотя бы о водвореніи негровъ на американскомъ континентѣ. Въ концѣ XVIII вѣка цифра ежегоднаго привоза негровъ-рабовъ въ Америку составляла не менѣе 100.000. «Во всякомъ случаѣ, внѣ сомнѣнія, говоритъ Зомбартъ,—что дѣло идетъ о милліонахъ и милліонахъ человѣческихъ жизней, доставленныхъ Африкой въ теченіе трехъ столѣтій на плантаціи и горные промыслы европейскихъ колоній для того, чтобы эти люди наполнили тамъ карманы предпринимателей и затѣмъ присоединились бы къ своимъ предкамъ, не оставивъ ни слѣда о своемъ земномъ существованіи, исчезнувъ, какъ сырой матеріалъ въ продуктѣ, ибо эти милліоны были пересажены на новое мѣсто не для того, чтобы нормально развиваться тамъ; они были пересажены на погибель. Въ 1830-хъ гг. во всѣхъ европейскихъ колоніяхъ вольноотпущенныхъ и рабовъ насчитывалось неполныхъ $2^1/_2$ милліона душъ» [2]). Если европейцы не церемонились съ рабами, которые все же представляли для нихъ цѣнность, какъ

[1]) *Sombart*, Der moderne Kapitalismus, Bd. I, стр. 329—331.
[2]) *Sombart*, ук. соч., стр. 350—351.

средство производства, то при встрѣчѣ съ независимыми туземными племенами они попросту истребляли ихъ, чѣмъ особенно прославились піонеры европейской колонизаціи Америки — испанцы. Перу въ 1575 г., т.-е. черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ завоеванія, имѣла еще 1.500.000 жителей; въ 1793 г. ихъ было только 600.000. На Ямайку первые испанцы поселились въ 1503 г., а уже въ 1558 г. тамъ не было ни одного индѣйца и т. д. [1]).

«Не надо забывать, говоритъ Зомбартъ, что хозяйственное развитіе Западной Европы имѣло своимъ необходимымъ условіемъ грабежъ трехъ частей свѣта, что благосостояніе безчисленныхъ цвѣтущихъ и богатыхъ народовъ Стараго и Новаго Свѣта создало средства, которыя вызвали къ жизни европейскій капитализмъ. Богатство итальянскихъ городовъ также необъяснимо безъ обѣднѣнія остальныхъ странъ Средиземнаго моря, какъ расцвѣтъ Португаліи, Испаніи, Голландіи, Франціи, Англіи — безъ предварительнаго уничтоженія арабской культуры, безъ расхищенія Африки, разоренія и опустошенія Южной Азіи и ея острововъ, плодородной Остъ-Индіи и цвѣтущихъ государствъ инковъ и ацтековъ... Западная Европа, для того, чтобы дойти до вершины своего современнаго могущества, въ истинномъ смыслѣ слова вела хищническое хозяйство съ милліонами людей... Если бы пожелали подвести точный балансъ западно-европейскому капитализму, то пришлось бы, какъ было уже указано, записать въ дебетъ громадную трату человѣческихъ жизней... М ы с т а л и б о г а т ы, т а к ъ к а к ъ з а н а с ъ у м е р л и ц ѣ л ы я р а с ы и п л е м е н а, ц ѣ л ы я ч а с т и

[1]) *Sombart*, стр. 348.

свѣта были обезлюдены для насъ (курсивъ Зомбарта)» [1]).

Помимо этихъ поистинѣ грандіозныхъ злодѣйствъ, исторія «первоначальнаго накопленія» каждой капиталистической страны насчитываетъ безчисленный рядъ сравнительно мелкихъ злоупотребленій, которыя приводили, однако, къ созданію очень крупныхъ состояній. Такъ, значительную роль въ образованіи капиталовъ игралъ повсюду ростовщическій кредитъ и откупъ государственныхъ налоговъ. На ряду съ этими способами «накопленія» нельзя не отмѣтить, въ особенности для Россіи, казенные подряды и поставки. Обстоятельное изученіе казенныхъ подрядовъ, хотя бы только во время войнъ, дало бы, безъ сомнѣнія, богатѣйшій матеріалъ для историка русскаго капитализма.

Если, такимъ образомъ, классъ капиталистовъ подготовлялся въ современной Европѣ въ условіяхъ, которыя самые закоренѣлые приверженцы современнаго экономическаго режима не рѣшаются назвать нормальными, то аналогичный процессъ во многихъ случаяхъ создавалъ и необходимый матеріалъ для развитія капитализма въ предѣлахъ самой Европы — классъ неимущихъ наемныхъ рабочихъ. И здѣсь люди, подготовлявшіе такой матеріалъ, поступали далеко не по-рыцарски. Извѣстенъ, напр., процессъ исчезновенія мелкаго крестьянскаго землевладѣнія въ Англіи.

Рядомъ парламентскихъ актовъ объ огораживаніяхъ общинныхъ земель масса свободнаго крестьянскаго населенія (йомены) была лишена ея общин-

---

1) *Sombart*, указ. соч., стр. 326 и 348.

ныхъ участковъ, которыми она владѣла прежде на равныхъ правахъ съ лэндлордами. Благодаря этой насильственной и, очевидно, несправедливой мѣрѣ, мало-по-малу изъ англійской жизни исчезъ тотъ классъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ, который еще въ XVII вѣкѣ составлялъ замѣтную долю англійскаго населенія, благодаря которому въ значительной мѣрѣ былъ достигнутъ успѣхъ «славной англійской революціи» (glorious revolution), съ которымъ Кромвель одержалъ свои побѣды. Но не прошло и ста лѣтъ, какъ этотъ классъ совершенно исчезъ. Вслѣдствіе процесса огораживанія, мелкіе собственники уже не могли поддерживать своего существованія земледѣліемъ и старались развязаться съ оставшейся у нихъ землей, сбывая ее за безцѣнокъ, чѣмъ особенно воспользовалось народившееся къ тому времени богатое купеческое сословіе. Купцы имѣли громадный стимулъ для пріобрѣтенія земель, потому что на почвѣ сосредоточенія земельныхъ богатствъ пріобрѣталось въ Англіи политическое значеніе. Мало-по-малу черезъ посредство землевладѣнія купцы входили въ составъ англійскаго дворянства и получали доступъ къ парламентскимъ выборамъ, должностямъ и почестямъ [1]). Такъ посредствомъ обезземеленія мелкихъ собственниковъ создались тѣ кадры безземельнаго пролетаріата, которыми легко можно было воспользоваться для нуждъ нарождающейся крупной индустріи.

И въ современной жизни, разсматривая процессъ сосредоточенія капиталовъ въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, мы также натолкнемся на цѣлый рядъ такихъ

---

[1]) *А. Тойнби,* «Промышленный переворотъ въ Англіи». *Марксъ,* «Капиталъ», т. I.

явленій, которыя никоимъ образомъ нельзя подвести подъ понятіе труда капиталистовъ. Вспомнимъ хотя бы о биржевыхъ манипуляціяхъ, вся сущность которыхъ заключается не въ созданіи новыхъ цѣнностей, а въ простомъ перемѣщеніи ихъ изъ рукъ однихъ, менѣе счастливыхъ и менѣе знающихъ тонкости биржевого механизма, въ руки другихъ, болѣе удачливыхъ или болѣе ловкихъ дѣльцовъ.

Какимъ путемъ накопляются богатства въ биржевомъ мірѣ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Извѣстный французскій политическій дѣятель Адольфъ Тьеръ выступилъ съ экономическимъ памфлетомъ, въ которомъ онъ старался доказать, что въ основѣ всякой собственности лежитъ трудъ собственника, а, между тѣмъ, одна страничка изъ исторіи личной жизни этого краснорѣчиваго защитника частной собственности нагляднѣйшимъ образомъ опровергаетъ его теорію, изображая гораздо реальнѣе, какъ именно пріобрѣтаются собственникомъ его капиталы. Въ то время, когда Тьеръ былъ министромъ, онъ принималъ живое участіе въ биржевыхъ операціяхъ, но такъ какъ этого нельзя было дѣлать открыто, то онъ пользовался услугами тестя. Съ внѣшней стороны дѣло было обставленно слѣдующимъ образомъ. Не проходило дня, чтобы нѣжно любящій тесть не посылалъ справляться о здоровьѣ своего зятя и его супруги, и если получались извѣстія, что онъ или супруга не особенно здоровы, то родитель отправлялся на биржу, и удрученный горемъ, представляя себѣ все въ мрачномъ свѣтѣ, игралъ на пониженіе; когда же, наоборотъ, получались хорошія извѣстія, тогда имъ овладѣвало радостное чувство, и онъ принималъ противоположную

тактику, играя на повышеніе. Такъ передача административныхъ тайнъ дала возможность Тьеру нажить при посредствѣ тестя огромныя суммы.

II.

Въ предшествующемъ изложеніи мы пытались выяснить характеръ и значеніе отдѣльныхъ элементовъ производственной дѣятельности человѣческихъ обществъ. Обратимся теперь къ разсмотрѣнію общей организаціи этой дѣятельности.

На всемъ извѣстномъ намъ протяженіи человѣческой исторіи мы находимъ существенную разницу между политической и экономической организаціей общества. Въ политическую жизнь съ незапамятныхъ временъ проникло начало сознательнаго регулированія. Идея государственнаго единства даже при примитивныхъ условіяхъ быта находила себѣ воплощеніе въ лицѣ вождя, совѣта старѣйшинъ, народнаго собранія и т. п. Чѣмъ дальше подвигалось культурное развитіе какого - либо общества, тѣмъ опредѣленнѣе и устойчивѣе становились въ немъ функціи государственной власти. Не то мы видимъ въ экономической жизни [1]).

При системѣ замкнутаго домашняго хозяйства, въ городскомъ ремеслѣ, въ современномъ капиталистическомъ строѣ мы видимъ лишь дѣятельность

---

[1]) Нѣкоторые факты изъ быта дикихъ племенъ, указывающіе на совмѣстное выполненіе хозяйственныхъ задачъ, едва ли могутъ считаться сознательнымъ регулированіемъ процесса производства. Это, скорѣе, случаи инстинктивнаго приспособленія къ условіямъ борьбы за существованіе, которые требовали иногда общей дѣятельности.

отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ, не связанныхъ другъ съ другомъ какой-либо объединяющей сознательной организаціей. Въ каждомъ хозяйственномъ предпріятіи частныя лица завѣдуютъ дѣломъ и ведутъ его по личному почину и усмотрѣнію. Единство общественнаго и народнаго хозяйства устанавливается лишь благодаря отношеніямъ между этими независимыми единицами. Въ эпоху замкнутаго хозяйства такія связи еще настолько слабы, что опредѣленность общественнаго союза достигается не на почвѣ его экономической дѣятельности, а государственныхъ учрежденій, единства языка и національности, общности духовной культуры и т. п. Экономическое строеніе общества въ это время подобно устройству несовершенныхъ организмовъ въ растительномъ или животномъ мірѣ, которые могутъ быть дѣлимы на части безъ потери жизни и безъ нарушенія ихъ существенныхъ свойствъ. Въ средневѣковомъ строѣ, съ его дѣленіемъ на городское ремесленное и деревенское хозяйства, экономическія отношенія между различными хозяйственными единицами становятся уже болѣе тѣсными. Наконецъ въ эпоху капитализма, благодаря широкому проведенію принципа раздѣленія труда, они достигаютъ чрезвычайнаго напряженія и сложности. Въ эту же эпоху выдвигается съ наибольшей опредѣленностью и идея сознательнаго регулированія хозяйственнаго строя, такъ какъ неупорядоченность общаго хода экономической дѣятельности порождаетъ, при крайней сложности отношеній между отдѣльными хозяйствами, серьезныя общественныя бѣдствія.

Итакъ, чтобы разобраться въ строѣ экономической дѣятельности общества, намъ необходимо прежде

всего выяснить существенныя черты хозяйственныхъ предпріятій.

Подъ хозяйственнымъ предпріятіемъ въ экономической наукѣ понимается соединеніе производственныхъ силъ въ виду извѣстной хозяйственной цѣли, какъ самостоятельная организація, глава которой (хозяинъ, мастеръ, фабрикантъ, заводчикъ, вообще предприниматель) имѣетъ юридическое право распоряжаться данными силами по собственному усмотрѣнію. Предпріятіе, смотря по его субъекту, можетъ быть частнымъ или государственнымъ, единоличнымъ или коллективнымъ (когда хозяиномъ является не физическое, а юридическое лицо). Съ точки зрѣнія значенія предпріятій въ хозяйственной жизни страны особаго вниманія заслуживаетъ классификація ихъ по размѣрамъ—на крупныя и мелкія.

Говоря вообще, крупное предпріятіе имѣетъ значительную выгоду передъ мелкимъ въ сбереженіи общихъ издержекъ (на зданія, ремонтъ и т. д.), въ болѣе широкой возможности проведенія раздѣленія труда, въ большихъ удобствахъ для пріобрѣтенія необходимыхъ для производства матеріаловъ и орудій и для сбыта изготовленныхъ продуктовъ. Напр., большая паровая машина обходится дешевле, чѣмъ нѣсколько мелкихъ, развивающихъ вмѣстѣ такое же количество силы. Въ семидесятыхъ годахъ вычисляли издержки полученія одной паровой лошадиной силы при машинахъ въ 100 силъ въ 7 пфенниговъ, а при машинахъ въ 2 силы — въ 44 — 95 пфенниговъ [1]). Постройка одного большого магазина обойдется дешевле, чѣмъ нѣсколькихъ мелочныхъ лавочекъ съ

[1]) *Schmoller,* указ. сочин., стр. 212—213.

равной суммой торговыхъ оборотовъ. Вполнѣ очевидно, что выгоды раздѣленія и соединенія труда тамъ, гдѣ такая форма организаціи работы возможна, доступны въ безконечно большей мѣрѣ крупнымъ, чѣмъ мелкимъ предпріятіямъ. Наконецъ закупка сырья въ большихъ количествахъ и оптовый сбытъ изготовленныхъ продуктовъ могутъ быть выполнены въ крупныхъ предпріятіяхъ съ большей выгодой, чѣмъ въ мелкихъ. Крупный предприниматель лучше знаетъ условія рынка и лучше можетъ воспользоваться ими, такъ какъ онъ не связанъ необходимостью обращаться къ торговому посреднику.

Однако было бы неправильно, исходя изъ этихъ общихъ соображеній, заключать о сравнительной выгодности крупнаго производства во всѣхъ формахъ хозяйственной дѣятельности. Во многихъ случаяхъ спеціальныя неудобства крупныхъ предпріятій ослабляютъ ихъ выгодныя стороны настолько, что борьба между крупной и мелкой формами производства можетъ не только не дать перевѣса крупнымъ хозяйствамъ, но привести къ прямо противоположнымъ результатамъ. Съ этой точки зрѣнія наблюдается существенная разница между взаимнымъ отношеніемъ крупныхъ и мелкихъ предпріятій въ сельскохозяйственной и обрабатывающей промышленности. Въ то время какъ въ обрабатывающей промышленности указанныя выгоды проявляютъ свою силу въ полной мѣрѣ и крупное производство мало-по-малу вытѣсняетъ мелкое къ общей выгодѣ для національнаго хозяйства и интересовъ трудящихся классовъ населенія,—въ сельскомъ борьба между крупными и мелкими предпріятіями далеко не такъ опасна для послѣднихъ.

Прежде всего процессъ земледѣльческаго производства представляетъ существенныя особенности, не допускающія широкаго пользованія выгодами коопераціи. Крупныя хозяйства находятся въ этомъ отношеніи не въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ мелкія. Простое сотрудничество, какъ форма организаціи труда, допускающая выполненіе работъ, недоступныхъ силамъ одного человѣка или одной крестьянской семьи, имѣетъ въ земледѣліи значеніе, главнымъ образомъ, при устройствѣ земельныхъ улучшеній (напр., дренажа) и въ такъ называемые «критическіе моменты». Но производство обширныхъ земельныхъ улучшеній можетъ быть выполняемо и мелкими собственниками, если они соединяются въ спеціальные союзы, и легко допускаетъ поддержку со стороны государства или органовъ мѣстнаго управленія. Что же касается «критическихъ моментовъ», то они далеко не такъ остры для мелкаго хозяйства, какъ для крупнаго. Помѣщику нужно много рабочихъ для уборки хлѣба, а крестьянинъ можетъ управиться и одинъ со своей семьей на своемъ небольшомъ участкѣ. Мелкое хозяйство въ данномъ случаѣ имѣетъ несомнѣнныя преимущества. Раздѣленіе труда, которое служитъ такимъ могучимъ орудіемъ въ рукахъ крупныхъ предпріятій въ обрабатывающей промышленности, также весьма мало приложимо въ земледѣліи. Процессъ производства совершается здѣсь съ перерывами и въ различныхъ формахъ въ разное время. На прядильной фабрикѣ работа идетъ круглый годъ съ постояннымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же процессовъ; послѣдовательныя фазы обработки матеріала совершаются здѣсь одновременно. Не то въ

земледѣліи. Нельзя въ одно и то же время пахать и сѣять, жать и молотить. Одинъ работникъ по необходимости долженъ выполнять, смотря по времени года, различныя операціи. Отсутствіе непрерывности процесса производства вредно отражается и на примѣненіи машинъ. Машины бываютъ въ ходу недолго; большую же часть года каждая машина должна стоять праздно. Кромѣ того, при самыхъ крупныхъ размѣрахъ хозяйства приходится пользоваться сравнительно небольшими машинами, такъ какъ пространственное протяженіе поля производства не допускаетъ объединенія дѣятельности работающихъ механизмовъ колоссальнымъ двигателемъ, какъ на фабрикѣ. Работа земледѣльческихъ машинъ не имѣетъ и той математической регулярности и утонченности, какъ на фабрикѣ. Большинство ихъ недалеко ушло въ техническомъ отношеніи отъ простого инструмента. Наконецъ работа земледѣльческихъ машинъ соединяется иногда съ передвиженіемъ по поверхности поля (жатвенная машина, косилка), и неровности или другія неудобства почвы (обиліе камней) могутъ сильно затруднять, а иногда и совсѣмъ не допускаютъ примѣненія машины.

Но если несовершенства земледѣльческихъ машинъ не создаютъ чрезвычайныхъ преимуществъ для пользующихся ими крупныхъ хозяйствъ, то небольшіе размѣры ихъ, а слѣдовательно, и дешевизна, дѣлаютъ ихъ доступными и для мелкихъ земледѣльцевъ, при соединеніи въ товарищества. Какъ показываетъ опытъ Франціи и Италіи, такіе союзы мелкихъ землевладѣльцевъ возможны и при сравнительно невысокомъ уровнѣ умственнаго развитія послѣднихъ. Между тѣмъ, что касается живого труда,

за которымъ и до сихъ поръ необходимо признать главное значеніе въ земледѣліи, то трудъ крестьянина-собственника, какъ мы знаемъ уже изъ предыдущаго, оказывается болѣе интенсивнымъ, а также болѣе обдуманнымъ и бережливымъ, чѣмъ трудъ наемнаго сельско-хозяйственнаго работника.

За крупнымъ хозяйствомъ остается, повидимому, одно преимущество: возможность примѣненія более раціональной системы хозяйства, вкладывая въ дѣло большой капиталъ и пользуясь услугами технически высокообразованнаго управляющаго. Однако при ближайшемъ разсмотрѣніи и эти выгоды оказываются далеко не такими значительными. Раціональность хозяйства не неразрывно связана съ его размѣрами; улучшенный сѣвооборотъ часто можетъ быть одинаково примѣненъ какъ въ крупномъ частновладѣльческомъ, такъ и въ мелкомъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Распространеніе общаго образованія и сельско-хозяйственныхъ знаній можетъ подготовить почву для улучшенія и крестьянскаго хозяйства, а непосредственное руководство (техническіе совѣты) можетъ быть создано устройствомъ спеціальныхъ органовъ (земскіе агрономы, сельскохозяйственныя каѳедры въ Италіи). Капиталъ же мелкія хозяйства могутъ найти, обращаясь къ частному кредиту (кредитъ, открываемый сельскимъ товариществамъ въ Италіи) и къ помощи государства, которая цѣлесообразна даже съ точки зрѣнія финансовыхъ интересовъ государственнаго казначейства. Наконецъ не слѣдуетъ забывать, что очень часто крупное земледѣльческое предпріятіе ведется просто, какъ совокупность мелкихъ хозяйствъ, если земля сдается въ аренду мелкимъ съемщикамъ (какъ, напр.,

это наблюдается у насъ въ огромномъ количествѣ случаевъ).

Въ дѣлѣ сбыта продуктовъ, а также закупки орудій, матеріаловъ для удобренія и т. п., крупныя предпріятія, конечно, имѣютъ преимущества передъ изолированными мелкими хозяйствами. Однако соединеніе мелкихъ земледѣльцевъ въ товарищества открываетъ имъ возможность воспользоваться и этими выгодами (какъ показываетъ примѣръ Франціи и Италіи).

Итакъ, мы приходимъ къ выводу, что успѣшность земледѣльческихъ предпріятій зависитъ не отъ ихъ размѣровъ, а просто отъ экономическаго и культурнаго положенія земельныхъ собственниковъ, будутъ ли это крупные помѣщики или крестьяне. Успѣхъ тѣхъ или другихъ стоитъ въ зависимости отъ ихъ капитала, знаній и разумной иниціативы. Мелкіе земледѣльцы могутъ разоряться отъ дурной системы налоговъ, отсутствія надлежащей организаціи кредита, слабаго распространенія начальнаго образованія и сельско-хозяйственныхъ знаній и т. п., но при чемъ же здѣсь техническія или экономическія выгоды крупнаго землевладѣнія? При такихъ условіяхъ въ постепенномъ исчезновеніи мелкихъ собственниковъ можно видѣть не прогрессивное, а, наоборотъ, регрессивное движеніе экономическаго развитія. Государство не должно поэтому оставаться безучастнымъ зрителемъ совершающагося процесса обѣдненія крестьянской массы, потому что этотъ процессъ въ большой мѣрѣ объясняется и его (въ частности финансовой) политикой. Между тѣмъ сама же государственная власть непосредственно заинтересована въ подъемѣ благосостоянія крестьянской

массы, который не только создастъ лучшихъ плательщиковъ податей на будущее время, но сообщитъ оживленіе и всему ходу экономическаго развитія страны. Впрочемъ, объ этомъ мы будемъ еще имѣть случай говорить въ дальнѣйшемъ изложеніи, а теперь замѣтимъ только, что государственная политика, направленная на улучшеніе крестьянскаго хозяйства, обѣщаетъ принести обильные плоды, такъ какъ государство при этомъ совершенно не становилось бы въ противорѣчіе съ общей тенденціей развитія нашего народнаго хозяйства, а, напротивъ, только расчистило бы и облегчило бы ей путь.

Этими немногими замѣчаніями мы ограничимся относительно значенія мелкаго и крупнаго хозяйства въ земледѣліи. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію различныхъ формъ предпріятій въ обрабатывающей промышленности. Здѣсь насъ съ перваго взгляда поражаетъ большая интенсивность развитія; въ сравнительно короткое время возникаютъ новыя формы, идетъ непрестанная и жестокая борьба, въ которой одни торжествуютъ, другіе гибнутъ. Въ современной намъ жизни мы находимъ разнообразные типы промышленныхъ предпріятій, при чемъ одни занимаютъ господствующее положеніе, другіе влачатъ жалкое существованіе, третьи, несмотря на внутреннія несовершенства, держатся довольно устойчиво, благодаря особенностямъ среды, въ которой они помѣщаются. Чтобы правильно оцѣнить ихъ значеніе, намъ необходимо разсматривать ихъ не только въ томъ видѣ, какъ они представляются теперь, но и въ исторической перспективѣ, въ которой лучше всего видны существенныя черты, сильныя и слабыя стороны каждаго типа.

Начнемъ съ ремесла. Подъ ремесломъ въ экономической наукѣ понимается такая форма промышленнаго предпріятія, при которой мелкіе размѣры оборота и самостоятельность предпринимателя соединяются съ работой на заказъ. Хозяинъ работаетъ или одинъ, или съ помощью членовъ семьи, или съ немногими наемными рабочими. Такая работа возникаетъ естественно изъ замкнутаго домашняго хозяйства, когда нѣкоторые промыслы, требующіе особаго искусства, выдѣляются изъ общаго трудового процесса замкнутой группы. Кузнецъ, кожевникъ, столяръ, портной начинаютъ работать самостоятельно или у себя дома, исполняя разнаго рода заказы, или переходятъ изъ деревни въ деревню, помѣщаясь у заказчиковъ на время работы. Въ исторической жизни мы находимъ ремесло уже въ древности, временемъ же расцвѣта ремесленнаго производства были, какъ мы знаемъ, средніе вѣка (цеховое устройство). Въ XVI и XVII вв. ремесло начинаетъ терпѣть удары со стороны капиталистической домашней промышленности и мануфактуръ. Цеховая замкнутость мало помогаетъ, потому что новыя формы производства захватываютъ мѣстности, стоящія внѣ цеховой регламентаціи. Еще болѣе тяжелыя времена наступаютъ для ремесла съ водвореніемъ крупнаго машиннаго производства и промышленной свободы.

Мы знаемъ, что существенную черту ремесленнаго производства составляетъ работа на заказъ, выполняемая мелкимъ мастеромъ. Поэтому ремесло можетъ существовать болѣе или менѣе устойчиво только при наличности двухъ условій: 1) потребности въ предметахъ, удовлетворяющихъ индивидуаль-

нымъ особенностямъ или вкусамъ потребителей, и 2) ограниченности спроса на извѣстные продукты. Первое условіе служитъ причиной устойчиваго положенія модистокъ, портнихъ, ремесленниковъ, изготовляющихъ особенно изящныя вещи (articles de Paris), рѣдкую мебель и т. п. Второе условіе объясняетъ намъ выгоды работы деревенскихъ ремесленниковъ, защищенныхъ отъ конкуренціи извнѣ ограниченностью района сбыта и близкими отношеніями сосѣдства къ заказчикамъ [1]).

Однако оба эти условія съ теченіемъ времени сильно измѣняются къ невыгодѣ ремесла. Многіе продукты ремесленной работы съ усовершенствованіемъ техники стали доступны и для шаблоннаго массоваго производства; съ другой стороны, развитіе путей сообщенія уничтожило прежнюю замкнутость мѣстныхъ округовъ и создало возможность массоваго сбыта. Въ настоящее время можно сказать, что во всѣхъ промыслахъ, гдѣ производство допускаетъ дѣленіе на простыя операціи и гдѣ виды изготовляемыхъ продуктовъ немногочисленны, ремесло не можетъ разсчитывать на долговременное существованіе. Прежде всего ремесло исчезаетъ подъ непосредственнымъ давленіемъ высшихъ формъ производства. Скорѣе всего это происходитъ въ тѣхъ случаяхъ, когда само ремесло уже подготовило почву для крупныхъ предпріятій. Ремесленникъ не довольствуется иногда выполненіемъ заказовъ, а начинаетъ изготовлять въ свободное время продукты въ рас-

---

1) Въ Германіи, по словамъ *Бюхера*, около половины самостоятельныхъ ремесленныхъ мастеровъ находится теперь въ деревнѣ. См. *K. Bücher*, Die Handwerkerfrage. Schriften d. Vereins f. Socialpolitik, томъ 76, стр. 30—31.

четѣ на будущій спросъ. Небольшой шкафъ съ заранѣе заготовленными продуктами (напр., сапогами и башмаками) превращается мало-по-малу въ спеціальный магазинъ. Публика привыкаетъ покупать вещи прямо, безъ заказа, и крупный капиталистъ, открывая большой сапожный магазинъ, можетъ быть увѣренъ, что его препріятіе не будетъ убыточно. Тогда самостоятельный прежде ремесленникъ начинаетъ уже работать не на заказчиковъ, а на магазинъ, слѣдовательно, превращается въ рабочаго домашней капиталистической промышленности.

Фабрика или капиталистическая домашняя промышленность не всегда, однако, непосредственно вытѣсняютъ ремесленника. Часто бываетъ, что изъ рукъ ремесленника вынимаются различныя частичныя операціи. Напр., въ щеточномъ ремеслѣ фабрика начинаетъ изготовлять палки и выдѣлывать щетину, такъ что на долю ремесленника остается только сборка частей щетокъ въ окончательное издѣліе. Равнымъ образомъ фабрика производитъ теперь металлическія части для многихъ продуктовъ ремесленнаго производства. Другой случай косвеннаго вытѣсненія ремесла мы встрѣчаемъ, когда фабрика дѣлаетъ излишнимъ ремесленный продуктъ, создавая взамѣнъ его новые продукты. Напр., выдѣлка резиновыхъ вещей замѣнила много кожаныхъ издѣлій, изготовлявшихся раньше ремесленниками, эмалированная посуда вытѣсняетъ глиняную и деревянную и т. д.

Наконецъ ремесленное производство исчезаетъ благодаря большимъ магазинамъ, концентрирующимъ сбытъ товаровъ, производившихся ранѣе самостоятельными ремесленниками. Въ большихъ городахъ

квартирная плата настолько высока, что ремесленникъ не можетъ нанимать помѣщеніе, удобное для покупателей (жилищемъ ремесленника служатъ часто подвалы, мансарды), а, съ другой стороны, публика предпочитаетъ сразу купить нѣсколько вещей въ одномъ магазинѣ, чѣмъ заказывать ихъ у различныхъ ремесленниковъ. Когда мы хотимъ купить рамку для фотографической карточки, альбомъ, кошелекъ, тетрадь, виды мѣстностей, памятную книжку, чернильный приборъ, мы отправимся не къ ремесленникамъ, а въ писчебумажный магазинъ, гдѣ всѣ эти вещи можно пріобрѣсти сразу. А вѣдь онѣ изготовляются на дому людьми, зависящими теперь отъ магазина, но которые раньше были (или ихъ отцы) самостоятельными ремесленниками [1]).

Итакъ, въ настоящее время ремесло все больше и больше уступаетъ мѣсто крупному производству. Конечно, было бы странно жалѣть объ этомъ или стараться всѣми мѣрами спасти ремесло. Разъ но-

---

[1]) См. указанный рефератъ *Бюхера* въ 76 томѣ «Schriften des Vereins für Socialpolitik». Какъ быстро исчезаетъ въ послѣднее время ремесло въ большихъ городахъ, можно видѣть изъ данныхъ, приводимыхъ *Шмоллеромъ* въ его Grundriss. Въ 1895 году въ Германіи на 10.000 жителей приходилось:

	Мастеровъ.	Мастеровъ и рабочихъ
Въ городахъ, имѣющихъ болѣе 100.000 жит.	13,4	46
» » отъ 20.000 до 100.000 жит.	27,9	83

Въ мелкихъ городахъ, какъ видимъ, число ремесленниковъ почти вдвое больше. Кромѣ того, въ большихъ городахъ въ группѣ ремесленниковъ показано много такихъ, которые работаютъ на магазины, т.-е. не ремесленниковъ въ собственномъ смыслѣ, а рабочихъ домашней промышленности. *Schmoller*, указ. сочин., стр. 420—421.

выя формы предпріятія технически и экономически совершеннѣе, то никакая сила не могла бы заставить хозяйственное развитіе идти по иному пути. Важно лишь, чтобы эти новыя предпріятія были сознательно регулируемы обществомъ, чтобы положеніе трудящагося человѣка было ограждено въ нихъ дѣятельнымъ контролемъ государственной власти и чтобы былъ подготовленъ удобный переходъ къ дальнѣйшимъ, болѣе совершеннымъ экономическимъ формамъ. Что же касается такихъ ремесленныхъ предпріятій, положеніе которыхъ оказывается пока устойчивымъ и при современномъ промышленномъ строѣ, то, конечно, они не должны быть оставляемы въ ихъ патріархальной неприкосновенности. Мы знаемъ, напр., что работа малолѣтнихъ и подростковъ принимаетъ въ ремеслѣ очень часто ужасающія формы эксплуатаціи, что обученіе мастерству совершается рутинно и съ большой потерей времени. Поэтому и на ремесленныя мастерскія должно быть распространено фабричное законодательство, которое оградило бы интересы учениковъ и подмастерьевъ. Для нормальнаго хода ремесленной дѣятельности необходимы также ремесленныя училища, гдѣ преподавались бы мастерства, которыя по мѣстнымъ условіямъ могутъ разсчитывать на устойчивое существованіе. Для этой же цѣли можетъ служить и устройство музеевъ прикладного искусства, ремесленныхъ выставокъ, изданіе спеціальныхъ періодическихъ органовъ печати и т. п. Чрезвычайно важно также и общее образованіе ремесленниковъ, ремесленныхъ учениковъ и подмастерьевъ, развитіе въ нихъ высшихъ интересовъ и подъемъ ихъ нравственнаго уровня. Въ городахъ такая задача можетъ

быть легко осуществима устройствомъ разумныхъ развлеченій, образовательныхъ союзовъ ремесленниковъ и ремесленныхъ клубовъ.

Перейдемъ теперь къ характеристикѣ другой формы предпріятій, выступившей позднѣе ремесла на историческую арену и экономически болѣе совершенной. Это — домашняя промышленность (именуемая обыкновенно у насъ кустарной). Она составляетъ переходную форму между ремесломъ и фабрикой. Съ ремесломъ ее сближаетъ то обстоятельство, что рабочій домашней промышленности работаетъ въ собственномъ помѣщеніи, съ членами семьи, или, подобно подмастерью, у хозяина, имѣющаго немного рабочихъ; съ фабрикой же у нея то общее, что продукты домашней промышленности изготовляются не на заказъ, а на неопредѣленный и широкій рынокъ. Домашняя промышленность изготовляетъ такіе же шаблонные продукты, какъ и фабрика. Этимъ объясняются ея преимущества передъ ремесломъ, такъ какъ она отвѣчаетъ уже потребности въ массовомъ производствѣ, созданной развитіемъ мѣноваго хозяйства; но отсюда же вытекаютъ и ея несовершенства по сравненію съ фабрикой, такъ какъ, будучи децентрализованной, разбитой на множество мелкихъ предпріятій, домашняя промышленность не допускаетъ того чрезвычайнаго усовершенствованія производственной техники, которое составляетъ могучее орудіе въ рукахъ фабричнаго производства. Домашняя промышленность была довольно широко распространена въ Западной Европѣ (Германіи) въ XV и XVI вв.; въ XVII и XVIII вв. она образуетъ тамъ главную форму промышленности, работающей на широкій

рынокъ [1]). Въ XIX вѣкѣ распространеніе машиннаго производства наноситъ ей жестокіе удары. Несмотря на то, что домашняя промышленность продолжаетъ еще держаться даже въ весьма развитыхъ капиталистическихъ странахъ, въ общемъ она находится несомнѣнно въ упадкѣ, представляя или архаическій пережитокъ старины, или уродливыя формы приспособленія къ новымъ промышленнымъ условіямъ въ тѣхъ темныхъ углахъ общественной жизни, на которые не распространился еще свѣтъ разумнаго общественнаго контроля.

Самостоятельная домашняя промышленность составляетъ старѣйшую форму. Она развилась изъ ремесла, когда возникла возможность расширенія сбыта. Кустарь сталъ изготовлять большое количество однородныхъ издѣлій и продавалъ ихъ самъ въ своей деревнѣ, на ближайшемъ базарѣ или ярмаркѣ. Однако, вскорѣ продажей кустарныхъ издѣлій стали заниматься капиталисты-скупщики, которые могли уже имѣть дѣло съ широкимъ и довольно отдаленнымъ рынкомъ. Въ настоящее время вполнѣ самостоятельные кустари встрѣчаются уже рѣдко не только въ Западной Европѣ, но и въ Россіи, и притомъ по преимуществу въ глухихъ, удаленныхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ еще надобности въ значительномъ расширеніи рынка.

Работа на скупщика поставлена благопріятнѣе въ отношеніи сбыта, потому что скупщикъ располагаетъ довольно значительнымъ капиталомъ и, слѣдовательно, можетъ вести большой рыночный оборотъ. Положеніе домашнихъ рабочихъ, однако, постепенно ухудшается, благодаря посредничеству

1) *Schmoller*, указ. соч., стр. 424.

скупщика, потому что онъ старается, насколько возможно, понизить цѣну на закупаемые у кустарей товары. Кромѣ того скупщики вскорѣ начинаютъ замѣчать, что для нихъ было бы выгоднѣе взять въ свои руки не только сбытъ, но отчасти и самое производство. Поэтому и эта форма домашней промышленности постепенно исчезаетъ, уступая мѣсто третьей — децентрализованной работѣ на крупнаго предпринимателя.

Децентрализованная домашняя работа вооружена, повидимому, болѣе сильными средствами. Скупщикъ покупаетъ при ней сырой матеріалъ и раздаетъ его домашнимъ рабочимъ вмѣстѣ съ готовыми образцами и моделями. Превращеніе въ эту форму въ германской текстильной промышленности произошло уже въ XVIII вѣкѣ, а въ другихъ отрасляхъ — въ XIX. Капиталистъ дѣлалъ и дальнѣйшіе шаги въ организаціи домашняго производства, заботясь о раздѣленіи труда среди домашнихъ рабочихъ и создавая дополнительныя общія мастерскія (для бѣленія и крашенія матерій и т. п.). Напримѣръ, въ изготовленіи платья выдѣлились въ самостоятельныя операціи кройка, шитье, глаженье, прометываніе петель и пришиваніе пуговицъ. Болѣе сложныя или болѣе тяжелыя работы были отдѣлены отъ легкихъ, напр., склеиваніе коробокъ, раскрашиваніе, наклеиваніе этикетокъ и т. д., такъ что явилась возможность воспользоваться трудомъ не только женщинъ, но и дѣтей и стариковъ. Однако, и при такой организаціи домашняя промышленность далеко не располагаетъ всѣми выгодами, доступными для крупнаго производства, а потому не можетъ выдержать конкуренціи фабрики съ ея объединенной работой,

широкимъ проведеніемъ раздѣленія труда и примѣненіемъ машинъ [1]).

Итакъ, домашняя промышленность представляется въ настоящее время во всѣхъ ея формахъ отсталымъ способомъ производства. Дешевизна фабричнаго продукта повсюду вытѣсняетъ домашнюю работу, единственнымъ орудіемъ которой въ борьбѣ съ могучимъ соперникомъ является чрезмѣрное удлиненіе рабочаго дня, привлеченіе къ работѣ всѣхъ членовъ семьи и нищенская заработная плата.

Насколько непосильна для домашней промышленности борьба съ фабричнымъ производствомъ, можно видѣть хотя бы на примѣрѣ Германіи, гдѣ, кстати сказать, существуетъ и лучшая промышленная статистика. За время между двумя промышленными переписями (1882—1895 гг.) количество домашнихъ предпріятій въ текстильной промышленности (гдѣ конкуренція фабрики чувствуется всего сильнѣе) уменьшилось на 72.928, что составляетъ потерю **почти трети** (31%) **всѣхъ** предпріятій. Но, съ другой стороны, данныя тѣхъ же переписей указываютъ намъ и на тотъ фактъ, что въ тѣхъ случаяхъ,

---

1) Если въ какой-нибудь отрасли промышленности, говоритъ *Маршалль*,—трудовыя операціи могутъ быть сведены къ однообразному повторенію однихъ и тѣхъ же движеній, то можно быть увѣреннымъ, что въ этой отрасли будетъ введено рано или поздно машинное производство. Могутъ быть при этомъ задержки и затрудненія; но если данное дѣло можетъ быть ведено въ достаточно широкихъ размѣрахъ, деньги и сила изобрѣтательности будутъ неустанно затрачиваться до тѣхъ поръ, пока задача не будетъ выполнена. Говорятъ, напр., что одинъ знаменитый изобрѣтатель затратилъ 300.000 ф. ст. на усовершенствованіе текстильныхъ машинъ и что эта затрата возвратилась ему съ лихвой. *Marshall*, Principles of Economics, стр. 315.

гдѣ фабрика не имѣетъ возможности конкурировать съ домашнимъ производствомъ, послѣднее даже увеличивается (съ одной стороны, благодаря возрастанію населенія, съ другой — такъ какъ оно вытѣсняетъ ремесло). Въ производствѣ предметовъ одежды, въ мытьѣ бѣлья и пр., гдѣ домашняя промышленность успѣла уже отнять многое отъ ремесла и гдѣ она не встрѣчаетъ еще конкуренціи фабричныхъ заведеній, мы находимъ за тотъ же періодъ возрастаніе предпріятій на 10.016 заведеній и 27.499 лицъ [1]).

Если обратить вниманіе на географическое распредѣленіе домашней промышленности въ Германіи, то окажется, что она болѣе всего распространена *въ горныхъ мѣстностяхъ*, гдѣ ее поддерживаетъ отсутствіе удобныхъ путей сообщенія, по которымъ бы могъ проникать фабричный продуктъ, и *въ большихъ городахъ*, гдѣ существуетъ большой спросъ на различные предметы одежды, изготовленіе которыхъ до сихъ поръ почти еще не затронуто фабричнымъ производствомъ [2]).

Если, такимъ образомъ, домашняя промышленность представляется теперь отсталой формой производства, отчасти вымирающей, отчасти притягивающей къ себѣ наиболѣе беззащитные элементы рабочаго населенія, не нашедшіе мѣста на фабрикѣ, то легко понять, что положеніе рабочихъ, занятыхъ въ такихъ промыслахъ, не можетъ быть лучше положенія фабричныхъ рабочихъ и что, слѣдовательно,

---

1) *H. Rauchberg,* Die Hausindustrie des Deutschen Reiches nach der Berufs-und Arbeitszählung von 14 Juni 1895. Schriften des Vereins für Socialpolitik, т. 87, стр. 82—83 и 86—89.

2) *A. Weber,* Die Hausindustrie und ihre gesetzliche Regelung. Schriften d. V. f. Socialpol., т. 88, стр. 27—29.

переходъ ихъ къ фабричному труду былъ бы большимъ благодѣяніемъ, какъ въ смыслѣ повышенія производительныхъ силъ всего общества, такъ и для нихъ самихъ.

Я приведу нѣсколько примѣровъ, показывающихъ, каковы условія труда въ домашней промышленности, съ одной стороны—въ развитомъ капиталистическомъ строѣ (Англія), съ другой — при слабомъ развитіи капиталистическаго производства (Россія).

Существенныя черты домашней промышленности Англіи ярко отмѣчаются уже самымъ ея названіемъ—sweating system, «система выжиманія пота». Дѣйствительно, рабочіе въ домашней промышленности Англіи принадлежатъ къ наиболѣе беззащитнымъ элементамъ общества. Съ одной стороны, это вдовы, женщины, мужья которыхъ неспособны къ труду, жены докеровъ и т. д., съ другой — русскіе и австрійскіе евреи, наслышавшіеся на радинѣ о хорошемъ положеніи труда въ Англіи. Въ дѣйствительности же, благодаря «системѣ выжиманія пота», они попадаютъ иногда даже въ худшее положеніе, чѣмъ у себя на родинѣ. Не имѣя средствъ и возможности найти другой заработокъ, они съ радостью принимаютъ предложеніе «выжимальщиковъ», которые часто даже поджидаютъ своихъ жертвъ на пристани, гдѣ останавливаются эмигрантскіе пароходы. Тогда для нихъ начинается печальная жизнь, полная каторжнаго труда, который продолжается съ ранняго утра до поздняго вечера съ небольшими перерывами, при чемъ максимумъ платы составляетъ отъ $3^1/_2$ до 7 шилл. въ недѣлю, т.-е. до 16 руб. въ мѣсяцъ, что при дороговизнѣ лондонской жизни составляетъ совершенно нищенскую плату. Изслѣдо-

ватели, изучившіе sweating system, прямо заявляютъ, что жизнь еврейскихъ эмигрантокъ представляетъ не что иное, какъ медленное умираніе. Въ самомъ дѣлѣ, при продолжительномъ и тяжеломъ трудѣ онѣ очень плохо питаются, имѣютъ крайне негигіеническое жилище; обыкновенно у нихъ нѣтъ даже отдѣльной комнаты, а нанимается только постель, при чемъ въ одной постели часто помѣщаются двѣ-три эмигрантки. Въ такой комнатѣ, которая могла бы служить достаточнымъ помѣщеніемъ только для одного лица, живутъ иногда до 12 «потѣльщицъ». Естественно, что, вслѣдствіе тяжелой работы и антисанитарныхъ условій жизни, среди эмигрантокъ развиваются разнообразныя болѣзни.

Не лучше положеніе и англичанокъ, попадающихъ въ руки «выжимальщиковъ пота». Я приведу на выдержку нѣсколько характерныхъ показаній, собранныхъ парламентскимъ изслѣдованіемъ (комиссіей палаты лордовъ), разъясняющихъ лучше всякихъ пространныхъ разсужденій, какъ тяжело живется трудящемуся человѣку, занятому въ англійской домашней промышленности. Читая отчетъ названной комиссіи, невольно поражаешься контрастомъ между богатыми, вліятельными и респектабельными членами комиссіи и представителями несчастной, обездоленной бѣдноты, разсказывающей о своей жизни, полной горечи и лишеній.

Вотъ, напр., стоитъ передъ лордами Изабелла Килликъ, спеціальность которой — отдѣлка брюкъ (trowsers finisher), работающая уже 22 года. Мужъ ея разбитъ параличомъ; есть трое дѣтей (10, 7 и 4 лѣтъ). Работая съ 6 часовъ утра до 8 часовъ вечера, она можетъ отдѣлать 4 пары въ день; за это она полу-

чаетъ, за вычетомъ расходовъ на нитки и проч., около 1 шилл. въ день, т.-е. 7 шилл. въ недѣлю, если работа продолжается и въ праздники. За квартиру приходится платить (за одну комнату) 2 шилл. въ недѣлю. По мѣрѣ того, какъ она разсказываетъ, вопросы лордовъ становятся лаконичнѣе, и весь діалогъ заканчивается такими характерными фразами:

Вопросъ 1560. Итакъ, нужно платить два шиллинга за квартиру?

— Да.

В. 1561. Поэтому вамъ остается всего пять шиллинговъ, чтобы жить на нихъ недѣлю?

— Да.

В. 1562. Изъ этихъ денегъ вы должны платить за отопленіе и покрывать всѣ расходы на жизнь?

— Да, сюда же входитъ отопленіе и освѣщеніе.

Допросъ конченъ. Свидѣтельница удаляется...

А вотъ другая — Мэри Гайсъ, той же спеціальности, вдова-солдатка; имѣетъ трехъ дѣтей; старшая дѣвочка помогаетъ. Работаетъ 19 лѣтъ, со смерти мужа. Условія работы и оплата труда такія же, какъ и предыдущей свидѣтельницы. И въ ея спокойномъ и правдивомъ показаніи также прорываются глубоко трагическія ноты, прикрываемыя общимъ сдержаннымъ тономъ англійской рѣчи:

В. 1589. Какова ваша обычная пища?

— Мнѣ совѣстно сказать такимъ господамъ. Конечно, вы должны знать, что она не можетъ быть очень хороша; въ ней очень мало приходится на мясо.

В. 1591. Вы имѣете мясо разъ въ недѣлю?

— Иногда я имѣю, иногда нѣтъ. Обыкновенно я всячески стараюсь добыть кусочекъ въ воскресенье, если только можно.

В. 1592. Какая же ваша обыкновенная пища,— хлѣбъ?

— Хлѣбъ и чашка чаю, кусочекъ рыбы или чего-нибудь въ такомъ родѣ.

И т. д. и т. д.

О положеніи евреекъ мы уже говорили. Не лучше и работа, выпадающая на долю еврейскихъ рабочихъ-мужчинъ въ домашней сапожной промышленности. Возьмемъ примѣръ изъ этого же изслѣдованія.

Самуилъ Вильдманъ (отдѣлывающій обувь—boot finisher, работаетъ десять лѣтъ; на родинѣ, въ Австріи, былъ учителемъ).

В. 582. Быть-можетъ, вы скажете комиссіи о томъ, въ какомъ положеніи вы оказались, прибывъ въ Лондонъ, какъ долго вы искали работы и что это была за работа?

— Когда я пріѣхалъ въ Лондонъ, я старался три мѣсяца найти какое-нибудь положеніе не въ ремеслѣ, но такъ какъ я увидѣлъ, что не представляется ничего иного, то былъ вынужденъ учиться ремеслу и поступилъ къ сапожнику. Онъ сказалъ мнѣ, что черезъ четыре недѣли я выучусь ремеслу, и, когда это время прошло, онъ сказалъ мнѣ, что я могу уже зарабатывать себѣ пропитаніе...

В. 584. До какого времени вы работали ночью?

— До двѣнадцати первую ночь; въ 12 ч. хозяинъ сказалъ мнѣ, что если я приду въ 5 часовъ на слѣдующее утро, то я буду уходить раньше; я пришелъ въ пять часовъ утра, но онъ держалъ меня до половины перваго ночи, и такъ я долженъ былъ работать четыре недѣли...

Но обученіе кончилось, началась настоящая работа.

Положеніе, однако, не измѣнилось къ лучшему.

— ...Когда я сталъ урочнымъ рабочимъ, я пошелъ къ другому хозяину и попросилъ у него работы; онъ далъ мнѣ работу, но сказалъ, что я долженъ работать отъ 5 или 6 часовъ утра до полуночи. Я спросилъ его: развѣ я, какъ урочный рабочій, долженъ работать такъ же долго, какъ если бы я былъ поденнымъ рабочимъ, получающимъ недѣльную заработную плату? И онъ сказалъ мнѣ, что урочный рабочій долженъ такъ же работать до поздняго времени...

Насколько низка оплата труда, можно видѣть изъ показанія этого же свидѣтеля (и стереотипнаго повторенія у другихъ), что въ среднемъ онъ зарабатываетъ около 15 шилл. въ недѣлю. Иногда работа пріостанавливается, если не бываетъ достаточно заказовъ изъ магазина, но рабочіе должны сидѣть въ мастерской и ждать, пока хозяинъ не принесетъ сапогъ.

В. 615. Сколько времени имѣете вы на обѣдъ?

— 5 или 10 минутъ; мы ставимъ нашъ обѣдъ возлѣ стула, на которомъ мы работаемъ [1]).

Обращаясь къ русской кустарной промышленности, мы также не найдемъ и въ ней такихъ идиллическихъ условій существованія трудящихся людей, какъ склонны думать нѣкоторые. Во всѣхъ случаяхъ, когда кустарю приходится бороться съ крупнымъ фабричнымъ производствомъ, мы встрѣчаемся и здѣсь съ чрезмѣрной эксплуатаціей труда. Фабричный надзоръ не распространяется по нашему законодательству на кустарныя мастерскія, несмотря на то, что

---

1) First Report from the Select Committee of the House of Lords on the Sweating System.

самостоятельность кустаря обыкновенно является призрачной. И нашъ кустарь работаетъ очень часто на богатаго скупщика, а часто и надъ его матеріалами, что вполнѣ соотвѣтствуетъ англійской sweating system. Дешевизна фабричнаго производства заставляетъ кустаря не только самого надрываться надъ работой, но и привлекать къ ней всѣхъ членовъ семьи, чтобы хотя этимъ страшнымъ напряженіемъ труда защититься отъ непосильной конкуренціи съ крупнымъ производствомъ. Если мы посмотримъ, каковы размѣры заработка, вознаграждающаго этотъ каторжный трудъ, то мы найдемъ, что онъ оставляетъ за собой ничтожную плату фабричнаго рабочаго. Такъ, напр., въ ткацкомъ промыслѣ, по вычисленію спеціальнаго изслѣдователя этой отрасли кустарнаго производства, чистый заработокъ ткачихи въ 130 дней равняется 10 рублямъ, что составляетъ 8 коп. платы за 8 ч. дневного труда. Такимъ образомъ заработокъ ткачихи въ среднемъ составляетъ около одной копейки въ часъ. Гвоздарный промыселъ, относительно котораго нѣкоторые изслѣдователи недавно еще высказывались, что ему предстоитъ счастливая будущность, что онъ стойко выдержитъ борьбу съ фабричнымъ производствомъ, также раздѣлилъ судьбу съ другими промыслами, конкурирующими съ фабрикой. За послѣднее время, благодаря конкуренціи кустарнаго гвоздя съ фабричнымъ, заработокъ мужчинъ упалъ до 2 руб., женщинъ до 60 коп. въ недѣлю. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что работа гвоздаря происходитъ въ чрезвычайно негигіенической обстановкѣ. Гвоздарь начинаетъ работать съ 3—4 час. утра и продолжаетъ вплоть до ночи, при чемъ на сонъ остается 5 час. Самая обстановка ма-

стерской. представляетъ верхъ антигигіеничности; копоть и дымъ порождаютъ среди гвоздарей разнообразныя болѣзни дыхательныхъ органовъ. Земскіе врачи установили, что среди этихъ кустарей замѣчается много чахоточныхъ больныхъ. Сверхъ того, благодаря тому, что при работѣ приходится принимать крайне неудобное положеніе, у гвоздарей констатировано неправильное развитіе нѣкоторыхъ органовъ. Искривленіе позвоночнаго столба дѣлаетъ кузнеца-гвоздаря кривобокимъ, даже пальцы его искривляются.

При пріемѣ новобранцевъ изъ мѣстностей, въ которыхъ распространенъ гвоздарный промыселъ, приходится многихъ изъ нихъ браковать въ силу разнообразныхъ физическихъ недостатковъ, которые не только создаются тяжелой работой кустарей, но передаются и дѣтямъ ихъ. Смертность гвоздарей превышаетъ общую норму данной мѣстности, составляя отъ 40 до 50 на тысячу при средней величинѣ въ 30 и 35. Вотъ какими средствами кустарная промышленность отстаиваетъ свое существованіе въ борьбѣ съ фабричнымъ производствомъ [1]).

Выяснивъ условія домашней работы, мы уже легко можемъ сдѣлать выводы и относительно мѣръ, которыя должны быть приняты государствомъ или органами мѣстнаго самоуправленія для ея улучшенія.

Случаи самостоятельной кустарной работы, какъ мы знаемъ, сравнительно рѣдки; но тамъ, гдѣ они

---

[1]) О вытѣсненіи кустарнаго производства фабричнымъ и бѣдствіяхъ кустарей см. главу въ «Курсѣ политической экономіи» *Иванюкова*. Подробный очеркъ борьбы между фабрикой и кустаремъ данъ въ книгѣ *Туганъ-Барановскаго* «Русская фабрика въ ея прошломъ и настоящемъ». Спб., 1898 г.

встрѣчаются, главная забота органовъ общественной власти должна быть направлена на поддержаніе самостоятельности кустарей устраненіемъ на будущее время надобности въ скупщикахъ и на помощь въ технической сторонѣ кустарной работы. Въ ряду такихъ мѣръ особенное значеніе можетъ имѣть открытіе кустарямъ кредита для закупки сырья и сбыта издѣлій, устройство складовъ, выставокъ, техническое образованіе, развитіе художественнаго вкуса. Во всѣхъ этихъ случаяхъ цѣлесообразнѣе оказывать помощь не отдѣльнымъ кустарямъ, а организованнымъ артелямъ ихъ.

Работа на скупщика должна быть регулируема государственной властью устраненіемъ разнаго рода злоупотребленій и, въ частности, ростовщичества. Гдѣ возможно, скупщикъ долженъ быть устраняемъ организаціей сбыта артелями самихъ кустарей съ помощью отъ государства или земства.

Наконецъ децентрализованная работа на крупнаго предпринимателя и домашняя работа въ мелкихъ мастерскихъ должны быть поставлены подъ контроль фабричнаго законодательства, при чемъ главными требованіями представляются: устройство спеціальныхъ мастерскихъ, отдѣльныхъ отъ жилищъ рабочихъ, ограниченіе часовъ труда, по крайней мѣрѣ, для женщинъ, подростковъ и дѣтей (по общимъ нормамъ фабричнаго законодательства), и регулированіе заработка (запрещеніе расплаты товарами). Кромѣ того, государство или города должны заботиться объ устройствѣ дешевыхъ рабочихъ жилищъ на окраинахъ города и удобныхъ средствъ сообщенія. Такимъ путемъ можетъ быть достигнутъ и наилучшій переходъ къ фабричной работѣ, кото-

рая, при надлежащей постановкѣ общественнаго контроля и свободѣ организованной дѣятельности рабочихъ, представляетъ несомнѣнно лучшія условія труда и заработка, чѣмъ домашнее производство.

Вообще же въ дѣлѣ превращенія кустарной промышленности въ фабричную огромное значеніе можетъ имѣть развитіе желѣзнодорожной сѣти. Напр., по словамъ Вебера, въ одной изъ мѣстностей наибольшаго распространенія домашней промышленности (Рула въ Тюрингіи), благодаря устройству удобныхъ путей сообщенія, теперь оказывается «больше фабричныхъ трубъ, чѣмъ башенъ для обозрѣнія видовъ во всей окрестности» [1]).

Итакъ, видя неизбѣжность превращенія домашней промышленности въ фабричное производство, необходимо заботиться лишь о томъ, чтобы переходъ къ новой формѣ былъ сдѣланъ возможно болѣе удобнымъ для трудящагося населенія. При обычныхъ условіяхъ борьбы между кустаремъ и фабрикой такой переходъ принимаетъ тяжелыя формы и вредно отзывается на положеніи другихъ фабричныхъ рабочихъ, въ среду которыхъ проникаютъ новые элементы съ низкимъ уровнемъ жизни, привыкшіе къ угнетенію и эксплуатаціи.

Переходя теперь къ характеристикѣ объединенныхъ крупныхъ предпріятій (въ особ., фабричныхъ), мы уже на основаніи предыдущаго изложенія можемъ видѣть, что они имѣютъ всѣ шансы на господ-

---

[1]) Съ водвореніемъ фабричнаго производства мѣняется и характеръ рабочихъ жилищъ. Въ той же мѣстности, послѣ вытѣсненія домашней работы фабрикой, въ настоящее время уже болѣе 800 рабочихъ ежедневно приходятъ въ городскія мастерскія изъ окрестностей, простирающихся радіусомъ болѣе чѣмъ на двѣ мили. *Weber*, указ. соч., стр. 32—33.

ство при существующемъ экономическомъ строѣ. При этомъ подъ крупными предпріятіями мы понимаемъ такія, гдѣ предприниматель совершенно не участвуетъ въ непосредственной работѣ и гдѣ даже трудъ высшаго управленія (директора фабрики, завода) находится (или по условіямъ дѣла можетъ находиться) въ рукахъ наемнаго лица. Конечно, въ такихъ предпріятіяхъ помѣщается большой капиталъ и обыкновенно бываетъ занято много рабочихъ. Насколько растутъ крупныя предпріятія въ настоящее время, показываетъ, напр., промышленная статистика Германіи. Я приведу лишь одну табличку, наглядно рисующую ростъ крупнаго производства въ этой странѣ за послѣдніе годы [1]).

Группы предпріятій.	Приходилось на каждыя 100 предпріятій.		Лицъ.		Увеличеніе (+) или уменьшеніе (—) въ процентахъ.	
	въ 1895 г.	въ 1882 г.	въ 1895 г.	въ 1882 г.	Предпріятій.	Лицъ.
Мелкихъ предпріятій:						
Единичныхъ предпріятій безъ двигателя.	54,5	62,5	16,7	25,6	—8,7	— 8,7
Предпр. съ рабочими отъ 1 до 5 челов.	38,8	33,4	29,8	33,4	+ 21,4	+ 24,3
Всего	93,3	95,9	46,5	59,0	+ 1,8	+ 10,0
Среднихъ предпріятій:						
съ 6—10 рабоч.	3,6	2,3	8,1	6,8	+ 65,1	+ 66,6
„ 11—50 „	2,5	1,5	15,8	12,2	+ 76,9	+ 81,8
Всего	6,1	3,8	23,9	19,0	+ 69,7	+ 76,3
Крупныхъ предпріятій:						
съ 51—200 рабоч.	0,5	0,3	14,0	10,1	+ 93,0	+ 93,9
„ 201—1000 „	0,1	0,0	11,2	9,0	+ 75,6	+ 75,8
выше 1000 „	0,0*)	0,0**)	4,4	2,9	+100,8	+110,5
Всего	0,6	0,3	29,6	22,0	+ 90,0	+ 88,7
Общій итогъ	100	100	100	100	+ 4,6	+ 39,9

*) Абсолютное число—225.

**) Абсолютное число—127.

[1]) *Prof. H. Rauchberg*, Gewerbe und Handel im Deutschen Reich. Braun's Archiv. Berlin, 1900, XVI Bd., 1 и 2 Heft, стр. 163.

Необходимо имѣть въ виду, что и среднія предпріятія этой таблицы по нашей терминологіи (во всякомъ случаѣ, вторая половина ихъ) должны быть причислены къ крупному производству. Просматривая два послѣднихъ столбца, мы легко видимъ, какія предпріятія болѣе всего преуспѣваютъ въ наше время. Если мы обратимся къ распредѣленію по различнымъ группамъ производствъ, то найдемъ, что крупныя предпріятія всего болѣе развились въ группахъ горнаго дѣла, химической промышленности, текстильной, машиностроительной и бумажной. Въ каждой изъ этихъ отраслей уже большая половина рабочаго персонала занята въ крупномъ производствѣ (выше 50% рабочихъ). Выше 60% всѣхъ вообще лицъ, занятыхъ въ крупной промышленности, приходится на эти 5 группъ и притомъ $^1/_4$—24,63% на горное дѣло, болѣе $^1/_5$—21,56%—на текстильную промышленность. Къ этимъ группамъ по преимуществу относятся и колоссальныя предпріятія, имѣющія болѣе 1.000 рабочихъ[1]).

Итакъ, тенденціей развитія промышленности въ капиталистическомъ строѣ является постепенная концентрація капиталовъ[2]). Ее формулировалъ впер-

---

[1]) *H. Rauchberg*, указ. соч., стр. 19

[2]) Мнѣніе, что эта тенденція должна парализоваться употребленіемъ мелкихъ (электрич., газовыхъ и т. п.) двигателей также не находитъ себѣ подтвержденія. Наблюденіе показываетъ, что тамъ,гдѣ мелкія предпріятія, вообще, *экономически* устойчивы, ихъ *техническая* реорганизація, въ смыслѣ употребленія мелкихъ двигателей, укрѣпляетъ ихъ положеніе, тамъ же, гдѣ они вытѣсняются крупнымъ производствомъ, и примѣненіе новыхъ двигателей не въ состояніи спасти ихъ. См. *G. Zoepfl*, Nationalökonomie der technischen Betriebskraft. Iena. 1903, стр. 174—205.

вые Марксъ, но въ общихъ выраженіяхъ, что подало поводъ нѣкоторымъ изъ его послѣдователей настаивать на существованіи такой тенденціи и въ развитіи сельскаго хозяйства. Самъ Марксъ не выражался вполнѣ опредѣленно на этотъ счетъ, но, повидимому, и онъ былъ того мнѣнія, что указанная имъ тенденція распространяется на всѣ отрасли производства. Мы видѣли уже, что для сельскаго хозяйства необходимо признать иные принципы развитія. Съ другой стороны, Марксъ понималъ подъ концентраціей капиталовъ сосредоточеніе имущества въ рукахъ немногихъ лицъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ увеличиваются размѣры предпріятій, число же владѣльцевъ капитала измѣняется вовсе не согласно съ этой тенденціей.

Чтобы яснѣе представить себѣ процессъ концентраціи предпріятій въ современномъ строѣ общественнаго хозяйства, мы остановимся еще на такихъ формахъ предпріятій, которыя появились именно въ видахъ приспособленія къ условіямъ этого строя. Таковы акціонерныя компаніи, синдикаты и трёсты и государственныя и муниципальныя предпріятія.

По мѣрѣ развитія крупнаго производства задачи его стали не подъ силу самымъ богатымъ единичнымъ капиталистамъ. Предпріятія принимаютъ весьма часто акціонерную форму, которая примѣнялась и ранѣе въ торговлѣ (привилегированныя торговыя компаніи XVII и XVIII вв.), но которая въ области производства впервые развилась въ XIX в. Въ видѣ акціонерныхъ компаній на промышленную сцену выступаетъ ассоціація капиталовъ, соединеніе нѣсколькихъ капиталистовъ, концентрирующихъ въ своихъ рукахъ огромныя суммы, составленныя иногда

изъ сравнительно небольшихъ долей. Грандіозныя желѣзнодорожныя и банковыя предпріятія, большіе фабрики и заводы, горныя предпріятія получили возможность существовать въ видѣ частнохозяйственныхъ учрежденій только благодаря акціонерной формѣ, которая позволила крупнымъ капиталистамъ привлечь къ дѣлу и незначительныя сбереженія лицъ, которыя при иныхъ условіяхъ не принимали бы непосредственно участія въ промышленной дѣятельности и которымъ, во всякомъ случаѣ, было бы немыслимо устраивать большія предпріятія. Въ большинствѣ европейскихъ государствъ акціонерныя компаніи занимаютъ весьма видное мѣсто въ общемъ строѣ хозяйственныхъ предпріятій. Такъ, напр., въ Пруссіи за послѣднее время (1902—03 гг.) насчитывалось 2.554 акціонерныхъ компаніи съ собственнымъ (акціонернымъ) капиталомъ въ 6.622 милл. марокъ, резервнымъ фондомъ въ 1.027 милл. марокъ и занятымъ капиталомъ (облигаціи, гипотеки, иные займы)—въ 1.762 милл. марокъ [1]). Если же мы возьмемъ такую страну, какъ Англія, гдѣ капиталистическое развитіе пошло дальше, чѣмъ въ другихъ государствахъ, то мы найдемъ, что тамъ въ 1904 г. насчитывалось болѣе 37 тыс. акціонерныхъ компаній съ уплаченнымъ акціонернымъ капиталомъ въ 1.899 милл. фунт. стерл., что составитъ около 18 тыс. милл. рус.

---

[1]) Wörterbuch der Volkswirtschaft, herausg. v. Elster, I Bd. 2 Aufl., Jena 1906, стр. 60 — 61 (статья Rathgen'a: Actiengesellschaften). Во всей Германіи въ одной только сферѣ собственно промышленнаго производства (т.-е. исключая банки, транспортныя предпріятія и т. д.) въ 1900 г. насчитывалось 3.162 акц. компаніи съ капиталомъ (включая займы и гипотеки) въ 7.443 милл. марокъ. См. *Sombart*, Die deutsche Volkswirtschaft in 19 Jahrhundert. Berlin. 1903, стр. 588—591.

рублей или 36 тыс. милл. германскихъ марокъ [1]). Однако по мѣрѣ развитія капиталистическаго строя и эта концентрація капиталовъ оказалась недостаточной. Благодаря ожесточенной конкуренціи между отдѣльными предпріятіями, характеризующей современную экономическую жизнь, для капиталистовъ оказалось необходимымъ еще болѣе концентрировать свои силы. Въ послѣднее время наблюдается (въ особенности, въ Америкѣ) весьма характерное явленіе, именно, что отдѣльныя компаніи соединяются въ еще бóльшія коалиціи, называемыя синдикатами или трёстами. Такое колоссальное объединеніе капиталовъ даетъ возможность примѣнить наилучшіе техническіе пріемы производства и сбыта, и, слѣдовательно, вытѣснить болѣе отсталыхъ конкурентовъ, удешевить продукты и найти для нихъ болѣе обширный рынокъ. Однако было бы неправильно думать, что въ синдикатахъ современный капиталистическій міръ нашелъ ключъ къ устраненію основныхъ неустройствъ и противорѣчій экономическаго режима. Имѣя въ новой организаціи промышленныхъ предпріятій хорошее средство къ успѣшному преодолѣнію препятствій, полагаемыхъ существующей экономической борьбой, капиталисты-предприниматели употребляютъ эту силу не въ интересахъ класса потребителей или занятыхъ у нихъ рабочихъ, а ради полученія возможно высшей прибыли. По самой своей

---

[1]) При этомъ бóльшая часть компаній (89% всего числа ихъ) и вложеннаго капитала (90%) приходилась на собственную Англію (на Шотландію — 8% компаній и 8 же % капитала, на Ирландію — 3% компаній и 2% капитала). Wörterbuch, I, стр. 66.

сущности торгово-промышленные синдикаты являются не болѣе какъ чудовищными монополіями, возникшими на почвѣ приспособленія капиталистовъ къ современнымъ отношеніямъ производства и обмѣна. Наибольшаго развитія эта новая форма промышленныхъ предпріятій достигла въ Америкѣ, которая въ этомъ отношеніи ушла дальше другихъ культурныхъ странъ по пути капиталистической эволюціи. Особенно интереснымъ изъ американскихъ синдикатовъ представляется Standard Oil Company (синдикатъ керосинозаводчиковъ). Компанія эта, постепенно присоединяя къ себѣ все новыя и новыя предпріятія, къ 80-мъ годамъ обратилась въ колоссальный союзъ, захватившій все керосиновое дѣло Америки. Вскорѣ послѣ того, какъ нефть стала предметомъ обширной торговли и возникли крупные заводы для ея рафинированія, образовался и керосиновый синдикатъ. Въ 1872 г. всѣ существовавшія компаніи по рафинированію нефти въ Кливлэндѣ, Питтсбургѣ и Пенсильваніи (Standard Oil Companies) составили союзъ подъ названіемъ South Improvement Company. Онѣ боролись со своими конкурентами, стоявшими внѣ союза, путемъ заключенія сдѣлокъ съ обществами желѣзныхъ дорогъ. Обязавшись перевозить всю свою нефть по этимъ желѣзнымъ дорогамъ, онѣ выговорили для себя болѣе дешевую плату за перевозку, при чемъ желѣзныя дороги должны были возвращать уступаемую часть не только за перевозъ нефти, принадлежащей синдикату, но и всякой другой компаніи. Въ результатѣ этой сдѣлки члены Standard Oil Companies получили огромныя выгоды, потому что за провозъ бочки нефти они платили всего 44 цента, тогда какъ ихъ конкуренты уплачивали 1 долл.

50 цент., при чемъ разница въ 1 долл. и 6 ц. доставалась не желѣзнымъ дорогамъ, а уплачивалась ими Standard Oil синдикату.

Таковы были первые шаги керосиноваго синдиката. При помощи средствъ борьбы, подобныхъ указаннымъ, соединившіяся компаніи быстро вытѣснили своихъ конкурентовъ и уже къ 1875 году монополизировали въ своихъ рукахъ все керосинорафинадное дѣло Америки. За это время въ одной только Пенсильваніи было откуплено ими, взято въ аренду или доведено до банкротства около 70 рафинадныхъ заводовъ. Достигши такого могущества, Standard Oil Company принялась за техническія улучшенія керосиноваго дѣла. Были проложены трубы, соединяющія Нью-Йоркъ, Филадельфію, Балтимору, Буффало, Питтсбургъ, Кливлэндъ и Чикаго, и цѣлый рядъ придаточныхъ трубъ, соединяющихъ эти мѣста съ источниками добыванія нефти. Тысячи огромныхъ резервуаровъ были построены для храненія излишняго количества нефти. Затѣмъ компанія взяла въ свои руки производство бочекъ и другихъ вспомогательныхъ предметовъ, связанныхъ съ производствомъ нефти и керосина, что дало огромныя сбереженія. Въ 1881 году собственники 15 нефтяныхъ компаній сорганизовались формально въ видѣ трёста, т.-е. учрежденія, въ которомъ существуетъ общее центральное управленіе, поручаемое нѣсколькимъ избраннымъ акціонерамъ. Въ 1884 г. въ Standard Oil Trust вошла послѣдняя изъ конкурирующихъ компаній, канадская Tidewater Company, и съ этихъ поръ этотъ синдикатъ не только сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ монополію на американскомъ рынкѣ, но простираетъ свой контроль и

на продажу нефти и керосина и на отдаленныхъ европейскихъ рынкахъ. Не довольствуясь монополизированіемъ добытой нефти, Standard Oil Trust за послѣдніе годы пріобрѣлъ много участковъ земли, на которыхъ добывается нефть, вытѣсняя частныхъ владѣльцевъ нефтяныхъ колодцевъ, у которыхъ раньше приходилось покупать сырую нефть по сравнительно дорогой цѣнѣ [1]). Немало такихъ примѣровъ мы видимъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ. Есть попытки образованія синдикатовъ и въ нашемъ отечествѣ, но въ своеобразныхъ формахъ (каковъ, напр., нашъ сахарный синдикатъ, основывающійся не на одномъ соглашеніи придпринимателей, но и на законодательномъ регулированіи). Мы уже упоминали, что синдикаты устраиваются исключительно въ интересахъ капиталистовъ и потому далеко не могутъ быть названы благодѣтельными учрежденіями ни для рабочихъ, ни для потребителей. Между тѣмъ въ экономической литературѣ можно встрѣтить противоположное мнѣніе. Нѣкоторые изслѣдователи склонны преувеличивать значеніе торгово-промышленныхъ синдикатовъ. Такъ, напримѣръ, проф. Янжулъ, который былъ посланъ въ Америку съ порученіемъ отъ Министерства Финансовъ, написалъ, на основаніи изученія вопроса на мѣстѣ, обширное изслѣдованіе объ американскихъ синдикатахъ, въ которомъ онъ приходитъ къ выводамъ, говорящимъ въ пользу этой формы промышленной дѣятельности. Проф. Янжулъ видитъ въ синдикатахъ такую организацію предпріятій, которая устраняетъ много недостатковъ въ современ-

---

1) См. *Гобсонъ* «Эволюція капитализма», глава о синдикатахъ.

номъ экономическомъ строѣ, способствуя выгодамъ не только самихъ предпринимателей, но и потребителей и рабочихъ. Легко видѣть ошибочность этого взгляда. Мы знаемъ уже, что основной принципъ торгово-промышленныхъ синдикатовъ заключается въ спасеніи прибыли, въ извлеченіи выгодъ изъ предпріятій для самихъ капиталистовъ, пользующихся создаваемымъ ими монопольнымъ положеніемъ. Потребители продуктовъ, изготовляемыхъ синдикатомъ, теряютъ [1]), потому что нѣтъ конкурирующихъ предпріятій, которыя заставили бы держать цѣны этихъ продуктовъ на низшемъ уровнѣ сравнительно съ тѣмъ, какой выгоденъ для хозяевъ синдиката; рабочіе же несутъ убытки, потому что всѣ предприниматели данной отрасли находятся въ соглашеніи другъ съ другомъ, и, слѣдовательно, при заключеніи рабочаго договора рабочій не можетъ разсчитывать, что другой предприниматель заплатитъ ему дороже за его трудъ [2]). Такимъ образомъ образованіе синди-

1) Поэтому потребительскія общества вступаютъ иногда въ борьбу съ синдикатами. Такъ, въ Англіи, гдѣ потребительскія общества особенно развиты, Англійскому Обществу оптовыхъ закупокъ (см. о немъ ниже, въ семнадцатой лекціи) удалось сломить синдикатъ мучныхъ торговцевъ (flour corner). Борьба эта стоила ему около 20.000 ф. ст. (около 200.000 руб.); но зато она убила «corner». Конечно, во многихъ (и притомъ, важнѣйшихъ) отрасляхъ промышленности, какъ, напр., въ желѣзной, стальной, машиностроительной, горной и всякаго рода экспортной промышлености потребительскія общества безсильны противъ синдикатовъ и трестовъ. См. интересную книгу фабіанца *Macrosty,* Trusts and the state.

2) Отсюда въ англійской промышленности, гдѣ развитіе трестовъ и синдикатовъ наталкивается на серьезныя препятствія со стороны прекрасно организованныхъ профессіо-

катовъ вовсе не слѣдуетъ считать какимъ-нибудь отраднымъ явленіемъ, а можно видѣть въ немъ лишь попытку все большей концентраціи капиталовъ, какъ организаціи, существенно необходимой въ интересахъ капиталистовъ въ виду сложности современныхъ рыночныхъ отношеній.

Иной характеръ имѣетъ другое современное движеніе въ направленіи къ концентраціи промышленныхъ предпріятій. На ряду съ частной предпріимчивостью въ хозяйственной жизни всѣхъ народовъ все въ большей и большей мѣрѣ выступаетъ дѣятельность государства и другихъ политическихъ союзовъ (органовъ мѣстнаго самоуправленія). Въ первой половинѣ текущаго столѣтія, когда европейскіе народы только что освободились отъ правительственной опеки, отъ мелочной и стѣснительной регламентаціи полицейскаго государства, въ политической экономіи признавалось за аксіому, что государство по существу своему плохой хозяинъ и что частная предпріимчивость всегда и вездѣ предпочтительнѣе предпріятій, управляемыхъ правительственными органами. Однако это мнѣніе, сложившееся на зарѣ развитія капитализма, сильно поколебалось, когда стали возникать

нальныхъ рабочихъ союзовъ (см. о нихъ ниже, тринадцатую лекцію), въ недавнее время возникла попытка устройства такъ назыв. «alliances» — союзовъ между синдикатами предпринимателей и профессіональными союзами рабочихъ, при которыхъ рабочимъ дается извѣстная прибавка къ ихъ заработной платѣ (10%), подъ условіемъ, чтобы они не противились образованію синдиката. Трудно думать, однако, чтобы такая попытка нашла себѣ широкое примѣненіе; направляясь противъ общей массы потребителей, «alliances» тѣмъ самымъ направляются и противъ самихъ рабочихъ, образующихъ бо́льшую часть этой массы.

исполинскія сооруженія, въ особенности въ области транспорта, сосредоточеніе которыхъ въ рукахъ частныхъ предпринимателей (акціонерныхъ компаній) невыгодно отражалось на народныхъ и государственныхъ интересахъ. Желѣзныя дороги и телеграфы по своимъ техническимъ условіямъ исключаютъ примѣненіе принципа свободной конкуренціи, такъ какъ между двумя данными пунктами возможна одна только желѣзнодорожная или телеграфная линія. Попытки перваго времени желѣзнодорожнаго строительства устраивать двѣ конкурирующія линіи желѣзныхъ дорогъ между одними и тѣми же пунктами естественно потерпѣли неудачу, и всюду, несмотря на принадлежность дорогъ частнымъ обществамъ, онѣ имѣли монопольный характеръ. Съ другой стороны, для государства представляется весьма важнымъ правильное развитіе желѣзнодорожной сѣти, чего не можетъ дать частная предпріимчивость, такъ какъ частныя общества стремятся проводить дороги только тамъ, гдѣ это оказывается всего выгоднѣе. Наконецъ желѣзнодорожныя компаніи обыкновенно испрашивали себѣ разнаго рода льготы, напр., гарантію процентовъ по ихъ займамъ, и обременяли, такимъ образомъ, государственный бюджетъ безъ всякой выгоды для государства. Въ виду этихъ особенностей желѣзнодорожнаго дѣла, мысль о неудобствахъ государственныхъ предпріятій была оставлена. Государства стали сами строить новыя желѣзныя дороги и выкупать въ казну прежнія, принадлежавшія частнымъ компаніямъ. Этотъ поворотъ правительственной политики съ особенной силой оказался въ послѣднее время въ Пруссіи и въ нашемъ отечествѣ. Въ Пруссіи усиленный выкупъ частныхъ дорогъ и строительная

дѣятельность казны начинается съ 1879 г. Въ 1891 г. казнѣ принадлежало уже 25.885 километровъ желѣзныхъ дорогъ, а въ частномъ завѣдываніи оставалось всего 2.180 километровъ. Общая сумма чистаго дохода прусскихъ желѣз. дорогъ составляла уже въ 1885 — 1886 гг. около 350 милл. марокъ, а въ 1901 г. 518 милл. Въ Россіи аналогичный поворотъ въ желѣзнодорожной политикѣ ведетъ свое начало съ 80-хъ гг. Частныя желѣзныя дороги ложились тяжкимъ бременемъ на общій государственный бюджетъ; такъ, въ 1888 г. годовой размѣръ правительственной гарантіи процентовъ по капиталамъ желѣзныхъ дорогъ и уплаты казны по консолидированнымъ облигаціямъ частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ (т.-е. реализованнымъ правительствомъ) равнялся 56.891.000 рублей металлическихъ + 13.086.000 рублей кредитныхъ. Естественно, что у насъ правительство стало постепенно брать желѣзнодорожное дѣло въ свои руки. Такія грандіозныя желѣзнодорожныя сооруженія послѣдняго времени, какъ проведеніе Сибирской желѣзной дороги, ведутся уже цѣликомъ казной и остаются въ ея владѣніи. Кромѣ того, казна выкупила много желѣзныхъ дорогъ, принадлежавшихъ частнымъ обществамъ (въ томъ числѣ и наши Юго-Западныя дороги [1]). Но не одни только правительства принимаютъ въ настоящее время участіе въ организаціи хозяйственныхъ предпріятій. Органы мѣстнаго, въ особенности городского, самоуправле-

---

[1]) Въ силу особенностей нашего государственнаго строя и управленія эта перемѣна желѣзнодорожной политики не дала, однако, Россіи тѣхъ выгодъ, какія имѣла Пруссія. См. объ этомъ ниже, въ десятой лекціи.

нія начинаютъ постепенно устраивать за свой счетъ различныя общеполезныя сооруженія, какъ, напр., водопроводы, газовое и электрическое освѣщеніе, трамваи, дома для отдачи въ наймы рабочимъ и т. п. Въ классической странѣ частной предпріимчивости, Англіи, можно отмѣтить не мало подобныхъ попытокъ, главнымъ образомъ, въ связи съ происшедшими въ послѣднее время измѣненіями въ составѣ городского представительства. Чѣмъ большую роль въ городскихъ совѣтахъ играютъ представители трудящагося населенія, тѣмъ значительнѣе расширяется область «муниципальнаго соціализма», т.-е. общественной предпріимчивости въ дѣлѣ сооруженія разнообразныхъ общеполезныхъ учрежденій [1]).

Этими немногими замѣчаніями мы можемъ закончить разсмотрѣніе вопроса о промышленныхъ предпріятіяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего процесса хозяйственнаго производства. Мы заканчиваемъ, такимъ образомъ, первый отдѣлъ политической экономіи. Если мы вспомнимъ главнѣйшіе выводы, къ которымъ мы приходили въ предшествующемъ изложеніи, то найдемъ, что сущность историческаго

---

[1]) Муниципализація хозяйственныхъ предпріятій подчасъ сказывается благодѣтельно не только на экономическихъ отношеніяхъ: напр., послѣ того какъ одинъ небольшой англійскій городъ коммунализировалъ у себя продажу молока, въ немъ понизилась дѣтская смертность. См. Jahresbericht über die Fortschritte und Leistungen auf dem Gebiete der socialen Hygiene und Demograqhie, Bd. I, Jena. 1902, стр. 6. Особенно важное значеніе для гигіеническихъ и моральныхъ условій жизни низшихъ слоевъ городского населенія имѣетъ постройка городами раціональныхъ рабочихъ жилищъ (подробно объ этомъ см. ниже въ семнадцатой лекціи).

развитія производства сводится къ постепенному сосредоточенію трудовыхъ силъ общества. Мы видѣли, что принципъ свободной конкуренціи оказывается недостаточнымъ даже въ такую эпоху экономическаго развитія, какъ капитализмъ, который началъ съ торжественнаго провозглашенія этого принципа. Потребность въ объединеніи силъ въ видѣ крупныхъ частнохозяйственныхъ, а также общественныхъ и государственныхъ предпріятій сказалась и въ наше время, несмотря на отсутствіе общаго регулирующаго начала въ организаціи хозяйственной дѣятельности общества. Отсюда мы должны сдѣлать конечный выводъ, что успѣхи производительной дѣятельности общества и его культуры связываются съ возможно высокой концентраціей силъ, занятыхъ въ дружной совмѣстной работѣ. Самый смыслъ капитализма, какъ болѣе прогрессивной эпохи экономическаго развитія человѣчества сравнительно съ средневѣковой и античной системами, заключается въ томъ, что при немъ происходитъ все большее и большее усовершенствованіе организаціи хозяйственной дѣятельности, подготовляющее почву для болѣе высокихъ формъ экономической культуры. Существуетъ мнѣніе, что въ процессѣ развитія общественной жизни лежитъ принципъ борьбы за индивидуальность. Это справедливо только въ томъ смыслѣ, что человѣческая личность постепенно развивается на почвѣ общественныхъ гарантій и общественной культуры. Процессъ развитія общественности въ видѣ усложненія соціальной организаціи, внесенія въ строй соціальныхъ отношеній болѣе справедливыхъ и раціональныхъ началъ и является тѣмъ базисомъ, на которомъ раз-

вивается и совершенствуется человѣческая личность. Слѣдовательно, правильнѣе будетъ сказать, что въ основѣ развитія человѣческой культуры лежитъ не борьба за индивидуальность, а борьба за общественность, борьба за солидарность.

УЧЕНІЕ ОБЪ ОБМѢНѢ.

Лекція седьмая.

Обмѣнъ. — Общая характеристика мѣнового процесса. — Цѣнность.—Классификація теорій цѣнности.—Теоріи, основанныя на принципѣ полезности (Сэ, австрійская школа).—Трудовыя теоріи (Смитъ, Рикардо, Марксъ).

Мм. гг. Въ предшествующемъ изложеніи мы закончили отдѣлъ о производствѣ, т.-е. остановились на томъ моментѣ хозяйственной дѣятельности, когда матеріальныя средства созданы уже человѣческимъ трудомъ, но не направлены еще къ потребленію. Мы знаемъ, что производство не представляется само по себѣ цѣлью человѣческихъ стремленій, что оно имѣетъ значеніе и смыслъ, лишь поскольку создаетъ средства удовлетворенія человѣческихъ потребностей. А прежде чѣмъ созданные хозяйственнымъ трудомъ предметы поступятъ въ потребленіе, въ экономической жизни протекаетъ извѣстный промежуточный процессъ, въ результатѣ котораго каждый отдѣльный членъ общества получитъ въ свое непосредственное распоряженіе то или иное количество изъ общаго запаса произведенныхъ продуктовъ. Слѣдовательно, отъ вопроса о производствѣ хозяйственныхъ благъ мы должны перейти къ во-

просу объ ихъ распредѣленіи. Однако, присматриваясь къ историческому развитію общественной жизни, мы находимъ, что далеко не во всѣ времена человѣческаго существованія распредѣленіе слѣдуетъ непосредственно за производствомъ. Въ эпоху рабства и крѣпостничества, въ эпоху господства замкнутаго домашняго хозяйства, дѣйствительно, распредѣленіе совершается по принудительному началу, и власть господина опредѣляетъ заранѣе ту долю продуктовъ, которая достается каждому члену даннаго союза. Но уже и въ то время, при примитивныхъ формахъ человѣческаго хозяйства, далеко не всѣ потребности этихъ замкнутыхъ группъ удовлетворялись путемъ принудительнаго распредѣленія продуктовъ, созданныхъ трудомъ зависимыхъ лицъ. Извѣстная доля изъ общаго запаса хозяйственныхъ благъ, принадлежащихъ рабовладѣльцу или помѣщику, выдѣляется для обмѣна на другіе предметы, которые не производятся въ предѣлахъ даннаго хозяйства, но въ которыхъ оно нуждается. Таковы, напр., предметы роскоши, которые привозятся издалека и которые обмѣниваются на продукты, созданные трудомъ крѣпостныхъ или рабовъ. Чѣмъ больше развиваются экономическія отношенія, чѣмъ дальше проводится въ общественно-экономической дѣятельности раздѣленіе труда, тѣмъ обширнѣе и сложнѣе становится въ немъ обмѣнъ продуктовъ, производимыхъ въ отдѣльныхъ частныхъ хозяйствахъ. Въ послѣднее время существованія рабскаго и крѣпостного хозяйства мы находимъ обширную внѣшнюю и внутреннюю торговлю, употребленіе денегъ, вылившихся въ законченную форму металлической монеты, нѣкоторые зачатки кредита для торгово-

промышленныхъ цѣлей, т.-е. такія явленія, которыя характеризуютъ живой обмѣнъ продуктовъ. Съ тѣхъ поръ какъ на мѣсто рабства и крѣпостничества на историческую сцену выступаютъ свободныя отношенія въ области хозяйственной жизни, когда вся эта жизнь строится на началахъ юридически свободнаго договора между равноправными лицами, моментъ обмѣна пріобрѣтаетъ особенно важное значеніе. Въ хозяйствѣ современныхъ обществъ все зиждется на обмѣнѣ. Все теперь покупается и продается, каждый предприниматель только тогда ликвидируетъ свои операціи, когда онъ пропуститъ принадлежащій ему товаръ черезъ рыночный оборотъ. Капиталистъ покупаетъ теперь не только средства производства, но и самую рабочую силу, получая отъ нанятыхъ лицъ обязательство работать извѣстное время подъ условіемъ выдачи того или иного денежнаго вознагражденія. А это вознагражденіе можетъ быть дано только при условіи, что продуктъ даннаго предпріятія будетъ продаваться за деньги, т.-е. будетъ проведенъ черезъ рыночный обмѣнъ. Такимъ образомъ всѣ доходы различныхъ классовъ современнаго общества вполнѣ или значительной частью получаются въ результатѣ предварительнаго обмѣна продуктовъ. Даже въ русскомъ народномъ хозяйствѣ, гдѣ сохранились еще въ значительной мѣрѣ остатки натуральнаго хозяйственнаго строя, мы замѣчаемъ уже огромное развитіе мѣнового оборота. Міровой обмѣнъ связываетъ крестьянина, работающаго съ первобытными орудіями въ какомъ-нибудь глухомъ захолустномъ уголкѣ нашего обширнаго отечества, съ отдаленнымъ заграничнымъ рынкомъ. На его жизнь оказываетъ уже существенное вліяніе ходъ

экономической дѣятельности отдаленныхъ странъ, о которыхъ онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія, а съ другой стороны — произведенный имъ мѣшокъ хлѣба фигурируетъ въ общемъ составѣ элементовъ, опредѣляющихъ высоту отмѣтки въ бюллетеняхъ кенигсбергской или лондонской биржи. Чѣмъ больше мы будемъ подвигаться на западъ, тѣмъ рѣже встрѣтимся съ типомъ крестьянина, одѣтаго въ особаго покроя мѣстный костюмъ домашняго издѣлія, съ холщевой сумой за плечами, путешествующаго пѣшкомъ на далекія разстоянія. Чѣмъ дальше отодвинемся мы отъ русской границы, тѣмъ рѣже будетъ намъ попадаться на глаза эта типичная фигура представителя натуральнаго хозяйства. Такая встрѣча произвела бы на насъ столь же странное, необычное впечатлѣніе, какое испытываетъ современный туристъ, находя подлѣ себя въ вагонѣ курьерскаго поѣзда францисканскаго монаха въ средневѣковой рясѣ, подвязанной веревкой, и съ непокрытой головой, уносящагося съ быстротой 80 километровъ въ часъ къ мѣсту его миссіонерскаго служенія. Итакъ, въ особенности при изученіи современнаго хозяйственнаго строя намъ необходимо обратить серьезное вниманіе на процессъ обмѣна.

Главные вопросы, съ которыми мы здѣсь встрѣчаемся, суть вопросы цѣнности, цѣны, рынка, денежнаго обращенія, кредита, путей сообщенія и торговли. Уже изъ обыденнаго житейскаго опыта мы знаемъ, что вещи оцѣниваются различно, что обмѣнъ товаровъ, производимый въ данной мѣстности, распространяется на большій или меньшій территоріальный районъ, что при покупкахъ орудіемъ пріобрѣтенія вещей служатъ деньги, что иногда для

цѣлей обмѣна товаровъ пользуются кредитомъ, что доставка товаровъ на мѣсто, въ которомъ они могутъ быть проданы, находится обыкновенно въ зависимости отъ состоянія путей сообщенія и, наконецъ, что передача товара въ руки потребителя по большей части происходитъ при посредствѣ торговца. Подобно тому, какъ при ученіи о производствѣ мы постепенно усложняли изслѣдованіе, начиная съ простѣйшихъ элементовъ и принциповъ и переходя къ болѣе сложнымъ общественнымъ отношеніямъ, такъ и въ настоящемъ отдѣлѣ мы будемъ придерживаться такого же порядка, разъясняя явленія обмѣна въ началѣ въ ихъ наиболѣе элементарной сущности и переходя затѣмъ къ болѣе и болѣе сложнымъ отношеніямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и здѣсь, такъ же, какъ въ ученіи о производствѣ, мы не будемъ забывать объ установленныхъ нами общихъ методологическихъ требованіяхъ, т.-е. не будемъ упускать изъ вида историческихъ особенностей различныхъ ступеней развитія народнаго хозяйства и тѣхъ гипотетическихъ допущеній, при которыхъ выводится та или иная теорія.

Наиболѣе общій вопросъ въ ученіи объ обмѣнѣ есть теорія мѣновой цѣнности. Мѣновая цѣнность служитъ основаніемъ, по которому продукты обмѣниваются другъ на друга; она составляетъ опредѣленную норму, придающую правильность и устойчивость столь сложнымъ и запутаннымъ отношеніямъ, какъ обращеніе товаровъ на рынкѣ. Естественно, что экономическая наука съ давнихъ поръ старается разгадать эту норму, свести ее къ извѣстнымъ элементарнымъ явленіямъ хозяйственной дѣятельности общества. Я и попытаюсь указать важнѣйшія изъ

предложенныхъ объясненій мѣновой цѣнности, заранѣе оговариваясь, что по недостатку мѣста я не имѣю возможности разсмотрѣть данный вопросъ съ той полнотой, какой онъ заслуживалъ бы. Различныхъ ученій о цѣнности накопилось въ экономической наукѣ чрезвычайно много; изслѣдователь, подходя къ критической оцѣнкѣ этихъ ученій, наталкивается прежде всего на трудность установленія правильной классификаціи ихъ. Впрочемъ, присматриваясь къ дѣлу ближе, найдемъ, что трудности эти не непреодолимы. Наилучшимъ основаніемъ для классификаціи попытокъ объясненія какого-нибудь явленія могутъ служить свойства этого явленія. Обыкновенно однѣ теоріи выдвигаютъ на первый планъ одну какую-либо сторону, другія—другую и т. д. Поэтому намъ прежде всего необходимо отдать себѣ отчетъ въ свойствахъ явленія, которое призвана объяснить экономическая теорія.

Мѣновая цѣнность есть способность хозяйственныхъ благъ обмѣниваться на другія хозяйственныя блага, а степень этой способности выражается въ отношеніи, въ какомъ одни блага находятся къ другимъ при обмѣнѣ.

Разсматривая предметы, обладающіе мѣновой цѣнностью, напр., товары, обращающіеся на современномъ рынкѣ, мы найдемъ въ нихъ прежде всего двѣ особенно выдающіяся черты. Во-первыхъ, каждый товаръ удовлетворяетъ какой-нибудь человѣческой потребности, иначе говоря, онъ на что-нибудь годенъ, имѣетъ какую-либо полезность; если мы имѣемъ передъ собой, скажемъ, сукно, сапоги или какую-нибудь поучительную книгу, то очевидно, что каждый изъ этихъ предметовъ представляетъ не без-

цѣльное созданіе случайнаго и празднаго творчества, а имѣетъ своимъ назначеніемъ помочь человѣку, облегчить ему достиженіе какой-нибудь цѣли, дать удовлетвореніе какой-нибудь потребности. Съ другой стороны, мы знаемъ изъ предыдущаго изложенія, что каждый товаръ составляетъ продуктъ человѣческаго труда. Предметы, которые мы находимъ въ изобиліи и которыми мы можемъ удовлетворять свои потребности безъ приложенія спеціальнаго труда, не имѣютъ для насъ и никакой экономической цѣнности. На нихъ нѣтъ возможности получить въ обмѣнъ такіе продукты, на производство которыхъ былъ затраченъ человѣческій трудъ. Воздухъ, которымъ мы дышемъ, вода, которую мы пьемъ, имѣютъ для насъ огромную полезность, поддерживая нашу жизнь, но, пока на пользованіе ими не затрачивается никакого труда, каждая отдѣльная часть ихъ не имѣетъ цѣнности, и мы не могли бы обмѣнять ихъ на самый дешевый товаръ. Но какъ только намъ пришлось бы затратить извѣстное количество труда на добываніе воды, напр., устроить дорого стоющія водопроводныя сооруженія, каждое ведро воды, доставляемое водопроводомъ, получило бы опредѣленную цѣнность, т.-е. получалось бы потребителемъ не иначе, какъ въ обмѣнъ за извѣстную сумму денегъ. Итакъ, изучая проблему цѣнности, изслѣдователь прежде всего наталкивается на указанныя свойства предметовъ, имѣющихъ цѣнность, именно: съ одной стороны, на способность ихъ удовлетворять человѣческимъ потребностямъ, съ другой—на ихъ происхожденіе изъ человѣческаго хозяйственнаго труда. По этимъ же свойствамъ лучше всего провести и классификацію теорій. Разсматривая пред-

ложенныя теоріи цѣнности, мы находимъ, что, дѣйствительно, онѣ удобно могутъ быть расположены на двѣ группы, соотвѣтственно указаннымъ свойствамъ товара. Одни изслѣдователи пытались опредѣлить сущность мѣновой цѣнности, исходя изъ принципа полезности, другіе—изъ принципа труда. Иначе говоря, одни находили возможнымъ объяснить мѣновую цѣнность, основываясь на опредѣленіи субъективной цѣнности, другіе считали, что мѣновая цѣнность должна быть объяснена не субъективными моментами, а объективными сторонами хозяйственной дѣятельности человѣческаго общества. Правда, существуетъ еще одна значительная группа теорій цѣнности, стоящая внѣ указанной классификаціи,—такъ называемая теорія спроса и предложенія. Но эти попытки теоретическаго объясненія цѣнности не входятъ въ рамки поставленнаго нами вопроса, потому что при нихъ изслѣдователи отказываются отъ принципіальнаго разсмотрѣнія явленія цѣнности, а изучаютъ лишь самый механизмъ рыночныхъ цѣнъ, посредствомъ котораго проявляется въ фактическихъ отношеніяхъ общій абстрактный законъ обмѣна товаровъ. Съ этимъ вопросомъ мы встрѣтимся еще въ дальнѣйшемъ изложеніи при изученіи рыночныхъ цѣнъ; къ занимающей же насъ теперь проблемѣ относительно общаго принципа, регулирующаго обмѣнъ товаровъ, онъ совершенно не относится.

Намѣченныя нами группы теорій можно было бы назвать также *субъективными* и *объективными*, потому что первыя объясняютъ мѣновую цѣнность условіями, опредѣляющими субъективную цѣнность хозяйственныхъ благъ (т.-е. значеніе ихъ

для благосостоянія даннаго субъекта), а вторыя — объективными условіями производства. Вотъ почему первыя очень подробно останавливаются на выясненіи субъективной цѣнности товаровъ, другія же предполагаютъ, что понятіе субъективной цѣнности имѣетъ чисто-психологическое значеніе и что для объясненія цѣнности, какъ экономическаго явленія, оно оказывается совершенно неприложимымъ.

Начнемъ съ тѣхъ теорій цѣнности, которыя пытались положить въ основу объясненія этого явленія моментъ полезности, т.-е. вывести объективную мѣновую цѣнность изъ субъективной. Онѣ ведутъ свое начало съ весьма давняго времени [1]). Изъ новѣйшихъ экономистовъ первымъ ученымъ, намѣтившимъ въ общихъ чертахъ эту теорію, былъ Шторхъ. Болѣе обстоятельную попытку объясненія мѣновой цѣнности принципомъ полезности находимъ въ трудахъ французскаго экономиста Сэ, объ ученіи котораго я и скажу нѣсколько словъ. Сэ говоритъ, что каждый предметъ, прежде чѣмъ быть обмѣненнымъ,

---

[1]) Попытки обоснованія теоріи цѣнности принципомъ полезности мы находимъ уже у древнихъ писателей, въ особ. у Аристотеля (въ „Политикѣ" и „Никомаховой этикѣ"). См. Politique d' Aristote, trad. par Barthélemy. St. Hilaire, Paris, 1837, т. I, стр. 45 и слѣд. и Morale d' Aristote (переводъ того же автора) т. II, Paris, 1856, стр. 153 и слѣд. Въ средніе вѣка эту теорію возстановили и отчасти развили комментаторы Аристотеля (въ особ. Буриданъ). См. *Endemann,* Studien in der romanisch - kanonistischen Wirtschafts- und Rechtslehre, Berlin, 2 тома, 1874—1883; *Contzen,* Geschichte der volkswirtschaftlichen Litteratur in Mittelalter, 2-е изд., Berlin, 1872; *Brants*, Les théories économiques au XIII et XIV siécles. Louvain 1895 и *Р. Орженцкій.* Ученіе о цѣнности у классиковъ и канонистовъ. Одесса, 1896.

оцѣнивается съ точки зрѣнія его субъективнаго значенія для лица, которое промѣниваетъ этотъ товаръ на товаръ, предлагаемый другимъ лицомъ. Прежде чѣмъ обмѣнять свой товаръ на другой предметъ, каждый покупщикъ взвѣшиваетъ потерю, которую онъ несетъ, отдавая свой товаръ, и то удовлетвореніе, ту полезность, которую онъ можетъ получить, пріобрѣтая взамѣнъ другой товаръ. Это свойство, говоритъ Сэ, благодаря которому на товаръ предъявляется спросъ, и служитъ регуляторомъ его цѣнности. Однако, самая полезность, по мнѣнію Сэ, вытекаетъ изъ факта приложенія полезнаго труда къ производству. Съ другой стороны, Сэ вынужденъ былъ заявить, что при опредѣленіи цѣнности товара на рынкѣ предѣльной нормой, ниже которой товаръ при обыкновенныхъ условіяхъ не можетъ быть проданъ, должны явиться издержки его производства. Этимъ указаніемъ онъ просто передвигаетъ вопросъ въ совершенно другую область, въ которой проблема цѣнности рѣшается уже на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ идея полезности. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самое понятіе полезности обмѣниваемой вещи устанавливается Сэ въ крайне неопредѣленныхъ чертахъ, безъ всякаго указанія единицы, которой можно было бы измѣрить различныя ступени полезности.

Эту задачу поставили себѣ позднѣйшіе экономисты—съ одной стороны, послѣдователи математическаго направленія (Госсенъ, Джевонсъ, Вальрасъ), съ другой — такъ называемая австрійская школа (Менгеръ, Бёмъ-Баверкъ, Визеръ). Въ виду того, что эта теорія получила наибольшую разработку въ трудахъ австрійскихъ экономистовъ, а также и потому, что только со времени разработки австрійцами

она получила наибольшее распространеніе, ее назывaютъ обыкновенно австрійской теоріей цѣнности. Идея этихъ экономистовъ въ существѣ сводится къ слѣдующему. Во-первыхъ, они гораздо сильнѣе, чѣмъ всѣ другіе экономисты, настаиваютъ на разграниченіи субъективной и объективной цѣнности. Во-вторыхъ, они утверждаютъ, что объективная мѣновая цѣнность можетъ быть вполнѣ объяснена сущностью субъективной цѣнности, не прибѣгая къ другимъ явленіямъ общественнаго хозяйства, и въ особенности — къ хозяйственному труду. Наконецъ, самую субъективую цѣнность они основываютъ на идеѣ полезности, расклассифицированной по опредѣленнымъ ступенямъ. Для классификаціи же степеней полезности они берутъ, помимо полезныхъ свойствъ предметовъ, поступающихъ въ обмѣнъ, еще и количество ихъ (ограниченность или рѣдкость).

Итакъ, чтобы уяснить себѣ теорію австрійскихъ экономистовъ, необходимо прежде всего познакомиться съ сущностью развиваемаго ими ученія о субъективной цѣнности. Проще всего это ученіе изложено у Менгера, одного изъ раннихъ авторовъ разсматриваемой теоріи (въ курсѣ политической экономіи, вышедшемъ въ 1872 году).

Менгеръ начинаетъ изложеніе съ слѣдующаго примѣра. Представимъ себѣ, что мы имѣемъ передъ собой жителя первобытнаго лѣса, котораго окружаютъ сотни тысячъ деревьевъ, при чемъ только 10 изъ нихъ необходимы ему для топлива, постройки шалаша, выдѣлки орудій и другихъ цѣлей. Ясно, что онъ будетъ оцѣнивать эту массу деревьевъ и каждый экземпляръ изъ нихъ постольку, поскольку

отъ распоряженія ими зависитъ удовлетвореніе его потребностей. А такъ какъ въ данномъ случаѣ его потребность въ деревѣ покрывается съ излишкомъ, то каждый данный экземпляръ изъ имѣющихся деревьевъ не будетъ имѣть въ его глазахъ никакой цѣнности. Если онъ, благодаря пожару, потеряетъ даже цѣлую тысячу деревьевъ, то онъ не потерпитъ никакого убытка, потому что въ его распоряженіи останется запасъ, вполнѣ достаточный для его потребностей. Другое дѣло, если въ этомъ лѣсу существуетъ 10 фруктовыхъ деревьевъ, которыя всѣ представляются необходимыми для удовлетворенія потребностей нашего дикаря въ пищѣ. Каждое изъ этихъ деревьевъ будетъ имѣть для него цѣнность, и потеря даже одного экземпляра окажется существеннымъ ущербомъ. Пойдемъ дальше. Приведенный примѣръ нельзя еще примѣнить къ сложнымъ явленіямъ современнаго хозяйства, потому что здѣсь каждый предметъ удовлетворяетъ обыкновенно не одной, а нѣсколькимъ различнымъ потребностямъ, и, съ другой стороны, каждая потребность, покрытію которой служитъ извѣстный предметъ, представляетъ различныя степени интенсивности. Представимъ себѣ, что на какомъ-нибудь скалистомъ островѣ живетъ субъектъ, ведущій изолированное хозяйство, въ распоряженіи котораго находится одинъ только источникъ прѣсной воды. Допустимъ, что ему необходимо ежедневно одно ведро для себя и 19 для домашнихъ животныхъ, 40 ведеръ для поддержанія чистоты своего тѣла и гигіеничности домашней обстановки и, наконецъ, еще 40 ведеръ для менѣе настоятельныхъ потребностей, частью для поливки цвѣтовъ и другихъ садовыхъ растеній, частью для

корма животныхъ, которыхъ онъ держитъ ради удовольствія. Сверхъ этихъ 100 ведеръ все, что даетъ ему источникъ, онъ уже не въ состояніи употреблять ни на какую доступную ему цѣль. Итакъ, если источникъ даетъ не 100 ведеръ, которыя ему только нужны, а уноситъ въ море ежедневно тысячу бочекъ, то естественно, что нашъ поселенецъ не будетъ придавать никакой цѣны каждому изъ ведеръ воды, которымъ онъ располагаетъ. Но если, благодаря какому-нибудь геологическому перевороту, этотъ источникъ станетъ давать уже не тысячу бочекъ, а всего 90 ведеръ, тогда, при потребности въ 100 ведрахъ, эти 90 ведеръ пріобрѣли бы въ глазахъ островитянина то значеніе, которое мы называемъ цѣнностью. Какая же потребность зависитъ теперь отъ распоряженія даннымъ количествомъ воды, т.-е., говоря иначе, какая потребность останется неудовлетворенной, если запасъ воды уменьшится, положимъ, съ 90 до 80 ведеръ? Конечно, наименѣе важная, т.-е., въ нашемъ примѣрѣ, — потребность содержанія безполезныхъ животныхъ. Значеніемъ этой наименѣе важной потребности изъ тѣхъ, которыя могутъ быть еще удовлетворены даннымъ запасомъ, и опредѣлится для островитянина цѣнность находящейся въ его распоряженіи воды или, говоря иначе, цѣнность каждаго имѣющагося у него ведра воды будетъ зависѣть отъ степени его предѣльной полезности. Если процессъ уменьшенія воды въ источникѣ дойдетъ до того, что онъ будетъ давать ежедневно не болѣе 40 ведеръ, тогда останутся неудовлетворенными не только самыя незначительныя потребности (удовольствія), но и часть тѣхъ, удовлетвореніе которыхъ поддерживаетъ здоровье.

Тогда въ соотвѣтственной степени поднимается и цѣнность каждаго ведра воды. Эти условія, говоритъ Менгеръ, которыя мы констатировали для нашего поселенца, не утрачиваютъ своей силы и въ примѣненіи къ нашему сложному общественному существованію. И здѣсь, подходя къ изслѣдованію явленія цѣнности, намъ необходимо предварительно установить классификацію нашихъ различныхъ потребностей и въ предѣлахъ каждой потребности намѣтить послѣдовательныя ступени. Представимъ себѣ, что мы имѣемъ 10 предметовъ, которые удовлетворяютъ въ общемъ 10 различнымъ потребностямъ. Располагая эти потребности въ нисходящемъ порядкѣ по ихъ сравнительному значенію и намѣчая внутри каждой изъ нихъ послѣдовательныя ступени, получимъ слѣдующую скалу (римскія цифры обозначаютъ категоріи потребности, а арабскія — степени каждой потребности):

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
10	9	8	7	6	5	4	3	2	1
9	8	7	6	5	4	3	2	1	0
8	7	6	5	4	3	2	1	0	
7	6	5	4	3	2	1	0		
6	5	4	3	2	1	0			
5	4	3	2	1	0				
4	3	2	1	0					
3	2	1	0						
2	1	0							
1	0								
0									

Въ этой скалѣ первая римская цифра указываетъ, допустимъ, потребность въ питаніи, II—въ одеждѣ, III—въ жильѣ, IV—въ поддержаніи чистоты, V—въ

куреніи табаку и т. д. Значеніе каждой изъ этихъ потребностей при неудовлетвореніи ихъ будетъ различно, и если высшую степень значенія первой потребности мы обозначимъ цифрой 10, то для второй мы должны будемъ взять 9, для третьей 8 и т. д. Разсматривая столбецъ цифръ, характеризующій ступени значенія первой потребности, находимъ, что наивысшей цифрой (10-ью) отмѣчена въ данномъ случаѣ потребность въ поддержаніи жизни. Но принятіе пищи можетъ не ограничиваться указаннымъ минимумомъ; мы разнообразимъ свою пищу, внося въ нее такіе элементы, которые не являются безусловно необходимыми, а имѣютъ лишь значеніе въ смыслѣ удовлетворенія болѣе строгихъ гигіеническихъ требованій. Степень важности этого рода потребностей въ нашей скалѣ обозначается уже цифрой 9. Но въ составъ нашей пищи могутъ входить и разнообразные предметы удовольствія и даже роскоши (фрукты, вино и т. п.), значеніе которыхъ можетъ быть выражено сравнительно меньшими цифрами (отъ 8 до 1). Такимъ образомъ различныя ступени одной потребности выражаются постепенно убывающимъ рядомъ цифръ вплоть до 0, который показываетъ, что всѣ потребности даннаго рода уже удовлетворены. Такой же рядъ цифръ намѣченъ и для другихъ потребностей, съ той лишь разницей, что каждый слѣдующій рядъ начинается съ меньшей цифры, соотвѣтственно меньшему сравнительно значенію наивысшей степени даннаго рода потребности. Что же, по мнѣнію Менгера, говоритъ намъ эта скала? «Если, указываетъ Менгеръ, мы сопоставимъ двѣ различныя категоріи потребностей, допустимъ, потребность питанія съ потребностью въ та-

бакѣ (по нашей скалѣ I и V), то мы найдемъ, что въ извѣстные моменты, когда не удовлетворена потребность въ поддержанiи жизни, и далѣе до цифры 6, потребность въ пищѣ превышаетъ потребность въ табакѣ, за этой же гранью потребность въ табакѣ начинаетъ превалировать надъ потребностью въ пищѣ». Итакъ, приведенная схема должна, по мнѣнiю Менгера, объяснить намъ то разнообразiе оцѣнокъ, которое наблюдается фактически при обмѣнѣ товаровъ. Опредѣленiемъ значенiя отдѣльныхъ вещей для удовлетворенiя различнаго рода и различныхъ степеней нашихъ потребностей и руководятся покупщикъ и продавецъ, обмѣнивая свои товары на рынкѣ. Нормой для оцѣнки служитъ при этомъ та послѣдняя степень потребности, которая можетъ еще быть удовлетворена даннымъ запасомъ. Для обозначенiя этой послѣдней степени полезности вещи въ настоящее время общепринятъ терминъ «предѣльная полезность» (Grenznutzen) [1]).

Читатель, вѣроятно, замѣтилъ уже, что въ разсужденiи Менгера ни разу еще не упоминалось объ условiяхъ производства. Въ видѣ примѣра брались вещи, данныя готовыми въ природѣ. Мы знаемъ изъ предыдущаго изложенiя, что такое допущенiе противорѣчитъ наиболѣе существеннымъ чертамъ реальной человѣческой жизни. Но пока мы не будемъ еще останавливаться на этомъ. Насъ интересуетъ вопросъ: какъ объясняетъ австрiйская

---

1) Въ первый разъ онъ былъ употребленъ Визеромъ. Джевонсъ, одинъ изъ первыхъ авторовъ этой теорiи, предлагалъ обозначенiе: «предѣльная степень полезности» (final degree of utility).

теорія цѣнность такихъ предметовъ, которые создаются не для потребленія, а для производства, иначе говоря, тѣхъ вещей, которыя служатъ капиталомъ? Выходъ изъ затрудненія дается слѣдующимъ объясненіемъ: цѣнность вещей, служащихъ для производства, говорятъ австрійскіе экономисты (наиболѣе подробно эта сторона теоріи разработана у Визера и Бёмъ-Баверка), опредѣляется не предѣльной полезностью ихъ самихъ, а цѣной (и, слѣдовательно, предѣльной полезностью) предметовъ потребленія, производимыхъ съ ихъ помощью. Такъ какъ онѣ производятъ нѣсколько предметовъ потребленія, а иногда различнаго качества, то цѣнность ихъ будетъ зависѣть отъ наименѣе важнаго, но необходимаго еще изъ этихъ предметовъ. Говоря иными словами, цѣнность какого-нибудь орудія, напр., текстильной машины, по мнѣнію австрійцевъ, будетъ зависѣть не отъ расходовъ на его изготовленіе и не отъ труда вообще, затраченнаго на его производство (такое предложеніе австрійцы отвергаютъ съ настойчивостью), а отъ цѣнности изготовляемой при его помощи пряжи или ткани. Такъ опредѣляется, по мнѣнію австрійской школы, субъективная цѣнность товара. Этимъ въ существѣ дѣла австрійская теорія и заканчивается, такъ какъ объективная мѣновая цѣнность выводится названными экономистами цѣликомъ изъ субъективной. Необходимо только взять различные случаи покупки и продажи товаровъ; опредѣленіе цѣнъ на эти товары будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣленіемъ ихъ мѣновой цѣнности. Цѣны же опредѣляются субъективными оцѣнками покупщиковъ и продавцовъ, имѣющихъ въ виду исключительно пре-

дѣльную полезность обмѣниваемыхъ предметовъ [1]). Мы можемъ теперь приступить къ критикѣ изложеннаго ученія.

Уже въ примѣрахъ, приводимыхъ Менгеромъ относительно предметовъ потребленія, мы найдемъ существенныя противорѣчія. Мы видѣли, что, по мнѣнію этого ученаго, 10 деревьевъ первобытнаго лѣса не имѣютъ цѣнности для дикаря въ силу существованія обильнаго запаса другихъ подобныхъ деревьевъ. Однако онъ забываетъ при этомъ объ одномъ весьма важномъ обстоятельствѣ. Если бы пользованіе этими деревьями составляло для дикаря такой же даръ природы, не требующій никакихъ усилій съ его стороны, какъ пользованіе водой или воздухомъ, тогда, конечно, онъ не призналъ бы за ними никакой цѣнности. Но дѣло въ томъ, что даже въ данномъ примѣрѣ мы находимъ характерныя условія экономической жизни, опущенныя Менгеромъ въ его изложеніи, именно, необходимость прилагать извѣстное количество труда къ матеріаламъ, содержащимся въ природѣ, для того, чтобы сдѣлать ихъ пригодными для удовлетворенія потребностей. Для соотвѣтствія съ дѣйствительностью приводимый Менгеромъ примѣръ долженъ быть дополненъ указаніемъ на затрату труда.

Жителю первобытнаго лѣса необходимо, допустимъ, работать цѣлую недѣлю, чтобы придать растущимъ въ лѣсу деревьямъ такую форму, которая допускала

---

[1]) См. *Böhm-Bawerk*, Kapital und Zins, томъ 2-ой, стр. 137—139 и стр. 207—220. «Законъ цѣнъ, — говоритъ Бёмъ-Баверкъ содержитъ въ себѣ и законъ мѣновой цѣнности». Въ другомъ мѣстѣ: «Цѣна съ начала и до конца составляетъ продуктъ субъективныхъ оцѣнокъ».

бы пользованіе ими, напр., для топлива. Если приготовленное такимъ образомъ количество дровъ будетъ уничтожено пожаромъ или если явится другой поселенецъ и возьметъ себѣ эти дрова, то нашему жителю придется подъ страхомъ неудовлетворенія насущныхъ потребностей снова продѣлать прежній трудъ и, слѣдовательно, на недѣлю отказаться отъ работы по выполненію другихъ, быть-можетъ, не менѣе важныхъ хозяйственныхъ задачъ. Ясно, что потеря дровъ составила бы для него существенный ущербъ, и если бы кто-нибудь предложилъ ему отдать половину этихъ дровъ, то нашъ поселенецъ отдалъ бы ихъ не иначе, какъ въ обмѣнъ за такой продуктъ, который сберегалъ бы ему столько же труда, сколько онъ затратилъ на изготовленіе дровъ. Такимъ образомъ въ примѣрѣ самого Менгера моментъ оцѣнки по предѣльной полезности отступаетъ на задній планъ, сравнительно съ такимъ реальнымъ условіемъ, какъ количество затраченнаго труда.

Еще ярче выступаетъ слабость австрійской теоріи при объясненіи цѣнности средствъ производства. Австрійскіе экономисты утверждаютъ, что цѣнность орудій опредѣляется не затратами на ихъ изготовленіе, а предѣльной полезностью предметовъ, производимыхъ съ ихъ помощью. Но въ данномъ случаѣ самая предѣльная полезность этихъ предметовъ есть еще совершенно неизвѣстная величина. По ученію австрійцевъ, ихъ предѣльная полезность находится въ зависимости отъ двухъ условій: 1) ихъ значенія для благосостоянія людей и 2) ихъ запаса (который, по предложенію, ограниченъ). Но вѣдь какъ разъ количество этихъ предметовъ еще не опредѣлено; размѣры его будутъ зависѣть отъ того, какъ

долго будутъ въ ходу машины, иначе говоря, какъ много будетъ приложено къ нимъ человѣческаго труда. Слѣдовательно, мы опять наталкиваемся на опущеніе существеннаго фактора экономической жизни. Австрійскіе экономисты разсуждаютъ такъ, какъ будто бы всѣ вещи даны уже готовыми, но только въ ограниченномъ количествѣ. Всѣ тѣ многосложныя экономическія отношенія, связанныя съ приложеніемъ человѣческаго труда, о которыхъ мы говорили въ предыдущихъ лекціяхъ, сознательно упускаются изъ виду. Благодаря этому, ихъ теорія становится въ рѣшительное противорѣчіе съ основными положеніями экономическаго знанія, которое направляется, главнымъ образомъ, на изслѣдованіе борьбы человѣка съ природой путемъ трудовыхъ усилій.

Отсюда понятно, что чѣмъ сложнѣе общественныя отношенія между людьми, развивающіяся на почвѣ ихъ хозяйственной дѣятельности, тѣмъ менѣе приложима къ нимъ австрійская теорія цѣнности. Въ современномъ трудораздѣльномъ хозяйствѣ для вещей, сбываемыхъ при предположеніи свободной конкуренціи между продавцами, для субъективной оцѣнки нѣтъ мѣста. О субъективныхъ оцѣнкахъ, какъ факторѣ обмѣна, можно говорить лишь, когда обмѣнъ совершается, какъ случайное явленіе, когда вещь не производится еще спеціально ради обмѣна, а отчуждается случайно, напр., при условіяхъ замкнутаго домашняго хозяйства. Естественно, что при такомъ экономическомъ строѣ обмѣнъ зависитъ не отъ какой-либо устойчивой объективной нормы, а отъ субъективныхъ оцѣнокъ продавца и покупщика [1]).

[1]) Поэтому античные писатели (Аристотель) были болѣе правы, выдвигая такую теорію. Кромѣ того, оцѣнка роли труда въ хозяйственной жизни была для нихъ затруднитель-

Если, такимъ образомъ, теорія цѣнности, защищаемая австрійскими экономистами, не можетъ считаться удачнымъ разрѣшеніемъ поставленной проблемы, то намъ невольно приходится обратиться ко второй изъ намѣченныхъ нами группъ теорій, полагающихъ въ основу объясненій мѣновой цѣнности принципъ хозяйственнаго труда.

Переходя къ разсмотрѣнію этихъ теорій цѣнности, я долженъ прежде всего замѣтить, что въ своемъ зачаточномъ видѣ мысль о зависимости цѣнности отъ количества труда, затраченнаго на производство вещи, можно встрѣтить въ отдаленнѣйшихъ преданіяхъ человѣчества. Подобно тому, какъ нѣкоторые принципы нравственности какъ бы инстинктивно сознавались людьми прежде, чѣмъ къ изслѣдованію ихъ приложены были научные методы, такъ же точно и вопросъ о трудѣ, какъ регуляторѣ цѣнности, разрѣшался людьми раньше, чѣмъ наука приступила къ его изученію. Изъ научныхъ попытокъ опредѣлить сущность цѣнности трудовымъ принципомъ нѣкоторыя восходятъ къ довольно отдаленнымъ моментамъ развитія экономическихъ идей. Въ XVIII вѣкѣ, по мѣрѣ созданія твердыхъ основаній всей экономиче-

---

нѣе, благодаря особенностямъ міровоззрѣнія ихъ времени (пренебреженіе къ промышленному труду). Ихъ занималъ по преимуществу вопросъ о томъ, какъ распредѣлить имѣющійся запасъ хозяйственныхъ благъ, нормальные же источники его происхожденія могли, согласно ихъ точкѣ зрѣнія, лежать даже внѣ хозяйственной сферы (отсюда столь смущающее современныхъ экономистовъ причисленіе грабежа къ естественнымъ способамъ пріобрѣтенія богатства и осужденіе коммерческой наживы у Аристотеля). См., напр., *Rambaud*, Histoire des doctrines économipues, Paris, 1899, стр. 12.

ской доктрины, устанавливается болѣе прочно и трудовая теорія цѣнности. Адамъ Смитъ, въ своемъ знаменитомъ сочиненіи «Богатство народовъ», съ котораго, можно сказать, ведетъ свое начало современная экономическая наука, отводя среди хозяйственныхъ явленій первое мѣсто человѣческому труду, попытался объяснить имъ и мѣновую цѣнность товаровъ. Въ каждой странѣ, говоритъ Адамъ Смитъ, всегда дешево цѣнилось то, что легко пріобрѣтается, а дорого то, что можно добыть только съ большимъ трудомъ. «Не золотомъ и не серебромъ, а трудомъ были пріобрѣтены всѣ богатства міра...» Однако, выдвигая трудъ, какъ основаніе мѣновой цѣнности, Смитъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, какой именно трудъ оказывается регуляторомъ мѣновыхъ отношеній—тотъ ли, который затраченъ на производство даннаго товара, или тотъ, который можно пріобрѣсти въ обмѣнъ на имѣющійся товаръ. При этомъ онъ склонялся болѣе ко второму рѣшенію, что объясняется условіями хозяйственнаго развитія его времени. Смитъ писалъ въ такое время, когда промышленный прогрессъ только что начинался и когда крупное производство не успѣло еще стать типической формой хозяйственной дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, старый строй былъ уже расшатанъ въ его существенныхъ основахъ. Естественно, что у Смита колебались двѣ точки зрѣнія—субъективная и объективная. Подобно тому, какъ во многихъ другихъ вопросахъ, такъ и въ вопросѣ о цѣнности Смитъ былъ разностороннѣе своихъ послѣдователей и въ этомъ смыслѣ смотрѣлъ на вещи правильнѣе; но, съ другой стороны, это же обстоятельство лишало его теоріи той опредѣлен-

ности и законченности, какую онѣ получили позднѣе въ трудахъ различныхъ его послѣдователей и преемниковъ. Однако, распространяя понятіе субъективной цѣнности на всѣ товары, онъ выводилъ ее не изъ принципа полезности, а изъ принципа труда, и тѣмъ значительно сближалъ ее съ объективной теоріей. Въ существенныхъ чертахъ его ученіе заключается въ слѣдующемъ. «Послѣ установленія трудораздѣльнаго хозяйства, говоритъ Адамъ Смитъ, человѣкъ можетъ добыть себѣ только небольшое количество предметовъ необходимости, удобства и роскоши, въ которыхъ онъ нуждается, своимъ собственнымъ трудомъ. Гораздо бо́льшую часть онъ долженъ получить отъ труда другихъ людей, такъ что онъ оказывается богатымъ или бѣднымъ соотвѣтственно тому количеству труда, которое онъ можетъ заказать или купить. Поэтому цѣнность товара для лица, которое обладаетъ имъ и не желаетъ лично пользоваться, а стремится обмѣнить его на другіе товары, равняется количеству труда, какое на эту вещь можно заказать или купить... Дѣйствительная стоимость вещи для человѣка, добывшаго ее и желающаго промѣнять на что-нибудь другое, заключается въ суммѣ труда, хлопотъ и безпокойства, отъ которыхъ онъ избавляетъ себя и которое перелагаетъ на другихъ». Трудъ былъ первой цѣной, первоначальной монетой, которой за все платили... Человѣкъ, имѣющій богатство, располагаетъ извѣстной властью; это — покупательная сила, т.-е. власть надъ всѣмъ трудомъ и надъ всѣми продуктами труда, находящимся на рынкѣ... Такова реальная мѣновая цѣнность товара. Ея мѣрило — трудъ, который можно заказать или ку

нить на данную вещь. Обыкновеннымъ же мѣриломъ являются драгоцѣнные металлы (деньги). Они выражаютъ, однако, лишь номинальную стоимость товаровъ, потому что сами измѣнчивы въ цѣнности. Другое дѣло — трудъ. «Равныя количества труда во всѣ времена и повсюду имѣли одинаковую цѣнность для работника, ибо при обыкновенномъ состояніи здоровья, силы и ума, ловкости и умѣнья онъ долженъ жертвовать одинаковой долей своего досуга, свободы и благополучія...» Что же касается различій въ качествѣ труда (трудъ технически обученнаго работника и чернорабочаго), то Смитъ замѣчаетъ, что точной мѣры для оцѣнки степеней здѣсь не существуетъ, но что при обмѣнѣ извѣстное уравненіе между разными категоріями труда постоянно совершается «путемъ обычныхъ рыночныхъ расцѣнокъ, соотвѣтственно той грубой справедливости, которая, не будучи точной, достаточна для обычныхъ житейскихъ расчетовъ».

Мы уже упомянули выше, что съ мнѣніемъ Адама Смита объ опредѣленіи цѣнности вещи трудомъ, который можно на нее заказать или купить, нельзя согласиться. Въ самомъ дѣлѣ, если бы, напр., за извѣстное количество пищи, на производство котораго потребовалось бы полдня работы, наняли работать съ условіемъ работать цѣлый день, то полученный, такимъ образомъ, новый продуктъ не былъ бы равновеликимъ съ предыдущимъ. Приравнивая въ данномъ случаѣ продуктъ половины дня работы къ продукту труда цѣлаго дня, мы, конечно, сдѣлали бы ошибку. Смитъ забываетъ, что за извѣстную плату можно заставить рабочаго трудиться въ теченіе большаго времени, чѣмъ какое потребовалось бы

на созданіе суммы денегъ или другихъ предметовъ, равной этой платѣ, т.-е. произвести большее количество продуктовъ, чѣмъ какое онъ получилъ. Здѣсь не будетъ уже равенства въ мѣновой сдѣлкѣ, не будетъ обмѣна эквивалентныхъ цѣнностей. Этотъ недостатокъ въ теоріи Адама Смита отмѣтилъ ближайшій его продолжатель — Давидъ Рикардо. Со свойственной ему ясностью и силой аргументаціи Рикардо доказалъ, что Смитъ ошибался, разсматривая вопросъ о цѣнности внѣ изслѣдованія условій производства, фактической обстановки, въ которой возникаетъ обмѣниваемый товаръ. Цѣнность товара, говоритъ Рикардо, опредѣляется не тѣмъ количествомъ труда, которое можно на него заказать или купить, къ которому его производство не имѣетъ непосредственнаго отношенія, но именно тѣмъ, которое было затрачено на его производство. Но, говоря, что цѣнность товара опредѣляется количествомъ труда, затраченнаго на его производство, мы не разрѣшаемъ еще всего вопроса. Вѣдь трудъ обыкновенно прилагается при посредствѣ разнаго рода орудій, которыя также должны оказывать вліяніе на цѣнность товаровъ, изготовленныхъ съ ихъ помощью. Рикардо отвѣчаетъ на это, что орудія, въ свою очередь, являются результатомъ прошлаго труда, и что, слѣдовательно, при примѣненіи ихъ къ производству какого-нибудь товара, въ дѣло пускаютъ не только текущій, но и прошлый трудъ, который также войдетъ въ составъ его цѣнности. На ряду съ текущимъ трудомъ въ цѣнности даннаго товара воплотится и та доля стоимости орудій, которая соотвѣтствуетъ износившейся части ихъ въ процессѣ производства. Наконецъ въ виду того, что въ про

изводствѣ различныхъ предметовъ употребляются не въ одинаковой пропорціи постоянный и оборотный капиталы, и цѣнность ихъ будетъ опредѣляться нѣсколько различно. Рикардо пытался выяснить и размѣры этой разницы. Впрочемъ, по недостатку времени мы не будемъ теперь касаться этого вопроса, тѣмъ болѣе, что намъ съ нимъ придется еще встрѣтиться при изложеніи теорій прибыли на капиталъ.

Отъ проницательнаго ума Рикардо не ускользнуло и то обстоятельство, что излагаемая имъ теорія цѣнности раскрываетъ только типическія черты мѣновыхъ отношеній въ современномъ народномъ хозяйствѣ и что обмѣнъ нѣкоторыхъ предметовъ, отличающихся особыми свойствами, не характерными для общей массы товаровъ, продаваемыхъ на современномъ рынкѣ, именно рѣдкихъ вещей, какъ, напр., старыхъ картинъ, книгъ, тонкихъ винъ, не подходитъ подъ вышеуказанный общій законъ цѣнности. Ихъ цѣнность опредѣляется случайнымъ соотношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ, независимо отъ количества труда, затраченнаго на ихъ производство. Если найдутся охотники заплатить за нихъ чрезмѣрно высокую цѣну, они будутъ проданы по такой цѣнѣ, хотя бы затрата труда на ихъ производство и была сравнительно невелика. Ошибка Рикардо заключалась здѣсь въ томъ, что онъ склоненъ былъ придавать слишкомъ ничтожное значеніе случаямъ монополіи и распространялъ свой законъ цѣнности и на земледѣльческіе продукты. На самомъ же дѣлѣ случаи монополіи очень многочисленны и при капиталистическомъ хозяйственномъ строѣ, а цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ по общему правилу представляется такъ же монопольной вели-

чиной. Тѣмъ не менѣе, Рикардо уловилъ общій духъ новой эпохи хозяйственнаго развитія, и въ данномъ случаѣ въ его трудахъ основы нарождающагося капиталистическаго строя нашли себѣ весьма яркое объясненіе. Попытка Рикардо открывала широкое поле для дальнѣйшаго изслѣдованія, которое было, конечно, необходимо, такъ какъ въ объясненіи, предложенномъ Рикардо, было не мало пробѣловъ и недомолвокъ.

Но въ то время, когда основная точка зрѣнія классической школы политической экономіи оставалась еще господствующей, для ея сторонниковъ проблема цѣнности въ томъ видѣ, какъ ее разъясняли Адамъ Смитъ и Рикардо, казалась уже вполнѣ разрѣшенной. Трудовая теорія Смита и Рикардо, дѣйствительно, вносила такъ много свѣта въ изученіе реальныхъ жизненныхъ явленій, что намъ совсѣмъ не будутъ казаться странными слѣдующія слова послѣдняго изъ выдающихся представителей классической доктрины—Дж. Ст. Милля. «Къ счастью, въ законахъ цѣнности, говоритъ Милль въ своихъ «Основаніяхъ политической экономіи», не остается ничего, требующаго разработки отъ меня или какого-нибудь послѣдующаго писателя. Теорія этого предмета развита вполнѣ; единственная трудность въ ней—изложить ее такъ, чтобы тутъ же сами собой рѣшались главныя затрудненія, возникающія при ея примѣненіи...» При такой точкѣ зрѣнія на экономическія отношенія, которой придерживался названный экономистъ, и нельзя было судить иначе. Ошибка въ его оцѣнкѣ теоріи цѣнности Смита-Рикардо объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что онъ недостаточно вдумывался въ различіе историческихъ

формъ хозяйственнаго строя, съ другой стороны — отсутствіемъ общественной точки зрѣнія. Милль все еще держался основной посылки классической школы свободной конкуренціи между отдѣльными, совершенно самостоятельными хозяйственными единицами. Въ дѣйствительности же трудовая теорія цѣнности далеко не сказала еще въ то время своего послѣдняго слова. Послѣ Рикардо трудовую теорію развивали далѣе основатели «Научнаго соціализма»—Родбертусъ и Карлъ Марксъ. По недостатку мѣста я остановлюсь только на ученіи послѣдняго автора. Первыя основы этой теоріи Марксъ намѣтилъ еще въ сочиненіи, вышедшемъ въ 50-хъ гг.: «Критика политической экономіи» (Zur Kritik der Politischen Oekonomie). Его ученіе развито въ «Капиталѣ», первый томъ котораго вышелъ первымъ изданіемъ въ 1867 г., а третій (и пока послѣдній)—долго спустя послѣ смерти автора, подъ редакціей его ближайшаго друга и сотрудника Фридриха Энгельса, составившаго его по оставшимся отъ покойнаго отрывкамъ и матеріаламъ [1]). Первый томъ содержитъ наиболѣе абстрактное, принципіальное разрѣшеніе вопроса о цѣнности, независимо отъ тѣхъ модификацій, которыя возникаютъ благодаря сложному

---

[1]) Остальную часть рукописей Маркса, касающихся вопроса о цѣнности, подготовилъ къ печати и издалъ Каутскій. Первоначально онъ предполагалъ присоединить ее, какъ IV томъ, къ вышедшимъ уже тремъ томамъ „Капитала“, но затѣмъ, въ виду спеціальнаго характера изслѣдованія (исторія теорій прибавочной цѣнности), отказался отъ этого намѣренія и выпустилъ ее отдѣльно, подъ заглавіемъ: Theorien über Mehrwert (Stuttgart, Dietz.).

механизму товарнаго обращенія. Изслѣдованіе этихъ модификацій составляетъ содержаніе III тома, въ связи съ ученіемъ о прибыли на капиталъ и поземельной рентѣ. Съ выходомъ въ свѣтъ указаннаго тома (въ 1894 г.) теорія цѣнности Маркса впервые появилась передъ читающей публикой въ законченномъ видѣ.

Марксъ начинаетъ изложеніе своей теоріи съ наиболѣе элементарныхъ примѣровъ—хозяйства изолированнаго человѣка и свободной общины (впрочемъ, во избѣжаніе недоразумѣній, я долженъ оговориться, что этотъ логическій ходъ развитія мысли не вполнѣ выдержанъ Марксомъ съ внѣшней стороны въ его изложеніи). Представимъ себѣ, говоритъ Марксъ, Робинзона на его островѣ. Для удовлетворенія своихъ потребностей онъ долженъ выполнять различныя работы, при чемъ сама нужда заставитъ его правильно распредѣлять свое время. Онъ долженъ затрачивать извѣстное количество часовъ на добываніе пищи, на уходъ за домашними животными, изготовленіе инструментовъ и т. д. Несмотря на различіе своихъ производительныхъ занятій, онъ знаетъ, что они—только различныя формы дѣятельности того же Робинзона, слѣдовательно, только различныя формы человѣческаго труда... Какое мѣсто среди всей его дѣятельности занимаетъ та или другая работа, зависитъ отъ большой или меньшей трудности, которую нужно преодолѣть для достиженія предположеннаго полезнаго результата. Научаетъ его этому опытъ, и нашъ Робинзонъ, которому удалось спасти съ корабля часы, гроссбухъ, чернила и перо, какъ истый англичанинъ, начинаетъ тотчасъ вести книгу самому себѣ. Его инвентарь содержитъ списокъ пред-

метовъ потребленія, которыми онъ обладаетъ, различныхъ приспособленій, необходимыхъ для ихъ производства, наконецъ, рабочаго времени, котораго среднимъ числомъ стоятъ ему опредѣленныя количества этихъ продуктовъ. При такихъ условіяхъ ему легко будетъ установить сравнительную оцѣнку произведенныхъ имъ предметовъ. Если добываніе и приготовленіе пищи требуетъ отъ него 4-хъ часовъ ежедневной работы, а топливо только 2-хъ, то предметы перваго рода будутъ казаться ему вдвое болѣе цѣнными, чѣмъ вторые. Предположимъ теперь, продолжаетъ Марксъ, вмѣсто Робинзона союзъ свободныхъ людей, работающихъ общинными средствами производства и сознательно расходующихъ свои многія индивидуальныя рабочія силы, какъ одну общественную рабочую силу. Здѣсь также процессъ опредѣленія цѣнности продуктовъ совершается просто. Всѣ опредѣленія Робинзонова труда повторяются и здѣсь, только не индивидуально, а общественно. Однако является и существенное различіе. Всѣ произведенія Робинзона были исключительно его личнымъ продуктомъ, а потому представляли предметы потребленія, необходимые непосредственно для него самого. Сумма же произведеній общины есть общественный продуктъ. Часть его вновь служитъ средствомъ производства; она остается общественной. Другая же часть потребляется членами общины, какъ средства существованія. Слѣдовательно, она должна быть распредѣлена между ними. Способъ этого распредѣленія мѣняется сообразно виду самаго общественнаго производительнаго организма и соотвѣтственно высотѣ историческаго развитія производителей.. Рабочее время играло бы тамъ двоя-

кую роль. Распредѣленіе его по общественному плану устанавливаетъ надлежащее отношеніе между различными видами труда—сообразно различнымъ потребностямъ. Съ другой стороны, рабочее время служитъ мѣрой индивидуальнаго участія производителя въ общей работѣ, а потому также и мѣрой индивидуально потребляемой части общаго продукта. Общественныя отношенія людей къ ихъ труду и къ произведеніямъ ихъ труда остаются здѣсь ясными, простыми какъ въ производствѣ, такъ и въ распредѣленіи. Если же отъ этихъ примѣровъ мы обратимся къ современнымъ общественнымъ отношеніямъ и, въ частности, къ тѣмъ, которыя возникаютъ при капиталистической формѣ производства, мы найдемъ, что они представляются чрезвычайно запутанными и неясными для членовъ общественнаго союза. При существованіи множества отдѣльныхъ, независимыхъ другъ отъ друга предпріятій общественная связь между ними не сознается самими производителями. Каждый выбираетъ себѣ ту форму дѣятельности, которую онъ считаетъ для себя болѣе выгодной, и только въ конечномъ итогѣ своего производства, въ обмѣнѣ продуктовъ, начинаетъ чувствовать себя частью какого-то обширнаго цѣлаго. Но и здѣсь современный хозяйственный строй способствуетъ извращенію нормальныхъ представленій. Общественныя отношенія лицъ, обмѣнивающихся продуктами своего (или присвоеннаго чужого) труда, принимаютъ форму товарнаго обмѣна, отношеній между вещами. Поэтому товаръ принимаетъ форму какого-то фетиша, и товарное обращеніе затемняетъ въ глазахъ современныхъ производителей истинную сущность скрывающихся за ними соціальныхъ отно-

шеній. Марксъ и предлагаетъ изслѣдователямъ экономической жизни отрѣшиться отъ этого фетишизма и попытаться анализировать сущность товара съ точки зрѣнія проявляющихся въ немъ общественныхъ отношеній между людьми. Богатство капиталистическаго общества, говоритъ Марксъ. представляется въ видѣ громаднаго скопленія товаровъ, при чемъ каждый товаръ представляетъ собой его элементарную форму. Какова же сущность товара? Прежде всего товаръ есть внѣшній предметъ—вещь, свойство которой—служить удовлетворенію какихъ-либо человѣческихъ потребностей. Съ другой стороны, онъ является результатомъ человѣческаго труда. Если мы посмотримъ на тотъ трудъ, которымъ произведенъ данный товаръ, мы найдемъ, что, подобно тому, какъ полезность характеризуетъ конкретное свойство товара, такъ и трудъ имѣетъ разнообразныя конкретныя формы. Трудъ портного, прядильщика, ткача или какого-нибудь другого работника представляетъ собой прежде всего специфическую, цѣлесообразную, полезную дѣятельность, которая, по существу своему, можетъ принимать столь же разнообразныя формы, какъ и потребительныя свойства товаровъ. Если же мы отрѣшимся отъ конкретныхъ особенностей различныхъ категорій труда и попытаемся найти въ каждомъ трудѣ нѣчто общее, то мы установимъ, что всякая полезная въ хозяйственномъ смыслѣ работа окажется не чѣмъ инымъ, какъ затратой человѣческой рабочей силы, т.-е. мускульной и нервной энергіи, одинаково, будетъ ли это трудъ сапожника, портного, типографщика, ткача и т. п. Вотъ эта-то общая сущность человѣческаго труда, которая проявляется или, какъ говоритъ

Марксъ, кристаллизуется въ товарѣ, и служитъ основаніемъ для сравненія товаровъ другъ съ другомъ въ процессѣ обмѣна. Что касается различій въ качествѣ труда, т.-е. труда простого и квалифицированнаго, то здѣсь, по мнѣнію Маркса, достаточную основу для нашихъ соображеній даетъ тотъ фактическій процессъ, о которомъ говорили Рикардо и Смитъ. Сущность дѣла въ данномъ случаѣ сводится къ тому, что квалифицированный трудъ требуетъ или большаго напряженія мускульной или нервной энергіи, или большей ловкости, чѣмъ простой трудъ; иначе говоря, квалифицированный (высшій) трудъ можно разсматривать какъ умноженный простой трудъ. Итакъ, мы пришли къ выводу, что цѣнность товаровъ опредѣляется затраченнымъ на ихъ производство трудомъ, понимая трудъ въ его общемъ значеніи. Самый же трудъ находитъ своего измѣрителя въ единицахъ времени — въ часахъ, дняхъ, недѣляхъ, мѣсяцахъ. Слѣдовательно, формулируя выведенное нами положеніе болѣе точнымъ образомъ, мы должны сказать, что цѣнность товара опредѣляется количествомъ затраченнаго на его изготовленіе рабочаго времени. Однако, при этомъ мы наталкиваемся на новое противорѣчіе. Если количество рабочаго времени дѣйствительно опредѣляетъ цѣнность товара, то, казалось бы, чѣмъ неискуснѣе и лѣнивѣе работникъ, тѣмъ дороже будетъ оплачиваться его трудъ. А такое положеніе, очевидно, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Выходъ изъ указаннаго противорѣчія мы, однако, легко найдемъ, если отрѣшимся отъ атомистическаго представленія о производствѣ товаровъ. Мы должны, изучая общественныя отношенія, исходить изъ соображенія не объ

отдѣльныхъ экземплярахъ товаровъ, а разсматривать всю массу товаровъ, произведенныхъ даннымъ обществомъ. Въ общей системѣ общественнаго производства каждая категорія товаровъ, напримѣръ, предметовъ ткацкой промышленности, представляется какъ бы однимъ огромнымъ продуктомъ. Цѣнность этого продукта (т.-е. общей совокупности даннаго рода товаровъ) опредѣляется суммой рабочаго времени, затраченнаго на его производство, а цѣнность каждаго отдѣльнаго экземпляра изъ общей массы будетъ зависѣть, слѣдовательно, отъ средней нормы труда, характерной для даннаго общества. Такимъ образомъ мѣриломъ цѣнности каждаго даннаго товара будетъ не то именно время, которое фактически было затрачено на его производство, а среднее количество рабочаго времени, необходимое, вообще, для производства даннаго продукта при господствующихъ, какъ средній типъ, общественныхъ условіяхъ производства и при средней степени интенсивности и ловкости труда. Марксъ называетъ это количество времени общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ. Если, напр., въ какую-нибудь историческую эпоху или у какого-нибудь народа господствующей формой ткацкой промышленности было ручное ткачество, то общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ будетъ средняя продолжительность труда ручного ткача. Если же въ данной отрасли промышленности начнетъ превалировать машинное производство, то общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ будетъ считаться уже время, затрачиваемое при машинной работѣ, и, слѣдовательно, работа ручного ткача, производящаго одинаковое количество продукта, какъ и прежде, будетъ цѣниться значи-

тельно ниже. Вотъ почему такъ теряютъ кустари въ борьбѣ съ машиннымъ производствомъ. Продуктъ труда кустаря расцѣнивается уже не по количеству труда, которое онъ вкладываетъ въ дѣло, а по общественно-необходимому времени, по тому количеству труда, которое требуется при машинномъ производствѣ, т.-е. по гораздо меньшему. Итакъ, Марксъ приходитъ къ выводу, что цѣнность товара опредѣляется общественно-необходимымъ временемъ его производства. Послѣ этого онъ обращается къ слѣдующему, весьма важному вопросу: какимъ образомъ совершается обмѣнъ товаровъ по ихъ указанной цѣнности, иначе говоря, въ чемъ заключается сущность того процесса, какимъ цѣнность достигаетъ своего выраженія? Представимъ себѣ, что наше общество распадается на группы самостоятельныхъ ремесленниковъ, изъ которыхъ каждая вырабатываетъ только опредѣленнаго рода товары. Нуждаясь въ чужихъ продуктахъ, каждый производитель выноситъ свой товаръ на рынокъ. Производитель холста или сукна обмѣняется здѣсь своимъ товаромъ съ производителемъ сапогъ или хлѣба. Обмѣниваемые товары стоятъ здѣсь другъ противъ друга, какъ качественно различныя потребительныя цѣнности, т.-е. какъ представители опредѣленнаго цѣлесообразнаго труда, но какъ предметы, имѣющіе мѣновую цѣнность, т.-е. какъ представители человѣческаго труда вообще, они выступаютъ только при сравненіи другъ съ другомъ. Въ этомъ сравненіи впервые обнаруживается указанное общее свойство ихъ; такимъ образомъ, каждый товаръ для выраженія своей цѣнности нуждается въ другомъ товарѣ, который, такъ сказать, отразилъ бы ее. Здѣсь происходитъ то же самое, что

бываетъ, напримѣръ при взвѣшиваніи различныхъ тѣлъ: для опредѣленія вѣса извѣстнаго тѣла необходимо сравнить его также съ тѣломъ, имѣющимъ вѣсъ, которое, будучи принято за единицу, и опредѣляетъ величину вѣса перваго. Первоначально товары сравниваются другъ съ другомъ безъ спеціальнаго товара—мѣрила. Кусокъ холста сравнивается то съ мѣшкомъ хлѣба, то съ какимъ-нибудь желѣзнымъ издѣліемъ и т. п. Различные предметы обмѣниваются другъ на друга безъ участія особаго посредствующаго элемента. Чѣмъ чаще происходитъ обмѣнъ, чѣмъ сильнѣе будетъ чувствоваться у каждаго производителя потребность въ пріобрѣтеніи предметовъ, изготовленныхъ другими, тѣмъ замѣтнѣе начинаетъ фигурировать на рынкѣ товаръ, имѣющій особую функцію—облегчать обмѣнъ всѣхъ другихъ товаровъ, — товаръ - посредникъ, къ которому приравниваются всѣ остальные товары. При развитіи мѣновыхъ отношеній представляется, конечно, весьма желательнымъ, чтобы продавцы холста, нуждающіеся для своего потребленія въ мясѣ, пшеницѣ и т. д., не искали непремѣнно продавца пшеницы или скота, которые съ своей стороны нуждались бы въ холстѣ, а имѣли бы возможность сначала обмѣнять свой товаръ на такой предметъ, который охотно спрашивается всѣми, на который можно вымѣнять какой угодно товаръ. Можетъ случиться, что въ данный моментъ продавецъ пшеницы нуждается не въ хлѣбѣ, а, скажемъ, въ косѣ, въ серпѣ или какомъ-нибудь другомъ сельско-хозяйственномъ орудіи. Владѣльцу холста придется, слѣдовательно, сначала обмѣнять свой холстъ на орудіе. Но тамъ можетъ повториться такое же несоотвѣтствіе желаній. Поэтому всякій

стремится заранѣе обезпечить себя отъ подобныхъ случайностей, обмѣнивая свой продуктъ предварительно на такой товаръ, на который существуетъ постоянный и всеобщій спросъ. Разъ масса товаровъ начинаетъ постоянно для удобства дальнѣйшаго обмѣна предварительно приравниваться къ одному опредѣленному товару, онъ становится всеобщимъ выразителемъ цѣнности, эквивалентомъ для всѣхъ остальныхъ товаровъ, обращающихся на рынкѣ. Иначе говоря, этотъ товаръ становится деньгами. Первоначально функцію денегъ выполняли различные предметы, на которые по мѣстнымъ условіямъ существовалъ наиболѣе постоянный и всеобщій спросъ,—соль, раковины, звѣриныя шкуры и, особенно часто, скотъ. Впослѣдствіи, съ развитіемъ культуры, роль денегъ стали выполнять благородные металлы. «По мѣрѣ того, говоритъ Марксъ, какъ мѣна товаровъ переходитъ за свои узкіе мѣстные предѣлы, и, слѣдовательно, товарная цѣнность расширяется до овеществленія человѣческаго труда вообще, денежная форма переходитъ на товары, годные по своей природѣ для выполненія общественной функціи общаго эквивалента—на благородные металлы. Они служатъ наилучшей формой проявленія цѣнности или овеществленія абстрактнаго и потому одинаковаго человѣческаго труда, потому что они однородны. Затѣмъ, такъ какъ различіе величинъ цѣнностей есть чисто-количественное, т.-е. выражаетъ различныя количества застывшаго рабочаго времени, то денежный товаръ долженъ быть способенъ къ чисто-количественнымъ различіямъ, слѣдовательно, по произволу долженъ быть дѣлимъ и снова составляемъ изъ своихъ частей. Золото же

и серебро обладаютъ этими свойствами отъ природы...» Само собой разумѣется при этомъ, что деньги потому только и входятъ въ процессъ обращенія товаровъ, что онѣ сами являются результатомъ человѣческаго труда. Въ нихъ также воплощено необходимое рабочее время, какъ и во всѣхъ другихъ товарахъ, въ нихъ только удобнѣе выразить это абстрактное время, удобнѣе опредѣлить пропорцію, въ которой общественно-необходимое рабочее время затрачено на производство каждаго даннаго товара. Зная теперь общую сущность мѣнового процесса, въ которомъ товары обмѣниваются при посредствѣ денегъ, мы можемъ приступить къ его дальнѣйшему анализу. Исходя изъ принятаго нами выше положенія, что въ обществѣ существуютъ отдѣльныя самостоятельныя предпріятія, хозяева которыхъ обмѣниваются своими продуктами, мы видимъ, что рыночная сдѣлка принимаетъ такой видъ: каждое лицо, изготовивши свой спеціальный товаръ, несетъ его на рынокъ, обмѣнивая тамъ на деньги, и на эти деньги покупаетъ для себя всѣ необходимые товары отъ другихъ лицъ. Процессъ обмѣна при этомъ начинается и заканчивается товаромъ. Его можно выразить формулой:

Товаръ — Деньги — Товаръ

Т — Д — Т

Деньги являлись здѣсь лишь въ качествѣ посредника въ обмѣнѣ равновеликихъ цѣнностей. Наши производители, какъ лица вполнѣ равноправныя, обмѣнивались своими товарами не выше и не ниже ихъ цѣнности. Въ самомъ дѣлѣ, если одно какое-

нибудь лицо стало продавать свой товаръ дороже, чѣмъ онъ стоитъ, то, выигравши въ этомъ случаѣ, оно должно было бы сейчасъ же потерять, потому что оно, въ свою очередь, должно покупать чужіе товары и, слѣдовательно, переплатить соотвѣтственную сумму. Выигрышъ одного лица передъ другимъ былъ бы возможенъ только въ случаѣ прямого обмана, т.-е. выигрыша только на одной сторонѣ, но и при этомъ условіи стоимость обмѣненныхъ товаровъ осталась бы прежней, потому что все, что выиграла бы одна сторона, потеряла бы другая, и, слѣдовательно, произошло бы только другое распредѣленіе этой цѣнности между указанными лицами. Обращаясь теперь къ фактическимъ условіямъ современнаго (капиталистическаго) хозяйства, мы должны принять во вниманіе тѣ формы, которыя принимаетъ при нихъ рыночный обмѣнъ товаровъ. Что дѣлаетъ капиталистъ? Прежде чѣмъ продать свой товаръ, онъ поступаетъ нѣсколько иначе, чѣмъ самостоятельный ремесленникъ. Капиталистъ имѣетъ заранѣе средства производства въ своихъ рукахъ въ формѣ извѣстной суммы денегъ. Далѣе, онъ знаетъ, что на рынкѣ есть такія лица, которыя не обладаютъ средствами производства и никакими другими товарами, кромѣ одного,—своей собственной рабочей силы. И вотъ, запасаясь извѣстнымъ количествомъ денегъ, капиталистъ покупаетъ на рынкѣ, съ одной стороны, средства производства въ видѣ орудій и матеріаловъ, а съ другой—необходимое для него количество рабочей силы. Отчужденіе этого особеннаго товара—рабочей силы—юридически выражается въ формѣ договора найма; рабочій обязывается за извѣстную плату предоставить

свой трудъ въ распоряженіе капиталиста. Вмѣстѣ съ тѣмъ капиталистъ получаетъ право на продукты труда рабочаго, которые онъ потомъ продаетъ на рынкѣ, чтобы за вырученныя деньги покрыть издержки и получить прибыль. Слѣдовательно, здѣсь процессъ обмѣна, въ противоположность охарактеризованному ранѣе, начинается уже съ денегъ и заканчивается деньгами, такъ что соотвѣтствующая ему формула принимаетъ такой видъ:

Деньги — Товаръ — Деньги
Д — Т — Д

Капиталистъ затрачиваетъ извѣстное количество денегъ на покупку товара (средствъ производства и рабочей силы), затѣмъ созданный въ его предпріятіи новый товаръ выноситъ на рынокъ и обмѣниваетъ на деньги. Если бы эти члены формулы совершенно соотвѣтствовали предыдущимъ, т.-е. указывали бы на обмѣнъ равновеликихъ цѣнностей, то мы имѣли бы дѣло съ совершенно нелѣпымъ процессомъ. Для чего затрачивать извѣстное количество денегъ и вести сложное и хлопотливое предпріятіе, чтобы потомъ обмѣнять полученный продуктъ на такое же количество денегъ, которое было при этомъ затрачено? Ясно, что указанный процессъ можетъ имѣть смыслъ для капиталиста только въ томъ случаѣ, если въ конечномъ счетѣ онъ выручитъ больше денегъ, чѣмъ сколько затратилъ. Слѣдовательно, правильнымъ выраженіемъ приведенной формулы должно быть только слѣдующее:

Д — Т — Д или
Д — Т — Д+д

Естественно, возникаетъ вопросъ, какимъ же образомъ получается это приращеніе цѣнности, можетъ

ли оно возникнуть въ самомъ процессѣ обмѣна продуктовъ, изготовленныхъ въ предпріятіи капиталиста? Очевидно, нѣтъ, потому что капиталистъ, продавая свой товаръ на рынкѣ, встрѣчается съ другимъ продавцомъ товара. Какъ мы уже видѣли раньше, они могутъ обмѣниваться только равными мѣновыми цѣнностями, получая лишь различныя потребительныя цѣнности. И, дѣйствительно, изъ процесса обмѣна продуктовъ, принадлежащихъ капиталисту, мы не выясняемъ себѣ этого явленія. Въ процессѣ обмѣна реализуется лишь то, что было создано раньше. Какимъ же образомъ капиталистъ организовалъ производство? Мы знаемъ, что онъ предварительно покупалъ орудія и матеріалы производства, а также и живую рабочую силу. Но, покупая орудія и матеріалы, онъ не могъ выручить взамѣнъ истраченной части ихъ въ процессѣ производства нѣчто большее. Другое дѣло — пріобрѣтеніе рабочей силы. Трудъ былъ купленъ на рынкѣ, какъ и всякій другой товаръ, но это — товаръ sui generis. Его потребительныя свойства характеризуются своеобразными чертами, отличающими его отъ другихъ товаровъ. Они состоятъ въ способности этого товара производить новыя цѣнности. Цѣнность самого товара — труда, опредѣляется, подобно цѣнности всякаго другого товара, общественно - необходимымъ временемъ его воспроизведенія, т.-е. стоимостью содержанія рабочаго и его семьи, соотвѣтственно среднему минимуму потребностей рабочаго населенія при данныхъ условіяхъ культурнаго развитія страны. Воспроизведеніе товаровъ, соотвѣтствующихъ въ своей цѣнности этому минимуму, требуетъ все уменьшающагося количества часовъ ежедневнаго труда, соотвѣтственно

прогресу производительной техники. Капиталистъ же, пріобрѣтая въ свое распоряженіе рабочую силу даннаго лица, заставляетъ его работать болѣе этого необходимаго времени, благодаря чему и получаетъ тотъ излишекъ въ цѣнности созданнаго рабочимъ продукта, который до сихъ поръ казался намъ необъяснимымъ. Техническія условія капиталистическаго производства открываютъ возможность для капиталистовъ давать работнику плату, соотвѣтственно указанной выше нормѣ культурнаго уровня существованія въ данной странѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ пользоваться его дополнительнымъ или, какъ говоритъ Марксъ, прибавочнымъ трудомъ для созданія излишка, идущаго въ пользу капиталиста, какъ прибавочный продуктъ. Цѣнность этого продукта Марксъ и называетъ прибавочной цѣнностью (Mehrwerth) [1]). Чтобы выяснить нагляднѣе процессъ образованія прибавочной цѣнности, Марксъ приводитъ

[1]) Въ этой части своей теоріи Марксъ принимаетъ ученіе о заработной платѣ, развитое Рикардо и популяризованное Лассалемъ подъ названіемъ «желѣзнаго закона заработной платы». Какъ мы увидимъ ниже, эта теорія неправильна. Она произвольно принимаетъ для продажи рабочей силы тѣ же гипотетическія допущенія, какія устанавливаются для обмѣна товаровъ при свободной конкуренціи. Между тѣмъ для продажи рабочей силы характерными являются иныя посылки, такъ что аналогія между трудомъ и товаромъ при ближайшемъ разсмотрѣніи не можетъ быть принята. Въ попыткѣ рабочихъ отстаивать свои интересы путемъ союзовъ и коалицій Лассаль видѣлъ только «смѣшную претензію товара-труда корчить изъ себя человѣка». Однако исторія капиталистической промышленности показала, что эти претензіи вовсе не такъ безрезультатны. Подробно объ этомъ вопросѣ см. ниже, въ отдѣлѣ о заработной платѣ.

слѣдующій примѣръ. Представимъ себѣ, что нашъ капиталистъ задается цѣлью превратить извѣстное количество хлопчатой бумаги въ пряжу, чтобы выручить при этомъ для себя прибавочную цѣнность (Mehrwerth). Допустимъ, что онъ имѣетъ въ качествѣ сырого матеріала 10 фунт. хлопчатой бумаги, орудія производства (напр., веретена), изъ которыхъ извѣстная часть должна изнашиваться при переработкѣ этого количества хлопка, затѣмъ онъ нанимаетъ себѣ рабочую силу. Пусть цѣна бумаги равняется 10 шилл., цѣна части веретена, которая износится, равна 2 шилл., и, наконецъ, дневная плата нанятаго рабочаго равняется 3 шилл. Эти три шиллинга соотвѣтствуютъ результатамъ той работы, которую нашъ работникъ способенъ произвести въ теченіе 6 часовъ рабочаго дня. Наконецъ работникъ, работая 6 часовъ въ день, въ состояніи превратить 10 ф. хлопчатой бумаги въ пряжу. Сколько же будутъ стоить эти 10 ф. пряжи на рынкѣ? На нихъ переносится прежде всего цѣнность затраченныхъ въ дѣло товаровъ, т.-е. 10 шилл. цѣнности сырого матеріала, 2 шиллинга цѣнности истраченнаго веретена и 3 шиллинга цѣнности, которую прибавилъ къ продукту 6-часовой трудъ рабочаго. Слѣдовательно, 10 ф. пряжи будутъ проданы за 15 шиллинговъ, а каждый фунтъ—по $1^1/_2$ шилл. Если нашъ капиталистъ совершитъ такую продажу, то онъ не выручитъ ничего, потому что его издержки какъ разъ равняются указанной суммѣ (10 шилл. за пряжу + 2 шилл. за веретено и + 3 шилл. заработной платы = 15 шилл.), и весь этотъ процессъ превращенія хлопка въ пряжу окажется для него совершенно безцѣльнымъ. Однако у него остается спа-

сительный выходъ, которымъ онъ постоянно и пользуется. Трудъ рабочаго оплаченъ имъ 3 шиллингами, но въ условіяхъ договора капиталистъ обязываетъ его работать не то количество часовъ, котораго онъ стоитъ, а большее. Капиталистъ заставляетъ рабочаго въ нашемъ примѣрѣ продолжать работу послѣ 6 час., положимъ, еще столько же, при чемъ за вторые 6 час., въ теченіе которыхъ трудъ рабочаго попрежнему прибавитъ къ переработанному продукту новую цѣнность въ 3 шилл., не будетъ ему платить ничего. Слѣдовательно, процессъ производства во вторую половину рабочаго дня приметъ слѣдующій видъ: въ теченіе 6 часовъ рабочій опять переработаетъ 10 ф. пряжи стоимостью въ 10 шилл., на 2 шилл. израсходуется веретено, затѣмъ рабочій прибавитъ своимъ 6-часовымъ трудомъ 3 шилл. новой цѣнности къ созданному имъ продукту Слѣдовательно, цѣнность новаго количества пряжи ничѣмъ не будетъ отличаться отъ цѣнности предыдущаго количества, т.-е. на рынкѣ за нее платятъ также 15 шилл. Но для капиталиста эта продажа будетъ имѣть уже совершенно новое значеніе. Въ результатѣ 12-часового дня рабочаго получилось 20 ф. пряжи, которые продаются за 30 шилл., т.-е. ровно по $1^1/_2$ шилл. за ф. Но размѣры издержекъ капиталиста будутъ равны другой суммѣ. Сопоставимъ оба эти ряда.

Цѣнность продукта:

20 ф. пряжи.	Износивш. орудія.	Цѣнность, прибавленная рабочимъ къ продукту.
20 шилл.	4 шилл.	6 шилл.

Расходы капиталиста:

20 шилл.	4 шилл.	3 шилл.

Такимъ образомъ благодаря тому, что капиталистъ оплатилъ только половину труда рабочаго, созданный имъ продуктъ будетъ стоить ему 27 шиллинговъ, а продастъ онъ его по полной цѣнности, т.-е. за 30 шил. Вычитая изъ 30—27, мы и получимъ 3 шилл. прибавочной цѣнности, присвоенной капиталистомъ, какъ результатъ неоплаченнаго чужого труда. Степень такого присвоенія можно опредѣлить, выводя отношеніе между необходимымъ и неоплаченнымъ рабочимъ временемъ. Такое отношеніе Марксъ называетъ нормой прибавочной цѣнности. Въ нашемъ примѣрѣ эта норма будетъ равняться 1 или 100%. Такъ объясняется тотъ сложный механизмъ, посредствомъ котораго на почвѣ производства—съ одной стороны, и на почвѣ обмѣна—съ другой, создается прибавочная цѣнность, присвоиваемая капиталистомъ. При этомъ, однако, необходимо оговориться, что понятіе прибавочной цѣнности Марксъ строго отграничиваетъ отъ понятія прибыли на капиталъ. До сихъ поръ въ лицѣ капиталиста нашего примѣра передъ нами выступалъ весь разнообразный по своему составу классъ лицъ, въ руки которыхъ попадаетъ прибавочная цѣнность. Фактически же эта цѣнность распредѣляется различно между разными группами капиталистовъ — предпринимателями, рантьерами, торговцами и т. п. Вездѣ только источникомъ, изъ котораго они почерпаютъ свои доходы, окажется не что иное, какъ прибавочная цѣнность. Съ другой стороны, прибыль каждаго отдѣльнаго капиталиста опредѣляется не вполнѣ соотвѣтственно указанному

нами процессу; при опредѣленіи условій ея образованія необходимо принять въ расчетъ: съ одной стороны, составъ вложеннаго въ дѣло капитала (отношеніе между постояннымъ и перемѣннымъ капиталами), а съ другой—механизмъ образованія рыночныхъ цѣнъ [1]). Капиталы предпріятій, гдѣ постоянная часть преобладаетъ надъ перемѣнной, Марксъ называетъ капиталами высокаго органическаго строенія, тѣ же капиталы, гдѣ, наоборотъ, перемѣнная часть поглощаетъ большую долю,—капиталами низкаго органическаго строенія. Естественно, что размѣры прибавочной цѣнности, даваемой предпріятіями того и другого рода, не могутъ быть одинаковы въ то время, когда общія суммы вложенныхъ въ нихъ капиталовъ (постоянный + перемѣнный) будутъ равны. Капиталы высокаго органическаго строенія дадутъ меньшую прибавочную цѣнность, чѣмъ капиталы низкаго строенія, потому что размѣры эксплуатаціи живого труда въ первомъ случаѣ меньше, чѣмъ во второмъ. Отсюда на первый взглядъ слѣдовало бы вывести заключеніе, что и прибыли такихъ предпріятій не могутъ быть равными.

Въ дѣйствительности же ничего подобнаго не происходитъ. Никакой капиталистъ, продавая свой товаръ на рынкѣ, не имѣетъ въ виду реализовать для себя именно ту прибавочную цѣнность, которая произведена въ его предпріятіи. Ему интересна не прибавочная цѣнность, а прибыль на капиталъ, за-

---

1) Къ этому вопросу—объ отношеніи между прибавочной цѣнностью и прибылью—Марксъ обращается въ третьемъ томѣ разсматриваемаго изслѣдованія.

траченный имъ какъ на покупку машинъ, орудій и сырыхъ матеріаловъ, такъ и на плату рабочимъ. Онъ не различаетъ эти теоретически неодинаковыя части и стремится получить прибыль на весь употребленный въ дѣло капиталъ. Если его прибыль оказывается ниже, чѣмъ у другого капиталиста, оперирующаго съ равнымъ по величинѣ общимъ капиталомъ предпріятія, то онъ перенесетъ свой капиталъ въ наиболѣе прибыльное производство. Такимъ образомъ, благодаря стремленіямъ капиталистовъ выручить одинаковую прибыль на одинаковый капиталъ предпріятія и возможности перевода капиталовъ изъ одной отрасли промышленности въ другую, и происходитъ то явленіе, что въ дѣйствительности товары продаются то выше своей цѣнности, то ниже ея. Продукты, произведенные въ предпріятіяхъ съ капиталомъ высокаго органическаго строенія, постоянно продаются выше ихъ цѣнности, продукты предпріятій, оперирующихъ капиталами низкаго строенія,—ниже цѣнности. Этимъ и достигается, по мнѣнію Маркса, равенство прибыли въ различныхъ предпріятіяхъ, подмѣченное уже Рикардо, но не приведенное имъ въ ясную связь съ теоріей цѣнности.

Такова послѣдняя замѣчательная попытка построенія теоріи цѣнности исключительно на принципѣ хозяйственнаго труда. Несмотря на нѣкоторыя серьезныя возраженія, выдвинутыя противъ нея недавней критикой (съ того времени, когда почувствовалась уже потребность пересмотрѣть всѣ вообще главные выводы той экономической системы, наиболѣе яркимъ выразителемъ которой былъ Марксъ),— и въ настоящее время эта теорія далеко не замѣнена еще новымъ объясненіемъ вопроса о цѣнности, ко-

торое хоть немного напоминало бы своей логической стройностью ученіе Маркса. Старанія же (особенно популярныя въ наше время) попросту поставить на мѣсто теоріи цѣнности Маркса австрійскую теорію предѣльной полезности никоимъ образомъ нельзя считать удачнымъ разрѣшеніемъ вопроса.

По соображеніямъ, высказаннымъ въ предисловіи, я не имѣю теперь возможности остановиться на этомъ моментѣ въ развитіи ученія о цѣнности; но считаю все же необходимымъ отмѣтить, что постановка новой теоріи цѣнности на мѣсто ученія Маркса немыслима теперь потому, что для этого необходимъ обстоятельный пересмотръ и другихъ основныхъ вопросовъ экономической теоріи, который пока далеко еще не выполненъ. Въ такой предварительной работѣ особенное значеніе должно имѣть изслѣдованіе условій распредѣленія хозяйственныхъ благъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи (какъ мы увидимъ ниже, въ отдѣлѣ о доходахъ) теорія Маркса содержитъ крупные пробѣлы и неточности [1]).

При пересмотрѣ ученія Маркса въ указанномъ направленіи не слѣдуетъ уклоняться съ пути, котораго должно держаться всякое экономическое изслѣдованіе. Почему-то въ вопросѣ о цѣнности скорѣе всего забывается основное методологическое требованіе, что необходимо строго разграничивать выводы, имѣющіе болѣе общее теоретическое значеніе, отъ выводовъ, полученныхъ на основаніи изслѣдованія той или иной исторической эпохи въ раз-

[1]) Австрійская же теорія цѣнности, какъ мы видѣли изъ предыдущаго, игнорируетъ даже условія производства хозяйственныхъ благъ, которыя и въ настоящее время представляются наиболѣе изученными и выясненными.

витіи хозяйственной дѣятельности. Между тѣмъ именно здѣсь, при крайней сложности и трудности вопроса, подлежащаго выясненію, необходимо быть наиболѣе строгимъ въ употребленіи методовъ изслѣдованія. Нельзя не замѣтить при этомъ, что особенное, вниманіе должно быть обращено на изученіе процесса образованія цѣнности въ періодъ капитализма [1]).

---

[1]) Авторъ надѣется въ непродолжительномъ времени вернуться къ этому вопросу въ подготовляемой имъ спеціальной монографіи о заработной платѣ. Въ существующей критической литературѣ наиболѣе интересны замѣчанія *Штольцмана* и *Бернштейна* (*R. Stolzmann*, Die sociale Kategorie in der Volkswirthschaftslehre. Berlin, 1896; *E. Bernstein*, Die Voraussetzungen des Socialismus und die Aufgaben der Sccialdemokratie. Berlin, 1899). См. также *С. Франкъ*, Теорія цѣнности Маркса и ея значеніе. Спб., 1900 г.; *А. Мануиловъ*, Понятіе цѣнности по ученію классическихъ экономистовъ. Москва, 1901 г., и *Туганъ-Барановскій*, Очерки изъ исторіи политической экономіи. Спб., 1902 г.

Лекція восьмая.

Ученіе о рыночномъ обмѣнѣ.—Система рынковъ.—Процессъ установленія цѣнъ на рынкѣ.—Законъ спроса и предложенія.—Вліяніе монополій на образованіе рыночныхъ цѣнъ.—Покровительственная таможенная политика.—Русскій сахарный синдикатъ.—Вопросъ о расширеніи рынка.—Британскій имперіализмъ.—Какой рынокъ необходимъ для Россіи: внѣшній или внутренній?

Мм. гг. Въ прошлый разъ мы разсмотрѣли основной принципъ, при помощи котораго регулируется товарный обмѣнъ. Теперь мы должны провести нашъ анализъ дальше и посмотрѣть на тотъ механизмъ, при помощи котораго совершается фактическій процессъ обмѣна товаровъ на рынкѣ. Для этого намъ прежде всего необходимо выяснить, что такое рынокъ. Рынкомъ въ обыкновенной рѣчи принято называть мѣсто, на которомъ совершается покупка или продажа товаровъ. Съ точки же зрѣнія научной и соціально-экономической подъ рынкомъ понимается совокупность представителей опредѣленныхъ хозяйственныхъ территорій (населеніе города, промышленнаго округа, страны, колоніи), обмѣнивающихся своими продуктами. Въ исторической жизни человѣчества рыночный обмѣнъ появляется очень рано. Но онъ начинаетъ проникать собой весь строй экономическихъ отношеній лишь въ сравнительно недавнее время. Съ развитіемъ капиталистическаго строя народнаго хозяйства широко развивается и

механизмъ мѣнового оборота, и вопросъ о рынкахъ для этой эпохи хозяйственнаго развитія пріобрѣтаетъ чрезвычайно важное значеніе. Вотъ почему и намъ необходимо остановиться на этомъ вопросѣ, чтобы уяснить себѣ одну изъ существенныхъ сторонъ современной экономической организаціи. Намъ уже приходилось упоминать, что характерной чертой позднѣйшаго экономическаго развитія представляется постепенное усложненіе и расширеніе мѣнового оборота. Въ хозяйствѣ капиталистическихъ націй мы встрѣчаемся съ цѣлой системой разнаго рода рынковъ, въ которой легче всего разобраться, если начать разсмотрѣніе ея съ наименьшихъ рыночныхъ центровъ, переходя постепенно къ болѣе обширнымъ мѣновымъ отношеніямъ. Итакъ, если бы мы пожелали отдать себѣ отчетъ о механизмѣ рыночнаго оборота въ какой-либо изъ современныхъ капиталистическихъ націй, то мы прежде всего должны были бы взять небольшую территорію и посмотрѣть, какія формы принимаетъ на ней товарное обращеніе. Прежде всего мы замѣтили бы, что существуетъ нѣкоторое раздѣленіе занятій между городомъ и деревней, соотвѣтственно различіямъ въ характерѣ городской и сельской жизни. Въ городѣ концентрируется обыкновенно производство такихъ предметовъ, которые могутъ быть вырабатываемы въ большихъ количествахъ на незначительномъ сравнительно пространствѣ. Таковы продукты обрабатывающей промышленности. Масса населенія, сосредоточенная въ городѣ, не можетъ найти тамъ множества продуктовъ, въ которыхъ она нуждается, а, главнымъ образомъ, съѣстныхъ припасовъ и сырыхъ матеріаловъ разнаго рода. Ихъ нужно доста-

вать изъ мѣстностей, лежащихъ за городской чертой. Уже для небольшихъ городовъ можно замѣтить тяготѣніе товаровъ, исходящихъ изъ сельско-хозяйственной промышленности, къ извѣстному центру, но если мы возьмемъ какой-нибудь крупный промышленный центръ, напр., какой-нибудь столичный городъ большого европейскаго государства, то мы увидимъ, что районъ тяготѣнія къ нему сельскохозяйственныхъ продуктовъ представляется чрезвычайно широкимъ. Постепенное расширеніе района рыночнаго обмѣна связывается съ развитіемъ и усовершенствованіемъ путей сообщенія, облегчающихъ подвозъ товаровъ изъ такихъ мѣстностей, которыя прежде были совершенно лишены торговыхъ сношеній съ даннымъ центральнымъ пунктомъ. По мѣрѣ развитія желѣзнодорожной сѣти и усовершенствованія морского и рѣчного судоходства узы рыночнаго обмѣна, связывающія крупные города съ сельско-хозяйственными округами, становятся все болѣе и болѣе тѣсными и распространяются на весьма обширные географическіе районы. Въ видѣ примѣра того, какъ современный крупный городъ притягиваетъ къ себѣ продукты сельско-хозяйственнаго производства и, вообще, разнообразные сырые матеріалы, я могу указать на Парижъ, гдѣ этотъ процессъ удобнѣе наблюдать, потому что само дѣло снабженія жителей продуктами сельскаго хозяйства, рыболовства и т. п. весьма стройно организовано и очень доступно для наблюдателя. Уже изъ описанія Центральнаго рынка (Halles Centrales), которое даетъ Зола въ его «Чревѣ Парижа», вы имѣете представленіе о той массѣ продуктовъ, которая ежедневно привозится въ Парижъ. Подъѣзжая

къ Парижу, вы замѣчаете, какъ обычный типъ полевой культуры смѣняется огороднической, садовой и даже цвѣточной. Если бы наблюдатель вышелъ изъ поѣзда поздно вечеромъ на одной изъ пригородныхъ станцій, онъ замѣтилъ бы, что здѣсь деревенская трудовая жизнь далеко еще не затихла. Вмѣсто того, чтобы улечься спать послѣ утомительной дневной работы, каждый мелкій хозяинъ-огородникъ старается собрать извѣстное количество овощей, которое онъ можетъ снять съ своего огорода и отправить въ Парижъ. И вотъ въ то время, когда замираетъ трудовая парижская жизнь, когда замѣтны только группы людей, возвращающихся изъ театровъ или ресторановъ, по узкимъ, извилистымъ улицамъ парижскихъ предмѣстій движется масса повозокъ, которыя доставляютъ для жителей всемірной столицы продукты потребленія слѣдующаго дня. Если вы пойдете за этими телѣжками по направленію къ Центральному рынку, вы увидите, какъ постепенно заполняются не только крытые павильоны, но и вся площадка передъ ними нагружается огромной массой продуктовъ, среди которыхъ русскаго наблюдателя въ особенности поражаетъ масса всякаго рода овощей и фруктовъ. Уже среди нихъ вы замѣтите, однако, такіе продукты, которые, очевидно, привезены издалека, напр.: апельсины, лимоны, виноградъ. Проходя въ другія отдѣленія, вы увидите рыбу, наканунѣ выловленную въ морѣ и доставленную желѣзной дорогой, масло и другіе молочные продукты изъ Нормандіи, туши быковъ, только что убитыхъ на городскихъ бойняхъ, куда они были доставлены изъ отдаленныхъ департаментовъ, и т. д. Однако

товарами, обращающимися на Центральномъ рынкѣ, далеко не исчерпывается рыночный обмѣнъ Парижа. Не говоря о другихъ мѣстныхъ рынкахъ, сосредоточивающихъ, подобно Центральному, продажу жизненныхъ припасовъ, въ Парижъ привозится много сырья для переработки на парижскихъ фабрикахъ и заводахъ, угля для топлива, строительныхъ матеріаловъ для постройки домовъ, починки и устройства мостовыхъ, проложенія городскихъ рельсовыхъ путей, сооруженія мостовъ и т. д. Описанныя явленія составляютъ одну сторону рыночнаго обмѣна Парижа, именно, снабженіе его жителей продуктами, доставляемыми изъ прилегающихъ мѣстностей и изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ районовъ. Но вѣдь парижане получаютъ эти продукты не даромъ, они даютъ что-то въ обмѣнъ на полученные товары. Оставимъ въ сторонѣ тѣхъ лицъ, которыя получаютъ свои доходы внѣ промышленной дѣятельности (отъ государственной службы, либеральныхъ профессій и т. п.). Насъ интересуетъ теперь другая сторона городской жизни, именно, непосредственное участіе горожанъ въ промышленной дѣятельности. Посмотримъ внимательно на окраины шумной столицы, и мы найдемъ тамъ множество фабричныхъ трубъ, возвышающихся надъ окрестными зданіями и наглядно показывающихъ намъ значеніе города въ современномъ общественномъ хозяйствѣ. Пройдите утромъ по окраинамъ, и вы увидите, какъ въ извѣстные часы улицы начинаютъ наполняться густыми толпами рабочихъ, быстро поглощаемыми широко раскрытыми фабричными воротами. Послѣдній звонокъ... Ворота захлопываются, улица пустѣетъ, но зато внутри мрачнаго фабрич-

наго зданія кипитъ неустанная работа: это городъ спѣшитъ отдать свой долгъ деревнѣ.

Характеръ города, какъ центра обрабатывающей промышленности, обнаруживается еще рельефнѣе при наблюденіи не столицъ, куда жители притягиваются, помимо хозяйственныхъ причинъ, административнымъ, политическимъ и культурнымъ значеніемъ столичнаго центра, а чисто-промышленныхъ городовъ. Такіе города особенно типичны въ Англіи, напр., Манчестеръ, Ольдгэмъ, Бирмингамъ, Нью-Кэстль и др.

Но рыночный обмѣнъ не ограничивается отношеніями между городомъ и прилегающей къ нему сельско-хозяйственной территоріей. До сихъ поръ мы выбирали только одинъ пунктъ на географической картѣ, изображающей какое-либо изъ современныхъ капиталистическихъ государствъ, и пытались опредѣлить его связь съ районами производства жизненныхъ припасовъ и сырыхъ матеріаловъ. Обратимся теперь ко всей государственной территоріи. Мы увидимъ здѣсь прежде всего, что процессъ общественнаго раздѣленія труда не ограничивается однимъ отдѣленіемъ сельско-хозяйственной промышленности отъ обрабатывающей и что въ предѣлахъ самой обрабатывающей промышленности существуетъ своя территоріальная специализація занятій. Въ одной мѣстности сосредоточена хлопчатобумажная промышленность, въ другой — шерстяная, въ третьей — металлургическая, въ четвертой — машиностроительная, въ пятой — горшечная и т. д. Естественно, что между этими областями долженъ постоянно поддерживаться рыночный обмѣнъ. Жители Манчестера покупаютъ металлическія

издѣлія, изготовленныя въ Бирмингамѣ, посуду, сдѣланную въ Стаффордширѣ, и шерстяныя матеріи, вытканныя въ графствѣ Йоркъ; съ своей стороны, жители Іоркшира, Стаффордшира и Бирмингама одѣваются въ хлопчатобумажныя ткани, выдѣланныя въ Манчестерѣ. Такимъ образомъ рыночный обмѣнъ охватываетъ своими нитями всю государственную территорію, объединяя малѣйшія ея подраздѣленія.

Однако и на этомъ еще система рынковъ далеко не кончена. Допустимъ, что въ какомъ-либо графствѣ выдѣлываются машины для текстильной промышленности Ланкашира. Фабриканты, изготовляющіе эти машины, замѣчаютъ черезъ нѣкоторое время, что въ Манчестерѣ ихъ товара уже достаточно и что новый спросъ слишкомъ слабъ для того, чтобы поддерживать производство въ прежнемъ размѣрѣ, не говоря уже о дальнѣйшемъ его расширеніи. Между тѣмъ капиталистическій характеръ машиностроительныхъ фабрикъ настойчиво требуетъ дальнѣйшаго расширенія производства. Переводъ капитала въ другое производство сопряженъ съ большими затрудненіями, и фабриканты стараются найти болѣе удобный выходъ. Они узнаютъ, что на текстильныя машины есть еще спросъ изъ Россіи, гдѣ существуетъ много хлопчатобумажныхъ фабрикъ, но гдѣ машиностроительныхъ заводовъ, которые изготовляли бы текстильныя машины, еще не существуетъ. Англійскія фабрики начинаютъ продавать свои машины въ Россію; Россія же въ свою очередь вывезетъ въ Англію свою пшеницу и тѣмъ покроетъ торговые расчеты.

Рынокъ становится, такимъ образомъ, международнымъ. Въ системѣ общественнаго раздѣленія труда Россія и Англія, согласно этому примѣру, займутъ приблизительно такое же мѣсто, какъ городъ и сельско-хозяйственный округъ въ первомъ примѣрѣ.

Но въ международномъ раздѣленіи труда и связанномъ съ нимъ международномъ рыночномъ обмѣнѣ мы замѣчаемъ, въ свою очередь, различныя формы. Главная разница лежитъ здѣсь между международнымъ обмѣномъ въ собственномъ смыслѣ слова, т.-е. обмѣномъ между независимыми государствами, и отношеніями между метрополіей и ея колоніями. Суверенныя государства могутъ заграждать таможенными пошлинами свои предѣлы для иностранныхъ товаровъ; съ другой стороны, каждое культурное государство стремится развить самостоятельную промышленность; въ такомъ случаѣ, если капиталистическая страна не можетъ уже разсчитывать на достаточное расширеніе своего внутренняго рынка, ей не остается иного выхода, какъ пріобрѣтать колоніи, т.-е. какъ бы расширять собственную территорію, прибавлять къ своему внутреннему рынку новыя области. Такъ какъ вновь пріобрѣтаемыя земли по существу своему представляются, главнымъ образомъ, вмѣстилищами добывающей и сельско-хозяйственной промышленности, то капиталистическая страна извлекаетъ большія выгоды изъ этого расширенія общественнаго раздѣленія труда, заставляя колоніальныхъ жителей покупать ея обработанныя издѣлія и давать взамѣнъ нужные ей сырые матеріалы и жизненные припасы. По мѣрѣ упроченія цивилизаціи въ колоніяхъ, туда начинаютъ уходить свободные капиталы, не находя-

щіе себѣ помѣщенія въ самой метрополіи. Метрополія находитъ, такимъ образомъ, себѣ и рынокъ для продуктовъ и мѣсто созданія новыхъ промышленныхъ предпріятій.

Въ этомъ заключается коренное отличіе колоніальной политики новаго времени отъ аналогичныхъ явленій античной жизни. Древній Римъ завоевывалъ новыя страны, но пользовался ими не какъ новымъ членомъ въ системѣ общественнаго раздѣленія труда, а какъ прямымъ источникомъ принудительныхъ сборовъ. Колоніи опустошались поборами и грабежомъ проконсуловъ и подчиненныхъ имъ лицъ, и узы, соединявшія ихъ съ метрополіей, естественно должны были со временемъ все болѣе и болѣе слабѣть. Бѣдствія покоренныхъ странъ вытекали по преимуществу изъ общаго строя античной жизни, построенной въ главныхъ основахъ изъ замкнутыхъ домашнихъ хозяйствъ. Для широкаго общественнаго раздѣленія труда при такомъ строѣ не было мѣста. Совершенно иной характеръ носитъ колоніальная политика капиталистическихъ странъ. Англія, напр., не облагаетъ колоній податями; она пользуется ими исключительно какъ рынкомъ для сбыта продуктовъ и помѣщенія капиталовъ. Отсюда и отношенія между колоніями и метрополіей становятся болѣе тѣсными и дружелюбными. Патріотизмъ австралійскихъ колоній, обнаруженный ими въ южно-африканскую войну, объясняется сознаніемъ выгодъ, получаемыхъ ими отъ Англіи; Англія защищаетъ ихъ отъ нападеній со стороны другихъ державъ и тѣмъ обезпечиваетъ имъ благополучное существованіе, освобождая отъ крупныхъ затратъ на оборону, а между тѣмъ, она не налагаетъ на

нихъ никакихъ финансовыхъ тягостей, ограничиваясь торговымъ обмѣномъ, выгоднымъ для обѣихъ сторонъ.

Итакъ, современная система рынковъ основывается: 1) на отдѣленіи промышленности отъ сельскаго хозяйства, города отъ деревни; 2) на раздробленіи самой промышленной дѣятельности на множество самостоятельныхъ промысловъ и 3) на болѣе быстромъ развитіи обрабатывающей промышленности по сравненію съ сельско-хозяйственной, что требуетъ распространенія территоріи обмѣна на большій и большій районъ.

Выяснивъ себѣ процессъ образованія рынковъ, процессъ постепеннаго расширенія торговаго обмѣна, мы и можемъ теперь обратиться къ изслѣдованію механизма, при помощи котораго устанавливаются рыночныя цѣны. Подъ цѣной въ экономической наукѣ понимается тотъ эквивалентъ, который отданъ въ обмѣнъ за данный товаръ, т.-е. количество какихъ-либо предметовъ, имѣющихъ цѣнность. Чаще всего такимъ эквивалентомъ оказываются деньги, и потому прежніе экономисты говорили обыкновенно, что цѣна — это цѣнность товара, выраженная въ деньгахъ. Различные экземпляры одного и того же товара продаются обыкновенно по разнымъ цѣнамъ. Но есть, однако, общій уровень, къ которому тяготѣютъ въ среднемъ цѣны товаровъ. Условіемъ, уравнивающимъ цѣны товаровъ на рынкѣ при современномъ хозяйственномъ строѣ, является по преимуществу свободная конкуренція между продавцами и покупщиками. Въ настоящее время по общему правилу устранены уже средневѣковыя монополіи, ограничивавшія самыми разнообразными мѣ-

рами производство продуктовъ и замыкавшія изготовленіе каждой отдѣльной категоріи товаровъ въ рамкахъ спеціальной цеховой корпораціи. Теперь каждому производителю предоставляется право производить такой товаръ и въ такомъ количествѣ, какъ онъ найдетъ нужнымъ. Если онъ будетъ соблюдать санитарныя и иныя полицейскія требованія, предъявляемыя къ нему правительствомъ, то никто не помѣшаетъ ему по собственному усмотрѣнію расширять или суживать свое производство, пере ходить отъ одной отрасли къ другой и т. п. При существованіи улучшенныхъ путей сообщенія оказывается поэтому возможнымъ представить на данный рынокъ въ любой моментъ такое количество товаровъ, какое требуется. Итакъ, передъ нами на рынкѣ двѣ категоріи лицъ: одни покупаютъ или, говоря техническимъ языкомъ, предъявляютъ спросъ на извѣстные товары, а другія продаютъ или предлагаютъ ихъ. Подъ спросомъ при этомъ понимается совокупность средствъ, которыми располагаютъ покупщики, а подъ предложеніемъ — совокупность предлагаемыхъ къ продажѣ товаровъ. Какимъ же образомъ происходитъ приведеніе раз личныхъ цѣнъ на товары, обращающіеся на данномъ рынкѣ, къ одному уровню? Представьте себѣ, что товара предлагается меньше того количества, на которое предъявленъ спросъ. При такихъ условіяхъ покупщикъ согласится лучше заплатить больше, но не уйти съ пустыми руками, и цѣна товара поднимается. Тогда возникаетъ конкуренція и между продавцами: выгоды продажи даннаго товара привлекутъ на рынокъ многихъ другихъ лицъ; производство его расширится, могутъ быть

созданы даже новыя предпріятія, или онъ можетъ быть подвезенъ изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей. Мало-по-малу товара будетъ предложено на рынкѣ достаточное количество для удовлетворенія существующаго спроса, и цѣна на него упадетъ, дойдя до средняго уровня. Равнымъ образомъ, если бы количество товара, предлагаемаго на рынкѣ, возросло несоразмѣрно по сравненію съ спросомъ на него, то цѣны на него упали бы. Но сейчасъ же наступили бы и продиводѣйствующія вліянія: благодаря дешевизнѣ продуктовъ, къ прежнимъ покупателямъ присоединятся другіе, средства которыхъ окажутся достаточными для покупки даннаго товара. Если цѣна все еще будетъ слишкомъ низка, чтобы покрывать издержки и давать прибыль продавцамъ, то нѣкоторые изъ нихъ сократятъ производство, а иные, можетъ-быть, откажутся совсѣмъ отъ этой отрасли промышленной дѣятельности и переведутъ свои капиталы въ болѣе прибыльное занятіе. Такой процессъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока и здѣсь цѣны не достигнутъ средняго уровня. Такъ, путемъ приноровленія спроса къ предложенію, и устанавливаются рыночныя цѣны. Милль очень удачно сравниваетъ процессъ образованія цѣнъ съ колебаніями морской поверхности. Каждая точка на поверхности воды постоянно мѣняетъ свое мѣсто. Верхній слой океана постоянно колеблется волнами, а иногда возмущается сильными бурями, и тѣмъ не менѣе общій уровень его поверхности неизмѣнно остается однимъ и тѣмъ же [1]). Однако и при современныхъ

---

[1]) Теорія образованія рыночныхъ цѣнъ въ существѣ была развита уже Ад. Смитомъ. Изъ послѣдующихъ характери-

условіяхъ хозяйственнаго строя принципъ свободной конкуренціи не является безраздѣльно господствующимъ на рынкѣ. И въ настоящее время существуетъ цѣлый рядъ ограниченій свободы обмѣна, хотя и не имѣющихъ прежняго характера безусловной принудительности, какой отличалась цеховая система. Даже въ наиболѣе передовыхъ промышленныхъ странахъ мы найдемъ цѣлый рядъ разнообразныхъ монополій, изъ которыхъ нѣкоторыя представляютъ собой пережитки болѣе раннихъ эпохъ экономическаго развитія, другія же, наоборотъ, образуютъ совершенно естественный продуктъ самого капиталистическаго режима. Наибольшій интересъ изъ существующихъ ограниченій свободы рыночнаго обмѣна представляютъ монополіи, образуемыя синдикатами капиталистовъ, и таможенныя стѣсненія торговли между самостоятельными государствами. Остановимся сначала на разсмотрѣніи искусственныхъ преградъ, которыя ставятся мѣновому обороту на почвѣ внѣшней торговли. Развитіе внѣшней торговли знаетъ цѣлый рядъ постепенно смѣнявшихся типовъ подобныхъ монополій. Въ то время, когда зарождалась обширная внѣшняя торговля европейцевъ съ новооткрытыми заокеанскими колоніями, господствующимъ типомъ торговой организаціи были монопольныя торговыя компаніи. Въ сущности, эти компаніи производили не столько торговлю, сколько прямой грабежъ населенія новыхъ странъ. Такъ создались богатства первыхъ государствъ, вступив-

---

стикъ заслуживаютъ наибольшаго вниманія изслѣдованія *Германа* (*Hermann*, Staatswirthschaftliche Untersuchungen) и *Неймана* (въ главахъ IV и VI 1-го тома курса Шёнберга).

шихъ на этотъ новый путь,—Испаніи и Португаліи, которыя вскорѣ сами поплатились за свою хищническую политику. Не имѣя прочной хозяйственной точки опоры во внутреннемъ производствѣ, не развивая своихъ собственныхъ производительныхъ силъ, Испанія являлась лишь передаточной станціей между колоніями и другими европейскими государствами. Она пріобрѣтала на награбленное золото различные товары изъ сосѣднихъ европейскихъ странъ, не заботясь о развитіи собственнаго производства. Поэтому, когда ей пришлось вступить въ борьбу съ другими, болѣе сильными конкурентами — сначала Голландіей, затѣмъ Англіей, она должна была уступить мѣсто новымъ, болѣе свѣжимъ силамъ, какими располагали эти страны, и быстро утратила свое былое могущество. Голландія же обратила вниманіе на перевѣсъ техники тогдашнихъ странъ далекаго востока и соотвѣтственно этому измѣнила торговую политику. Въ то время Европа не производила еще многихъ болѣе тонкихъ издѣлій, каковы, напр., дорогія ткани, оружіе, золотая и серебряная посуда и т. д. Всѣ эти рѣдкія вещи изготовлялись на далекомъ востокѣ, и голландскіе торговцы, монополизировавъ въ своихъ рукахъ торговлю ими, сбывали ихъ въ Европѣ за чрезвычайно выгодныя цѣны. Кромѣ того, изъ Азіи же шли нѣкоторые продукты сельско-хозяйственной культуры, какъ, напр., кофе, разныя пряности и т. п. Голландцы старались расширять существующія плантаціи и монополизировали торговлю и этими предметами. Дальнѣйшую стадію въ развитіи внѣшней торговли составляетъ вывозъ обработанныхъ издѣлій изъ однихъ европейскихъ

странъ въ другія. Такъ, во Франціи и въ Англіи мѣстная мануфактура, все развиваясь, стала производить товары, превышающіе своимъ качествомъ издѣлія другихъ странъ, которые мало-по-малу стали выходить за предѣлы внутренняго рынка и искать себѣ сбыта за границу. Это время совпало съ переходомъ отъ феодальнаго государственнаго порядка къ централизованной монархіи, опирающейся на оплачиваемое чиновничество и постоянное войско. Отсюда постоянная нужда европейскихъ правительствъ въ деньгахъ и стремленіе всѣми мѣрами привлечь ихъ въ предѣлы своего государства. Задачей торговой политики явился тогда не вывозъ изъ восточныхъ странъ обработанныхъ издѣлій, а, напротивъ, пріобрѣтеніе сырого матеріала и вывозъ изъ своихъ странъ обработанныхъ продуктовъ. При этомъ считалось весьма выгоднымъ, если вывозъ изъ своей страны превышалъ ввозъ, и разницу, такимъ образомъ, иностранцы уплачивали деньгами (золотомъ и серебромъ). Это называлось имѣть благопріятный торговый балансъ. Торговая политика, преслѣдовавшая указанныя цѣли, получила названіе системы меркантилизма или меркантильной системы. Она существовала до тѣхъ поръ, пока продолжали сохранять свою силу вызвавшія ее экономическія условія. Такъ какъ ввозъ обработанныхъ издѣлій при ней или совершенно запрещался, или сильно затруднялся охранительными пошлинами, то для промышленниковъ того времени (мануфактуристовъ) создавались монопольныя условія продажи ихъ продуктовъ на внутреннемъ рынкѣ. Мало-по-малу для нѣкоторыхъ странъ, ушедшихъ дальше дру-

гихъ по пути промышленнаго развитія, подобная политика оказалась уже стѣснительной. Англія, достаточно усилившая къ началу XIX в. и свое морское могущество, и промышленную дѣятельность, выступила прежде другихъ европейскихъ государствъ съ новыми принципами свободы торговли. Развитіе машиннаго производства еще болѣе содѣйствовало упроченію этихъ принциповъ. Но тогда для сравнительно отсталыхъ государствъ континента возникъ вопросъ, устоитъ ли въ неравной борьбѣ съ дешевыми англійскими издѣліями мѣстная промышленность, которая только что начинала организовываться по типу крупнаго машиннаго производства. Такъ нужды экономической жизни породили новую доктрину таможенной политики, въ которой до нѣкоторой степени воскресъ прежній меркантилизмъ. Опять заговорили о защитѣ и покровительствѣ туземной промышленности, о запрещеніи и стѣсненіи ввоза иностранныхъ товаровъ. Основателемъ этой доктрины (протекціонизма) былъ извѣстный германскій экономистъ Фридрихъ Листъ. Дальнѣйшее научное развитіе по существу ничего не прибавило къ его аргументамъ. Листъ настаивалъ на томъ принципіальномъ положеніи, что каждую страну слѣдуетъ разсматривать въ процессѣ ея историческаго развитія. Если сосѣднія страны пошли дальше въ своей экономической эволюціи, тогда какъ данная страна стоитъ еще на сравнительно низшей ступени развитія, то борьба между ними на промышленной почвѣ невозможна, потому что побѣда всегда останется за болѣе передовой страной. Это была бы жалкая борьба карлика съ великаномъ, и потому

на обязанности государственной власти отсталой страны лежитъ принятіе такихъ мѣръ, которыя дали бы этой странѣ возможность пережить трудное время, окрѣпнуть, стать на собственныя ноги, развивая постепенно свою обрабатывающую промышленность. И только послѣ того, какъ туземная промышленность сравняется по своимъ силамъ съ промышленностью сосѣдей, ихъ товарамъ можно будетъ открыть доступъ на внутренній рынокъ, обращаясь къ принципамъ свободной торговли. Тогда промышленная борьба между этими странами не будетъ ни гибельной, ни безплодной, а станетъ способствовать усовершенствованію и дальнѣйшему развитію ихъ промышленности. Итакъ, въ самой основѣ разбираемой теоріи заключается мысль о постепенной отмѣнѣ ограниченій, которыя создаются въ видахъ охраны мѣстной промышленности отъ иностранной конкуренціи. Само же покровительство заключается въ созданіи спеціальнаго таможеннаго тарифа, т.-е. въ установленіи особыхъ налоговъ, взимаемыхъ за привозимые изъ-за границы товары. Для того, чтобы иностранные товары не создавали убыточной для туземныхъ фабрикантовъ конкуренціи на внутреннемъ рынкѣ, на нихъ назначается пошлина такого размѣра, чтобы они могли продаваться по цѣнѣ, при которой страна можетъ развить собственное производство. При такой постановкѣ вопроса противъ покровительственной таможенной политики ничего нельзя возразить. Но ея примѣненіе требуетъ большой осторожности и предусмотрительности, а также значительнаго совершенства государственнаго механизма. въ которомъ были бы представлены интересы не

однихъ фабрикантовъ, но всѣхъ классовъ населенія. Таможенное покровительство сопряжено съ большими опасностями для общества, такъ какъ оно поддерживаетъ фабрикантовъ, не требуя съ ихъ стороны большого промышленнаго искусства, энергіи и изобрѣтательности. Выступая съ покровительственной системой, государственная власть должна имѣть въ виду опасность поощренія промышленнаго застоя, а потому заранѣе должна поставить необходимымъ условіемъ протекціонизма постепенное пониженіе пошлинъ по мѣрѣ развитія отечественной промышленности [1]). Однако опытъ показываетъ, что такая политика осуществима съ величайшими затрудненіями. Подобно тому, какъ фабричное законодательство встрѣчало повсюду упорную оппозицію, такъ и таможенная политика, направленная на постепенное смягченіе охранительныхъ мѣръ, повсюду наталкивается на сопротивленіе со стороны фабрикантовъ, которые, наоборотъ, желаютъ всегда только дальнѣйшаго усиленія правительственной поддержки. Благодаря настояніямъ фабрикантовъ, теоретическія построенія протекціонистовъ, предполагающія постепенное усовершенствованіе родной промышленности и соотвѣтственное пониженіе пошлинъ, на практикѣ принимаютъ совершенно иной видъ. Между прочимъ, и въ нашемъ отечествѣ система таможеннаго покровительства обрабатывающей промышленности построена на неправильномъ принципѣ постепеннаго усиленія, а не смягченія охранительныхъ мѣръ. Въ такомъ видѣ

[1]) Согласно принципу Листа: „Покровительственныя пошлины—нашъ путь, свободная торговля—наша цѣль“.

протекціонизмъ создаетъ уже совершенно нежелательныя монополіи, которыя нельзя извинить никакими соображеніями высшей политики. Противъ такой формы покровительства обрабатывающей промышленности слѣдуетъ особенно бороться, если имѣть въ виду даже выгоды самой промышленности, конечно, въ ея цѣломъ, а не отдѣльныхъ фабрикантовъ и заводчиковъ. Мѣстная промышленность, огражденная плотнымъ кольцомъ таможеннаго тарифа отъ иностранной конкуренціи, лишается важнаго стимула къ введенію техническихъ улучшеній и постепенно деградируетъ. Имѣя возможность получать огромныя прибыли при сохраненіи отсталыхъ техническихъ пріемовъ, мѣстные промышленники перестаютъ заботиться о какихъ бы то ни было существенныхъ измѣненіяхъ въ производствѣ, и такимъ образомъ, вмѣсто желательнаго прогрессивнаго развитія отечественной промышленности, наступаетъ полный застой. Съ другой стороны, чрезмѣрная прибыль, получаемая туземными фабрикантами въ покровительствуемыхъ отрасляхъ промышленности, привлекаетъ къ нимъ много капиталовъ, которые при иныхъ условіяхъ нашли бы себѣ болѣе выгодное назначеніе для общихъ интересовъ страны. Въ такомъ видѣ покровительственная система и до сихъ поръ существуетъ въ Россіи. Поэтому для характеристики вліянія монополіи на цѣны товаровъ я въ данномъ случаѣ остановлюсь на примѣрѣ нашего отечества, таможенная политика котораго даетъ намъ возможность наблюдать рядъ весьма характерныхъ явленій. Начало покровительственной политики въ Россіи восходитъ еще къ царствованію Петра Великаго, когда мы впервые

вступили въ болѣе интенсивныя сношенія съ европейскими государствами и когда новыя государственныя потребности потребовали и устройства туземныхъ фабрикъ и заводовъ (для выдѣлки солдатскихъ суконъ, оружія, пороха, бумаги и т. п.). Въ европейской политикѣ того времени господствовала еще система меркантилизма, основныя положенія которой и примѣнило къ русской жизни законодательство Петра. Съ тѣхъ поръ русское правительство не переставало поощрять туземную промышленность, охраняя ее отъ опасной конкуренціи съ иностранными предпринимателями. Я остановлюсь на ближайшемъ къ намъ времени, въ которое, какъ мы увидимъ, замѣчается тенденція не къ уменьшенію охранительныхъ пошлинъ, котораго слѣдовало бы ожидать согласно даже теоретикамъ протекціонизма, а, наоборотъ, къ все большему возрастанію ихъ. Только въ 50 и 60 гг. были установлены нѣкоторыя смягченія въ русскомъ таможенномъ тарифѣ. Въ концѣ же 60 гг. (законъ 1868 г.) и въ особенности съ 1877 г. начинается опять поворотъ къ прежней системѣ усиленнаго покровительства. Въ 1877 г. всѣ прежнія пошлины постановлено было взимать въ золотой валютѣ, что составило огульное повышеніе ихъ на 30%, соотвѣтственно тогдашнему курсу бумажныхъ денегъ. На этомъ, однако, повышательное движеніе тарифа не остановилось, и уже въ 1881 г. былъ установленъ дополнительный 10% сборъ. Въ 1882 г. были повышены пошлины на нѣкоторыя категоріи товаровъ согласно особому ходатайству фабрикантовъ и заводчиковъ. Въ 1884 г. была повышена пошлина на очень важные предметы для обрабатывающей

промышленности, а именно, на уголь и чугунъ. Въ 1887 г. таможенныя пошлины опять были повышены, на этотъ разъ изъ соображеній, главнымъ образомъ, фискальнаго характера (чтобы свести безъ дефицита бюджетъ обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ на 1888 г.). Въ 1890 г. было установлено новое огульное возвышеніе пошлинъ на 20% и вмѣстѣ съ тѣмъ была образована спеціальная комиссія для пересмотра всего таможеннаго тарифа, которая быстро закончила свою работу. Изготовленный ею проектъ, еще болѣе прежняго усиливавшій покровительство туземной промышленности, былъ проведенъ съ необычайной быстротой черезъ всѣ законодательныя инстанціи, такъ что уже въ 1891 г. былъ изданъ и приведенъ въ исполненіе новый таможенный тарифъ. О величинѣ установленныхъ имъ пошлинъ можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ.

Пошлины составляли:

Съ желѣза	отъ 60 до 80 коп. съ пуда золотомъ.
» мѣди	» 2 р. 50 к. до 3 р.
» желѣзныхъ издѣлій. . .	» 1 » 70 »
» косъ, серповъ и другихъ сельско-хоз. инструментовъ.	» 1 » 40 »

Въ среднемъ, пошлины, установленныя тарифомъ 1891 года, составляли 33% цѣнности всѣхъ ввозимыхъ товаровъ, противъ обычныхъ для европейскихъ тарифовъ 5—18% (при чемъ не слѣдуетъ забывать, что и на Западѣ—за исключеніемъ Англіи—къ этому времени торжествовала также система покровительственной политики).

Однако повышеніе пошлинъ не остановилось и на этомъ. Въ 1900 г., въ началѣ осложненій на Дальнемъ Востокѣ, нѣкоторыя пошлины были повышены на 10, 20, 30, 50% сравнительно съ прежними ставками (на писчебумажныя, химическія издѣлія, пищевые продукты, хлопокъ-сырецъ и т. д.). Въ 1903 г. былъ изданъ новый таможенный тарифъ, опять съ значительнымъ повышеніемъ ставокъ. Такъ, таможенная защита металлургической промышленности была усилена повышеніемъ пошлинъ на желѣзныя издѣлія съ 2 р. 55 к. до 4 р. 65 к. на чугунныя—съ 2 р. 55 коп. до 4 р. 65 к. Текстильная промышленность получила повышеніе ставокъ по большинству видовъ бумажной пряжи и издѣлій изъ нея и т. д.

Такъ постепенно создавалась и укрѣплялась таможенная преграда, заботливо охранявшая интересы отечественныхъ фабрикантовъ и заводчиковъ. Въ жертву чрезмѣрнымъ прибылямъ крупныхъ промышленниковъ приносились при этомъ самые насущные интересы страны. Сельское хозяйство — эта до сихъ поръ главная отрасль нашей экономической дѣятельности — терпѣло тяжкій ущербъ отъ дороговизны столь нужныхъ для него металлическихъ издѣлій (орудій, машинъ и т. п.). Въ сосѣдней съ нами Германіи сельскій хозяинъ платитъ вдвое дешевле за сельско-хозяйственныя орудія, потому что выдѣлка ихъ не затруднена въ такой мѣрѣ, какъ у насъ, таможеннымъ покровительствомъ металлургіи. Въ 90-хъ гг. матеріалъ для трехкорпуснаго плуга обходился германскому машиностроительному заводу въ 7 р. 48 к., а русскому, благодаря высокой таможенной пошлинѣ на желѣзо, въ 13 р. 9 коп. Мудрено ли, что желѣзо до сихъ поръ составляетъ боль-

шую рѣдкость въ русскомъ крестьянскомъ обиходѣ?

Монопольное положеніе нашей металлургической промышленности, созданное таможеннымъ покровительствомъ, привело, наконецъ, къ тому, что она не могла уже держаться спросомъ частныхъ покупателей, а опиралась по преимуществу на казенный заказъ, т.-е. на средства, собираемыя принудительнымъ образомъ съ массы русскаго населенія (подробно объ этомъ мы будемъ еще имѣть случай говорить въ концѣ настоящей лекціи).

Указанными условіями и объясняется то поразительное на первый взглядъ явленіе, что при отсталости примѣняемыхъ въ нашей промышленности техническихъ пріемовъ, при инертности предпринимателей, при дурномъ качествѣ изготовляемыхъ издѣлій и при слабой емкости внутренняго рынка, нашимъ крупнымъ промышленникамъ обезпечены высокіе барыши. Въ свѣдѣніяхъ, приводимыхъ «Вѣстникомъ Финансовъ» (офиціальнымъ органомъ Министерства Финансовъ) не рѣдкость встрѣтить прибыли въ 30, 40 и даже 50%. Попадаются и еще болѣе грандіозные барыши — въ 60, 70, 80%. Эти цифры весьма наглядно раскрываютъ намъ истинные источники «патріотизма» отечественныхъ фабрикантовъ, увѣряющихъ, что они отстаиваютъ интересы всей Россіи. Ниже мы еще вернемся къ вопросу объ отношеніи нашей крупной промышленности къ интересамъ главной массы русскаго населенія, а теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію вліянія на цѣны товаровъ монополій, возникающихъ на внутреннемъ рынкѣ. Въ одной изъ предыдущихъ лекцій я имѣлъ уже случай указывать, что свободная конкуренція

является далеко не всегда исправнымъ регуляторомъ производственныхъ и мѣновыхъ отношеній, и что при извѣстной степени развитія крупнаго производства среди предпринимателей обнаруживается стремленіе объединиться въ монопольные союзы. Мы видѣли, что синдикаты предпринимателей, устраняя неблагопріятное для нихъ вліяніе конкуренціи, стараются всѣми силами поддерживать цѣны на товары на желательномъ для нихъ уровнѣ. Положеніе, занимаемое такими синдикатами на рынкѣ, представляетъ характерный случай современной промышленной монополіи. Болѣе всего предпринимательскіе синдикаты развиты въ Америкѣ, но мы встрѣчаемся съ такой формой монополіи и въ Россіи. Я остановлюсь на одномъ примѣрѣ, на которомъ можно удобно прослѣдить вліяніе монопольнаго установленія цѣнъ на обѣ стороны, встрѣчающіяся на рынкѣ, т.-е. какъ на продавцевъ (промышленниковъ), такъ и на потребителей. Это — русскій сахарный синдикатъ, представляющій для насъ тѣмъ большій интересъ, что ареной его дѣятельности служитъ нашъ промышленный районъ. Исторія синдиката сахарозаводчиковъ чрезвычайно поучительна, потому что она характеризуетъ собой не только общій процессъ образованія монопольныхъ цѣнъ, но и тѣ особенныя условія, въ которыя поставлена русская обрабатывающая промышленность и русское потребленіе. Впрочемъ, прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію относящихся сюда фактовъ, я долженъ замѣтить, что наша сахарная промышленность представляется весьма сложнымъ явленіемъ, въ которомъ обнаруживается вліяніе не только монополь-

ной организаціи (синдиката), но также въ значительной мѣрѣ и акциза (государственнаго налога) и таможеннаго покровительства. Поэтому я прежде всего выдѣлю два послѣднихъ фактора, чтобы не возникло недоразумѣній относительно степени вліянія перваго. Начнемъ съ таможенной охраны. Мы знаемъ, что таможенное покровительство создаетъ монопольно - ограниченный національный рынокъ. При этомъ часто наблюдается, что одна монополія порождаетъ другую: американскіе синдикаты, напр., существуютъ въ значительной мѣрѣ благодаря покровительственной торговой политикѣ Соединенныхъ Штатовъ. Назначеніе покровительственныхъ таможенныхъ пошлинъ примѣняется и въ интересующемъ насъ случаѣ — къ защитѣ русскаго сахара отъ иностранной конкуренціи. Вотъ табличка, изъ которой можно видѣть, какъ постепенно усиливалась таможенная охрана нашей сахарной промышленности.

Таможенная пошлина на сахаръ-сырецъ.

Въ 1850 г.	3 руб. кред. съ пуда при провозѣ сухимъ путемъ.
» 1850 »	3 р. 20 к.—2 р. 80 к. при провозѣ моремъ.
» 1877 »	3 » 11 к. зол. съ пуда.
» 1882 »	3 » 49 » » » »
» 1886 »	3 » 28 » » » »
» 1890 »	4 » 15 » » » »

А съ 1891 по 1895 гг. пошлина 4 р. 15 к. — 4 р. 76 к. въ кредитной валютѣ.

Рафинадъ.

Въ 1850 г. ввозъ сахара - рафинада былъ совершенно запрещенъ.

Въ 1877 г. была установлена пошлина.

Въ 1877 г.	въ 4 р.	59 к.	зол. съ пуда.
» 1881 »	» 5 »	02 »	» » »
» 1890 »	» 5 »	40 »	» » »

» 1891—1895 гг. пошлина составляла 5 р. 93 к.— 6 р. 34 к. въ кредитной валютѣ.

Мы видимъ, что въ послѣдніе годы, съ 1891—1895 гг., пошлина на сахаръ - сырецъ дошла до 4 р. 76 к. съ пуда, при цѣнѣ сахара на внутреннемъ рынкѣ (въ районѣ сахарнаго производства) съ правительственнымъ акцизомъ около 5 р. Такая высокая пошлина совершенно устраняетъ заграничный сахаръ съ русскаго рынка за исключеніемъ незначительнаго количества, которое можетъ быть продано въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ сахарнаго производства, гдѣ, въ силу исключительныхъ обстоятельствъ, цѣна на сахаръ можетъ быть сравнительно высока. И, дѣйствительно, разсматривая цифру ввоза иностраннаго сахара въ Россію, мы увидимъ, что она составляетъ крайне ничтожную величину.

Въ періодъ отъ 1851 г. по 1876 г. иностраннаго сахара ввозилось болѣе милліона пудовъ, въ иные годы — около двухъ милліоновъ.

Съ 1877 г. привозъ сырца и рафинада падаетъ до немногихъ сотенъ пудовъ въ годъ, достигая только въ нѣкоторые годы нѣсколькихъ тысячъ.

Второе условіе, вліяющее на цѣны русскаго сахара, — акцизъ. Акцизомъ называется такой налогъ, который взимается не непосредственно съ дохода или имущества лица, а при потребленіи имъ извѣстнаго продукта. Государство заставляетъ промышленника уплатить впередъ извѣстную сумму на-

лога, а онъ уже взыскиваетъ ее съ покупщиковъ его товара, поднимая на него цѣну соотвѣтственно уплаченной правительству суммѣ съ прибавкой еще нѣкотораго излишка въ видѣ процента на затраченный на это капиталъ. Если бы, напр., товаръ безъ акциза промышленникъ продавалъ за 5 р. пудъ, то при акцизѣ въ 1 р. съ пуда онъ будетъ продавать его за 5 р. + 1 р. +, положимъ, 10 к. какъ 10% прибыли на уплаченный впередъ капиталъ, а всего, слѣдовательно, за 6 р. 10 к. Итакъ, въ концѣ-концовъ, акцизъ будетъ уплаченъ потребителями, а промышленникъ получитъ по этой операціи только лишнюю прибыль, которая, какъ мы сейчасъ увидимъ, можетъ иногда доходить до колоссальныхъ размѣровъ. Въ 1876 году акцизъ былъ опредѣленъ въ 80 к. съ пуда сахара, но не съ дѣйствительно произведеннаго количества сахара на данномъ заводѣ, а съ предполагаемаго, соотвѣтственно техническимъ условіямъ выдѣлки и количеству затраченныхъ въ дѣло сырыхъ матеріаловъ. Такія условія взиманія акциза были чрезвычайно благопріятны для сахаропромышленниковъ, потому что вводя техническія усовершенствованія, непредусмотрѣнныя закономъ, они поднимали такимъ путемъ количество дѣйствительной выработки сахара значительно выше нормы, которая была установлена для уплаты акциза. Положимъ, что заводъ уплачиваетъ акцизъ за милліонъ пудовъ въ размѣрѣ 80 к. съ пуда, а въ дѣйствительности сталъ вырабатывать 2 мил.; въ такомъ случаѣ фактически владѣлецъ даннаго завода будетъ платить не 80 к., а всего 40 к. съ пуда. Въ дѣйствительности же выгоды нашихъ сахарозаводчиковъ за размa

триваемый періодъ были еще больше; сумма фактически уплачиваемаго ими акциза составляла всего около 35 к. при установленной закономъ нормѣ въ 80 к. съ пуда. Но, избавляясь отъ уплаты 45 к. акциза, сахарозаводчики не щадили потребителей и, прикрываясь закономъ, взыскивали съ нихъ акцизъ полностью, т.-е. прибавляли къ своей прибыли и эти 45 к. Далѣе, въ виду того, что закономъ былъ установленъ возвратъ акциза за вывозимый за границу сахаръ, сахарозаводчики-экспортеры также пользовались весьма крупной преміей. Уплачивая въ казну фактически, какъ мы видѣли, 35 к., они получали отъ нея по расчету согласно законной нормѣ, т.-е. цѣлыхъ 80 к. При такихъ, особенно благопріятныхъ для сахарозаводчиковъ условіяхъ, многіе капиталисты направили свои капиталы въ эту отрасль промышленности, конкуренція между ними стала все сильнѣе и сильнѣе, и въ конечномъ результатѣ цѣны на сахаръ начали колебаться въ размѣрахъ довольно убыточныхъ для отдѣльныхъ предпринимателей. Тогда-то у русскихъ сахарозаводчиковъ и возникла впервые мысль объ устройствѣ синдиката. Сначала (съ 1887—1895 гг.) онъ основывался на частномъ соглашеніи между сахарозаводчиками (которое, кстати сказать, нарушало даже существующіе законы, но терпѣлось правительствомъ), а съ 1895 г., благодаря усиленнымъ настояніямъ сахарозаводчиковъ, онъ былъ уже нормированъ спеціальнымъ закономъ. Такимъ образомъ, теперь само государство заботится о регулированіи производства сахара и выпуска его на рынокъ. И прежній частный синдикатъ, и современная правительственная нормировка по существу

основаны на одномъ принципѣ — стремленіи поддержать высокія цѣны на сахаръ на внутреннемъ рынкѣ, вывозя излишки производства за границу, хотя бы по самымъ низкимъ цѣнамъ. Если мы посмотримъ на результаты правительственной нормировки, то увидимъ, что они сводятся прежде всего къ повышенію цѣнъ на сахаръ. Сравнивая цѣны на сахаръ до введенія нормировки и въ первые годы послѣ ея установленія, мы находимъ существенную разницу. Въ то время, какъ передъ нормировкой цѣны имѣли тенденцію къ пониженію, составляя (безъ акциза) за 1890 — 1893 гг. 3 р. 76 к., въ 1893 г. — 3 р. 68 к., въ 1894 г. — 2 р. 75 к., въ 1895 г. 2 р. 69 к., послѣ изданія закона о нормировкѣ эта тенденція рѣзко измѣняется; въ 1896 г. цѣна уже поднялась до 2 р. 91 к. Интересы потребителей, правда, были приняты закономъ въ соображеніе установленіемъ предѣльной нормы, выше которой не можетъ подниматься цѣна на сахаръ. Какъ только цѣны на внутреннемъ рынкѣ достигнутъ уровня выше предѣльной цѣны, законъ предписываетъ выпускать на рынокъ дополнительное количество сахара изъ хранящагося на этотъ случай особаго неприкосновеннаго запаса. Но послѣдніе годы показали, что это правило фактически не даетъ ожидаемыхъ результатовъ. Такъ, напр., въ 1896 г., когда предѣльная цѣна составляла 4 р. 65 к., цѣна на сахаръ на внутреннемъ рынкѣ достигала въ ноябрѣ 4 р. 80 к. Тогда было выпущено 1.250 тыс. пудовъ неприкосновеннаго запаса, но въ результатѣ этой мѣры рыночная цѣна сахара была доведена только до 4 р. 78 к., т.-е. понизилась всего на 2 к. сравнительно съ прежней циф-

рой, оставаясь на 13 к. выше предѣльной, установленной правительствомъ нормы. Главнымъ средствомъ поддержанія высокихъ цѣнъ на сахаръ на внутреннемъ рынкѣ у сахарозаводчиковъ попрежнему остается вывозъ извѣстнаго количества за границу и сокращеніе, такимъ образомъ, до желательнаго для нихъ минимума предложенія сахара на внутреннемъ рынкѣ. За 11 лѣтъ, предшествующихъ правительственной нормировкѣ (до 1896 г.), русскаго сахара было вывезено за границу около 58 мил. пудовъ, а послѣ нормировки въ одномъ только 1896 г. вывозъ достигъ 13 съ половиной мил. пудовъ, что составляетъ около $^1/_3$ всего произведеннаго въ этомъ году сахара. При этомъ сахарозаводчики не останавливаются передъ убытками заграничной продажи, потому что тѣмъ большія выгоды они получатъ въ Россіи. Излишки русскаго сахара продаются иностранцамъ приблизительно въ половинномъ размѣрѣ противъ цѣны на внутреннемъ рынкѣ (не считая, конечно, акциза). Такъ, за іюль 1897 г. при максимальной цѣнѣ сахара (включая акцизъ) въ 4 р. 86 к.—5 р. на Кіевскомъ рынкѣ, въ Лондонѣ русскій сахаръ продавался по 1 р. 55 к. за пудъ. Такая продажа оказывается, однако, выгодной для нашихъ сахаропромышленниковъ, потому что даетъ имъ возможность держать на желательномъ для нихъ уровнѣ внутреннія цѣны. Ясно, что при такихъ условіяхъ прибыль сахарозаводчиковъ составляетъ весьма крупную величину. Въ 1896—1897 гг. прибыль нѣкоторыхъ заводовъ равнялась 33 и 40% къ основному капиталу и 13 и 18% ко всѣмъ затраченнымъ въ дѣло капиталамъ, т.-е. достигла такой нормы, которая

представляется неслыханной для европейскихъ капиталистовъ. Другое слѣдствіе, которое естественно вытекаетъ изъ монопольнаго характера свеклосахарнаго производства, это — суженіе потребленія сахара. И въ самомъ дѣлѣ, если мы сравнимъ потребленіе сахара въ Россіи и въ другихъ европейскихъ государствахъ, мы найдемъ громадную разницу. Въ Англіи на душу населенія приходится 91 фунтъ сахара, въ Америкѣ—отъ 76 до 81 фун., въ Швейцаріи — отъ 39 до 55 фун., въ Франціи — отъ 27 до 30 фун., въ Германіи—отъ 23 до 31 ф. и, наконецъ, въ Россіи — отъ 8 до 11 фун., т.-е. норма, равная турецкой, греческой и болгарской въ настоящее время. Въ виду того соображенія, что широкое распространеніе потребленія сахара при нашихъ климатическихъ условіяхъ представляется крайне желательнымъ, описанная нами монопольная организація сахарнаго производства пріобрѣтаетъ еще болѣе мрачный оттѣнокъ. Въ самомъ дѣлѣ, если правительство въ послѣднее время заявляетъ о необходимости серьезной борьбы съ пьянствомъ, то наиболѣе удобнымъ и простымъ средствомъ было бы широкое потребленіе чая, которое возможно, конечно, только при удешевленіи цѣнъ чая и сахара. Итакъ, мы не можемъ не сдѣлать вывода, что существующая сахарная монополія дѣйствуетъ единственно въ интересахъ сахарозаводчиковъ, нанося ущербъ массѣ населенія [1]).

---

[1]) Интересы сахаропромышленниковъ (а отчасти и фискальныя соображенія) заставили русское правительство отказаться отъ участія въ международной конвенціи объ уничтоженіи сахарныхъ премій, заключенной 1 марта 1902 г. въ Брюсселѣ. Какъ извѣстно, этой конвенціей запрещается вы-

Выяснивъ въ главныхъ чертахъ процессъ образованія системы рынковъ при капиталистическомъ

дача вывозныхъ премій на сахаръ въ какой бы то ни было формѣ; кромѣ того, ввозная пошлина на сахаръ должна быть не выше 6 фр. со 100 килограм. для рафинированнаго сахара плюсъ внутренній акцизъ. Вступивъ въ конвенцію, Россія должна была бы понизить свой таможенный тарифъ на сахаръ и уничтожить сахарную нормировку, являющуюся скрытой формой выдачи премій за вывозъ сахара. Кромѣ того, присоединеніе къ брюссельской конвенціи должно было бы привести и къ пониженію акциза на сахаръ (что уже и осуществлено въ Бельгіи, Германіи и Франціи). Все это, конечно, было бы на благо массѣ русскаго населенія (вычисляютъ, что на удешевленіи цѣны сахара послѣ брюссельской конвенціи, принимая въ расчетъ даже старую норму потребленія сахара, населеніе Германіи должно ежегодно сберегать около 60 милл. руб., Франціи—50 милл. руб. и т. д.); но русское правительство рѣшило остаться при прежнемъ порядкѣ. Согласно брюссельской конвенціи, на сахаръ, ввозимый изъ странъ, не примкнувшихъ къ ней, назначается дополнительный налогъ. Такъ какъ благодаря этому иностранный рынокъ для русскаго сахара суживается, то правительство, видя затрудненія сахарозаводчиковъ, пришло къ нимъ на помощь закономъ 12 мая 1903 г., установившимъ новыя правила для нормировки, облегчающія сахарозаводчикамъ приспособленіе къ условіямъ, созданнымъ брюссельской конвенціей. Объ удешевленіи сахара на внутреннемъ рынкѣ позаботились при этомъ не для людей, а для скота: съ денатурализованныхъ сахарныхъ продуктовъ, т.-е. превращенныхъ въ такое состояніе, при которомъ они могутъ употребляться только на кормъ скоту и на техническія производства, акцизъ совершенно складывается. Такая организація выкормки скота на англійскій манеръ возможна, конечно, только въ весьма рѣдкихъ у насъ улучшенныхъ хозяйствахъ и едва ли замѣтно отразится на внутреннемъ потребленіи сахара; а для главной массы населенія, для русскаго крестьянства, сахаръ остается попрежнему мало доступнымъ продуктомъ.

строѣ и механизмъ товарныхъ цѣнъ, мы можемъ уже подойти къ чрезвычайно обострившемуся за послѣднее время вопросу о ближайшихъ задачахъ расширенія рынка какъ для передовыхъ капиталистическихъ странъ, такъ и для нашего отечества.

Внутренній рынокъ каждой страны, вступившей на путь капиталистическаго развитія, постепенно расширяется въ зависимости: 1) отъ развитія въ ней раздѣленія труда, 2) отъ количества ея жителей и 3) отъ высоты ихъ дохода. Послѣднее условіе, въ свою очередь, находится въ прямой связи съ размѣрами ея естественныхъ богатствъ (т.-е. пространствомъ ея территоріи и запасомъ естественныхъ матеріаловъ и силъ) и степенью умѣнья пользоваться ими, т.-е. уровнемъ техники и производительности труда ея населенія.

Говоря вообще, чѣмъ больше территорія страны, чѣмъ выгоднѣе ея географическое положеніе, и чѣмъ успѣшнѣе совершается ея техническое и соціальное развитіе, тѣмъ позже долженъ наступить для нея роковой вопросъ о расширеніи ея территоріальныхъ границъ, т.-е. о пріобрѣтеніи новыхъ рынковъ. Однако дѣйствительная исторія капиталистическаго развитія показываетъ, что погоня за внѣшними рынками начинается обыкновенно ранѣе, чѣмъ использованъ имѣющійся внутренній рынокъ. Происходитъ это отъ не разъ уже отмѣченной нами нестройности, негармоничности экономическаго развитія въ періодъ капитализма. При стихійномъ ростѣ производительныхъ силъ экономическое движеніе направляется въ сторону наименьшаго сопротивленія, т.-е. идетъ по тѣмъ путямъ, какіе выгоднѣе не для всего общества, взятаго въ цѣломъ, а для отдѣльныхъ, экономически

сильныхъ классовъ и группъ. Такъ какъ подъемъ промышленной производительности страны обгоняетъ доходы главной массы мѣстнаго населенія, то избытокъ продуктовъ нѣкоторыхъ отраслей хозяйственной дѣятельности естественно начинаетъ вытекать за ея предѣлы все болѣе и болѣе широкой волной. Къ этому присоединяются новыя обстоятельства, а именно, затрудненія въ сбытѣ продуктовъ, изготовленныхъ въ своей странѣ, заставляютъ капиталистовъ, по мѣрѣ увеличенія ихъ свободныхъ средствъ, направлять ихъ не на расширеніе имѣющихся предпріятій у себя дома, а переводить ихъ въ иностранныя государства или въ собственныя колоніи, помѣщая ихъ тамъ въ промышленныя и иныя хозяйственныя предпріятія (напр., желѣзныя дороги), государственные займы и т. п. Такъ шло хозяйственное развитіе Англіи, до сихъ поръ опережавшей другіе народы на пути капиталистическаго развитія, и къ этому же начинаетъ склоняться дѣло въ другихъ, догоняющихъ ее, капиталистическихъ странахъ (Германіи, Франціи, Соед.-Штатахъ Сѣв. Америки). Это привело къ тому, что популярность старой идеи «свободной торговли» поколебалась на самой ея родинѣ. Среди наиболѣе шумныхъ движеній въ экономической политикѣ Англіи послѣдняго времени выдвинулась въ особенности пропаганда такъ называемаго «имперіализма», т.-е. дальнѣйшаго расширенія ея владѣній ради обезпеченія широкой арены для сбыта ея продуктовъ и помѣщенія ея свободныхъ капиталовъ.

Политика имперіализма выдвигаетъ—въ противоположность космополитическимъ стремленіямъ стараго манчестерства—идею верховенства «наиболѣе культурной» націи надъ низшими представителями чело-

вѣческаго рода. Защитники этой идеи противопоставляютъ ее старомодному въ ихъ глазахъ принципу равноправности всѣхъ національностей. Въ то время, какъ въ первыя три четверти XIX вѣка англійскіе руководящіе политическіе дѣятели оставались довольно равнодушными къ пріобрѣтенію новыхъ колоній, съ 70-хъ гг. мы замѣчаемъ рѣшительный поворотъ въ сторону активной колоніальной политики. Было бы слишкомъ утомительно приводить здѣсь полный списокъ британскихъ владѣній, пріобрѣтенныхъ за послѣднія тридцать лѣтъ XIX вѣка [1]). Замѣтимъ лишь, что въ одной Африкѣ было захвачено 22 новыхъ территоріи (считая въ томъ числѣ и завоеваніе Трансвааля и Оранжевой республики). О размѣрахъ этихъ новыхъ пріобрѣтеній можно судить по тому, что за указанное время было присоединено *вдвое большее количество* жителей, чѣмъ сколько населяетъ Соединенное Королевство (88 милл. противъ 40 милл.), а территоріи — *почти въ 40 разъ больше,* чѣмъ территорія Соединеннаго Королевства (4.754.000 квадр. миль противъ 120.000 квадр. миль). Но это только новыя пріобрѣтенія. Если же мы посмотримъ, съ какимъ запасомъ *всѣхъ вообще* колоніальныхъ владѣній Англія вступила въ XX-е сто-

---

[1]) См. перечисленіе ихъ у Гобсона (*J. Hobson.* Imperialism, a study. London, 1902). Дальнѣйшія приводимыя здѣсь фактическія данныя объ англійскомъ имперіализмѣ заимствованы нами изъ этой чрезвычайно интересной и поучительной книги и отчасти изъ недавно вышедшей работы *Шульце-Геверница* (весьма претенціозной, но гораздо болѣе слабой по сравненію съ его предшествующими трудами): Britischer Imperalismus und englischer Freihandel zu Beginn des zwanzigsten Jahrhunderts, Leipzig, 1906.

лѣтіе, то мы найдемъ еще болѣе поразительныя цифры.

Къ началу XX вѣка Англія имѣла
собственнаго населенія . . . . 40.000.000 чел.
населенія колоній. . . . . 345.000.000 »
При этомъ пространство, занимаемое
самой Англіей, составляло 120.000 кв. миль
« колоніями. . . . . 11.605.000 » »

Естественно возникаетъ вопросъ: въ чью пользу шли эти колоссальныя пріобрѣтенія? И прежде всего: соотвѣтствовало ли это расширеніе британскихъ владѣній потребности англійской промышленности въ расширеніи рынка?

Внимательное разсмотрѣніе относящихся сюда цифръ даетъ на это отрицательный отвѣтъ. Въ первыя семь десятилѣтій XIX вѣка внѣшняя торговля Англіи опережала внутреннюю. Но въ послѣднее время, т.-е. какъ разъ съ упроченіемъ имперіалистской политики, она не возрастала по сравненію съ внутренней торговлей и составляла довольно стаціонарную величину:

На душу населенія приходилось оборотовъ внѣшней торговли:

Въ	1870—74 гг.	—	19 ф.	19 ш.	3 п.
«	1875—79 «	—	18 «	16 «	6 «
«	1880—84 «	—	20 «	1 «	3 «
«	1885—89 «	—	18 «	4 «	5 «
«	1890—94 «	—	18 «	14 «	10 «
«	1895—98 «	—	19 «	7 «	10 «

Правда, объемъ внѣшней торговли Англіи, благодаря удешевленію продуктовъ, увеличился, но цѣнность ея оборотовъ даже упала, въ то время, какъ цѣнность общаго національнаго дохода поднялась на 20% на душу населенія.

Но, быть-можетъ, въ общей суммѣ оборотовъ британской внѣшней торговли уменьшилась цѣнность торговли съ самостоятельными иностранными государствами и соотвѣтственно поднялась съ колоніями? Вовсе нѣтъ. Если мы возьмемъ данныя средины прошлаго столѣтія (торжество принципа свободы торговли) и сравнимъ ихъ съ данными послѣдняго времени (политика имперіализма), то не найдемъ большой разницы въ степени значенія колоній для метрополіи: оказывается, что за все это время торговые обороты Англіи съ самостоятельными государствами были значительно больше, чѣмъ съ ея колоніями (приблизительно, вдвое при вывозѣ и втрое при ввозѣ):

Годичныя среднія	изъ общей англійскаго вывоза въ		суммы англійскаго ввоза изъ	
	иност. госуд.	брит. влад.	инос. гос.	брит. влад.
	приходилось %:			
1855 — 1859	68,5	31,5	76,5	23,5
1860 — 1864	66,6	33,4	71,2	28,8
1890 — 1894	67,6	34,4	77,1	22,9
1895 — 1898	66,0	34,0	78,6	21,4

Мало того: и собственная торговля колоній развивалась не въ пользу сношеній съ Англіей, сравнительно съ другими государствами. Въ 50-хъ гг. прошлаго столѣтія колоніи отдавали Великобританіи болѣе половины своего вывоза (57,1%), а въ концѣ 90-хъ гг.—только около трети (34,9%).

Такимъ образомъ, въ то время какъ связь Англіи съ колоніями была стаціонарна, связи колоній съ Англіей мало-по-малу убывали.

Передъ государственными дѣятелями поэтому естественно становился вопросъ: стоитъ ли затрачивать большія средства на расширеніе колоніальныхъ

пріобрѣтеній и вообще на развитіе имперіалистской политики и ссорится изъ-за этого съ могущественными сосѣдними государствами, связи съ которыми даже въ чисто-коммерческомъ отношеніи для Англіи гораздо важнѣе? Напримѣръ, ввозная торговля Англіи съ одними Соед. Штатами превышаетъ обороты всей ея торговли съ колоніями. Что же касается вновь пріобрѣтаемыхъ тропическихъ странъ, составляющихъ главную цѣль политики имперіализма, то торговля съ ними и меньше по количеству и хуже по качеству (дешевые текстильные и металлическіе товары, порохъ, водка и табакъ) по сравненію съ самоуправляющимися колоніями, населенными бѣлымъ и по преимуществу англо-саксонскимъ населеніемъ (Канада, Австралійскія колоніи, Новая Зеландія).

Естественно казалось бы, что Англіи необходимо направить всѣ усилія на развитіе рынка въ имѣющихся уже территоріальныхъ предѣлахъ, развивая, съ одной стороны, покупательную способность главной массы собственнаго населенія (рабочаго класса, путемъ увеличенія его дохода), съ другой—поднимая производительныя силы и увеличивая цифру населенія (путемъ цѣлесообразно организованной эмиграціонной политики) въ самоуправляющихся—и теперь уже высоко культурныхъ — колоніяхъ. И тѣмъ не менѣе, колоніальная политика Англіи послѣдняго времени рѣшительно двигалась въ сторону имперіализма, несмотря на то, что внутри страны за старый принципъ «свободной торговли» стоятъ не одни традиціи, но и крупные экономическіе интересы (подробно о нихъ мы скажемъ ниже).

Въ чемъ же разгадка этого тяготѣнія современной Англіи къ имперіализму?

Прежде и больше всего — въ интересахъ свободнаго (биржевого) капитала. Мнѣ уже приходилось упоминать, что по мѣрѣ накопленія капиталовъ англійскимъ капиталистамъ представлялось болѣе удобнымъ не устраивать промышленныхъ предпріятій въ самой Англіи, съ чѣмъ связывалась бы хлопотливая задача сбыта произведенныхъ продуктовъ, а прямо помѣщать свои капиталы за ея предѣлами, для чего собственныя колоніи, несомнѣнно, гораздо болѣе пригодны, чѣмъ самостоятельныя иностранныя государства. Кромѣ того, нѣкоторыя, чрезвычайно дорого стоящія предпріятія съ извѣстнаго времени вообще съ трудомъ поддаются расширенію въ своей странѣ и легко могутъ быть устраиваемы внѣ ея. Страна, имѣющая у себя такую развитую сѣть желѣзныхъ дорогъ, какъ современная Англія, не можетъ разсчитывать на значительное новое помѣщеніе капитала въ желѣзнодорожныя и связанныя съ ними предпріятія у себя дома, но она легко можетъ выслать для подобной цѣли капиталы въ колоніи, которыя нуждаются еще во многихъ новыхъ линіяхъ желѣзныхъ путей. Еще проще помѣстить капиталъ въ надежные заграничные государственные и общественные займы. А такъ какъ всѣ эти способы помѣщенія капитала находятся въ тѣсной зависимости отъ биржи, которая получаетъ отъ нихъ свои комиссіонные, спекулятивные и иные доходы, то биржа становится во главѣ этого золотого потока и, заинтересованная въ его постоянномъ увеличеніи, оказываетъ вліяніе на государственную политику въ духѣ имперіализма.

Въ 1900 г. англичане получали отъ помѣщенія капиталовъ (въ желѣзнодорожныя предпріятія, займы,

разнаго рода промышленныя акціонерныя компаніи и т. д.) за предѣлами Англіи однихъ *доходовъ* въ общемъ 60.266.000 ф. ст., т. е. около 600 милліоновъ рублей въ годъ. Въ этотъ итогъ не вошли еще нѣкоторые довольно крупные доходы, напримѣръ, отъ оборотовъ страховыхъ компаній. Вообще же, по мнѣнію Гобсона, можно считать, что къ концу XIX в. помѣщеніе англійскихъ капиталовъ въ Англіи равнялось 2.000.000.000 ф. ст., т.-е. приблизительно 20 милліардамъ русскихъ рублей! Эти цифры наглядно рисуютъ намъ ту эволюцію, которую пережила Англія за послѣднее время. Изъ міровой фабрики, «мірового извозчика» и мірового банкира она начинаетъ становиться міровымъ кредиторомъ. Ея состоятельные и богатые классы въ значительной мѣрѣ живутъ теперь данью съ чужихъ народовъ. Страна смѣлой промышленной инипіативы и технической изобрѣтательности вступаетъ все болѣе и болѣе въ спокойную, усыпляющую былую энергію, роль рантьера, погруженнаго въ нехитрое занятіе «стрижки купоновъ».

Хозяйственный центръ тяжести современной Англіи перемѣстился изъ Манчестера и сѣверныхъ промышленныхъ округовъ къ Лондонской биржѣ. Когда-то говорили: «Что скажетъ сегодня Манчестеръ, то завтра скажетъ и Лондонъ». Теперь не то: если взглянуть на цифры подоходнаго налога, то мы найдемъ, что доходъ отъ коммерческихъ и промышленныхъ предпріятій и либеральныхъ профессій за десятилѣтіе 1892—1902 гг. поднялся:

Въ Лондонѣ	на	52,8	милл. ф. ст.
» томъ числѣ въ Сити.	»	40,8	» » »
» Ланкаширѣ же только	»	11,5	» » »

Въ Ланаркѣ	на	8,4	милл.	ф.	ст.
» Іоркширѣ	»	7,4	»	»	»
» Дэргэмѣ	»	4,1	»	»	» [1])

Отсюда понятно, что крупные биржевые дѣльцы и примыкающіе къ нимъ грюндеры, маклера и спекулянты всѣхъ видовъ составляютъ истинный «командующій классъ» современной Англіи. Около нихъ группируются многочисленныя категоріи лицъ, профессія которыхъ, казалось бы, не имѣетъ ничего общаго съ биржевыми дѣлами: «патріотическіе» журналисты, миссіонеры, филантропы, генералы, гражданскіе чиновники и т. д. Къ нимъ же тяготѣютъ и крупныя отрасли промышленной дѣятельности. Въ Англіи въ мирное время на вооруженіе (въ значительной мѣрѣ въ видахъ имперіалистской политики) расходуется ежегодно около 60 милл. ф. ст., т.-е. около 600 милл. рублей [2]). Отсюда—всѣ поставщики

[1]) Превращеніе Англіи въ «страну рантьеровъ» сказывается и на цифрѣ ея рабочаго населенія: рантьерамъ нужно имѣть много прислуги, и приростъ неимущихъ классовъ поглощается все болѣе и болѣе не промышленной работой, а личными услугами состоятельнымъ людямъ.

За вторую половину XIX-го столѣтія число работниковъ въ главныхъ отрасляхъ промышленности Англіи увеличилось абсолютно на небольшую величину, а по отношенію къ общей цифрѣ населенія значительно понизилось:

	Населеніе Англіи и Уэльса.	Число рабочихъ въ главныхъ отрасляхъ пром.	Въ % ко всему населенію.
1851 г.	17.928.000	4.074.000	23
1901 г.	32.526.000	4.966.000	15

Schulze-Gaevernitz, указ. соч., стр. 323.

[2]) За отчетный 1905—1906 гг. было израсходовано въ Англіи на армію 28.850.000 ф. ст. и на флотъ 33.300.000 ф. ст., т.-е. всего 62.150.000 ф. ст. См. *E. v. Halle*, Die Weltwirtschaft. II Jahrg. 1907. I Teil, стр. 258.

на армію лошадей, повозокъ, одежды и пищи для солдатъ и т. д., а главное владѣльцы кораблестроительныхъ, котельныхъ, оружейныхъ заводовъ естественно пополняютъ собой ряды имперіалистовъ. Сюда же надо причислить торговцевъ разными товарами съ вновь пріобрѣтаемыми странами, владѣльцевъ пароходныхъ компаній, перевозящихъ эти товары, и всѣхъ лицъ, помѣщающихъ подъ общимъ руководствомъ биржи свои капиталы въ колоніальныя предпріятія и т. п.; и мы получимъ достаточное представленіе о той массѣ интересовъ, которая связана съ этими,—иной разъ незамѣтными, но всегда крѣпкими,—нитями съ биржей и ея заправилами.

Легко видѣть, что общіе интересы страны далеко не выигрываютъ отъ такого порядка вещей. Дѣло здѣсь, конечно, не въ томъ, что мистера Броуна, стараго фабриканта — исконнаго британца, сѣверянина по привычкамъ, пуританина по религіознымъ убѣжденіямъ,—смѣнилъ еврей-банкиръ Когенъ (любопытно, что даже представители англійской крайней демократіи, ополчаясь противъ имперіализма, часто сбиваются на антисемитизмъ), а въ томъ, что изъ экономическихъ отношеній при господствѣ биржи отнимается тотъ прочный и здоровый фундаментъ, который составляетъ солидная, хорошо поставленная промышленность. При всѣхъ недостаткахъ промышленныхъ дѣятелей, все-таки самое существо ихъ соціальной задачи заставляетъ ихъ относиться осторожнѣе къ основамъ хозяйственной жизни, чѣмъ биржевиковъ, связанныхъ съ нею исключительно вопросомъ о барышахъ, получаемыхъ отъ оперированія не непосредственно съ производительными силами, а съ представляющими ихъ цѣнными бумагами.

Но не только биржевики въ тѣсномъ смыслѣ слова но и сами организаторы промышленныхъ предпріятій новаго типа часто интересуются вовсе не ходомъ начатаго дѣла (напримѣръ, разработкой рудниковъ), а самымъ учредительствомъ предпріятій, финансовымъ контролемъ надъ ними и господствомъ надъ соотвѣтственнымъ рынкомъ. Учредители занимаются при этомъ перепродажей и скупкой акцій ихъ предпріятій, искусственно поднимая или понижая ихъ цѣну.

Къ счастью для Англіи и для всего культурнаго человѣчества биржа, однако, не всевластна. Спекулянты и колоніальные авантюристы могли бы съ легкимъ сердцемъ поставить все хозяйственное развитіе Англіи на гибельный путь, если бы ихъ не сдерживали двѣ могущественныя силы: 1) политическая демократія и 2) экономическіе интересы нѣкоторыхъ вліятельныхъ группъ англійскаго населенія. О вліяніи испытаннаго механизма англійской конституціи намъ нѣтъ надобности распространяться; кто сколько - нибудь знакомъ съ англійскими политическими условіями, тотъ легко пойметъ, что они даютъ надежную точку опоры для борьбы со всякаго рода злоупотребленіями, какія бы силы ихъ ни поддерживали. Но намъ важно отмѣтить здѣсь, что многіе промышленные элементы Англіи до сихъ поръ заинтересованы не въ имперіализмѣ, а въ свободной торговлѣ. Какъ ни уменьшилось въ Англіи значеніе внѣшней торговли за послѣднее время, все же ея промышленность, разсчитанная на экспортъ, имѣетъ громадные размѣры и, кромѣ того, что мы уже отмѣтили выше, гораздо болѣе связана съ европейскими, чѣмъ

съ колоніальными рынками [1]). А политика имперіализма означаетъ въ глазахъ англійскихъ экспортеровъ затрудненіе внѣшней торговли съ европейскими странами. Съ другой стороны, такъ какъ она должна повлечь за собою введеніе пошлинъ на предметы потребленія рабочихъ классовъ, а слѣдовательно, и вздорожаніе ихъ, то промышленники, опасаясь возможныхъ столкновеній съ рабочими (которые, опираясь на свои могущественныя организаціи, потребовали бы соотвѣтственнаго увеличенія ихъ заработной платы), естественно имѣютъ лишній поводъ относиться съ недовѣріемъ къ имперіализму. Что же касается до самихъ рабочихъ, то понятно, что для большинства ихъ имперіализмъ не долженъ дать ничего, кромѣ вреда. Пониманіе ими своихъ интересовъ въ данномъ вопросѣ и энергичное отстаиваніе ихъ служитъ новымъ тормозомъ для успѣховъ имперіалистской политики. Въ 1903 году, въ самый разгаръ имперіалистской агитаціи, руководимой Чемберлэномъ, конгрессъ англійскихъ трэдъ-юніоновъ принялъ большинствомъ 458 голосовъ противъ 2

---

[1]) Напр., даже Германія при всемъ развитіи ея промышленной дѣятельности за послѣднее время представляется до сихъ поръ превосходнымъ рынкомъ для англійскихъ продуктовъ. По нѣкоторымъ очень важнымъ статьямъ вывозъ англійскихъ товаровъ въ Германію значительно превышаетъ вывозъ Германіи въ Англію. Такъ, въ 1901 году

	вывозъ изъ Соед. Королевства въ Германію.	выв. изъ Герм. въ Соед. Корол.
	Составлялъ въ ф. ст.	
Хлопчатобум. товаровъ и пряжи....	3.714.652	1.038.836
Шерстяныхъ товаровъ и пряжи....	3.090.256	1.582.515
Машинъ	1.537.936	542.283
Судовъ	1.404.850	—

См. Schulze-Gaevernitz, указ. соч., стр. 258.

слѣдующее постановленіе: «Конгрессъ рѣшительно осуждаетъ проектируемое г. Чемберлэномъ измѣненіе нашей настоящей торговой политики, считая его неблагопріятнымъ и опаснымъ для существеннѣйшихъ интересовъ нашей страны; онъ считаетъ себя обязаннымъ и горячо рекомендуетъ всѣмъ другимъ организаціямъ рабочихъ приложить всѣ силы къ тому, чтобы воспрепятствовать такому измѣненію». Аналогичное рѣшеніе принялъ и конгрессъ кооперативныхъ обществъ. То же настроеніе англійскаго рабочаго класса обнаружилось, наконецъ, и въ послѣднихъ выборахъ въ парламентъ [1]).

Все это заставляетъ надѣяться, что въ торговой политикѣ Англіи интересы благоразумія и общенаціональной выгоды восторжествуютъ надъ неумѣренными аппетитами биржевыхъ дѣльцовъ и ихъ приспѣшниковъ. Конечно, на той стадіи экономическаго развитія, какой достигла современная Англія, ей нельзя обойтись безъ обширнаго внѣшняго рынка; но онъ гораздо цѣлесообразнѣе можетъ быть данъ развитіемъ торговыхъ сношеній съ иностранными государствами и развитіемъ громадныхъ потенціальныхъ рессурсовъ въ имѣющихся уже — въ особенности культурныхъ—колоніяхъ, чѣмъ захватомъ новыхъ территорій.

Если для современной Англіи вопросъ о расширеніи рынка представляется столь сложнымъ и запутаннымъ, то для Россіи, въ которой капиталистическая эволюція дѣлаетъ только свои первые шаги, онъ значительно проще, тѣмъ болѣе, что налицо имѣется уже богатый опытъ старыхъ капиталистическихъ странъ.

1) Schulze-Gaevernitz, указ. соч., стр. 299—300.

Разсматривая экономическія условія современной Россіи, нельзя не видѣть съ перваго взгляда, что она обладаетъ всѣми данными для широкаго развитія внутренняго рынка: 1) она занимаетъ обширную территорію съ разнообразными и весьма обильными естественными богатствами; 2) она имѣетъ громадную цифру населенія, въ главной массѣ которой происходитъ рѣшительный переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ мѣновому. Постепенное развитіе общественнаго раздѣленія труда, замѣна кустарныхъ промысловъ фабричнымъ производствомъ, проведеніе усовершенствованныхъ путей сообщенія и распространеніе денежнаго хозяйства, разлагая старыя экономическія формы, должно создавать сильный стимулъ къ развитію внутренняго рынка.

И, тѣмъ не менѣе, нашъ внутренній рынокъ въ дѣйствительности чрезвычайно узокъ. Это объясняется прежде всего и болѣе всего скудостью доходовъ главной массы русскаго населенія.

Ниже мы будемъ еще имѣть случай подробно характеризовать положеніе нашихъ промышленныхъ рабочихъ; о кустаряхъ и ремесленникахъ мы уже говорили. Здѣсь достаточно упомянуть, что заработная плата всѣхъ этихъ категорій русскихъ тружениковъ чрезвычайно низка, не только по сравненію съ заработкомъ западныхъ рабочихъ, но и сама по себѣ, какъ фондъ для удовлетворенія ихъ насущныхъ потребностей. Покупательная сила, доставляемая нашему рабочему его заработкомъ, настолько ничтожна, что на ней не могутъ базироваться сколько-нибудь крупные промышленные обороты.

Но наиболѣе существенной причиной, стѣсняющей расширеніе нашего внутренняго рынка, предста-

вляется разореніе крестьянства. Конечно, и разореніе крестьянства въ извѣстномъ отношеніи способствуетъ нѣкоторому расширенію рынка, потому что благодаря ему хозяйство страны въ большей мѣрѣ утрачиваетъ прежній натуральный характеръ. На рынкѣ появляется больше покупщиковъ, хотя они и стали бѣднѣе, т.-е. не могутъ добыть себѣ покупкой такого количества предметовъ потребленія, какое они могли бы создать себѣ въ собственномъ хозяйствѣ, оставаясь самостоятельными крестьянами. Но такое расширеніе рынка по существу дѣла не можетъ достигать значительныхъ размѣровъ. Кромѣ того, крупная масса русскаго крестьянства давно уже пользуется фабричными продуктами, и торговля ими въ большой мѣрѣ держится крестьянскимъ спросомъ. Въ годы неурожаевъ, когда крестьянское населеніе не располагаетъ обычными покупательными средствами, сокращается и продажа фабричныхъ издѣлій. Обороты нижегородской ярмарки всегда слабѣе въ неурожайные, чѣмъ въ урожайные годы. Такимъ образомъ, крестьянское разореніе должно пагубно отражаться на сбытѣ продуктовъ нашей промышленности. А оно составляетъ вполнѣ отчетливо опредѣлившуюся черту хозяйственнаго развитія нашего времени. Возьмемъ хотя бы данныя о количествѣ скота,—лучшій показатель степени благосостоянія крестьянскаго хозяйства:

На 100 жителей Россіи приходилось:

	Лошадей.	Крупнаго рогатаго скота.
Въ 1864 г.	25	33,8
« 1895 «	18,9	26,4

Количество безлошадныхъ крестьянъ въ 50 губ. Европейской Россіи составляло:

Въ 1882 г.	26,9%	всего числа
« 1888 «	27,8%	крестьянск.
« 1893—96 гг.	32,2%	дворовъ.

Упадокъ крестьянскаго хозяйства давно уже составляетъ одну изъ наиболѣе частыхъ темъ, обсуждаемыхъ въ русской экономической литературѣ. Достаточно выяснены и причины этого упадка. Очень крупную роль играло въ этомъ прискорбномъ процессѣ малоземелье (недостаточная обезпеченность земельными надѣлами), которое влекло за собою и необходимость соглашаться на чрезмѣрно вздутыя (голодныя) арендныя платы за частновладѣльческую землю. Налоги (по преимуществу косвенные) составляютъ у насъ на душу населенія болѣе 9 рублей въ годъ, что въ среднемъ на крестьянскій дворъ даетъ около 60 рублей—цифра непомѣрная при скудости крестьянскихъ доходовъ. Вычисляютъ, что общая сумма чистаго дохода на крестьянскій дворъ равняется только 114 р., т.-е. налоги поглощаютъ половину этого дохода.

Наконецъ къ указаннымъ обстоятельствамъ присоединяется еще дороговизна продуктовъ промышленности, поддерживаемая таможеннымъ покровительствомъ. Такая мелочь обихода, какъ желѣзные гвозди, и то часто представляются роскошью нашему крестьянину. И въ этомъ вовсе нѣтъ ничего удивительнаго, если вспомнить, что у насъ одна таможенная пошлина на гвозди составляетъ 1 р. 40 коп. золотомъ съ пуда, тогда какъ въ Америкѣ вся цѣна гвоздей бываетъ около 40 коп. пудъ.

Обнищаніе крестьянства привело къ тому, что за послѣднее время не проходитъ года, чтобы у насъ не было серьезнаго голода. Странно сказать: мы привыкли уже, какъ къ обычнымъ сезоннымъ новостямъ, къ тревожнымъ вѣстямъ, доносящимся до насъ ежегодно въ опредѣленное время изъ голодающихъ губерній. Вымираніе крестьянскихъ дѣтей, голодный тифъ, распродажа за безцѣнокъ послѣдняго скота,—все это факты, къ которымъ мы успѣли присмотрѣться и привыкнуть, какъ къ чему-то неизбѣжному. А вѣдь это вовсе не какое-нибудь случайное, Богъ вѣсть откуда взявшееся, стихійное зло, а только результатъ нашихъ ненормальныхъ общественныхъ условій.

И въ концѣ-концовъ, страдаетъ не одно крестьянство, а вся наша экономическая жизнь терпитъ жестокія потрясенія. Страна, въ которой поражена основа ея экономическаго благосостоянія, не можетъ развивать правильно свою хозяйственную дѣятельность ни въ одной изъ ея существенныхъ отраслей.

Вотъ почему и передъ русскими промышленниками выдвинулся за послѣднее время вопросъ о внѣшнемъ рынкѣ. И у насъ появились доморощенные имперіалисты, которые сулили нашей промышленности золотыя горы на отдаленныхъ восточныхъ рынкахъ. Однако этимъ надеждамъ суждено было вскорѣ поблекнуть. Современный экономическій рынокъ представляетъ собою приманку, изъ-за которой борются соперники, гораздо болѣе ловкіе и приспособленные къ этой задачѣ, чѣмъ наши отечественные предприниматели.

По даннымъ 1894 года, изъ 16.469 управляющихъ и мастеровъ — русскихъ подданныхъ, завѣдывавшихъ

русскими фабриками, лицъ, получившихъ какое-нибудь техническое образованіе, было не болѣе 5%. Въ извѣстныхъ наблюденіяхъ И. И. Янжула надъ фабричнымъ бытомъ центра Россіи находимъ такіе факты, что, напримѣръ, одной крупной бумагопрядильней въ Московской губ. завѣдывалъ бывшій дворникъ, другой—бывшій мелочной лавочникъ.

Раздавая фабрикантамъ различные документы, какъ фабричный инспекторъ, проф. Янжулъ встрѣчался съ такими случаями, что завѣдующіе фабрикой не могли даже сами расписаться въ полученіи этихъ документовъ. Можно ли при такихъ условіяхъ серьезно говорить о конкуренціи между иностранными и русскими производителями на иностранныхъ рынкахъ? Если русскіе купцы заводятъ торговыя сношенія на внѣшнихъ рынкахъ, то постоянно слышатся жалобы на недоброкачественность товаровъ, дурную доставку ихъ, неаккуратность и часто недобросовѣстность въ выполненіи принятыхъ на себя обязательствъ. Сами иностранцы, приглядываясь къ русской торговлѣ, высказываются, что русскій купецъ по своему типу не созданъ для крупной экспортной торговли. Это скорѣе прекрасный мелочной торговецъ, который умѣетъ ловко обойтись съ покупателемъ, но для широкаго и внѣшняго рынка у него не хватаетъ ни выдержки, ни знаній, ни необходимыхъ нравственныхъ качествъ. Въ самомъ дѣлѣ, если сравнить русскаго купца съ нѣмецкимъ экспортеромъ, мы будемъ прямо поражены громадной разницей въ приспособленности того и другого къ спеціальнымъ условіямъ и требованіямъ внѣшней торговли. Проф. Янжулъ указываетъ, что въ экспортной торговлѣ Германіи можно встрѣтить лицъ, прекрасно

знающихъ свое дѣло, глубоко изучившихъ вкусы и привычки иностранныхъ покупателей. Такъ, напримѣръ, германская фирма, торгующая фарфоровыми издѣліями съ Южной Америкой, имѣетъ на мѣстѣ спеціальныхъ агентовъ, которые слѣдятъ за всѣми событіями, привлекающими интересъ туземныхъ жителей, изучаютъ любимые ими пейзажи, условныя изображенія и т. п. Всѣ полученныя свѣдѣнія они немедленно сообщаютъ въ Германію, прилагая карточки извѣстныхъ общественныхъ или культурныхъ дѣятелей, снимки съ видовъ различныхъ мѣстностей, съ образчиками отдѣльныхъ экземпляровъ туземной флоры и фауны. Германская фирма, получивъ эти матеріалы, даетъ спеціально занимающимся у нея художникамъ порученіе воспроизвести соотвѣтственные рисунки на изготовляемой фирмой фарфоровой посудѣ. И въ сравнительно небольшой промежутокъ времени житель какой-нибудь маленькой южно-американской республики находитъ въ товарѣ, привезенномъ издалека, знакомые пейзажи или лица и тѣмъ охотнѣе его покупаетъ. Ничего подобнаго мы не можемъ встрѣтить въ нашей внѣшней торговлѣ.

Понятно поэтому, что наша промышленность, не находящая себѣ опоры во внутреннемъ рынкѣ и слишкомъ примитивно поставленная, чтобы серьезно конкурировать на иностранныхъ рынкахъ, должна была бы потерпѣть грандіозный крахъ, если бы на выручку къ ней не подоспѣло—на этотъ разъ весьма дѣйствительное и вполнѣ отечественное средство— *казенный заказъ*.

Въ послѣдніе годы потребленіе продуктовъ металлургической промышленности государствомъ составляло *около половины* всего производ-

ства [1]). Государство стало усиленно строить желѣзныя дороги не столько ради удовлетворенія нужды въ усовершенствованныхъ путяхъ сообщенія, сколько въ видахъ поощренія и поддержки металлургической промышленности.

Насколько удобнѣе было отечественнымъ промышленникамъ имѣть дѣло съ русскимъ правительствомъ, чѣмъ съ требовательнымъ и капризнымъ иностраннымъ покупателемъ, можно видѣть хотя бы изъ слѣдующаго. По указаніямъ промышленниковъ, которымъ не удалось получить казенныхъ заказовъ, казна платитъ за пудъ рельсовъ на 45 коп. дороже той цѣны, какая могла бы быть установлена при сдачѣ съ торговъ—1 р. 25 коп. вмѣсто 80 коп.

Общая сумма этихъ переплатъ казны, т.-е. прямого подарка покровительствуемымъ заводамъ изъ народнаго кармана, колеблется для отдѣльныхъ заводовъ отъ 600.000 руб. (Таганрогскій заводъ) до 2.120.000 руб. (Юзовскій). По сравненію же съ тѣмъ, во сколько обходится покупка соотвѣтственныхъ из-

---

1) По извѣстному докладу Варзара въ Техническомъ обществѣ (въ 1903 г.) потребленіе чугуна, желѣза, стали и другихъ продуктовъ металлургической промышленности составляло въ 1900 году:

государство потребляло	63 милл. пуд., т.-е.	$48^0/_0$	всего потребл. Россіи
фабрично-завод. промышленность .	21 » » »	$16^0/_0$	» » »
на непосредственное потребленіе народной массы приходилось	18 » »	$14^0/_0$	» » »

Остальные $22^0/_0$ приходятся на судостроеніе, строительные промыслы вообще и на неопредѣленное, государственное и частное, потребленіе.

дѣлій иностранному потребителю, разница еще больше: такъ, въ то время, какъ цѣна нашихъ рельсовъ была 1 р. 25 к. пудъ, въ Америкѣ стальные рельсы стоили всего отъ 52 до 37 коп. за пудъ (за періодъ 1868—1898 гг.).

Мало того, стремясь къ насажденію у насъ крупной металлургической промышленности за счетъ народныхъ средствъ, наше Министерство Финансовъ не останавливалось даже передъ передачей огромныхъ казенныхъ заказовъ еще не существующимъ заводамъ, притомъ по цѣнамъ болѣе высокимъ, чѣмъ какія уплачивались уже дѣйствовавшимъ заводамъ, и съ выдачей крупныхъ денежныхъ авансовъ подъ сдѣланные заказы. Такъ, напримѣръ, Харьковскому торгово-строительному заводу и заводу Гартмана были даны заказы на 300 паровозовъ каждому; Волынцевскому заводу было заказано 12 милл. пудовъ рельсовъ; Дружковскому 8 милл. пудовъ. Заказы эти были даны даже ранѣе, чѣмъ начата самая постройка названныхъ заводовъ. Трубы для керосинопровода Закавказской желѣзной дороги были заказаны Министерствомъ Финансовъ Никополь-Маріупольскому обществу, перевезшему изъ Америки и собравшему въ Маріуполѣ для выполненія одного этого заказа цѣлый трубопрокатный заводъ, между тѣмъ какъ Екатеринославскій заводъ брался отлить эти трубы по гораздо болѣе низкой цѣнѣ [1]).

Такая система покровительства промышленности не могла, однако, создать для нея прочную опору, несмотря на безрасчетную трату казенныхъ денегъ.

---

[1]) N. N. Политика нашего финансоваго вѣдомства. Народ. Хоз., № 6, 1905, стр. 14—15.

Средства казны, добываемыя изъ скудныхъ народныхъ доходовъ, не были безграничны, а спросъ на металлическія издѣлія въ массѣ населенія не поднимался, и, въ концѣ-концовъ, нашей металлургической промышленности пришлось пережить тяжелый кризисъ, при чемъ опять погибло не мало казенныхъ денегъ, такъ какъ финансовое вѣдомство, желая прикрыть очевидный крахъ принятой имъ политики, щедро раздавало субсидіи пошатнувшимся заводамъ подъ видомъ коммерческихъ ссудъ и т. п. операцій (вычисляютъ, что до 1904 г., было роздано желѣзопромышленникамъ не менѣе 150 милл. руб.) [1]).

Послѣ всего сказаннаго ясно, что дѣйствительное расширеніе рынка для продуктовъ нашей обрабатывающей промышленности требуетъ иныхъ мѣръ. И не въ одномъ устраненіи отмѣченныхъ ненормальностей и злоупотребленій заключается тяжкая задача, предлежащая русскимъ политическимъ дѣятелямъ, а въ созданіи цѣлой системы положительныхъ мѣропріятій, общею цѣлью которыхъ долженъ служить подъемъ благосостоянія массы русскаго населенія. Въ эту систему, помимо мѣръ, имѣющихъ по преимуществу политическое значеніе, которыя гарантировали бы всѣмъ русскимъ людямъ свободный просторъ индивидуальной и корпоративной самодѣятельности, должно войти и расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, и подъемъ сельско-хозяйственной культуры, и измѣненіе податной политики, и развитіе законодательства по охранѣ труда, и широкое распространеніе начальнаго (всеобщее обученіе) и техническаго образованія.

---

1) Тамъ же, стр. 17.

Такая политика была бы благодѣтельна и въ смыслѣ укрѣпленія государственной мощи Россіи. Вѣдь, напримѣръ, и финансовая сила государства покоится на культурномъ развитіи, самодѣятельности и матеріальномъ благосостояніи его гражданъ.

Итакъ, разсматривая формы и условія рыночнаго обмѣна, мы опять натолкнулись на основные, наболѣвшіе вопросы русской общественной жизни. Послѣдніе годы, когда передъ нами воочію обнаружились наши неустройства, когда Россіи пришлось на глазахъ всего міра выпить горькую чашу безславія и униженія, дали намъ тяжелый урокъ. И имъ пора воспользоваться. Ибо время не ждетъ, и то, что еще можно сдѣлать сегодня, быть-можетъ, окажется совершенно неосуществимымъ завтра. Передъ Россіей открываются два пути: или серьезныя, рѣшительныя реформы и коренное обновленіе всего ея жизненнаго строя, или движеніе по прежнимъ путямъ, по направленію къ той пропасти, куда ея усиленно тянутъ реакціонныя силы съ ихъ старымъ девизомъ: après nous le déluge.

Лекція девятая.

I. Деньги.— Происхожденіе денегъ.— Функціи денегъ въ общественномъ хозяйствѣ.—Системы денежнаго обращенія.— Кому выгоденъ и кому невыгоденъ биметаллизмъ. II. Кредитъ.—Понятіе кредита. — Значеніе кредита въ общественномъ хозяйствѣ.—Организація кредита.— Банки.— Ихъ операціи.—Насколько приложимъ принципъ общественнаго завѣдыванія къ банковому дѣлу.—Бумажныя деньги.—Отличія бумажныхъ денегъ отъ металлическихъ. — Измѣненія курса бумажныхъ денегъ и ихъ вліяніе на общественное хозяйство и доходы частныхъ лицъ и государства. — Формы перехода отъ бумажныхъ денегъ къ металлическому обращенію.

I.

Мм. гг. Въ предшествующемъ изложеніи, разсматривая процессъ товарнаго обмѣна въ современномъ хозяйственномъ строѣ, мы не касались еще вопроса о средствахъ, при помощи которыхъ приводится въ движеніе этотъ грандіозный и сложный механизмъ. Такими средствами являются прежде всего деньги и кредитъ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и должны теперь перейти.

Вопросы денежнаго обращенія съ давнихъ поръ привлекали къ себѣ вниманіе изслѣдователей. Едва ли найдется какой-либо другой отдѣлъ политической экономіи, по которому было бы такъ много написано и высказано. И вмѣстѣ съ тѣмъ врядъ ли по какому-нибудь другому вопросу создавалось столько неправильныхъ и подчасъ совершенно фан-

тастическихъ теорій, какъ именно по вопросу о деньгахъ. Покойный Гладстонъ сказалъ какъ-то въ одной изъ своихъ парламентскихъ рѣчей, что, быть-можетъ, и любовь не сдѣлала столько людей глупыми, какъ разсужденія о сущности денегъ. Дѣло въ томъ, что съ теоріями денежнаго обращенія связываются не однѣ задачи безкорыстнаго изслѣдованія истины, но и могущественные практическіе интересы. Отъ различныхъ формъ денежнаго обращенія, при существующемъ антагонизмѣ основныхъ жизненныхъ интересовъ въ различныхъ классахъ населенія, одни— выигрываютъ, другіе — теряютъ. Поэтому при каждомъ усиліи государственной власти, направленномъ на регулированіе дѣйствующей въ странѣ системы денежнаго обращенія, возгораются жестокіе споры, гдѣ защитники различныхъ взглядовъ на сущность денегъ и роль ихъ въ хозяйственной жизни сознательно или безсознательно отражаютъ въ своихъ теоретическихъ построеніяхъ практическіе интересы опредѣленныхъ группъ населенія. У всѣхъ насъ живы еще въ памяти недавніе споры въ русской печати и ученыхъ обществахъ по поводу предпринимавшейся правительствомъ реформы нашего денежнаго обращенія. Въ нихъ также отражались разнообразные интересы отдѣльныхъ слоевъ русскаго населенія, и многія предложенія, совершенно непонятныя и странныя съ точки зрѣнія общенародныхъ интересовъ, легко находили себѣ объясненіе въ связанныхъ съ ними практическихъ выгодахъ незначительныхъ по численности, но вліятельныхъ группъ русскаго общества. И вмѣстѣ съ тѣмъ въ массѣ читающей и образованной публики замѣчалась очень часто неподготовленность къ вполнѣ отчетливому понима-

нію дебатируемыхъ вопросовъ. Прислушиваясь къ шуму разгорѣвшейся полемики, многіе не имѣли въ запасѣ предварительныхъ принципіальныхъ свѣдѣній, которыя помогли бы отнестись сознательно къ предлагавшимся проектамъ и разобрать въ нихъ связь съ жизненными интересами различныхъ классовъ общества. Здѣсь еще разъ оправдалась давно уже высказанная мысль, что люди меньше всего знаютъ тѣ явленія, съ которыми имъ постоянно приходится встрѣчаться въ обыденной жизни. Деньги, этотъ предметъ, созданный людьми для удовлетворенія человѣческихъ же нуждъ и потребностей, въ глазахъ массы пріобрѣтаетъ какія-то таинственныя, непостижимыя свойства, какъ только жизненныя обстоятельства заставляютъ задуматься о его значеніи. Такая иллюзія легко возникаетъ и поддерживается, если мы не будемъ обращаться за разъясненіемъ смысла экономическихъ явленій къ изученію соціальныхъ отношеній, въ которыхъ и ради которыхъ существуетъ какая-либо необходимая вещь въ хозяйственномъ строѣ, въ данномъ случаѣ—деньги. Вотъ почему, приступая къ изслѣдованію вопроса о деньгахъ, мы должны постоянно имѣть въ виду ихъ общественную роль, ихъ связь съ общимъ строемъ жизни въ данную эпоху экономическаго развитія.

Въ одной изъ предыдущихъ лекцій намъ приходилось уже упоминать, что потребность въ деньгахъ возникаетъ въ отдаленнѣйшія времена человѣческаго существованія въ связи съ попытками обмѣна продуктовъ. Даже въ эпоху господства замкнутаго домашняго хозяйства необходимость заставляла иногда изолированныя хозяйственныя единицы вступать другъ съ другомъ въ извѣстныя

мѣновыя отношенія, обыкновенно въ видѣ обмѣна излишками отъ собственнаго производства. Разница въ естественныхъ условіяхъ жизни различныхъ общинъ или въ ихъ культурномъ развитіи порождала и нѣкоторую спеціализацію въ ихъ экономической дѣятельности. Отсюда для каждой общины, естественно, было выгодно обмѣниваться ея спеціальными продуктами съ другой общиной. Первоначально практиковался непосредственный, натуральный обмѣнъ; напр., извѣстное количество звѣриныхъ шкуръ промѣнивалось прямо на какія-нибудь деревянныя издѣлія; животныя (овцы, рогатый скотъ)— на ткани или оружіе и т. п. Но по мѣрѣ того какъ мѣновыя сдѣлки случались все чаще и чаще, становясь постояннымъ, обычно повторяющимся явленіемъ, практика выяснила все неудобство такого пріема. Если продавецъ шкуры, желавшій обмѣнять свой продуктъ на глиняную посуду, не могъ найти сейчасъ же продавца глиняной посуды, который нуждался бы въ шкурѣ, то онъ долженъ былъ уходить съ рынка, не достигнувъ поставленной цѣли. Но онъ видѣлъ, что владѣлецъ скота (напр., овецъ) охотно пріобрѣлъ бы шкуру, а, съ другой стороны, владѣлецъ глиняной посуды очень желалъ бы пріобрѣсти овцу. Тогда наилучшимъ исходомъ изъ затруднительнаго положенія было для нашего продавца обмѣнять шкуру сначала на овцу, потомъ овцу на посуду. При частомъ повтореніи такихъ затрудненій всякій самымъ жизненнымъ опытомъ наталкивался на мысль, что среди обмѣниваемыхъ товаровъ на одни существуетъ всегда большій сравнительно спросъ, чѣмъ на другіе, и что, слѣдовательно, лучше всего совершать обмѣнъ при

ихъ посредствѣ. Съ другой стороны, при разнообразіи предметовъ мѣнового оборота было крайне необходимо найти такой товаръ, который могъ бы служить мѣриломъ для оцѣнки всѣхъ остальныхъ, въ которомъ, говоря другими словами, отражалась бы цѣнность всѣхъ обмѣниваемыхъ товаровъ. Товаромъ, обладающимъ подобными свойствами, въ каждомъ первобытномъ обществѣ былъ наиболѣе ходкій предметъ оборота — соль; скотъ — у пастушескихъ народовъ; звѣриныя шкуры — у охотничьихъ и т. п. Въ языкѣ нѣкоторыхъ культурныхъ народовъ долго сохранялись слѣды такой роли товаровъ, давно уже переставшихъ выполнять функціи денегъ; такъ, напр., въ латинскомъ языкѣ деньги называются pecunia, отъ pecus — скотъ; въ древнерусскихъ лѣтописяхъ встрѣчаются выраженія «и вдаша имъ скотъ», что значитъ — «уплатили деньги». Есть свидѣтельства, что существовала и нормальная денежная единица при такомъ обращеніи; напр., можно предполагать, что у древнихъ германцевъ и скандинавовъ денежной единицей признавалась здоровая, зрячая корова.

Однако съ дальнѣйшимъ развитіемъ мѣновыхъ отношеній скотъ становился все болѣе и болѣе неудобнымъ орудіемъ обмѣна. Для правильности сравненія обмѣниваемыхъ цѣнностей важна была однородность денежной единицы, а среди отдѣльныхъ экземпляровъ скота встрѣчались, конечно, крупныя уклоненія отъ средней нормы. Съ другой стороны, при обмѣнѣ малоцѣнныхъ предметовъ, скотъ не могъ служить посредникомъ, потому что каждую штуку скота невозможно было дробить на части, соотвѣтственно требуемой цѣнности. По-

этому съ распространеніемъ употребленія металловъ роль денегъ переходитъ къ нимъ (первоначально къ неблагороднымъ металламъ). У древнихъ грековъ и римлянъ мы находимъ уже желѣзныя и мѣдныя деньги. Новыя орудія обращенія представляли то преимущество, что могли сохраняться безъ особеннаго ущерба въ теченіе весьма долгаго времени; они были однородны во всѣхъ своихъ доляхъ и могли дѣлиться на части по произволу, не утрачивая при этомъ своей прежней цѣнности. Что же касается широкаго и постояннаго спроса, то онъ всегда существовалъ на эти предметы, такъ какъ они служили матеріаломъ для изготовленія оружія и другихъ необходимыхъ издѣлій — земледѣльческихъ и иныхъ орудій, домашней утвари и т. п. Но мало-по-малу развитіе мѣнового оборота сдѣлало и неблагородные металлы довольно неподходящимъ средствомъ обращенія. Съ расширеніемъ торговыхъ сношеній съ особенной силой стала чувствоваться потребность въ такого рода товарѣ-посредникѣ, который, сохраняя важнѣйшія отмѣченныя выше качества неблагородныхъ металловъ (однородность, дѣлимость, сохраняемость), обладалъ бы еще однимъ, весьма важнымъ свойствомъ, именно, значительной цѣнностью при маломъ объемѣ. Такимъ товаромъ явились драгоцѣнные металлы (золото и серебро), къ которымъ постепенно и перешла роль орудій обращенія.

Съ водвореніемъ серебрянаго и золотого обращенія прекратилась уже необходимость перевозить для крупныхъ закупокъ огромныя массы громоздкаго и тяжеловѣснаго денежнаго матеріала. Деньги изъ драгоцѣнныхъ металловъ (сначала въ видѣ

кусочковъ золота и серебра опредѣленнаго вѣса, затѣмъ въ формѣ чеканенной монеты) появляются раньше всего въ передней Азіи, затѣмъ переходятъ въ Европу, гдѣ продолжаютъ функціонировать до самаго послѣдняго времени. Впрочемъ, по причинамъ, о которыхъ подробно мы будемъ имѣть случай говорить ниже, въ настоящее время роль основного орудія обращенія (по крайней мѣрѣ, для цивилизованныхъ странъ) осталась только уже за однимъ изъ благородныхъ металловъ — золотомъ, какъ наиболѣе устойчивымъ въ цѣнности.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній мы можемъ перейти къ выясненію общественно-экономическихъ функцій денегъ, имѣя въ виду по преимуществу условія современнаго хозяйственнаго строя, гдѣ мѣновыя отношенія занимаютъ гораздо большее мѣсто, чѣмъ въ прежнихъ формахъ экономическаго быта. Первая основная функція денегъ заключается въ томъ, что онѣ служатъ мѣриломъ цѣнности, всеобщимъ эквивалентомъ для всѣхъ другихъ товаровъ. Всѣ предметы, обращающіеся на рынкѣ, какъ бы отражаются въ деньгахъ, превращаясь при этомъ въ однородныя по цѣнности вещи, приравниваясь черезъ посредство денегъ другъ къ другу въ основномъ свойствѣ ихъ — въ ихъ трудовомъ происхожденіи. Деньги могутъ выполнять эту функцію всеобщаго эквивалента, потому что онѣ сами имѣютъ опредѣленную внутреннюю цѣнность, иначе говоря, являются продуктомъ цѣлесообразнаго человѣческаго труда. Вѣдь, всякая мѣра должна имѣть непремѣнно то самое свойство, которое она опредѣляетъ въ другихъ предметахъ. Если, напр., мы желаемъ измѣрить вѣсъ или длину

различныхъ тѣлъ, мы должны принять за единицу мѣры тѣла, обладающія непремѣнно этими свойствами. Гиря служитъ для опредѣленія вѣса разныхъ предметовъ не потому, что на ней изображена извѣстная вѣсовая величина (фунтъ, золотникъ, пудъ и т. п.), а потому, что кусокъ металла, изъ котораго она сдѣлана, самъ обладаетъ измѣряемымъ свойствомъ, самъ имѣетъ вѣсъ, т.-е. подчиняется закону притяженія тѣлъ землей. Золото и серебро только потому могутъ служить деньгами, что они представляютъ собой такіе же товары, какъ и всѣ другіе товары, обращающіеся на рынкѣ, т.-е., съ одной стороны, они имѣютъ опредѣленную полезность (употребляются на выдѣлку предметовъ украшенія, домашняго обихода etc.), съ другой — они могутъ быть добываемы только при помощи человѣческаго труда [1]). Поэтому всѣ теоріи замѣны денегъ условными знаками при сохраненіи за ними той роли, какую онѣ играютъ въ современномъ

[1]) И въ настоящее время выдѣлка изъ золота и серебра различныхъ предметовъ потребленія поглощаетъ крупную долю изъ общаго ихъ количества, добываемаго ежегодно на земномъ шарѣ. *Зетберъ* вычислялъ, что за четырехлѣтіе 1881—84 гг. употребленіе золота на промышленныя цѣли (выдѣлку разнаго рода предметовъ) у цилизованныхъ націй Европы и Америки составляла около 61°/₀ всей добычи. За послѣднее время, благодаря повышенію спроса на золото для цѣлей денежнаго обращенія, цифра эта нѣсколько понизилась, но все же составляла почти половину ежегодной добычи (около 45°/₀, по вычисленію Леруа-Больё). См. *Paul Leroy-Beaulieu*, Traité théorique et pratique d'économie politique, Tome III, Paris, 1896, стр. 161—162. Въ 1883 г., напр., въ одной Америкѣ было употреблено золота только на выдѣлку часовыхъ крышекъ на сумму около 7.000.000 руб.

товарномъ обращеніи, основываются на непониманіи истинной природы денегъ, какъ мѣрила цѣнности. То обстоятельство, что въ настоящее время, на ряду съ полноцѣнными деньгами, обращаются разнаго рода денежные знаки, не имѣющіе внутренней цѣнности, какъ, напр., банковые билеты или бумажныя деньги, никоимъ образомъ не противорѣчитъ высказанному положенію, потому что эти денежные знаки являются лишь замѣстителями настоящихъ денегъ, представителями ихъ, кредитными обязательствами на опредѣленную сумму полноцѣнной монеты. Если бы за ними не стояли полноцѣнныя деньги, они потеряли бы всякій смыслъ и значеніе и превратились бы въ простую макулатуру, утратили бы всякую цѣнность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и способность служить орудіями обращенія.

Вторая функція денегъ состоитъ въ томъ, что онѣ облегчаютъ обмѣнъ товаровъ, иначе говоря, служатъ орудіемъ обращенія цѣнностей. Чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе этой функціи, мы должны сравнить характеръ мѣновыхъ сдѣлокъ при натуральномъ и денежномъ обмѣнѣ. При мѣнѣ товаровъ другъ на друга необходимо присутствіе въ одномъ мѣстѣ обоихъ обмѣнивающихся лицъ съ ихъ товарами. Въ первобытныхъ обществахъ каждая изъ обмѣнивающихся сторонъ раскладываетъ свои продукты рядомъ съ продуктами другой стороны, и каждый покупщикъ торгуется, сравнивая непосредственно свой товаръ съ товаромъ продавца. Введеніе денегъ разлагаетъ мѣновую сдѣлку на двѣ самостоятельныхъ части: покупку и продажу. Сапожникъ, нуждающійся въ хлѣбѣ, не понесетъ приготовленныхъ имъ сапогъ въ булочную, а сна-

чала продастъ кому-нибудь сапоги, а потомъ уже на деньги, вырученныя за нихъ, купитъ себѣ хлѣба. Точно также и булочникъ, если ему нужны сапоги, сначала продастъ булокъ на такую сумму, какую стоятъ сапоги, и затѣмъ уже пойдетъ къ сапожнику. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ дѣло осложняется; на самомъ же дѣлѣ, какъ при раздѣленіи труда, усложненіемъ выполненія дѣла достигаются съ меньшими затратами усилій гораздо большіе результаты. Раздѣленіе акта обмѣна на продажу и покупку даетъ возможность производать обмѣнъ въ различныхъ мѣстахъ и въ различное время. Продавецъ товара можетъ сбыть его въ одномъ мѣстѣ и на вырученныя деньги пріобрѣсти нужныя ему вещи въ другомъ, хотя бы оно было отдѣлено отъ перваго сотнями или тысячами верстъ.

Равнымъ образомъ при продажѣ изготовленнаго продукта нѣтъ уже надобности сейчасъ же и пріобрѣтать себѣ все необходимое; отсюда разница въ срокахъ изготовленія разныхъ предметовъ оборота при денежномъ обмѣнѣ утрачиваетъ свои прежнія неудобства. Деньги даютъ возможность продавать и покупать вещи въ наиболѣе удобное время для обоихъ обмѣнивающихся лицъ. Въ настоящее время, благодаря деньгамъ, отдаленнѣйшія страны міра связаны другъ съ другомъ тѣсными узами обмѣна. Безъ помощи денегъ обмѣнъ въ томъ громадномъ объемѣ, какой онъ имѣетъ въ современныхъ культурныхъ государствахъ, былъ бы немыслимъ. Слѣдовательно, современное общество, по основнымъ условіямъ своего существованія, должно затрачивать извѣстную сумму трудовой энергіи на

созданіе средствъ товарнаго обращенія въ формѣ денегъ, т.-е. на добываніе золота (и серебра) и превращеніе его въ монету.

Третья функція денегъ заключается въ томъ, что онѣ служатъ законнымъ платежнымъ средствомъ. Въ каждомъ хозяйственномъ оборотѣ существуетъ много срочныхъ платежей, гдѣ принятое заранѣе обязательство въ назначенное время погашается выдачей условленной денежной суммы. Законъ опредѣляетъ, что такимъ средствомъ ликвидаціи заключенныхъ обязательствъ должна служить признанная въ странѣ монета. Въ ней и выражается цѣнность обязательства, что представляетъ гарантію правильнаго выполненія условія, заключеннаго между договаривающимися сторонами. Помимо массы текущихъ расплатъ, совершающихся во всякое время, въ каждой странѣ существуютъ обычные сроки расплаты (къ праздникамъ, къ окончанію извѣстнаго сезона и пр.), въ которые возникаетъ временная усиленная нужда въ деньгахъ. Въ Россіи, напр., съ наступленіемъ жатвы замѣчается усиленное требованіе денегъ изъ банковъ для выполненія закупокъ хлѣба. Послѣ того какъ деньги сдѣлаютъ это дѣло, т.-е. когда закупленныя количества хлѣба будутъ проданы потребителямъ, деньги опять мало-по-малу возвращаются въ банковыя кассы [1]). Деньги, какъ платежное средство, требуются еще и для уплаты податей и повинностей. Расширеніе

---

1) Подобное же явленіе замѣчается и въ Англіи (отливъ денегъ изъ Лондона въ сѣверныя и восточныя графства во время жатвы) и въ Соед. Штатахъ (истребованіе денегъ изъ Нью-Іорка въ западные штаты). См. *Leroy-Beaulieu*, указ. соч., стр. 154.

государственнаго бюджета и переводъ натуральныхъ повинностей въ денежныя усиливаетъ потребность въ деньгахъ. Въ Россіи, напр., въ настоящее время, въ силу указанныхъ обстоятельствъ, необходимо большее количество денегъ для расплатъ, чѣмъ какое требовалось во время крѣпостного права. Развитіе промышленности также создаетъ потребность въ большемъ количествѣ денегъ. При натуральной системѣ хозяйства, до сихъ поръ не вполнѣ исчезнувшей въ земледѣліи, плата рабочимъ дается натурой, тогда какъ въ современной обрабатывающей промышленности расплата въ натуральной формѣ представляетъ уже серьезное несоотвѣтствіе общему строю хозяйства и соединяется съ крупными злоупотребленіями. Поэтому расплата товарами на фабрикахъ и заводахъ воспрещается обыкновенно и фабричнымъ законодательствомъ, а, слѣдовательно, выдача заработной платы требуетъ теперь большаго запаса денегъ (или замѣщающихъ ихъ орудій обращенія).

Наконецъ, деньги служатъ средствомъ сбереженія цѣнностей. Лицо, имѣющее свободный капиталъ, превращаетъ его въ форму денегъ, благодаря которой накопленныя имъ средства пріобрѣтаютъ уже вѣчное, не прекращающееся существованіе. Возможность такого накопленія денежнаго сокровища создала даже особаго рода манію, не разъ служившую предметомъ литературныхъ характеристикъ. Скряга, всю жизнь посвящающій накопленію денегъ, превращаетъ, въ концѣ-концовъ, всю свою дѣятельность въ совершенно безплодное занятіе для него самого, такъ какъ, имѣя въ деньгахъ возможность какого угодно выполненія своихъ цѣ-

лей и удовлетворенія какихъ угодно потребностей, онъ фактически отрѣшается отъ всѣхъ жизненныхъ задачъ, кромѣ удовлетворенія одной всепоглощающей страсти накопленія. Такъ постепенно вырабатывается своеобразный психологическій типъ фанатика накопленія, аскета, въ душѣ котораго умерли всѣ нормальныя человѣческія чувства, замѣнившись ненасытной жаждой пріобрѣтенія богатства ради богатства. Однако, были такого рода эпохи экономическаго развитія (а въ нѣкоторыхъ государствахъ такой порядокъ вещей сохраняется и понынѣ), когда потребность накопленія сокровищъ представлялась вполнѣ нормальнымъ результатомъ общаго жизненнаго строя. Въ древнемъ мірѣ, въ средніе вѣка, въ Россіи—при существованіи крѣпостного права, въ азіатскихъ странахъ—и по настоящее время, въ силу отсутствія твердыхъ гарантій имущественной и личной безопасности, каждый старался, поскольку было возможно, приберечь у себя въ потайномъ уголкѣ запасъ денегъ или золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, которыя при случаѣ легко превратить въ деньги. Страсть азіатскихъ богачей къ драгоцѣннымъ украшеніямъ въ значительной мѣрѣ объясняется условіями мѣстнаго политическаго и хозяйственнаго быта. Съ другой стороны, при господствѣ натурально-хозяйственнаго строя для лицъ, располагавшихъ мелкими свободными капиталами, не было возможности извлечь изъ нихъ выгоду, пуская въ оборотъ. И только съ развитіемъ сложной сѣти мѣновыхъ (въ частности, кредитныхъ) отношеній были созданы удобныя формы помѣщенія такихъ капиталовъ, и банки и сберегательныя кассы замѣнили традиціон-

ный «чулокъ» или «кубышку» владѣльцевъ мелкихъ капиталовъ. Въ настоящее время даже среди лицъ, живущихъ вдали отъ крупныхъ промышленныхъ центровъ, все болѣе и болѣе распространяется привычка помѣщать свои свободныя деньги въ кредитныя учрежденія, откуда онѣ выходятъ, передаваясь изъ рукъ въ руки по широкимъ каналамъ хозяйственнаго оборота, выполняя свои главныя, очерченныя выше функціи. Въ настоящее время значеніе денегъ, какъ средства сбереженія, проявляется уже въ иной формѣ. Онѣ накапливаются въ хозяйствахъ частныхъ лицъ и учрежденій въ качествѣ кассовыхъ фондовъ или запасовъ на непредвидѣнныя потребности. Таковы, въ особенности, резервные фонды банковъ, государственные фонды на случай войны и т. п.

Зная главныя функціи денегъ въ современномъ хозяйственномъ строѣ, мы можемъ теперь отдать себѣ отчетъ и въ томъ, какое количество ихъ требуется для нуждъ общественнаго хозяйства. Такъ какъ деньги достаются человѣчеству не даромъ, а съ затратой значительнаго количества усилій, то очевидно, что вопросъ о размѣрахъ потребнаго денежнаго запаса представляется далеко не маловажнымъ.

Въ какихъ же размѣрахъ желательна затрата человѣческаго труда на изготовленіе денегъ, иначе говоря, какое количество денегъ необходимо странѣ имѣть для того, чтобы потребности ея товарнаго обращенія были вполнѣ обезпечены? Съ перваго взгляда можетъ казаться, что это необходимое для обращенія количество денегъ должно равняться суммѣ цѣнностей всѣхъ обмѣниваемыхъ

товаровъ. Въ дѣйствительности, однако, мы не встрѣчаемъ такого совпаденія. Дѣло въ томъ, что каждая сумма денегъ, пускаемая въ оборотъ, участвуетъ въ совершеніи не одного только, а цѣлой цѣпи послѣдовательныхъ обмѣновъ. Если одно лицо купило на 100 рублей, скажемъ, костюмъ, то владѣлецъ костюма не будетъ держать эти деньги въ своей кассѣ, а купитъ на нихъ извѣстное количество сукна для изготовленія новыхъ костюмовъ; владѣлецъ сукна расплатится ими съ рабочими; рабочіе купятъ себѣ хлѣба, заплатятъ за квартиру и т. д. Однимъ словомъ, каждый покупщикъ своей покупкой даетъ толчокъ новому безконечному ряду обмѣновъ, которые въ общей сложности представляютъ уже гораздо большую цѣнность, чѣмъ израсходованная въ первомъ обмѣнѣ сумма денегъ. Такимъ образомъ количество денегъ, требуемыхъ для обращенія, опредѣляется не только суммой цѣнностей обмѣниваемыхъ на рынкѣ товаровъ, но и существующей въ данной странѣ быстротой денежныхъ оборотовъ. Облекая это положеніе въ математическую формулу, найдемъ, что количество денегъ, необходимое для обращенія, должно равняться суммѣ цѣнностей обращающихся на рынкѣ товаровъ (и услугъ), раздѣленной на быстроту оборотовъ денегъ.

Самая же быстрота оборотовъ денегъ зависитъ отъ степени развитія сообщеній между людьми и умѣнья пользоваться условіями сношеній. Поэтому въ странахъ, гдѣ городская жизнь развита сравнительно больше, деньги обращаются быстрѣе, чѣмъ въ земледѣльческихъ; въ странахъ съ лучшей сѣтью путей сообщенія и средствъ передачи извѣ-

стій—быстрѣе, чѣмъ въ странахъ съ дурной организаціей перевозки и почтоваго и телеграфнаго дѣла. Равнымъ образомъ на быстроту оборотовъ денегъ вліяетъ и плотность населенія, такъ какъ въ странахъ сравнительно густо населенныхъ отношенія между людьми оказываются болѣе интенсивными, чѣмъ въ странахъ съ рѣдкимъ населеніемъ. Наконецъ изъ причинъ общаго характера на быстроту обращенія денегъ оказываетъ существенное вліяніе высота и распространеніе народнаго образованія. Въ странахъ, гдѣ масса населенія невѣжественна, отношенія между людьми существенно затрудняются, а, слѣдовательно, замедляется переходъ товаровъ изъ рукъ въ руки. Жизнь течетъ тамъ болѣе медленнымъ темпомъ, и всякаго рода отношенія, связанныя съ перевозкой товаровъ, переѣздомъ или передачей извѣстій на отдаленное разстояніе, сильно замедляются и затрудняются. Итакъ, и при изслѣдованіи вопроса о деньгахъ необходимо имѣть въ виду, что денежное обращеніе не представляется какимъ-то изолированнымъ, самодовлѣющимъ явленіемъ, а, наоборотъ, связывается тѣсными органическими узами съ общимъ строемъ и развитіемъ не только хозяйственной, но и общекультурной жизни народовъ.

Изъ спеціальныхъ же условій, вліяющихъ на быстроту денежнаго обращенія, необходимо отмѣтить въ особенности организацію и распространеніе кредитныхъ учрежденій, облегчающихъ переходъ денегъ изъ рукъ въ руки.

Однако, указанная нами формула не даетъ еще полнаго разрѣшенія вопроса о количествѣ денегъ, необходимомъ для современнаго денежнаго обраще-

нія. Мы знаемъ, что деньги, кромѣ функцій обращенія товаровъ и платежнаго средства, имѣютъ еще и функцію орудія сбереженія. Поэтому намъ необходимо къ выставленной выше формулѣ прибавить еще новый членъ, иначе говоря, мы теперь видимъ, что количество денегъ, необходимое для современнаго народнаго хозяйства, равняется:

суммѣ цѣнностей обращающихся товаровъ (и услугъ), раздѣленной на быстроту оборотовъ денегъ,	+	сумма денегъ, хранящихся въ фондовыхъ кассахъ.

Однако и въ такомъ видѣ наша формула все еще не закончена. Она предполагаетъ, что въ странѣ обращаются только металлическія деньги, безъ всякой замѣны ихъ какими бы то ни было бумагами. Между тѣмъ практика товарнаго обращенія давно уже навела на мысль, что не всегда необходимо пользоваться непосредственно деньгами, что ихъ можно замѣнить кредитными обязательствами безъ ущерба для дѣла, лишь бы только эти обязательства были вполнѣ гарантированы. При современныхъ формахъ кредита функціи денегъ, какъ платежнаго средства и какъ орудія обращенія, значительно суживаются, такъ какъ въ этой роли ихъ вполнѣ замѣняютъ чеки, банковые билеты, расчеты взаимныхъ долговыхъ обязательствъ по банковымъ книгамъ и т. п. Представляя извѣстныя суммы металлической монеты, кредитныя бумаги выступаютъ во всѣхъ функціяхъ денегъ, кромѣ одной—мѣрила цѣнности, такъ какъ сами по себѣ онѣ не имѣютъ внутренней цѣнности. Поэтому вполнѣ замѣнить

деньги онѣ не могутъ, какъ думали нѣкоторые (Луи Бланъ, Робертъ Овэнъ); но сокращеніе требуемаго для страны количества денегъ, благодаря имъ, происходитъ въ весьма крупномъ объемѣ. Итакъ, для полноты выводимой нами формулы мы должны прибавить къ ней еще одинъ и на этотъ разъ уже послѣдній членъ, а именно, вычесть изъ указанной суммы сумму денегъ, замѣняемыхъ кредитнымъ обращеніемъ.

Такимъ образомъ количество денегъ, требуемое для данной страны, равняется:

суммѣ цѣнностей обращающихся на рынкѣ товаровъ (и услугъ), раздѣленной на быстроту оборотовъ денегъ, + сумма денегъ, хранящихся въ фондовыхъ кассахъ, — сумма денегъ, замѣняемыхъ кредитнымъ обращеніемъ.

Благодаря быстротѣ оборотовъ денегъ и развитію кредита, въ современныхъ капиталистическихъ государствахъ требуется сравнительно немного денегъ, если принять во вниманіе громадные размѣры ихъ товарнаго обмѣна. «То, что называютъ доходами французовъ, говоритъ Леруа-Больё, оцѣнивается въ 25 милліардовъ франковъ, создающихъ, несомнѣнно, втрое или вчетверо большую цифру мѣновыхъ сдѣлокъ, и, однако, металлическая монета во Франціи насчитывается не болѣе, чѣмъ въ суммѣ 8 или $8^1/_2$ милліардовъ франковъ. Въ Англіи количество денегъ, требуемое для обращенія, еще меньше, несмотря на то, что мѣновые обороты этой страны больше, чѣмъ Франціи. Общая сумма обращающейся тамъ металлической монеты составляетъ всего 44% по сравненію

съ количествомъ французскихъ металлическихъ денегъ» [1]).

Говоря о замѣнѣ денегъ, какъ платежнаго средства, кредитными бумагами, необходимо упомянуть о спеціальныхъ учрежденіяхъ, имѣющихъ цѣлью замѣну расплатъ наличными деньгами болѣе выгодными способами. Таковы такъ называемыя расчетныя палаты (Clearing houses, Abrechnungshäuser). Нѣсколько банковъ какого-либо города входятъ въ согласіе другъ съ другомъ, что они будутъ регулярно размѣниваться кредитными требованіями. Представители этихъ банковъ сходятся ежедневно или въ другіе сроки въ одно мѣсто, гдѣ и сравниваютъ обязательства другъ на друга. Положимъ, что банкиръ А. имѣетъ требованій на банкира В. на 10.000 рублей, а банкиръ В. на банкира А.—10.500 рублей. Вмѣсто того, чтобы перенести изъ одного банка въ другой эти деньги, представители банковъ просто вычитаютъ въ расчетной палатѣ одинъ долгъ изъ другого и только остатокъ уплачиваютъ наличными деньгами. Въ данномъ случаѣ банкиру А. пришлось бы уплатить наличными всего 500 рублей. Но, обыкновенно, даже и такой остатокъ уплачивается не монетой, а банковыми билетами. Наибольшія изъ расчетныхъ палатъ—лондонская (учреждена еще въ 1775 году) и нью-іоркская (существуетъ съ 1853 года).

О размѣрахъ сбереженія денегъ, доставляемаго этими учрежденіями, можно судить хотя бы по слѣдующему примѣру: обороты одной лондонской расчетной палаты въ началѣ 90-хъ гг. составляли отъ

---

[1]) *Leroy-Beaulieu*, указ. соч., стр. 152 и 609—610.

6.778 до 7.801 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, т.-е. приблизительно отъ 60 до 70 милліардовъ русскихъ рублей.

Всѣмъ намъ извѣстно, что деньги не изготовляются частными лицами по произволу, а что размѣръ денежной единицы (т.-е. содержаніе чистаго металла) и форма монеты точно опредѣляются государственной властью. Относительно денежнаго обращенія давно уже нашла себѣ признаніе мысль, что государство должно взять на себя регулированіе этой отрасли общественнаго хозяйства.

Въ этомъ регулированіи наибольшій интересъ представляетъ вопросъ о выборѣ денежнаго металла, такъ какъ въ качествѣ денегъ можно пользоваться, какъ мы уже знаемъ изъ предыдущаго, двумя металлами—золотомъ и серебромъ (третій драгоцѣнный металлъ—платина, въ силу органиченности его добычи, не можетъ быть употребляемъ для цѣлей денежнаго обращенія).

Въ данномъ отношеніи могутъ примѣняться три системы денежнаго обращенія: монометаллическая (деньгами, имѣющими обращеніе въ данной странѣ, признаются или только золотыя, или только серебряныя); система хромающей валюты (гдѣ главнымъ денежнымъ металломъ считается одинъ, обыкновенно золото, другой же играетъ лишь вспомогательную роль), и, наконецъ, биметаллизмъ (система равноправности обоихъ металловъ—золота и серебра).

Монометаллическая система въ современныхъ капиталистическихъ государствахъ съ ихъ обширными

[1]) *Ad. Wagner*, Der Kredit und das Bankwesen. Handbuch Schönberg'a, 4 изд. томъ I, стр. 467—468.

и сложными мѣновыми оборотами может основываться единственно на золотѣ. Съ одной стороны, золото, при равномъ объемѣ, имѣетъ значительно большую цѣнность, чѣмъ серебро, и потому болѣе пригодно для крупныхъ платежей, съ другой (и это самое главное)—за послѣднее время цѣнность золота оказывается гораздо устойчивѣе цѣнности серебра. Цѣнность серебра, какъ мы увидимъ ниже, значительно упала. Это обстоятельство стоитъ въ связи какъ съ техническими условіями выработки серебра, такъ и съ употребленіемъ его на иныя цѣли, помимо денежнаго обращенія. Золото добывается до сихъ поръ примѣненіемъ довольно простыхъ техническихъ пріемовъ, и потому технической прогрессъ XIX вѣка не могъ существенно отразиться на удешевленіи его производства. Годичныя же прибавки золота къ существующему уже запасу не настолько значительны, чтобы влiять понижающимъ образомъ на его цѣну. Наконецъ, употребленіе золота на промышленныя цѣли не только не суживается, но, наоборотъ, расширяется, сравнительно съ употребленіемъ серебра. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ серебро оказывается въ гораздо худшемъ положеніи: техническія усовершенствованія въ его добываніи сильно понизили его цѣнность по сравненію съ прежнимъ временемъ, такъ какъ выдѣлка его происходитъ гораздо болѣе сложнымъ способомъ, чѣмъ выработка золота; что же касается употребленія его на промышленныя цѣли, то въ Европѣ и Америкѣ серебро далеко не предоставляетъ уже прежней привлекательности для потребителя. Тогда какъ золота употребляется на промышленныя цѣли въ цивилизованныхъ странахъ

около половины всей годичной добычи, серебра— только 11—12%. По замѣчанію Леруа-Болье, у богатыхъ народовъ, въ силу самаго развитія богатства и усовершенствованія искусствъ, серебро въ значительной мѣрѣ находится въ упадкѣ. Какъ предметъ роскоши, его вытѣсняетъ золото; для предметовъ же домашняго обихода начинаютъ входить въ употребленіе болѣе дешевые матеріалы— алюминій, никкель, фарфоръ. «Во всѣхъ богатыхъ странахъ, говоритъ Леруа - Болье, даже рабочіе не хотятъ уже носить серебряныхъ часовъ или цѣпочекъ... Такимъ образомъ, повидимому, для серебра наступаетъ теперь такое же время, какъ нѣкогда для желѣза и мѣди. Съ появленіемъ потребности въ болѣе цѣнномъ орудіи обращенія желѣзныя и мѣдныя деньги были вытѣснены серебряными и золотыми; теперь наступаетъ уже очередь серебра. Роль его должна свестись къ помощи главному металлу, въ качествѣ мелкой размѣнной монеты, назначаемой для небольшихъ платежей» [1]).

Однако если теоретически представляется желательнымъ установленіе золотого денежнаго обращенія, тѣмъ не менѣе осуществить его чрезвычайно трудно и тѣмъ въ большей степени, чѣмъ больше падаетъ цѣнность серебра сравнительно съ золотомъ. Поэтому многія страны, вынужденныя развитіемъ экономическихъ отношеній ввести у себя золотое обращеніе, остановились на полдорогѣ. До сихъ поръ чистую золотую валюту удалось установить только одной Англіи. Здѣсь полноцѣнной законной монетой признается золотая, а серебряная играетъ лишь роль размѣнной монеты, на ряду

1) *Leroy-Beaulieu*, указ. соч., стр. 168—169.

съ мѣдной и, вообще, малоцѣнной монетой для мелкихъ платежей, въ которыхъ она замѣняетъ полноцѣнныя деньги. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы и другія страны не дѣлали рѣшительныхъ попытокъ въ такомъ направленіи. Германія, напр., получивъ послѣ франко-прусской войны пятимилліардную контрибуцію, рѣшила воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и ввести золотую валюту. Основной имперской монетой была признана золотая (единицей—золотая марка), а находившіеся въ обращеніи прежніе серебряные талеры рѣшено было изъять, превративши часть изъ нихъ въ низкопробную размѣнную монету. Часть этого плана и была выполнена, но къ концу семидесятыхъ годовъ быстрое паденіе цѣнности серебра стало грозить правительству большими убытками отъ выкупа талеровъ по ихъ номинальной цѣнѣ и продажи по сравнительно низшей рыночной стоимости серебра. Въ маѣ 1879 г. германское правительство прекратило изъятіе изъ оборота существующихъ талеровъ и дальнѣйшую продажу серебра, такъ что и по настоящее время на ряду съ золотой монетой Германія имѣетъ въ обращеніи до 400 милліоновъ старыхъ талеровъ, за которыми закономъ признается столь же неограниченная платежная сила, какъ и за золотомъ. Страны двойного обращенія, составившія спеціальное соглашеніе по монетному дѣлу (такъ называемый латинскій союзъ), именно: Франція, Италія, Швейцарія, Бельгія и Греція, рѣшили въ 1876 году прекратить дальнѣйшую чеканку серебряной монеты и, такимъ образомъ, фактически перешли къ золотому обращенію, хотя и не вполнѣ въ чистомъ видѣ, подобно Германіи.

Такая переходная система между золотомъ и серебромъ, какъ единымъ денежнымъ металломъ, практически не представляетъ большихъ неудобствъ, потому что главная роль остается все-таки за золотомъ. Даже въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, гдѣ съ 1878 и въ особенности съ 1890 г. (актъ Шермана) серебру отведено значительное мѣсто въ денежной системѣ, отъ такой переходной валюты общественное хозяйство не испытываетъ потрясеній, такъ какъ выпускъ въ обращеніе новыхъ серебряныхъ денегъ хотя тамъ и производится ежегодно, но ограничивается опредѣленнымъ минимумомъ.

Кстати сказать, и Россія перешла уже послѣдней денежной реформой къ золотому обращенію вмѣсто серебрянаго (основной денежной единицей признается теперь не серебряный, а новый, золотой рубль, уменьшенный въ размѣрѣ сравнительно съ прежнимъ золотымъ рублемъ, соотвѣтственно паденію курсу бумажныхъ денегъ). Однако серебряные рубли остаются попрежнему въ обращеніи въ количествѣ, не ограниченномъ закономъ; только пріемъ ихъ въ платежи между частными лицами обязателенъ въ сравнительно небольшихъ предѣлахъ (до 50 рублей). Такимъ образомъ и мы имѣемъ хромающую валюту, а слѣдовательно, и намъ, въ случаѣ денежнаго кризиса, грозитъ опасность наводненія обращенія дешевой серебряной монетой, приравненной по стоимости къ полноцѣнному золотому рублю. Въ обыкновенное же время такая система не представляетъ неудобствъ.

Но уже вполнѣ основательныя и серьезныя опасенія внушаетъ третья система — полной равно-

правности обоихъ металловъ (биметаллизмъ), на разсмотрѣніи которой мы и остановимся нѣсколько подробнѣе, потому что за установленіе такой системы до сихъ поръ ратуютъ очень многіе, въ виду значительныхъ выгодъ, которыя могутъ достаться отъ ея введенія для нѣкоторыхъ общественныхъ классовъ.

Подъ биметаллизмомъ понимается такая система денежнаго обращенія, при которой устанавливается закономъ опредѣленное отношеніе между цѣнностью золота и серебра въ монетѣ, причемъ оба металла признаются совершенно равноправными для всякаго рода платежей. Такъ какъ установленіе такого твердаго отношенія между цѣнностью золота и серебра предполагаетъ, что оно и въ дѣйствительности, по рыночнымъ условіямъ, оказывается такимъ же, то, конечно, необходимо прежде всего отдать себѣ отчетъ, какова была до сихъ поръ сравнительная цѣнность золота и серебра. Мы уже говорили, что цѣнность золота за послѣднее время оставалась болѣе постоянной, а цѣнность серебра постепенно понижалась. Какимъ образомъ это отражалось на отношеніи цѣнности золота къ цѣнности серебра, можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Годы.	Отношеніе цѣнности золота къ цѣнности серебра.	Годы.	Отношеніе цѣнности золота къ цѣнности серебра.
1851—1855	1 : 15,41	1876—1880	1 : 17,81
1856—1860	1 : 15,30	1881—1885	1 : 18,63
1861—1865	1 : 15,40	1886	1 : 20,79
1866—1870	1 : 15,55	1887	1 : 20,67
1871—1875	1 : 15,98	1888	1 : 22,00

Годы.	Отношеніе цѣнности золота къ цѣнности серебра.	Годы.	Отношеніе цѣнности золота къ цѣнности серебра.
1889	1 : 22,09	1892	1 : 23,69
1890	1 : 19,75	1893	1 : 26,47
1891	1 : 20,93	1894	1 : 32,69 [1]).

За послѣднее время, какъ видно изъ этой таблицы, цѣнность серебра значительно понизилась сравнительно съ цѣнностью золота, причемъ это пониженіе происходило почти непрерывно, изъ года въ годъ. Биметаллисты стараются оспорить этотъ фактъ, говоря, что на самомъ дѣлѣ серебро вовсе не упало въ цѣнности. Такъ какъ въ началѣ текущаго столѣтія и во всю первую половину его такое отношеніе было 1 : 15,5, то биметаллисты требуютъ и теперь фиксированія такой же нормы, утверждая, что кажущееся паденіе цѣнности серебра объясняется вздорожаніемъ всѣхъ остальныхъ товаровъ. Мы видѣли, однако, что пониженіе цѣнности серебра объясняется вполнѣ реальными причинами. Техническій прогрессъ XIX столѣтія, облегчая и совершенствуя производство и, слѣдовательно, понижая товарныя цѣны, коснулся вмѣстѣ со многими отраслями производства и выработки серебра. Производство серебра не можетъ итти при помощи примѣненія грубыхъ техническихъ пріемовъ, какъ это до сихъ поръ имѣетъ мѣсто относительно золота; оно требуетъ развитой техники, а потому въ

1) *E. Nasse (u. W. Lexis).* Das Geld und Münzwesen, Schönberg's Handbuch der Polit. Oekonomie, 4 изд., томъ I, стр. 355 и 398 (цифры за 1851—85 гг. даны Нассе, за 1886—94 гг.— Лексисомъ).

прежнее время, когда производительныя силы общества были сравнительно слабы, серебро и стоило сравнительно дорого. Теперь же, съ усовершенствованіемъ техническихъ пріемовъ, серебро, естественно, должно было понизиться въ цѣнности. Между тѣмъ спросъ на него, какъ на матеріалъ для промышленныхъ цѣлей, не обнаруживаетъ наклонности къ возрастанію.

Итакъ, дѣйствительное, а не кажущееся только паденіе цѣнности серебра за послѣднія десятилѣтія есть безспорный фактъ. Но почему же биметаллисты желали бы ввести его въ качествѣ равноправнаго или, лучше сказать, даже привилегированнаго члена въ систему денежнаго обращенія?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы найдемъ только разсмотрѣніемъ тѣхъ выгодъ, которыя могутъ выпасть на долю нѣкоторыхъ группъ населенія при системѣ двойного обращенія. Но прежде чѣмъ перейти къ такому анализу, намъ необходимо выяснить, въ какое отношеніе должны стать другъ къ другу оба денежные металла при биметаллизмѣ. Фиксація сравнительной цѣнности золота и серебра означаетъ, что въ монетѣ фунтъ золота всегда приравнивается одному количеству (въ нашемъ предположеніи 15,5 фунтамъ) серебра. Слѣдовательно, лицо, располагающее извѣстной суммой серебра, можетъ во всякое время отдать его на монетный дворъ для чеканки, откуда и получитъ взамѣнъ соотвѣтственное количество серебряной монеты. Эту монету оно обмѣняетъ по фиксированной пропорціи на золотую, т.-е. вымѣняетъ на 15,5 ф. серебра одинъ фунтъ золота. Переплавивши полученное золото и слитки, данное лицо можетъ продать его

за границу уже не по номинальной, а по рыночной его цѣнѣ; и если рыночная цѣна серебра относится къ рыночной цѣнѣ золота не какъ 1 : 15,5, а какъ, допустимъ, 1 : 31, то въ результатѣ указанныхъ операцій нашъ владѣлецъ серебра будетъ располагать уже не 15,5 фун., какъ онъ имѣлъ вначалѣ, а вдвое большимъ количествомъ. Ясно, что при такихъ условіяхъ, когда рыночное отношеніе цѣнности золота къ цѣнности серебра будетъ способствовать выгодѣ подобнаго рода операцій, вся золотая монета мало-по-малу будетъ вымѣнена на серебро, переплавлена и вывезена за границу, а внутри страны останутся только серебряныя деньги. Этотъ фактъ, что при существованіи двойного обращенія худшая монета вытѣсняетъ лучшую, былъ подмѣченъ еще въ XVI вѣкѣ богатымъ лондонскимъ купцомъ и банкиромъ сэромъ Томасомъ Грэшамомъ, почему и носитъ обыкновенно названіе «закона Грэшама». Правительства пытались бороться съ этимъ нежелательнымъ для нихъ явленіемъ, но, несмотря на самыя жестокія мѣры, оказывались безсильными. Такъ, въ концѣ XVII вѣка въ Англіи государство стало принимать по одной цѣнѣ старыя и стертыя монеты съ новыми и полновѣсными. Тогда новыя монеты исчезли изъ оборота: ихъ или вывозили за границу, обмѣнявъ на худшія монеты, или припрятывали. Правительство казнило нѣсколькихъ лицъ, замѣченныхъ въ укрываніи и вывозѣ новыхъ монетъ, но ничто не помогало; напротивъ, какъ только государство отказалось принимать старыя монеты по ихъ номинальной цѣнѣ, новыя монеты вновь появились въ обращеніи [1].

---

1) *Leroy-Beaulieu*, указ. соч., стр. 26.

Такимъ образомъ при биметаллизмѣ въ обращеніи останутся только серебряныя деньги; кромѣ того, въ силу уже отмѣченной нами тенденціи цѣнности серебра къ пониженію, страна будетъ располагать все ухудшающейося валютой, цѣнность которой будетъ падать и послѣ введенія новой денежной системы. Посмотримъ теперь, кому же можетъ быть выгодна такая система, какіе классы и группы современнаго общества разсчитываютъ на выигрышъ отъ установленія въ странѣ двойного денежнаго обращенія?

Очень часто, говоря въ защиту своей системы, биметаллисты указываютъ на примѣръ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ особенно сильна биметаллическая партія. Въ политическихъ программахъ большинства американскихъ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей валютные вопросы занимаютъ весьма видное мѣсто, и во многихъ случаяхъ они разрѣшаются въ духѣ биметаллизма. Мы легко найдемъ, однако, объясненіе этому факту, если, не исходя изъ апріорнаго положенія о выгодахъ биметаллизма для общенароднаго блага, поищемъ его причинъ въ интересахъ отдѣльныхъ общественныхъ классовъ. Стоитъ только взглянуть на табличку производства серебра, чтобы понять, какіе могущественные интересы связываются съ серебрянымъ обращеніемъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Средняя ежегодная добыча серебра въ килограммахъ:

	1876—80 гг.	1881—85 гг.
Соединенные Штаты .	980.673	1.137.479
Мексика	655.800	753.600
Перу, Боливія и Чили .	350.000	430.000

	1876—80 гг.	1881—85 гг.
Германія	163.779	232.630
Другія страны	300.000	308.000
Итого	2.450.252	2.861.709

Для владѣльцевъ американскихъ рудниковъ, конечно, было бы выгодно, чтобы создаваемый ими продуктъ, вопреки существующимъ условіямъ производства, получилъ большую цѣнность, благодаря государственнымъ мѣропріятіямъ. За ними идутъ и рабочіе въ этихъ рудникахъ, надѣясь, что повышеніе цѣнности серебра благопріятно отразится на ихъ заработной платѣ. Однако введеніе въ странѣ ухудшающейся валюты оказало бы плохую услугу всѣмъ ихъ товарищамъ, занятымъ въ другихъ производствахъ.

Рабочіе точно такъ же, какъ и всѣ вообще лица, получающія заранѣе фиксированные доходы, должны были бы, получая ихъ обезцѣненными деньгами, терпѣть ущербъ при покупкѣ всѣхъ необходимыхъ для нихъ предметовъ. Мы знаемъ, что деньги выражаютъ цѣнность всѣхъ другихъ товаровъ только потому, что сами имѣютъ цѣнность. Слѣдовательно, если цѣнность ихъ понизилась, то на нихъ можно будетъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, купить меньше товаровъ, чѣмъ прежде. Если рабочій получалъ прежде, скажемъ, 15 долларовъ въ мѣсяцъ, 5 изъ которыхъ онъ уплачивалъ за наемъ квартиры, то, при паденіи цѣнности серебра вдвое противъ прежняго, онъ долженъ будетъ уплачивать уже не 5, а 10 долларовъ квартирной платы. А между тѣмъ его хозяинъ не согласится соотвѣтственно повысить его заработокъ (въ данномъ примѣрѣ до 30 долла-

ровъ). Если рабочему и удастся путемъ тяжелой и дорого стоющей борьбы добиться нѣкотораго повышенія заработка, напр., до 20 или 25 долларовъ, то хозяинъ будетъ видѣть въ этомъ чрезмѣрную уступку съ своей стороны, хотя положеніе рабочаго все еще будетъ хуже прежняго. Поэтому и сами рабочіе серебряныхъ рудниковъ, поддаваясь увѣщанію хозяевъ, забываютъ, что повышеніе ихъ номинальной платы доставило бы имъ выгоды только въ первое время, когда товарныя цѣны не успѣли еще приспособиться къ совершившемуся измѣненію стоимости денежной единицы. Съ той же поры, когда цѣны на предметы ихъ потребленія поднимутся, и рабочіе серебряныхъ рудниковъ будутъ нести такія же потери, какъ и ихъ товарищіи [1]).

---

1) Насколько сильны въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ интересы владѣльцевъ серебряныхъ рудниковъ, можно видѣть хотя бы изъ того факта, что, не добившись еще введенія биметаллизма, они успѣли, однако, значительно расширить въ Америкѣ употребленіе серебра въ качествѣ денежнаго металла. Въ періодъ 1873—78 гг. въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ было исключительно золотое обращеніе; серебряный долларъ былъ «исключенъ изъ списка законныхъ монетъ» (removed from list of legal coins) и пріобрѣлъ характеръ простой размѣнной монеты, предназначенной для мелкихъ платежей. Къ 1876 году серебро стало падать въ цѣнѣ, и владѣльцы серебряныхъ рудниковъ, опасаясь затрудненій въ сбытѣ ихъ товара, стали осаждать правительство просьбами опять приступить къ чеканкѣ стараго серебрянаго доллара. Правительство уступило этимъ просьбамъ; чеканка серебряной монеты была возстановлена въ 1878 году съ отношеніемъ золота къ серебру въ 1 : 15,88, тогда какъ рыночное отношеніе обоихъ металловъ было 1 : 17,87. Разница между фактическимъ и законнымъ отношеніемъ золота и серебра составила, такимъ образомъ,

Кому же еще выгоденъ биметаллизмъ, кромѣ владѣльцевъ серебряныхъ рудниковъ?

Въ Англіи есть одна промышленная область (Ланкаширъ), въ которой многія фабрики производятъ товары (хлопчатобумажныя ткани) для индійскаго рынка. Въ Индіи же существуетъ серебряное обращеніе. Англійскій фабрикантъ, продавая свой товаръ индійскому купцу, получаетъ отъ него уплату въ серебряной, обращающейся на индійскомъ рынкѣ, монетѣ (рупіяхъ). Эту монету англійскій фабрикантъ долженъ обмѣнять у себя дома на золотую, чтобы разсчитаться съ рабочими, покрыть другія издержки производства и отдѣлить себѣ свободный остатокъ

барышъ владѣльцевъ серебряныхъ рудниковъ. Количество выпускаемыхъ правительствомъ долларовъ было ограничено 2.000.000 въ мѣсяцъ; но получаемыя отъ этой операціи выгоды были такъ соблазнительны, что владѣльцы рудниковъ вели неустанную агитацію въ пользу повышенія нормы, и въ 1890 году актомъ Шермана она была увеличена нѣсколько болѣе, чѣмъ вдвое. Законодательство сослужило большую службу владѣльцамъ рудниковъ: всего съ 1878 года по 1891 годъ (до дѣйствія акта Шермана) казначейство Соединенныхъ Штатовъ купило серебра для чеканки на 308 слишкомъ милліоновъ долларовъ, а съ 1891 по 1894—почти на 156 милліоновъ. Общее количество серебра, купленное за указанный пятнадцатилѣтній періодъ, составляетъ болѣе двухъ третей всей добычи серебра изъ американскихъ рудниковъ. Со времени же дѣйствія акта Шермана правительственныя покупки серебра стали равняться почти всему производству серебра въ Соединенныхъ Штатахъ.

		Добыча серебра за это время составляла:
Въ 1891 г. было куплено правител.	54.393.913 ун. сер.	58.330.000
» 1892 » » » »	54.129.720 » »	58.000.000

См. *Leroy-Beaulieu*, указ. соч., т. III, стр. 247—257.

(прибыль). Если цѣнность серебра падаетъ, то естественно, что нашъ фабрикантъ, продавая свой товаръ на индійскомъ рынкѣ по прежней цѣнѣ, обмѣняетъ полученное серебро уже на меньшее количество золота и, слѣдовательно, понесетъ убытки. Иначе говоря, онъ попадаетъ въ такое положеніе, какъ если бы, торгуя, скажемъ, съ Россіей, онъ встрѣтился неожиданно съ повышеніемъ таможенной пошлины, уплата которой сократила бы его выручку. Поэтому и говорятъ обыкновенно, что паденіе цѣнности серебра дѣйствуетъ на ввозящія страны, какъ запретительная пошлина. При указанныхъ условіяхъ фабриканту остается или стараться продавать свой товаръ дороже, чѣмъ прежде (что далеко не всегда возможно, потому что туземные жители получаютъ всѣ свои доходы въ прежнемъ размѣрѣ), или ввести какія - нибудь техническія усовершенствованія въ производствѣ, удешевляющія цѣнность продукта, или искать новыхъ рынковъ сбыта. Съ другой стороны, если паденіе цѣнности серебряныхъ рупій служитъ какъ бы охранительной пошлиной на ввозъ въ Индію англійскихъ товаровъ, то индійское производство хлопчатобумажныхъ тканей поощряется затрудненіемъ конкуренціи привозныхъ англійскихъ тканей. Англійскимъ фабрикантамъ, ввозящимъ въ Индію свои товары, приходится, такимъ образомъ, считаться еще и съ этимъ обстоятельствомъ. Приспособленіе къ такимъ неблагопріятнымъ условіямъ, конечно, стоитъ очень большихъ хлопотъ, притомъ не всегда и увѣнчивающихся успѣхомъ, а потому ланкаширскіе фабриканты ведутъ усиленную агитацію въ пользу биметаллизма, при которомъ имъ не было бы уже надобности производить невыгодный

для нихъ обмѣнъ полученнаго изъ Индіи серебра на англійское золото и который ослабилъ бы опасную для нихъ конкуренцію индійской туземной промышленности [1]).

Наконецъ есть еще одна общественная группа, которая выиграла бы отъ биметаллизма — это землевладѣльцы. Извѣстно, что въ Германіи, напр., партія аграріевъ постоянно выступаетъ съ проектами двойного обращенія. Такая привязанность къ биметаллизму объясняется задолженностью землевладѣнія. Землевладѣльцы обременены долгами; каждому, сдѣлавшему заемъ подъ залогъ имѣнія. приходится обыкновенно почти всю жизнь выплачивать лежащій на немъ долгъ. Если бы въ странѣ существовала падающая валюта, то землевладѣльцамъ приходилось бы платить все меньшую и меньшую сумму. Если, напр., они вносили въ годъ 6% на занятый капиталъ, то, при паденіи цѣнности серебра вдвое противъ прежняго, они будутъ фактически уплачивать уже только 3%. И у насъ

---

1) Однако необходимо имѣть въ виду, что жалобы биметаллистовъ на усиленное развитіе индійской (а также и японской) промышленности, благодаря удешевленію серебра, слишкомъ преувеличены. Паденіе цѣнности серебра по сравненію съ золотомъ безспорно вліяло на развитіе туземной промышленности восточно-азіатскихъ странъ, но оно было въ данномъ случаѣ несущественнымъ факторомъ. Промышленность развивалась тамъ также вслѣдствіе ввоза изъ Европы машинъ и орудій, создавшихъ солидную техническую постановку выработки хлопчатобумажныхъ тканей. Это обстоятельство вліяло бы и при иной системѣ денежнаго обращенія, значеніе котораго сводится лишь къ измѣненію темпа развитія, но никакъ не къ созданію или уничтоженію самой конкурирующей промышленности.

за послѣднее время народилась группа биметаллистовъ, также примыкающая къ землевладѣнію. Несмотря на то, что нѣкоторые виды землевладѣнія поставлены въ особо привилегированное положеніе выдачей крайне дешеваго, по русскимъ условіямъ, кредита изъ дворянскаго банка, наши землевладѣльцы хотѣли бы добиться еще большаго пониженія платежей по ихъ займамъ путемъ установленія двойной валюты. Естественно, что крупные землевладѣльцы и ихъ представители въ экономической литературѣ стараются доказать выгоду биметаллизма не для нихъ однихъ, но и для общегосударственныхъ интересовъ. Они утверждаютъ, во-первыхъ, что обезцѣненіе индійскихъ рупій поощряетъ вывозъ въ Европу индійской пшеницы и тѣмъ самымъ подрываютъ цѣны на хлѣбъ на европейскомъ рынкѣ, усиливая дѣйствіе тяжелаго для землевладѣльцевъ хозяйственнаго кризиса. Дѣйствительно, индійскій экспортеръ, продавая свой хлѣбъ за европейское золото, размѣниваетъ его въ Индіи на серебро съ тѣмъ большей выгодой, чѣмъ больше понизилась цѣнность индійскихъ рупій. Чѣмъ ниже стоитъ курсъ рупій, тѣмъ дешевле, слѣдовательно, онъ можетъ продавать пшеницу на европейскомъ рынкѣ. Однако биметаллисты сильно преувеличиваютъ значеніе этого самого по себѣ безспорнаго факта. Индія далеко не является главной поставщицей хлѣба на европейскіе рынки и потому не можетъ диктовать цѣны. Ея вліяніе на высоту хлѣбныхъ цѣнъ въ Европѣ можетъ быть только пропорціонально долѣ ея участія въ міровомъ хлѣбномъ рынкѣ, а такъ какъ эта доля равняется всего $1/9$ — $1/10$ ввозимаго въ Европу

количества пшеницы, то и давленіе индійской пшеницы на европейскія хлѣбныя цѣны не можетъ быть значительнымъ [1]). Понятно поэтому, что отъ установленія биметаллизма аграріи выиграли бы только указаннымъ выше облегченіемъ платежей по долгамъ, но никоимъ образомъ не отъ повышенія хлѣбныхъ цѣнъ. Надежды ихъ въ этомъ отношеніи представляются весьма мало обоснованными; причиной паденія товарныхъ цѣнъ и, въ частности, хлѣба была не система денежнаго обращенія, а измѣненія въ способахъ производства и перевозки. Только во второй половинѣ 70 гг. крайнее пониженіе морскихъ фрахтовъ сдѣлало возможной доставку хлѣба въ Европу изъ Западныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, и только съ 1881 г. проведеніе желѣзныхъ дорогъ открыло путь индійскому хлѣбу изъ внутреннихъ провинцій [2]).

Во всякомъ случаѣ, крупнымъ землевладѣльцамъ установленіе биметаллизма обѣщаетъ безспорныя выгоды, облегчая выплату ихъ долговъ. Но чего могутъ ожидать отъ новой денежной системы мелкіе землевладѣльцы?

Съ перваго взгляда кажется, что такая реформа была бы выгодна не только для крупныхъ, но и для мелкихъ земельныхъ собственниковъ — крестьянъ; дѣйствительно, платежи по крестьянскимъ займамъ (крестьянскому банку), а также нѣкоторые налоги (поземельный налогъ, земскіе сборы и т. п.) уменьшились бы въ цѣнности при системѣ биметаллизма. Но такое положеніе не могло бы

[1]) См. *Lexis*, Die Währungsfrage in der neuesten Zeit, Handbuch Schönberg'a, 4 изд., т. I, стр. 402—404.

[2]) *Lexis*, указ. соч., стр. 408.

продолжаться долгое время. Правительство, вынужденное уплачивать многіе расходы въ золотой валютѣ (напр., проценты по иностраннымъ займамъ), потерпѣло бы также ущербъ, взыскивая подати обезцѣненными деньгами, и, конечно, усилило бы обложеніе, назначивъ новые налоги или увеличивъ старые. А такъ какъ наша податная система основывается, главнымъ образомъ, на сборахъ съ низшихъ классовъ населенія (и по преимуществу съ крестьянской массы), то крестьяне скоро почувствовали бы, что биметаллизмъ несетъ имъ не выгоды, а новыя потери. Такое явленіе наблюдается теперь въ Британской Индіи, гдѣ серебряное обращеніе вынуждаетъ мѣстное правительство къ усиленію податей, взимаемыхъ также, главнымъ образомъ, съ крестьянской массы, для того, чтобы добыть достаточныя средства для платежей по внѣшнимъ обязательствамъ.

Такимъ образомъ и русскій биметаллизмъ такъ же лишенъ почвы, какъ и американскій и западноевропейскій, если его оцѣнивать съ точки зрѣнія интересовъ важнѣйшихъ слоевъ населенія. Мы видѣли, что крестьянамъ онъ, въ концѣ-концовъ, обѣщаетъ крупныя потери; тѣмъ болѣе вреденъ онъ для русскихъ промышленныхъ рабочихъ. Если европейскіе и американскіе рабочіе терпятъ отъ ухудшенія валюты, то положеніе русскихъ рабочихъ было бы гораздо хуже. Ланкаширскій и, вообще, англійскій рабочій можетъ съ нѣкоторымъ равнодушіемъ относиться къ валютному вопросу, потому что онъ обладаетъ огромной силой въ своихъ профессіональныхъ союзахъ и можетъ надѣяться, что ему удастся заставить хозяевъ давать высшую плату,

если цѣнность его заработка упадетъ, благодаря пониженію цѣны серебра. Для русскаго же рабочаго, который не имѣетъ подобной силы, конечно, гораздо меньше основаній разсчитывать на успѣхъ борьбы съ неблагопріятными условіями, создаваемыми двойнымъ обращеніемъ.

II.

Познакомившись съ сущностью металлическаго денежнаго обращенія и его ролью въ общественно-хозяйственной жизни, мы можемъ перейти къ изученію другого могучаго средства современнаго товарнаго обмѣна—кредита.

Подъ кредитными отношеніями понимаются такого рода обязательства, гдѣ моменты пріема какой-либо цѣнности и возвращенія эквивалента отдѣлены извѣстнымъ промежуткомъ времени, соотвѣтственно которому опредѣляются и платежи добавочныхъ суммъ (процентовъ). Экономическая сущность кредита заключается въ передачѣ капитала изъ однихъ рукъ въ другія, но не навсегда (какъ при дареніи или наслѣдствѣ), а лишь на извѣстный и притомъ обыкновенно точно опредѣленный срокъ. Съ этимъ связывается и другой, но уже менѣе характерный признакъ кредита—довѣріе лица, отдающаго капиталъ (кредитора), къ способности лица, получающаго этотъ капиталъ (должника), возвратить его обратно по истеченіи условленнаго срока (и уплачивать проценты, какъ вознагражденіе за пользованіе взятымъ капиталомъ). Первоначально моментъ довѣрія считали даже опредѣляющимъ для установленія понятія

кредита; легко видѣть, однако, что во многихъ, весьма важныхъ кредитныхъ операціяхъ этотъ моментъ не играетъ никакой роли (напр., при кредитѣ подъ залогъ имущества).

Въ исторіи хозяйственной жизни кредитъ появляется очень давно. Но первоначально роль его была совершенно иная, чѣмъ въ современномъ экономическомъ строѣ. Въ древности кредитомъ пользовались, какъ средствомъ порабощенія личности; въ исторіи римскаго рабства и русскаго крѣпостничества кредитныя операціи занимаютъ весьма замѣтное мѣсто. Проценты вычислялись по чрезмѣрно крупнымъ нормамъ, такъ что заемъ капитала составлялъ признакъ серьезнаго хозяйственнаго разстройства должника, изъ котораго ему не было никакого выхода, откуда вела прямая дорога къ постепенному закрѣпощенію вплоть до полной потери свободы. Такой же ростовщическій характеръ носитъ кредитъ и въ сравнительно позднія времена, когда въ основѣ экономической дѣятельности продолжаетъ еще существовать система натуральнаго хозяйства. Въ Россіи, напр., и до сихъ поръ въ сельскомъ населеніи господствующей формой кредитныхъ отношеній остается ростовщическій (кулацкій) кредитъ. Историческая роль такого кредита заключалась обыкновенно въ накопленіи свободныхъ капиталовъ въ рукахъ ростовщиковъ, изъ которыхъ формировались постепенно ряды представителей крупнаго промышленнаго капитализма, когда для его насажденія наступило благопріятное время. Кредитъ игралъ свою роль въ томъ мучительномъ процессѣ, который приводилъ культурные народы къ новой формѣ промышленной дѣятельности.

Въ XIX столѣтіи ростовщическій кредитъ постепенно утрачиваетъ свое былое значеніе, уступая мѣсто кредиту, удовлетворяющему, главнымъ образомъ, нуждамъ народившагося крупнаго производства. Съ развитіемъ новаго экономическаго строя кредитъ постепенно преобразуется въ сложную систему отношеній, облегчающихъ ходъ производства, расширяющихъ сферу обмѣна и измѣняющихъ прежнія нормы распредѣленія, Въ эту именно пору—въ капиталистическомъ хозяйствѣ кредитъ пріобрѣтаетъ особенно важное значеніе въ общемъ строѣ народной жизни и становится могучимъ орудіемъ ея дальнѣйшаго развитія.

Намъ уже не разъ приходилось указывать, что характерной чертой капиталистическаго строя представляется концентрація производства въ крупныхъ предпріятіяхъ. Кредитъ особенно усиливаетъ эту тенденцію, способствуя скорѣйшему вытѣсненію мелкихъ предпріятій крупными и создавая такія колоссальныя соединенія капиталовъ, которыя при иныхъ условіяхъ были бы немыслимы. При помощи кредита капиталы передаются изъ рукъ лицъ, имѣющихъ свободныя средства, но не желающихъ примѣнить ихъ непосредственно къ производству, въ руки лицъ, не располагающихъ достаточными капиталами, но имѣющихъ въ виду предпринимательскую дѣятельность. Благодаря такой передачѣ, возникла возможность образованія колоссальныхъ акціонерныхъ предпріятій, широкаго развитія единоличной предпринимательской дѣятельности и созданія государственныхъ и общественныхъ предпріятій. Чтобы отдать себѣ ясный отчетъ въ этой концентрирующей силѣ кредита, намъ необходимо

припомнить существенныя черты акціонерныхъ компаній. Мы знаемъ, что подъ акціонерной компаніей понимается совокупность лицъ, владѣющихъ вмѣстѣ опредѣленнымъ, заранѣе фиксированнымъ капиталомъ, употребляющимся исключительно на данное промышленное или торговое предпріятіе. Этотъ капиталъ слагается изъ извѣстнаго количества равныхъ долей, каждую изъ которыхъ представляетъ особое свидѣтельство, называемое акціей. Владѣлецъ акціи и есть участникъ акціонерной компаніи (акціонеръ); при этомъ одно лицо можетъ имѣть нѣсколько акцій. Акціи продаются на биржѣ наравнѣ съ другими цѣнными бумагами, покупщики ихъ становятся тѣмъ самымъ членами акціонернаго предпріятія; слѣдовательно, составъ акціонеровъ представляется весьма измѣнчивымъ. Легко видѣть, что если юридически всѣ акціонеры считаются участниками, владѣльцами предпріятія, то, съ хозяйственной точки зрѣнія, большинство ихъ оказывается только кредиторами, передавшими свои свободныя средства въ чужое для нихъ промышленное дѣло. Самая организація управленія акціонерной компаніи строится такимъ образомъ, что все руководство предпріятіемъ сосредоточивается въ рукахъ немногихъ лицъ (правленіе), общее же собраніе акціонеровъ играетъ лишь роль контрольной инстанціи (и то въ довольно слабой степени). Интересъ акціонера къ предпріятію связывается лишь съ полученіемъ дивиденда (доли прибыли). Но, кромѣ того, акціонерныя компаніи опираются очень часто въ своихъ операціяхъ уже на несомнѣнный и съ юридической точки зрѣнія кредитъ, заключая займы у широкаго круга лицъ. Займы эти принимаютъ

форму выпуска облигацій, т. е. совокупности процентныхъ бумагъ, по которымъ уплачивается не дивидендъ, какъ акціонерамъ (т.-е. доля полученной предпріятіемъ прибыли, которая за каждый операціонный періодъ можетъ быть различна), а опредѣленный заранѣе процентъ.

Такимъ образомъ, въ акціонерныхъ предпріятіяхъ сосредоточиваются огромные капиталы, извлеченные изъ средствъ обширнаго круга лицъ, среди которыхъ могутъ быть и люди, получающіе умѣренные доходы и располагающіе очень незначительными сбереженіями, какъ, напр., правительственные чиновники, представители либеральныхъ профессій, ремесленники, промышленные рабочіе и т. п. И, однако, въ общей сложности эти незначительныя суммы способствуютъ образованію гигантскихъ промышленныхъ предпріятій, пользующихся всѣми выгодами крупнаго производства и побивающихъ мелкую промышленность. Созданіе акціонерныхъ компаній усиливаетъ характерный для капиталистическаго строя ходъ промышленнаго развитія. И вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ фактъ обнаруживаетъ съ большой ясностью переходный характеръ капиталистическаго производства и истинную общественную роль частнаго капиталиста.

Въ предшествующемъ изложеніи мы уже указывали на неправильность объясненія происхожденія капитала «воздержаніемъ» предпринимателя - капиталиста. Въ кредитныхъ отношеніяхъ и, въ частности, въ акціонерныхъ предпріятіяхъ невѣрность этой теоріи выступаетъ уже съ полной наглядностью. Капиталистъ оперируетъ здѣсь не на собственныя, а на переданныя ему средства: для того,

чтобы онъ получилъ свою прибыль, для него сберегали другіе. Съ другой стороны, фактъ полученія нетрудового дохода вполнѣ обнажается при существованіи предпринимателя, оперирующаго на занятый капиталъ, и рантьера, не имѣющаго никакого отношенія къ предпріятію, обыкновенно не имѣющаго о немъ даже сколько-нибудь яснаго представленія и тѣмъ не менѣе аккуратно получающаго проценты на переданный въ дѣло капиталъ Таковы владѣльцы облигацій акціонерной компаніи, таковы, какъ мы видѣли, въ большинствѣ случаевъ и акціонеры.

Наконецъ, акціонерная компанія объединяюща капиталы большого количества лицъ, имѣетъ уже многіе признаки общественнаго предпріятія, а между тѣмъ, все дѣло ведется здѣсь частными лицами. Иначе говоря, акціонерныя компаніи представляютъ примѣръ завладѣнія отдѣльными лицами общественной силой, и фактъ постепеннаго перехода многихъ акціонерныхъ предпріятій въ государственныя (желѣзныя дороги, телеграфъ) и коммунальныя (водопроводы, снабженіе городовъ газомъ, трамваи) даже въ настоящее время представляетъ собой въ высокой степени знаменательное явленіе. Имъ еще разъ подчеркивается переходный характеръ капиталистическаго производства.

Во-вторыхъ, кредитъ способствуетъ развитію крупнаго производства, такъ какъ онъ облегчаетъ и расширяетъ раздѣленіе труда. Мы знаемъ, что раздѣленіе труда требуетъ обособленія многихъ отраслей производства въ совершенно самостоятельныя предпріятія. При такихъ условіяхъ сдѣлки на наличныя деньги сильно тормозили бы ходъ

дѣятельности каждаго предпріятія Допустимъ, напр., что продавецъ шерсти, сбывающій свой товаръ фабриканту шерстяныхъ тканей, долженъ былъ бы продать шерсть на наличныя деньги. Тогда ему пришлось бы выжидать, пока фабрикантъ выработаетъ всю шерсть въ сукно, или требовать, чтобы фабрикантъ заранѣе запасался наличными деньгами, или, наконецъ, продавать ему шерсть по частямъ, по мѣрѣ его денежныхъ запасовъ, а остальную шерсть хранить пока у себя въ складѣ. При кредитѣ же дѣло разрѣшается очень просто. Продавецъ шерсти возьметъ съ суконнаго фабриканта кредитное обязательство (вексель) на срокъ, когда тотъ надѣется выдѣлать сукно и продать его, и если ему деньги нужны теперь же, то онъ отправится съ полученнымъ векселемъ въ банкъ, откуда и получитъ деньги въ обмѣнъ за переданный ему вексель. Такимъ путемъ для продавца шерсти и для суконнаго фабриканта не будетъ никакихъ препятствій къ безостановочному ходу ихъ предпріятій, и, слѣдовательно, дробленіе производства на детальныя, независимыя другъ отъ друга предпріятія можетъ быть проводимо въ весьма широкомъ объемѣ.

Но кредитъ помогаетъ дѣятельности не однихъ только крупныхъ предпріятій и не въ одной только обрабатывающей промышленности. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мелкія предпріятія могутъ разсчитывать на устойчивое существованіе, напр., въ тѣхъ формахъ кустарной промышленности, гдѣ фабрика не конкурируетъ, благодаря кредиту, могутъ создаваться болѣе нормальныя формы такихъ предпріятій, напр., можетъ быть устраняема зависимость

мелкихъ производителей отъ скупщиковъ - капиталистовъ.

Равнымъ образомъ кредитъ имѣетъ огромное значеніе и въ земледѣліи и притомъ какъ для крупныхъ, такъ и для мелкихъ предпріятій. Мы видѣли, что мелкія крестьянскія хозяйства могутъ при благопріятныхъ условіяхъ успѣшно отстаивать себя въ борьбѣ съ крупнымъ землевладѣніемъ, а однимъ изъ такихъ благопріятныхъ условій является хорошая организація мелкаго сельско-хозяйственнаго кредита.

Нельзя не отмѣтить также, что кредитъ выгоденъ не для однихъ предпринимателей; въ хорошей организаціи его заинтересованы и рабочіе. Кредитъ, напр., облегчая производство всякаго рода платежей, способствуетъ установленію нормальной формы расплаты съ рабочими, именно въ видѣ платы наличными. Ниже мы будемъ имѣть случай видѣть, что злоупотребленія хозяевъ, извѣстныя подъ именемъ truck-system (расплаты товарами), въ значительной мѣрѣ поддерживались отсутствіемъ надлежащей организаціи кредита. При дурномъ устройствѣ кредитныхъ учрежденій и слабомъ распространеніи ихъ, законодательныя мѣры противъ truck-system часто оказывались безсильными, такъ какъ одно изъ чрезвычайно важныхъ условій, поддерживающихъ эту систему, оставалось неустраненнымъ.

Чтобы яснѣе представить себѣ значеніе кредита въ современной хозяйственной жизни, намъ необходимо познакомиться съ его организаціей, съ спеціальными учрежденіями, назначеніе которыхъ заключается именно въ устройствѣ посредничества

между владѣльцами свободныхъ капиталовъ и предпринимателями. Такими учрежденіями служатъ разнаго рода банки. По недостатку времени, находящагося въ нашемъ распоряженіи, мы не имѣемъ возможности охарактеризовать подробно банковое дѣло; но намѣтить хотя бы нѣкоторыя, наиболѣе выпуклыя черты организаціи и дѣятельности банковъ представляется крайне необходимымъ.

Банки появляются на зарѣ новой эры промышленнаго развитія, въ связи съ расширеніемъ внѣшней торговли, сначала въ итальянскихъ республикахъ, затѣмъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ. Но особенно важное значеніе они пріобрѣли лишь въ нашемъ столѣтіи, увѣнчавъ собой современную систему общественнаго хозяйства.

Банки, какъ мы уже сказали, служатъ посредниками между лицами, имѣющими свободные капиталы, и предпринимателями, нуждающимися въ средствахъ для промышленной дѣятельности. Отсюда и операціи ихъ распадаются на двѣ главныя категоріи: пассивныя — привлеченіе свободныхъ капиталовъ, и активныя — распредѣленіе полученныхъ средствъ между предпринимателями, выдача ссудъ. Важнѣйшей изъ пассивныхъ операцій представляется пріемъ вкладовъ. Банкъ уплачиваетъ извѣстный процентъ владѣльцамъ этихъ капиталовъ, т.-е. дѣлится съ ними частью прибыли, которую онъ получаетъ отъ лицъ, берущихъ у него эти капиталы въ ссуду. Помимо вкладовъ банки получаютъ свои средства прямымъ займомъ у публики — путемъ выпуска облигацій. Кромѣ того, въ каждой странѣ существуетъ обыкновенно одинъ центральный банкъ, который не ограничи-

вается такимъ собираніемъ средствъ, а пользуется еще однимъ весьма сильнымъ орудіемъ для увеличенія своихъ рессурсовъ. Такіе банки выпускаютъ банковые билеты, т.-е. обязательства уплачивать въ любой моментъ предъявителю этой бумаги означенную на ней сумму металлической монетой изъ кассы банка. Лица, получающія билеты, пользуются ими, какъ деньгами, такъ что въ кассу банка для размѣна они поступаютъ всегда въ количествѣ, значительно меньшемъ суммы ихъ, находящейся въ обращеніи. Это обстоятельство и создаетъ выгоду для банка, такъ какъ, пользуясь выпускомъ билетовъ, онъ получаетъ кредитъ отъ всей публики, среди которой обращаются его билеты. Эта операція развилась постепенно изъ свидѣтельствъ на вклады (депозитныхъ билетовъ), которыя выдавались банкирами вкладчикамъ. Такъ какъ деньги лежали или должны были лежать у банкировъ, то владѣлецъ депозитныхъ свидѣтельствъ могъ уплачивать ими по своимъ счетамъ, какъ деньгами. Если эти свидѣтельства были даны въ круглыхъ цифрахъ, то они свободно переходили изъ рукъ въ руки, какъ монета. Тогда у банкировъ естественно явилась мысль выпускать самимъ такого рода бумаги, уже какъ спеціальныя формы кредитныхъ обязательствъ, какъ банковые билеты.

Среди активныхъ операцій прежде всего обращаетъ на себя вниманіе выдача ссудъ подъ векселя или учетъ векселей. Представимъ себѣ, что фабрикантъ изготовилъ партію сукна и нашелъ покупателя. Но у послѣдняго въ данный моментъ нѣтъ денегъ; онъ будетъ имѣть ихъ, скажемъ,

только черезъ два мѣсяца. Фабрикантъ продаетъ ему сукно въ долгъ, т.-е получаетъ отъ него вексель срокомъ на два мѣсяца. Но ему сейчасъ нужны деньги, чтобы расплатиться съ рабочими, заготовить матеріалы для новаго производства, уплатить налоги и т. п. И вотъ онъ отправляется со своимъ векселемъ въ банкъ, который и принимаетъ отъ него этотъ вексель, уплачивая написанную на немъ сумму денегъ за вычетомъ извѣстнаго процента за срокъ, остающійся до уплаты долга. Говоря иными словами, банкъ учитываетъ вексель фабриканта и, взамѣнъ того, становится во всѣ его права, т.-е. по истеченіи срока взыскиваетъ соотвѣтственную сумму съ должника или кого-нибудь другого, выставившаго на векселѣ свою подпись въ видѣ ручательства (вексель можетъ переходить изъ рукъ въ руки, при чемъ каждый предыдущій владѣлецъ векселя отвѣчаетъ за исправность платежа того лица, которому онъ продалъ вексель). При учетѣ векселей центральный банкъ выдаетъ обыкновенно ссуды банковыми билетами; такъ какъ въ основѣ выдачи векселей лежатъ фактическіе торгово-промышленные обороты, то и выпускъ въ оборотъ банковыхъ билетовъ при такомъ пріемѣ, естественно, сообразуется съ потребностями товарнаго обращенія.

Банки выдаютъ ссуды и подъ другія обезпеченія, кромѣ векселей, именно: подъ залогъ движимыхъ (ломбардная операція) и недвижимыхъ имуществъ (гипотечный кредитъ). Вторая форма имѣетъ особенно важное значеніе, но уже не для промышленныхъ цѣлей, а для землевладѣнія. Мы не будемъ останавливаться на этого рода операціяхъ;

скажемъ только, что для нихъ существуютъ обыкновенно спеціальные банки (поземельные), вѣдающіе только это дѣло, такъ какъ, благодаря долгосрочности ссудъ подъ недвижимыя имущества, и средства банка получаются иными путями, чѣмъ въ банкахъ краткосрочнаго (промышленнаго и коммерческаго) кредита.

Наконецъ, необходимо отмѣтить еще одну важную активную операцію — покупку и продажу банкомъ за свой счетъ различныхъ процентныхъ бумагъ. Эта операція развилась въ сравнительно недавнее время въ связи съ распространеніемъ, главнымъ образомъ, акціонерныхъ предпріятій. Примѣняя ее, банкъ имѣетъ въ виду извлечь прибыль отъ выгодной перепродажи цѣнныхъ бумагъ. Допустимъ, что акція какого-нибудь сахарнаго завода даетъ 20% прибыли, а металлургическаго — только 10%, — норму, считаемую обычнымъ среднимъ уровнемъ въ данной странѣ. Такъ какъ акціи, какъ мы знаемъ, могутъ постоянно продаваться, то очевидно, что всѣ захотятъ пріобрѣтать акціи сахарнаго завода, потому что, при стоимости акціи, скажемъ, въ 1000 р., акція сахарнаго завода принесетъ прибыли 200 руб., а металлургическаго — только 100. При этомъ владѣльцы сахарныхъ акцій, конечно, не захотятъ продавать ихъ по прежней стоимости, и цѣна ихъ поднимется. Предѣломъ такого возвышенія цѣны будетъ средняя норма прибыли. Когда въ нашемъ примѣрѣ стоимость акцій сахарнаго завода дойдетъ до 2000 р., онѣ будутъ уже давать 10% прибыли, т.-е. столько, сколько металлургическія акціи, и, слѣдовательно, для дальнѣйшаго повышенія ихъ цѣны не будетъ

уже достаточнаго стимула. Погоня за болѣе доходными акціями создаетъ усиленную торговлю ими, а такъ какъ прибыли каждаго предпріятія измѣнчивы, то въ дѣло вносится значительный элементъ произвольныхъ расчетовъ. Ошибки въ предположеніяхъ спекулянтовъ вызываютъ рѣзкое паденіе цѣнности акцій, которыя только что были любимымъ предметомъ биржевого оборота, и, наоборотъ, счастливый исходъ одного операціоннаго періода можетъ сразу поднять цѣну акцій до небывалой высоты. Въ тотъ моментъ, когда акціи идутъ въ гору, покупщики могутъ перепродать ихъ съ большой выгодой: такую выгоду имѣютъ въ виду банки, практикующіе подобныя операціи. Однако въ виду шаткости расчетовъ, связанныхъ съ перепродажей акцій, для банковъ эта операція представляется особенно опасной. Частное лицо, направляющее свои капиталы въ биржевую спекуляцію, въ случаѣ неудачи, можетъ разориться, но оно не втягиваетъ въ сферу банкротства другихъ, ни въ чемъ неповинныхъ лицъ. Банкъ же оперируетъ не на свои, а на заемныя средства, — на капиталы публики, ввѣрившей ему свои сбереженія. Разореніе банка должно вызвать потерю имущества и его вкладчиковъ. Поэтому государство обыкновенно обставляетъ извѣстными гарантіями подобнаго рода операціи. Впрочемъ, полнаго обезпеченія интересовъ публики далеко не всегда можно достигнуть. Здѣсь также раскрывается передъ ними больная сторона современной экономической жизни — шаткость, необезпеченность положенія массы лицъ, благодаря отсутствію надлежащаго общественнаго контроля за экономической дѣятельностью.

Насколько сложна и неустойчива современная кредитная система, легко убѣдиться, изучая банковое дѣло въ наиболѣе развитыхъ капиталистическихъ странахъ.

Если бы иностранецъ, посѣтившій Лондонъ, захотѣлъ наблюдать существующую въ Англіи кредитную систему, ему было бы необходимо заглянуть въ тотъ ничтожный по размѣрамъ уголокъ великаго города, который примыкаетъ къ «Улицѣ Ломбарда» (Lombard-Street). Здѣсь сосредоточены всѣ главные банки, вѣнцомъ которыхъ является знаменитый «Англійскій банкъ» (Bank of England). По принятому въ Англіи порядку, резервы какъ лондонскихъ, такъ и провинціальныхъ кредитныхъ учрежденій хранятся въ Англійскомъ банкѣ. Онъ представляетъ собой узелъ, въ которомъ сходятся многочисленныя нити англійскаго кредита. Всякое затрудненіе кредитнаго оборота, происшедшее гдѣ-нибудь вдали отъ Лондона, живо чувствуется Англійскимъ банкомъ, и, съ другой стороны, дѣятельность Англійскаго банка сейчасъ же отражается на остальныхъ банкахъ Англіи. Сокращеніе резерва (металлической наличности) Англійскаго банка угрожаетъ не ему одному, а кредиту, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣсно связаннымъ съ нимъ промышленнымъ и торговымъ оборотамъ всей страны. Если, напр., въ Англіи случился неурожай, то тамъ не произойдетъ голодовки, какъ это бываетъ у насъ, но зато денежный и кредитный рынокъ сейчасъ же отразятъ на себѣ ненормальность результатовъ туземнаго сельскохозяйственнаго производства. Необходимо будетъ ввезти нѣсколько больше хлѣба въ Англію; а такъ

какъ размѣры вывоза англійскихъ товаровъ останутся прежними, то за ввезенный излишекъ придется уплатить металлическими деньгами. Поэтому торговцы хлѣбомъ будутъ усиленно требовать свои вклады изъ банковъ и обмѣнивать имѣющіеся у нихъ банковые билеты на звонкую монету. Резервы всѣхъ банковъ будутъ постепенно истощаться, а Англійскій банкъ, помимо непосредственной выдачи металла торговцамъ, долженъ будетъ возвращать и хранящіеся у него резервы другихъ банковъ. Если къ этому присоединятся еще затрудненія въ сбытѣ англійскихъ товаровъ на внутреннемъ или на внѣшнемъ рынкѣ вслѣдствіе неожиданнаго сокращенія спроса, то положеніе банковъ станетъ еще болѣе опаснымъ. При такихъ условіяхъ распространеніе среди публики опасеній за платежную способность банковъ легко можетъ привести къ тому, что вся кредитная система Англіи начнетъ сильно колебаться. Въ коммерческихъ, промышленныхъ и биржевыхъ сферахъ начнутся неясные разговоры, слухи, предположенія. Каждый будетъ опасаться, найдутся ли у него во-время деньги для платежей по своимъ обязательствамъ, и мало-по-малу банковыя кассы будутъ осаждаться вкладчиками. За промышленниками и торговцами пойдутъ другія лица, обезпокоенныя самымъ фактомъ стремленія многихъ къ полученію вкладовъ, и въ результатѣ можетъ разразиться настоящая паника. Всякій и не нуждающійся въ данный моментъ въ деньгахъ поспѣшитъ взять свой вкладъ, чтобы быть спокойнымъ за цѣлость своего имущества. А между тѣмъ мы знаемъ, что резервы банковъ представляются

незначительными сравнительно съ суммой принятыхъ банкомъ вкладовъ; поэтому самый солидный банкъ при кредитной паникѣ можетъ разориться. Усиленное истребованіе вкладовъ и размѣнъ банковыхъ билетовъ на звонкую монету могутъ привести къ полному опустошенію банковыхъ резервовъ и, слѣдовательно, къ отказу банковъ отъ дальнѣйшихъ выдачъ, если требованія будутъ продолжать поступать. Такое банкротство легко возможно при современномъ строѣ экономической жизни, и практика всѣхъ европейскихъ государствъ указываетъ множество примѣровъ банковыхъ краховъ, увлекавшихъ за собой въ бездну разоренія и нищеты тысячи вкладчиковъ, терявшихъ результаты сбереженій всей жизни. Англійскій банкъ до сихъ поръ съ честью выходилъ изъ подобныхъ затрудненій, но крахи меньшихъ банковъ не разъ имѣли мѣсто въ Англіи. Знатоки англійскаго банковаго дѣла высказываютъ, однако, опасеніе, что и Англійскій банкъ можетъ постигнуть аналогичная катастрофа... Можно видѣть поэтому, на какомъ неустойчивомъ основаніи покоится современная кредитная система Англіи и другихъ капиталистическихъ странъ. При малѣйшемъ измѣненіи въ нормальномъ ходѣ производства и торговли приходится употреблять массу усилій и часто весьма крупныхъ пожертвованій, чтобы не нарушилось равновѣсіе кредитной системы. Эти усилія и расходы составляютъ, очевидно, совершенно безполезную по существу затрату человѣческой энергіи, необходимость которой обусловливается лишь ненормальнымъ строеніемъ экономической дѣятельности современныхъ обществъ.

Сложность банковыхъ операцій и тѣсная связь ихъ съ интересами отдѣльныхъ лицъ и всего народнаго хозяйства, естественно, наводятъ на вопросъ: нельзя ли уже и теперь организовать дѣло кредита непосредственно руками общественной власти, не оставляя его въ завѣдываніи частныхъ лицъ, интересы которыхъ не совпадаютъ съ потребностями общественнаго цѣлаго?

Въ литературѣ банковаго дѣла можно встрѣтить весьма авторитетные голоса, указывающіе на то, что многія формы банковыхъ учрежденій могли бы уже теперь безъ всякаго ущерба перейти въ руки государства или мѣстнаго управленія. «Въ виду того, что частные банки заинтересованы въ полученіи возможно болѣе высокихъ дивидендовъ,— говоритъ извѣстный знатокъ кредита Адольфъ Вагнеръ, — для крупныхъ банковъ, въ особенности же эмиссіонныхъ (выпускающихъ банковые билеты) и поземельныхъ, желательна вполнѣ общественная форма» (государственные, провинціальные, общинные банки) [1]. Необходимо, однако, имѣть въ виду, что государственное и, вообще, публичное завѣдываніе хозяйственными предпріятіями должно для успѣха дѣла предполагать надлежащую компетентность публичныхъ органовъ. Прежде всего важно, чтобы сами общественныя учрежденія по своей организаціи представляли достаточную гарантію противъ злоупотребленій. Напр., въ Россіи было не мало городскихъ общественныхъ банковъ, директоровъ которыхъ вовсе нельзя было считать болѣе надежными руководителями дѣла,

---

[1] *Ad. Wagner*, указ. соч., стр. 500—501.

чѣмъ правленіе частной компаніи, какъ и показали ихъ банкротства. Что же касается центральныхъ банковъ, то государственное завѣдываніе ими можетъ быть осуществлено сравнительно легко, такъ какъ отъ банкротства государственнаго банка страдаютъ существенные интересы не только публики, но и самого государства, а потому оно невольно должно относиться къ дѣлу съ большей заботливостью и добросовѣстностью. Но и здѣсь, при государственномъ управленіи банкомъ, есть опасность, что государство воспользуется кредитными операціями для собственныхъ финансовыхъ цѣлей (чрезмѣрные выпуски банковыхъ билетовъ, приводящіе къ неразмѣннымъ деньгамъ, принудительныя позаимствованія государства изъ кассы банка). Наполеонъ I говорилъ, напр., относительно Banque de France (центральнаго банка Франціи, который не былъ даже государственнымъ, а находился только подъ контролемъ государства): «Банкъ принадлежитъ не только акціонерамъ, но и государству, потому что послѣднее даетъ ему привилегію чеканить монету... Я долженъ быть хозяиномъ во всемъ, во что я вмѣшиваюсь, и въ особенности по отношенію къ банку, который принадлежитъ болѣе императору, чѣмъ акціонерамъ, потому что онъ чеканитъ монету» [1]).

Итакъ, при рѣшеніи вопроса о томъ, какая организація банковъ предпочтительнѣе — государственная или частная, необходимо имѣть въ виду, съ одной стороны, характеръ самихъ банковъ (отвѣтъ будетъ не всегда одинаковъ для разныхъ

---

1) *Leroy-Beaulieu.* указ. соч., стр. 686.

категорій банковъ), а съ другой—особенности организаціи государственнаго и мѣстнаго управленій. Во всякомъ случаѣ, при современныхъ условіяхъ общественнаго хозяйства, общественная организація всего кредита немыслима, въ силу многочисленности и разсѣянности банковыхъ и другихъ кредитныхъ учежденій. Тамъ же, гдѣ публичное завѣдываніе кредитомъ представляетъ уже и теперь преимущества передъ частными предпріятіями, государство и органы мѣстнаго управленія не должны оставаться пассивными зрителями дѣятельности частныхъ учрежденій. Съ одной стороны, они могутъ брать въ свое завѣдываніе существующіе частные банки, съ другой—выступать съ собственной инициативой, устраивая свои банки тамъ, гдѣ частныя лица и компаніи не видятъ для себя выгодъ, но гдѣ эти учрежденія важны съ точки зрѣнія общегосударственныхъ интересовъ (напр., банки мелкаго кредита).

Заручившись приведенными соображеніями относительно сущности кредита и роли его въ хозяйственной дѣятельности общества, мы можемъ уже подойти къ вопросу о бумажныхъ деньгахъ.

Мы видѣли, что металлическія деньги могутъ быть замѣнены въ обращеніи банковыми билетами, которые пріобрѣтаютъ всѣ функціи металлическихъ денегъ, кромѣ, конечно, одной,—мѣрила цѣнности. Такую же роль выполняютъ и бумажныя деньги. Ихъ отличіе отъ банковыхъ билетовъ заключается въ томъ, что банковые билеты постоянно размѣниваются на звонкую монету, для бумажныхъ же денегъ присвоивается такъ называемый принуди-

тельный курсъ, т.-е. онѣ признаются законнымъ средствомъ уплаты, безъ обязанности государства размѣнивать ихъ по требованію ихъ владѣльцевъ на металлическую монету. Поэтому банковыхъ билетовъ находится всегда въ обращеніи столько, сколько требуется; если выпущенное количество ихъ превышаетъ потребности обращенія, владѣльцы принесутъ ихъ въ банкъ и обмѣняютъ на звонкую монету. Другое дѣло — бумажныя деньги. Разъ государство, создавая бумажныя деньги, не принимаетъ на себя обязанности размѣна, оно можетъ выпускать ихъ въ количествѣ, превышающемъ нужды обращенія. Такое явленіе наблюдается обыкновенно послѣ войны, когда средства государства истощаются, и оно прибѣгаетъ къ выпуску бумажныхъ денегъ, чтобы покрыть лежащіе на немъ платежи — чиновникамъ, подрядчикамъ, офицерамъ и т. д. Денежный рынокъ переполняется, и цѣнность бумажныхъ денегъ начинаетъ падать. Полноцѣнныя деньги уходятъ изъ оборота (какъ при биметаллизмѣ), а цѣнность бумажныхъ денегъ становится крайне измѣнчивой, въ зависимости отчасти отъ ихъ количества, отчасти отъ общехозяйственныхъ условій страны. Если для даннаго количества обмѣновъ требуется тысяча денежныхъ единицъ (принимая во вниманіе употребленіе и другихъ средствъ обращенія), а при существующемъ въ странѣ количествѣ бумажныхъ денегъ на нихъ приходится 2.000, то каждая денежная единица сохранитъ уже только половину своей прежней цѣнности. Съ другой стороны, всякое опасеніе за правильный ходъ экономической дѣятельности въ странѣ съ бумажнымъ денежнымъ

обращеніемъ, подрывая его кредитъ, тѣмъ самымъ способствуетъ новому паденію цѣнности бумажныхъ денегъ. Но можетъ наступить и обратное явленіе — нѣкоторое повышеніе цѣны бумажныхъ денегъ, если въ данный моментъ условія будутъ болѣе благопріятныя. Такая неустойчивость цѣнности бумажныхъ денегъ, или, какъ говорятъ, колебаніе курса ихъ, представляетъ характерную черту бумажнаго обращенія. Она вноситъ разстройство и во всю экономическую дѣятельность страны, доставляя незаслуженныя выгоды однимъ, неожиданныя потери — другимъ.

Посмотримъ прежде всего, какъ вліяетъ паденіе курса бумажныхъ денегъ. Было бы неправильно думать, что цѣны всѣхъ товаровъ сразу поднимаются въ той пропорціи, въ какой бумажныя деньги стоятъ къ металлическимъ. Прежде другихъ товаровъ поднимаются въ цѣнѣ предметы внѣшней торговли. Иностранный купецъ, получая въ Россіи за свое сукно при продажѣ 20.000 арш. по 5 руб. арш. — 100.000 руб. бумажными деньгами, вмѣсто металлическихъ, получитъ уже меньшую цѣнность, чѣмъ прежде, хотя номинальная цѣна его сукна осталась прежней. Если цѣнность бумажныхъ денегъ упала, скажемъ, на 10%, то нашъ купецъ, размѣнивая вырученныя бумажныя деньги на звонкую монету (что для него безусловно необходимо, потому что бумажныя деньги обращаются только въ своей странѣ), будетъ располагать суммой въ 90.000 металлическихъ рублей. Чтобы избѣжать такого убытка, онъ и будетъ стараться поднять цѣну своего товара на всю разницу между цѣнностью бумажныхъ и металлическихъ

денегъ или, какъ говорятъ обыкновенно, на всю высоту лажа. Слѣдовательно, въ концѣ-концовъ, чтобы получить прежнюю выручку, онъ будетъ продавать сукно не по 5 рублей кредитными за аршинъ, а на 10% дороже, т.-е. за 5 руб. 50 коп. Послѣ того, какъ предметы иностраннаго ввоза поднимутся въ цѣнѣ соотвѣтственно лажу, начнутъ понемногу дорожать и другіе предметы, находящіеся въ близкой связи съ первыми, и мало-по-малу большая часть обращающихся на внутреннемъ рынкѣ товаровъ станетъ продаваться дороже, чѣмъ прежде, на высоту лажа. «Жизнь станетъ дороже», и, слѣдовательно, всѣ лица, получающія фиксированные доходы въ нормѣ, опредѣленной до установленія бумажнаго обращенія или до дальнѣйшаго паденія цѣнности бумажныхъ денегъ, будутъ нести убытки. Чиновники, офицеры, рантьеры, рабочіе будутъ имѣть возможность покупать на свои доходы меньше необходимыхъ для нихъ продуктовъ, чѣмъ прежде. Особенно тяжело отзывается эта «дороговизна жизни», конечно, на промышленныхъ рабочихъ. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ рабочій классъ не располагаетъ надежными средствами борьбы за улучшеніе своего матеріальнаго положенія, участь его, при паденіи цѣнности бумажныхъ денегъ, бываетъ еще печальнѣе. Но и другіе слои общества также должны нести довольно чувствительныя потери отъ паденія курса бумажныхъ денегъ. Въ особенности это слѣдуетъ сказать, напр., относительно русскихъ крестьянъ. Податное бремя, лежащее на этой части населенія, увеличивается соотвѣтственно паденію курса бумажнаго рубля. Государство взимаетъ

налоги въ бумажной валютѣ, а уплачиваетъ свои долги по иностраннымъ обязательствамъ въ металлической; кромѣ того, вынужденное производить большія закупки разныхъ товаровъ (напримѣръ, предметовъ продовольствія для арміи и т. п.), государство, какъ и всѣ покупатели, много теряетъ отъ общаго повышенія цѣнъ; поэтому, при паденіи цѣнности бумажнаго рубля, прежнихъ сборовъ съ населенія оказывается уже недостаточно, и государство вынуждается усилить податное обложеніе, а если (какъ это и существуетъ въ Россіи) главная тяжесть налоговъ лежитъ на низшихъ классахъ населенія, то и установляемыя прибавки (напр., повышеніе косвенныхъ налоговъ) извлекаютъ немалую долю изъ скудныхъ заработковъ крестьянина.

Есть, однако, нѣкоторыя группы населенія, для которыхъ паденіе курса бумажныхъ денегъ имѣетъ обратное значеніе, т.-е. приноситъ извѣстную выгоду Таковы прежде всего землевладѣльцы, обремененные долгами по долгосрочнымъ обязательствамъ, и вообще всѣ должники, заключившіе займы до паденія курса бумажныхъ денегъ въ кредитной (бумажной) валютѣ. Выплачивая номинально такія суммы, какъ было установлено, они въ дѣйствительности отдаютъ меньше, чѣмъ получили, соотвѣтственно паденію курса. Наконецъ всѣ привилегированные плательщики податей также должны выиграть, поскольку государство не рѣшается усиливать лежащее на нихъ бремя налоговъ. Если нѣкоторые классы населенія располагаютъ особенно сильнымъ политическимъ вліяніемъ, то, сохраняя за собой прежніе оклады налоговъ, фактически они уже будутъ платить въ казну меньше, чѣмъ прежде.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію вліяній, оказываемыхъ бумажно-денежнымъ обращеніемъ при обратномъ процессѣ, т.-е. когда упавшая ранѣе цѣнность бумажныхъ денегъ начинаетъ подниматься. Уже изъ предыдущаго изложенія можно видѣть, какъ распредѣлятся при этомъ выгоды и невыгоды различныхъ группъ населенія. Кредиторы выиграютъ, а должники потеряютъ. Выиграютъ всѣ владѣльцы фиксированныхъ доходовъ, выиграетъ и государство, такъ какъ получаемые имъ доходы будутъ представлять уже большую цѣнность, а для платежей по иностраннымъ долгамъ (въ металлической валютѣ) ему придется переплачивать меньше. Для малоимущихъ плательщиковъ податей при этомъ не будетъ уже опасности увеличенія лежащихъ на нихъ государственныхъ сборовъ (конечно, при предположеніи, что у государства въ данный моментъ нѣтъ другихъ побужденій къ усиленію обложенія).

Таковы послѣдствія, вытекающія для народнаго хозяйства изъ введенія бумажныхъ денегъ. Вредныя стороны бумажнаго обращенія станутъ для насъ еще яснѣе, если мы припомнимъ, что постоянныя колебанія курса бумажныхъ денегъ вносятъ крайнюю неустойчивость во всѣ хозяйственные расчеты. Государственная власть, устанавливая свой бюджетъ на наступающій финансовый годъ, не можетъ сказать навѣрное, придется ли ей фактически, по уплатѣ процентовъ по металлическимъ долгамъ, затратить 200 или 250 милл. кред. рублей; купецъ, покупающій товаръ изъ-за границы, также не знаетъ, хватитъ ли ему имѣющагося капитала на покупку такого же количества сукна, какъ прежде,

или ему придется добавлять лишнія суммы; рабочій, заключая съ хозяиномъ договоръ о заработной платѣ, не можетъ быть увѣреннымъ, будетъ ли она обезпечивать черезъ нѣсколько мѣсяцевъ такое же содержаніе ему и его семьѣ, какъ теперь, или нѣтъ, и т. д.

Понятно поэтому, что существованіе въ теченіе продолжительнаго времени бумажно-денежнаго хозяйства должно разсматриваться, какъ серьезное зло для экономической дѣятельности народа. Понятна также и обязанность государственной власти имѣть постоянно въ виду прекращеніе такого ненормальнаго порядка, т.-е. переходъ къ металлическому обращенію. Что касается способовъ такого перехода, то здѣсь также представляется не мало затрудненій и потерь для многихъ группъ населенія, такъ что государственной власти приходится всегда разрѣшать въ подобныхъ случаяхъ весьма сложную практическую задачу. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ времени подробно изслѣдовать эти формы перехода къ металлическому обращенію. Замѣтимъ только, что по существу дѣла здѣсь возможны два случая: или государство поставитъ своей задачей постепенное возвышеніе цѣнности бумажныхъ денегъ, чтобы затѣмъ приступить прямо къ размѣну ихъ на металлическую монету по ихъ нарицательной цѣнѣ, или, наоборотъ, откажется отъ попытокъ вполнѣ возстановить ихъ цѣнность и перейдетъ къ размѣну ихъ на металлическую монету, соотвѣтственно установившемуся за послѣднее время курсу. Второй способъ называется девальваціей (обезцѣненіемъ), потому что государство признаетъ при немъ фактъ совершившагося паденія цѣнности

бумажныхъ денегъ и, обмѣнивая ихъ по курсовой цѣнѣ, отказывается отъ принятыхъ на себя обязательствъ. Это какъ бы частичное государственное банкротство. Однако не слѣдуетъ думать, что первый способъ всегда оказывается предпочтительнѣе второго. Онъ примѣнимъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣнность бумажныхъ денегъ упала еще сравнительно на небольшую величину и когда государство располагаетъ достаточными средствами, чтобы во-время начать размѣнъ и до конца съ успѣхомъ выдержать эту операцію. Это — средство богатыхъ, экономически весьма жизнеспособныхъ странъ, постигнутыхъ лишь временными неурядицами. Такъ избавилась отъ бумажныхъ денегъ Франція, такимъ же путемъ пошла и Германія послѣ франко-прусской войны. Въ странахъ же бѣдныхъ подготовительныя мѣры къ такой реформѣ грозили бы затянуться на слишкомъ долгое время и, въ концѣ-концовъ, могли бы и не дать ожидаемыхъ результатовъ. А между тѣмъ, каждый новый годъ существованія бумажно-денежнаго обращенія вноситъ новыя и новыя разстройства въ хозяйственную дѣятельность страны и все больше затрудняетъ проведеніе денежной реформы. Въ такихъ случаяхъ девальвація представляется практически единственно возможнымъ способомъ раздѣлаться съ бумажно-денежнымъ обращеніемъ. По этому принципу была проведена и наша денежная реформа, и по существу дѣла противъ него при данныхъ условіяхъ возражать было нельзя. Основу для возраженій противъ проекта, предложеннаго правительствомъ, давали, главнымъ образомъ, опасенія за будущее. Надежды на прочные резуль-

таты денежной реформы возможны лишь при условіи такой экономической и финансовой политики, которая не подрывала бы матеріальнаго положенія главной массы населенія, а, напротивъ, содѣйствовала бы ея благосостоянію, затрачивая собранныя съ народа деньги на его существенныя нужды. Иначе неблагопріятное стеченіе условій легко можетъ заставить правительство вернуться опять къ бумажно-денежному обращенію, которое принесетъ съ собой новыя бѣдствія, тѣмъ болѣе тяжелыя, что страна только что потерпѣла рядъ пожертвованій и потерь, связанныхъ съ проведеніемъ реформы. Вотъ почему и на мѣропріятія правительства, направленныя на урегулированіе денежнаго обращенія, слѣдуетъ смотрѣть только, какъ на составной элементъ обширной системы правительственныхъ дѣйствій. Успѣхи денежной реформы стоятъ въ непосредственной зависимости отъ всего хода государственной политики. Чтобы обезопасить страну и на будущее отъ повторенія бумажно-денежной болѣзни или чтобы, по крайней мѣрѣ, сдѣлать возможнымъ быстрое излѣченіе отъ нея, правительству необходимо имѣть въ виду и созданіе условій, способствующихъ общему подъему народнаго благосостоянія. На первый взглядъ казалось бы, напр., какая связь существуетъ между денежной реформой и распространеніемъ народнаго образованія или фабричнымъ законодательствомъ? А, между тѣмъ, эти условія, способствуя повышенію производительности труда, содѣйствуютъ тѣмъ самымъ развитію народнаго богатства и, слѣдовательно, прочности основъ, на которыхъ зиждется денежное обращеніе. Только при нормальномъ раз

витіи производительныхъ силъ народа возможно устоять въ борьбѣ съ разнообразными невзгодами. постигающими время отъ времени хозяйственную жизнь. Во всякомъ случаѣ, государство должно прибѣгать къ выпуску неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Легкость полученія средствъ для настоятельныхъ нуждъ здѣсь только кажущаяся, потому что выпущенныя деньги начинаютъ сразу вносить серьезныя разстройства въ экономическую жизнь. Въ концѣ-концовъ, и само правительство, пытавшееся выйти изъ своихъ финансовыхъ затрудненій путемъ выпуска бумажныхъ денегъ, несетъ хроническія потери отъ обезцѣненія валюты, достигающія иногда (при большой задолженности за границей) колоссальныхъ размѣровъ. А между тѣмъ, избавиться отъ бумажныхъ денегъ, какъ мы видѣли, чрезвычайно трудно, да и самый переходъ къ нормальному денежному обращенію влечетъ за собой новыя потери для народнаго хозяйства.

Есть одна глубокая по содержанію восточная сказка. Молодой человѣкъ, обучавшійся у стараго и опытнаго мудреца, задумалъ однажды попробовать свои знанія, вызывая сверхъестественныя силы. Ему, дѣйствительно, удалось вызвать ихъ появленіе; но, къ ужасу своему, онъ вскорѣ замѣтилъ, что онѣ отказываются ему повиноваться и даже обращаются противъ него самого. Напрасно пытался онъ бороться съ ними; ничто не помогало, и онъ, навѣрное, погибъ бы въ непосильномъ состязаніи, если бы на выручку не подоспѣлъ его старый воспитатель, который умѣлъ не только вызывать, но и укрощать эти сверхъестественныя силы. Въ

такомъ безпомощномъ положеніи оказывается обыкновенно и правительство, прибѣгающее къ выпуску бумажныхъ денегъ. Этой мѣрой оно вызываетъ разнообразныя послѣдствія для экономической жизни страны, возникающія помимо его воли и очень часто вопреки его собственнымъ интересамъ. Средство, въ которомъ вначалѣ видѣли спасительный выходъ изъ финансовыхъ затрудненій, мало-по-малу превращается въ тяжелую обузу, стоящую крупныхъ потерь большинству населенія и хроническихъ убытковъ для государственнаго казначейства.

Лекція десятая.

I. Пути и средства сообщенія. — Элементы транспорта.— Виды сообщеній.—Желѣзныя дороги. — Исторія изобрѣтенія и примѣненія желѣзныхъ дорогъ.—Желѣзныя дороги въ Англіи. — Система невмѣшательства государства. — Связь ея съ манчестерской доктриной и исторіей дорожнаго дѣла.—Сліянія желѣзнодорожныхъ компаній.—Постройка желѣзныхъ дорогъ во Франціи.—Большее участіе государства.— Прусскія желѣзныя дороги (преобладаніе принципа государственнаго завѣдыванія).—Исторія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи. II. Распространенность желѣзныхъ дорогъ на земномъ шарѣ. — Выгоды желѣзныхъ дорогъ сравнительно съ другими сухопутными сообщеніями.—Значеніе желѣзныхъ дорогъ для общественнаго хозяйства.—Организація желѣзнодорожныхъ предпріятій.—Преимущества государственнаго владѣнія желѣзными дорогами.—Улучшенный водный транспортъ (морское и рѣчное пароходства).—Средства передачи извѣстій (почта, телеграфъ, телефонъ).

I.

Мм. гг. Въ прошлый разъ я пытался показать, какую массу усилій затрачиваетъ современное общество на созданіе усовершенствованныхъ и развитыхъ средствъ товарнаго обращенія — денегъ и кредита. Однако нашъ очеркъ былъ бы не полонъ, если бы мы не коснулись еще одного могущественнаго орудія обмѣна товаровъ — путей и средствъ сообщенія. По самому свойству человѣческой природы, сколько-нибудь обширныя сношенія между людьми возможны лишь при условіи удачнаго преодолѣнія препятствій, полагаемыхъ

раздѣляющимъ ихъ пространствомъ. Преодолѣніе этихъ препятствій составляетъ постоянную задачу человѣческаго общежитія, на разрѣшеніе которой оно тратитъ огромное количество трудовой энергіи, особенно значительное при высокой экономической культурѣ. Высшія формы хозяйственной дѣятельности немыслимы въ странѣ, не располагающей достаточно приспособленными средствами сообщенія. Бросьте взглядъ на карту Европы, и вы сейчасъ же увидите, что наиболѣе передовыя въ экономическомъ и общекультурномъ отношеніяхъ страны располагаютъ и болѣе густой сѣтью усовершенство ванныхъ путей сообщенія.

Что такое транспортъ? Это — совокупность усилій, затрачиваемыхъ обществомъ на передвиженіе людей и товаровъ и передачу извѣстій. Съ нашей точки зрѣнія, насъ, конечно, болѣе всего интересуетъ товарное движеніе, но, какъ мы увидимъ дальше, и другіе виды транспорта имѣютъ также чрезвычайно крупное экономическое значеніе. Всматриваясь въ сущность транспорта, въ какой бы формѣ онъ ни представлялся (кромѣ передачи извѣстій), мы всегда различимъ въ немъ три основныхъ элемента: путь, повозку и движущую силу. Отъ той или иной комбинаціи этихъ элементовъ и зависитъ успѣшность каждаго средства сообщенія. Обращаясь прежде всего къ такъ называемымъ «естественнымъ» средствамъ сообщенія, т.-е. къ грунтовымъ дорогамъ и воднымъ путямъ. мы найдемъ, что первыя представляютъ наиболѣе неблагопріятное сочетаніе основныхъ элементовъ транспорта. Несмотря на попытку ослабить треніе между дорогой и повозкой примѣненіемъ колесъ

съ металлическими шинами, благодаря недостаткамъ пути, приходится затрачивать такое количество механической силы на передвиженіе грузовъ, что перевозка громоздкихъ и малоцѣнныхъ товаровъ на далекія разстоянія становится крайне убыточной и поэтому не можетъ быть примѣнена въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ. Поэтому въ тѣ времена, когда простыя грунтовыя дороги составляли единственное сухопутное средство сообщенія, для торговыхъ цѣлей по премуществу пользовались водными путями. При движеніи по водѣ достигается минимальная степень тренія, и, кромѣ того, вода (при направленіи внизъ по теченію рѣки) даетъ даровую движущую силу; поэтому во всѣ времена человѣческаго существованія водный транспортъ составлялъ наиболѣе удобный и дешевый способъ перевозки товаровъ. Ранняя человѣческая культура зарождалась по берегамъ рѣкъ и морей, и обширныя торговыя сношенія между отдаленными странами, благодаря воднымъ путямъ, становились возможными въ такія времена, когда сотня верстъ сухого пути составляла почти непреодолимое препятствіе къ сообщенію между отдѣльными хозяйственными единицами. И до сихъ поръ въ отсталыхъ, малокультурныхъ странахъ удобный водный путь (напр., рѣка) даетъ возможность перевозить на далекія разстоянія огромныя массы малоцѣнныхъ товаровъ при самыхъ первобытныхъ средствахъ передвиженія. Стоитъ вспомнить, напр., о плотахъ, сплавляющихся по Волгѣ, Днѣпру и другимъ русскимъ рѣкамъ, чтобы представить себѣ, какая огромная выгода заключается въ движеніи по водѣ сравнительно съ перевозкой по грунтовымъ

дорогамъ. Однако, по мѣрѣ развитія экономической жизни, «естественныя» средства сообщенія, даже въ тѣхъ странахъ, которыя располагали удобными рѣчными и морскими путями, оказались уже недостаточными для удовлетворенія народившихся потребностей въ транспортѣ. Появленіе крупной промышленности и нужда въ обширномъ товарномъ обмѣнѣ направили усилія человѣческой изобрѣтательности къ созданію такихъ средствъ сообщенія, которыя соотвѣтствовали бы новымъ условіямъ хозяйства. А такъ какъ необходимость соединенія промышленныхъ пунктовъ требовала одновременно усовершенствованія и водныхъ и сухопутныхъ средствъ транспорта, то прогрессъ шелъ параллельно для тѣхъ и другихъ. Сначала появились шоссейныя дороги и каналы. Эти пути оказали крупныя услуги развивающейся промышленности, но вскорѣ и они стали уже недостаточно дѣйствительными средствами. Каналы было возможно проводить только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, отличающихся удобными для этой цѣли качествами, шоссейныя же дороги, хотя и облегчали товарное (и въ особенности пассажирское) движеніе, тѣмъ не менѣе все еще требовали чрезвычайно крупныхъ расходовъ на единицу груза, почему перевозка малоцѣнныхъ товаровъ могла примѣняться въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ какіе были желательны при новыхъ условіяхъ производства. Въ особенности съ того времени, когда примѣненіе пара къ промышленности стало обнаруживать гигантскіе успѣхи, возникла потребность въ такомъ средствѣ транспорта, которое было бы возможно устроить во всякой мѣстности и которое вмѣстѣ съ тѣмъ уде-

шевляло бы въ значительной степени издержки перевозки. Такими средствами явились желѣзныя дороги, мало-по-малу распространившіяся по всему культурному міру. Мы и займемся разсмотрѣніемъ желѣзнодорожнаго транспорта. Это не значитъ, конечно, чтобы мы считали другія средства сообщенія слишкомъ малозначительными. Въ разумно организованной системѣ общественнаго хозяйства должны примѣняться всѣ средства транспорта, дополняя и поддерживая другъ другъ. Водные пути, напр., играютъ и въ настоящее время огромную роль въ хозяйственной дѣятельности всѣхъ культурныхъ народовъ; что касается, въ частности, морского транспорта, то во многихъ случаяхъ онъ является однимъ изъ важнѣйшихъ орудій, связывающихъ нитями торговаго оборота отдаленнѣйшія части земного шара. Его измѣненія играли и за послѣднее время выдающуюся роль въ хозяйственныхъ отношеніяхъ Европы и Америки; въ нихъ ищутъ часто ключа къ объясненію грандіозныхъ перемѣнъ въ современномъ торговомъ оборотѣ и внутренней промышленной дѣятельности передовыхъ народовъ культурнаго міра. Однако по недостатку времени мы остановимся только на желѣзнодорожномъ транспортѣ. Нашъ выборъ опредѣляется тѣми существенными особенностями желѣзныхъ дорогъ, благодаря которымъ на нихъ легче всего можно прослѣдить вліяніе улучшеннаго средства транспорта вообще на хозяйственныя отношенія. Зная роль желѣзныхъ путей въ экономической дѣятельности народовъ какъ въ ихъ внутреннихъ отношеніяхъ, такъ и въ международномъ оборотѣ, мы легко поймемъ значеніе и всякаго другого усовершенствованнаго сред-

ства сообщенія. Съ другой стороны, въ эволюціи современнаго хозяйственнаго строя европейскихъ народовъ желѣзныя дороги играли, несомнѣнно, гораздо болѣе важную роль, чѣмъ всѣ другія средства сообщенія. Продуктъ начинающей крупной промышленности, онѣ способствовали въ высокой мѣрѣ ея дальнѣйшему развитію. Жизнь современнаго европейскаго города, его промышленность, его культура, ростъ его населенія были бы намъ непонятны, если бы мы упустили изъ виду вліяніе, оказанное на него желѣзнодорожнымъ транспортомъ.

Исторія желѣзныхъ дорогъ начинается съ первыхъ десятилѣтій нашего вѣка. Но попытки изобрѣтенія отдѣльныхъ элементовъ ихъ относятся къ гораздо болѣе раннему времени. Идея проложенія рельсоваго пути была извѣстна уже древнимъ египтянамъ, которые примѣняли каменныя колеи при перевозкѣ огромныхъ массъ строительнаго матеріала для ихъ колоссальныхъ сооруженій (пирамидъ, храмовъ и т. п.). Но, при господствѣ системы натуральнаго хозяйства, человѣчество долгое время довольствовалось для своихъ сообщеній естественными путями и не пыталось сдѣлать изъ рельсоваго пути широко распространеннаго средства транспорта. Только съ развитіемъ крупной промышленности энергія изобрѣтателей направилась съ особенной силой на улучшеніе способовъ товарнаго движенія по сухому пути. Для перевозки каменнаго угля еще въ XVII и XVIII столѣтіяхъ стали употреблять сначала деревянные рельсы, затѣмъ, чтобы предохранить ихъ отъ быстраго изнашиванія, на нихъ набивали металлическія пластинки, что и привело постепенно къ мысли изго-

товлять чисто-металлическіе рельсы. При перевозкѣ значительныхъ тяжестей движеніе совершалось съ помощью лошадей. Строительство конно-желѣзныхъ дорогъ начинается въ Англіи съ 1801 г. Первый законодательный актъ о нихъ былъ изданъ для линіи Wandsworth-Croydon (отъ Лондона въ ближайшую окрестность) въ видахъ «удобства перевозки угля, хлѣба и всѣхъ, вообще, товаровъ въ столицу и изъ нея и изъ другихъ мѣстъ» Дорога находилась во владѣніи акціонерной компаніи съ капиталомъ въ 35.000 фунтовъ стерлинговъ, раздѣленнымъ на акціи по 100 фунтовъ каждая. Были установлены нормы тарифовъ (плата за перевозку) и дано право принудительнаго отчужденія земли, нужной для постройки дороги. Послѣ этого акта новыя конно-желѣзныя дороги до 20-хъ гг. разрѣшались почти каждой сессіей парламента [1]. Такимъ образомъ, первый элементъ транспорта — путь — былъ достаточно уже усовершенствованъ. Въ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія появились и первыя попытки примѣненія парового двигателя къ передвиженію грузовъ. Онѣ становятся все болѣе и болѣе удачными, когда изобрѣтатели отказываются отъ мысли сооруженія паровой повозки, годной для движенія по всякимъ дорогамъ, и обращаются къ комбинаціи парового двигателя съ рельсовымъ путемъ. Наиболѣе талантливымъ и счастливымъ изобрѣтателемъ новаго способа сообщенія былъ извѣстный англійскій механикъ Георгъ Стефенсонъ, съ именемъ котораго связывается обыкновенно представленіе о первой желѣз-

[1] *Gustav Cohn*, Untersuchungen über die englische Eisenbahnpolitik, т. I. Leipzig, 1874, стр. 20—22.

ной дорогѣ. Мы знаемъ, однако, что и въ данномъ случаѣ въ дѣйствительности труды Стефенсона только завершали довольно продолжительный и сложный процессъ развитія. Заслуга Стефенсона заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ ввелъ въ употребленіе гладкіе рельсы (многіе сомнѣвались, образуется ли при такихъ условіяхъ достаточное треніе, и предлагали зубчатые и вообще неровные рельсы), заботился о нивеллировкѣ пути (посредствомъ насыпей и выемокъ) и измѣнилъ существеннымъ образомъ устройство локомотива. Онъ первый примѣнилъ отводъ отработавшаго пара въ топочную трубу и трубчатый паровой котелъ. благодаря чему чрезвычайно увеличивалась нагрѣваемая поверхность, открывая возможность развитію значительной механической силы. Первымъ удачнымъ примѣненіемъ парового транспорта была линія Стоктонъ-Дарлингтонъ, соединявшая угольныя копи съ морскимъ портомъ. Первоначально она была разрѣшена для конно-желѣзнодорожнаго движенія (въ 1821 г.), но вскорѣ (въ 1823) получила право устройства парового транспорта. Локомотивы для нея были изготовлены по проекту Стефенсона. Успѣхъ парового транспорта по этой линіи привлекъ вниманіе крупныхъ промышленниковъ Манчестера и Ливерпуля, которые давно уже были недовольны привилегіями владѣльцевъ каналовъ, соединявшихъ эти важные экономическіе пункты. Между Манчестеромъ и Ливерпулемъ еще въ XVIII вѣкѣ были проведены два канала (Old Quay Mersey and Irwell Navigation и каналъ герцога Бриджуотерскаго); первый изъ нихъ въ теченіе почти полувѣка каждый годъ давалъ дивидендъ, равный

вложенному капиталу, такъ что акціи его поднялись мало-по-малу съ 70 фун. стерлинговъ до 1.250 фун. стерлинговъ; второй въ теченіе первыхъ двадцати лѣтъ XIX столѣтія давалъ его собственнику ежегодно 100.000 фунтовъ стерлинговъ дохода, т.-е. сумму, немного меньшую всего затраченнаго въ дѣло капитала. Между тѣмъ перевозка товаровъ по этимъ каналамъ не представляла большихъ удобствъ, такъ какъ зимой они замерзали на нѣкоторое время, а лѣтомъ пересыхали. Увидѣвъ на практикѣ преимущества желѣзнодорожнаго транспорта, манчестерскіе и ливерпульскіе купцы составили проектъ желѣзной дороги между ихъ городами и стали добиваться его утвержденія парламентомъ. Послѣднее было, однако, не легко, потому что владѣльцы каналовъ не замедлили организовать сильную оппозицію противъ проекта. Парламентъ въ то время слагался по преимуществу изъ представителей землевладѣльцевъ, т.-е. того же общественнаго класса, къ которому принадлежали и владѣльцы каналовъ. Въ засѣданіяхъ палаты общинъ произносились длинныя и патетическія рѣчи противъ желѣзныхъ дорогъ, при чемъ ораторы говорили о нарушеніи священныхъ правъ землевладѣнія, о разрушеніи парковъ, истребленіи лѣсовъ и опустошеній полей и даже о нарушеніи домашняго покоя деревенскихъ джентльменовъ. На первый разъ (въ сессію 1825 г.) проектъ былъ, дѣйствительно, отвергнутъ, но на слѣдующій годъ желѣзнодорожная партія одержала верхъ. Побѣда досталась, однако, не дешево. Вычисляютъ, что, даже по умѣренному расчету, издержки, понесенныя обѣими партіями по поводу билля о Ливерпульско-Манчестерской дорогѣ, составили около 70.000 фун.,

т.-е. 10% всѣхъ расходовъ на ея постройку. Когда дорога была выстроена, компанія назначила конкурсъ на устройство локомотива. Премія досталась Стефенсону (октябрь 1829 г.), локомотивъ котораго шелъ съ быстротой, неожиданной даже для самихъ защитниковъ желѣзныхъ дорогъ (отъ 20 до 30 миль въ часъ). Съ этого времени (1829 г.) и ведутъ обыкновенно начало эры желѣзнодорожнаго строительства. Выгоды желѣзнодорожнаго транспорта быстро привлекли къ себѣ вниманіе предпринимателей, и парламентъ былъ заваленъ просьбами о новыхъ концессіяхъ. Однако и враги новаго способа сообщенія не дремали. Помимо собственниковъ каналовъ (и шоссе), противъ желѣзныхъ дорогъ ратовали представители извознаго промысла, у которыхъ желѣзныя дороги грозили отнять перевозку товаровъ. Кромѣ нихъ, въ началѣ желѣзнодорожнаго строительства въ Англіи недоброжелательное отношеніе къ новымъ путямъ продолжало поддерживаться и у поземельныхъ собственниковъ, для которыхъ, конечно, проведеніе желѣзныхъ дорогъ могло быть только выгодно. Лэндлорды не понимали вначалѣ, что желѣзныя дороги должны повысить доходность ихъ имѣній, и, подстрекаемые заинтересованными лицами, видѣли въ ихъ сооруженіи только непріятное нарушеніе своихъ территоріальныхъ правъ [1]). Такимъ образомъ, при полученіи

---

[1]) Въ началѣ желѣзнодорожнаго строительства недоброжелательное отношеніе, вызываемое обычнымъ недовѣріемъ къ разнаго рода «новшествамъ», замѣчалось не въ одной Англіи. Въ Пруссіи, напр., уже послѣ того, какъ польза желѣзныхъ дорогъ для общественнаго хозяйства была доказана опытомъ Англіи, очень многіе видѣли въ нихъ пустую выдумку. Когда

первыхъ желѣзнодорожныхъ концессій, приходилось употреблять много усилій и матеріальныхъ затратъ совершенно непроизводительно на борьбу съ оппозиціей вліятельныхъ членовъ парламента. На примѣрѣ Ливерпульско-Манчестерской дороги мы видѣли уже, до какихъ размѣровъ доходили такія «парламентскія издержки». Впрочемъ, большая доходность желѣзныхъ дорогъ съ избыткомъ окупала затраты, и уже въ 1836 году мы находимъ въ Англіи «желѣзнодорожную манію», которой страдали впослѣдствіи и всѣ другія страны Европы. Въ одномъ этомъ году парламентъ выдалъ разрѣшеніе на постройку 29 новыхъ линій, длиной въ 994 мили.

Постройка желѣзныхъ дорогъ въ Англіи совпала съ господствомъ такъ называемой «манчестерской доктрины», требовавшей полной свободы для частной промышленной дѣятельности и отрицавшей разумность государственнаго вмѣшательства. Желѣзнодорожное дѣло, которое по своимъ существен-

---

проектъ желѣзной дороги между Берлиномъ и Потсдамомъ былъ представленъ прусскому генералъ-почтмейстеру фонъ-Наглеру, онъ сказалъ: «Глупая затѣя! Я ежедневно посылаю въ Потсдамъ почтовые дилижансы съ шестью сидѣньями, и въ нихъ никого не бываетъ, а теперь еще хотятъ строить туда желѣзную дорогу! Если они желаютъ, во что бы то ни стало потерять деньги, то пусть сейчасъ же выбросятъ ихъ въ окно, чѣмъ устраивать такія нелѣпыя предпріятія». Его мнѣніе раздѣлялъ и самъ король (Фридрихъ-Вильгельмъ III). «Я не вижу особаго счастья въ томъ, — говорилъ онъ,—будутъ ли люди пріѣзжать въ Потсдамъ на нѣсколько часовъ раньше, или нѣтъ» (см. *H. Schwabe*, Geschichtlicher Rückblik auf die ersten 50 Jahre des Preussischen Eisenbahnwesens. Berlin, 1895, стр. 4—5). Въ Россіи въ числѣ первыхъ противниковъ желѣзныхъ дорогъ былъ извѣстный министръ финансовъ императора Николая I, графъ Канкринъ.

нымъ условіямъ, какъ мы увидимъ ниже, должно быть единообразно регулируемо и контролируемо общественной властью, передавалось цѣликомъ въ руки частной дѣятельности. Не было создано общаго плана желѣзнодорожной сѣти; государство не заботилось объ отношеніяхъ желѣзнодорожныхъ компаній къ публикѣ, интересы которой въ первое время очень часто нарушались. Пункты, которые желательно было бы соединить въ интересахъ всего народнаго хозяйства, оставались внѣ желѣзнодорожныхъ сообщеній, и въ то же время въ мѣстностяхъ, излюбленныхъ спекуляціей, проводились параллельно конкурирующія другъ съ другомъ линіи различныхъ компаній. Одинъ изслѣдователь англійскихъ желѣзныхъ дорогъ замѣчаетъ, что «муха, пройдясь по картѣ Англіи съ запачканными лапками, начертила бы желѣзнодорожную сѣть не хуже той, какая есть въ дѣйствительности». Впрочемъ, было бы неправильно думать, что англійское желѣзнодорожное законодательство было создано подъ исключительнымъ вліяніемъ доктрины свободной конкуренціи. Невмѣшательство государства коренится здѣсь въ исторіи административнаго права Англіи. Въ старое время заботы о сухопутныхъ путяхъ сообщенія лежали на органахъ мѣстнаго управленія, такъ какъ дороги имѣли, главнымъ образомъ, мѣстное значеніе. Въ XVIII же вѣкѣ появляются большія шоссейныя дороги, назначенныя для цѣлей широкаго товарнаго обращенія, выходящаго за предѣлы небольшихъ мѣстныхъ районовъ. Естественно, что содержаніе такихъ дорогъ оказалось не подъ силу органамъ мѣстнаго самоуправленія, и потому онѣ были пере-

даны частнымъ обществамъ за право взиманія дорожныхъ пошлинъ (Turnpike-Trusts). Принципъ частнаго строительства и владѣнія былъ перенесенъ съ шоссейныхъ дорогъ и на устройство каналовъ, а затѣмъ уже былъ примѣненъ къ желѣзнымъ дорогамъ [1]). Въ половинѣ 40-хъ годовъ, опять возникаетъ усиленная желѣзнодорожная спекуляція; въ три парламентскія сессіи было разрѣшено 8.592 мили новыхъ дорогъ, тогда какъ до того времени было выстроено всего только 2.148 миль. Чрезмѣрное увлеченіе желѣзнодорожнымъ строительствомъ не могло не отразиться гибельно на выгодахъ самихъ компаній; черезъ нѣсколько лѣтъ дороги стали давать, вмѣсто прежнихъ 15%, всего 3% прибыли. Тогда возникла мысль о сліяніи конкурирующихъ компаній въ обширныя монопольныя организаціи. Сліяніе это (въ особенности съ конца 50-хъ гг.) привело мало-по малу къ тому, что большая часть англійскихъ желѣзныхъ дорогъ сосредоточилась въ немногихъ предпріятіяхъ и приняла уже черты монопольныхъ учрежденій, которыя такъ характерны для желѣзнодорожнаго транспорта. Въ 70-хъ гг. 5/6 всей желѣзнодорожной сѣти Англіи принадлежали уже 11 компаніямъ, 4 изъ которыхъ владѣли половиной всѣхъ англійскихъ желѣзныхъ дорогъ [2]). Однако государство не измѣнило по существу своей желѣзнодорожной по-

---

1) *G. Cohn*, указ. соч., стр. 4—12.

2) Этотъ фактъ указываетъ и на политическую силу англійскихъ желѣзнодорожныхъ обществъ. Выгоды государственнаго завѣдыванія желѣзными дорогами находили себѣ вліятельныхъ защитниковъ и въ Англіи; но послѣдніе оказывались слишкомъ слабыми по сравненію съ могущественными

литики и не перешло къ системѣ государственнаго владѣнія желѣзнодорожною сѣтью, такъ что и до сихъ поръ англійскія желѣзныя дороги принадлежатъ частнымъ компаніямъ.

Иной характеръ носитъ постройка желѣзныхъ дорогъ во Франціи. Исторія дорожнаго дѣла во Франціи до появленія парового транспорта представляетъ уже не мало попытокъ регулированія сообщеній государственной властью. Въ то время какъ въ Англіи устройство дорогъ было предоставлено вначалѣ цѣликомъ органамъ мѣстнаго управленія, затѣмъ — частнымъ компаніямъ, во Франціи уже въ началѣ XVII вѣка правительство усиленно строитъ дороги барщиннымъ способомъ. Революціонное правительство и Наполеонъ I также продолжали политику монархіи: въ 1791 году былъ созданъ государствомъ «Corps des ponts et chaussées» для подготовленія инженеровъ и для изученія нуждъ дорожнаго дѣла Франціи; Наполеонъ же поощрялъ устройство хорошихъ путей сообщенія въ виду стратегическихъ соображеній; съ 1800 по 1812 годъ на дорожное дѣло было израсходовано до 300 милліоновъ франковъ.

Къ тому времени, когда Франція серьезно занялась постройкой желѣзныхъ дорогъ (первое десятилѣтіе іюльской монархіи), въ ней уже существо-

---

«желѣзнодорожными королями». Напр., еще въ 1839 году R. W. Rawson высказывался въ рефератѣ въ лондонскомъ статистическомъ обществѣ въ пользу государственныхъ желѣзныхъ дорогъ, ссылаясь на удачный опытъ Бельгіи. На опытъ бельгійскихъ желѣзныхъ дорогъ указывали и въ парламентѣ. См. *G. Cohn*, указан. соч., томъ I, стр. 68.

вала прекрасная сѣть искусственныхъ дорожныхъ сообщеній и превосходно подготовленный персоналъ инженеровъ.

Въ 1837 году было во Франціи:

	30.570 килом.	государственныхъ шоссейныхъ дорогъ.	
	27.442 »	департаментскихъ »	»
около	10.000 »	искусственныхъ водныхъ путей [1]).	

Извѣстно, что время царствованія Людовика Филиппа во Франціи характеризуется торжествомъ буржуазіи, сильнымъ развитіемъ капитализма. Господствующимъ экономическимъ ученіемъ и во Франціи стали уже манчестерскія доктрины. Однако, историческія традиціи дорожнаго дѣла не вполнѣ потеряли силу; государство не предоставило проведенія желѣзныхъ дорогъ цѣликомъ частной иниціативѣ, а попыталось внести въ новое дѣло нѣкоторое единство съ точки зрѣнія общихъ интересовъ народнаго хозяйства. Желѣзныя дороги были объявлены правительствомъ дѣломъ «общественной пользы». Въ 1832 году было рѣшено выработать въ «Corps des ponts et chaussées» планъ желѣзнодорожной сѣти, который и получилъ силу закона черезъ десять лѣтъ (за это время было разрѣшено нѣсколько дорогъ). Центромъ желѣзныхъ путей былъ принятъ Парижъ, отъ котораго общимъ протяженіемъ въ 4.000 килом. должны были расходиться радіусами магистральныя линіи. При этомъ государство рѣшило придти на помощь частной предпріимчивости, принимая часть издержекъ по постройкѣ на свои средства (150.000 франковъ на 1 километръ пути; на долю компаній оставалось

[1]) *Richard von Kaufmann*, Die Eisenbahnpolitik Frankreichs, томъ I, Stuttgart, 1896, стр. 668.

125.000 франковъ). Выгоды желѣзнодорожнаго строительства вызвали и здѣсь усиленную спекуляцію и, какъ результатъ ея, кризисъ. Въ 1847 году желѣзнодорожныя компаніи понесли уже весьма чувствительные убытки, и дальнѣйшая постройка дорогъ пріостановилась [1]). Годъ революціи (1848) также, конечно, не могъ быть благопріятенъ для развитія промышленной дѣятельности. Вообще до coup d'état Наполеона III въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ Франціи наступаетъ затишье (съ 1848 по 1854 годъ не было выдано ни одной концессіи). При Наполеонѣ III постройка желѣзныхъ дорогъ снова оживляется. Новое правительство видѣло въ рельсовыхъ путяхъ удобное средство для борьбы съ мятежными элементами общества (въ случаѣ возстанія въ отдаленной провинціи легко можно было двинуть туда изъ центра вооруженную силу), а съ другой стороны, пользовалось выдачей концессій съ цѣлями упрочить свое положеніе въ буржуазныхъ кругахъ. Прежде всего былъ удлиненъ срокъ желѣзнодорожныхъ концессій до 99 лѣтъ, что раньше дѣлалось только по исключенію [2]). Правленіе Наполеона III опять вызвало къ жизни затихшую было спекуляцію. Для облегченія устройства новыхъ предпріятій былъ учрежденъ извѣстный «Credit mobilier» (банкъ движимаго кредита), во главѣ котораго стали братья Перейры— типическіе представители новой эпохи промышленнаго развитія. Ученики и послѣдователи знаменитаго соціалиста Сенъ-Симона во времена молодости, они быстро измѣнили своимъ идеаламъ, когда явилась

---

[1]) См. *А. Чупровъ*, статья «Желѣзныя дороги» въ Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза и Ефрона.

[2]) *R. Kaufmann*, указ. соч., стр. 487.

возможность легкой наживы при помощи смѣло задуманныхъ спекулятивныхъ операцій. Они вносили въ промышленныя и биржевыя дѣла широту и смѣлость разсчета, что, въ соединеніи съ полно.. беззастѣнчивостью въ нравственномъ отношеніи создавало имъ огромный успѣхъ. Эти люди, прикрывая обыкновенное стремленіе къ наживѣ во что бы то ни стало широковѣщательными заявленіями объ общихъ нуждахъ народнаго хозяйства и культуры, какъ нельзя болѣе олицетворяли собой тотъ типъ новѣйшаго биржевого дѣльца, первымъ крупнымъ представителемъ котораго явился еще Джонъ Ло,—типъ, въ которомъ, по остроумному замѣчанію Маркса, удивительно совмѣщаются въ одно и то же время черты пророка и мошенника. Способствуя учрежденію различныхъ промышленныхъ предпріятій, банкъ движимаго кредита содѣйствовалъ и желѣзнодорожному строительству. Однако, усиленное привлеченіе капиталовъ къ желѣзнодорожному дѣлу вызвало и во Франціи тѣ же послѣдствія, которыя наблюдались въ Англіи. Отдѣльныя небольшія компаніи терпѣли убытки и, силою вещей, склонялись къ мысли о сліяніи. Къ 1857 году во Франціи желѣзнодорожная сѣть находилась уже въ рукахъ всего 11 компаній, тогда какъ десять лѣтъ тому назадъ ихъ насчитывалось ровно втрое больше. Мало помогло, однако, и сліяніе. Неумѣренныя затраты капиталовъ приводили къ сильному пониженію процента и даже къ полной несостоятельности компаній. Правительство приходило на помощь, назначая гарантіи процентовъ по желѣзнодорожнымъ бумагамъ, но и при такихъ условіяхъ желѣзнодорожное дѣло Франціи къ концу напо-

леоновскаго режима находилось далеко не въ блестящемъ состоянiи. Поэтому съ паденiемъ Наполеона и установленiемъ третьей республики новому правительству пришлось серьезно задуматься надъ вопросомъ о положенiи желѣзнодорожнаго хозяйства. Политическiе дѣятели, наученные опытомъ, перестали уже видѣть въ частной инициативѣ наилучшее средство нормальнаго развитiя промышленности и все болѣе и болѣе склонялись къ принципу государственнаго вмѣшательства. Въ 70-хъ же гг. было рѣшено выкупить въ казну желѣзныя дороги, оказавшiяся несостоятельными (всего протяженiемъ въ 2.615 килом.), и начать постройку новыхъ линiй за счетъ казны. Однако, правительство не выдержало до конца намѣченнаго плана и обратилось опять къ соглашенiю съ частными компанiями, такъ что и по настоящее время бо̀льшая часть французской желѣзнодорожной сѣти сосредоточена въ частныхъ рукахъ. Къ 31 декабря 1894 г. во Францiи во владѣнiи государства было всего только 2.631 килом. желѣзныхъ дорогъ, изъ общей сѣти въ 39.624 килом. [1]).

Если бы мы пожелали познакомиться съ широкимъ примѣненiемъ принципа государственнаго регулированiя и веденiя желѣзнодорожнаго хозяйства, намъ необходимо было бы обратиться къ Пруссiи. Здѣсь въ самомъ началѣ желѣзнодорожнаго строительства государство пыталось уже строить за свой счетъ желѣзныя дороги. Конечно бо̀льшая часть желѣзнодорожныхъ линiй сооружалась въ это время частными компанiями; однако государство не

---

1) *K. Kaufmann*, указ. соч., т. II, стр. 162 и 696.

упускало изъ виду и собственныхъ интересовъ. Съ той же поры, когда наглядно обнаружились недостатки частнаго желѣзнодорожнаго хозяйства, Пруссія рѣшительно перешла къ системѣ государственнаго вмѣшательства. Окончательно вопросъ о переходѣ въ казну желѣзныхъ дорогъ былъ рѣшенъ въ Пруссіи въ концѣ 70-хъ годовъ, при чемъ немедленно же и съ большой энергіей было приступлено къ его осуществленію.

Было пріобрѣтено государствомъ желѣзныхъ дорогъ:

Годы.	Количество линій.	Общая длина въ килом.
1879—1880	6	5.002
1882	7	3.145
1884	10	3.766
съ 1885 по 1891	15	1.982

Въ 1891 году, изъ 27.765 килом. длины всей прусской сѣти желѣзныхъ дорогъ, государству принадлежало уже 25.585 килом., а въ рукахъ частныхъ компаній оставалось всего 2.180 килом. [1]).

Въ Россіи сооруженіе желѣзныхъ дорогъ ведетъ начало съ 30-хъ годовъ. Въ 1838 году была открыта для движенія первая русская желѣзная дорога — Царскосельская, между Петербургомъ и Павловскомъ, длиною въ 24 версты. Дорога эта была сооружена на частныя средства, но не способствовала развитію у насъ частной предпріимчивости въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Не имѣя серьезнаго значенія для экономической жизни страны, она не давала и выгодъ, которыми въ Западной Европѣ пользовались обыкновенно первыя

---

[1]) *Чупровъ*, указ. соч. (см. подробную таблицу прусскихъ жел. дорогъ у *Schwabe*, стр. 109—111).

желѣзнодорожныя компаніи. Вообще Николаевская эпоха не благопріятствовала развитію у насъ частной предпріимчивости въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Россія въ то время по существеннымъ условіямъ своего экономическаго строя рѣзко отличалась отъ сосѣднихъ европейскихъ государствъ. Въ то время какъ на Западѣ къ половинѣ текущаго столѣтія дѣлало гигантскіе шаги крупное капиталистическое производство, у насъ господствовало еще примитивное натуральное хозяйство. При крѣпостномъ правѣ не было почвы для широкаго развитія крупной промышленности, не было потребности въ устройствѣ обширной сѣти улучшенныхъ средствъ сообщенія, не было и крупныхъ капиталовъ въ рукахъ частныхъ лицъ. Что же касается привлеченія къ дѣлу иностранныхъ капиталовъ, то для него существовали серьезныя препятствія въ условіяхъ русской общественности того времени. Россія представлялась иностранцамъ полудикой, варварской страной, лишенной достаточныхъ гарантій для правильнаго промышленнаго и кредитнаго оборота, и потому они съ большимъ недовѣріемъ относились къ помѣщенію своихъ капиталовъ въ русскія предпріятія. Само правительство не было склонно поощрять въ данномъ отношеніи притокъ иностранныхъ капиталовъ; оно видѣло еще въ желѣзныхъ дорогахъ пустую выдумку, неприложимую въ русской жизни. Даже извѣстный министръ финансовъ Канкринъ раздѣлялъ это воззрѣніе о нежелательности постройки желѣзныхъ дорогъ въ сколько - нибудь широкихъ размѣрахъ. Однако, потребность въ соединеніи Петербурга съ центромъ Россіи выяснилась достаточно уже и къ

тому времени. Въ началѣ 40-хъ годовъ правительство рѣшило построить «хозяйственнымъ способомъ» желѣзную дорогу между Петербургомъ и Москвой (Николаевскую). Это была первая большая желѣзнодорожная линія въ Россіи, имѣвшая уже и крупное экономическое значеніе (до нея, кромѣ Царскосельской, была построена также небольшая линія— Варшаво - Вѣнская дорога, разрѣшенная сначала частнымъ лицамъ, но затѣмъ принятая на счетъ казны). Постройка Николаевской дороги ярко отразила на себѣ всѣ неустройства русской дореформенной администраціи. Прежде всего самое направленіе дороги было избрано вопреки элементарнымъ требованіямъ желѣзнодорожнаго строительства. Вмѣсто того, чтобы стремиться къ соединенію важнѣйшихъ лежащихъ на пути промышленныхъ и торговыхъ пунктовъ (и главнымъ образомъ, Новгорода), было принято прямолинейное направленіе. Препятствія, заключавшіяся въ условіяхъ мѣстности, черезъ которую должна была пройти дорога, при этомъ не обходились, а преодолѣвались цѣной громадныхъ затратъ. Кромѣ того, издержки постройки увеличивались и благодаря обычнымъ для того времени злоупотребленіямъ администраціи, завѣдывавшей дѣломъ. Неудивительно поэтому, что постройка обошлась въ громадную сумму — около 100 милл. рублей, что составитъ около 165.000 руб. на версту, — расходъ, превышающій въ нѣсколько разъ среднія издержки по сооруженію желѣзныхъ дорогъ въ настоящее время, не принимая при этомъ даже въ разсчетъ дешевизны труда и содержанія работника въ то время. Безсиліемъ и злоупотребленіями администраціи объясняется и крайняя

медленность сооруженія: дорога строилась въ теченіе цѣлыхъ восьми лѣтъ (съ 1843 по 1851 годъ) По окончаніи постройки обнаружилось, что и эксплуатація ея не будетъ давать достаточнаго дохода на затраченный въ дѣло капиталъ, а потому были отчислены особые источники для покрытія расходовъ, вызываемыхъ новой дорогой, изъ общегосударственныхъ средствъ. Государственные рессурсы были уже достаточно истощены постройкой Николаевской дороги, чтобы правительство могло приступить къ расширенію желѣзнодорожной сѣти, а частныхъ капиталовъ, какъ мы видѣли, не оказывалось. Въ такомъ положеніи Россію застала Крымская война. Обнаруживъ вопіющія неустройства во всемъ общественномъ строѣ Россіи, неудачная война указала и на крупныя неудобства, связанныя съ отсутствіемъ правильныхъ путей сообщенія. Во время войны съ полной очевидностью выяснилась неподготовленность Россіи къ быстрому передвиженію на театръ военныхъ дѣйствій солдатъ, провіанта, оружія и снарядовъ. Стратегическія соображенія требовали, такимъ образомъ, проведенія нѣсколькихъ магистральныхъ линій отъ центра къ окраинамъ государства. Но и экономическія потребности страны, въ которой готовился переходъ отъ крѣпостного строя къ новымъ формамъ экономической жизни, также начинали настойчиво заявлять о себѣ. Нашлись и необходимыя средства для постройки (конечно, не у правительства, финансы котораго были разстроены войной). Въ дѣло потянулись иностранные капиталы, которые и сообщили первый сильный толчокъ развитію русскаго капитализма. Въ 1857 г.

образовалось «Главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, учредителями котораго были крупные иностранные банкиры (въ ихъ числѣ Берингъ, Гопе, Перейры). Общество надѣялось собрать капиталъ въ 250 милл. рублей, съ которымъ и предполагало соорудить 4 большихъ желѣзнодорожныхъ линіи. Удалось, однако, найти только около половины предположенной суммы и вмѣсто четырехъ линій выстроить только двѣ (Петербурско - Варшавскую и Московско - Нижегородскую). Правительство, съ своей стороны, приняло участіе въ дѣлѣ, установивъ гарантію 5% доходности (по оцѣнкѣ въ 62.500 руб. на версту пути). Постройка дорогъ Главнаго общества оказалась, однако, дороже, чѣмъ предполагалось. Фактическія издержки на Варшавской дорогѣ были на 57%, на Нижегородской — на 41% выше смѣтныхъ предположеній. При этомъ и солидность постройки была достигнута въ значительно меньшей степени, чѣмъ можно было бы ожидать при такихъ расходахъ. Здѣсь опять - таки сказались неустройства русской общественной жизни. Зная о прежнихъ опытахъ русскаго желѣзнодорожнаго строительства, Главное общество пригласило на службу французскихъ инженеровъ. При всѣхъ дѣловыхъ качествахъ этихъ лицъ, они не могли быть вполнѣ подготовлены къ выполненію возложенной на нихъ трудной задачи, потому что не знали подробно мѣстныхъ условій той страны, въ которой они призваны были работать. Съ другой стороны, русское вѣдомство путей сообщенія, обиженное невниманіемъ къ себѣ, устраивало цѣлый рядъ препятствій для дѣятельности своихъ соперниковъ —

французскихъ инженеровъ. Планы, посылаемые послѣдними въ управленіе русскихъ путей сообщенія, подолгу задерживались, возвращались для исправленія иногда незначительныхъ мелочей. Если замѣчанія русскихъ инженеровъ и бывали справедливы, все-таки они создавали большую волокиту и вообще множество затрудненій, которыя далеко не искупались пользой сдѣланныхъ исправленій. Наконецъ, русскіе подрядчики не расположены были съ точностью выполнять требованія солидности постройки, предъявляемыя французскими строителями. При невозможности услѣдить за правильностью выполненія подряда, открывалось обширное поле для злоупотребленій со стороны низшихъ агентовъ, которые, получивъ извѣстное вознагражденіе, докладывали начальству, что работа выполнена вполнѣ надлежащимъ образомъ. Неопытность высшихъ агентовъ и неприспособленность низшихъ служащихъ даже и при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу порождали множество лишнихъ расходовъ, требуя лишнихъ рукъ, трудъ которыхъ оплачивался очень дорого. Расходы на одну только администрацію при сооруженіи Варшавской и Нижегородской дорогъ составили огромную сумму въ 32 милл. рублей [1]).

Однако, новое дѣло стало вскорѣ приносить большіе барыши, въ особенности для учредителей. Тогда и у насъ возникло стремленіе къ добыванію концессій, причемъ лица, хлопотавшія о разрѣшеніяхъ на постройку дорогъ, располагали обыкновенно недостаточными капиталами и надѣялись на сборъ необходимыхъ средствъ путемъ подписки

---

[1]) См. *Бліохъ*: «Русскія желѣзныя дороги»

на акціи. Надежды эти, однако, не оправдывались, благодаря бѣдности Россіи капиталами и трудности добывать большія суммы изъ-за границы. Цѣлый рядъ концессій, выданныхъ разнымъ лицамъ послѣ учрежденія Главнаго общества, не привелъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Компаніи закрывались, не будучи въ состояніи приступить къ постройкѣ разрѣшенныхъ имъ линій. Въ концѣ 60-хъ годовъ удалось, наконецъ, найти средство къ привлеченію надежныхъ капиталовъ изъ-за границы путемъ обращенія къ германскому рынку. Общество Рязанско-Козловской ж. д. выпустило $^1/_4$ акцій и $^3/_4$ облигацій въ прусскихъ талерахъ, размѣстивъ ихъ среди германскихъ капиталистовъ. Посредниками между обществомъ и будущими «крѣпкими» владѣльцами его бумагъ (которыми были, главнымъ образомъ, мелкіе капиталисты) были германскіе крупные банкиры (въ Берлинѣ и Франкфуртѣ), нажившіе на этой операціи огромные барыши. Состоянія нѣкоторыхъ крупнѣйшихъ банкирскихъ домовъ Берлина и Франкфурта ведутъ свое начало отъ этихъ выгодныхъ операцій.

Вскорѣ къ частнымъ лицамъ въ поискахъ за концессіями присоединяются и земства. Въ 1866 г. Воронежское земство получило концессію на постройку Козлово-Воронежской дороги; въ 1867 г. Елецкое земство — на проведеніе линіи сначала отъ Грязей до Ельца, затѣмъ отъ Ельца до Орла. Въ этихъ случаяхъ земства дѣйствовали совершенно такъ же, какъ частные учредители, т.-е. добывали разрѣшеніе и перепродавали его частнымъ предпринимателямъ, наживая на этомъ крупные барыши. Поворотъ къ самостоятельному строительству со

стороны земствъ начинается съ проведенія Грязе-Царицынской дороги Борисоглѣбскимъ земствомъ (въ 1868—1869 г).

Къ началу 70-хъ годовъ и Россія пережила такую же желѣзнодорожную горячку, какъ и другія государства въ первые годы сооруженія желѣзнодорожной сѣти. Это было золотое время для спекулянтовъ и людей со связями, имѣвшихъ возможность выхлопотать выгодную концессію. Концессія пріобрѣталась не ради помѣщенія капитала въ желѣзнодорожныя предпріятія, а ради нея самой; акціонерныя общества, стоявшія во главѣ постройки желѣзной дороги, были по существу фиктивными. Въ нихъ обогащались лишь учредители, добывшіе концессію, а затѣмъ, когда дороги выстраивались, и акціи оставались за постоянными, «крѣпкими» владѣльцами, обнаруживалось обыкновенно, что дорога не можетъ дать ожидаемыхъ высокихъ доходовъ. Тогда обращались за помощью къ правительству, которое назначало субсидіи и гарантіи желѣзнодорожнымъ дѣятелямъ, поддерживая ихъ доходы деньгами, добываемыми налогами изъ народныхъ средствъ. Убытки, въ которые желѣзныя дороги вовлекались, благодаря злоупотребленіямъ при полученіи концессій и огромнымъ барышамъ учредителей, покрывались, такимъ образомъ, изъ народнаго кармана. Уже въ концѣ 60-хъ годовъ правительство вынуждено было тратить такую массу средствъ на поддержку частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, что оно продало даже въ частныя руки (Главному обществу) Николаевскую желѣзную дорогу для образованія достаточнаго фонда на нужды желѣзнодорожнаго дѣла. И въ данномъ случаѣ русскій капитализмъ

развивался при непосредственномъ содѣйствіи государства.

Жажда наживы влекла въ это время множество людей разнообразнаго общественнаго положенія къ центру всякихъ надеждъ — Петербургу, откуда разливалась широкимъ потокомъ золотая рѣка концессій и субсидій. Помимо ловкихъ дѣльцовъ-капиталистовъ, къ желѣзнымъ дорогамъ пристраивались и представители дворянства, искавшіе въ концессіяхъ возможности наверстать экономическія потери, понесенныя ими при отмѣнѣ крѣпостного права. Въ уставахъ желѣзнодорожныхъ компаній въ числѣ учредителей можно найти. кромѣ именъ капиталистовъ (купцовъ, банкировъ), цѣлый рядъ титулованныхъ и иныхъ старинныхъ дворянскихъ фамилій и именъ высокопоставленныхъ лицъ.

Погоня за легкой наживой счастливымъ учредительствомъ акціонернаго общества стала къ началу 70-хъ годовъ настолько замѣтнымъ явленіемъ въ русской жизни, что нашла себѣ отраженіе въ многочисленныхъ литературныхъ произведеніяхъ того времени. Въ сочиненіяхъ Некрасова, Салтыкова, Герпигорева (Сергѣя Атавы) мы находимъ не мало варіацій этого общаго типа дѣльца-афериста, прожигателя жизни, ловкаго владѣльца выгодной концессіи.

Война 1877—1878 годовъ обнаружила, подобно Крымской компаніи, огромныя неустройства въ различныхъ сферахъ нашей общественной жизни, въ томъ числѣ и въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Для подробнаго разслѣдованія вопроса о положеніи русскихъ желѣзныхъ дорогъ правительство назна-

чило специальную комиссію подъ предсѣдательствомъ гр. Баранова. Комиссія выяснила вредныя послѣдствія частнаго желѣзнодорожнаго строительства и рѣшительно высказалась въ пользу государственнаго вмѣшательства въ желѣзнодорожное дѣло.

Съ 80-хъ гг., поэтому, въ нашей желѣзнодорожной политикѣ наступаетъ рѣзкій поворотъ [1]). Правительство начинаетъ постройку новыхъ линій за собственный счетъ и выкупаетъ въ казну существующія частныя дороги. Къ концу царствованія Александра III изъ общаго количества 31.219 верстъ желѣзныхъ дорогъ (въ Европейской Россіи) въ казенномъ управленіи состояло 16.920 верстъ, т.-е. болѣе половины (52%) [2]). Однако, усиленное внима-

---

[1]) «Неустройство желѣзнодорожнаго у насъ дѣла въ финансовомъ отношеніи, — заявилъ въ началѣ 1881 года министръ финансовъ (Абаза) въ засѣданіи Комитета Министровъ,—дошло въ послѣднее время до крайнихъ предѣловъ. Изъ числа существующихъ желѣзнодорожныхъ обществъ не болѣе пяти-шести находятся въ столь удовлетворительномъ состояніи, что даютъ акціонерамъ извѣстную прибыль сверхъ гарантированнаго правительствомъ дохода, большинство же обременяютъ государственное казначейство требованіемъ гарантіи почти въ полномъ размѣрѣ, а весьма многія не имѣютъ даже достаточныхъ средствъ для удовлетворенія текущихъ эксплуатаціонныхъ расходовъ... Большинство нашихъ частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ существуетъ исключительно на казенные капиталы и представляетъ собою ненормальное явленіе: съ одной стороны—расходованія казенныхъ денегъ безъ достаточнаго контроля, а съ другой—частнаго управленія, не побуждаемаго къ улучшеніямъ личнымъ интересомъ...» («Наша желѣзнодорожная политика по документамъ архива Комитета Министровъ». Историч. очеркъ, сост. *Н. А. Кислинскимъ*, подъ гл. ред. *ст. с. Куломзина*, т. II, Спб., 1902 г., стр. 317—318).

[2]) «Наша желѣзнодорожная политика», т. III, стр. 325.

ніе правительства къ желѣзнодорожному дѣлу имѣло у насъ, благодаря особенностямъ нашего общественнаго строя, и отрицательныя стороны. Съ 90-хъ гг. (министерство С. Ю. Витте) развитіе русской желѣзнодорожной сѣти идетъ ускореннымъ темпомъ; за восемь лѣтъ — съ 1894 по 1902 г. — въ одной Европейской Россіи разрѣшалось къ постройкѣ въ среднемъ ежегодно по 2.264½ версты [1]). Такое чрезмѣрное строительство вызывалось не только сознаніемъ важности желѣзныхъ дорогъ для общаго экономическаго развитія Россіи, но и въ особенности стремленіемъ поддержать нашу желѣзную промышленность, не имѣющую прочныхъ корней въ спросѣ широкой массы населенія. Казенные заказы и вообще спросъ, создаваемый крайнимъ развитіемъ желѣзнодорожнаго дѣла, должны были замѣнить для металлургическихъ заводовъ недостатокъ спроса со стороны обычныхъ покупателей, удерживаемыхъ дороговизной мѣстныхъ издѣлій (благодаря таможенному покровительству) и слабостью покупательныхъ средствъ (у крестьянской массы). Поощреніе немногихъ заводчиковъ достигалось при этомъ чрезмѣрнымъ напряженіемъ общихъ финансовыхъ средствъ государства и урѣзываніемъ расходовъ на культурныя цѣли [2]). Наконецъ поспѣшное желѣзнодорожное строительство не могло не отразиться неблагопріятно и на самой технической сторонѣ дѣла. Постройка новыхъ желѣзныхъ путей во многомъ оказывается несовершенной;

[1]) *Тамъ же*, т. IV, стр. 175.

[2]) Мы уже имѣли случай говорить объ этомъ выше (въ восьмой лекціи).

отмѣчаются также и прямыя злоупотребленія, въ особенности при сооруженіи отдаленныхъ линій [1]).

II.

Мы познакомились съ историческимъ развитіемъ желѣзнодорожнаго дѣла въ Европѣ.

Прежде чѣмъ перейти къ выясненію экономическаго значенія желѣзныхъ дорогъ, я приведу нѣкоторыя статистическія данныя, указывающія на распространеніе этого средства транспорта на земномъ шарѣ.

По даннымъ послѣдняго времени (1903 г.) на землѣ насчитывалось всего около восьмисотъ шестидесяти тысячъ километровъ желѣзныхъ дорогъ, которыя распредѣлялись слѣдующимъ образомъ между различными частями свѣта (и важнѣйшими государствами въ ихъ предѣлахъ):

I. Европа	300.429	килом.
Германія	54.426	«
Европ. Россія (съ Финляндіей)	53.258	«

[1]) Не оправдались и надежды на доходы государства отъ желѣзныхъ дорогъ. Русскія желѣзныя дороги, въ противоположность прусскимъ, ложатся бременемъ на государственный бюджетъ. За пятилѣтіе 1897—1901 гг. желѣзнодорожное хозяйство, не говоря о громадныхъ капитальныхъ затратахъ по чрезвычайному бюджету, по текущимъ доходамъ и расходамъ, связаннымъ съ казеннымъ желѣзнодорожнымъ хозяйствомъ, принесло по государственному бюджету 322,7 милл. руб. дефицита, при чемъ ежегодный убытокъ обнаружилъ сильную тенденцію къ возрастанію, увеличившись съ 55,4 милл. руб. въ 1897 г. до 91,7 милл. въ 1901 г. «Параллели и контрасты». «Народное Хозяйство», янв.—февр. 1903 г. стр. 125. Относительно недостатковъ, ошибокъ и злоупотребленій въ новѣйшемъ желѣзнодорожномъ строительствѣ въ Россіи см. *П. П. Мигулинъ*: «Наша новѣйшая желѣзнодорожная политика и желѣзнодорожные займы» (1893—1902). Харьковъ, 1903 г.

	Францiя	45.226	килом.
	Австро-Венгрiя	38.818	«
	Великобританiя и Ирландiя . .	36.148	«
II.	Америка	432.618	«
	Соед. Штаты Сѣв. Ам.	334.634	«
	Канада	30.696	«
	Аргентинская респуб.	17.377	«
	Мексика	16.668	«
	Бразилiя	15.076	«
III.	Азiя	74.546	«
	Британская Индiя	43.372	«
	Сибирь и Манджурiя	9.116	«
	Русскiя Средне-азiат. влад. . . .	2.669	«
	Японiя	7.026	«
	Малая Азiя съ Сирiей	3.233	«
	Персiя	54	«
IV.	Африка	25.039	«
	Египетъ	4.752	«
	Алжиръ и Тунисъ	4.894	«
	4. брит. колонiи въ Юж. Африкѣ.	9.943	«
V.	Австралiя	26.723	«
	Всего на землѣ .	859.355	кил. [1])

Приведенныя данныя не указываютъ, однако, сравнительныхъ степеней снабженiя различныхъ странъ желѣзными дорогами. Для этого ихъ необходимо привести къ общимъ основанiямъ. Обыкновенно выводятъ отношенiе длины желѣзныхъ дорогъ къ пространству и населенiю страны. Зная, сколько

[1]) Archiv für Eisenbahnwesen. Berlin, 1905, стр. 508—513. Приблизительно къ тому же времени (1903 г.) общая сумма капитала, вложеннаго въ желѣзныя дороги всего мiра, опредѣлялась болѣе, чѣмъ въ 150 миллiардовъ марокъ. Тамъ же стр. 514—515.

километровъ желѣзныхъ дорогъ приходится на единицу пространства и на опредѣленное количество жителей въ каждой изъ сравниваемыхъ странъ, мы легко можемъ судить, которыя изъ нихъ лучше снабжены желѣзными путями, которыя хуже.

Располагая государства предыдущей таблицы по этимъ признакамъ, мы увидимъ, что они размѣстятся уже въ иномъ порядкѣ, а именно (для краткости ограничимся только приведенными выше пятью европейскими государствами):

	Приходилось килом. ж. д. на 100 кв. кил.	на 10.000 жит.
Великобританія и Ирландія .	11,5	8,7
Германія	10,1	9,6
Франція	8,4	11,6
Австро-Венгрія	5,7	8,2
Европ. Россія (съ Финляндіей)	0,9	4,6 [1])

Какъ видно, несмотря на усиленное строительство послѣдняго времени, степень снабженія Россіи желѣзными дорогами все еще значительно отстаетъ отъ плотности желѣзнодорожной сѣти великихъ европейскихъ державъ.

Какова же роль желѣзнодорожнаго транспорта въ экономической жизни? Что новаго вноситъ онъ въ современныя хозяйственныя отношенія, въ чемъ выражается его вліяніе на общій ходъ промышленнаго развитія народовъ?

Для того, чтобы отвѣтить на эти вопросы, намъ необходимо прежде всего выяснить существенныя особенности желѣзнодорожнаго транспорта.

Первой чертой желѣзныхъ дорогъ, выгодно отличающей ихъ отъ другихъ сухопутныхъ средствъ

[1]) Archiv für Eisenbahnwesen, 1905, стр. 508—513.

сообщенія, является дешевизна перевозки. Стоимость гужевсго провоза въ Россіи составляетъ въ настоящее время въ среднемъ около $^1/_{10}$ коп. съ пуда клади за версту пути, или, какъ говорятъ обыкновенно, съ пудо-версты; на желѣзныхъ дорогахъ перевозка обходится всего въ $^1/_{40}$ и даже до $^1/_{100}$ коп. съ пудо-версты (т.-е. вчетверо, а иногда и вдесятеро дешевле).

Второе удобство желѣзныхъ дорогъ — небывалея ранѣе быстрота транспорта.

Во Франціи, при превосходныхъ шоссейныхъ дорогахъ, движеніе на лошадяхъ (въ дилижансахъ) въ среднемъ не превышало 15—16 килом. въ часъ. Вообще же среднее движеніе лошади можно принять въ пассажирскомъ транспортѣ около 10 верстъ въ часъ. Между тѣмъ пассажирскіе поѣзда западно-европейскихъ желѣзныхъ дорогъ дѣлаютъ обыкновенно около 50 верстъ въ часъ, а скорость курьерскихъ поѣздовъ доходитъ до 100 верстъ въ часъ.

Что касается товарнаго движенія, то даже на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, не отличающихся большой скоростью, норма пробѣга поѣздовъ опредѣляется въ 240 вер. въ сутки, что конечно, значительно превышаетъ разстояніе, доступное для гужевой перевозки.

Третья благопріятная особенность желѣзнодорожнаго транспорта—это способность къ массовой перевозкѣ. Благодаря приспособленію пути (рельсамъ) и примѣненію парового двигателя, представляется возможность развивать заразъ огромную механическую силу, т.-е. перемѣщать, съ помощью единаго двигателя, въ одинъ пріемъ громадныя количества грузовъ.

Въ-четвертыхъ, желѣзныя дороги создали впервые необыкновенную регулярность движенія. Благодаря возможности всегда совершенно точно разсчитать прибытіе поѣзда, время отхода и прихода поѣздовъ опредѣляется не только часами, но минутами, чего, конечно, не могло быть въ самомъ совершенномъ шоссейномъ сообщеніи. Что же касается обыкновенныхъ дорогъ, то весенняя распутица или осеннее бездорожье вносятъ огромную неточность въ доставку товаровъ, создавая всегда весьма значительныя, а иногда и совершенно непреодолимыя препятствія движенію. Даже рѣчной транспортъ, при всѣхъ его удобствахъ, благодаря замерзанію рѣкъ, представляется, въ особенности въ такихъ странахъ, какъ Россія, недостаточнымъ средствомъ сообщенія. Для желѣзной дороги не существуетъ подобныхъ препятствій. Поѣзда идутъ круглый годъ, и никакія измѣненія погоды не въ силахъ задержать на сколько-нибудь значительное время обычный ходъ желѣзнодорожнаго движенія.

Наконецъ, необходимо отмѣтить и еще одно важное свойство желѣзнодорожнаго транспорта — его сравнительную безопасность.

Эта черта на первый взглядъ покажется невѣроятной, если мы припомнимъ поражающіе случаи грандіозныхъ желѣзнодорожныхъ катастрофъ и сопоставимъ ихъ съ мирнымъ движеніемъ запряженнаго лошадьми экипажа. Однако, болѣе внимательное наблюденіе показываетъ, что не только для товарнаго движенія, но и для пассажирскаго желѣзныя дороги представляются болѣе безопаснымъ средствомъ сообщенія, чѣмъ, напр., шоссейные пути, если сравнить количество проѣзжающихъ

пассажировъ на тѣхъ и другихъ дорогахъ. По статистическимъ изслѣдованіямъ, произведеннымъ во Франціи надъ сравнительной безопасностью желѣзнодорожнаго и шоссейнаго движенія (въ дилижансахъ), оказалось, что съ 1835 года по 1875 годъ на пять милліоновъ желѣзнодорожныхъ пассажировъ приходился одинъ убитый и одинъ раненый—на 580.000; тогда какъ въ почтовомъ сообщеніи одинъ убитый приходился на 355.463 пассажира и одинъ раненый—на 29.571.

Что же касается перевозки товаровъ, то ея удобства при желѣзнодорожномъ сообщеніи, конечно, представляются настолько очевидными, что на нихъ не стоитъ останавливаться.

Необходимо отмѣтить также и повышеніе комфорта при пассажирскомъ движеніи, что, независимо отъ быстроты переѣзда, значительно облегчаетъ отдаленное путешествіе по желѣзнымъ дорогамъ.

Принимая въ соображеніе указанныя свойства желѣзнодорожнаго транспорта, намъ не трудно уже будетъ отдать себѣ отчетъ и въ его значеніи для народнаго хозяйства. Благодаря дешевизнѣ и другимъ выгоднымъ свойствамъ желѣзнодорожныхъ сообщеній, районъ сбыта товаровъ значительно расширяется. Въ особенности это имѣетъ мѣсто по отношенію къ сбыту малоцѣнныхъ и легко портящихся продуктовъ. Большая масса товаровъ, обращающихся на современномъ рынкѣ, не выноситъ издержекъ провоза на сколько-нибудь значительное разстояніе даже въ шоссейномъ сообщеніи; желѣзныя дороги устраняютъ это препятствіе.

Насколько проведеніе желѣзныхъ дорогъ увеличиваетъ область сбыта товаровъ, легко можно

видѣть изъ слѣдующаго чертежа. Представимъ себѣ, что желѣзная дорога взимаетъ за перевозку въ четыре раза меньшую плату, чѣмъ какую приходится вносить при гужевомъ сообщеніи. Тогда область сбыта товаровъ при желѣзнодорожномъ транспортѣ будетъ относиться къ площади гужевой перевозки, какъ кругъ съ четверо бо̀льшимъ радіусомъ къ кругу, радіусъ котораго принять за единицу. Аналогичное вліяніе оказываетъ и быстрота перевозки. Если какой-нибудь продуктъ (напр., свѣжіе овощи) можетъ сохраняться при перевозкѣ не долѣе сутокъ, то при гужевомъ подвозѣ онъ можетъ доставляться изъ района съ радіусомъ самое большее въ 50—60 верстъ, а при желѣзнодорожномъ сообщеніи—изъ мѣстъ, удаленныхъ отъ пункта сбыта на цѣлыя сотни верстъ.

Указанное расширеніе сбыта производитъ рядъ весьма важныхъ послѣдствій прежде всего въ самой области обмѣна,—при установленіи товарныхъ цѣнъ. Цѣны на продукты сельскаго хозяйства уравниваются; между различными областями государства (и даже между различными государствами), при надлежащемъ развитіи желѣзнодорожнаго транспорта, нѣтъ уже тѣхъ рѣзкихъ колебаній въ уровнѣ цѣнъ, какія существовали при прежнихъ несовершенныхъ путяхъ сообщенія. Если при гужевой перевозкѣ доставка хлѣба обходилась $^1/_{10}$ коп. съ пудо-версты, то при перевозкѣ на пятисотверстное разстояніе стоимость пуда хлѣба должна была возрасти на 50 коп. Слѣдовательно, при какомъ угодно объемѣ подвоза хлѣба изъ наиболѣе плодородныхъ мѣстностей въ области со скудной почвой цѣны на хлѣбъ въ этихъ послѣд-

нихъ не могли значительно упасть. Поэтому не было и возможности практиковать такой подвозъ изъ отдаленныхъ мѣстностей даже въ случаяхъ необыкновенно обильнаго урожая. Въ то время какъ въ однѣхъ мѣстностяхъ чувствовался недостатокъ въ хлѣбѣ, и цѣны на него были чрезвычайно дороги, въ другихъ, наоборотъ, могъ существовать избытокъ и крайне низкія цѣны. Если же наши районы были бы соединены желѣзной дорогой, тотчасъ же условія сбыта хлѣба, а съ ними и хлѣбныя цѣны должны были бы измѣниться.

Если бы желѣзныя дороги стали брать, допустимъ, $^1/_{50}$ коп. съ пудо-версты, то при перевозкѣ на прежнее разстояніе (въ пятьсотъ верстъ) цѣна пуда хлѣба поднялась бы уже не на 50 коп., а только на 10 коп. Отсюда и границей въ различіяхъ цѣнъ на хлѣбъ въ обоихъ разсматриваемыхъ районахъ стала бы впятеро меньшая величина. Давая возможность доставлять хлѣбъ изъ отдаленныхъ мѣстностей, желѣзная дорога, такимъ образомъ, значительно понизила бы цѣну на него въ мѣстахъ спроса. Если, напр., разница въ цѣнѣ хлѣба въ этихъ мѣстностяхъ составляла 30 коп. (при которой гужевая перевозка была совершенно невозможной), то при желѣзнодорожномъ подвозѣ хлѣба цѣна его упала бы, согласно нашему примѣру, на цѣлыхъ 24 коп. съ пуда. Въ мѣстахъ отправки хлѣба наблюдалось бы обратное явленіе; такъ какъ проведеніе желѣзной дороги открывало бы возможность продавать часть собираемаго хлѣба въ другихъ отдаленныхъ мѣстностяхъ, то количество его, предлагаемое на продажу въ своемъ мѣстномъ районѣ, нѣсколько сократилось бы, а въ

результатѣ этого поднялась бы его цѣна. Итакъ, проведеніе желѣзной дороги способствуетъ пониженію цѣнъ на хлѣбъ въ мѣстахъ его сбыта и повышенію въ мѣстахъ, отправляющихъ свой хлѣбъ на продажу.

Чѣмъ дешевле и удобнѣе желѣзнодорожная перевозка хлѣба, тѣмъ больше уравниваются цѣны на хлѣбъ въ самыхъ удаленныхъ другъ отъ друга уголкахъ страны. Все меньше и меньше становится разница въ цѣнахъ на хлѣбъ, существующихъ въ различныхъ государствахъ. Вовлеченныя въ обширную сѣть мірового оборота, отдѣльныя государства культурнаго міра представляются какъ бы сосѣд ними провинціями одной страны,— до такой сте пени сглаживаются существовавшія между нимг различія въ области хлѣбной торговли.

Слѣдующая табличка цѣнъ на хлѣбъ въ Англіи Франціи и Австріи за время проведенія желѣзныхъ дорогъ наглядно покажетъ, какъ сильно нивеллирующее вліяніе желѣзнодорожнаго транспорта.

(Цѣны на пшеницу въ австрійскихъ гульденахъ за гектолитръ).

Годы.	Англія.	Франція.	Австрія.
1821—30	10,25	7,35	4,81
1831—40	9,60	7,61	7,81
1841—50	9,16	7,89	6,71
1851—60	9,40	8,55	8,94
1861—70	8,80	8,59	8,33 [1]).

Помимо постоянной тенденціи къ уравненію хлѣбныхъ цѣнъ, желѣзныя дороги играютъ огромную роль въ случаяхъ временныхъ потрясеній хлѣбнаго

---

[1]) *Emil Sax*, Die Verkehrsmittel in Volks-und Staatswirthschaft, II, Wien, 1879, стр. 21.

производства. До сооруженія желѣзныхъ дорогъ неурожайные годы создавали чрезвычайный подъемъ цѣнъ на хлѣбъ въ неурожайныхъ мѣстностяхъ, тогда какъ болѣе счастливыя области, обладавшія избытками хлѣба, благодаря дороговизнѣ перевозки, не имѣли возможности доставлять свой хлѣбъ въ тѣ части страны, гдѣ на него былъ огромный спросъ.

Для народнаго хозяйства замкнутаго типа, лишеннаго улучшенныхъ средствъ сообщенія, была въ принципѣ справедлива извѣстная формула Грегори Кинга, по которой при дефицитѣ урожая въ 10, 20, 30, 40, 50% наступаетъ гораздо большее повышеніе цѣнъ, а именно на 30, 80, 160, 280, 450%. Конечно, и для того времени эта формула была вѣрна не буквально, а лишь въ смыслѣ выраженія тенденціи движенія хлѣбныхъ цѣнъ въ зависимости отъ неурожая. Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ эта формула стала уже неприложима къ хлѣбнымъ цѣнамъ. Желѣзныя дороги даютъ возможность доставкой во-время требуемаго количества хлѣба значительно понизить на него цѣну въ районѣ, постигнутомъ неурожаемъ. Иногда бываетъ достаточно привоза даже очень незначительнаго запаса, чтобы цѣны сразу понизились.

Все, что было сказано относительно хлѣба, можетъ быть примѣнено и къ перевозкѣ другихъ малоцѣнныхъ или громоздкихъ товаровъ. Напр., перевозка каменнаго угля, желѣза, строительныхъ матеріаловъ съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ стала возможна на такихъ разстояніяхъ, которыя при прежнихъ средствахъ сообщенія были совершенно непреодолимы. Сухопутная перевозка лѣсныхъ матеріаловъ на далекое разстояніе при грунтовыхъ

путяхъ была совершенно немыслима. Въ настоящее же время, напр., лѣсные матеріалы перевозятся по желѣзнымъ дорогамъ съ Карпатовъ на Рейнъ, въ Южную Германію и во Францію.

Что касается каменнаго угля, то потребности его перевозки, какъ мы знаемъ, были главнымъ стимуломъ, побудившимъ къ изобрѣтенію желѣзнодорожнаго транспорта. Зависимость увеличенія добыванія угля отъ проведенія желѣзныхъ дорогъ можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра:

	Въ 1845 г.	Въ 1875 г.	Увеличеніе въ %.
Въ Великобританіи добывалось каменнаго угля (въ милліон. центнеровъ)	630	2.500	296,9%.
Было желѣзныхъ дорогъ (въ километрахъ)	4.082	26.870	558,2%.

То же замѣчается въ большей или меньшей степени и въ другихъ странахъ. Большая прогрессія желѣзныхъ дорогъ указываетъ, съ одной стороны, что желѣзныя дороги существуютъ не въ однихъ угольныхъ районахъ, съ другой—что важнѣйшія линіи для перевозки каменнаго угля были выстроены рано, и что дальнѣйшее расширеніе сѣти имѣло уже другія цѣли [1]). Такое же вліяніе желѣзныя дороги имѣли и на добычу желѣза.

Отсюда возникаютъ дальнѣйшія, чрезвычайно важныя послѣдствія въ области не только обмѣна, но и производства разнаго рода товаровъ современной индустріи. Благодаря удешевленію доставки сырыхъ матеріаловъ, употребляемыхъ въ различ-

---

[1]) *E. Sax*, указ. соч., стр. 53 — 55.

ныхъ производствахъ, и, слѣдовательно, значительному пониженію цѣнъ на нихъ, удешевляется и производство изготовляемыхъ съ ихъ помощью издѣлій. Особенно важное значеніе имѣетъ дешевизна угля и желѣза, которые представляютъ необходимѣйшій матеріалъ для современной промышленности. Производство страны, располагающей желѣзными дорогами, расширяется; поэтому во всѣхъ странахъ желѣзныя дороги значительно поднимаютъ производительныя силы страны, а вмѣстѣ съ тѣмъ способствуютъ и концентрированію промышленности. Крупная промышленность, располагая обширнымъ райономъ сбыта и дешевыми сырыми матеріалами, гораздо легче вытѣсняетъ мелкое производство, чѣмъ при несовершенныхъ путяхъ сообщенія. Напр., желѣзныя дороги способствовали не только расширенію перевозки хлѣба и другихъ продуктовъ сельской промышленности, но и образованію крупныхъ промышленныхъ предпріятій, связанныхъ съ земледѣліемъ. Пивоваренные и водочные заводы, мельницы и т. п. предпріятія прежде имѣли мелкіе размѣры и были разбросаны по всей странѣ, сохраняя чисто мѣстный характеръ, такъ какъ вырабатываемые ими продукты (за исключеніемъ только спирта) не могли быть перевозимы на далекое разстояніе. Желѣзныя дороги создали возможность такой перевозки и тѣмъ самымъ открыли путь для созданія крупныхъ предпріятій, разсчитанныхъ на обширный и отдаленный сбытъ продуктовъ. А вмѣстѣ съ крупными предпріятіями шло усовершенствованіе техники. Паровыя мельницы являются, напр., вполнѣ продуктомъ желѣзнодорожнаго транспорта. Обработка глины въ крупныхъ предпрія-

тіяхъ, крупныя стеклянныя и цементныя фабрики и т. п. стали также возможны только съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ[1]). Но и въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ крупныя предпріятія существовали уже ранѣе, устройство желѣзныхъ путей значительно усилило ихъ въ борьбѣ съ мелкими предпріятіями. Рельсовые пути становятся могучимъ факторомъ развитія капиталистическаго хозяйства и вообще преобразованія старыхъ хозяйственныхъ отношеній и условій. Удобства сбыта товаровъ способствуютъ быстрому переходу натуральнаго хозяйства въ мѣновое; съ другой стороны, самый обмѣнъ принимаетъ болѣе совершенныя формы. Ярмарки приходятъ въ упадокъ и замѣняются постоянными мѣновыми отношеніями; количество торговыхъ посредниковъ значительно сокращается. Въ то же время обнаруживаются и темныя стороны новѣйшихъ хозяйственныхъ отношеній — развивается спекуляція, погоня за случайными выгодами, благодаря возможности быстро доставить товаръ въ такія мѣстности, гдѣ на него почему-либо поднялся спросъ. При конкуренціи многихъ товароотправителей надежды на барышъ оказываются часто ошибочными, и многимъ менѣе счастливымъ предпринимателямъ, въ концѣ-концовъ, достаются только лишнія потери.

Измѣненія въ хозяйственномъ строѣ обыкновенно отражаются и на всей физіономіи страны. Изъ патріархально-деревенской она превращается подъ вліяніемъ желѣзнодорожнаго транспорта въ довольно короткое время въ страну промышленно-городской цивилизаціи. Уменьшеніе издержекъ пе-

---

[1]) *E. Sax*, указ. соч., стр. 67—69.

ревозки товаровъ производитъ къ тому, что производство все болѣе и болѣе специализируется, сосредоточиваясь въ такихъ пунктахъ, гдѣ по мѣстнымъ условіямъ наиболѣе выгодно изготовленіе того или иного продукта. Страна разбивается на цѣлый рядъ спеціальныхъ промышленныхъ районовъ (районъ хлопчатобумажной промышленности, каменноугольной, желѣзодѣлательной, свеклосахарной, машиностроительной и т. п.). Въ каждомъ изъ такихъ районовъ производство концентрируется въ немногихъ сравнительно пунктахъ (большихъ городахъ), и, такимъ образомъ, страна покрывается мало-помалу сѣтью крупныхъ промышленныхъ центровъ. Намъ уже приходилось раньше упоминать о ростѣ городовъ, какъ о характерномъ явленіи въ современной экономической эволюціи. Поэтому мы и не будемъ останавливаться здѣсь на этомъ вопросѣ. Замѣчу только, что и культуное значеніе современнаго города, такъ же какъ и его промышленное развитіе, стоитъ въ тѣсной связи съ желѣзнодорожнымъ (и вообще усовершенствованнымъ) транспортомъ. Легкость сообщенія притягиваетъ въ современный городъ много такихъ культурныхъ силъ, которыя иначе не имѣли бы возможности въ немъ появиться. Вспомнимъ, напр., что современная система распространенія университетскаго образованія въ народныхъ массахъ въ Англіи въ значительной мѣрѣ обязана быстрому желѣзнодорожному сообщенію. Только при скорости переѣзда изъ университетскихъ центровъ въ другіе города явилась возможность устроить въ широкомъ масштабѣ организацію подвижныхъ лекцій, при которой лекторъ, закончивъ свой курсъ въ одномъ городѣ,

черезъ нѣсколько дней можетъ вести его уже въ другомъ. То же самое можно сказать и относительно политической дѣятельности. Современному депутату парламента или другому общественному дѣятелю можно безъ особенныхъ затрудненій появляться вовремя во всѣхъ мѣстахъ, въ какія его призываютъ его обязанности. Благодаря желѣзнымъ дорогамъ, развивалась и періодическая пресса — этотъ могучій двигатель культурнаго развитія современныхъ націй. Быстрота доставки газетъ изъ центровъ въ глухія мѣстности пріучила къ чтенію текущихъ извѣстій жителей самыхъ захолустныхъ уголковъ. Но если во внутренней жизни страны желѣзныя дороги даютъ сильный толчокъ развитію новыхъ экономическихъ и культурныхъ условій, то не менѣе важную роль играютъ онѣ и въ международныхъ отношеніяхъ. Постройка желѣзныхъ дорогъ быстро превращаетъ страну изъ земледѣльческой, вывозящей сырые матеріалы и ввозящей обработанныя издѣлія, въ промышленную страну, которая сама является уже поставщикомъ продуктовъ обрабатывающей промышленности на внѣшній рынокъ. Условія международной торговли измѣняются къ невыгодѣ странъ, занимавшихъ по своимъ историческимъ условіямъ привилегированное положеніе на внѣшнемъ рынкѣ. Такъ случилось, напр., съ Германіей и Англіей. Еще недавно Англія пользовалась монополіей на международномъ рынкѣ. Выгоды морского транспорта, въ связи съ усовершенствованными сухопутными сообщеніями, давали ей возможность снабжать своими товарами разнообразнѣйшіе уголки земного шара. Не мало товаровъ отправляла она въ первой половинѣ текущаго сто-

лѣтія и въ Германію. Между прочимъ, въ значительной части изъ англійскаго желѣза были построены и германскіе рельсовые пути. Однако, способствуя развитію въ Германіи желѣзнодорожнаго дѣла, Англія создала себѣ изъ этой страны опаснаго конкурента на международномъ рынкѣ. Подъ вліяніемъ улучшенныхъ условій транспорта въ Германіи быстро развились многочисленныя отрасли крупной обрабатывающей промышленности, такъ что въ настоящее время нѣмцы не только сократили покупку у англичанъ ихъ обработанныхъ издѣлій, но уже сами продаютъ имъ разнообразные продукты индустріи, а также успѣшно конкурируютъ съ ними и въ колоніальной (вообще внѣшней) торговлѣ.

Такова роль желѣзнодорожнаго транспорта въ экономической жизни современныхъ культурныхъ народовъ. Рельсовые пути ускоряютъ темпъ развитія капиталистическаго производства, облегчая упроченіе новыхъ хозяйственныхъ формъ не только въ странахъ старой культуры, но и въ государствахъ, недавно пріобщенныхъ къ общему теченію, едва только вышедшихъ изъ стадіи патріархальнаго экономическаго режима.

Выяснивъ особенности желѣзныхъ дорогъ и ихъ роль въ хозяйственныхъ отношеніяхъ, мы можемъ уже перейти къ вопросу объ организаціи желѣзнодорожныхъ предпріятій. Въ историческомъ очеркѣ мы указывали, что желѣзныя дороги нигдѣ не выдерживали типа обыкновенныхъ промышленныхъ предпріятій, т.-е. нигдѣ не основывались цѣликомъ на примѣненіи приципа свободной конкуренціи. За первыми попытками устраивать конкурирующія

линіи слѣдовало обыкновенно сліяніе отдѣльныхъ компаній въ крупныя монопольныя организаціи. Во многихъ случаяхъ желѣзныя дороги брало въ свои руки государство. Намъ и необходимо теперь отдать себѣ отчетъ, какая изъ этихъ формъ представляется наиболѣе соотвѣтствующей сущности желѣзнодорожнаго дѣла, иначе говоря, которая изъ нихъ лучше всего отвѣчаетъ выгодамъ народнаго хозяйства, какъ цѣлаго, а не интересамъ отдѣльныхъ классовъ или группъ населенія.

Относительно вопроса о свободной конкуренціи между желѣзнодорожными предпріятіями въ настоящее время уже не существуетъ никакихъ споровъ. Представители самыхъ разнообразныхъ направленій въ экономической литературѣ совершенно сходятся въ убѣжденіи, что желѣзная дорога, по существу своему, представляетъ монопольное предпріятіе. Каждая линія требуетъ затраты настолько значительнаго постояннаго капитала, что двѣ конкурирующія линіи, проведенныя между одними и тѣми же пунктами, ни при какихъ условіяхъ не могли бы окупить издержекъ. Съ другой стороны, капиталъ, затраченный на сооруженіе желѣзной дороги, представляетъ въ огромной своей части настолько прочное закрѣпленіе съ даннымъ мѣстомъ, что его нѣтъ возможности извлечь изъ предпріятія и обратить на другія цѣли, если желѣзная дорога будетъ приносить убытки. Затраты на земляныя работы, составляющія крупную статью расхода при устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, на спеціальныя зданія и т. п. не могутъ быть превращены въ иную форму и должны считаться совершенно потерянными, если сдѣлавшій ихъ капиталистъ пожелаетъ взяться за другое промышленное дѣло.

Отсюда естественнымъ принципомъ желѣзнодорожнаго хозяйства представляется только монополія. Что же слѣдуетъ считать наиболѣе желательнымъ — передачу ли этой монополіи частнымъ предпріятіямъ, или сосредоточеніе ея въ рукахъ государства?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ дается также особенностями желѣзнодорожнаго транспорта.

Во-первыхъ, желѣзныя дороги не могутъ быть, безъ ущерба для всего народнаго хозяйства, сооружаемы стихійно, по мѣрѣ появленія желаній у частныхъ капиталистовъ соединить рельсовыми путями тѣ или другіе пункты. Необходимъ тщательно обдуманный общій планъ желѣзнодорожной сѣти, который съ наименьшими затратами давалъ бы возможность достигать наибольшихъ результатовъ въ смыслѣ удобства и дешевизны сообщенія между различными мѣстностями страны. Желательно, чтобы не упускалась изъ виду постройка и такихъ линій, которыя сами по себѣ могутъ давать лишь незначительный доходъ, но представляются чрезвычайно важными въ общей системѣ путей. Очевидно, что при предоставленіи постройки желѣзныхъ дорогъ частной предпріимчивости, главное вниманіе будетъ обращено только на линіи, обѣщающія большой доходъ, и что, слѣдовательно, желѣзнодорожная сѣть будетъ страдать крупными пробѣлами. Если же государство передастъ постройку доходныхъ дорогъ частнымъ компаніямъ, а малодоходныя оставитъ за собой, то, при такихъ условіяхъ, на государство (т.-е. на плательщиковъ налоговъ, доставляющихъ средства государству) будетъ возложенъ совершенно лишній расходъ. Госу-

дарство не можетъ ставить своей задачей поощреніе прибылей частныхъ лицъ въ ущербъ своимъ собственнымъ интересамъ. Такимъ образомъ, если планомѣрность сѣти въ нѣкоторыхъ частяхъ (и то благодаря государственному вмѣшательству) и можетъ быть достигнута при частномъ желѣзнодорожномъ строительствѣ, то полнота ея, при господствѣ этого принципа, была бы осуществлена только на счетъ крупныхъ пожертвованій со стороны государства, чего, конечно, нельзя считать ни раціональнымъ, ни желательнымъ.

Во-вторыхъ, желѣзныя дороги, какъ мы знаемъ, оказываютъ огромное вліяніе на различныя стороны экономической жизни. Отъ выбора направленія желѣзной дороги зависитъ процвѣтаніе или упадокъ многихъ весьма важныхъ отраслей промышленности. Государство не можетъ равнодушно смотрѣть на такія послѣдствія, связанныя съ желѣзнодорожнымъ движеніемъ. Для частной компаніи вся цѣль дѣятельности заключается единственно въ извлеченіи наивысшаго дохода; государство же постоянно имѣетъ въ виду общіе экономическіе интересы страны. Поэтому, съ точки зрѣнія интересовъ всего народнаго хозяйства, государство можетъ вести желѣзнодорожное дѣло гораздо лучше, чѣмъ частныя компаніи, для которыхъ забота о благосостояніи страны стоитъ совершенно внѣ ихъ дѣловыхъ разсчетовъ.

Въ третьихъ, частная предпріимчивость, какъ мы и видѣли уже изъ историческаго очерка развитія желѣзныхъ дорогъ, обыкновенно не можетъ справиться одними собственными силами съ той трудной задачей, которую она себѣ ставитъ. Обыкновенно

желѣзнодорожныя компаніи пользуются крупными пособіями (субсидіями, гарантіями %) со стороны государства. Если государству приходится безъ всякой выгоды для себя затрачивать огромные капиталы на поддержку частныхъ компаній, то не лучше ли обратить ихъ прямо на сооруженіе казенныхъ дорогъ, доходы съ которыхъ могутъ окупать сдѣланныя затраты?

Наконецъ, нельзя не отмѣтить еще одного неудобства частной предпріимчивости въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Огромные капиталы, помѣщенные частными лицами въ желѣзнодорожныя сооруженія, оказываютъ существенное вліяніе на весь денежный рынокъ страны и на государственные финансы. Большія суммы платежей по обязательствамъ желѣзныхъ дорогъ, заключеннымъ въ металлической валютѣ, могутъ оказывать неблагопріятное дѣйствіе на разсчетный балансъ государства и тѣмъ невыгодно вліять на курсъ бумажныхъ денегъ. Кредитъ государства можетъ страдать отъ чрезмѣрнаго развитія помѣщенія капиталовъ въ бумаги частныхъ предпріятій. Вообще же обращеніе на рынкѣ огромнаго количества цѣнныхъ бумагъ, принадлежащихъ частнымъ компаніямъ, усиливаетъ неустойчивость мѣновыхъ отношеній, поощряетъ развитіе биржевой спекуляціи. Насколько вредно для интересовъ народнаго хозяйства такое положеніе желѣзнодорожнаго дѣла, можно видѣть хотя бы изъ исторіи русскаго желѣзнодорожнаго строительства (учредительскіе барыши). Частная предпріимчивость при постройкѣ рельсовыхъ путей еще болѣе подчеркиваетъ плутократическій характеръ народной жизни, свойственный капиталистической эпохѣ.

Государство не можетъ относиться безразлично къ подобнымъ явленіямъ; его интересы настойчиво требуютъ вмѣшательства и сознательнаго регулированія экономическихъ отношеній, гдѣ только такая политика представляется осуществимой по современныхъ соціальнымъ условіямъ. Въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ она не только возможна, но прямо выгодна, даже въ коммерческомъ смыслѣ. Государство, сосредоточивая въ своихъ рукахъ желѣзныя дороги, способствуетъ выгодамъ всего народнаго хозяйства и вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ надежный источникъ дохода отъ веденія этого дѣла.

Нельзя не отмѣтить, наконецъ, еще одного соображенія, говорящаго въ пользу государственныхъ желѣзныхъ дорогъ. Помимо экономическихъ вліяній, желѣзныя дороги имѣютъ и немаловажное стратегическое и общекультурное значеніе. Частныя компаніи, по существу своихъ стремленій, не могутъ, конечно, преслѣдовать постройкой и пріемами управленія желѣзными дорогами подобныхъ цѣлей; ихъ можетъ ставить только государство. Нельзя, поэтому, не признать, что наиболѣе разумной желѣзнодорожной политикой представляется система, принятая за послѣднее время Пруссіей и Россіей, именно, сосредоточеніе желѣзныхъ дорогъ въ рукахъ правительства. Единственное возраженіе, какое можно сдѣлать противъ этой системы, заключается въ указаніи на недостатки, вообще, правительственной дѣятельности въ извѣстной странѣ. Если администрація вноситъ во всякое дѣло канцелярскую рутину и бюрократическій формализмъ, то, конечно, и управленіе желѣзными дорогами будетъ

страдать такими же недостатками. Противъ этого можно, однако, замѣтить, что и дѣятельность частныхъ компаній въ такихъ странахъ не отличается особенными достоинствами, а злоупотребленія съ ихъ стороны представляются гораздо болѣе вѣроятными [1]).

Такимъ образомъ, исходя изъ сущности желѣзнодорожнаго транспорта, наилучшей формой его организаціи (какъ системы предпріятій) должно признать сосредоточеніе желѣзныхъ дорогъ въ рукахъ государства [2]).

Зная роль желѣзныхъ дорогъ въ народохозяйственныхъ отношеніяхъ, нетрудно уже оцѣнить значеніе и другихъ улучшенныхъ средствъ транспорта. Среди нихъ обращаетъ на себя особенное вниманіе паровое (въ частности морское) судоходство. Къ выгодамъ, которыя мы отмѣчали при характеристикѣ желѣзныхъ дорогъ, въ паровомъ судоходствѣ необходимо еще присоединить наивысшую приспособленность пути (минимальное треніе), благо-

---

1) Установленныя положенія не могутъ быть поколеблены и указаніемъ на недостатки желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи послѣдняго времени. Чрезмѣрное развитіе желѣзнодорожной сѣти въ ущербъ другимъ насущнымъ интересамъ большинства населенія было бы возможно и при преобладаніи частнаго желѣзнодорожнаго строительства, причемъ оно осложнилось бы еще указанными выше недостатками частныхъ желѣзныхъ дорогъ.

2) До сихъ поръ мы говорили о желѣзныхъ дорогахъ въ смыслѣ путей, соединяющихъ различные населенные пункты. Но развитіе городовъ создало потребность въ такъ называемыхъ мелкихъ желѣзныхъ путяхъ, имѣющихъ своимъ назначеніемъ облегчить жителямъ города передвиженіе по городской территоріи. Сосредоточеніе магазиновъ, конторъ, складовъ и т. п. въ извѣстныхъ частяхъ города требуетъ пере-

даря чему водный транспортъ оказывается наиболѣе дешевымъ средствомъ сообщенія. Въ отличіе отъ желѣзныхъ дорогъ, паровое судоходство допускаетъ и примѣненіе принципа конкуренціи, такъ какъ въ немъ нѣтъ затраты постояннаго капитала на улучшеніе пути (по крайней мѣрѣ, въ такой степени, какъ для желѣзныхъ дорогъ), и главную массу издержекъ составляютъ сооруженіе и ремонтъ судна и расходы на двигательную силу и заработную плату служащимъ и рабочимъ. Впрочемъ, въ морскомъ транспортѣ постройка большихъ пароходовъ оказывается не подъ силу многимъ предпринимателямъ, такъ что конкуренція фактически проявляется въ довольно слабой формѣ. Паровымъ воднымъ транспортомъ съ особеннымъ успѣхомъ, какъ извѣстно, пользовалась и пользуется Англія;

распредѣленія его построекъ. Въ настоящее время, въ силу общей неурегулированности общественнаго хозяйства, процессъ этотъ происходитъ стихійно, но и теперь уже во многихъ европейскихъ центрахъ дѣловая и промышленная части отдѣляются отъ жилой. Поэтому вопросъ о городскихъ путяхъ сообщенія пріобрѣтаетъ большую важность, въ особенности для рабочихъ, которые могутъ гораздо дешевле и удобнѣе селиться на городскихъ окраинахъ, чѣмъ рядомъ съ тѣми предпріятіями, гдѣ они работаютъ. Ниже мы еще вернемся къ этому вопросу (въ отдѣлѣ потребленія, когда будемъ говорить о жилищахъ городскихъ рабочихъ). Здѣсь же замѣтимъ только, что наилучшей формой организаціи городскихъ желѣзныхъ дорогъ представляется сосредоточеніе ихъ въ рукахъ не государственнаго, а муниципальнаго управленія, такъ какъ, по существу дѣла, эти дороги имѣютъ мѣстное значеніе. Государство должно только установить единообразный контроль за городскимъ желѣзнодорожнымъ хозяйствомъ и способствовать его успѣшному развитію (напр., выдачей субсидій, гарантій и т. п.).

однако за послѣднія десятилѣтія текущаго вѣка привилегированное положеніе Англіи и въ данномъ отношеніи не вполнѣ сохранилось, благодаря, въ особенности развитію пароходныхъ сообщеній Германіи и Соединенныхъ Штатовъ [1]).

Благодаря паровому морскому транспорту и упрочилась система мірового хозяйства. Морскіе пароходы связали Европу съ Америкой широкими и тѣсными узами товарнаго обмѣна. Во внутреннихъ американскихъ отношеніяхъ развитіе морского транспорта отразилось развитіемъ желѣзнодорожной сѣти, а въ связи съ этимъ и мѣстной обрабатывающей промышленности.

Благодаря дешевизнѣ морского транспорта, американскій хлѣбъ получилъ свободный доступъ на европейскіе рынки, успѣшно конкурируя съ подвозомъ хлѣба изъ такой близкой по географическому положенію страны, какъ Россія. Усиленный вывозъ хлѣба изъ Америки создавалъ спеціальную постройку новыхъ желѣзнодорожныхъ линій, связывавшихъ область хлѣбнаго производства съ портовыми городами. А постройка желѣзныхъ дорогъ, помимо этого первоначальнаго своего назначенія, создавала уже и

---

[1]) По даннымъ Ллойда въ 1906—07 г. изъ общаго числа паровыхъ судовъ мірового торговаго флота на долю Англіи (одного Соединеннаго Королевства, не считая колоній) приходилась все еще колоссальная цифра по сравненію съ другими государствами, а именно, 8.083 судна, съ общей вмѣстимостью (чистый тоннажъ) въ 9.320.576 тоннъ, тогда какъ Германія обладала 1.628 судами въ 2.081.205 тоннъ, Соед. Штаты—1.491 въ 1.999.711 тоннъ, Франція—780 въ 727.047 тоннъ, Японія — 775 въ 632.475 тоннъ и Россія — 666 въ 409.806 тоннъ. См. *E. v. Halle*, Die Weltwirtschaft. 2 Jahrg., 1 Teil., стр. 205.

всѣ другія послѣдствія для экономической жизни Америки, которыя обыкновенно сопровождають развитіе желѣзнодорожнаго транспорта. Въ настоящее время Соединенные Штаты настолько уже развили у себя обрабатывающую промышленность, что изъ замкнутой страны начинають превращаться въ типичное высокоразвитое капиталистическое государство, гдѣ внутренній рынокъ достаточно насыщенъ продуктами обрабатывающей промышленности и гдѣ существуеть уже потребность во внѣшнихъ рынкахъ для сбыта обработанныхъ издѣлій. Послѣдняя война американцевъ съ испанцами указываеть уже, что и Соединенные Штаты въ недалекомъ будущемъ пріобрѣтуть характерныя черты развитой капиталистической страны, ведущей обширную внѣшнюю торговлю продуктами обрабатывающей промышленности и стремящейся пріобрѣсти себѣ надежные внѣшніе рынки.

Этими немногими замѣчаніями мы и можемъ ограничиться для характеристики экономическаго значенія воднаго парового транспорта, имѣя въ виду, что во многихъ своихъ вліяніяхъ онъ представляеть сходство съ разсмотрѣнными уже нами условіями желѣзнодорожныхъ сообщеній. Необходимо прибавить лишь, что правильное товарное движеніе не можеть основываться на исключительномъ предпочтеніи какого-нибудь одного изъ указанныхъ видовъ транспорта. Нужды народнаго хозяйства требують разумной системы различныхъ путей, которые давали бы возможность съ наибольшимъ успѣхомъ пользоваться выгодами того или иного способа сообщеній, представляющагося наиболѣе удобнымъ по условіямъ мѣстности.

Мы должны сказать еще нѣсколько словъ относительно способовъ передачи извѣстій (почты, телеграфовъ, телефоновъ). Помимо общекультурнаго значенія, улучшенные способы передачи извѣстій играютъ важную роль въ экономической жизни. Торговый обмѣнъ пріобрѣтаетъ въ нихъ новыя средства ускоренія и облегченія операцій. Потребность въ какомъ-нибудь товарѣ, выяснившаяся въ самой отдаленной мѣстности, быстро становится извѣстной въ мѣстахъ производства даннаго товара, благодаря современнымъ почтовымъ и телеграфнымъ сообщеніямъ. Въ строѣ современной городской хозяйственной жизни аналогичную роль играютъ телефоны. Они сберегаютъ массу усилій по разнообразнымъ торговымъ и промышленнымъ отношеніямъ, устраняя спеціальныя затраты на посыльныхъ, курьеровъ и т. п. и передавая сообщенія съ гораздо большей скоростью. Вотъ почему въ наиболѣе культурныхъ или наиболѣе развитыхъ въ промышленномъ отношеніи странахъ примѣняются въ самомъ широкомъ масштабѣ усовершенствованныя средства передачи извѣстій: въ Америкѣ, Англіи, Швейцаріи и Германіи мы найдемъ наилучшую организацію почтоваго и телеграфнаго дѣла, наиболѣе развитую сѣть телефонныхъ сообщеній.

По недостатку времени, я не буду останавливаться на исторіи этихъ видовъ транспорта. Отмѣчу лишь, что важный переворотъ въ старѣйшемъ изъ нихъ (почтовомъ сообщеніи) относится ко времени развитія крупной промышленности и притомъ въ передовой странѣ капиталистическаго производства—Англіи, а другіе (телеграфъ и телефоны) возникаютъ и развиваются впервые въ эту эпоху. Ука-

занный переворотъ въ почтовомъ дѣлѣ открывается реформой Роулэнда Гилля, проведенной чрезъ англійскій парламентъ въ 1840 г. Сущность этой реформы заключалась въ установленіи единообразной и дешевой таксы для всѣхъ писемъ, отправляемыхъ въ предѣлахъ Англіи. Такой порядокъ въ настоящее время принятъ повсюду, и мы настолько свыклись съ нимъ въ своемъ повседневномъ обиходѣ, что съ трудомъ можемъ представить себѣ, какъ недавно еще онъ многимъ казался опаснымъ, а въ лучшемъ случаѣ непрактичнымъ новшествомъ. Вскорѣ послѣ установленія закона Роулэнда Гилля обнаружилось, что количество посылаемыхъ писемъ значительно возросло и что, несмотря на значительное пониженіе платы, почтовый доходъ понизился сравнительно на небольшую величину, а затѣмъ мало-по-малу достигъ прежней нормы. Другое крупное явленіе въ новѣйшемъ почтовомъ дѣлѣ— это образованіе Всемірнаго Почтоваго Союза. Развитіе международнаго торговаго обмѣна и культурныхъ связей между различными странами міра вызвало потребность въ облегченіи почтовыхъ сношеній, что могло быть достигнуто лучше всего установленіемъ единообразныхъ почтовыхъ правилъ. Въ семидесятыхъ годахъ эта потребность была уже удовлетворена на дѣлѣ образованіемъ Всемірнаго Почтоваго Союза, территорія котораго съ тѣхъ поръ все расширяется, обѣщая вскорѣ захватить въ свои предѣлы всѣ народы, живущіе на земномъ шарѣ. Слѣдующая табличка указываетъ, въ какой мѣрѣ совершалось это расширеніе границъ Всемірнаго Почтоваго Союза:

			Территорія Союза въ милл. килом.	Количество жителей въ милл.
Во время Всемірн. Почт. конгр. въ Бернѣ	1874	г.	40	350
» » » » » » Парижѣ	1878	»	67	750
» » » » » » Лиссабонѣ	1885	»	83	848
» » » » » » Вѣнѣ	1891	»	96	949
» » » » » » Вашингтон.	1897	»	103	1.020
» » » » » » Римѣ	1906	»	113	1.150

Если принять во вниманіе, что по современнымъ статистическимъ вычисленіямъ все населеніе земного шара составляетъ около 1.500 милл., то мы найдемъ, что около $^3/_4$ жителей земного шара объединены уже Всемірнымъ Почтовымъ Союзомъ.

Наконецъ, для характеристики связи почтоваго дѣла съ общей культурой и экономическимъ развитіемъ страны я приведу свѣдѣнія относительно распространенности почтовыхъ учрежденій въ нѣкоторыхъ государствахъ:

Страны	Число почтовыхъ учрежденій.	Одно почтовое учрежденіе приходится на: кв. км.	жителей.
Швейцарія . . .	3.734	11,1	888
Соедин. Штаты .	68.131	140,8	1.133
Германія	39.052	13.8	1.552
Великобританія (съ Ирландіей) . .	23.283	13,5	1.861
Австрія	8.433	35,6	3.101
Франція	12.055	44,5	3.232
Италія	8.880	32,4	3.365
Россія	12.991	1726,9	10.392 [1]

Изъ этой таблицы видно, что наиболѣе густая сѣть почтовыхъ учрежденій (по количеству жителей

[1] Die Weltwirtschaft, стр. 217.

на одно учрежденіе) приходится на высокоразвитыя въ культурномъ (Швейцарія) и промышленномъ отношеніи (Соединенные Штаты, Великобританія, Германія) страны, и что, наоборотъ, сравнительно отсталыя государства (Австрія и романскія страны) снабжены почтовыми сообщеніями въ значительно меньшей степени; Россія же занимаетъ въ приведенномъ спискѣ послѣднее мѣсто.

Этими замѣчаніями я и закончу очеркъ о значеніи усовершенствованныхъ средствъ транспорта въ экономической жизни современныхъ народовъ. Добавлю только, что желѣзныя дороги, пароходы, почта и телеграфъ создали неизвѣстную ранѣе быстроту темпа не только хозяйственной, но и культурной жизни. Каждая новая мысль въ настоящее время быстро облетаетъ весь міръ, становясь достояніемъ не одного избраннаго круга людей, но и массъ, которыя, при иныхъ условіяхъ, оставались бы долгое время чуждыми общему культурному движенію. Въ рукахъ современныхъ культурныхъ и общественныхъ дѣятелей находятся могучія силы, ускоряющія и облегчающія ихъ работу. Привлеченіе массъ къ благамъ культуры становится гораздо болѣе доступнымъ дѣломъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ укрѣпляются прочнѣе основы разумныхъ соціальныхъ отношеній и болѣе широкимъ размахомъ совершается движеніе человѣчества къ лучшему будущему.

Лекція одиннадцатая.

I. Торговля.—Понятіе и виды.—Исторія торговой дѣятельности.—«Нѣмая» торговля.—Караваны.—Характеръ торговли въ средніе вѣка и въ началѣ новаго времени.—Торговля въ XIX вѣкѣ.—Значеніе современной торговли.—Выгоды ея для производителей и потребителей.—Недостатки торговли.—Замѣна торговаго посредничества собственной дѣятельностью фабрикантовъ и кооперативными потребительскими обществами. II. Промышленные кризисы.—Связь ихъ съ капиталистической эпохой хозяйственнаго развитія.—Первоначальные острые кризисы въ Англіи.—Кризисъ 1825 года.—Депрессія послѣдняго времени.—Причины кризисовъ.—Теоріи Сисмонди и Родбертуса.—Объясненіе кризисовъ Энгельсомъ и Каутскимъ.—Причины измѣненія формы промышленныхъ разстройствъ въ послѣднее время.—Есть ли надежда на полное исчезновеніе кризисовъ при капиталистическомъ строѣ?

I.

Мм. гг. Въ предыдущемъ изложеніи мы познакомились съ мѣновой цѣнностью, цѣной, деньгами, кредитомъ и средствами сообщенія. Чтобы закончить обзоръ явленій обмѣна, намъ необходимо обратиться еще къ вопросу о торговлѣ [1]). Подобно разсмотрѣннымъ выше условіямъ товарнаго обращенія, и торговля имѣетъ своей задачей сближеніе раздѣленныхъ другъ отъ друга производителей и потребителей, установленіе связи между про-

---

[1]) Для лицъ, интересующихся этимъ вопросомъ, хорошимъ пособіемъ можетъ служить книга *van der Borght'a* Handel und Handelspolitik. Leipzig, 1900 (16 томъ, 1 отд. курса, изд. Франкенштейномъ и Геккелемъ).

изводствомъ и потребленіемъ. Въ странахъ съ сколько-нибудь развитымъ товарнымъ обращеніемъ веденіе торговыхъ операцій обособляется въ самостоятельную общественно-экономическую функцію, занимающую извѣстное количество спеціальныхъ дѣятелей и требующую опредѣленныхъ затратъ капитала (магазины, склады и т. п.). Иначе говоря, въ общественномъ раздѣленіи труда торговля занимаетъ свое самостоятельное мѣсто, на ряду съ другими отраслями хозяйственной дѣятельности—транспортомъ, кредитомъ, промышленностью. Самая организація торговли не отличается по существу отъ строя всѣхъ остальныхъ хозяйственныхъ предпріятій; въ ней такъ же, какъ и въ другихъ формахъ экономической дѣятельности, есть и хозяева, и наемные служащіе, есть трудъ, необходимый для общества, но оплачиваемый не въ полной мѣрѣ его услугъ, и есть предприниматели, получающіе прибыль. Поэтому нѣтъ никакихъ основаній выдѣлять торговлю изъ другихъ отраслей экономической дѣятельности общества и заранѣе относиться къ ней съ полнымъ отрицаніемъ и осужденіемъ; торговля, въ ея современной организаціи и въ ея историческомъ прошломъ, имѣла и имѣетъ свои неустройства и свои несправедливости; но эти черты присущи не ей одной, а въ большей или меньшей степени и другимъ отраслямъ хозяйственной дѣятельности и вытекаютъ не только изъ особенностей самыхъ торговыхъ операцій, но и изъ общихъ условій общественно-экономическаго строя въ данную историческую эпоху. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, торговая дѣятельность является необходимымъ членомъ въ цѣпи хозяйственныхъ отношеній

обществъ, построенныхъ на принципѣ раздѣленія труда и товарномъ обмѣнѣ.

Итакъ, подъ торговлей мы будемъ понимать дѣйствія, имѣющія цѣлью передачу готовыхъ уже товаровъ изъ рукъ производителей въ руки потребителей. Соотвѣтственно этому опредѣленію въ общемъ понятіи торговли мы различимъ и два главные вида ея: торговлю оптовую — торговыя отношенія между производителемъ и однимъ или нѣсколькими торговыми посредниками; торговлю розничную — торговыя отношенія между производителемъ или торговыми посредниками и потребителемъ. Въ первомъ случаѣ цѣпь торговыхъ отношеній не заканчивается, прерываясь на полдорогѣ; во второмъ случаѣ она уже вполнѣ закончена. Самыя торговыя предпріятія въ томъ и другомъ случаяхъ могутъ имѣть разнообразные размѣры и устройство; формы ихъ опредѣляются въ конечномъ счетѣ тѣми же самыми условіями, какія мы наблюдали и въ другихъ отрасляхъ хозяйственной дѣятельности. Такъ, при современной тенденціи къ крупному производству и въ торговыхъ предпріятіяхъ можно подмѣтить аналогичный характеръ развитія; равнымъ образомъ, усовершенствованіе путей сообщенія и концентрація населенія въ большихъ городахъ приводятъ къ большей спеціализаціи магазиновъ, чѣмъ прежде. Однако и въ данномъ случаѣ не слѣдуетъ преувеличивать значенія общей тенденціи; напр., въ большихъ городахъ въ послѣднее время начинаютъ организовываться огромные неспеціализированные магазины. Таковы, напр., Au bon Marché и Louvre въ Парижѣ, Wertheim

и Tietz въ Берлинѣ и Мюръ и Мерилизъ въ Москвѣ.

Происхожденіе торговли теряется въ отдаленнѣйшей старинѣ существованія человѣчества. Въ эпоху замкнутаго домашняго хозяйства, естественно, не могло быть торговыхъ отношеній между членами замкнутаго союза, потому что производство и потребленіе не были въ немъ отдѣлены другъ отъ друга. Но самостоятельныя племена, жившія рядомъ, обмѣнивались нѣкоторыми предметами, въ зависимости отъ разницы въ естественныхъ условіяхъ занимаемой ими территоріи. Такой обмѣнъ между самостоятельными хозяйственными и политическими единицами развивался особенно сильно, если въ мѣновыхъ отношеніяхъ сталкивались другъ съ другомъ народы высшей и низшей культуръ. Въ сношеніяхъ же между племенами одинаковой культуры особенно важное значеніе имѣла соль. Съ народами, обладавшими запасами соли, сосѣдніе народы издавна поддерживали правильный торговый обмѣнъ (какъ мы знаемъ изъ предыдущаго, первоначально соль служила и деньгами).

При столкновеніи народовъ различныхъ культуръ представители болѣе развитой націи играли въ обмѣнѣ активную роль, устраивая отдаленныя экспедиціи и пріучая дикія племена къ правильнымъ торговымъ отношеніямъ. Въ виду враждебности первобытныхъ людей къ чужеземцамъ вообще, торговля первоначально была нѣмая. Когда карѳагеняне пріѣзжали съ торговыми цѣлями къ жителямъ Западной Ливіи (на сѣверо-африканскомъ берегу), они раскладывали свои товары на берегу

моря, зажигали большой костеръ, чтобы дать знать о своемъ прибытіи, и затѣмъ удалялись на корабли. На знакъ появлялись туземцы, осматривали разложенные товары и, положивъ рядомъ золото, удалялись въ свою очередь. Карѳагеняне тогда сходили съ кораблей и опредѣляли, достаточно ли дано золота. Если они находили, что нѣтъ, они возвращались на свои корабли, ничего не тронувъ, и ожидали, пока туземцы принесутъ прибавку. Тѣ обыкновенно такъ и дѣлали, потому что, въ противномъ случаѣ, карѳагеняне увезли бы обратно свои товары [1]).

Такъ складывалась мало-по-малу привычка къ постоянному обмѣну, укрѣплявшая почву и для развитія непосредственныхъ личныхъ торговыхъ отношеній. Этимъ послѣднимъ особенно благопріятствовалъ институтъ гостепріимства, который заботливо поддерживался по преимуществу ради облегченія торговыхъ сношеній съ чужими народами.

Такимъ образомъ въ историческомъ развитіи торговой дѣятельности мы замѣчаемъ прежде всего выдѣленіе внѣшней торговли, принимавшей крупные размѣры въ то время, когда во внутреннихъ отношеніяхъ царила еще система замкнутаго домашняго хозяйства. Въ этой торговлѣ, въ особенности же въ организуемой сравнительно культурными націями, функціи торговаго посредничества вскорѣ обособились въ самостоятельное дѣло. Торговля приморскихъ націй (финикіянъ, карѳагенянъ) естественно принимала размѣры

---

[1]) *W. Roscher*, Nationalökonomik des Handels und Gewerbfleisses, 2 изд., стр. 107—108.

крупныхъ предпріятій, такъ какъ необходимо было снаряжать корабли въ отдаленную заморскую экспедицію. Но и сухопутная торговля, въ силу трудности сношеній съ чужеземными народами, несовершенствъ транспорта и отсутствія гарантій безопасности во время пути, также принимала форму крупныхъ предпріятій (стройно организованныхъ полувоенныхъ экспедицій). Для среднихъ вѣковъ въ этомъ отношеніи весьма типична караванная торговля арабовъ. Характерно, что торговля не только происходила въ крупномъ объемѣ, но носила уже нѣкоторыя черты, сближающія ее съ современными формами крупныхъ предпріятій, а именно— акціонерными компаніями. Мелкіе капиталы притекали тогда въ караванную торговлю, какъ теперь въ акціонерныя учрежденія. Напримѣръ, торговля Мекки и другого арабскаго города Тайифа была весьма развита уже со времени Магомета. Изъ этихъ городовъ ежегодно отправлялись караваны осенью въ Йеменъ и Абиссинію, весной — въ Сирію. Предметами вывоза были кожа, ладанъ, клей, драгоцѣнные металлы; предметами ввоза — разнаго рода ткани, шелкъ и предметы роскоши. Для 623 года существуютъ свѣдѣнія о шести такого рода экспедиціяхъ. Одна изъ нихъ состояла изъ 2.000 верблюдовъ съ кладью, стоимостью въ 50.000 золотыхъ динаріевъ (золотой динарій равняется 15 франкамъ). Богатые купцы имѣли, конечно, наибольшую долю въ караванѣ и становились во главѣ экспедиціи, но они охотно брали порученія отъ всѣхъ, кто имѣлъ хотя бы самыя мелкія сбереженія, подъ условіемъ удержанія за собой половины прибыли (обычная при-

былъ отъ экспедиціи составляла 50%). Такимъ образомъ въ большихъ караванахъ почти каждый житель Мекки, который сберегъ одинъ или два динарія, имѣлъ и свою долю. Когда каравану грозила опасность, всѣ жители Мекки были въ волненіи [1]).

Въ древности организаціей международной торговли раньше другихъ культурныхъ народовъ занялись финикіяне; за ними выступили греки и, въ особенности, римляне. Торговля римлянъ была чрезвычайно обширна какъ по предметамъ обмѣна, такъ и по количеству обмѣниваемыхъ товаровъ. Торговыя сношенія существенно облегчались единствомъ юридическихъ нормъ, денежной единицы и правилъ о платежахъ.

Въ средніе вѣка развитіе торговли прерывается; но затѣмъ, также подъ вліяніемъ столкновенія различныхъ культуръ (варварскаго Запада со старой культурой Востока), выдвигается торговля итальянскихъ республикъ. На сѣверѣ торговлю монополизируетъ Ганзейскій Союзъ. Въ средніе вѣка торговля была, какъ и въ древности, по преимуществу внѣшняя, такъ какъ внутренняя организація носила еще замкнутый характеръ (крѣпостничество). Открытія новаго времени увеличиваютъ размѣры торговыхъ отношеній и перемѣщаютъ центръ тяжести ихъ къ народамъ, находящимся въ болѣе выгодныхъ географическихъ условіяхъ. Мѣсто итальянскихъ республикъ занимаютъ сначала Испанія и Португалія, затѣмъ Франція, Англія, Голландія и Данія. Изъ-за торговаго могущества возникаетъ борьба между различными націями, причемъ,

[1]) *Leroy-Beaulieu*, указ. соч. т. I, стр. 279—280.

побѣда осталась въ XVII и XVIII вѣкахъ за Англіей, благодаря удобствамъ ея положенія для океаническаго транспорта и энергичной покровительственной политикѣ. Торговля ведется по преимуществу съ собственными колоніями, путемъ монопольныхъ торговыхъ компаній. Въ XIX вѣкѣ къ внѣшней торговлѣ начинаетъ все болѣе и болѣе присоединяться внутренняя. Промышленный переворотъ конца XVIII и начала XIX вѣка, т.-е. развитіе крупной промышленности и усовершенствованіе транспорта, а также упорядоченіе денежной системы и развитіе кредита, установленіе метрической системы мѣръ и вѣсовъ имѣли своимъ слѣдствіемъ необыкновенное расширеніе торговыхъ сношеній внутри культурныхъ націй. Самый характеръ внутренней торговой дѣятельности существенно измѣнился. Прежняя ярмарочная и разносная (Hausierhandel, русскіе офени и коробейники) торговля уступила мѣсто постояннымъ и правильнымъ торговымъ сношеніямъ, которыя захватывали мало-по-малу, по мѣрѣ проведенія желѣзныхъ дорогъ и другихъ средствъ сообщенія, самые отдаленные и глухіе углы государства; во внѣшней торговлѣ сношенія также крайне облегчились, что, съ одной стороны, содѣйствовало общему подъему экономическаго развитія странъ, вступившихъ въ обмѣнъ другъ съ другомъ, съ другой—влекло за собой и вредныя послѣдствія, поощряя торговую спекуляцію (развившуюся и во внутренней торговлѣ).

Торговый капиталъ игралъ крупную роль въ подготовкѣ тѣхъ острыхъ потрясеній экономической дѣятельности, которыя носятъ названіе торгово-промышленныхъ кризисовъ. Торговцы способство-

вали переполненію рынковъ извѣстными товарами, пользуясь могущественной силой кредита, и увлекали за собой фабрикантовъ, которые безъ такихъ побужденій едва ли расширили бы производство. Крушеніе повышенныхъ надеждъ купцовъ вызывало банкротства не только ихъ самихъ, но и кредитныхъ учрежденій, связавшихъ съ ихъ дѣятельностью свои операціи, и самихъ фабрикантовъ, которымъ приходилось круто сокращать и пріостанавливать производство.

Въ послѣднее время противъ этихъ вредныхъ сторонъ торговыхъ операцій выступили въ экономической жизни сильныя противодѣйствующія вліянія. Съ одной стороны, фабриканты соединились въ синдикаты и стараются организовать сбытъ собственными усиліями, внѣ торговаго посредничества; съ другой стороны, среди потребителей образуются потребительскія общества, которыя или совершенно устраняютъ торговыхъ посредниковъ, или сильно ограничиваютъ ихъ число, обращаясь только къ помощи оптовыхъ торговцевъ (подробнѣе объ этомъ мы еще скажемъ ниже). Но во всякомъ случаѣ торговля играетъ теперь огромную роль въ экономической дѣятельности капиталистическихъ націй. Благодаря широкому развитію мѣнового хозяйства, въ общемъ количество торговыхъ оборотовъ и число лицъ, занятыхъ въ торговыхъ предпріятіяхъ, постепенно возрастаютъ, какъ можно видѣть, напримѣръ, изъ слѣдующихъ данныхъ промышленной переписи Германіи 1895 года:

Въ 1895 г. было непосредственно занято въ	Число лицъ.	% ко всему количеству лицъ, непосредственно занятыхъ въ хозяйственной дѣятельности.
1) Сельскомъ хозяйствѣ и лѣсоводствѣ, огородничествѣ и садоводствѣ, скотоводствѣ и рыболовствѣ	8,29 милл. чел.	36,18
2) Горномъ дѣлѣ, промышленности и строительномъ дѣлѣ.	8,28 милл. чол.	36,14
3) Торговлѣ	1,20 милл. чел.	5,26

Такимъ образомъ $5^{1}/_{4}\%$ всѣхъ лицъ, непосредственно участвующихъ въ хозяйственной дѣятельности Германіи, заняты въ торговыхъ предпріятіяхъ. Изъ какихъ специальныхъ отраслей слага ся въ настоящее время самая торговая дѣятельность, можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

ВИДЫ ТОРГОВЛИ.	Лица, непосредственно занятыя.	
	1882.	1895.
1. Товарная торговля.	674.854	997.270
2. Денежная и кредитная торговля.	22.787	33.689
3. Экспедиціонныя и комиссіонерскія операціи	11.024	20.248
4. Торговля книгами и произведеніями искусства и музыкальными принадлежностями.	19.484	21.694
5. Газетная торговля	?	7.666
6. Разносная торговля	54.616	37.953
7. Торговые представители. . . .	33.147	41.281
8. Вспомогательные промыслы . .	17.369	32.018
9. Учрежденія для торговыхъ объявленій, храненія товаровъ etc.	7.988	12.715
Всего. . .	842.269	1.205.134

Чтобы оцѣнить значеніе торговли въ современной хозяйственной жизни, намъ необходимо вспомнить о необыкновенномъ развѣтвленіи современнаго раздѣленія труда и, слѣдовательно, о полномъ отдѣленіи производителей отъ потребителей. Производитель не можетъ вести успѣшно своихъ операцій безъ помощи со стороны торговаго посредника, потому что его товары назначаются не для собственнаго потребленія, но для сбыта и притомъ обыкновенно на разнообразные и далекіе рынки. Потребители продуктовъ фабриканта разсѣяны иногда по всему міру, и для него было бы въ высшей степени хлопотливо и затруднительно организовать сбытъ даже въ тѣхъ случаяхъ, если бы это было возможно. Иногда же это просто немыслимо, потому что добавочныя затраты и усилія заставили бы фабриканта отказаться отъ многихъ рынковъ, на которыхъ теперь съ успѣхомъ продается его товаръ спеціальными торговцами. Равнымъ образомъ, и потребитель покупаетъ теперь разнообразнѣйшіе продукты, производители которыхъ отдалены отъ него огромными разстояніями и часто политическими границами. Если бы намъ необходимо было для покупки кофе сноситься непосредственно съ арабскими торговцами, для чая — съ китайскими, для сукна — съ англійскими, для шелковыхъ матерій — съ французскими, заказывать мѣха въ Сибири и выписывать полотно и ситецъ изъ Владимирской или Костромской губерніи, то мы, навѣрное, должны были бы отказаться отъ покупки многихъ этихъ предметовъ.

Такимъ образомъ торговля, облегчая сношенія производителей съ потребителями, тѣмъ самымъ

сберегаетъ много напрасныхъ усилій, которыя тратились бы безъ нея въ народномъ хозяйствѣ, и создаетъ возможность сношеній, которыя безъ нея были бы совершенно немыслимы. Какъ всякое примѣненіе принципа раздѣленія труда, и выдѣленіе торговли въ спеціальную функцію приноситъ крупныя выгоды общественному союзу. Торговля способствуетъ поэтому большему развитію хозяйственной дѣятельности въ странѣ, облегчая расширеніе производства (такъ какъ при торговомъ посредничествѣ фабриканты могутъ сбывать больше продуктовъ, создавая улучшенные пути сообщенія (вся торговая дѣятельность, естественно, находится въ связи съ путями сообщенія, и потому торговцы заботятся объ ихъ усовершенствованіи) и содѣйствуя развитію денежнаго и кредитнаго обращенія.

Однако мы не намѣрены писать панегирикъ современной торговлѣ. Какъ намъ не разъ уже приходилось отмѣчать выше, въ современномъ хозяйственномъ строѣ, въ силу основныхъ его недостатковъ, всѣ полезныя хозяйственныя функціи соединяются въ то же время и съ вредными вліяніями. Торговля, устраняя производителей отъ непосредственныхъ отношеній съ потребителями, тѣмъ самымъ дѣлаетъ изъ производственнаго процесса нѣчто самодовлѣющее, лишая производителей сознанія дѣйствительныхъ потребностей общества. Объ этой сторонѣ современной торговли мы будемъ еще имѣть случай говорить ниже, характеризуя торгово-промышленные кризисы. Съ другой стороны, потребитель, не зная, сколько стóитъ производство товара, часто платитъ за него слишкомъ дорого, доставляя торговцу чрезмѣрную прибыль за

его услуги. Эта сторона торговли и вызывала, главнымъ образомъ, возраженія моралистовъ и первыхъ соціалистическихъ писателей (Фурье). Далѣе, для потребителя возникаетъ опасность, благодаря соблазнительнымъ рекламамъ торговца и услужливой доставкѣ товаровъ, покупать вещи, ненужныя для него и даже вредныя въ физическомъ или моральномъ отношеніи. Наконецъ, торговля же порождаетъ новый видъ экономической зависимости, дѣлая бѣдные слои населенія должниками лавочниковъ, у которыхъ они закупаютъ товары въ кредитъ.

Противъ этихъ вредныхъ сторонъ торговли современная хозяйственная жизнь выдвигаетъ два могущественныхъ теченія, которыя идутъ навстрѣчу другъ другу изъ двухъ крайнихъ полюсовъ хозяйственной дѣятельности — производства и потребленіе.

Во-первыхъ, фабриканты стараются стать независимыми отъ оптовыхъ торговцевъ, продавая товаръ прямо розничнымъ торговцамъ или даже потребителямъ, устраивая собственные магазины или находя потребителя (для болѣе цѣнныхъ предметовъ, какъ, напр., машинъ) посредствомъ собственныхъ разъѣзжающихъ агентовъ.

Во-вторыхъ, со стороны потребителей замѣчается стремленіе образовывать кооперативныя потребительскія общества, чтобы вступать въ непосредственныя отношенія съ производителями и тѣмъ самымъ гарантировать себѣ дешевизну и хорошее качество продуктовъ. Объ этихъ обществахъ мы будемъ еще имѣть случай говорить ниже, въ отдѣлѣ о потребленіи.

Эти стремленія производителей и потребителей, направленныя къ устраненію неудобствъ торговаго посредничества, очищаютъ современную торговлю отъ многихъ злоупотребленій и вмѣстѣ съ тѣмъ мало-по-малу подготовляютъ путь для созданія новыхъ, болѣе разумныхъ отношеній между производителями и потребителями, которыя соотвѣтствовали бы основамъ болѣе справедливаго общественно-экономическаго строя вообще. Въ этомъ отношеніи наибольшаго вниманія заслуживаютъ потребительскія общества, потому что непосредственный сбытъ товаровъ фабрикантами изолированнымъ потребителямъ часто соединяется съ злоупотребленіями, какъ и въ обыкновенной торговлѣ (напр., продажа въ кредитъ швейныхъ или сельскохозяйственныхъ машинъ).

II.

Послѣ изложенія главнѣйшихъ условій обмѣна я считалъ бы умѣстнымъ дать краткую характеристику промышленныхъ кризисовъ. Обыкновенно въ трактатахъ политической экономіи ученіе о кризисахъ помѣщается въ отдѣлѣ потребленія; но, какъ мы сейчасъ увидимъ, глубочайшія причины кризисовъ коренятся въ области производства, а не потребленія, а внѣшнія проявленія ихъ связываются съ товарнымъ обращеніемъ. Поэтому ихъ всего удобнѣе разсматривать непосредственно послѣ ученія о производствѣ и обмѣнѣ.

Кризисы представляютъ специфическую болѣзнь современнаго экономическаго строя. Ни въ древнемъ мірѣ, ни въ средніе вѣка не наблюдалось подобныхъ разстройствъ хозяйственныхъ отношеній.

Въ XVII и XVIII вѣкахъ въ Голландіи, Англіи и Франціи происходили уже острыя потрясенія въ торговой дѣятельности, во многихъ чертахъ сходныя съ современными промышленными кризисами; но это были лишь провозвѣстники будущаго. Они встрѣчались очень рѣдко и повторялись черезъ неправильные промежутки времени, и только XIX вѣкъ увидѣлъ кризисы, захватывающіе многія отрасли промышленности и повторяющіеся почти съ математической точностью черезъ опредѣленные періоды. Причины такого явленія понятны: ни древній міръ, ни средніе вѣка, ни даже ближайшія къ нашему столѣтія не представляли условій, на почвѣ которыхъ могли бы возникать торгово-промышленные кризисы. Натуральное хозяйство замкнутыхъ группъ, какъ мы знаемъ, заполняло почти всю экономическую жизнь древности. Каждая группа была изолирована, отрѣзана отъ общенія съ другими хозяйственными единицами, а потому общее потрясеніе хозяйства не могло имѣть мѣста.

Равнымъ образомъ, ремесленное городское хозяйство средневѣковья не могло испытывать крупныхъ всеобщихъ потрясеній, потому что было разсчитано на опредѣленный спросъ (заказъ) и не имѣло связи съ другими городскими хозяйствами. Наконецъ, начало новаго времени открывающееся крупнымъ развитіемъ торговыхъ сношеній, также не давало условій для промышленныхъ кризисовъ, такъ какъ огромная часть продуктовъ внутренней промышленности не покидала внутренняго рынка и попрежнему сбывалась въ небольшихъ замкнутыхъ территоріальныхъ районахъ. Только съ той поры, когда крупная капиталистическая промыш-

ленность развилась въ сложную систему отношеній, гдѣ всѣ отдѣльные элементы связаны другъ съ другомъ неразрывными узами, стали появляться и всеобщія промышленныя потрясенія, захватывающія не какой-либо незначительный районъ, а распространяющіяся на всю страну и даже на другія государства. Но если связь промышленныхъ кризисовъ съ переживаемой нами исторической эпохой и представляется очевидной для всякаго изслѣдователя, то относительно причинъ, порождающихъ это замѣчательное явленіе, существуетъ до сихъ поръ не мало споровъ и разногласій. Одни ищутъ этихъ причинъ въ области распредѣленія и потребленія, другіе — въ производственныхъ отношеніяхъ, третьи — въ сферѣ обмѣна. Какое объясненіе представляется на нашъ взглядъ болѣе вѣроятнымъ, мы постараемся показать ниже. Теперь же намъ необходимо дать себѣ отчетъ въ самомъ процессѣ кризисовъ, уловить ихъ типическія черты которыя давали бы намъ возможность, не впадая въ недоразумѣнія, обратиться уже и къ изученію причинъ описаннаго явленія. Такъ какъ капиталистическій строй хозяйственныхъ отношеній всего раньше и всего рельефнѣе опредѣлился въ Англіи, то мы и возьмемъ для характеристики существенныхъ чертъ, присущихъ торгово-промышленнымъ кризисамъ, англійскіе кризисы XIX вѣка, отразившіе на себѣ новыя условія экономической жизни. До 20-хъ годовъ текущаго столѣтія англійская экономическая исторія насчитываетъ три торгово-промышленныхъ потрясенія (1811, 1815 и 1818 гг.), которыя нельзя еще отнести къ кризисамъ въ вышеустановленномъ смыслѣ этого слова

Причины ихъ коренились, главнымъ образомъ, въ политическихъ отношеніяхъ Англіи, такъ что по своему типу они скорѣе всего приближались къ прежнимъ кризисамъ (XVIII ст.), въ основѣ которыхъ лежали подобныя же случайныя причины. Серія современныхъ торгово - промышленныхъ кризисовъ, порожденныхъ условіями капиталистическаго хозяйства, открывается кризисомъ 1825 года. Мы и можемъ взять этотъ кризисъ исходнымъ пунктомъ для нашего изученія, потому что въ немъ выразились уже всѣ существенныя черты, свойственныя кризисамъ новѣйшаго типа [1]).

Въ началѣ 20-хъ гг. англійская торговля, не оправившаяся еще отъ потрясеній, вызванныхъ войнами съ Наполеономъ, была въ застоѣ. Лондонскій рынокъ былъ переполненъ свободными капиталами, для которыхъ не находилось производительнаго помѣщенія. Ссудный процентъ упалъ настолько, что правительство нашло возможнымъ произвести конверсію собственныхъ займовъ. Иностранныя государства, нуждавшіяся въ деньгахъ, легко заключали займы въ Англіи. Однако многіе капиталы оставались непомѣщенными, и потому предприниматели зорко слѣдили за всякими благопріятными для нихъ измѣненіями рыночныхъ условій. Такое счастливое сочетаніе обстоятельствъ не замедлило наступить, и англійская промышленность и торговая жизнь сразу перешли изъ вялаго, апатичнаго состоянія въ лихорадочное оживленіе.

---

1) Описаніе этого кризиса мы заимствовали изъ соч. *Туганъ-Барановскаго*: «Промышленные кризисы въ современной Англіи» Спб., 1894 г.

Окончаніе войны между Франціей и Испаніей въ 1823 году, сдѣлавшее испанскія и португальскія колоніи въ Южной и Центральной Америкѣ независимыми государствами, открыло для Англіи новый обширный рынокъ. Въ дѣловыхъ сферахъ распространилось убѣжденіе, что новыя государства, освобожденныя отъ гнетущаго ига метрополіи, быстро разовьютъ свои силы, если на помощь явится англійскій капиталъ. Правительства новыхъ американскихъ государствъ заключили съ успѣхомъ займы на англійскомъ рынкѣ; основано было огромное количество акціонерныхъ компаній для разработки естественныхъ богатствъ Центральной и Южной Америки. Владѣльцы свободныхъ капиталовъ съ такимъ увлеченіемъ стремились помѣстить ихъ въ предпріятія, отъ которыхъ ожидались несмѣтныя выгоды, что цѣны акцій вновь учрежденныхъ компаній поднимались въ короткое время до необыкновенной высоты. Духъ спекуляціи овладѣлъ всѣми общественными классами. Насколько возрастали цѣны акцій американскихъ компаній, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра:

ЦѢНЫ АКЦІЙ.

Компаніи.	Уплаченный капиталъ на акціи.	Преміи: 10 дек. 1824 г.	11 янв. 1825 г.
Англо-мексиканск. компанія.	10 ф. ст.	33 ф. ст.	158 ф. ст
Соединен. мексик. компанія.	10 » »	35 » »	155 » »
Комп. Реаль-дель-Монте	70 » »	550 » »	1.350 » »

Если мы обратимся отъ фондоваго рынка къ товарному, то здѣсь, конечно, не найдемъ такого баснословнаго повышенія цѣнъ. Акціи покупаются въ надеждѣ на будущіе барыши предпріятія или просто въ видахъ на выгодную перепродажу; товары же фактически продаются и потребляются въ данный моментъ, и потому ихъ вздорожаніе всегда ограничивается сравнительно скромными предѣлами. Тѣмъ не менѣе и товарныя цѣны возросли на довольно значительную величину; такъ, цѣна хлопчатобумажныхъ тканей поднялась въ 1825 г. на 23%. Въ результатѣ происшедшаго оживленія торговли вывозъ изъ Англіи въ Центральную и Южную Америку возросъ по цѣнности съ 1.509 тыс. ф. въ 1824 г. до 3.596 тыс. ф. ст. въ 1825 г. При видѣ этихъ цифръ невольно возникаетъ вопросъ: откуда американцы нашли средства къ уплатѣ за столь значительное увеличеніе ввоза? Вѣдь ихъ экономическое положеніе не могло сколько-нибудь замѣтно измѣниться въ столь короткій промежутокъ времени. Такъ и было въ дѣйствительности; разгадка увеличенія покупательной силы южно- и центрально-американскихъ государствъ объясняется просто тѣмъ, что деньги на покупку новыхъ англійскихъ товаровъ дали имъ сами же англичане. Помѣщеніемъ англійскихъ капиталовъ въ американскіе займы и американскія предпріятія англичане сами создали спросъ на собственные товары. Приписывая оживленіе торговли въ Южной и Центральной Америкѣ пробужденію экономическихъ силъ въ новыхъ государствахъ, англійскій торгово-промышленный міръ только обманулся въ разсчетахъ. Въ этомъ кроется и ключъ къ разъ-

ясненію дальнѣйшихъ событій, происшедшихъ въ ходѣ торговой и промышленной дѣятельности Англіи 1825 г.,—событій, которыми и ознаменовался кризисъ этого года. Увеличеніе вывоза англійскихъ товаровъ относилось только къ торговлѣ съ новыми американскими государствами; въ общемъ же въ 1825 г. возросъ ввозъ товаровъ въ Англію. Неблагопріятный торговый балансъ вызвалъ отливъ золота изъ Англіи за границу для уплаты за излишекъ ввоза товаровъ надъ вывозомъ. Металлическая наличность англійскаго банка упала, а съ тѣмъ вмѣстѣ обнаружился и общій недостатокъ въ деньгахъ для разсчета по принятымъ обязательствамъ. Цѣнность товаровъ стала падать, и предпріятія, отъ которыхъ еще такъ недавно ожидали огромныхъ барышей, благодаря кредитнымъ потрясеніямъ и паденію товарныхъ цѣнъ, стали разоряться одно за другимъ. Крушеніе акціонерныхъ компаній, разоривъ спекулянтовъ, повлекло за собой и крахъ многихъ провинціальныхъ банковъ. Весь механизмъ денежнаго и товарнаго обращенія Англіи совершенно разстроился. Конечно, основныя производительныя силы страны не были настолько подорваны, какъ это могло бы казаться при наблюденіи разстройствъ биржевыхъ, кредитныхъ и денежныхъ оборотовъ; однако нельзя не отмѣтить довольно крупныхъ потерь и въ этомъ отношеніи. Компаніи, разоренныя крахомъ, должны были за безцѣнокъ распродавать свое имущество, отказываясь отъ продолженія начатыхъ работъ, что представляло уже уничтоженіе реальнаго, дѣйствительно затраченнаго въ дѣло капитала. Такъ, напр., одна изъ указанныхъ выше компаній — Реаль дель

Монте — затратила болѣе одного милліона фун. ст. на разработку серебряныхъ рудниковъ въ Мексикѣ, а послѣ краха вынуждена была продать все свое имущество за 27.000 фунтовъ.

Такъ кончился первый промышленный кризисъ, порожденный новыми условіями производства. Мало-по-малу потрясеніе, произведенное крахомъ, сглаживалось; предпріятія въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыхъ наиболѣе коснулось паденіе торговыхъ цѣнъ, улучшили техническіе пріемы и тѣмъ приспособились къ новому положенію, удешевили производство; довѣріе, нарушенное кризисомъ, постепенно возстановилось, и кредитныя отношенія также вошли въ нормальную колею. Опять стали накапливаться свободные капиталы, опять предприниматели стали разыскивать выгодные пути для ихъ помѣщенія, и всѣ условія для новаго промышленнаго оживленія вскорѣ были налицо. Въ 1836 г., черезъ 11 лѣтъ послѣ описаннаго потрясенія, Англія переживала уже новый кризисъ. Каждое слѣдующее десятилѣтіе кризисы продолжали повторяться съ такой правильностью, что нѣкоторые ученые (какъ, напр., Джевонсъ) стали искать ихъ причинъ въ космическихъ явленіяхъ. Въ каждомъ изъ послѣдующихъ кризисовъ мы находимъ въ существѣ дѣла тѣ же черты, которыя мы видѣли въ кризисѣ 1825 г.; мѣняются лишь формы, конкретныя очертанія. Въ 1836 году, напр., кризисъ былъ связанъ съ торговыми отношеніями уже не съ центрально и южно-американскими государствами, а съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами и съ спекуляціей на постройку желѣзныхъ дорогъ въ самой Англіи;

кризисъ 1847 года былъ вызванъ исключительно постройкой желѣзныхъ дорогъ и т. д.

Такой характеръ носили англійскіе кризисы до 70-хъ годовъ. Съ этого времени они измѣняютъ форму, утрачивая прежнюю остроту, и превращаются въ менѣе бурные, но зато гораздо болѣе продолжительные періоды промышленной депрессіи. Первая депрессія отмѣчаетъ собой въ Англіи конецъ 70-хъ годовъ, вторая наступила въ половинѣ восьмидесятыхъ, третья—въ началѣ девятидесятыхъ гг. Особенное вниманіе обратила на себя депрессія восьмидесятыхъ годовъ, вызвавшая обширныя офиціальныя изслѣдованія и огромную литературу. Каждая изъ этихъ депрессій имѣла приблизительно однообразныя черты и въ главныхъ основаніяхъ связывалась, какъ мы увидимъ ниже, съ тѣми же условіями, что и промышленные кризисы. Особенности же характера депрессій, сравнительно съ кризисами, объясняются измѣненіями въ нѣкоторыхъ сторонахъ общественно-экономическаго строя послѣдняго времени, которыя не нарушили его главныхъ основъ, но тѣмъ не менѣе внесли въ него нѣкоторыя новыя черты, не существовавшія ранѣе.

Мы и разсмотримъ поэтому вначалѣ общія причины, порождающія періодическія разстройства въ современныхъ общественно-экономическихъ отношеніяхъ, затѣмъ — спеціальныя причины: съ одной стороны, промышленныхъ кризисовъ, съ другой — депрессій.

Среди теорій, предложенныхъ экономистами для объясненія общихъ причинъ потрясеній, присущихъ капиталистическому строю, наибольшаго вниманія

заслуживаютъ двѣ группы. Одни ученые ставятъ ихъ въ связь съ условіями потребленія, другіе — съ организаціей производства.

Однимъ изъ первыхъ изслѣдователей причинъ, вызывающихъ появленіе промышленныхъ кризисовъ, былъ извѣстный швейцарскій экономистъ Сисмонди. Подвергая критикѣ классическую систему политической экономіи, Сисмонди обратилъ вниманіе на противорѣчія, возникающія при накопленіи богатствъ въ капиталистическомъ хозяйственномъ строѣ. Принципъ свободной конкуренціи приводитъ, по мнѣнію Сисмонди, къ обогащенію меньшинства и сокращенію доходовъ трудящихся классовъ. Каждая машина сокращаетъ спросъ на рабочія руки, и въ то время, когда національное богатство возрастаетъ, увеличивается и количество незанятыхъ рабочихъ, а у тѣхъ, кому удалось найти себѣ занятіе, заработная плата падаетъ. Сокращеніе доходовъ рабочаго класса имѣетъ, однако, вредныя послѣдствія не только для однихъ рабочихъ, но гибельно отражается и на общемъ ходѣ хозяйственной дѣятельности. Если бѣдные не могутъ увеличивать размѣровъ своего потребленія соотвѣтственно росту производства, то и капиталисты тоже не въ силахъ потребить всю массу создаваемыхъ избыточныхъ продуктовъ, а, слѣдовательно, должны искать рынковъ для сбыта товаровъ за границей. Между тѣмъ и заграничный сбытъ часто оказывается обманчивымъ, основываясь въ значительной мѣрѣ на спросѣ, представляемомъ эмигрировавшими за границу капиталами. Какъ только этотъ спросъ изсякаетъ, наступаетъ и задержка въ сбытѣ товаровъ за границу, и

разражается кризисъ. Экономистамъ классической школы была не ясна, — указываетъ Сисмонди, — огромная важность вопроса о распредѣленіи и потребленіи хозяйственныхъ благъ; обращая все свое вниманіе на развитіе національнаго богатства, они забывали о томъ, кто же будетъ пользоваться этимъ богатствомъ и какой вредъ можетъ проистекать изъ неравномѣрнаго его распредѣленія. Въ приведенныхъ замѣчаніяхъ Сисмонди такъ же, какъ и въ другихъ защищаемыхъ имъ положеніяхъ, заключается не мало цѣнныхъ мыслей, но въ общемъ его взглядъ на причины неустройствъ новѣйшей хозяйственной системы остается все-таки неправильнымъ. При капиталистической системѣ замѣчается скорѣе тенденція къ увеличенію заработной платы, чѣмъ къ уменьшенію, сравнительно съ прежнимъ временемъ, а норма прибыли постепенно падаетъ. Съ точки зрѣнія Сисмонди, наибольшихъ кризисовъ логически можно было бы ждать отъ системы рабства, когда трудящіеся имѣли наименьшую долю дохода и наиболѣе ограничивали свое потребленіе. Между тѣмъ дѣйствительность показываетъ, что при такихъ условіяхъ перепроизводства не происходило. Въ обществахъ, построенныхъ по системѣ натуральнаго или замкнутаго хозяйства, организація производства въ смыслѣ приспособленія его къ опредѣленнымъ такъ или иначе нуждамъ этого общества достигалась сравнительно легко. Въ современномъ же хозяйствѣ только въ силу того, что производитель не знаетъ, сколько понадобится обществу его товаровъ, потому что будущіе потребители ихъ (покупатели) ему неизвѣстны, да и не онъ одинъ производитъ

товары, а множество конкурирующихъ лицъ, дѣло крайне осложняется однимъ этимъ отдѣленіемъ производителей отъ непосредственной связи съ потребителями.

Въ рабскомъ хозяйствѣ, если нужно было выдѣлать въ годъ для его поддержанія, скажемъ, 100 плуговъ, никакой рабовладѣлецъ не сталъ бы дѣлать ихъ 150, а употребилъ бы трудъ рабовъ на что-нибудь другое.

Если же въ современномъ хозяйствѣ въ какомъ-нибудь городѣ существуетъ заводъ, выдѣлывающій сельско-хозяйственныя орудія, то, производя въ годъ 150 плуговъ, онъ не знаетъ заранѣе, нуждается ли общество во всѣхъ нихъ или только въ 100, и не нашлось ли другое лицо, которое уже продало 50 или 70 плуговъ, и т. д.

Общественная потребность въ плугахъ выяснится только рыночной цѣной ихъ, силой или слабостью спроса, который нельзя точно усчитать заранѣе.

Это обстоятельство и вноситъ неустойчивость въ современныя хозяйственныя отношенія, независимо отъ того, много или мало получаютъ промышленные рабочіе. Конечно, ихъ доля въ національномъ доходѣ имѣетъ свое вліяніе и на ходъ торговыхъ оборотовъ; но это вліяніе не основное. Оно само находится въ зависимости отъ общихъ экономическихъ неустройствъ, коренящихся уже въ области производства.

Между тѣмъ Сисмонди не имѣлъ еще яснаго представленія о сущности неустройствъ въ современныхъ производственныхъ отношеніяхъ, которая не была достаточно выяснена и классической школой.

Упуская изъ виду необходимость такихъ предварительныхъ изслѣдованій, онъ фатально обрекалъ на неудачу свои попытки разъяснить явленія дальнѣйшаго порядка, являющіяся слѣдствіемъ первыхъ. Такъ какъ характеръ распредѣленія, потребленія и обмѣна въ значительной мѣрѣ опредѣляется уже порядкомъ производственныхъ отношеній, то очевидно, что Сисмонди не могъ разрѣшить поставленнаго вопроса, ограничиваясь разсмотрѣніемъ только явленій второго порядка. Конечно, Сисмонди касается и вопросовъ производства, говоря о принципѣ конкуренціи, вытѣсненіи рабочихъ машинами и т. д., но онъ въ этомъ отдѣлѣ стоитъ еще цѣликомъ на точкѣ зрѣнія классической школы, не пытаясь глубже анализировать природу производственныхъ отношеній, созданныхъ капиталистическимъ періодомъ

Равнымъ образомъ, нельзя признать правильной и теорію кризисовъ германскаго экономиста Родбертуса. Родбертусъ высказалъ положеніе, что кризисы стоятъ въ непосредственной зависимости отъ пониженія доли рабочихъ классовъ въ общемъ продуктѣ страны. «Съ возрастаніемъ производительности національнаго труда,—говоритъ Родбертусъ, — доля рабочихъ классовъ въ общемъ національномъ продуктѣ становится все меньше и меньше, откуда и происходитъ задержка въ сбытѣ товаровъ—промышленные кризисы».

Но если бы промышленные кризисы вызывались измѣненіями въ положеніи трудящихся классовъ, то почему они стали бы повторяться періодически черезъ сравнительно короткіе промежутки времени (въ среднемъ около 10 лѣтъ)?

Крупныя перемѣны въ судьбѣ рабочихъ происходятъ, вообще, медленно, причемъ замѣчается не только пониженіе, но и подъемъ заработной платы, а кризисы идутъ своимъ порядкомъ. Въ техническомъ прогрессѣ также не замѣчается такого движенія, какое предполагаетъ въ данномъ случаѣ Родбертусъ. Сильное промышленное оживленіе, характеризующее обыкновенно время передъ наступленіемъ кризиса, дѣйствуетъ неблагопріятно на техническія усовершенствованія; напротивъ, часто наблюдается обратное явленіе, именно, что техническій прогрессъ слѣдуетъ за кризисами.

Болѣе удачное объясненіе промышленныхъ кризисовъ предлагаетъ теорія, связывающая происхожденіе періодическихъ разстройствъ въ хозяйственной жизни европейскихъ народовъ съ общими условіями общественно-экономическихъ отношеній, порожденныхъ капиталистическимъ строемъ. Сущность этого ученія, намѣченнаго въ главныхъ чертахъ еще въ 40-хъ годахъ Фр. Энгельсомъ и развитаго впослѣдствіи Карломъ Каутскимъ, заключается въ слѣдующемъ [1]).

Въ отличіе отъ экономическихъ отношеній эпохъ рабства и крѣпостничества, капиталистическое производство носитъ черты коллективной организаціи. Каждое предпріятіе разсчитано на неопредѣленный и широкій кругъ покупателей, каждый капиталистъ, устраивая свое дѣло, имѣетъ въ виду не непосредственное удовлетвореніе собственныхъ потребностей или потребностей небольшого замкну-

---

1) Къ этому же воззрѣнію примыкаетъ и русскій изслѣдователь промышленныхъ кризисовъ, М. И. Тугунъ-Барановскій.

таго хозяйственнаго цѣлаго, а удовлетвореніе потребностей чуждаго ему круга лицъ. Производство принимаетъ общественный характеръ но основы присвоенія произведеннаго продукта остаются попрежнему индивидуалистическими. Кризисы и являются слѣдствіемъ указаннаго противорѣчія между коллективнымъ характеромъ производства и индивидуальнымъ присвоеніемъ продукта. На отдѣльныхъ фабрикахъ производство организуется чрезвычайно стройно, предпріятіе работаетъ съ математической точностью, но общій ходъ всего національнаго производства отличается анархическимъ характеромъ. Каждый промышленникъ дѣйствуетъ на собственный страхъ, приноравливаясь къ существующимъ колебаніямъ спроса. При такихъ условіяхъ трудно установить равновѣсіе между отдѣльными частями сложнаго цѣлаго національной промышленности. Свободные капиталы имѣютъ тенденцію устремляться каждый разъ по такимъ путямъ, гдѣ спросъ почему-либо начинаетъ подниматься надъ общимъ уровнемъ. Однако расширеніе производства въ данномъ направленіи имѣетъ свои предѣлы, которые, при существующей дезорганизаціи промышленности въ ея цѣломъ, очень легко перейти. Вотъ почему современная промышленная жизнь должна фатально переживать періодическія колебанія отъ оживленія къ кризису или застою.

Хозяйственный строй, гдѣ крупная промышленность, разсчитанная на широкій (часто заграничный) сбытъ, построена на принципѣ частной предпріимчивости, не можетъ справиться съ лежащей на немъ трудной задачей. Дезорганизація производства сказывается въ разстройствахъ торговли и

кредита. И, дѣйствительно, легко понять, что такое сложное и неустойчивое дѣло, какъ снабженіе матеріальными предметами огромнаго количества людей, связанныхъ въ наше время экономическими узами, не можетъ итти вполнѣ гладко, если регуляторомъ производства является только частная инишіатива крупныхъ предпринимателей.

Въ послѣднее время конкуренція между отдѣльными предпріятіями въ одной и той же отрасли производства стала смѣняться огромными синдикатами; но въ большинствѣ случаевъ принципъ конкуренціи продолжаетъ сохранять силу, а отношенія между отдѣльными отраслями промышленности остаются совершенно неурегулированными. Между тѣмъ источникъ промышленныхъ кризисовъ заключается именно въ анархическихъ отношеніяхъ, въ какихъ стоятъ другъ къ другу отдѣльныя отрасли производства.

Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ, какъ совершается въ настоящее время процессъ расширенія производства.

Г зьмемъ такой моментъ, когда страна располагаетъ еще свободными капиталами, не пущенными ни въ какое промышленное дѣло. Въ какую сторону направится расширеніе національнаго производства съ помощью этихъ капиталовъ?

При господствѣ принципа индивидуальной предпріимчивости очевидно, что это направленіе опредѣлится въ зависимости отъ стихійно сложившихся условій.

Представимъ себѣ, что въ одной странѣ только-что узнали о выгодахъ постройки желѣзныхъ до-

рогъ. Свободные капиталы начинаютъ устремляться въ эту область. Но чтобы построить желѣзную дорогу, необходимо купить рельсы, достать средства существованія для рабочихъ, заготовить строительные матеріалы и т. д. Поднимается спросъ на всѣ эти товары, и производство оживляется, при чемъ это оживленіе распространяется все на новыя отрасли промышленности. Для того, чтобы изготовить рельсы, необходимъ каменный уголь, для постройки локомотивовъ требуются спеціальныя машины и т. д. Происходитъ общій подъемъ темпа промышленной жизни, и всѣ промышленники окрыляются надеждами на крупные барыши. Между тѣмъ, въ существѣ дѣла, источникомъ происходящаго оживленія было только помѣщеніе добавочныхъ капиталовъ въ новую отрасль промышленности. Чтобы благопріятное состояніе всего національнаго производства продолжалось постоянно, необходимымъ условіемъ представляется, чтобы вновь созданная отрасль промышленности не нарушила своей послѣдующей дѣятельностью правильнаго хода другихъ частей національнаго производства. Но такое состояніе можетъ имѣть мѣсто только при строгомъ равновѣсіи между всѣми элементами производства данной страны. А такъ какъ при господствѣ принципа частной предпріимчивости подобное равновѣсіе недостижимо, то вскорѣ наступаютъ тяжелые дни для всего народнаго хозяйства.

Какъ только постройка новыхъ желѣзныхъ дорогъ закончена, прекращается спросъ на всѣ предметы, которые были необходимы для постройки. Желѣзная дорога начинаетъ функціонировать, какъ новое предпріятіе, предлагая свои услуги. Если бы

равновѣсіе между отдѣльными отраслями національной промышленности не было нарушено ранѣе, то отъ такого измѣненія условій не было бы бѣды для народнаго хозяйства. Но такъ какъ происшедшее расширеніе промышленности было во всѣхъ частяхъ связано съ постройкой желѣзныхъ дорогъ, такъ какъ только въ данномъ направленіи были затрачены всѣ свободные капиталы, то сразу наступаетъ крупная перемѣна въ положеніи дѣлъ. Спросъ на продукты, изготовляющіеся въ болѣе широкихъ, сравнительно съ прежними, размѣрахъ, сразу падаетъ, и страна начинаетъ переживать промышленный кризисъ.

Когда же тяжелое время пережито и опять накоплены свободные капиталы, ищущіе производительнаго помѣщенія, начинается снова тотъ же самый процессъ. Распредѣленіе и перераспредѣленіе капиталовъ между отдѣльными отраслями національнаго производства представляются немыслимыми, если не существуетъ планомѣрной организаціи, которая регулировала бы ходъ огромнаго механизма современнаго народнаго хозяйства.

Указанное положеніе еще болѣе обостряется, благодаря вліянію внѣшней торговли; мѣстнымъ предпринимателямъ приходится имѣть дѣло съ экономическими отношеніями не только своей, но и чужихъ странъ. Между тѣмъ ихъ задача осложняется при этомъ, какъ мы видѣли уже при разсмотрѣніи кризиса 1825 года, эмиграціей туземныхъ капиталовъ за границу. Эти капиталы въ первое время своего помѣщенія за границей предъявляютъ усиленный спросъ на товары той страны, откуда они выве-

зены; когда же предпріятія, на устройство которыхъ они употреблены, уже закончены, наступаетъ полное измѣненіе условій. Эмигрировавшіе капиталы перестаютъ уже предъявлять прежній спросъ, а, напротивъ, увеличиваютъ предложеніе товаровъ въ той странѣ, гдѣ они затрачены. Если въ Россіи была построена прядильная фабрика на англійскій капиталъ, то, когда она строилась, она предъявляла спросъ на производимыя въ Англіи прядильныя машины; съ окончаніемъ же постройки фабрика расширяетъ не спросъ, а предложеніе продуктовъ, начиная продавать изготовленную на ней пряжу. Сокращеніе спроса на англійскія машины при такихъ условіяхъ невыгодно отразится на данной отрасли машиностроительнаго дѣла Англіи.

Сказанное объясняетъ намъ и ту долю истины, которая заключается въ теоріяхъ Сисмонди и Родбертуса.

Недостаточность потребленія трудящихся классовъ сама по себѣ еще не является главной причиной кризисовъ, потому что и она, какъ явленіе второго порядка, стоитъ въ зависимости отъ общихъ несовершенствъ современнаго хозяйственнаго строя, которыя порождаютъ, какъ мы видѣли, промышленные кризисы. Но отдѣленіе крупной доли изъ національнаго дохода въ пользу капиталистовъ заставляетъ послѣднихъ усиленно искать новаго помѣщенія для капитализируемой ими части дохода, и это обстоятельство не можетъ не создавать увеличенія погони за устройствомъ новыхъ предпріятій, подающихъ, повидимому, соблазнительныя надежды на будущіе барыши. Правильное распре-

дѣленіе капиталовъ между различными отраслями промышленности становится при такихъ условіяхъ особенно затруднительнымъ.

Дѣло здѣсь не въ томъ, что рабочіе классы становятся все бѣднѣе; напротивъ, ихъ денежный доходъ и ихъ потребленіе могутъ все увеличиваться, не способствуя, однако, уменьшенію шансовъ промышленныхъ потрясеній. Какъ бы велики ни были доходы рабочихъ, разъ капиталисты должны затрачивать часть своихъ барышей на расширеніе производства, они будутъ дѣлать это такъ же стихійно, какъ и при общемъ веденіи промышленныхъ предпріятій. И въ этомъ случаѣ единственной руководящей нитью въ помѣщеніи капиталовъ въ ту или иную отрасль промышленности является для нихъ движеніе рыночныхъ цѣнъ, которое, однако, можетъ указывать не на дѣйствительныя общественныя потребности, а носить чисто спекулятивный характеръ.

Такимъ образомъ при капиталистическомъ строѣ расширеніе производства оказывается чрезвычайно затруднительнымъ, благодаря нарушенію непосредственной связи между производствомъ и потребленіемъ, а, между тѣмъ, нарастаніе прибылей механически побуждаетъ капиталистовъ во что бы то ни стало расширять производство.

Въ этомъ и заключается причина быстрой смѣны промышленнаго оживленія и застоя. Капиталистамъ некогда ждать; какъ только хозяйственная жизнь успокоилась отъ паники, порожденной недавнимъ хаотическимъ расширеніемъ производства, они уже задумываютъ проекты новыхъ предпріятій, такъ какъ свободные капиталы лежатъ праздно, не вы-

полняяя своего главнаго назначенія при капиталистическомъ строѣ—давать доходъ ихъ владѣльцамъ. Такъ мало-по-малу наступаетъ новое оживленіе промышленности, приводящее и къ новому разстройству общественнаго хозяйства.

Если таковы общія причины, порождающія разстройства въ современной хозяйственной дѣятельности, то чѣмъ объяснить разницу въ этихъ разстройствахъ въ первую половину и въ концѣ XIX вѣка? Иначе говоря, почему острые кризисы смѣнились хроническими депрессіями?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ дается перемѣнами, происшедшими въ послѣдней четверти вѣка въ состояніи англійской промышленности и въ общемъ ходѣ англійской и міровой торговли.

Прежде всего наиболѣе неизвѣстными и неустойчивыми рынками для англійскихъ товаровъ являются теперь рынки не на предметы потребленія (хлопчатобумажныя и иныя издѣлія), а на орудія и машины и вообще средства производства, изготовляемыя въ Англіи. Текстильная промышленность съ развитіемъ капитализма настолько уже развилась въ странахъ, пріобрѣтавшихъ прежде продукты этой промышленности изъ Англіи, что въ Англіи прекратились всякія основанія къ неумѣренному расширенію данной отрасли производства. Машиностроительное же дѣло, кораблестроеніе и тому подобныя формы промышленности далеко не успѣли развиться въ аналогичной степени, и потому вывозъ Англіи основывается теперь въ его колеблющейся части, главнымъ образомъ, на торговлѣ такого рода предметами. Между тѣмъ производство многихъ изъ этихъ предметовъ, по существу

дѣла, не допускаетъ неумѣреннаго расширенія. Морскія суда, локомотивы, рельсы, крупныя фабричныя машины и т. д. изготовляются на заказъ. Естественно, что сокращеніе спроса можетъ вызвать при такихъ условіяхъ сокращеніе и пріостановку производства, а не острыя затрудненія въ сбытѣ заранѣе заготовленныхъ товаровъ.

Во-вторыхъ, для помѣщенія англійскихъ капиталовъ въ заграничной промышленной дѣятельности условія также существенно измѣнились. Усиленное желѣзнодорожное строительство прекратилось; вообще, нѣтъ случаевъ для внезапнаго помѣщенія огромныхъ капиталовъ въ рискованныя заграничныя предпріятія. Самый ходъ и развитіе этихъ предпріятій могутъ быть учтены съ большей точностью и быстротой, чѣмъ прежде.

Въ - третьихъ, въ организаціи торговли роль купца-спекулянта значительно сузилась съ распространеніемъ непосредственныхъ связей между производителями и потребителями. Раздѣленіе этихъ двухъ элементовъ участіемъ торговаго посредника, заинтересованнаго въ спекулятивномъ веденіи операцій, такимъ образомъ, во многихъ случаяхъ устранилось.

Въ-четвертыхъ, образованіе крупныхъ торгово-промышленныхъ синдикатовъ не могло не создать болѣе устойчивыхъ основаній для сбыта товаровъ, большаго знанія условій рынка, большей урегулированности отношеній между производствомъ и потребленіемъ.

Въ-пятыхъ, дѣятельность профессіональныхъ рабочихъ союзовъ заставляетъ предпринимателей не расширять чрезмѣрно производства во время про-

мышленнаго оживленія. Рабочіе внимательно слѣдятъ за ходомъ промышленности, заставляя хозяевъ платить имъ больше, когда спросъ на товары поднимается. Это не можетъ не оказывать сдерживающаго вліянія на спекулятивныя стремленія предпринимателей.

Въ-шестыхъ, наконецъ, постепенный подъемъ заработной платы и связанный съ нимъ ростъ потребленія рабочихъ классовъ увеличиваетъ внутренній рынокъ, создавая прочную основу для расширенія производства. Спросъ рабочихъ отличается сравнительно постояннымъ характеромъ, что облегчаетъ расчеты предпринимателей. Въ той мѣрѣ, въ какой расширяется внутреннее потребленіе, капиталисты освобождаются отъ необходимости помѣщенія капитала въ далекія и рискованныя предпріятія.

Вотъ почему острые промышленные кризисы для Англіи отошли уже въ область исторіи. Стали ли они невозможны, вообще, при современныхъ экономическихъ условіяхъ?

На этотъ вопросъ, по моему мнѣнію, необходимо дать отрицательный отвѣтъ.

Въ странахъ, сравнительно недавно выступившихъ на путь капиталистическаго развитія, какъ, напр., въ нашемъ отечествѣ, острые промышленные кризисы могутъ случаться и будутъ происходить, пока будутъ существовать значительная неопредѣленность и неустойчивость рынка для произведеній ихъ обрабатывающей промышленности. Въ Россіи, напр., такая неопредѣленность заключается въ положеніи крестьянства, составляющаго до сихъ поръ главную массу покупателей. нашихъ фабрично-заводскихъ продуктовъ. Пока положеніе крестьян-

ства не станетъ болѣе устойчивымъ, притокъ капиталовъ (въ томъ числѣ и иностранныхъ) въ наши промышленныя предпріятія можетъ влечь за собой усиленное оживленіе дѣлъ на нѣкоторое время, а затѣмъ—застой и кризисъ [1]).

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ нашей промышленности (напр., металлургической) недостатокъ спроса со стороны населенія какъ бы возмѣщается казенными заказами и, вообще, прямымъ содѣйствіемъ государства. Но, какъ показали недавнія событія, и этотъ источникъ оказывается весьма ненадежнымъ, такъ какъ и казенный спросъ не можетъ имѣть постояннаго характера. Съ сокращеніемъ же его, недостатокъ живой связи промышленности съ главной массой населенія проявляется съ еще большой силой.

УЧЕНІЕ О РАСПРЕДѢЛЕНІИ.

Лекція двѣнадцатая.

Понятіе распредѣленія общественнаго дохода. — Заработная плата.—Формы заработной платы.—Абсолютная и относительная плата.— Номинальная и реальная плата.— Плата частью продукта и плата товарами (truck-system).—Срочная и сдѣльная плата.—Прогрессивная заработная плата.— Система участія рабочихъ въ прибыляхъ предпріятія. — Скользящая скала.—Коллективная плата.—Причины, опредѣляющія высоту заработной платы. — Теорія минимума средствъ существованія. — Теорія фонда заработной платы. — Теорія производительности. — Теорія Брентано. — Теорія субъективныхъ оцѣнокъ.—Каковы же причины, опредѣляющія высоту заработной платы въ капиталистическомъ строѣ общественнаго хозяйства?—Различія въ уровнѣ заработной платы въ передовыхъ капиталистическихъ странахъ (Америкѣ и Англіи) и Россіи.

Мм. гг. Въ прошлый разъ мы закончили ученіе объ обмѣнѣ. Мы видѣли, что по условіямъ современнаго хозяйственнаго строя, основаннаго на широкомъ проведеніи принципа раздѣленія труда, обмѣнъ составляетъ необходимую промежуточную стадію въ общемъ процессѣ развитія экономической дѣятельности, связывающую производство хозяйственныхъ благъ съ ихъ распредѣленіемъ. Поэтому, вслѣдъ за выясненіемъ сущности и значенія мѣновыхъ отношеній, естественно возникаетъ вопросъ объ ихъ результатахъ, т.-е. о распредѣ-

леніи[1]) общей массы продуктовъ, произведенныхъ въ данномъ обществѣ между главными группами и классами, на которые оно распадается.

Если выдѣлить изъ валового дохода современнаго общества, т.-е. общей совокупности продуктовъ, произведенныхъ за данный хозяйственный періодъ, его чистый доходъ, то мы найдемъ, что этотъ остатокъ распредѣляется въ весьма различныхъ доляхъ между главными группами, изъ которыхъ слагается общественный союзъ.

Было бы въ высшей степени интересно опредѣлить съ возможной точностью, на основаніи статистическаго наблюденія, какъ общую сумму чистаго дохода націи и его процентное отношеніе къ валовому доходу, такъ и абсолютныя цифры и процентныя отношенія между главными частями самого чистаго дохода. При такомъ вычисленіи мы узнали бы, насколько производительны трудовыя усилія современнаго человѣчества, какую сумму предметовъ удовлетворенія его потребностямъ получаетъ оно взамѣнъ расходуемой на это трудовой энергіи.

---

1) Идея «распредѣленія» національнаго продукта (богатства) и самый терминъ встрѣчается впервые у *Тюрго* (въ соч. „Réflexions sur la formation et la distribution des richesses“, вышедшемъ первымъ изданіемъ въ 1770 году) и *Адама Смита* (первая книга «Богатства народовъ»). Впрочемъ, нѣкоторыя замѣчанія по этому вопросу можно найти уже у *Кенэ* (въ „Analyse du tableau économique“, вышедшемъ въ 1766 году). Въ качествѣ самостоятельнаго отдѣла ученіе о распредѣленіи появляется въ Англіи, въ забытомъ теперь сочиненіи *Boileau*: „Introduction to the study of Political Economy“ 1811 г., и во Франціи въ курсѣ *Сэ* „Traité d'Economie Politique“, 2-е изд. 1814 г. См. *Edwin Cannan*, „A history of the theories of production and distribution in English political economy, from 1776 to 1848». London, 1894, 33—35 и 183—185.

Отвлекаясь отъ различныхъ формъ распредѣленія и разсматривая чистую выручку современныхъ культурныхъ націй, мы узнали бы, такъ сказать, ту подготовку, съ которой онѣ выступаютъ на поприщѣ міровой культуры. Затѣмъ, обратившись къ изученію чистаго дохода, мы увидѣли бы, какую долю энергіи современное общество затрачиваетъ на непосредственно-общественныя цѣли (доходъ государства и органовъ мѣстнаго управленія) и какая доля въ конечномъ счетѣ достается частнымъ лицамъ. Наконецъ въ этой послѣдней долѣ мы различили бы части, приходящіяся каждому изъ главныхъ общественныхъ классовъ: землевладѣльцамъ, капиталистамъ, предпринимателямъ и рабочимъ.

Къ сожалѣнію, время не позволяетъ намъ остановиться на этотъ вопросѣ; къ тому же и статистическая разработка его до сихъ поръ еще весьма несовершенна. Мы ограничимся поэтому только разсмотрѣніемъ чистаго дохода главныхъ общественныхъ группъ и притомъ не въ общей суммѣ его, а въ сравнительныхъ размѣрахъ, приходящихся на единицу каждаго вида доходовъ. Иначе говоря, мы попытаемся выяснить, каковы причины, опредѣляющія высоту заработной платы, процента на (ссужаемый) капиталъ, предпринимательской прибыли и поземельной ренты. Что же касается дохода общественной власти, то его изученіе не входитъ въ рамки политической экономіи, составляя предметъ спеціальной отрасли обществовѣдѣнія—финансовой науки, и потому мы его и не будемъ касаться.

Указанныя нами четыре формы чистаго дохода въ дѣйствительной жизни выступаютъ не всегда въ рѣзко обособленномъ видѣ; въ доходѣ, напр., само-

стоятельнаго ремесленника прибыль на капиталъ сливается съ заработной платой; въ доходѣ мелкаго земельнаго собственника, обрабатывающаго свою землю собственнымъ трудомъ, слиты всѣ виды доходовъ. Тѣмъ не менѣе для цѣлей теоретическаго изслѣдованія расчлененіе доходовъ на самостоятельныя отрасли представляется безусловно необходимымъ для отчетливаго выясненія тѣхъ особенностей, которыя присущи каждому виду доходовъ.

Начнемъ съ заработной платы. Подъ этой формой дохода экономическая наука понимаетъ чистый доходъ лица, участвующаго въ производствѣ хозяйственныхъ благъ непосредственно, личнымъ своимъ трудомъ.

Въ качествѣ самостоятельной, вполнѣ обособленной формы дохода заработная плата появляется впервые съ установленіемъ основаній современнаго экономическаго строя, сосредоточенія средствъ и орудій производства въ рукахъ одного общественнаго класса и освобожденія трудящихся массъ не только отъ личной зависимости отъ феодальныхъ владѣльцевъ или отъ помѣщиковъ, но и отъ средствъ къ самостоятельному существованію.

На зарѣ капиталистическаго режима на фонѣ хозяйственныхъ отношеній появляется новый типъ работника, лишеннаго средствъ и орудій производства и располагающаго только рабочей силой. Юридическія условія новаго общественнаго строя сдѣлали его свободнымъ, полноправнымъ гражданиномъ; его экономическое положеніе низводитъ его къ прежнему зависимому состоянію. Онъ продаетъ на рынкѣ свою рабочую силу, вступая въ свободное соглашеніе съ капиталистомъ, владѣльцемъ

средствъ производства; но фактически онъ не имѣетъ свободы.

Однако и юридическая свобода рабочаго въ началѣ капиталистическаго періода была далеко не полна. Рабочіе союзы и стачки въ началѣ текущаго столѣтія были запрещены во всѣхъ капиталистическихъ государствахъ. Рабочимъ понадобилось много усилій, чтобы добиться отмѣны законодательныхъ ограниченій, стѣснявшихъ свободу ихъ дѣятельности; но и въ настоящее время равноправность въ отношеніяхъ между хозяевами и рабочими (и то не полная) существуетъ только въ Англіи и ея колоніяхъ и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки; въ другихъ же европейскихъ государствахъ рабочіе и теперь сильно ограничены, если на закономъ, то административной практикой.

Такимъ образомъ, только въ недавнее время, путемъ долгаго приспособленія къ новымъ жизненнымъ условіямъ, европейскому рабочему удалось въ нѣкоторыхъ случаяхъ стать при заключеніи договора съ хозяевами приблизительно въ равныя условія; однако полнаго равенства сторонъ вплоть до настоящаго времени нельзя найти въ самыхъ передовыхъ по культурному развитію государствахъ.

Приступая къ изслѣдованію заработной платы въ современныхъ капиталистическихъ странахъ, мы прежде всего должны обратить вниманіе на различныя формы заработка, установить, кромѣ общаго понятія заработной платы, ея главнѣйшіе виды, чтобы впослѣдствіи, при изслѣдованіи причинъ, опредѣляющихъ размѣры вознагражденія за трудъ, не смѣшивать въ одно разныхъ по существу формъ изучаемаго явленія.

Имѣя въ виду прежде всего, что заработная плата составляетъ въ настоящее время только часть чистаго дохода общества, мы раздѣлимъ ее на абсолютную и относительную заработную плату.

Подъ абсолютной заработной платой мы понимаемъ размѣры вознагражденія рабочаго безъ всякаго отношенія къ его долѣ въ дѣлежѣ продукта, созданнаго его трудомъ. Если рабочій получаетъ въ годъ, скажемъ, 300 руб., мы знаемъ размѣръ его заработка. Если же цѣнность продукта, созданнаго имъ и составляющаго чистый доходъ производства, намъ извѣстна, то мы можемъ отдать себѣ отчетъ и въ относительной заработной платѣ, выводя ея процентное отношеніе какъ ко всему чистому доходу общества, такъ и къ отдѣльнымъ долямъ его, т.-е. къ доходу капиталистовъ, предпринимателей, землевладѣльцевъ и общественной власти. Если чистый доходъ общества отъ труда даннаго лица составляетъ 600 руб., то, согласно нашему примѣру, относительная заработная плата составитъ всего 50%.

Допустимъ, что при различіи въ производительности труда разные рабочіе производятъ каждый въ своемъ предпріятіи чистаго дохода:

Американецъ	1.500 р.
Англичанинъ	1.000 »
Русскій	500 »

Принимая, что относительная заработная плата каждаго изъ нихъ будетъ 50%, мы найдемъ уже и слѣдующіе размѣры абсолютной заработной платы, крайне неравные.

Американецъ получитъ	. . .	750 р.
Англичанинъ »	. . .	500 »
Русскій »	. . .	250 »

Если бы русскому удалось даже захватить въ свои руки весь продуктъ, то при данной производительности труда его вознагражденіе составило бы только величину, въ полтора раза меньшую дохода американскаго рабочаго, предполагая, что американцу достается всего только половина созданнаго имъ продукта.

Вотъ почему на развитіе капиталистическаго производства въ случаяхъ, благопріятныхъ для рабочихъ, т.-е. при свободѣ защиты ими ихъ интересовъ и при высокой степени образованія (условій, способствующихъ производительности труда), слѣдуетъ смотрѣть не какъ на задержку въ прогрессивномъ развитіи экономическихъ отношеній, а какъ на прямой шагъ впередъ по пути къ лучшему будущему. Новыя отношенія не могутъ явиться сразу взамѣнъ прежнихъ условій жизни; пришествіе ихъ подготовляется медленной, но вѣрной работой культурнаго прогресса на почвѣ данныхъ экономическихъ и политическихъ условій.

Переходимъ теперь къ дальнѣйшимъ подраздѣленіямъ заработной платы.

Современное хозяйство, какъ мы знаемъ, предполагаетъ широко развитой денежный обмѣнъ. И рабочіе, по общему правилу, получаютъ въ вознагражденіе за ихъ трудъ извѣстную сумму денегъ. Очевидно, что степень благосостоянія рабочаго измѣряется не величиной его денежнаго заработка самого по себѣ, а той суммой предметовъ необхо-

димости или удобства и т. п., которыми онъ можетъ пользоваться на получаемыя деньги. Отсюда и различаютъ денежную, или номинальную заработную плату, и реальную, то-есть совокупность предметовъ пользованія и потребленія рабочаго.

При одинаковыхъ размѣрахъ денежной заработной платы (номинальной) благосостояніе рабочихъ будетъ различно, смотря по степени покупательной силы получаемыхъ ими денегъ. Въ большомъ городѣ, гдѣ жизнь дорога, одинаковая по размѣрамъ номинальная плата фактически будетъ ниже, чѣмъ заработокъ рабочихъ небольшого мѣстечка, гдѣ дешевле квартиры, жизненные припасы и другіе предметы потребленія рабочаго.

Равнымъ образомъ, по номинальной платѣ трудно составить себѣ представленіе о сравнительномъ благосостояніи рабочихъ въ различныхъ странахъ; при оцѣнкѣ положенія рабочихъ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ жизнь дороже, необходимо принимать въ расчетъ это обстоятельство, чтобы не прійти къ неправильнымъ выводамъ, основываясь единственно на размѣрахъ номинальной платы.

Къ сожалѣнію, точное опредѣленіе реальной платы всегда сопряжено съ огромными затрудненіями; для этого необходимо знать цѣны на главнѣйшіе предметы потребленія рабочихъ за то именно время, къ которому относятся свѣдѣнія о номинальной платѣ. Такихъ данныхъ о цѣнахъ (и притомъ въ опредѣленныхъ районахъ) часто невозможно получить, и при опредѣленіи уровня реальной платы приходится довольствоваться только приблизительными соображеніями. Однако даже и въ такомъ, мало совершенномъ видѣ вычисленія размѣровъ реаль-

ной заработной платы представляются чрезвычайно цѣннымъ матеріаломъ для дополнительной характеристики къ свѣдѣніямъ, касающимся номинальной платы.

Но если господствующей формой современнаго заработка является денежная плата, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы встрѣчаемся все-таки съ остатками прежняго хозяйственнаго строя—въ видѣ вознагражденія рабочихъ натурой.

Въ платѣ натурой необходимо различать два вида:

1) плату частью продукта (produce wages);

2) плату товарами (truck-system).

Первый случай соединяется съ натуральной формой хозяйства; рабочій получаетъ часть произведеннаго имъ продукта, который и обращаетъ прямо на собственное потребленіе (уголь на топливо — для углекоповъ, хлѣбъ—для земледѣльческихъ рабочихъ). Въ настоящее время такая форма заработной платы, какъ основная форма вознагражденія за трудъ, можетъ удерживаться только въ сельскомъ хозяйствѣ. Но и здѣсь, въ виду господства мѣновыхъ отношеній въ общей экономикѣ страны, плата продуктами представляетъ неудобства для рабочаго, благодаря ея неопредѣленности. Правда, въ данномъ случаѣ неопредѣленной оказывается только цѣнность получаемаго продукта, количество же его всегда точно извѣстно заранѣе, поддается констатированію и качество. Самая цѣнность продукта не зависитъ отъ произвола хозяина, опредѣляясь состояніемъ рынка. Тѣмъ не менѣе, въ случаѣ паденія хлѣбныхъ цѣнъ, такой способъ расплаты является замаскированной формой пониженія зара-

ботной платы, если часть заработаннаго хлѣба рабочій долженъ продать, чтобы покрыть неотложныя нужды.

Второй случай (расплата товарами) представляетъ уже прямое злоупотребленіе и всегда вреденъ для рабочихъ, такъ какъ при немъ неопредѣленна не только цѣнность, но и количество и качество даваемыхъ рабочему продуктовъ, и притомъ въ зависимости не отъ внѣшнихъ условій рынка, а отъ усмотрѣнія хозяина. Truck-system находится въ коренномъ противорѣчіи съ общимъ строемъ современнаго хозяйства, предполагающаго широкій денежный обмѣнъ, и въ настоящее время почти повсюду устранена прямымъ вмѣшательствомъ общественной власти (фабричнымъ законодательствомъ).

Подобно многимъ несправедливостямъ въ общественной жизни, и расплата товарами изъ фабричныхъ лавокъ въ началѣ выросла изъ естественныхъ жизненныхъ потребностей и лишь потомъ сдѣлалась источникомъ злоупотребленій, будучи предоставлена произволу частныхъ лицъ внѣ разумнаго общественнаго контроля.

Въ Англіи первоначально фабрики устраивались вдали отъ постоянныхъ поселеній, въ мѣстностяхъ, гдѣ можно было найти достаточно сильный водяной двигатель; естественно, что хозяева должны были устраивать продажу рабочимъ различныхъ предметовъ потребленія. Взявшись за это дѣло, они стали извлекать изъ него спеціальныя выгоды, продавая рабочимъ товары дороже обычной рыночной цѣны и урѣзывая, такимъ образомъ, ихъ заработную плату. Кромѣ того, хозяева обставляли выдачу товаровъ условіями, унизительными для человѣческаго до-

стоинства рабочихъ, пользуясь ихъ беззащитностью. Матери, жены и дѣти рабочихъ, приходившія за полученіемъ товаровъ, должны были ждать иногда цѣлую ночь, а когда лавка, наконецъ, открывалась, подвергались издѣвательствамъ и даже побоямъ со стороны хозяина или приказчика, завѣдывавшаго лавкой [1]).

Сокращеніе заработка при такомъ способѣ расплаты доходило до 25 и 30%, при чемъ самые товары, сдававшіеся рабочимъ, часто отличались дурнымъ качествомъ или не соотвѣтствовали ихъ желаніямъ и вкусамъ.

Въ настоящее время truck-system встрѣчается рѣдко. Въ нѣкоторыхъ государствахъ она прямо запрещена (между прочимъ, и въ Россіи закономъ 3 іюня 1886 года), въ нѣкоторыхъ она не можетъ держаться, благодаря сопротивленію рабочихъ (напр., во Франціи; однако есть основанія думать, что и во Франціи общее запрещеніе закона было бы не лишнимъ).

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ такая система еще существуетъ, она поддерживается, главнымъ образомъ, слабымъ развитіемъ денежнаго и кредитнаго хозяйства и беззащитностью рабочихъ. Напр., въ Канадѣ truck-system держится до сихъ поръ въ такихъ округахъ, гдѣ мало кредитныхъ учрежденій, гдѣ рабочіе невѣжественны и не организованы, и въ глухихъ

---

1) См. описаніе выдачи продуктовъ изъ фабричной лавки въ романѣ Дизраэли «Sybil». Реальность этого изображенія была впослѣдствіи подтверждена и офиціальными изслѣдованіями. См., напр., свидѣтельство одного члена парламентской комиссіи 1870 г. у *M. Lambert,* Etude sur la protection du salaire à l'égard du patron. Montpellier, 1896, стр. 8.

отрасляхъ промышленности, которыя зависятъ отъ сезона. Напр., въ нѣкоторыхъ копяхъ работы пріостанавливаются надолго, благодаря суровой зимѣ; рабочіе не могутъ пользоваться кредитомъ у лавочниковъ на столь продолжительный срокъ (четыре мѣсяца, а иногда и болѣе) и потому волей-неволей забираютъ на это время товаръ изъ хозяйскихъ лавокъ, обязываясь принимать такую систему расплаты и во время рабочаго сезона[1]).

Далѣе заслуживаетъ вниманія дѣленіе заработной платы по продолжительности срока ея выдачи (годовая, сезонная, мѣсячная, двухнедѣльная и т. д.). Въ настоящее время въ наиболѣе развитыхъ капиталистическихъ государствахъ господствующей формой является недѣльная заработная плата, какъ наиболѣе выгодная для рабочихъ. Въ мѣстностяхъ со слабо развитымъ кредитомъ или гдѣ рабочіе не организованы, плата выдается и въ настоящее время черезъ болѣе долгіе сроки (это явленіе въ широкой мѣрѣ наблюдается и въ Россіи).

Объ убыточности платы въ долгій срокъ для рабочихъ можно судить по слѣдующимъ показаніямъ рабочихъ въ упомянутой уже канадской комиссіи труда: при еженедѣльной расплатѣ,—говорили они,—они могли дѣлать на 25% лучшее употребленіе изъ полученныхъ денегъ, чѣмъ при равной ежемѣсячной платѣ, потому что тогда они бываютъ вынуждены покупать въ кредитъ. Еще было хуже, когда хозяева

---

[1]) *John Davidson,* The Bargain Theory of Wages. New-York, 1898, стр. 289—296. По словамъ Дэвидсона, хозяева получаютъ огромные барыши отъ фабричныхъ лавокъ: одна хорошо извѣстная ему копь даже прямо эксплуатируется ради прибыли отъ лавки.

выдавали, вмѣсто наличныхъ денегъ, кредитныя росписки. Одинъ свидѣтель показывалъ въ комиссіи, что лавочники принимали отъ него такія росписки, полученныя отъ хозяина, на 60% меньше ихъ номинальной стоимости [1]).

Съ точки зрѣнія вычисленія заработка, приходящагося каждому рабочему, заработная плата дѣлится на двѣ основныя формы — срочную, или плату по времени, и сдѣльную, или поштучную (time-wage и piece-wage, по англійской терминологіи). Всѣ остальные примѣняющіеся въ настоящее время способы опредѣленія размѣровъ заработка примыкаютъ такъ или иначе къ этимъ двумъ формамъ.

Въ недавнее сравнительно время въ экономической литературѣ было очень распространено мнѣніе, что наилучшей формой платы для рабочаго оказывается срочная плата и что сдѣльная плата устанавливается хозяевами исключительно съ цѣлями наибольшей эксплуатаціи рабочихъ. При сдѣльной платѣ, — говорили сторонники этого воззрѣнія, — вознагражденіе за выдѣлку единицы продукта опредѣляется такимъ образомъ, что общій заработокъ средняго рабочаго при среднемъ напряженіи труда оказывается ниже, чѣмъ при срочной платѣ. Только рабочіе, отличающіеся особеннымъ искусствомъ, или трудящіеся съ наибольшимъ напряженіемъ, получатъ столько, сколько получалъ бы средній рабочій, нанятый за срочную плату. Отсюда дѣлали и дальнѣйшій выводъ, что фабриканты всегда высказываются за сдѣльную плату, а рабочіе—всегда за срочную. Позднѣйшія изслѣдованія вопроса показали,

---

1) *Davidson*, указ. соч., стр. 284—287.

однако, что мнѣніе это было основано на маломъ знакомствѣ съ дѣйствительной жизненной практикой [1]).

Оказалось, напр., что большинство англійскихъ организованныхъ рабочихъ (т.-е. наиболѣе сознательно отстаивающихъ свои интересы) высказываются за сдѣльную работу. Именно, среди англійскихъ профессіональныхъ рабочихъ союзовъ, имѣющихъ каждый болѣе тысячи членовъ, 49 союзовъ съ 573.000 членовъ настаиваютъ на сдѣльной платѣ и 38 съ 290.000 членовъ высказываются противъ нея. Наиболѣе крупные изъ союзовъ, требующихъ сдѣльной платы,—союзы угольныхъ и текстильныхъ рабочихъ. По объясненію одного изъ руководящихъ членовъ союза прядильщиковъ, сдѣльная плата выгодна для рабочихъ въ прядильной промышленности, потому что она гарантируетъ ихъ отъ злоупотребленій со стороны хозяевъ. Работа прядильщика измѣняется въ интенсивности соотвѣтственно количеству веретенъ, при которыхъ онъ работаетъ, и быстротѣ движенія механизма. Эти же обстоятельства опредѣляютъ и количество вырабатываемаго продукта. Когда хозяинъ заводитъ новыя машины съ большимъ количествомъ веретенъ и пускаетъ ихъ быстрѣе, чѣмъ прежде, повышеніе энергіи работника очень легко усчитать по количеству единицъ вырабатываемаго имъ продукта (которое соотвѣтственно увеличивается). Между тѣмъ при срочной платѣ пришлось бы усчитывать непосредственное

[1]) Лучшія работы по вопросу о сдѣльной и срочной заработной платѣ принадлежатъ *Д. Шлоссу* (Methods of Industrial Remuneration) и супругамъ *Веббъ* (Industrial Democracy). Цѣнныя замѣчанія содержатся также въ указ. уже выше соч. *Дэвидсона* (The Bargain Theory of Wages).

повышеніе энергіи, что было бы очень хлопотливо и требовало бы частаго пересмотра расцѣнокъ. При сдѣльной же платѣ, вычисляемой соразмѣрно количеству выработанной пряжи, рабочій автоматически извлекаетъ выгоду изъ всякаго увеличенія количества веретенъ или быстроты движенія машинъ [1]).

Есть основаніе думать, что съ увеличеніемъ размѣровъ предпріятій и бо́льшимъ проведеніемъ раздѣленія труда случаи примѣненія сдѣльной платы должны увеличиться. Въ мелкихъ мастерскихъ, гдѣ рабочій выполняетъ разнообразныя работы, было бы трудно вычислять плату за каждую операцію отдѣльно. На большой же фабрикѣ, гдѣ рабочій выполняетъ изо дня въ день одно и то же дѣло, введеніе сдѣльной платы не представляетъ затрудненій. Задача рабочихъ (союзовъ) заключается при этомъ во внимательномъ наблюденіи за измѣненіями процесса работы.

При преобразованіи формы производства сдѣльная плата оказывается иногда удобной для рабочихъ. Напримѣръ, въ производствѣ обуви въ Англіи введеніе машинъ взамѣнъ ручной работы значительно подняло интенсивность труда, а потому рабочіе стали требовать сдѣльной платы, чтобы не упустить своей доли выгоды отъ примѣненія улучшенныхъ пріемовъ производства и чтобы избѣжать постоянныхъ споровъ съ хозяиномъ относительно размѣровъ выработки, опредѣляемыхъ при срочной платѣ [2]).

Относительно вліянія ускоренія хода машинъ на установленіе сдѣльной платы мы уже имѣли слу-

---

1) *Webb*, указ. соч., стр. 288—289.

2) *Schloss*, указ. соч., стр. 54—55 и 57—59.

чай убѣдиться на вышеприведенномъ примѣрѣ прядильной промышленности.

Зная, почему рабочіе настаиваютъ на поштучной платѣ, мы легко поймемъ, когда для рабочихъ выгодна, наоборотъ, срочная. плата. Таковы отрасли промышленности, гдѣ рабочій выполняетъ разнообразныя несоизмѣримыя другъ съ другомъ операціи (механики, литейщики, плотники и столяры, каменщики и слесаря). Въ такихъ занятіяхъ коллективный договоръ при системѣ сдѣльной платы былъ бы немыслимъ, потому что пришлось бы заключать особую сдѣлку съ каждымъ рабочимъ, да еще на каждую спеціальную операцію. Сдѣльная плата ставила бы рабочаго въ невыгодное положеніе. Даже въ такой работѣ, какъ плотника или каменщика, которая на первый взглядъ представляется однообразной, на самомъ дѣлѣ нельзя найти общей единицы мѣры, къ которой могли бы быть сведены нормы поштучной платы [1]).

Такимъ образомъ выгоды или невыгоды для рабочихъ отъ срочной или сдѣльной платы зависятъ отъ особенностей промысла, имѣя, конечно, въ виду, что рабочіе достаточно организованы, чтобы отстоять свои интересы. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда рабочіе слабы, хозяинъ пользуется поштучной платой, чтобы повысить энергію рабочихъ безъ увеличенія вознагражденія за трудъ. Это обстоятельство и вводило въ заблужденіе прежнихъ экономистовъ, не признававшихъ значенія за рабочими союзами.

Для повышенія энергіи рабочихъ, безъ соотвѣтственнаго увеличенія вознагражденія, хозяинъ можетъ пользоваться и иными формами расплаты.

---

1) *Webb*, указ. соч., стр. 290—298.

Такова, во-первыхъ, «прогрессивная» заработная плата, при которой нѣкоторымъ рабочимъ назначаются особыя преміи сверхъ общей нормы заработка, если они сработаютъ больше положеннаго количества продуктовъ.

Въ сущности, такая форма расплаты представляетъ собой замаскированное пониженіе средняго уровня заработной платы, такъ какъ «преміи» начинаютъ выдаваться только послѣ выполненія работы, представляющей максимумъ усилій, доступныхъ среднему рабочему. Онѣ достаются, такимъ образомъ, на долю только тѣхъ рабочихъ, которые находятся въ особенно благопріятныхъ условіяхъ сравнительно съ большинствомъ ихъ товарищей, по физическимъ ли свойствамъ или по какимъ-либо другимъ обстоятельствамъ, дающимъ возможность выполнять чрезмѣрно большую работу.

Преміи составляютъ, такимъ образомъ, несправедливость по отношенію къ главной массѣ рабочихъ, заставляя ихъ напрягать силы безъ повышенія заработка и выдѣляя изъ ихъ среды немногихъ счастливцевъ, пользующихся привилегированнымъ положеніемъ. Случаи, когда такой способъ расплаты выгоденъ для рабочихъ, составляютъ лишь исключенія [1]). Шлоссъ указываетъ, что онъ хорошъ для молодыхъ рабочихъ, обучающихся промыслу, такъ какъ онъ поощряетъ ихъ энергію и прилежаніе [2]). Но, конечно, и здѣсь вліяніе его лишь косвенное. Вообще же, рабочіе союзы справедливо противятся

---

[1]) Такова, напр., организація премій, примѣненная впервые въ одномъ предпріятіи въ Канадѣ (подробно описанная у *Шлосса*, указ. соч., стр. 100 и сл.).

[2]) *Schloss*, указ. соч., стр. 89—91.

такому способу расплаты, такъ какъ онъ создаетъ неравенство въ положеніи рабочихъ по чисто случайнымъ качествамъ (большая выносливость, большое усердіе), нарушая священный для рабочихъ принципъ «нормальнаго уровня» (Standard Rate). Рабочихъ, которыхъ хозяева выбираютъ для повышенія средняго напряженія энергіи, ихъ товарищи называютъ нелестными кличками «chasers» (въ механическихъ мастерскихъ), «runners» и «bellhorses» (въ строительномъ дѣлѣ) [1]. Такой типъ отмѣченъ и у насъ Некрасовымъ въ лицѣ рабочаго, пострадавшаго благодаря усиленнымъ похваламъ подрядчика (въ данномъ случаѣ премія была даже не денежная, а въ «идеальной» формѣ кулацкой лести).

Иное значеніе имѣетъ другой видъ прибавокъ къ обычной нормѣ заработной платы, распространяющихся уже не на немногихъ избранниковъ, а на всю массу рабочихъ, трудящихся въ предпріятіи. Это—система участія въ прибыляхъ, при которой рабочіе получаютъ извѣстную долю прибыли въ свою пользу, если барышъ предпринимателя поднимается, благодаря ихъ усиліямъ, выше условленной нормы. Такая прибавка, выгодная для предпринимателя, потому что способствуетъ повышенію трудового напряженія рабочихъ, представляется выигрышемъ и для всѣхъ рабочихъ, потому что распредѣляется между ними равномѣрно.

Въ хозяйственной практикѣ участіе въ прибыляхъ встрѣчается рѣдко, потому что выгоды для хозяина при немъ не настолько значительны, чтобы онъ рѣшился, при господствующихъ въ современ-

---

1) *Schloss*, указ. соч., стр. 94—95.

ной жизни взглядахъ на отношенія между предпринимателями и рабочими, установить такую систему, при которой приходится до нѣкоторой степени посвящать рабочихъ въ тайны предпріятія. Надежды же на моральныя выгоды (болѣе мирныя отношенія рабочихъ къ хозяевамъ) также не оправдались на дѣлѣ.

Въ настоящее время намъ кажется просто удивительнымъ увлеченіе экономистовъ этой системой. А между тѣмъ желаніе видѣть наступленіе «соціальнаго мира» при сохраненіи существующаго экономическаго строя было настолько сильно, что даже въ изобрѣтеніи новой формы расплаты съ рабочими охотно видѣли «зарю новыхъ дней». Въ 1867 году извѣстный германскій статистикъ Эрнстъ Энгель закончилъ публичную лекцію объ участіи въ прибыляхъ слѣдующими словами: «Нѣтъ болѣе соціальнаго вопроса; его можно считать уже вполнѣ разрѣшеннымъ».

Первые предприниматели, примѣнившіе участіе въ прибыляхъ (Леклэръ — во Франціи и Бриггсъ — въ Англіи), имѣли въ виду, главнымъ образомъ, прекратить враждебное отношеніе рабочихъ [1]). Въ первое время результаты были, дѣйствительно, благопріятны въ данномъ отношеніи, но вскорѣ наступило разочарованіе. Съ развитіемъ рабочихъ

---

1) Бриггсу рабочіе угрожали даже смертью. Въ одномъ письмѣ рабочій обѣщалъ его пристрѣлить, какъ «нечестиваго Ахава». Другой рабочій сознавался впослѣдствіи, что онъ былъ очень невысокаго мнѣнія о своемъ хозяинѣ: «Кажется, я говорилъ, что онъ былъ бы дьяволъ, если бы у него только были рога». Третій высказывался не менѣе рѣзко, хотя и въ болѣе общей формѣ: «Всѣ хозяева угольныхъ копей — черти, а Бриггсъ — князь бѣсовскій». См. *Thornton*, On Labour, стр. 342—353.

союзовъ естественно возникъ вопросъ, что выгоднѣе для рабочихъ: принять ли предлагаемую хозяевами систему участія въ прибыляхъ предпріятія и отказаться отъ союзовъ, или поступить такъ, какъ дѣлаетъ большинство товарищей, т.-е. организоваться?

Въ огромномъ количествѣ случаевъ рабочіе рѣшаютъ вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ.

Между тѣмъ хозяева настаиваютъ, чтобы рабочіе никоимъ образомъ не вступали въ союзы или обставляютъ это вступленіе весьма стѣснительными условіями.

Отсюда поводы къ постояннымъ взаимнымъ неудовольствіямъ, пока, наконецъ, обѣ стороны не откажутся отъ продолженія установленной системы.

Неудачи хозяевъ объясняются въ данномъ случаѣ тѣмъ, что они втайнѣ желаютъ не добрыхъ отношеній съ рабочими, а подчиненія ихъ своему произволу. Если бы хозяева, дѣйствительно, добивались прежде всего добрыхъ отношеній къ рабочимъ, они уважали бы ихъ человѣческое достоинство и, слѣдовательно, признали бы за ними право дѣйствовать самостоятельно, объединяясь въ союзы [1]).

Статистика примѣненія системы участія въ прибыляхъ показываетъ, что эта система до сихъ поръ встрѣчается очень рѣдко.

Наиболѣе примѣнима она, повидимому, только въ такихъ предпріятіяхъ, гдѣ трудъ играетъ преобладающую роль въ комбинаціи факторовъ производства. Напр., въ угольныхъ копяхъ расходы на трудъ составляютъ около 70—80% всей суммы

[1]) *R. Einhauser*, Die Gewinnbeteiligung въ Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft, 1898, стр. 250—253.

издержекъ [1]). Однако даже и здѣсь введеніе ея, какъ мы видѣли, затрудняется оппозиціей рабочихъ союзовъ. Въ Англіи въ послѣднее время по всему отдѣлу экстрактивной промышленности (mining and quarrying, т.-е. не только угольная промышленность, но и добываніе руды и каменоломни) числилось рабочихъ, принимающихъ эту систему, всего на всего 340 человѣкъ. Система участія въ прибыляхъ примѣнялась въ Англіи въ 1897 году всего въ 94 предпріятіяхъ (считая и колоніи) съ количествомъ рабочихъ въ 47.075 человѣкъ. За время съ 1829 по 1897 г. эта система встрѣчалась у 170 фирмъ и изъ нихъ въ 73 случаяхъ была прекращена [2]). Такіе же ничтожные результаты наблюдаются и въ государствахъ европейскаго континента.

Въ заключеніе замѣтимъ еще, что и повышеніе платы, милостиво даруемое хозяевами рабочимъ при системѣ участія въ прибыляхъ, иногда оказывается призрачнымъ. Напр., когда англійскіе рабочіе союзы были опрошены относительно размѣровъ заработной платы при системѣ участія въ прибыляхъ, сравнительно съ нормой, требуемой рабочими союзами, то оказалось, что въ 14 случаяхъ изъ 42 при этой системѣ давалась низшая плата, чѣмъ какая была установлена рабочими союзами, а въ 19 случаяхъ нельзя было провести сравненія, такъ какъ въ этихъ промыслахъ совсѣмъ не было рабо-

---

[1]) *R. Einhauser*, указ. соч., стр. 239—240. См. также докладъ берлинскаго фабриканта *Weigert'a* въ засѣданіи «Союза Соціальной Политики». Schriften des Vereins für Socialpolitik, Bd. VI, стр. 15—38.

[2]) *D. Schloss*, указ. соч., стр. 262—263.

чихъ союзовъ. Указывали и на другія злоупотребленія хозяевъ [1]).

Нѣкоторую аналогію (въ обратномъ порядкѣ) представляетъ такая форма платы, гдѣ работники принимаютъ участіе не въ прибыляхъ, а убыткахъ хозяина. Она распространена въ особенности въ Англіи подъ названіемъ «скользящей скàлы» расчетовъ (sliding scale).

При быстрыхъ измѣненіяхъ въ состояніи рынка, какими характеризуется современная хозяйственная жизнь, приходится считаться съ фактами внезапнаго сильнаго паденія цѣнъ на какіе-либо товары, благодаря чему предприниматель оказывается не въ состояніи производить расцѣнку труда своимъ рабочимъ по прежней нормѣ. Англійскіе рабочіе часто соглашаются въ такихъ случаяхъ на нѣкоторое пониженіе платы за трудное для промышленности время съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи условія договора были пересмотрѣны (черезъ $^1/_2$ года, $^1/_4$ года, 2 мѣс. и т. п.), и плата была измѣнена соотвѣтственно новымъ рыночнымъ цѣнамъ на товары. Легко видѣть, что и этотъ способъ расплаты преслѣдуетъ, главнымъ образомъ, выгоды предпринимателей.

При господствующей въ капиталистическихъ хозяйственныхъ отношеніяхъ системѣ конкуренціи, благодаря «скользящей скалѣ», предприниматели могутъ вести ожесточенную борьбу со своими конкурентами, перенося рискъ этой борьбы не на свои доходы, а на плату рабочихъ. Вотъ почему защитники англійскаго труда постоянно горячо

---

[1]) *R. Einhauser*, указ. соч., стр. 249—250.

высказываются противъ установленія этой системы или требуютъ, по крайней мѣрѣ, назначенія извѣстнаго, не очень низкаго минимума, дальше котораго плата рабочихъ не должна спускаться ни въ какомъ случаѣ.

Распространенность указанной системы въ Англіи, гдѣ положеніе труда сравнительно лучше, чѣмъ въ странахъ европейскаго континента, объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что рабочіе чувствуютъ за собой крупную силу и надѣются, что, въ случаѣ злоупотребленій со стороны предпринимателей, они всегда сумѣютъ отстоять свои интересы [1]).

Наконецъ необходимо упомянуть о такихъ способахъ расплаты, которые имѣютъ въ виду расчеты не съ отдѣльными рабочими, а съ цѣлой группой ихъ (коллективная заработная плата). Здѣсь могутъ быть два случая: или предприниматель непосредственно разсчитывается съ артелью рабочихъ или выдаетъ деньги посреднику (подрядчику), который уже отъ себя расплачивается съ рабочими. При непосредственной расплатѣ распредѣленіе полученной суммы между отдѣльными рабочими производится самой артелью, благодаря чему оказывается возможнымъ взаимный самоконтроль рабочихъ.

Напротивъ, уплата чрезъ подрядчика представляется мало выгодной для рабочихъ, такъ какъ подрядчикъ стремится удержать въ свою пользу извѣстную долю передаваемой ему суммы. Такой

---

[1]) Въ русской литературѣ подробное описаніе примѣненія «скользящихъ скалъ» можно найти у *А. Зотова*: «Соглашеніе и третейскій судъ между предпринимателями и рабочими въ англійской крупной промышленности». Спб., 1902 г.

способъ расплаты, ведущій къ усиленію эксплуатаціи рабочихъ, встрѣчается въ отсталыхъ странахъ и въ такихъ отрасляхъ промышленности, гдѣ рабочіе находятся, вообще, въ сравнительно неблагопріятныхъ условіяхъ. Въ Россіи, напр., въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ практикуется наемъ большихъ группъ рабочихъ на сельско-хозяйственныя работы, на нѣкоторые заводы особыми разъѣзжающими агентами, которые заманиваютъ рабочихъ разными обѣщаніями, а впослѣдствіи выдаютъ имъ нищенскій заработокъ, оставляя львиную долю у себя въ качествѣ барыша. Подобнымъ же образомъ часто оплачивается трудъ при извѣстной уже намъ «системѣ выжиманія пота» (sweating system); здѣсь рабочій разсчитывается обыкновенно не съ самимъ хозяиномъ крупнаго предпріятія, а съ подрядчикомъ — «выжимальщикомъ пота», который и наживаетъ свои барыши отъ этой посреднической, подрядной операціи.

Познакомившись съ главнѣйшими формами, въ какія выливается заработная плата, мы можемъ уже перейти къ изслѣдованію причинъ, вліяющихъ на размѣры заработной платы и опредѣляющихъ, слѣдовательно, степень благосостоянія трудящихся массъ.

Въ экономической наукѣ различныя теоріи заработной платы постепенно смѣняли другъ друга, слѣдуя за крупными измѣненіями въ самой хозяйственной жизни капиталистическихъ націй [1]). Пер-

---

[1]) Подробную характеристику главныхъ попытокъ теоретическаго объясненія вопроса о заработной платѣ см. въ моей книгѣ: «Главныя направленія въ разработкѣ теоріи заработной платы». Кіевъ, 1904 г.

вой изъ нихъ была теорія минимума средствъ существованія, въ общихъ чертахъ намѣченная еще Тюрго. Наиболѣе опредѣленную формулировку далъ ей Рикардо въ своихъ «Frinciples», появившихся первымъ изданіемъ въ 1817 г.; въ 60-хъ гг. она была широко популяризована Лассалемъ въ Германіи, подъ названіемъ «желѣзнаго закона заработной платы», но въ Англіи давно уже уступила мѣсто другимъ теоріямъ.

Согласно ей, заработная плата имѣетъ тенденцію установиться на уровнѣ, достаточномъ для поддержанія жизни рабочихъ и продолженія ихъ рода безъ увеличенія или уменьшенія. Высота этого уровня опредѣляется обычной нормой ихъ жизненныхъ потребностей (Standard of life) и для каждой націи нѣсколько различна.

Если плата поднимается выше, то рабочіе станутъ чаще вступать въ бракъ, количество ихъ увеличится, а съ ними и предложеніе труда—и заработная плата понизится. Если же, наоборотъ, плата упадетъ ниже указанной нормы, то рабочіе, лишаясь привычныхъ условій существованія, станутъ больше болѣть и умирать, будутъ терять дѣтей, благодаря чему число ихъ уменьшится, а, слѣдовательно, возрастетъ спросъ на нихъ, который и подниметъ заработную плату.

Хотя эта теорія предполагала привычный уровень жизни, а не минимумъ необходимыхъ потребностей, тѣмъ не менѣе всѣ сторонники ея считали этотъ уровень очень невысокимъ и настолько близкимъ къ физіологическому минимуму, что даже за небольшимъ уменьшеніемъ его должны были слѣдовать голоданіе и преждевременная смерть.

При всей своей односторонности и характерномъ для ученій классической школы отсутствіи исторической перспективы, теорія эта намѣчала довольно точно главныя черты положенія рабочихъ въ первое время развитія капитализма.

Она предполагаетъ, съ одной стороны, что производительность труда рабочаго не можетъ быть значительно повышена при данныхъ экономическихъ условіяхъ, съ другой — что рабочіе крайне беззащитны и потому должны довольствоваться тѣмъ, что дадутъ имъ хозяева. Теорія эта отзывалась еще временами крѣпостничества, указывая, что новый строй экономическихъ отношеній не успѣлъ вполнѣ развернуть своихъ новыхъ сторонъ.

Аналогичный характеръ носила и другая теорія, выдвинутая почти одновременно съ теоріей минимума средствъ существованія и основанная въ существѣ на однихъ и тѣхъ же логическихъ предположеніяхъ, — теорія фонда заработной платы. Она была намѣчена въ основныхъ чертахъ еще Мальтусомъ, развита ближайшими послѣдователями Рикардо — Джемсомъ Миллемъ и Макъ-Кёллокомъ, точно формулирована Джономъ Стюартомъ Миллемъ [1]) и до 60-хъ гг. XIX столѣтія пользовалась широкой распространенностью (по преимуществу въ Англіи). Если вычесть изъ капитала, назначаемаго

1) Впослѣдствіи, подъ впечатлѣніемъ критики Торнтона, Д. С. Милль отрекся отъ этой теоріи (въ рецензіи на книгу Торнтона въ «Fortnightly Review». Смерть помѣшала ему соотвѣтственно исправить отдѣлъ о заработной платѣ въ его «Основаніяхъ политической экономіи»). Послѣднимъ виднымъ защитникомъ теоріи фонда въ Англіи былъ Кэрнсъ; но его попытка реабилитаціи отжившаго ученія слишкомъ запоздала и не имѣла успѣха.

ежегодно на производство, долю, приходящуюся на машины, сырой матеріалъ и т. д., то остатокъ, говорили сторонники этой теоріи, и составитъ «фондъ заработной платы». Только эта сумма можетъ быть употреблена на наемъ рабочихъ, а потому плата ихъ будетъ высока или низка въ зависимости отъ двухъ условій: 1) размѣровъ капитала, составляющаго фондъ заработной платы, и 2) количества рабочихъ. Поэтому рабочіе могутъ надѣяться на повышеніе ихъ заработка только при наличности двухъ условій: или увеличенія капитала, или уменьшенія количества рабочихъ рукъ. Для перваго необходима высокая прибыль капиталистовъ, для второго—воздержаніе рабочихъ отъ вступленія въ бракъ. Такимъ образомъ эта теорія устраняла неопредѣленность, присущую теоріи минимума средствъ существованія: вопросъ объ обычномъ уровнѣ жизни снимался со счета, и все дѣло сводилось къ разрѣшенію несложной математической задачи, на элементы которой рабочіе могли вліять, только сокращая свое число.

Эту попытку упрощенія теоріи «желѣзнаго закона» нельзя не признать неудачной. Нетрудно видѣть, что на самомъ дѣлѣ нѣтъ никакого предустановленнаго заранѣе фонда заработной платы, такъ какъ плата получается рабочими, какъ доля произведеннаго ими **продукта**, а не заранѣе запасеннаго капитала. Размѣры долей, приходящихся каждой изъ сторонъ при этомъ раздѣлѣ, могутъ быть больше или меньше при одной и той же суммѣ капитала, затрачиваемаго въ производствѣ. Если рабочіе въ данный хозяйственный періодъ почему-либо могли заставить капиталиста пойти на

уступки, то это не значитъ, что ранѣе былъ заготовленъ большій фондъ заработной платы, а просто, что капиталисты вынуждены были довольствоваться въ данномъ году меньшей прибылью, чѣмъ прежде.

Теорія фонда предполагаетъ, кромѣ того, что хозяинъ совершенно не вводитъ въ свои расчеты количества и цѣнности продуктовъ, которые будутъ произведены для него нанимаемыми имъ рабочими, что онъ заплатитъ имъ безразлично одинаковую норму платы, будутъ ли они работать интенсивнѣе или искуснѣе, или нѣтъ.

Однако, и теорія фонда заработной платы отражала въ себѣ, хотя и несовершенно, характерныя стороны экономической жизни въ начальный періодъ капитализма. Она основывалась на идеѣ о неподвижномъ состояніи промышленности, видя въ предпринимателѣ человѣка стараго типа, тяжелаго на подъемъ и прижимистаго, предпочитающаго наживаться урѣзываніемъ заработка рабочихъ, чѣмъ усовершенствованіями въ организаціи производства. Вскорѣ хозяйственное развитіе вытѣснило этотъ типъ, выдвинувъ на первый планъ людей предпріимчивыхъ, со смѣлымъ и широкимъ расчетомъ, безбоязненно примѣняющихъ къ дѣлу новые пріемы, если только они сулятъ удачу. Самая техника производства успѣла сдѣлать гигантскіе шаги, открывъ возможность крупнаго повышенія трудовой энергіи. Тогда и въ экономической наукѣ появляется новая теорія заработной платы—теорія производительности [1]).

---

[1]) Къ началу 70-хъ гг. теорія фонда потерпѣла уже полное крушеніе какъ въ самой Англіи (подъ ударами *Лонджа*, *Торнтона* и *Уокера*), такъ и на континентѣ (критика *Германа*, *Родбертуса* и *Брентано*). Но въ недавнее время она неожиданно

Зачатки этой теоріи можно найти уже у Ад. Смита; въ началѣ XIX столѣтія ее пытался обосновать Сеньоръ (но крайне неудачно), и только въ послѣднее время (начиная съ 60-хъ гг.) она была формулирована съ достаточной опредѣленностью въ трудахъ Брассея (въ Англіи), Уокера и Шенгофа (въ Америкѣ) и Леруа-Болье (во Франціи). Плата за трудъ, говорятъ сторонники этой теоріи, находится въ непосредственной зависимости отъ его производительности. Капиталисты платятъ рабочимъ соотвѣтственно пользѣ, которую они извлекаютъ изъ пріобрѣтаемой ими рабочей силы. Имъ выгоднѣе платить дорого хорошему работнику, чѣмъ дешево плохому, потому что послѣдній и сработаетъ мало. Съ другой стороны, въ ихъ расчеты входитъ и разумная техническая организація производства: выгоднѣе дорого заплатить рабочему, умѣющему справляться съ сложнымъ механизмомъ, чѣмъ имѣть дешеваго работника, работающаго съ примитивными орудіями. Эта теорія уже въ большей мѣрѣ, чѣмъ предыдущая, отвѣчала новымъ промышленнымъ условіямъ; но и она не объясняла удовлетворительно изслѣдуемаго вопроса. Если заработная плата опредѣляется производительностью труда, то чѣмъ объяснить разницу въ вознагражденіи, замѣчаемую среди различныхъ разрядовъ рабочихъ, выполняющихъ одинаковыя работы? Почему, напр., женщины, по общему правилу, получаютъ меньшую заработную плату, чѣмъ муж-

---

возродилась у представителей психологическаго направленія въ политической экономіи (*Бёмъ - Баверка* и *Тауссига*), чѣмъ, кстати сказать, еще разъ подчеркивается реакціонный (въ теоретическомъ отношеніи) характеръ этого направленія.

чины? Или почему рабочіе въ одной и той же отрасли промышленности раньше получали меньшій заработокъ, тогда какъ производительность труда ихъ не измѣнилась замѣтно? На эти вопросы теорія производительности не давала удовлетворительнаго отвѣта.

Тогда экономическая наука обратилась къ болѣе внимательному изученію реальныхъ условій продажи труда. Въ 70-хъ гг. одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ учениковъ Энгеля (извѣстнаго германскаго статистика и экономиста) — Брентано отправился въ Англію съ спеціальной цѣлью изслѣдовать дѣятельность профессіональныхъ рабочихъ союзовъ. Результатомъ этой поѣздки была книга «Die Arbeitergilden der Gegenwart», которая не только давала характеристику англійскаго трэдъ-юніонизма, но содержала и новую теорію заработной платы, въ теченіе долгаго времени пользовавшуюся широкимъ признаніемъ (въ особенности въ Германіи и Россіи) [1]. «Въ современномъ хозяйственномъ строѣ,—говоритъ Брентано,—рабочій выступаетъ въ роли продавца своей рабочей силы, подобно продавцамъ другихъ товаровъ, обращающихся на рынкѣ. Однако работникъ существенно отличается по своему положенію отъ другихъ продавцовъ, потому что онъ не имѣетъ иныхъ средствъ къ существованію, кромѣ продажи своей рабочей силы. Дѣйствуя въ одиночку, онъ не можетъ выжидать благопріятнаго времени, а долженъ

[1]) Основы этой теоріи были даны уже въ трудахъ англійскихъ защитниковъ рабочихъ союзовъ (Гаррисона и Торнтона). См. мою книгу: «Главныя направленія въ разработкѣ теоріи заработной платы».

во что бы то ни стало сейчасъ продать свою рабочую силу, т.-е. наняться къ капиталисту, довольствуясь такой платой, какая будетъ ему предложена. Вотъ почему онъ естественно обращается къ устройству союзовъ, которые дали бы ему возможность накопленіемъ спеціальныхъ фондовъ воздерживаться отъ предложенія труда въ то время, когда условія неблагопріятны. Только благодаря союзамъ, рабочій оказывается въ состояніи, не торопясь, предлагать свой трудъ и, слѣдовательно, пріобрѣтаетъ независимость, свойственную продавцамъ другихъ товаровъ, и можетъ присоединять свой голосъ при установленіи условій его продажи. Благодаря рабочимъ союзамъ, товаръ, предлагаемый на продажу рабочимъ,—его рабочая сила,—теряетъ свои неблагопріятныя особенности, какъ бы отдѣляясь отъ него и становясь впервые «настоящимъ товаромъ».

Такая постановка вопроса еще болѣе соотвѣтствовала новымъ условіямъ хозяйственной жизни, правильно намѣчая важный моментъ въ установленіи договора о заработной платѣ — дѣятельность стройно организованныхъ рабочихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ теорія Брентано страдала и существеннымъ недостаткомъ, слишкомъ механически сближая трудъ съ товаромъ и рискуя такимъ путемъ упустить изъ виду многія условія, вліяющія на договоръ о заработной платѣ, которыя невозможно подвести подъ понятіе продажи товара. Исходя изъ своего основного положенія, Брентано склоненъ былъ слишкомъ низко оцѣнивать такой важный факторъ, какъ фабричное законодательство, потому что въ его глазахъ свободная дѣятельность рабо-

чихъ союзовъ была способна болѣе всего сдѣлать трудъ «настоящимъ товаромъ».

Еще бóльшая опасность упущенія изъ виду основной сущности соціальныхъ отношеній, развертывающихся при установленіи договора о заработной платѣ, грозитъ теоріямъ, въ основу которыхъ полагается аналогія съ субъективной цѣнностью. Таковы, напр., новѣйшія ученія англійскихъ и американскихъ экономистовъ, пытающихся разрѣшить вопросъ о заработной платѣ идеей «субъективныхъ оцѣнокъ» хозяевъ и рабочихъ (заимствованной изъ теоріи цѣнности Джевонса и австрійскихъ экономистовъ) [1]. Авторы этихъ ученій пытаются отмѣтить и объективныя условія, вліяющія на характеръ субъективныхъ оцѣнокъ, напр., производительность труда, дѣятельность рабочихъ союзовъ, синдикатовъ предпринимателей и т. п., но подведеніе реальныхъ жизненныхъ условій подъ заранѣе заготовленную схему субъективныхъ моментовъ невольно затемняетъ и запутываетъ предлагаемыя теоретическія построенія.

Чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить значеніе каждой изъ отмѣченныхъ выше теорій и отчетливо разобраться въ разсматриваемомъ вопросѣ, намъ необходимо прежде всего и здѣсь, какъ приходилось поступать при оцѣнкѣ другихъ экономиче-

---

1) Наиболѣе полно обоснованы изъ теорій этого типа ученія *Маршалла* (въ «Principles of economics»), *Дэвидсона, Кларка, Смарта* и *Гобсона* (*Davidson*, The Bargain Theory of Wages, New-York, 1898; *Clark,* The Distribution of Wealth, New-York, 1899; *Smart,* The Distribution of income, London, 1899, и *Hobson,* The Economics of distribution, New-York, 1900). Характеристику этихъ теорій см. въ указанной выше моей книгѣ: «Главныя направленія» и т. д.

скихъ теорій, установить правильную историческую перспективу.

Всѣ изложенныя теоріи, сознательно или молчаливо, предполагаютъ установленіе заработной платы при капиталистическомъ хозяйственномъ строѣ, т.-е. при сосредоточеніи средствъ производства въ рукахъ капиталистовъ. Однако, для точности логическаго построенія недостаточно одного этого элементарнаго предположенія, потому что самъ капиталистическій строй не представляется неподвижнымъ. Въ настоящее время во всякомъ случаѣ можно намѣтить два опредѣленныхъ періода въ стадіи капитализма: начальный періодъ, характеризующійся полнымъ господствомъ капиталистовъ и крайней слабостью и беззащитностью рабочихъ, и новѣйшій періодъ—съ развитыми рабочими союзами, обширнымъ фабричнымъ законодательствомъ и значительнымъ вѣсомъ голоса рабочихъ въ «общественномъ мнѣніи» страны. Эти существенныя измѣненія въ организаціи капиталистическаго хозяйства не могли не отражаться на заключеніи договора о заработной платѣ. Такимъ образомъ даже имѣя въ виду только капиталистическій строй общественнаго хозяйства, невозможно установить единую теорію заработной платы. Можно лишь сказать, что при наличности основного условія капиталистическаго строя — отсутствіи юридическаго принужденія въ отношеніяхъ между трудящимися и владѣющими классами, между ними должна итти непрестанная борьба изъ-за заработной платы. Но какими средствами располагаютъ обѣ стороны въ этой борьбѣ, можетъ выяснить только внимательное изученіе начальнаго и послѣ-

дующаго періода развитія капиталистическихъ отношеній.

Принимая въ качествѣ типической страны капитализма Англію, мы видимъ, что на всемъ протяженіи XIX столѣтія идетъ непрерывная борьба между капиталистами и рабочими (при чемъ послѣдніе опираются не только на собственныя силы, но и на классъ землевладѣльцевъ, интересы котораго противоположны и враждебны интересамъ фабрикантовъ). Борьба ведется одновременно на два фланга; съ одной стороны, это — борьба экономическая, въ которой оружіемъ хозяевъ является капиталъ (средства производства), оружіемъ рабочихъ—союзные фонды; съ другой—это борьба политическая, въ которой обѣ стороны стараются упрочить свое положеніе выгодными законодательными нормами. Хозяева создавали законы противъ рабочихъ союзовъ и коалицій; рабочіе добивались отмѣны этихъ законовъ и выдвигали законы противъ хозяевъ (фабричное законодательство). Такъ мало-по-малу измѣнилось состояніе силъ, а, слѣдовательно, и результаты его—условія рабочаго договора. Въ началѣ XIX столѣтія заработная плата опредѣлялась въ Англіи одностороннимъ усмотрѣніемъ хозяевъ, которые руководствовались при этомъ отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ, подобно рыночной покупкѣ товаровъ. Тогда можно было считать достаточнымъ объясненіемъ вопроса извѣстную формулу Кобдена: если два капиталиста обращаются къ одному рабочему, плата поднимается, если двое рабочихъ обращаются къ одному капиталисту, плата падаетъ. Если же къ этой формулѣ присоединить, что

хозяинъ руководствовался иногда при опредѣленіи заработной платы степенью производительности труда нанимаемаго имъ рабочаго, то вопросъ разъяснялся уже во всей полнотѣ. Отсюда намъ становятся ясны и мрачныя предсказанія на будущее теоретиковъ желѣзнаго закона: разъ рабочіе не могутъ отстоять своихъ интересовъ, а должны цѣликомъ подчиняться усмотрѣнію хозяевъ, то для нихъ нѣтъ никакихъ надеждъ на улучшеніе ихъ судьбы въ будущемъ.

Для второго періода развитія капитализма это объясненіе уже не подходитъ. Условія заключенія рабочаго договора существенно измѣнились. Рабочіе пріобрѣли за это время достаточно силы для противодѣйствія притязаніямъ хозяевъ. Законы противъ коалицій рабочихъ были отмѣнены; профессіональные рабочіе союзы получили права юридическихъ лицъ; преслѣдованія за устройство стачекъ были уничтожены; значительно развилось фабричное законодательство и надзоръ за его выполненіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ рабочіе союзы укрѣпились, накопили огромные фонды и захватили въ свою среду лучшихъ рабочихъ Англіи. Договоръ о заработной платѣ превратился изъ единоличнаго въ коллективный, соотвѣтственно новому строю промышленности. Самыя формы этого коллективнаго договора становились все совершеннѣе. Такимъ образомъ, въ договорѣ о заработной платѣ обѣ стороны выступаютъ въ настоящее время съ значительно уравновѣшенными силами, что не можетъ не отражаться благопріятно на уровнѣ заработной платы. Для тѣхъ разрядовъ англійскихъ рабочихъ, которые организованы и которые пользуются

защитой фабричнаго законодательства, теперь характернымъ оказывается уже не «желѣзный законъ», а, наоборотъ, тенденція къ постепенному подъему заработной платы. Конечно, хозяева не складываютъ рукъ и продолжаютъ борьбу, изобрѣтая новыя средства для противодѣйствія стремленіямъ рабочихъ. Наиболѣе могущественнымъ оружіемъ въ рукахъ капиталистовъ оказываются синдикаты, устраняющіе конкуренцію ихъ другъ съ другомъ и устанавливающіе монопольныя условія спроса на трудъ въ обширныхъ отрасляхъ производства. Однако имъ не удается уже возвратить себѣ прежнюю силу.

Таковъ общій типъ развитія условій, опредѣляющихъ заработную плату при капиталистическомъ строѣ народнаго хозяйства. Естественно, что каждая капиталистическая страна представляетъ въ этомъ отношеніи свои особенности: въ Америкѣ, напр., организація рабочихъ слабѣе, чѣмъ въ Англіи, но ее замѣняетъ обиліе свободныхъ государственныхъ земель, предлагаемыхъ на весьма выгодныхъ условіяхъ. Развитіе же политической жизни и тамъ сообщаетъ рабочему чувство собственнаго достоинства и увѣренность въ отстаиваніи своихъ требованій противъ хозяевъ. Во Франціи и Германіи развитіе капитализма не успѣло еще дойти до уровня, достигнутаго Англіей, и положеніе рабочихъ тамъ все еще хуже, хотя и обѣщаетъ, повидимому, въ недалекомъ будущемъ сравняться съ положеніемъ англійскихъ рабочихъ. Въ австралійскихъ колоніяхъ Англіи, благодаря благопріятному развитію всѣхъ указанныхъ выше условій, какъ экономическаго, такъ и политическаго характера,

заработная плата стоитъ выше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Наоборотъ, въ Россіи, благодаря нашей отсталости, и положеніе рабочихъ въ настоящее время значительно хуже положенія рабочихъ культурныхъ странъ Запада и скорѣе напоминаетъ бытъ англійскихъ рабочихъ въ началѣ XIX столѣтія.

Изъ сказаннаго мы можемъ сдѣлать общій выводъ, что уровень заработной платы въ капиталистическую эпоху общественнаго хозяйства опредѣляется соотношеніемъ силъ хозяевъ и рабочихъ. А такъ какъ въ начальный періодъ капитализма сила хозяевъ имѣетъ значительный перевѣсъ, то плата устанавливается въ это время на весьма низкомъ уровнѣ. Съ дальнѣйшимъ же развитіемъ капитализма, благодаря увеличенію силы рабочаго класса, плата постепенно поднимается. Типъ рабочаго, съ которымъ мы встрѣчаемся въ англійской экономической литературѣ начала XIX в., давно уже отжилъ свое время. Измѣнилось и отношеніе къ нему со стороны общественнаго мнѣнія. Прежде даже наиболѣе гуманные люди видѣли въ рабочемъ только слабое и обездоленное существо, къ которому слѣдуетъ отнестись съ состраданіемъ; теперь же въ рабочемъ и враги его видятъ силу, которую нельзя не уважать.

Итакъ, въ силу опредѣленныхъ условій, наступающихъ въ связи съ развитіемъ капиталистическихъ отношеній, какъ-то: свободы организацій рабочихъ, свободы стачекъ, фабричнаго законодательства, налагающаго дѣйствительныя ограниченія на произволъ хозяевъ, увеличенія политической силы рабочаго класса и т. д., заработная плата постепенно поднимается. Въ дальнѣйшемъ изложеніи

мы и остановимся подробно на характеристикѣ важнѣйшихъ изъ этихъ условій и ихъ значенія, а теперь для иллюстраціи высказанныхъ выше общихъ положеній отмѣтимъ на нѣкоторыхъ примѣрахъ разницу, наблюдаемую въ положеніи рабочаго класса въ передовыхъ капиталистическихъ странахъ и отсталыхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы сравнимъ положеніе рабочихъ, занятыхъ въ однѣхъ и тѣхъ же отрасляхъ промышленности, съ одной стороны, въ Америкѣ и Англіи, а съ другой—въ нашемъ отечествѣ, то легко поймемъ, что разница въ общихъ условіяхъ общественной жизни создаетъ также и громадныя различія въ положеніи трудящихся массъ.

Начнемъ съ Америки. Извѣстно, что американская общественная жизнь представляла до сихъ поръ (если не считать австралійскихъ колоній Англіи) наиболѣе благопріятныя условія для трудящагося населенія. Обиліе свободныхъ земель, пригодныхъ къ земледѣльческой культурѣ, въ связи съ разумной политикой правительства, обезпечивавшей легкое пріобрѣтеніе земельныхъ участковъ людьми съ самыми незначительными средствами, создало для американскаго промышленнаго рабочаго чрезвычайно выгодное положеніе. Рабочій чувствовалъ за собой силу, такъ какъ отливъ къ земледѣлію уже обжившихся въ Америкѣ товарищей постоянно поддерживалъ спросъ на рабочія руки въ городахъ. Съ другой стороны, свобода коалицій рабочихъ открывала имъ возможность отстаиванія своихъ интересовъ совмѣстными усиліями. Неудивительно поэтому, если всѣ изслѣдователи, спеціально занимавшіеся изученіемъ быта американ-

скихъ рабочихъ, единодушно заявляютъ, что простому трудящемуся человѣку живется въ Америкѣ (Соед. Штатахъ) гораздо лучше, чѣмъ въ какой-либо изъ европейскихъ странъ. Заработная плата американскаго рабочаго значительно выше, чѣмъ нѣмецкаго, французскаго и даже англійскаго, и притомъ—не только *номинальная* (количество получаемыхъ денегъ), но и *реальная* (совокупность предметовъ, потребляемыхъ рабочимъ).

Что касается *номинальной* платы американскаго рабочаго, то для *мужчинъ въ крупной промышленности* ее можно принять, по мнѣнію Левассёра, для прядильщиковъ и ткачей между 1 и 2 долл. въ день,

для механиковъ. . . . . 2—3 долл. въ день,
» строительныхъ рабочихъ. 2,50—4 » » » [1]).

Говоря иными словами, американскій прядильщикъ или ткачъ зарабатываетъ въ мѣсяцъ отъ 60 до 120 рублей, механикъ—отъ 120 рублей до 180 руб. и строительные рабочіе (которые по особенностямъ ихъ промысла работаютъ не круглый годъ и неравномѣрно въ разное время года), когда они заняты каждый день, зарабатываютъ отъ 150 руб. до 240 руб. въ мѣсяцъ. Однако размѣры одной номинальной платы ничего еще не говорятъ намъ о дѣйствительномъ положеніи рабочаго, пока мы не знаемъ, каковы цѣны на предметы потребленія. Только зная эти цѣны, мы можемъ опредѣлить размѣры *реальной* платы американскаго рабочаго, т.-е. совокупности тѣхъ предметовъ не-

---

[1]) *E. Levasseur.* L'ouvrier americain, tome 1-er, Paris, 1898, стр. 373—374.

обходимости и удобства, того комфорта, которымъ онъ можетъ пользоваться. Цитированный уже нами статистикъЛевассёръ, отправляясь изъ Франціи въ Америку съ порученіемъ отъ академіи изслѣдовать положеніе американскихъ рабочихъ, справился относительно цѣнъ на главнѣйшіе жизненные припасы въ Гаврѣ (пунктъ отправленія изъ Франціи) и Нью-Йоркѣ. Оказалось, что во Франціи цѣны въ среднемъ были на 38% выше, чѣмъ въ Америкѣ [1]). Это наблюденіе подтвердилось и впослѣдствіи, послѣ изученія на мѣстѣ американскихъ экономическихъ условій. Въ Америкѣ главнѣйшіе предметы потребленія рабочаго (жизненные припасы, а также освѣщеніе, топливо и готовое платье) дешевле, чѣмъ въ Европѣ, а, между тѣмъ, денежная плата американскаго рабочаго значительно выше. Очевидно, что по всѣмъ этимъ статьямъ американскій рабочій можетъ расходовать больше, чѣмъ европейскій, т.-е. пользоваться большимъ довольствомъ. Единственная важная статья расхода, которая обходится американскому рабочему дороже, чѣмъ европейскому, — это квартирная плата; но и здѣсь сравнительная дороговизна американской жизни — только кажущаяся. Американецъ платитъ дороже за квартиру, но обыкновенно его помѣщеніе и больше и лучше, чѣмъ у его европейскихъ товарищей. Посмотримъ теперь, каковы же абсолютные размѣры расходовъ американской рабочей семьи, какія суммы денегъ она истрачиваетъ на удовлетвореніе важнѣйшихъ своихъ потребностей и какою степенью благосостоянія она можетъ при

---

[1]) *E. Levasseur*, указ. соч., т. II, стр. 19.

этомъ пользоваться. Расходъ на пищу поглощаетъ около 5—6 долл. въ недѣлю (долларъ составляетъ около 2 руб. на наши деньги), при чемъ расходъ на мясо составляетъ бóльшую сумму, чѣмъ на хлѣбъ. Между тѣмъ, напр., у бельгійскаго рабочаго расходъ на мясо равняется только половинной долѣ расхода на хлѣбъ. Вообще, пища американскаго рабочаго гораздо обильнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ на европейскомъ континентѣ. Распредѣленіе времени для ѣды у американскаго рабочаго сходно съ англійскимъ: утромъ онъ имѣетъ солидный завтракъ (breakfast), затѣмъ, около полудня, другой завтракъ (lunch) и вечеромъ, по возвращеніи съ работы, обѣдъ (или ужинъ). Изъ какихъ блюдъ слагается обыкновенно ѣда американскаго рабочаго, можно видѣть по слѣдующему образцу, данному для выставки въ Чикаго:

1) Утренній завтракъ (breakfast) различался по днямъ:

a) супъ, картофель, яйца или мясо.

b) яйца, жареная говядина;

c) хлѣбъ съ масломъ, кофе, картофель или яйца и овсянка (porridge).

2) Второй завтракъ (lunch):

a) хлѣбъ и холодное мясо;

b) жареное мясо или рагу, картофель.

3) Обѣдъ (или ужинъ):

a) горячее мясо, овощи, пудингъ;

b) холодное мясо или яйца, консервы;

c) горячее мясо, овощи и чай.

Какое количество пищевыхъ продуктовъ потребляется американскими рабочими, можно видѣть изъ слѣдующаго бюджета одной нью - йоркской

семьи. Мужъ, строительный рабочій, зарабатывалъ 3,50 долларовъ въ день, работая 205 дней въ году, такъ что общій годовой доходъ его составлялъ 3.570 франковъ (т.-е. около 1.340 рублей на наши деньги).

Вотъ какое количество пищевыхъ продуктовъ потребляла эта семья:

мясо		423	фунта
хлѣбъ		730	»
молоко		355	литровъ
пиво		182	»
масло		52	фунта
овощи	на	78	франковъ
фрукты		65	»
рыба		52	»
картофель		540	фунтовъ
яйца		52	дюжины
кофе		26	фунтовъ
сахаръ		156	»
мука	на	37	франковъ
чай		20	фунтовъ
свиное сало		52	»
сыръ	на	26	франковъ
различные предметы		25	»

Всего расходъ на пищу составлялъ 1.226,50 франк. [1]) (т.-е. на наши деньги—около 460 рублей).

Расходъ на одежду составляетъ въ среднемъ по вычисленіямъ Левассёра около 100 долл. (200 руб.) въ годъ на семью. Причина такихъ крупныхъ затратъ заключается не въ дороговизнѣ платья (мы видѣли, что готовое платье, которое, главнымъ

[1]) *E. Levasseur*, указ. соч., т. II, стр. 1—2.

образомъ, и покупаютъ рабочіе, въ Америкѣ дешевле, чѣмъ въ Европѣ), а въ желаніи одѣваться возможно лучше и приличнѣе и въ возможности удовлетворить этому стремленію, доставляемой высокимъ заработкомъ. Окончивъ работу и выйдя изъ мастерской, американскій рабочій не хочетъ отличаться своимъ внѣшнимъ видомъ отъ буржуа; онъ не видитъ причины, почему и ему не одѣваться такъ же, какъ и его патрону. Въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ Левассёръ,—когда онъ (американскій рабочій) снимаетъ свой рабочій костюмъ и показывается на улицѣ, его не отличишь отъ его хозяина; онъ имѣетъ такой же видъ; такая же круглая шляпа, галстукъ, визитка, ботинки; если эти предметы иногда отличаются (отъ костюма патрона) по качеству и изяществу, то часто они бываютъ куплены въ одномъ и томъ же магазинѣ платья [1]). Прогуливаясь въ воскресенье въ центральномъ паркѣ Нью-Йорка, Левассеръ принялъ бывшую тамъ публику за людей средняго общественнаго слоя. И только черезъ нѣкоторое время опытный глазъ парижанина показалъ ему, что онъ ошибся. Онъ не замѣтилъ въ костюмахъ прогуливавшихся женщинъ той безукоризненной элегантности, которая въ прежній пріѣздъ поражала его при встрѣчѣ съ женщинами буржуазнаго круга Соединенныхъ Штатовъ. Оказалось, что прогуливавшаяся публика состояла въ большинствѣ изъ работницъ и домашней прислуги. Подобнымъ же образомъ англійскій ученый Брайсъ вначалѣ былъ удивленъ, что онъ совсѣмъ не видитъ работницъ въ поѣздахъ Западной Американ-

---

1) *E. Levasseur*, указ. соч., стр. 38.

ской дороги. Болѣе внимательное наблюденіе показало ему, что ѣхавшія дамы были жены, дочери и сестры рабочихъ [1]).

На квартиру, какъ мы уже знаемъ, американскій рабочій затрачиваетъ довольно много. Средняя сумма квартирной платы, расходуемой американскими рабочими, составляетъ около 7—8 долларовъ (т.-е. около 14—16 руб.) въ мѣсяцъ, за что они имѣютъ въ среднемъ около 4 комнатъ на семью [2]).

Помимо наемныхъ квартиръ у американскихъ рабочихъ встрѣчаются довольно часто и собственные домики, которые пріобрѣтаются путемъ постепенной уплаты небольшихъ взносовъ. Къ началу 90-хъ гг. изъ 2.490 рабочихъ семей, занятыхъ въ желѣзодѣлательной промышленности и рудникахъ, владѣли домами 540, въ стеклянной промышленности—339 изъ 1.276 семей, въ хлопчатобумажной промышленности и шерстяной—нѣсколько меньшая доля—322 изъ 3.043 семей [3]). Причина распространенности владѣнія собственными домами заключается, съ одной

---

1) *E. Levasseur*, указ. соч., т. II, стр. 38—39 и 46.

2) По изслѣдованію, произведенному въ Бостонѣ въ 1891 г., оказалось квартиръ:

въ одну комнату—	1.053	съ 2.067 жильцовъ
» 2	»	5.695	
» 3	»	13.876	
» 4	»	18.661	съ 77.439 жильцовъ.
» 5	»	13.002.	

Дальнѣйшая пропорція идетъ, все уменьшаясь.

Квартирная плата для $^3/_4$ квартиръ колебалась между 5—10 долларами въ мѣсяцъ (10—20 рублей). Чаще всего встрѣчалась плата въ 8 долларовъ (16 рублей). *E. Levasseur*, указ. соч., стр. 42.

3) *E. Levasseur*, т. II, стр. 46.

стороны, въ высокомъ уровнѣ заработной платы, съ другой — въ доступности цѣнъ на земельные участки въ Америкѣ и въ хорошей организаціи домостроительнаго дѣла (строительныя общества по образцу англійскихъ. Мы будемъ еще имѣть случай говорить о нихъ ниже, въ отдѣлѣ о потребленіи).

Впрочемъ, не слѣдуетъ думать, будто квартирный вопросъ разрѣшается вполнѣ благопріятно для американскихъ рабочихъ. Ниже мы будемъ имѣть случай указать, что размѣщеніе населенія по жилищамъ составляетъ все еще больное мѣсто современной цивилизаціи. Культурныя общества стали относиться сознательно къ вопросу о размѣщеніи населенія только въ сравнительно недавнее время, когда неурегулированное развитіе городской жизни обнаружило недочеты частной иниціативы въ строительномъ дѣлѣ.

Среди городовъ, «пользующихся хорошей репутаціей» въ смыслѣ рабочихъ жилищъ, Левассёръ отмѣчаетъ Буффало, Кливлэндъ, Индіанополисъ, Балтимору, Филадельфію и др.; среди городовъ съ дурной репутаціей—Цинциннати, Новый Орлеанъ, Бостонъ и въ особенности Нью-Йоркъ. Гдѣ есть возможность жить на окраинѣ или за городской чертой, благодаря городскимъ желѣзнымъ дорогамъ и трамваямъ, соединяющимъ окраины съ мѣстами работы, рабочіе могутъ найти себѣ сносныя помѣщенія [1]).

Наконецъ, нельзя не отмѣтить расходовъ на меблировку. Обыкновенно въ квартирѣ американскаго рабочаго есть гостиная, въ которой иногда бы-

1) *E. Levasseur*, указ. соч., стр. 50.

ваетъ фортепіано и чаще гармоніумъ, почти всегда коверъ, столъ, заваленный книгами и журналами, библіотечный стеклянный шкапъ, кресла и одно кресло-качалка, софа, гравюры, украшенія на стѣнахъ или этажеркахъ... «Въ Филадельфіи,—говоритъ Левассёръ,—одинъ рабочій, родомъ изъ Бельгіи, женатый на американкѣ, показывалъ мнѣ свою гостиную. «Я истратилъ на ея меблировку 65 долларовъ (130 руб.),—говорилъ онъ мнѣ,—это слишкомъ много для моего положенія, но что вы хотите? Моя жена не могла понять, чтобы я не имѣлъ меблированной гостиной, да и товарищи смотрѣли бы на меня съ неодобреніемъ» [1]).

Наконецъ, что касается прочихъ, болѣе мелкихъ расходовъ, то среди нихъ обращаютъ на себя вниманіе значительныя, сравнительно съ европейскими, траты на развлеченія (пикники, концерты, спектакли), газеты и взносы въ товарищескія кассы. Американецъ предпочитаетъ расходовать излишки своего бюджета не на сбереженія, назначаемыя только для себя лично, а на поддержку товарищескихъ организацій. Самыя развлеченія устраиваются обыкновенно не въ одиночку, а съ помощью клубовъ [2]). Вообще, по отзывамъ европейскихъ на-

---

[1]) *E. Levasseur*, указ. соч., т. II, стр. 92—93.

[2]) Напримѣръ, по даннымъ спеціальнаго изслѣдованія, произведеннаго въ Массачусетсѣ въ началѣ 80 гг., тамъ было въ 214 деревенскихъ общинахъ и 19 городахъ 107 клубовъ; въ 145 городахъ и деревняхъ были организованы публичныя собранія (conférences), въ 120—были научныя ассоціаціи, въ 159—танцовальные залы и т. д., не считая клубовъ, предназначенныхъ для спорта (игры въ мячъ, катанья на лодкахъ etc.).

Что касается расходовъ на газеты, то каждый рабочій читаетъ ихъ ежедневно. «Значительное развитіе американской

блюдателей, американскій рабочій «не любитъ стѣснять себя»; въ немъ вовсе не замѣтно духа скопидомства и бережливости. Значитъ ли это, что онъ ведетъ разгульную, расточительную жизнь? Вовсе нѣтъ: такой образъ жизни указываетъ только на хорошее развитіе потребностей американскихъ рабочихъ, высокій уровень ихъ культуры. Какъ ни высока сравнительно получаемая ими заработная плата, все же она можетъ доставить только очень скромное довольство; расходуя цѣликомъ свою плату, американскій рабочій не выходитъ, конечно, изъ рамокъ очень умѣреннаго образа жизни, а привычка удовлетворять, поскольку возможно, высшія культурныя потребности говоритъ только въ пользу принятаго въ Америкѣ поведенія. При такихъ условіяхъ рабочій внимательнѣе относится къ измѣненіямъ въ размѣрѣ его заработка; если какія-либо неблагопріятныя условія понижаютъ, хотя бы и не на очень крупную сумму, общую норму его заработной платы, онъ будетъ уже чувствовать лишенія, страдать отъ неудовлетворенія тѣхъ потребностей, какія онъ считаетъ важными.

прессы за послѣднія 40 лѣтъ отчасти обязано,—говоритъ Левассёръ,—рабочему классу, какъ городскому, такъ и деревенскому» См. *E. Levasseur*, указ. соч., стр. 172 — 175. Наконецъ среди американскихъ рабочихъ очень распространены пикники, въ особенности лѣтомъ. Напр., въ Нью-Йоркѣ по воскресеньямъ пароходы перевозятъ огромную массу народа на окраину (West Brighton), въ Филадельфіи—обыкновенно составляется компанія изъ знакомыхъ для пикника; на воскресенье нанимаютъ большіе экипажи (со скамейками), за 7 долларовъ каждый, украшаютъ ихъ цвѣтами и наполняютъ провизіей—пивомъ, мясомъ, сухарями и пр.—и отправляются въ деревню, гдѣ и располагаются, чтобы играть, танцовать, пѣть... Стр. 176—177.

Это создаетъ лишній стимулъ къ стремленію удер жать за собой тотъ standard of life, тотъ уровень жизненныхъ удобствъ, который былъ достигнутъ ранѣе, и если измѣнять его, то никакъ не въ смыслѣ пониженія, а повышенія.

Въ заключеніе я считаю не лишнимъ привести цифры, указывающія на предѣлы, между которыми фактически колеблются расходы американскаго рабочаго. По свѣдѣніямъ, собраннымъ офиціальной американской статистикой относительно положенія рабочихъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности («седьмой отчетъ Комиссара Труда»), ежегодные расходы американской рабочей семьи составляли (въ долл.):

	Максимумъ.	Минимумъ.
Квартира	109	33
Отопленіе	35	14
Освѣщеніе	6,6	3,2
Одежда мужа	42,2	24,6
» жены	34,2	16
» дѣтей	64,8	38
Развлеченія	28,66	9,36
Взносы въ ассоціаціи. . . .	20,47	3,75
Страхованіе жизни	24,7	12,05
Страхованіе имущества . .	9,36	1,9
Налоги	13,29	3,77 [1]).

Сопоставляя различныя категоріи расходовъ другъ съ другомъ, мы найдемъ, что въ данномъ случаѣ оправдывается извѣстный «законъ Энгеля»,

---

[1]) *E. Levasseur*, указ. соч., стр. 195. Расходы на пищу были показаны уже выше. Въ общемъ они составляютъ $1/2$ или $2/3$ всего бюджета.

по которому доля расходовъ на пищу указываетъ на степень благосостоянія рабочаго; по вычисленіямъ Энгеля, расходы на пищу, въ среднемъ, при высокой платѣ составляютъ половину всего бюджета, а при низкой—цѣлыхъ три пятыхъ. Согласно приведеннымъ даннымъ, у американскаго рабочаго расходы на пищу составляютъ $^1/_2$ или $^2/_5$ общихъ расходовъ (при чемъ пища его, какъ мы знаемъ, отличается изобиліемъ и высокимъ качествомъ), расходы на квартиру—около $^1/_6$ и столько же на одежду; остальное (около $^1/_5$)—на прочіе расходы.

Въ Старомъ Свѣтѣ лучшими условіями существованія рабочихъ остаются до сихъ поръ англійскія, именно въ области такъ называемаго «искуснаго» (skilled) труда. Извѣстный англійскій статистикъ Гиффенъ указываетъ, что за послѣднія 50 лѣтъ заработная плата въ Англіи поднялась, въ среднемъ, на 50%, а въ нѣкоторыхъ отросляхъ промышленности—на 100% и даже выше 100%. Вмѣстѣ съ тѣмъ цѣны на главнѣйшіе предметы потребленія рабочихъ измѣнялись въ обратномъ отношеніи, т.-е. уменьшались. Такимъ образомъ у англійскаго рабочаго поднялась не только номинальная (денежная), но и реальная заработная плата.

Цѣна хлѣба за 10-лѣтіе до отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ равнялась 58 шилл. 7 пенсамъ за квартеръ, а за время 1872—1882 гг. она составляла всего 48 шилл. 9 пенсовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря усовершенствованіямъ транспорта, цѣны на хлѣбъ стали устойчивѣе, постояннѣе, исчезли такъ часто встрѣчавшіяся прежде чрезмѣрныя «голодныя» цѣны на хлѣбъ.

Сравнивая цѣны главнѣйшихъ предметовъ потребленія въ Англіи въ 1839 и 1887 гг., находимъ:

	Въ 1839 г.			Въ 1887 году.
Пшеничная мука	1 ф.		2 пенса	1,41 пенса.
Свѣжая говядина	»	»	6,50 »	6,75 »
Копченая свинина	»	»	8,0 »	6,75 »
Чай	»	»	6 шилл.	2 шилл. 2 пенса.
Сахаръ	»	»	7 пенс.	2 пенса.
Мыло	»	»	5 »	3 » [1]).

Изъ этой таблички видно, что пониженіе цѣны произошло по всѣмъ изъ приведенныхъ предметовъ потребленія, кромѣ одного,—свѣжей говядины, гдѣ замѣчается вздорожаніе на $^1/_4$ пенса, т.-е. менѣе. чѣмъ на 1 коп. на фунтъ. Наоборотъ, пониженіе цѣнъ почти всюду крупнѣе, въ особенности на чай и сахаръ (приблизительно втрое противъ прежняго уровня). Къ этому необходимо еще прибавить и то, что сильное развитіе за послѣднее время потребительскихъ обществъ даетъ возможность англійскимъ рабочимъ платить за предметы своего потребленія цѣны, весьма приближающіяся къ оптовымъ, избѣгая переплатъ торговымъ посредникамъ. Изслѣдователь англійской крупной промышленности—нѣмецкій ученый Шульце-Геверницъ указываетъ, что, по его личнымъ наблюденіямъ, современное положеніе рабочихъ въ Ланкаширѣ (округъ хлопчатобумажной промышленности) совершенно не соотвѣтствуетъ тѣмъ мрачнымъ описаніямъ, которыя характеризуютъ прошлое этой мѣстности (начало текущаго столѣтія). Онъ приводитъ, напр., бюджетъ одной

---

1) *Rob. Giffen.* The Progress of the Working Classes in the last half Century, London, 1884, стр. 5—11.

семьи изъ Гайда (предмѣстья Манчестера), работающей на бумагопрядильнѣ. Семья эта, состоявшая изъ четырехъ человѣкъ (мужа—47 лѣтъ, жены—42 лѣтъ и двухъ дочерей—15 и 18 лѣтъ), нанимала отдѣльный домикъ въ 4 комнаты (двѣ—внизу и двѣ—вверху, служившія спальнями). За это помѣщеніе они уплачивали 4 шиллинга 6 пенсовъ въ недѣлю, что составитъ въ мѣсяцъ около 10 нашихъ рублей. Главной пищей ихъ былъ пшеничный хлѣбъ и мясо (каждый день); изъ другихъ продуктовъ въ данной семьѣ выходило въ недѣлю около 5 фунт. сахару, 12 яицъ, $2^1/_2$ фунт. масла, 5 квартъ молока; 1 шилл. въ недѣлю семья уплачивала въ видѣ взноса въ профессіональный союзъ (за отца), 5 пенсовъ—въ «Дружеское общество» (Friendly Society), $^1/_2$ пенса—въ клубъ, 6 пенсовъ—на газеты; на прогулки, развлеченія и отдыхъ расходовалось въ недѣлю около 4 шилл. (т.-е. 2 руб. на наши деньги; въ годъ это составляетъ около 100 руб.). Но и при такихъ довольно крупныхъ расходахъ заработка семьи хватало съ избыткомъ, такъ что, въ концѣ-концовъ, сводя свой годовой бюджетъ, семья эта имѣла еще около 20 фунт. стерлинговъ (200 руб.) въ годъ сбереженій.

Общій доходъ семьи составлялъ 131 фун. стерл. (1.300 руб.), расходовалось — 107 фунт. 8 шилл. Оставалось сбереженій — 23 фун. 12 шилл., т.-е. около 200 руб. въ годъ, которые и откладывались на приданое дочерямъ [1]).

Конечно, было бы ошибкой думать, что указанныя условія представляются общими для всего

[1]) *Шульце - Геверницъ*, «Крупное производство». Глава «Цифры и факты изъ Ланкашира».

рабочаго класса Англіи; такъ живутъ только «хорошо обученные» рабочіе, имѣющіе регулярный заработокъ. Положеніе необученныхъ рабочихъ (чернорабочихъ, unskilled) значительно хуже, а сверхъ того въ большихъ городахъ (въ особенности, въ Лондонѣ) есть не мало такихъ группъ рабочаго населенія, которыя находятся въ состояніи всегдашняго нищенства. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи оказываются, напр., рабочіе, занятые при условіяхъ «системы выжиманія пота» (sweating system); таковы уличные продавцы, доковые рабочіе и др.

Современный общественный режимъ далекъ отъ совершенства, и не всѣмъ удается завоевать себѣ въ немъ сносныя условія жизни. Болѣе прочно поставленные рабочіе могутъ постепенно улучшать свое положеніе; другіе же ихъ товарищи, слабѣе вооруженные для жизненной борьбы, обречены на жалкое полуголодное существованіе. Однако масса лучше оплачиваемыхъ рабочихъ постоянно увеличивается и въ настоящее время заключаетъ въ себѣ во всякомъ случаѣ большинство промышленныхъ рабочихъ Англіи.

Сущность современнаго общественнаго прогресса передовыхъ странъ заключается именно въ томъ, что главная масса рабочихъ, ядро промышленной арміи, оказывается въ гораздо лучшихъ условіяхъ, чѣмъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, что эта многочисленная часть европейскаго населенія стала уже значительно пріобщаться къ благамъ культуры, которыя прежде были доступны только среднимъ (буржуазнымъ) классамъ. Въ ряды этой массы переходятъ постепенно съ развитіемъ крупной промышленности и тѣ разряды рабочихъ, ко-

торые недавно еще находились въ крайне бѣдственномъ положеніи. Напримѣръ, производство обуви до послѣдняго времени составляло одно изъ наиболѣе крѣпкихъ убѣжищъ «системы выжиманія пота» (см. приведенныя нами въ шестой лекціи показанія въ комиссіи Палаты Лордовъ); въ настоящее же время, съ введеніемъ механическихъ способовъ производства обуви и созданіемъ крупныхъ предпріятій, многіе рабочіе, занятые въ этой отрасли промышленности, получаютъ уже довольно высокую плату, имѣютъ прекрасный профессіональный союзъ и, вообще, входятъ по своему образу жизни, привычкамъ и интересамъ въ составъ передовой части англійской промышленной арміи [1]).

Къ сожалѣнію, мы не можемъ располагать подробными данными, относящимися къ современному намъ положенію промышленныхъ рабочихъ въ Россіи. Одна изъ лучшихъ работъ, посвященныхъ изученію вопроса о новѣйшихъ условіяхъ русскаго труда,—«Фабрика» Дементьева, содержитъ свѣдѣнія, собранныя въ восьмидесятые годы.

Впрочемъ, едва ли есть основанія для предположенія, что условія существованія русскихъ фабричныхъ рабочихъ за послѣднее время существенно

---

1) Для характеристики современнаго положенія англійскихъ рабочихъ прекрасными пособіями служатъ изслѣдованія *Ч. Бутса* для Лондона и *Раунтри* для Йорка (Ch. Booth, Life and Labour of the People in London. 9 томовъ съ прилож. отдѣл. картограммъ. Недавно вышелъ заключительный десятый томъ этого громаднаго труда. *Rowntree,* Poverty. A study of town life. Эта работа, выполненная приблизительно согласно плану, принятому *Бутсомъ,* представляетъ значительныя преимущества, благодаря меньшему объему (соотвѣтственно самому объекту изслѣдованія) и большей стройности изложенія).

измѣнились. Поэтому я и приведу нѣкоторыя цифры изъ этой чрезвычайно интересной и поучительной книги [1]). Кругъ явленій, которыя захватывало статистическое обслѣдованіе, положенное въ основу выводовъ названнаго автора, географически не великъ (нѣсколько уѣздовъ Московской губерніи), но онъ включаетъ въ себя весьма характерныя черты нашей промышленной жизни. Въ этомъ уголкѣ Россіи съ давнихъ поръ существуетъ широко развитая обрабатывающая промышленность, а потому выводы, полученные для данной мѣстности, могутъ быть безъ значительной ошибки распространены и на многія другія мѣстности Россіи (въ особенности, центральнаго промышленнаго района).

Среди обслѣдованныхъ промышленныхъ заведеній встрѣчались два типа оплаты труда — заработная плата рабочимъ на своихъ и на хозяйскихъ харчахъ, причемъ первый встрѣчался въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ (въ 93,9% противъ 6,1%).

Заработная плата работнику на своихъ харчахъ составляетъ въ среднемъ по всѣмъ производствамъ (въ мѣсяцъ):

взрослаго мужчины	13 р	53 к.
взрослой женщины	10 »	56 »

Если принять величину заработка мужчины за 100, то заработная плата женщины составитъ 78,04%.

Собственное содержаніе обходилось рабочимъ, въ общемъ, нѣсколько дешевле, чѣмъ въ томъ случаѣ, если хозяева давали харчи, потому что хозяева

1) *Е. Д. Дементьевъ*, «Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ». 2 изд. Москва, 1897 г.

старались нажить кое-что на этомъ. Для взрослыхъ мужчинъ при своихъ харчахъ продовольствіе обходилось въ среднемъ въ 5 руб. въ мѣсяцъ, тогда какъ хозяева удерживали за него 6 р. 20 к., т.-е. на 24% дороже. При этомъ и качество пищи при хозяйскихъ харчахъ обыкновенно было хуже, чѣмъ при своихъ.

Авторъ названнаго изслѣдованія, докторъ Дементьевъ, говоритъ, между прочимъ, что, приступая къ изученію условій фабричнаго быта въ Коломенскомъ уѣздѣ, онъ сразу же натолкнулся на слѣдующій случай, наглядно рисующій заботы хозяевъ о прокормленіи рабочихъ, Подъѣзжая къ одной фабрикѣ, онъ увидѣлъ, какъ толпа рабочихъ торжественно, всѣмъ скопомъ, валила въ рѣчку гнилое мясо, выданное хозяиномъ для приготовленія пищи.

Выше мы видѣли, каковъ средній уровень заработной платы по всѣмъ производствамъ. Онъ не даетъ, конечно, вѣрнаго представленія о фактическомъ положеніи рабочихъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности; уклоненія отъ средней нормы бываютъ значительны въ ту и другую сторону. Я и приведу поэтому данныя, указывающія на размѣры платы въ различныхъ формахъ труда.

Рабочіе (на своихъ харчахъ) получали, въ среднемъ, мѣсячной платы (въ руб.):

Производства:	Мужчины.	Женщины.
Машиностроительное	22,04 р.	не работаютъ.
Лѣсопильное	20,31 »	также.
Ситценабивное	15,38 »	6,07 р.
Прядильно-ткацкое (шерст.).	15,32 »	7,17 »
Бумагопряд. и бумаготкацк.	13,27 »	1,00 »
Рогожное	8,89 »	7,52 »

Наивысшая плата, какъ видно изъ этой таблицы, приходится на машиностроительное производство, одно изъ наиболѣе сложныхъ производствъ въ области крупной промышленности; наименьшую норму платы получаютъ рабочіе рогожныхъ фабрикъ, приближающихся по своему типу къ мелкимъ кустарнымъ промысламъ. Ближе всего къ средней нормѣ стоятъ цифры платы въ текстильныхъ производствахъ (извѣстно, что въ этихъ производствахъ занята и наиболѣе значительная часть фабричныхъ рабочихъ).

Познакомившись съ размѣрами заработной платы русскаго рабочаго, мы можемъ уже перейти къ сравненію ея съ заработкомъ рабочихъ болѣе культурныхъ странъ.

Для большей точности сравненія необходимо взяты за основаніе единицу, которая представлялась бы дѣйствительно одинаковой въ каждой изъ сравниваемыхъ странъ. Такой единицей не можетъ быть ни мѣсячная, ни недѣльная, ни даже дневная заработная плата, потому что количество рабочихъ часовъ въ рабочемъ днѣ неодинаково въ Россіи и какой-либо другой странѣ, положимъ, Англіи. Наилучшимъ пріемомъ, слѣдовательно, необходимо признать сравненіе оплаты рабочаго часа (что и дѣлаетъ д-ръ Дементьевъ въ своей книгѣ). Выражая въ копейкахъ плату за часъ труда, получаемую американскимъ, англійскимъ и русскимъ рабочими въ одной и той же отрасли промышленности (бумагопрядильной и бумаготкацкой), д-ръ Дементьевъ находитъ:

американскій рабочій (штата Массачусетсъ) получаетъ . . . . 20,38 к. въ часъ.

англійскій . . . . 17,72 к. въ часъ.
русскій . , ... , . 4,69 » » »

Выводя процентное отношеніе этихъ чиселъ другъ къ другу, мы находимъ, что англійскій рабочій зарабатываетъ на 171,5% больше русскаго, а американскій—даже на 250,8%.

Но намъ скажутъ, быть-можетъ, что таковы размѣры номинальной денежной платы, и что разница въ реальной платѣ для русскаго рабочаго (которая единственно и имѣетъ значеніе) не такъ уже значительна по сравненію съ заработкомъ его далекихъ товарищей—англичанъ и американцевъ. Вѣдь жизнь въ Россіи гораздо дешевле, чѣмъ въ Англіи или Америкѣ. Однако, какъ намъ ни кажется страннымъ на первый взглядъ, въ дѣйствительности дороговизна жизни въ Англіи и Америкѣ далеко не такова, какъ обыкновенно думаютъ.

Сравнивая цѣны на главнѣйшіе предметы потребленія рабочаго въ Московской губерніи съ англійскими и американскими цѣнами, мы видимъ, что по многимъ статьямъ дороговизна оказывается на сторонѣ русскихъ продуктовъ. Мука ржаная и пшеничная, молоко, сахаръ, керосинъ и мыло въ Московской губерніи дороже, чѣмъ въ Англіи; въ Америкѣ же, сверхъ того, дешевле, чѣмъ въ Московской губерніи, свѣжая говядина и солонина.

И въ самомъ дѣлѣ, если мы посмотримъ, какой степенью довольства пользуется средній русскій фабричный рабочій, то мы найдемъ, что и реальная плата его также ниже заработка американскихъ и англійскихъ рабочихъ, какъ и номинальная.

Какимъ жилищемъ пользуется русскій рабочій? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно найти во многихъ статистическихъ изслѣдованіяхъ русскихъ рабочихъ жилищъ—и повсюду въ одномъ и томъ же смыслѣ. Мы ограничимся данными, приведенными въ разсматриваемой книгѣ д-ра Дементьева.

Жилища рабочихъ, изслѣдованныя въ уѣздахъ Московской губ., можно разбить на три главныхъ типа: на крупныхъ фабрикахъ рабочіе обыкновенно живутъ въ самыхъ фабричныхъ помѣщеніяхъ (пользуясь ими безплатно), иначе говоря, они просто спятъ, какъ попало, среди орудій, на станкахъ, въ атмосферѣ, наполненной вредными испареніями. Здѣсь нѣтъ и признаковъ постели и вообще какихъ бы то ни было культурныхъ приспособленій; атмосфера, въ которой приходится проводить ночь, часто представляетъ вопіющія антисанитарныя условія (напримѣръ, въ квасильныхъ овчинно-дубильныхъ заведеніяхъ). Второй типъ русскихъ рабочихъ жилищъ—это фабричныя казармы, гдѣ различаются помѣщенія для холостыхъ и семейныхъ рабочихъ. Семейные рабочіе живутъ въ такъ называемыхъ «каморкахъ»—на двѣ, три и до семи семей, при чемъ предѣломъ помѣщенія каждаго новаго жильца является просто физическая невозможность. Объ удобствахъ этихъ помѣщеній можно судить по тому, что количество воздуха (кубическій объемъ) составляетъ въ нихъ въ среднемъ около $^1/_2$ куб. саж. Но это еще средняя величина; минимумъ же объема воздуха, фактически встрѣчающійся въ этихъ жилищахъ, равняется всего 0,21, т.-е. около $^1/_5$ куб. саж. на человѣка. Холостые рабочіе размѣщаются въ общихъ спальняхъ, гдѣ мѣсто кровати занимаютъ

общія нары, на которыхъ рабочіе спятъ въ повалку, сколько можетъ помѣститься. Иногда устраиваются нары въ два этажа, причемъ разстояніе верхняго яруса отъ потолка составляло въ измѣренныхъ помѣщеніяхъ всего $^3/_4$ арш. Тутъ же обыкновенно моютъ и сушатъ бѣлье, испаренія отъ котораго еще болѣе портятъ и безъ того чрезвычайно зловонную атмосферу.

Не лучше жилищныя условія русскихъ рабочихъ и въ наемныхъ квартирахъ. Обыкновенно они размѣщались десятками въ двухъ комнатахъ крестьянской избы; на одного приходилось при этомъ отъ 0,23 до 0,43 куб. саж. воздуха и отъ 1,48 до 2,75 кв. арш. площади пола.

Другая важная статья въ рабочемъ бюджетѣ — удовлетвореніе потребности въ питаніи — стоитъ въ Россіи такъ же плохо, какъ и предыдущая. Пища, употребляемая рабочими въ обслѣдованныхъ уѣздахъ Московской губ., отличалась, въ общемъ, очень низкимъ качествомъ. Рабочіе ѣли, главнымъ образомъ, черный хлѣбъ, кислую капусту, гречневую и пшенную кашу съ говяжьимъ жиромъ, картофель, щи съ кислой капустой, квасъ, огурцы. Вообще, грубая растительная пища круглый годъ составляла главный предметъ питанія рабочихъ. Рабочіе, жившіе въ наемныхъ квартирахъ, питались еще хуже; главную пищу ихъ составляли черный хлѣбъ и пустыя щи. И тѣмъ не менѣе при такомъ скудномъ питаніи расходы на пищу поглощали у нашего рабочаго огромную долю его дохода. Продовольствіе занимало около 40,24—70% общаго семейнаго бюджета русскаго рабочаго (въ среднемъ почти 57%).

Я не буду останавливаться на характеристикѣ другихъ условій существованія русскаго промышленнаго рабочаго. Думаю, что приведенныхъ свѣдѣній достаточно для уясненія разницы въ положеніи рабочаго класса въ Россіи и культурныхъ странахъ Запада. Но мнѣ могутъ поставить въ упрекъ, что я остановился на этихъ тѣневыхъ сторонахъ нашей общественной жизни. Нѣкоторые полагаютъ, что говорить объ язвахъ своей родины непатріотично, что лучше закрывать глаза на бѣдственное положеніе трудящихся массъ и стараться искать свѣтлыхъ чертъ въ русской дѣйствительности. Нужно ли говорить, какъ несправедливы подобные упреки? На нихъ давно уже отвѣтилъ нашъ знаменитый народный поэтъ, говоря порицавшимъ его чрезмѣрнымъ хвалителямъ условій русской общественной жизни:

Примиритесь же съ музой моей:
Я не знаю иного напѣва...
Кто живетъ безъ печали и гнѣва,
Тотъ не любитъ отчизны своей!

Лекція тринадцатая.

Профессіональные рабочіе союзы.—Исторія трэдъ-юніонизма въ Англіи.—Происхожденіе англійскихъ рабочихъ союзовъ.—Дѣятельность рабочихъ союзовъ въ XVIII вѣкѣ.—Законодательное запрещеніе союзовъ и коалицій и борьба противъ него.— Плэсъ и радикальные члены Палаты Общинъ.— Дѣятельность союзовъ послѣ отмѣны закона противъ коалицій.— Агитація Р. Овэна.— Чартизмъ.— Настроеніе союзовъ съ 50-хъ гг.—Развитіе ихъ внутренней организаціи.— Реакція противъ духа умѣренности и компромисса.—Новый трэдъ-юніонизмъ.— Распространенность рабочихъ союзовъ въ современной Англіи.— Расходы союзовъ.— Моральное вліяніе союзовъ.

Мм. гг. Въ прошлой лекціи я намѣтилъ вкратцѣ причины, опредѣляющія высоту заработной платы при капиталистическомъ строѣ общественнаго хозяйства. Мы видѣли, что въ передовыхъ странахъ капиталистическаго типа единоличный договоръ рабочаго съ хозяиномъ уступилъ мѣсто коллективному договору, который, въ свою очередь, постепенно видоизмѣняется, принимая все болѣе и болѣе совершенныя формы. Съ другой стороны, мы знаемъ, что эта эволюція совершалась въ непосредственной связи съ законодательными измѣненіями, которыя создавали все болѣе нормальныя и справедливыя формы для фактическаго осуществленія коллективнаго договора, и что, кромѣ того, на помощь рабочимъ явились спеціальные законы, регулирующіе продолжительность рабочаго времени, санитарныя и иныя условія труда. Мы и остановимся поэтому въ настоящей и двухъ послѣдующихъ лекціяхъ на болѣе подробномъ выясненіи какъ

условій коллективнаго договора, такъ и фабричнаго законодательства. Коллективный договоръ теоретически мыслимъ и въ нѣкоторыхъ странахъ фактически примѣняется и безъ постоянныхъ организацій рабочихъ, но исторія передовыхъ капиталистическихъ странъ показываетъ, что безъ рабочихъ союзовъ примѣненіе коллективнаго договора не можетъ быть устойчивымъ.

Мы обратимся поэтому прежде всего къ характеристикѣ рабочихъ союзовъ, составляющихъ существенную и вполнѣ надежную основу для примѣненія коллективнаго договора, а въ слѣдующей лекціи попытаемся выяснить главнѣйшія формы, въ которыхъ встрѣчается въ настоящее время самый коллективный договоръ.

Профессіональные рабочіе союзы болѣе всего развились въ Англіи, а потому для общей характеристики ихъ лучше всего взять данныя изъ англійской экономической жизни [1]).

Исторія англійскихъ рабочихъ союзовъ или, какъ ихъ называютъ въ Англіи, трэдъ-юніоновъ (trade-unions) восходитъ къ сравнительно недалекому

---

[1]) Въ экономической литературѣ вопросъ о профессіональныхъ рабочихъ союзахъ получилъ научную разработку впервые только въ указанномъ нами въ предыдущей лекціи трудѣ *Брентано* (Arbeitergilden der Gegenwart). Наиболѣе цѣнными изслѣдованіями исторіи и современной организаціи и дѣятельности англійскихъ рабочихъ союзовъ являются труды супруговъ *Веббъ* (History of the Trade-Unionism и Industrial Democracy. Въ 1902 г. вышло второе, удешевленное изданіе этого капитальнаго изслѣдованія, безъ всякихъ измѣненій, но съ прибавленіемъ двухъ обширныхъ предисловій, въ которыхъ отмѣчены наиболѣе выдающіеся факты и тенденціи въ развитіи трэдъ-юніонизма за послѣдніе годы). Для общаго обо-

времени, захватывая собой пространство не болѣе, чѣмъ двухъ столѣтій. Нѣкоторые изслѣдователи, правда, сближаютъ современные трэдъ-юніоны съ средневѣковыми ремесленными гильдіями; однако для такого сопоставленія нѣтъ достаточныхъ научныхъ основаній. Составъ средневѣковыхъ гильдій и задачи, которыя преслѣдовались этими организаціями, были совершенно отличны отъ состава и цѣлей современныхъ профессіональныхъ союзовъ рабочихъ. Членами гильдій были самостоятельные хозяева-ремесленники; задача улучшенія ихъ матеріальнаго положенія заключалась поэтому въ принятіи мѣръ противъ удешевленія товаровъ, т.-е. въ уменьшеніи конкуренціи между мастерами и обезпеченіи имъ рынковъ для сбыта. Мастера стремились устанавливать цѣлый рядъ ограниченій противъ конкуренціи смежныхъ отраслей производства, а, съ другой стороны, въ своей средѣ налагали на всѣхъ членовъ гильдіи общія нормы для продажи изготовляемыхъ продуктовъ (нормальныя цѣны). Наоборотъ, въ трэдъ-юніонахъ выступаютъ на сцену уже не хозяева, хотя бы и мелкіе, а рабочіе, лишенные средствъ и орудій производства, работающіе по найму на капиталиста. Они не имѣютъ непосредственныхъ связей съ рынкомъ; ихъ интересъ

зрѣнія развитія профессіональныхъ рабочихъ союзовъ въ различныхъ культурныхъ государствахъ полезнымъ пособіемъ можетъ служить книга *Кулемана* (*W. Kulemann*, Die Gewerkschaftsbewegung. Jena, 1900). Наконецъ весьма интересную характеристику вопроса о профессіональныхъ рабочихъ союзахъ вообще даетъ брошюра *Зомбарта* (*W. Sombart*, Dennoch! Aus Theorie und Geschichte der gewerkschaftlichen Arbeiterbewegung. Jena, 1900).

заключается не въ регулированіи рыночныхъ отношеній по продажѣ вырабатываемыхъ ими продуктовъ, а въ обезпеченіи себѣ такой доли изъ продукта ихъ труда, которая давала бы имъ возможность надлежащимъ образомъ удовлетворять ихъ потребности. Иначе говоря, трэдъ-юніоны имѣютъ въ виду регулированіе отношеній между хозяевами и рабочими въ благопріятномъ для рабочихъ смыслѣ, противопоставляя силѣ капитала, сосредоточенной въ рукахъ капиталистовъ, другую силу — организацію трудящихся массъ. А такъ какъ развитіе такихъ отношеній относится къ сравнительно недавнему времени, то и рабочіе союзы представляютъ собой новое явленіе въ экономической исторіи Англіи. И, дѣйствительно, извѣстные историки англійскаго трэдъ-юніонизма Сидней и Беатриса Веббы указываютъ въ своей книгѣ («History of the Trade-unionism“), что ранѣе 1700 года имъ не удалось открыть никакого слѣда существованія постоянныхъ ассоціацій наемныхъ рабочихъ съ цѣлями улучшенія условій ихъ труда. Только начиная съ первыхъ лѣтъ XVIII ст. встрѣчаются уже въ нѣкоторыхъ историческихъ документахъ отрывочныя извѣстія о рабочихъ союзахъ, въ видѣ жалобъ на «недавно образованныя коалиціи обученныхъ рабочихъ» въ различныхъ отрасляхъ промышленности. Со средины же XVIII ст. журналы Палаты Общинъ полны петицій и контръ-петицій, указывающихъ на существованіе ассоціацій наемныхъ рабочихъ въ большинствѣ высшихъ (skilled) отраслей промышленности.

Мы знаемъ, что главной причиной возникновенія рабочихъ союзовъ было развитіе новѣйшей обрабатывающей промышленности, гдѣ стали сталки-

ваться противоположные интересы хозяина-предпринимателя и наемнаго рабочаго. Поводы же, по которымъ возникали союзы въ какой-либо моментъ въ извѣстной отрасли промышленности, бывали, конечно, весьма разнообразны. Вообще, можно сказать, что рабочія организаціи зарождались изъ каждаго случая, когда массы наемныхъ рабочихъ, занятыя въ одной отрасли промышленности, встрѣчались другъ съ другомъ и столковывались по поводу общаго дѣла. Такими случаями бывали или обширныя шумныя стачки, или подача петицій парламенту относительно созданія новаго закона для урегулированія условій труда, или большія скопленія въ одномъ пунктѣ лицъ, ищущихъ работы, или образованіе «дружскихъ обществъ» и клубовъ взаимопомощи на случай болѣзни и выдачи пособій на похороны. Наконецъ въ такихъ промыслахъ, гдѣ рабочимъ приходилось часто путешествовать изъ города въ городъ въ поискахъ за работой, рабочіе союзы возникали изъ временныхъ организацій для пріюта такихъ путниковъ (tramps) въ городахъ, чрезъ которые они должны были проходить.

Однако, говоря, что трэдъ-юніоны возникали на почвѣ развитія капитализма, мы впали бы въ ошибку, связывая ихъ появленіе съ машиннымъ капиталистическимъ производствомъ. Первые шаги трэдъ-юніонизма соединяются съ мануфактурнымъ періодомъ развитія промышленности, и первоначально наиболѣе стройно организованные союзы были именно въ мануфактурныхъ предпріятіяхъ (союзовъ портныхъ, рабочихъ въ шерстяныхъ, чулочныхъ мануфактурахъ и т. д.).

Въ чемъ же выразилась въ первое время дѣятельность рабочихъ союзовъ?

Ища защиты противъ ухудшенія своего положенія, рабочіе въ начальный періодъ развитія крупной промышленности сами не сознавали ясно, какими мѣрами можно достигнуть этого. Смыслъ совершавшагося кругомъ нихъ переворота въ соціально - экономическихъ отношеніяхъ оставался для нихъ темнымъ, и они видѣли въ распространеніи крупнаго производства и во введеніи машинъ только нежелательное явленіе. Рабочіе союзы наводняли парламентъ просьбами о запрещеніи введенія новыхъ машинъ, объ исполненіи стараго закона о семилѣтнемъ срокѣ для обученія работѣ, о старинномъ же ограниченіи количества учениковъ (boys) у каждаго предпринимателя и т. п. Въ отвѣтъ на эти просьбы Палата Общинъ обыкновенно назначала спеціальную комиссію для изслѣдованія вопроса, при чемъ опрашивались свѣдущія въ данномъ дѣлѣ лица. Предприниматели представляли парламенту цѣлый рядъ фактовъ и соображеній, указывающихъ на то, что семилѣтній срокъ ученичества представляется нелѣпымъ при новыхъ техническихъ пріемахъ, когда можно выучиться работѣ въ нѣсколько мѣсяцевъ, что ограниченіе количества рабочихъ у одного хозяина двумя-тремя лицами немыслимо при крупномъ машинномъ или мануфактурномъ производствѣ, наконецъ, что запрещеніе вводить новыя машины должно невыгодно отразиться на ходѣ англійской экспортной торговли.

Парламентъ обыкновенно соглашался съ этими доводами, и петиціи рабочихъ оставались безъ

исполненія. Да и нельзя было поступать иначе, потому что требованія рабочихъ были, дѣйствительно, неисполнимы, о возможности же другихъ мѣръ въ защиту труда (напр., фабричнаго законодательства) въ то время ничего не знали еще и сами рабочіе.

Но если въ первую половину XVIII ст. парламентъ со стѣсненнымъ сердцемъ отвѣчалъ отказомъ на жалобы рабочихъ, самъ не видя исхода изъ ихъ тяжелаго положенія, то къ концу вѣка онъ принялъ уже опредѣленную и сознательную политику въ промышленныхъ вопросахъ, идущую въ разрѣзъ съ истинными интересами и нуждами рабочаго класса. Къ этому времени правящіе классы убѣдились въ выгодахъ системы промышленной свободы (въ 1776 г. вышло «Богатство народовъ» Ад. Смита) и покинули рабочихъ уже не въ силу фактическихъ трудностей разобраться въ ихъ нуждахъ, а изъ принципа. Благодаря такому настроенію парламента, для рабочихъ наступили тяжелые дни. Особенно трудно было для англійскихъ трудящихся классовъ время между 1793 и 1815 гг., когда продолжительная война и рядъ неурожаевъ чрезвычайно ухудшили бѣдствія промышленныхъ рабочихъ. Попытки рабочихъ отстоять свои интересы, опираясь на старинные законы, изданные въ защиту труда (въ 1802 г., напр., ткачи западной Англіи въ союзѣ съ ткачами Іоркшира наняли спеціальнаго адвоката для веденія ихъ исковъ съ предпринимателями), вызвали только стремленіе со стороны владѣющихъ классовъ уничтожить эти старые законы. Въ 1814 г. Палата Общинъ приняла билль, отмѣнившій средневѣковые законы объ уче-

ничествѣ и устранившій вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній остатокъ законодательной защиты условій труда, сохранившійся съ среднихъ вѣковъ. Между тѣмъ, проводя принципъ промышленной свободы въ тѣхъ случаяхъ, когда это было выгодно для предпринимателей, Палата Общинъ нарушила его сейчасъ же, какъ только дѣло коснулось интересовъ рабочихъ. Въ 1799 г. былъ изданъ общій законъ, запрещающій коалиціи рабочихъ (спеціальные законы, запрещавшіе коалиціи въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности, существовали и ранѣе). Историки англійскаго рабочаго движенія ставятъ этотъ законъ въ непосредственную связь съ развитіемъ трэдъ-юніонизма въ текстильной промышленности Іоркшира и Ланкашира. О поспѣшности, съ какой владѣющіе классы старались добыть выгодное для нихъ запрещеніе коалицій рабочихъ, можно судить по тому, что между внесеніемъ названнаго билля въ Палату Общинъ и окончательнымъ утвержденіемъ (королемъ) прошло всего 24 дня.

Законъ 1799 г., дополненный биллемъ 1800 г., создалъ крайне тягостное положеніе для англійскихъ рабочихъ. Къ этому времени окончательно установился уже порядокъ свободнаго соглашенія между хозяиномъ и рабочими. Поэтому запрещеніе рабочихъ коалицій, ослабляющихъ силу одной стороны и создающихъ привилегированное положеніе для другой, оказывалось очевидной и вопіющей несправедливостью. Правда, и коалиціи предпринимателей также запрещались закономъ; но при этомъ упускался изъ виду тотъ фактъ, что при современномъ промышленномъ строѣ одному предпринимателю соотвѣтствуютъ часто сотни и даже тысячи

рабочихъ. Сверхъ того, законъ, преслѣдующій предпринимателей, не примѣнялся судьями того времени. «Въ теченіе всей эпохи репрессій (направленныхъ противъ рабочихъ),—говорятъ Веббы,—когда тысячи рабочихъ страдали отъ осужденія за коалиціи, не было ни одного случая, чтобы какой либо предприниматель былъ наказанъ за подобное преступленіе». Политическіе дѣятели того времени въ каждой попыткѣ организаціи рабочихъ видѣли политическое преступленіе. Напуганные тяжелыми сценами французской революціи, правящіе классы съ ужасомъ смотрѣли на проблески самосознанія въ средѣ рабочаго класса. Въ теченіе болѣе чѣмъ 20 лѣтъ, послѣ изданія упомянутаго выше закона трэдъ-юніоны подвергались безпощадному преслѣдованію. Особенно сильно чувствовалось давленіе закона противъ коалицій въ текстильной промышленности. Напр., въ 1812 г., послѣ грандіозной стачки шотландскихъ ткачей, правительство арестовало центральный комитетъ, руководившій дѣломъ, присудивъ членовъ его къ тюремному заключенію, длившемуся для нѣкоторыхъ до полутора года. Газеты того времени вообще полны извѣстіями о подобныхъ «судебныхъ варварствахъ»; но, къ сожалѣнію, точной статистики преслѣдованія рабочихъ не существуетъ.

Рабочимъ не оставалось иного исхода, какъ начать упорную борьбу противъ ограничительныхъ законовъ. Парламентскій строй давалъ возможность вести эту борьбу легальнымъ способомъ; требовались настойчивость и умѣнье. Политическое представительство дѣлилось между двумя основными партіями — консервативной (землевладѣльческимъ

классомъ) и либеральной (буржуазіей). Рабочіе не имѣли въ парламентѣ своихъ представителей, и потому имъ приходилось находить сочувствующихъ своему дѣлу лицъ изъ чуждыхъ имъ слоевъ общества — или изъ среды землевладѣльческой партіи, по своимъ интересамъ враждебной фабрикантамъ, или изъ группы радикаловъ, проникнутыхъ демократическими идеями въ духѣ философіи XVIII в. Такія лица, однако, находились, и нужно было лишь умѣло пользоваться ихъ услугами. Въ этихъ сложныхъ условіяхъ жизнь скоро выдвинула изъ среды рабочихъ энергичныхъ и способныхъ дѣятелей, усилія которыхъ принесли огромную пользу англійскому рабочему движенію. Среди этихъ замѣчательныхъ личностей особенно выдѣлялся Фрэнсисъ Плэсъ, передовой застрѣльщикъ англійскаго рабочаго движенія [1]). По своей первоначальной профессіи онъ былъ портной, сначала работавшій по найму, затѣмъ — какъ самостоятельный мелкій предприниматель. Когда подросъ его сынъ, Плэсъ передалъ ему дѣло, а самъ сталъ посвящать свое время исключительно общественной дѣятельности. Въ его лицѣ англійскіе рабочіе пріобрѣли себѣ политическаго дѣятеля перваго ранга. Никто не умѣлъ лучше его практически поставить дѣло. Въ агитаціи, въ давленіи на парламентскихъ дѣятелей, въ составленіи резолюцій, петицій и биллей, руководительствѣ скрытыми пружинами — Плэсъ проявлялъ необычайную изобрѣтательность и огром-

1) Въ 1898 году вышла подробная біографія этого замѣчательнаго политическаго дѣятеля, написанная доцентомъ лондонской школы экономич. и политич. наукъ Грэемомъ Уоллесомъ (*Graham Wallas*, The life of Francis Place. 1771—1854. London, 1898).

ный тактъ. Онъ умѣлъ внушать довѣріе къ себѣ и къ защищаемому имъ дѣлу самымъ разнообразнымъ лицамъ — отъ простого рабочаго до члена парламента. По политическимъ убѣжденіямъ онъ былъ послѣдователемъ радикальной доктрины Бентама и Джемса Милля и сочувствующихъ своему дѣлу старался искать среди радикальнаго крыла англійской либеральной партіи. Однако онъ хорошо понималъ, что въ англійскомъ обществѣ трудно добиться многаго абстрактными разсужденіями или призывомъ къ естественнымъ правамъ человѣка, и потому старался выяснить каждый разъ конкретныя фактическія черты существующей несправедливости. Онъ вмѣшивался во всякую стачку то какъ посредникъ между хозяевами и рабочими, то просто какъ союзникъ и представитель рабочихъ. Онъ открылъ обширную переписку съ существовавшими трэдъ-юніонами и забрасывалъ газеты безчисленными письмами и корреспонденціями. Въ газетной работѣ онъ сблизился съ двумя видными впослѣдствіи политическими дѣятелями—Макъ Кёллокомъ и Джозефомъ Юмомъ. Макъ Кёллокъ вскорѣ сталъ защитникомъ буржуазныхъ интересовъ, но зато въ лицѣ Джозефа Юма Плэсъ пріобрѣлъ крупную силу, полезную для интересовъ рабочаго класса. Юмъ сталъ однимъ изъ лидеровъ нарождавшейся въ Палатѣ Общинъ новой партіи философскаго радикализма, которая съ сочувствіемъ относилась къ попыткамъ рабочихъ завоевать себѣ равное юридическое положеніе съ предпринимателями. Между секціями депутатовъ парламента все чаще и чаще сталъ обсуждаться вопросъ о желательности свободы коалицій; вскорѣ заговорили и

о возможности ея практическаго осуществленія. Въ 1822 году сторонники реформы нашли уже, что почва достаточно подготовлена, и Юмъ взялся провести чрезъ Палату законъ объ отмѣнѣ запрещенія рабочихъ коалицій. Слѣдующіе два года были полны неутомимой и изобрѣтательной дѣятельности друзей рабочаго класса. Юму удалось убѣдить министровъ Гёскисона и Пиля назначить комиссію для изслѣдованія вопроса, причемъ Юмъ включилъ съ замѣчательнымъ искусствомъ въ свое предложеніе три различныхъ предмета, между которыми было лишь одно общее, что всѣ они были запрещены закономъ, именно—эмиграцію ремесленниковъ, вывозъ машинъ и коалиціи рабочихъ. Гёскисонъ и его товарищи придавали главное значеніе второму пункту, имѣя въ виду поощреніе машиннаго производства, а Плэсъ и Юмъ подъ его прикрытіемъ проводили желательную для нихъ реформу—свободу рабочихъ союзовъ. Благодаря усиліямъ Юма и Плэса, комиссіи удалось собрать подавляющее количество фактическихъ данныхъ въ пользу рабочихъ коалицій. Комиссія сдѣлала изъ этихъ данныхъ выводы, вполнѣ согласные съ дѣйствительностью, и билль объ отмѣнѣ запрещенія коалицій былъ принятъ парламентомъ. Чтобы избѣжать затрудненій при обсужденіи этого закона въ парламентѣ, его постарались провести съ большой поспѣшностью, почти безъ преній. Вообще, онъ прошелъ такъ тихо и незамѣтно, что ланкаширскіе судьи черезъ нѣсколько недѣль послѣ отмѣны запрещенія коалицій приговорили къ тюремному заключенію участниковъ одной коалиціи, не подозрѣвая, что для рабочихъ наступили уже другія времена.

Законъ 1824 года поднялъ энергію рабочаго класса. Рабочіе убѣдились въ справедливости своего дѣла и въ возможности успѣшной законодательной борьбы. Теперь они добились уже одинаковыхъ правъ съ предпринимателями и могли быть увѣрены, что ихъ союзы для повышенія заработной платы, уменьшенія рабочихъ часовъ и улучшенія условій труда представляютъ вполнѣ нормальное и почтенное дѣло. Рабочіе союзы стали усиленно развиваться, очень часто возникали и стачки. Предприниматели вооружились въ свою очередь и въ 1825 году провели законъ, нѣсколько урѣзывавшій права рабочихъ, данныя въ предыдущемъ году. Однако основное право свободы коалицій осталось, и хотя трэдъ-юніонамъ предстояло впереди еще много борьбы за свою юридическую свободу, эта первая основа ихъ существованія никогда уже не оспаривалась. Рабочіе имѣли право соединенными усиліями отстаивать свои интересы, но имъ запрещалось побуждать насильственными мѣрами своихъ товарищей принять участіе въ общемъ дѣлѣ (практика давала весьма широкое толкованіе этому закону). Съ другой стороны, рабочіе союзы только допускались закономъ, но не признавались юридическими лицами, т.-е. не могли имѣть собственнаго имущества. Запись же союзнаго имущества на отдѣльныхъ лицъ порождала, конечно, много неудобствъ и злоупотребленій. Однако сознаніе необходимости такихъ законодательныхъ измѣненій на нѣкоторое время было затемнено у англійскихъ рабочихъ агитаціей въ пользу общей политической реформы, съ представленіемъ о которой соединялась у передовыхъ общественныхъ

дѣятелей и идея о коренномъ соціальномъ переворотѣ. Вмѣсто облегченія условій образованія и дѣятельности рабочихъ союзовъ, надѣялись уже при дарованныхъ законодательствомъ правахъ и при выработанныхъ прежней практикой формахъ организаціи союзовъ устроить «Всеобщій рабочій союзъ», который быстро перенесъ бы центръ тяжести общественныхъ силъ въ ряды рабочаго класса и тѣмъ открылъ бы имъ возможность перестроить общество согласно желательному для рабочихъ идеалу.

Въ это время среди рабочихъ союзовъ особеннымъ успѣхомъ пользовалась пропаганда извѣстнаго англійскаго реформатора Роберта Овэна [1]).

Робертъ Овэнъ раздѣлялъ общую всѣмъ представителямъ утопическаго соціализма увѣренность, что современное общество легко можетъ перейти отъ анархическаго состоянія къ нормальному соціальному строю. Казалось, что стоитъ лишь хорошенько выяснить основы нормальнаго человѣческаго общежитія, чтобы люди и могли осуществить его на дѣлѣ. Подобно первымъ христіанамъ, думавшимъ, что царствіе Божіе «пріидетъ яко тать въ нощи», и первые соціалисты ожидали быстраго исполненія ихъ упованій. Однако факты дѣйствительной жизни скоро показали, какъ несбыточны эти надежды. При всей кажущейся грандіозности плана созданія «Всеобщаго рабочаго союза», рабочіе были еще очень слабы, мало развиты. Имъ мало еще удалось улучшить свое положеніе сравнительно съ прежнимъ; они только выходили изъ состоянія безправія и уни-

---

[1]) Лучшая біографія Роб. Овэна написана *Ллойдомъ Джонсомъ* (*Lloyd Jones*, The Life, Times and Labours of Robert Owen, послѣдн. изд. 1900 г.).

женія, и путь, по которому имъ предстояло итти, былъ загроможденъ еще множествомъ препятствій, для преодолѣнія которыхъ требовалась упорная и долгая работа. Попытки созданія «Всеобщаго союза» вскорѣ потерпѣли полную неудачу, потому что сами мѣстные и спеціальные союзы были мало развиты и не имѣли еще достаточно твердой юридической почвы. Неудачно было и движеніе, извѣстное подъ именемъ «Чартизма» (съ 1837 по 1848 гг.), быть-можетъ, также не безъ вліянія слишкомъ широкой постановки для того времени вопроса о реформахъ существующаго строя.

Группа радикаловъ поставила своей задачей широкую демократическую парламентскую реформу, формулированную въ 6 пунктахъ «народной хартіи» (Charter): 1) ежегодно возобновляемый парламентъ; 2) всеобщее избирательное право; 3) тайная подача голосовъ; 4) отмѣна ценза для избранія въ члены парламента; 5) вознагражденіе депутатамъ и 6) равные избирательные округа. Такъ какъ подобная реформа вполнѣ отвѣчала интересамъ трудящихся классовъ, то вожаки чартистскаго движенія употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы воспользоваться для поставленныхъ цѣлей существующими рабочими организаціями. Движеніе приняло вскорѣ грандіозные размѣры; однако дѣйствительная сила демократическихъ элементовъ англійскаго общества оказалась все еще не достаточно могущественной, чтобы сломить сопротивленіе господствующихъ классовъ. Крушеніе «Чартизма» обратило симпатіи рабочихъ классовъ въ другую сторону. Въ половинѣ 40-хъ годовъ въ рабочей средѣ съ демократической пропагандой

успѣшно боролась агитація «свободной торговли» Кобдена и Брайта. Рабочіе удовлетворялись небольшими реформами, благопріятными для ихъ интересовъ (отмѣна «хлѣбныхъ законовъ», т.-е. уменьшеніе пошлинъ на хлѣбъ), и отказывались отъ преслѣдованія болѣе широкихъ соціальныхъ задачъ. Вообще, съ 50-хъ гг. въ жизни англійскихъ рабочихъ наступаетъ новая эпоха, съ которой связываются существенныя перемѣны и въ трэдъ-юніонахъ. За временемъ промышленнаго угнетенія 1825 — 1848 гг. наступили болѣе счастливые годы, когда оживленіе промышленности дало возможность и рабочимъ добиться мало-по-малу лучшихъ заработковъ, поднять свое образованіе, повысить уровень культурныхъ привычекъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ рабочіе сдѣлались гораздо скромнѣе въ реформаторскихъ требованіяхъ. Мысль объ образованіи «Единаго рабочаго союза» была уже оставлена; прекратились и связи съ соціалистической доктриной. Однако внутренняя организація союзовъ въ это именно время сдѣлала крупные успѣхи. Прежде всего, благодаря повышенію заработка, явилась возможность уплачивать регулярно значительные взносы въ кассу союза (около 1 шиллинга въ недѣлю). Такъ постепенно накапливались огромные фонды, которые давали достаточно средствъ не только на цѣли взаимопомощи (пособія на случай болѣзни, погребенія, переѣзда въ другой городъ), но и на борьбу за улучшеніе условій труда (пособія на случай безработицы и во время стачекъ). Самая организація союзовъ стала гораздо совершеннѣе. Широко распространилась система такъ - называемой «амальгамаціи», т.-е. объединенія

мѣстныхъ союзовъ въ каждой специальной отрасли промышленности по всей странѣ. Управленіе было строго концентрировано; ни одинъ мѣстный союзъ не могъ предпринять какого-либо важнаго дѣла, не получивъ на то разрѣшенія отъ центральнаго органа. Административныя обязанности стали поручать спеціальнымъ должностнымъ лицамъ, состоящимъ на жалованьѣ союза; среди нихъ было не мало хорошо образованныхъ и прекрасно подготовленныхъ къ дѣлу людей. Отдавая все свое время дѣлу союза, такія лица, естественно, могли гораздо лучше справиться съ возложенными на нихъ задачами, чѣмъ прежніе органы рабочихъ организацій, обремененные другими занятіями.

Такъ возникли и развились крупные національные союзы, захватившіе въ себя огромную часть «обученныхъ» рабочихъ Англіи; типомъ ихъ служило до послѣдняго времени «Соединенное общество машиностроителей» (Amalgamated Society of Engineers), составленное только изъ рабочихъ, получающихъ высокую плату, располагающее огромными средствами и проникнутое весьма умѣренными соціально-политическими убѣжденіями. Возникновеніе такихъ большихъ союзовъ вызвало появленіе въ Лондонѣ извѣстнаго количества главныхъ должностныхъ лицъ этихъ организацій, которыя имѣли, конечно, много поводовъ сходиться вмѣстѣ и обсуждать вопросы, одинаково затрогивающіе интересы ихъ союзовъ. Они образовали вскорѣ тѣсный кружокъ, составившій какъ бы неофиціальный органъ нѣсколькихъ большихъ союзовъ Англіи. Членами его были лица, много поработавшія на пользу англійскаго союзнаго движенія среди рабочихъ, —

люди съ замѣчательной энергіей, выдержкой и крупными организаторскими талантами. Таковы были: Вильямъ Алланъ и Робертъ Эппльгартъ (генеральные секретари общества машиностроителей и плотниковъ), Даніэль Гилль (генеральный секретарь союза чугунолитейщиковъ), Эдвинъ Каульсонъ (генеральный секретарь союза каменщиковъ) и Оджеръ (генеральный секретарь союза рабочихъ, занятыхъ въ производствѣ обуви).

Они сосредоточивали въ своихъ рукахъ въ теченіе долгаго времени политику наиболѣе важныхъ рабочихъ союзовъ. Отказавшись отъ широкихъ программъ, они добивались частичныхъ законодательныхъ реформъ, благопріятныхъ для развитія рабочихъ союзовъ и вообще для интересовъ трудящихся классовъ, и въ этомъ отношеніи усилія ихъ далеко не остались безполезными. Съ 60-хъ годовъ они организовались уже въ постоянное учрежденіе, подъ названіемъ «Промышленнаго совѣта» (Trades Council), задачей котораго стало объединеніе дѣятельности различныхъ трэдъ-юніоновъ. Въ 1866 г. лондонскій Trades Council (такіе же совѣты были устроены и въ другихъ городахъ, гдѣ находились центральныя управленія рабочихъ союзовъ), управляемый Оджеромъ, велъ агитацію въ пользу предложеннаго либеральной партіей билля о реформѣ парламентскихъ выборовъ. Въ результатѣ этой агитаціи въ 1867 году и былъ проведенъ законъ, доставившій и рабочимъ право голоса. Опираясь на пріобрѣтенную такимъ путемъ политическую силу рабочаго класса, представителямъ рабочихъ союзовъ удалось добиться закона 1871 года, по которому трэдъ-юніоны получили уже права юри-

дическихъ лицъ, т.-е. могли имѣть свое собственное имущество, и право отстаивать свои интересы на судѣ. Храненіе союзныхъ фондовъ и управленіе ими было гарантировано съ этихъ поръ отъ всякихъ злоупотребленій и ненужныхъ для дѣла осложненій. Развитію союзнаго движенія былъ данъ новый толчокъ, и, дѣйствительно, съ закона 1871 г. англійскіе трэдъ-юніоны стали уже на вполнѣ твердую почву.

Постоянныя заботы объ общихъ дѣлахъ для всѣхъ трэдъ-юніоновъ Англіи, естественно, привели къ мысли о необходимости выработать наиболѣе удовлетворительную организацію для постояннаго представительства всѣхъ англійскихъ союзовъ. Было рѣшено учредить два постоянныхъ органа: ежегодный — «конгрессъ трэдъ-юніоновъ» и постоянный—«парламентскій комитетъ».

Первый конгрессъ собрался въ мартѣ 1871 года, при чемъ назначилъ и первый «парламентскій комитетъ». Такъ создалась и до сихъ поръ дѣйствующая общая организація англійскихъ рабочихъ союзовъ, имѣющая цѣлью способствовать проведенію законовъ, желательныхъ для рабочаго класса. Въ 1874 году прошли уже два представителя рабочихъ въ парламентъ (Макдональдъ и Бертъ), но до самаго послѣдняго времени непосредственное участіе рабочихъ въ парламентской дѣятельности Англіи было очень незначительно. И до сихъ поръ одной изъ главныхъ силъ, на которыя рабочіе опираются въ законодательной борьбѣ, остается парламентскій комитетъ трэдъ-юніоновъ.

Благодаря пріобрѣтенной силѣ и организаціи трудящихся массъ, въ 70-хъ гг. было издано нѣ-

сколько законовъ, весьма важныхъ для рабочаго класса. Тюремное заключеніе за самовольное прекращеніе договора съ хозяиномъ было уже уничтожено; дозволено было мирное увѣщаніе товарищей присоединиться къ стачкѣ (постановка рабочихъ пикетовъ въ мѣстахъ, гдѣ рѣшено было прекратить работу, такъ называемое picketing). Вообще, было признано за правило, что члены рабочихъ союзовъ подвергаются уголовной отвѣтственности только за такія нарушенія, за которыя отвѣчаетъ каждое отдѣльное лицо. Такъ рабочіе побили либеральныхъ политиковъ ихъ же оружіемъ. Тѣ требовали свободы дѣйствій; рабочіе завоевали и себѣ эту свободу.

Развитіе рабочихъ союзовъ послѣ изданія закона 1871 года шло усиленнымъ темпомъ: на конгрессѣ 1872 года было представлено всего 375.000 организованныхъ рабочихъ; въ 1874 году ихъ было уже 1.191.922 чел. Если принять въ соображеніе даже и то, что на первый конгрессъ послали депутатовъ не всѣ рабочіе союзы, то все же придется признать, что за промежутокъ времени между 1871 и 1875 годами число организованныхъ рабочихъ болѣе чѣмъ удвоилось [1]).

---

1) За послѣднее время юридическое положеніе союзовъ вновь начинаетъ колебаться. Законъ 1871 года не устанавливалъ денежной отвѣтственности союзовъ (ихъ фондами) за незаконныя дѣйствія ихъ представителей. Во всякомъ случаѣ такъ толковали его и друзья и враги трэдъ-юніонизма въ теченіе почти тридцати лѣтъ. И вдругъ сначала въ 1897, затѣмъ въ 1901 г., Палата Лордовъ, дѣйствуя въ качествѣ верховнаго суда, постановила нѣсколько рѣшеній, совершенно измѣняющихъ характеръ отвѣтственности союзовъ. Изъ этихъ рѣшеній особенно важно высказанное по дѣлу желѣзнодорожной компаніи долины Таффъ съ союзомъ желѣзнодорожныхъ служащихъ. Компанія

Сила трэдъ-юніоновъ и промышленное процвѣтаніе Англіи сдѣлали предпринимателей болѣе уступчивыми по отношенію къ требованіямъ рабочихъ, чѣмъ прежде. Возникли и получили широкое распространеніе «примирительныя бюро», и мирное соглашеніе между хозяевами и рабочими во многихъ случаяхъ замѣнило стачки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря постояннымъ «мирнымъ» отношеніямъ между хозяевами и рабочими, въ особенности же между должностными лицами союзовъ, и сами рабочіе значительно понизили уровень своихъ требованій. Здѣсь повторилось обычное психологическое явленіе, которое часто приходится наблюдать въ отношеніяхъ высшихъ съ низшими; частое общеніе послѣднихъ съ первыми оказываетъ

предъявила искъ по поводу стачки, одобренной союзомъ и руководимой его представителями, доказывая, что послѣдніе совершили рядъ незаконныхъ поступковъ. Вмѣсто того, чтобы предъявить этотъ искъ къ лицамъ, обвиняемымъ въ этихъ дѣйствіяхъ, какъ обыкновенно дѣлалось, компанія направила его противъ самого союза желѣзнодорожныхъ рабочихъ, требуя отъ него большой суммы вознагражденія за убытки, причиненные стачкой. 22 іюля 1901 года Палата Лордовъ, разсматривавшая это дѣло, присудила взыскать убытки съ союза и тѣмъ утвердила на будущее, что предприниматель можетъ, ссылаясь на незаконныя дѣйствія агентовъ союза, пополнять путемъ судебныхъ рѣшеній собственную кассу изъ фондовъ рабочаго союза. Это рѣшеніе повліяло на оживленіе интереса англійскихъ рабочихъ къ политической дѣятельности и, повидимому, значительно укрѣпило позицію сторонниковъ установленія государственнаго третейскаго разбирательства въ промышленныхъ столкновеніяхъ между хозяевами и рабочими (см. объ этомъ въ слѣд. главѣ). History of trade-unionism, 2-е изд. 1901, стр. XXI—XXIII, и Industrial Democracy, также 2-е изд., стр. XXIV и слѣд.

обыкновенно деморализующее вліяніе; человѣку сначала становится «неловко» съ особенной настойчивостью защищать представляемые имъ интересы, а затѣмъ мало-по-малу онъ проникается общимъ духомъ той среды, въ которую попалъ, и въ результатѣ становится уже не тѣмъ человѣкомъ, какимъ былъ прежде. Благодаря вліянію хозяевъ на секретарей рабочихъ союзовъ, распространился, напр., обычай устанавливать расплату по системѣ «скользящей скáлы»; многіе мыслящіе сторонники рабочихъ горячо ратовали противъ этой системы, требуя, во всякомъ случаѣ, гарантіи minimum'а заработной платы, но ихъ увѣщанія въ большинствѣ случаевъ оставались тщетными. Конгрессъ, до 1875 года дѣйствительно представлявшіе общіе интересы союзовъ, мало-по-малу сдѣлались простыми формальными собраніями секретарей трэдъ-юніоновъ, которые безъ особенныхъ преній справлялись съ текущими дѣлами, не выдвигая сколько-нибудь серьезныхъ и важныхъ вопросовъ. Для насъ кажется чрезвычайно страннымъ, чтобы представители во всякомъ случаѣ демократической части общества, чтобы представители рабочаго класса высказались на своемъ конгрессѣ противъ всеобщей подачи голосовъ. А между тѣмъ, это — дѣйствительный фактъ англійской исторіи рабочихъ союзовъ. Въ 1882 и 1883 гг. конгрессъ трэдъ-юніоновъ высказались огромнымъ большинствомъ противъ такой реформы. Въ экономической политикѣ рабочіе союзы этого времени придерживались индивидуалистическихъ принциповъ, не выходя въ своихъ требованіяхъ изъ общихъ рамокъ передовой буржуазной программы. Наиболѣе крайніе

ними желательными для нихъ реформами была, напр., частная собственность для крестьянъ, покупка ремесленникомъ собственнаго коттеджа, учрежденіе мастерскихъ, основанныхъ на принципѣ самоуправленія и т. п.

Съ такой «Парламентской программой» конгрессъ рабочихъ союзовъ за время между 1876—1885 гг. не могъ, конечно, имѣть существеннаго вліянія на дѣятельность Палаты Общинъ. Къ стыду англійскихъ рабочихъ, нѣкоторые весьма полезные для нихъ самихъ законы были проведены чрезъ парламентъ усиліями буржуазныхъ партій. Такъ, закономъ противъ расплаты товарами и передачи платы содержателямъ трактирныхъ заведеній англійскіе рабочіе обязаны усиліямъ радикала-буржуа Брадло. Конгрессъ трэдъ-юніоновъ чрезвычайно мало интересовался въ особенности тѣмъ, что выходило изъ сферы его непосредственныхъ, узкихъ интересовъ; его не трогали, напр., бѣдствія товарищей, работавшихъ при «системѣ выжиманія пота», потому что въ составъ трэдъ-юніоновъ входили только хорошо оплачиваемые рабочіе; онъ не старался агитировать въ пользу надзора фабричныхъ инспекторовъ за такими заведеніями, гдѣ онъ еще не примѣнялся (напр., за пекарнями) и т. п. Апатія конгресса была настолько велика, что сторонники расширенія фабричнаго законодательства рѣшили дѣйствовать помимо него и образовали для этого спеціальное общество (Northern Counties Faktory Act Reform Association въ 1886 г.). Въ числѣ немногихъ крупныхъ мѣропріятій, за которыя постоянно высказывался конгрессъ рабочихъ союзовъ и которыми англійскіе рабочіе обязаны именно этому учрежденію,

слѣдуетъ отмѣтить назначеніе фабричныхъ инспекторовъ изъ рабочихъ.

Въ 1882 году былъ назначенъ первый такой инспекторъ — Prior, генеральный секретарь союза плотниковъ. Также въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ усилій конгресса была проведена избирательная реформа 1885 года, которая уравняла подачу голосовъ въ графствахъ и городахъ, распредѣлила справедливѣе депутатскія мѣста и т. д. Впрочемъ, необходимо отмѣтить, что дѣятельность конгресса въ данномъ случаѣ вполнѣ совпадала съ либеральной программой; въ тѣхъ случаяхъ, когда либеральная партія относилась отрицательно къ реформамъ въ пользу рабочихъ, онѣ обыкновенно и не проводились. Такъ, либеральное министерство 1884 года не провело для рабочихъ даже закона объ оплачиваемыхъ выборныхъ должностяхъ (судей), а въ видѣ уступки назначило лишь фактически четырехъ вождей трэдъ-юніонизма судьями въ Ланкаширѣ. Подобной же политики придерживались и послѣдующія министерства — какъ либеральныя, такъ и консервативныя.

Вообще, за разсматриваемый періодъ сложился тотъ типъ англійскихъ рабочихъ союзовъ, на который съ такимъ удовлетвореніемъ указывали представители буржуазіи, говоря, что англійскій рабочій гораздо культурнѣе континентальнаго. Однако они ошибались, надѣясь на устойчивость подобнаго типа. При всемъ своемъ «административномъ нигилизмѣ», при всей склонности слѣдовать системѣ «laissez faire, laissez passer», англійскіе организованные рабочіе оставались все же рабочими и, слѣдовательно, по существу должны были чувствовать себя болѣе соли-

дарными съ своими, хотя бы сравнительно и мало обезпеченными товарищами, чѣмъ съ буржуазіей.

Вторая половина 80-хъ годовъ характеризуется оживленіемъ англійскаго рабочаго движенія, при чемъ и рабочіе союзы начинаютъ видоизмѣнять свой прежній характеръ. На смѣну «старому юніонизму» выступилъ «новый», съ болѣе демократическими задачами. Впрочемъ, результаты новыхъ стремленій и до сихъ поръ недостаточно еще опредѣлились; характерно лишь движеніе по новымъ путямъ, попытки сбросить иго рутины и возобновить на болѣе широкой основѣ старинную борьбу за демократическіе идеалы.

Еще въ началѣ 80-хъ гг. проникло въ Англію извѣстное сочиненіе американскаго экономиста Генри Джорджа «Прогрессъ и бѣдность». Книга эта имѣла огромный успѣхъ, ея главныя положенія горячо обсуждались и комментировались въ средѣ представителей и сторонниковъ рабочаго класса. Выводъ автора, что поземельная рента должна быть (посредствомъ особаго налога) отобрана отъ частныхъ лицъ (землевладѣльцевъ) и передана въ распоряженіе общества, т.-е. чтобы владѣніе землей фактически стало общественнымъ („національзація земли"), естественно среди промышленныхъ рабочихъ и ихъ представителей расширялся въ смыслѣ необходимости коллективнаго владѣнія также и средствами производства въ области обрабатывающей промышленности.

Другимъ факторомъ, способствовавшимъ оживленію теоретической мысли въ англійской рабочей средѣ, была пропаганда идей Карла Маркса. Карлъ Марксъ значительную часть своей трудовой жизни провелъ въ Лондонѣ, но вліяніе его идей на англійскихъ

рабочихъ болѣе или менѣе рѣшительнымъ образомъ сказалось послѣ его смерти. Гайндменъ и другіе ученики Маркса въ началѣ 80-хъ гг. попытались реорганизовать соціалистическую партію, настойчиво пропагандируя мысль объ обращеніи въ коллективную собственность всѣхъ средствъ производства, находящихся теперь въ рукахъ класса капиталистовъ.

Между тѣмъ условія англійской промышленной жизни какъ нельзя болѣе благопріятствовали успѣху пропаганды новыхъ идей. За временемъ промышленнаго и торговаго оживленія наступила эпоха депрессіи; заработная плата упала во многихъ производствахъ, увеличилось число безработныхъ... Одинъ капиталистъ-ученый, бывшій одно время предсѣдателемъ лондонскаго статистическаго общества — Чарльзъ Бутсъ (не слѣдуетъ смѣшивать съ Вильямомъ Бутсомъ, пресловутымъ генераломъ «Арміи спасенія») предпринялъ обширное изслѣдованіе лондонской бѣдности. Это изслѣдованіе, произведенное при участіи многихъ членовъ «Университетскаго поселенія» (Toynbee Hall), обнаружило потрясающіе факты. Оказалось, что въ одномъ Лондонѣ около $1^1/_4$ милл. лицъ находятся ниже «линіи бѣдности», т.-е. ведутъ полуголодное существованіе, и что населеніе, хронически голодающее, бездомное и полупреступное, насчитываетъ въ своихъ рядахъ десятки тысячъ человѣкъ.

Общественное мнѣніе не могло не обратить вниманія на такое положеніе трудящихся классовъ; но къ литературнымъ стимуламъ скоро присоединились и иные, имѣвшіе еще болѣе серьезное значеніе Массы безработныхъ устраивали, по

англійскому обычаю, обширные и шумные митинги, занимая огромной толпой наиболѣе людные и богатые кварталы столицы. Главный полицейскій комиссаръ Лондона, ссылаясь на то, что митинги безработныхъ сопровождались безпорядками, запретилъ въ ноябрѣ 1887 г. устройство ихъ на Трафальгаръ-Скверѣ. Это запрещеніе вызвало грандіозный митингъ протеста (состоявшійся 13 ноября 1887 г.), на которомъ къ рабочимъ присоединились и радикалы, видѣвшіе въ полицейскомъ распоряженіи нарушеніе основного права англійскаго народа (свободы слова и собраній). Такъ привлекалось вниманіе англійскаго общества къ вопросамъ, касающимся положенія наиболѣе обездоленной части трудящагося населенія. И трэдъ-юніоны не могли остаться чуждыми происходившему движенію. Среди ихъ представителей стало все ярче обнаруживаться сочувствіе бѣдствіямъ ихъ товарищей и стремленіе къ отказу отъ прежнихъ индивидуалистическихъ тенденцій. Въ особенности живо протестовали противъ прежней узко-эгоистической, замкнутой политики молодые члены союзовъ, среди которыхъ наиболѣе выдѣлялись Джонъ Бернсъ и Томъ Маннъ. Принадлежа къ наилучше организованному и наиболѣе богатому союзу (Соединенному обществу механиковъ), они повели горячую агитацію противъ его прежней политики, требуя присоединенія къ союзной организаціи и низшаго класса рабочихъ. На собраніяхъ представителей трэдъ-юніоновъ стали раздаваться голоса въ пользу коллективизма, и уже въ 1888 г. конгрессъ трэдъ-юніоновъ вотировалъ большинствомъ голосовъ предложеніе включить въ программу пунктъ о національзаціи земли.

Но наибольшее значеніе въ развитіи новаго движенія имѣли событія 1888—1889 года. Въ 1888 г. одна группа наиболѣе обездоленныхъ рабочихъ — работницы на спичечныхъ фабрикахъ—попыталась устроить стачку, чтобы добиться отъ предпринимателей улучшенія условій ихъ труда. Благодаря сочувствію общественнаго мнѣнія, выразившемуся, между прочимъ, въ крупной матеріальной поддержкѣ, и содѣйствію интеллигентныхъ и опытныхъ представителей рабочаго класса другихъ отраслей промышленности, стачечницамъ удалось одержать побѣду.

1889 годъ отмѣченъ еще болѣе крупной побѣдой низшихъ рабочихъ. На арену борьбы выступила огромная масса рабочихъ, занятыхъ въ лондонскихъ докахъ. До того времени лондонскіе докеры представляли безпорядочную толпу, сбродъ полуголодныхъ и оборванныхъ людей, получавшихъ нищенскую плату за очень тяжелый трудъ,—массу, повидимому, совершенно неспособную къ какой бы то ни было организованной дѣятельности. А между тѣмъ, когда болѣе интеллигентные рабочіе попытались объединить эту безпорядочную толпу, когда за руководительство дѣломъ взялись такіе люди какъ Макъ-Карти, Бенъ Тиллетъ, Джонъ Бернсъ и Томъ Маннъ, докеры проявили необыкновенное единодушіе. Четыре недѣли лондонскій портъ стоялъ безъ работы; нарушены были торговыя и промышленныя отношенія всего міра, связанныя съ этимъ портомъ, и на стачку докеровъ были обращены не только взоры Англіи, но и многихъ другихъ странъ. Англійское общественное мнѣніе стало на сторону стачечниковъ; отовсюду стекались пожертвованія, вліятельнѣйшія лица предлагали свое посредниче-

ство, обѣщая уладить дѣло въ пользу рабочихъ. О размѣрахъ поддержки, оказанной докерамъ, можно судить по тому, что одни австралійскіе рабочіе прислали имъ свыше 30.000 фун. стерлинговъ (т.-е. около 300.000 рублей). Такъ какъ помощь требовалась немедленная, то деньги эти были переведены по телеграфу. Хозяева должны были уступить, и стачка закончилась тріумфомъ рабочихъ. Успѣхъ этой попытки имѣлъ огромное вліяніе на организацію рабочихъ такого типа, какъ докеры. Стали возникать новые союзы, куда входили скудно оплачиваемые рабочіе, и среди трудящагося населенія Англіи все болѣе и болѣе распространялась пропаганда коллективизма.

Такъ создался «Новый Юніонизмъ», который стремится мало-по-малу преобразовать всю, вообще, организацію англійскаго рабочаго класса. Въ настоящее время идетъ борьба между старыми традиціями и новыми вѣяніями; новому теченію пока не удалось еще завоевать себѣ прочной силы, и дальнѣйшіе шаги «Новаго Юніонизма» послѣ стачки докеровъ были менѣе успѣшны, чѣмъ первые. Въ началѣ движенія организація шла болѣе быстрымъ темпомъ, потому что живы были впечатлѣнія первой крупной побѣды; послѣдующая же будничная жизнь, полная тяжелой борьбы и разочарованій, требующая большой выдержки, настойчивости и терпѣнія, естественно охлаждала вначалѣ столь горячіе порывы многихъ, захваченныхъ волной новаго дѣла.

Вообще, указанное движеніе не успѣло еще достаточно опредѣлиться; я отмѣчу лишь главнѣйшія характерныя черты его, не входя въ оцѣнку его шансовъ на успѣхъ въ борьбѣ со старыми тради-

ціями трэдъ-юніоновъ. Скажу только, что во всякомъ случаѣ «Старый Юніонизмъ» теряетъ свою прежнюю физіономію и стоитъ на пути къ превращенію въ болѣе демократическую организацію рабочаго класса. Старые союзы утрачиваютъ постепенно свою прежнюю замкнутость и индивидуалистическій духъ, отчего выигрываютъ, конечно, не только внѣ ихъ стоящія группы рабочихъ, но и они сами.

Въ чемъ же заключаются существенныя черты «Новаго Юніонизма»? Новые союзы, включая въ себя «необученныхъ» рабочихъ, т.-е. получающихъ сравнительно низкую плату, естественно, не могутъ брать съ своихъ членовъ такіе крупные взносы, какъ старые союзы; отсюда и задачи ихъ принимаютъ иной видъ. Новые союзы не могутъ преслѣдовать цѣлей взаимопомощи и страхованія; ихъ средства оказываются достаточными только для борьбы (выдача пособій на время стачекъ и т. п.); поэтому главная цѣль ихъ и заключается именно въ борьбѣ за улучшеніе условій труда. Нельзя не видѣть въ этомъ указанія и на будущія измѣненія во всѣхъ, вообще, рабочихъ организаціяхъ Англіи. Задачи страхованія и помощи могутъ быть переданы въ руки государства (какъ это устроено, напр., въ Германіи); дѣятельность же самихъ рабочихъ союзовъ при такихъ условіяхъ сосредоточилась бы исключительно на защитѣ ихъ интересовъ противъ предпринимателей.

Вторая характерная черта «Новаго Юніонизма»— это привлеченіе къ организаціи низшаго класса «необученныхъ» рабочихъ. Духъ дисциплины, товарищескихъ чувствъ, порядка и законности начинаетъ становиться достояніемъ не однихъ только

высшихъ слоевъ англійскаго рабочаго класса; онъ проникаетъ и въ чуждую ему дотолѣ среду скудно оплачиваемыхъ рабочихъ, что не можетъ, конечно, не отражаться самымъ выгоднымъ образомъ на общемъ культурномъ состояніи страны. Организаторы новыхъ союзовъ ставятъ своей прямой задачей политическое воспитаніе рабочаго класса; они прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы и низшіе рабочіе становились сознательными участниками политической и общественной жизни.

Наконецъ, въ области политическихъ реформъ представители «Новаго Юніонизма» выставляютъ требованіе расширенія сферы «государственнаго и муниципальнаго соціализма», т.-е. замѣны частныхъ предпріятій общественными, гдѣ это осуществимо въ ближайшее время (напр., передача въ руки городовъ водоснабженія, освѣщенія, трамваевъ, омнибусовъ и т. п.). По способу проведенія въ жизнь намѣченныхъ реформъ они высказываются цѣликомъ за конституціонные пріемы, т.-е. за отстаиваніе своихъ интересовъ законными средствами борьбы, даваемыми существующимъ государственнымъ строемъ.

Повидимому, есть не мало основаній для надежды, что изъ параллельныхъ и враждебныхъ другъ другу тенденцій Стараго и Новаго Юніонизма выработается одно могучее общественное теченіе, которое сумѣетъ придать широкую и вмѣстѣ съ тѣмъ практически осуществимую постановку дѣлу преобразованія англійской общественной жизни. Дѣятельность самихъ рабочихъ союзовъ обѣщаетъ спеціализироваться, ограничиться однимъ только установленіемъ договора о заработной платѣ, гаран-

тирующаго рабочимъ хорошій заработокъ, равномѣрно распредѣляемый между различными разрядами рабочихъ (принципы «Living Wage» и «Standard Rate»). Страховая дѣятельность союзовъ, въ настоящее время составляющая для многихъ изъ нихъ очень сложную задачу, можетъ перейти въ руки государства (кромѣ страхованія отъ безработицы, въ которомъ, какъ показалъ опытъ Бельгіи и Франціи, очень удобна комбинація частныхъ и общественныхъ силъ, именно, субсидированіе союзовъ общественной властью въ ихъ расходахъ на эту статью), а борьба за общія соціальныя и политическія реформы перешла бы при этомъ къ спеціальной рабочей партіи. Конечно, трудно сказать, въ какую сторону унесетъ англійскихъ рабочихъ волна грядущихъ общественныхъ теченій; во всякомъ случаѣ, на такія перспективы дальнѣйшей эволюціи англійскихъ союзовъ указываетъ не мало фактовъ и изъ ихъ современной практики [1]).

---

1) За послѣднее время можно отмѣтить появленіе въ средѣ англійскаго трэдъ-юніонизма новыхъ формъ организаціи. Въ 1899 году была учреждена „Генеральная федерація Трэдъ-Юніоновъ“ (General Federation of Trade-Unions), къ которой въ концѣ 1900 года принадлежали уже 64 союза съ 386.696 членами. Цѣль этой федераціи заключается въ поддержкѣ ея членовъ въ серьезныхъ столкновеніяхъ съ предпринимателями, для чего собираются спеціальные взносы (небольшіе въ отдѣльности, но въ общемъ, при большомъ количествѣ членовъ, образующіе значительныя суммы). Для облегченія выборовъ представителей отъ рабочихъ въ парламентъ былъ образованъ особый „Комитетъ рабочаго представительства“ (Labour Represen tation Committee), въ который входятъ 40 трэдъ-юніоновъ съ 400.000 членовъ вмѣстѣ съ двумя соціалистическими партіями (Независимая рабочая партія и Фабіанское общество). „The History of trade-unionism“, 2-ое изд. 1902 г., стр. XIII—XIV.

Познакомившись съ основными моментами исторіи англійскихъ рабочихъ союзовъ, мы можемъ перейти къ обозрѣнію ихъ современнаго состоянія, поскольку о немъ можно судить по имѣющимся за послѣднее время статистическимъ даннымъ.

Въ 1892 году всѣхъ членовъ рабочихъ союзовъ въ Англіи насчитывалось около 1.500.000—1.600.000 чел., что составляетъ приблизительно 4% всего населенія. Послѣдняя величина, однако, недостаточно ясно характеризуетъ распространенность трэдъ-юніонизма, потому что въ составѣ населенія Англіи насчитывается, конечно, значительное количество лицъ, не принадлежащихъ къ трудящемуся населенію, которыхъ нужно исключить изъ счета, равно какъ и лицъ низшихъ возрастныхъ группъ, а также и женщинъ (союзы которыхъ пока еще очень незначительны). Всего мужского населенія въ возрастѣ свыше 21 года въ Англіи насчитывалось около 9.000.000; рабочихъ въ ихъ составѣ было около 7.000.000. Къ послѣднему числу организованные рабочіе составляли около 20%, т.-е. 1/5. Однако и данное отношеніе все еще не точно характеризуетъ дѣйствительныя условія распространенія рабочихъ союзовъ, потому что въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности они развиты крайне слабо, въ другихъ, наоборотъ, поглощаютъ почти всю массу занятыхъ рабочихъ.

Въ Ланкаширѣ, напр., «Соединенное общество бумагопрядильщиковъ» считаетъ въ своихъ рядахъ положительно всѣхъ рабочихъ этой промышленности; то же можно сказать и относительно союза кораблестроителей и котельщиковъ (Boiler makers), углекоповъ Нортумберлэнда и друг. Въ

нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности рабочіе союзы поглощаютъ, если не всѣхъ, то, во всякомъ случаѣ, огромное большинство рабочихъ; такъ, напр., для всѣхъ, вообще, углекоповъ процентъ лицъ, состоящихъ въ союзахъ, равняется 80.

Наоборотъ, не состоятъ въ союзахъ по большей части рабочіе, стоящіе внѣ рядовъ крупной промышленности; таковы «ненаемные» рабочіе, имѣющіе непосредственныя связи съ потребителями (напр., чистильщики сапогъ въ большихъ городахъ, разносчики и т. п.), и рабочіе въ низшихъ формахъ промышленности, приближающихся къ домашнимъ и кустарнымъ производствамъ. Такъ, напр., въ одной и той же отрасли промышленности — въ производствѣ обуви — въ Лейчестерѣ и Стаффордѣ, гдѣ большія фабрики, всѣ рабочіе объединены въ союзы; въ деревняхъ же Мидлэнда и въ восточномъ Лондонѣ, гдѣ сохранилось еще домашнее производство, рабочіе почти совсѣмъ не организованы. Главную же массу неорганизованныхъ рабочихъ составляютъ сельскіе рабочіе. Изъ 750.000 сельскихъ рабочихъ Англіи въ союзахъ насчитывается не болѣе 40.000 чел. Мало также распространены трэдъ-юніоны и среди рабочихъ, занятыхъ въ перевозочной промышленности. Что касается организованной части англійскихъ рабочихъ, то главная масса ихъ, въ количествѣ 750.000 чел., т.-е. около половины всѣхъ рабочихъ, объединенныхъ въ союзы, приходится на три отрасли промышленности: 1) каменноугольную, 2) хлопчатобумажную и 3) машиностроительную (общество механиковъ) [1]).

[1]) Цифры, приведенныя въ текстѣ, взяты нами изъ перваго изданія „History of trade-unionism“ (1894 г.). За послѣдніе

Обращаясь къ функціямъ современныхъ англійскихъ союзовъ, мы находимъ, что онѣ дѣлятся на двѣ существенно различныя категоріи: съ одной стороны, союзы преслѣдуютъ цѣли страхованія, выдавая пособія на погребеніе, при болѣзни, старости, пострадавшимъ отъ несчастныхъ случаевъ; съ другой — они имѣютъ въ виду борьбу съ хозяевами изъ-за заработной платы и другихъ условій рабочаго договора, направляя своихъ членовъ въ мѣста, гдѣ есть спросъ на трудъ, выдавая пособія

годы общая цифра членовъ всѣхъ профессіональныхъ союзовъ поднялась до 1.905. 116 (въ 1900 г.). По сравненію съ 1892 г. приростъ оказывается въ 27%, т.-е. въ три раза больше, чѣмъ возрастаніе населенія Англіи за то же время. Распредѣленіе организованныхъ рабочихъ между различными отраслями промышленности по существу почти не измѣнилось, за исключеніемъ того, что число организованныхъ рабочихъ возросло всего больше въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя и раньше были всего лучше организованы. Говоря вообще, замѣчаютъ Веббы, сильные стали сильнѣе, тогда какъ тѣ, которые были слабы, оказываются теперь еще слабѣе, чѣмъ были. Вотъ какъ измѣнялись цифры членовъ въ главныхъ группахъ союзовъ за время съ 1892 по 1900 г.

Годы.	Строит. дѣло.	Горное дѣло и каменоломни.	Металлургія, машиностроеніе и кораблестроеніе.	Текстильныя производства.	Производство одежды.	Транспортъ.	Другіе союзы.	Всѣ вообще союзы.
1892	157,971	315,272	279,584	204,022	83,299	154,947	307,313	1,502,358
1893	172,870	318,112	266,818	205,546	80,768	142,084	293,224	1,479,417
1894	178,721	307,276	263,572	214,831	81,786	123,896	266,718	1,436,300
1895	179,283	280,065	269,160	218,805	78,560	120,475	[illegible]	1,407,836
1896	193,341	279,977	303,518	217,960	76,997	134,877	267,605	1,494,465
1897	215,603	283,054	319,745	218,619	75,852	183,994	[illegible]	1,618,998
1898	232,880	353,780	309,887	214,465	71,20[illegible]	148,111	318,407	1,647,752
1899	251,637	425,407	331,711	220,605	67,224	163,547	341,738	1,800,869
1900	258,822	501,290	338,075	220,683	67,424	171,219	352,601	1,905,116

отдѣльнымъ лицамъ, потерявшимъ работу, и цѣлымъ группамъ во время стачки. Только вторыя функціи характерны для рабочихъ союзовъ, какъ спеціальныхъ организацій, отстаивающихъ интересы рабочаго класса противъ хозяевъ. Первыя же (функціи страхованія) могутъ быть съ одинаковымъ или даже бо̀льшимъ успѣхомъ выполняемы какъ коммерческими или взаимными страховыми обществами, такъ и государствомъ. Однако англійскіе рабочіе союзы до сихъ поръ, если позволяютъ взносы, сохраняютъ за собой и страховыя задачи, имѣя въ виду привлечь къ себѣ симпатіи такихъ рабочихъ, которые мало интересуются общими цѣлями рабочаго класса, но ясно видятъ пользу союзовъ, какъ страховыхъ учрежденій.

Значительное увеличеніе числа членовъ замѣчается въ особенности среди угольныхъ, хлопчатобумажныхъ рабочихъ, рабочихъ строительной промышленности, кораблестроителей, механиковъ и желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Съ другой стороны, число членовъ уменьшилось среди союзовъ земледѣльческихъ рабочихъ, моряковъ и рыбаковъ, въ изготовленіи одежды и среди общей массы неискуснаго и неспеціализированнаго труда. Въ послѣдней группѣ единственнымъ исключеніемъ представляется союзъ газовыхъ рабочихъ и чернорабочихъ (Gasworkers and General Labourers Union, основ. въ 1889 г.), въ которомъ въ 1900 г. насчитывалось 48.000 членовъ, противъ 36.000 въ 1892 году. Женскіе союзы значительно увеличились только въ текстильной промышленности, внѣ же ея число членовъ женскихъ союзовъ составляло въ 1900 году всего около 13.000, т. е. приблизительно столько, сколько было и въ 1892 году. Географическое распредѣленіе количества членовъ профессіональныхъ союзовъ почти не измѣнилось съ 1892 г., за исключеніемъ только того, что сельскіе округа стали еще бѣднѣе трэдъ-юніонистами, чѣмъ прежде, а крупные промышленные центры—еще богаче. См. „The History of trade-unionism“. London, 1902, стр. VIII—X.

За послѣдніе годы расходы англійскихъ рабочихъ союзовъ имѣли слѣдующіе размѣры (въ фунтахъ ст.):

I. На цѣли страхованія:

ГОДЫ	Пособія во время болѣзни, при несчастныхъ случаяхъ.		Пособія на погребеніе.		Пособія на старость.
	Въ 100 главныхъ союзахъ.	Въ союзахъ металлург. пром., корабле- и машиностроенія.	Въ 100 главныхъ союзахъ.	Въ союзахъ металлург. пром., корабле- и машиностроенія.	Въ 100 главныхъ союзахъ.
	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.
1892	210,188	94,492	67,668	25,220	102,678
1893	241,604	109,065	74,540	27,241	112,606
1894	229,677	100,006	69,162	25,187	122,221
1895	262,865	116,546	75,164	27,147	131,758
1896	245,868	104,390	74,686	26,504	142,470
1897	267,676	109,740	78,608	28,570	152,154
1898	278,777	113,235	82,969	29,715	163,743
1899	302,463	121,030	92,770	32,953	178,856
1900	323,231	129,052	98,370	35,741	190,039
1901	344,834	134,989	98,815	34,841	202,952

II. На цѣли борьбы изъ-за условій договора:

ГОДЫ	Пособія во время стачекъ.		Пособія безработнымъ.	
	Въ 100 главныхъ союзахъ.	Въ союзахъ металлургич. пром., корабле- и машиностроенія.	Въ 100 главныхъ союзахъ.	Въ союзахъ металлургич. пром., корабле- и машиностроенія.
	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.
1892	389,949	56,221	325,195	187,885
1893	588,373	12,891	460,484	250,381
1894	167,050	31,909	451,578	258,620
1895	196,686	44,012	422,427	190,241
1896	171,816	52,906	265,955	112,180
1897	633,379	491,498	332,218	193,791
1898	313,434	188,324	242,791	102,755
1899	120,029	12,633	190,439	80,004
1900	150,283	23,195	263,802	92,131
1901	204,517	18,519	325,866	132,025 [1]

[1]) *Board of Trade.* Report on Trade-Unions in 1901. London, 1902, ст. XXVI—XXXI.

Какъ видно, пособія во время стачекъ представляютъ наибольшія колебанія по годамъ, въ особенности для отдѣльныхъ союзовъ, расходы же остальныхъ категорій имѣютъ болѣе устойчивый характеръ.

По этимъ цифрамъ можно судить о степени силы, находящейся въ рукахъ англійскихъ рабочихъ союзовъ [1]); но онѣ не даютъ намъ понятія объ одной также весьма важной сторонѣ жизни трэдъ-юніоновъ, значенія которой никоимъ образомъ нельзя игнорировать. Окружая рабочаго съ юныхъ лѣтъ атмосферой товарищескихъ чувствъ и интересовъ, за-

---

[1]) Члены англійскихъ рабочихъ союзовъ до сихъ поръ составляютъ наиболѣе крупную долю среди организованныхъ рабочихъ всего міра, какъ можно видѣть изъ слѣдующей таблицы, заимствованной нами изъ указ. выше соч. *Кулемана*:

Годъ, къ кот. отн. свѣдѣн.	Госуд.	Колич. организов. рабочихъ.	Годъ, къ кот. отн. свѣдѣн.	Государства.	Колич. организов. рабочихъ.
1898	Англія	1,644,591	—	Бельгія. . . . . . около	70,000
1898	Германія	700,000	—	Голландія	126,669
1898	Франція	419,761	1899	Данія	96,295
1898	Австрія	105,855	1898	Норвегія. . . . . около	24,000
1896	Швейцарія.	54,562*)	1898	Швеція . . . . . болѣе	50,000
		119,619**)	1898	Соед. Шт. Сѣв. Ам. около	1,000,000

Сравнительная слабость развитія рабочихъ союзовъ на континентѣ Европы объясняется позднимъ вступленіемъ континентальныхъ государствъ на путь капиталистическаго развитія и разницей въ политическихъ условіяхъ. Настроеніе, пережитое англійскими рабочими и ихъ руководителями въ

---

*) Членовъ профессіональныхъ рабочихъ союзовъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова.

**) Членовъ иныхъ рабочихъ союзовъ.

ставляя постоянно относиться съ сосредоточеннымъ вниманіемъ къ общему дѣлу, союзъ оказываетъ на своихъ членовъ благотворное нравственное вліяніе. Онъ мало-по-малу перевоспитываетъ ихъ, пріучая добросовѣстно и сердечно относиться другъ къ другу и къ интересамъ связывающаго ихъ общаго дѣла.

Еще ученикомъ-подросткомъ англійскій рабочій привыкаетъ слышать о союзѣ, о выгодахъ, связанныхъ съ нимъ, о дѣлахъ, возникающихъ на почвѣ объединенія его старшихъ товарищей. Его интересуетъ клубная жизнь членовъ союза, въ которой сосредоточены всѣ наиболѣе живые интересы; отсюда онъ узнаетъ о важныхъ новостяхъ, здѣсь бываютъ концерты и игры, здѣсь обсуждаются серьезные теоретическіе и практическіе вопросы. Когда онъ достаточно выросъ, онъ легко убѣждается, что союзъ представляется для него лучшей защитой на время безработицы, а перспектива имѣть семью также наводитъ его на мысль озаботиться надежной поддержкой на случай возможныхъ невзгодъ. Онъ заявляетъ о своемъ желаніи

30-хъ и 40-хъ гг. (агитація Роб. Овэна, «Чартизмъ»), на континентѣ стало уступать мѣсто новымъ вѣяніямъ только въ самое недавнее время. Поэтому и отношеніе рабочихъ къ профессіональнымъ союзамъ было до послѣдняго времени весьма недовѣрчивое и недружелюбное. Первые германскіе рабочіе союзы были устроены, напр., буржуазной политической партіей, представители же соціалъ-демократіи не придавали большого значенія такимъ организаціямъ. Въ настоящее же время и въ Германіи соціалъ-демократическая партія начинаетъ видѣть въ профессіональныхъ рабочихъ союзахъ необходимое условіе для правильнаго заключенія рабочаго договора, которое слѣдуетъ поддерживать само по себѣ, независимо отъ политической программы.

вступить въ члены. Въ назначенный день его приглашаютъ въ засѣданіе мѣстной группы союза, гдѣ онъ скромно дожидается у дверей залы рѣшенія своей участи. Онъ знаетъ, что тамъ, за дверьми, происходитъ торжественное собраніе. Одинъ изъ членовъ предлагаетъ его, какъ кандидата, ручаясь, что онъ будетъ исправно уплачивать положенные взносы и, вообще, будетъ хорошимъ товарищемъ; другой членъ поддерживаетъ предложеніе. Если нѣтъ возраженій, то сейчасъ же происходитъ и выборъ, результаты котораго и объявляются кандидату. Онъ входитъ тогда въ залу, привѣтствуемый присутствующими товарищами, и предсѣдатель торжественно объявляетъ ему объ избраніи въ члены, предлагая выразить согласіе на исполненіе устава союза. Этой церемоніей заканчивается весь обрядъ пріема, и новичокъ начинаетъ принимать участіе въ засѣданіяхъ.

Въ первый же клубный день онъ появляется на собраніи. Такъ какъ для него это еще необычное дѣло, то онъ старается принарядиться, чтобы не ударить лицомъ въ грязь. Но, къ своему удивленію, онъ замѣчаетъ, что и всѣ старые товарищи также одѣты чисто и въ лучшее платье. Онъ понимаетъ тогда, что эта праздничная внѣшность дѣйствуетъ благотворно на поддержаніе приличнаго и сдержаннаго тона въ ихъ дѣловыхъ товарищескихъ собраніяхъ. Начинается обсужденіе вопросовъ дня, въ которыхъ и онъ принимаетъ участіе. Съ этого момента онъ входитъ мало-по-малу въ интересы союза, и если онъ способный, умѣлый и хорошій товарищъ, ему могутъ поручить отправленіе какой-нибудь общественной обязанности. Начиная съ

секретаря мѣстной ложи, онъ можетъ пройти всѣ іерархическія ступени союзныхъ должностей до генеральнаго секретаря всего Національнаго союза. Все это время онъ находится подъ постояннымъ общественнымъ контролемъ; его шансы на болѣе высокую степень служебной іерархіи союза зависятъ поэтому вполнѣ отъ его умѣнья и добросовѣстности. Дѣйствительно, въ лицѣ своихъ должностныхъ органовъ рабочіе союзы располагаютъ чрезвычайно хорошо приспособленнымъ къ дѣлу персоналомъ. Но если членъ рабочаго союза и на всю жизнь останется простымъ рядовымъ, вліяніе товарищеской жизни все-таки будетъ для него чрезвычайно значительно. Онъ постоянно слѣдитъ за текущими дѣлами союза, онъ испытываетъ на самомъ себѣ его услуги, когда его постигаетъ болѣзнь, когда онъ лишается работы и т. п. Во время стачки онъ не остается безъ дѣла. Онъ поддерживаетъ болѣе слабыхъ духомъ товарищей, убѣждая ихъ продолжать борьбу, пока есть надежда отстоять защищаемое дѣло; въ получаемыхъ пособіяхъ изъ кассы своего союза онъ ясно видитъ его силу и тѣмъ болѣе дорожитъ имъ.

Какъ бы бѣдна событіями ни казалась жизнь средняго англійскаго рабочаго, состоящаго членомъ рабочаго союза, все же въ ней есть не мало моментовъ, способствующихъ подъему нравственнаго чувства и тѣмъ самымъ скрашивающихъ жизнь. Человѣкъ, находящійся въ наилучшихъ матеріальныхъ условіяхъ, съ нравственной точки зрѣнія обреченъ на самое жалкое и тусклое существованіе, если только опредѣляющимъ стимуломъ его поведенія служатъ эгоистическіе мотивы. Кто не можетъ воз-

выситься дальше своего личнаго интереса, для того жизнь проходитъ безплодно; подъ старость ему нечѣмъ помянуть свое прошлое, если въ немъ даже и не оказывается какихъ-либо вопіющихъ несправедливостей. Между тѣмъ, и средній рабочій человѣкъ, долго жившій въ дружной товарищеской средѣ, хранитъ много свѣтлыхъ воспоминаній. Его жизнь прошла не даромъ; по мѣрѣ своихъ силъ онъ работалъ на пользу общаго дѣла, и, сходя въ могилу, онъ чувствуетъ увѣренность, что и онъ внесъ свою лепту въ великое дѣло народнаго возрожденія [1]).

---

1) Въ послѣднее время профессіональные рабочіе союзы стали возникать и въ Россіи. Они ведутъ свое начало съ богатаго событіями 1905 года, при чемъ непосредственный толчокъ къ ихъ образованію давало или общеполитическое движеніе (начало союзу рабочихъ печатнаго дѣла было положено въ памятные январскіе дни въ Петербургѣ; союзы конторщиковъ и фармацевтовъ были созданы въ связи съ общимъ стремленіемъ русской профессіональной интеллигенціи къ устройству союзовъ), или удачныя стачки (среди ремесленныхъ и фабрично-заводскихъ рабочихъ ядромъ будущихъ профессіональныхъ союзовъ служили обыкновенно стачечные комитеты). Недостатки законодательнаго регулированія (временныя правила 4 марта 1906 г., сузившія сферу дѣятельности союзовъ и подчинившія ихъ произволу мѣстныхъ властей) не даютъ возможности русскому профессіональному движенію развиваться сколько-нибудь нормально (въ особенности въ послѣднее время, когда чрезвычайно усилились преслѣдованія союзовъ изъ политическихъ соображеній). Тѣмъ не менѣе, несмотря на эти неблагопріятныя условія, профессіональные союзы успѣли уже пустить прочные корни въ русской рабочей средѣ. Сначала профессіональное движеніе распространялось скорѣе въ области ремесленнаго и торговаго труда (первыми союзами, кромѣ союза рабочихъ печатнаго дѣла, были союзы конторщиковъ, часовщиковъ, фармацевтовъ, приказчиковъ, булочниковъ и кондитеровъ, сапожниковъ, трактирныхъ служащихъ и т. п.), но затѣмъ оно вскорѣ перекинулось и къ фабрично-заводскимъ рабочимъ (въ металлургич., текстильной, химич. промышл. и т. д.). По свѣдѣніямъ «Торгово-Пром. Газеты», въ 1906 г. было *зарегистрировано* (по указаннымъ выше причинамъ многіе союзы остаются не зарегистрированными) въ шести фабричныхъ округахъ 587 союзовъ въ самыхъ разнообразныхъ производствахъ.

Лекція четырнадцатая.

Современныя формы коллективнаго договора о заработной платѣ. — Соглашенія съ хозяевами по частнымъ случаямъ чрезъ должностныхъ лицъ рабочихъ союзовъ. — Примирительныя камеры.— Причины непопулярности ихъ въ послѣднее время.—Организація представительства хозяевъ и рабочихъ для рѣшенія спорныхъ вопросовъ въ организованныхъ отрасляхъ англійской промышленности.—Система обязательнаго третейскаго суда. — Законы Новой Зеландіи и Новаго Южнаго Уэльса 1894 и 1901 гг. — Стачки. — Связь ихъ съ современнымъ экономическимъ строемъ.—Измѣненія въ законодательствѣ о стачкахъ на Западѣ.—Условія успѣшности стачекъ. — Распространенность стачекъ въ Англіи и Америкѣ.— Продолжительность ихъ. — Цѣли, преслѣдуемыя стачечниками.—Результаты стачекъ.—Убытки отъ стачекъ для хозяевъ и рабочихъ.—Вѣроятное будущее стачекъ въ передовыхъ капиталистическихъ странахъ.

Мм. гг. Познакомившись въ существенныхъ чертахъ съ организаціей и дѣятельностью рабочихъ союзовъ, мы можемъ теперь перейти къ подробному разсмотрѣнію примѣняющихся въ настоящее время формъ коллективнаго договора рабочихъ съ хозяевами, въ которыхъ рабочимъ союзамъ принадлежитъ весьма видная роль.

Прежде всего самый фактъ существованія профессіональнаго рабочаго союза въ какой-либо отрасли промышленности создаетъ почву для постоянныхъ переговоровъ рабочихъ съ хозяевами чрезъ ихъ естественныхъ представителей — должностныхъ лицъ союза. Если какой-нибудь рабочій находитъ, напр., что онъ получилъ жалованье по неправильному разсчету, онъ жалуется обыкновенно секре-

тарю своего союза. Тотъ провѣряетъ заявленіе рабочаго, и если окажется, что его указанія справедливы, т.-е. что хозяинъ дѣйствительно уплатилъ ему меньше, чѣмъ слѣдуетъ, онъ отправляется къ предпринимателю (или секретарю союза предпринимателей), и дѣло всегда улаживается. Такъ устраняются мелкія прижимки, которыя составляютъ очень распространенное явленіе въ странахъ, гдѣ рабочіе не имѣютъ постояннаго и правильнаго представительства своихъ интересовъ. Должностныя лица трэдъ-юніоновъ въ Англіи зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы въ обычныхъ отношеніяхъ между предпринимателями и рабочими не было нарушенія установленныхъ условій рабочаго договора. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда дѣло идетъ о болѣе серьезныхъ условіяхъ, напр., когда хозяинъ измѣняетъ техническую сторону своего предпріятія (что требуетъ новыхъ расцѣнокъ), или когда необходимо пересмотрѣть заново нѣкоторыя важныя статьи рабочаго договора, мы встрѣчаемъ уже болѣе сложную организацію. Для разрѣшенія такихъ вопросовъ англійская практика выдвинула первоначально (въ 60-хъ гг.) учрежденія, роль которыхъ заключается спеціально въ улаживаніи недоразумѣній и споровъ между хозяевами и рабочими. Эти учрежденія, называемыя примирительными камерами, или бюро, представляютъ собой особые третейскіе суды, къ которымъ всегда могутъ обратиться хозяева и рабочіе (если, конечно, они сами этого пожелаютъ) [1]. Основнымъ принципомъ организаціи

---

[1]) Подробное описаніе организаціи и дѣятельности этихъ учрежденій см. у *А. Зотова*: «Соглашеніе и третейскій судъ

примирительныхъ камеръ является равномѣрное представительство обѣихъ сторонъ (т.-е. хозяевъ и рабочихъ). Въ Англіи существуютъ двѣ главныхъ системы такихъ камеръ, называемыхъ по имени ихъ изобрѣтателей: система Мунделлы и система Кеттля. Существенныя черты системы Мунделлы состоятъ, во-первыхъ, въ томъ, что члены примирительной камеры (напсловину избранные изъ предпринимателей и наполовину изъ рабочихъ) выбираютъ себѣ предсѣдателя изъ своей среды. Съ другой стороны, рѣшенія этихъ камеръ не имѣютъ юридически обязательной силы. Конечно, фактически стороны исполняютъ обыкновенно требованія, налагаемыя на нихъ этими учрежденіями, потому что въ противномъ случаѣ утрачивался бы всякій смыслъ обращенія къ ихъ посредничеству (которое происходитъ по добровольному соглашенію). Однако бываютъ и такіе случаи, когда одна изъ сторонъ, выигравъ время, можетъ найти для себя выгоднымъ отказаться отъ исполненія постановленнаго для нея рѣшенія. Авторитетъ камеръ, благодаря этому, значительно ослабляется. Вотъ почему въ Англіи большимъ успѣхомъ пользуется другая система, созданная извѣстнымъ англійскимъ судебнымъ дѣятелемъ сэромъ Рупертомъ Кеттлемъ. Въ камерахъ, устроенныхъ по системѣ Кеттля, рѣшенія имѣютъ уже принудительную юридическую силу. Достигается эта обязательность постановленій

между предпринимателями и рабочими въ англійской крупной промышленности». Спб., 1902 г. Вопросу объ установленіи заработной платы при посредствѣ примирит. камеръ по преимуществу посвящена и недавно вышедшая книга проф. *Эшли* (*W. J. Ashley*, The Adjustment of Wages. London, 1903).

благодаря примѣненію принципа, по которому къ разбору принимаются дѣла только между тѣми хозяевами и рабочими, которые заранѣе особымъ договоромъ обязались подчиниться рѣшенію третейскаго суда. Постановивъ свое рѣшеніе, камера Кеттля даетъ возможность сторонѣ, выигравшей дѣло, обратиться въ обыкновенный судъ, если другая сторона откажется выполнить возложенныя на нее требованія. Кромѣ указанной, примирительныя камеры по системѣ Кеттля имѣютъ еще одну особенность, отличающую ихъ отъ системы Мунделлы. Въ нихъ, помимо членовъ камеры (при чемъ хозяева и рабочіе также представлены въ одинаковомъ количествѣ), выбирается въ предсѣдатели особое «безпристрастное лицо», стоящее внѣ партій, т.-е. по своему общественному положенію не принадлежащее ни къ классу рабочихъ, ни къ классу предпринимателей. Предсѣдателемъ бываетъ обыкновенно или адвокатъ, или судья, или политическій дѣятель, извѣстный своимъ безпристрастіемъ и честностью.

Система примирительныхъ камеръ пользовалась особенною популярностью среди англійскихъ рабочихъ союзовъ въ переходное время 60-хъ и 70-хъ гг., когда организація послѣднихъ только начинала укрѣпляться. Въ новѣйшее же время, когда рабочіе союзы пережили подготовительный періодъ, они стали обращаться къ инымъ, болѣе дѣйствительнымъ пріемамъ улаживанія споровъ, на что охотно соглашались и сами хозяева. Дѣло въ томъ, что примирительныя камеры вызывали своей медлительностью и сложностью процедуры неудовольствіе обѣихъ сторонъ. Рабочіе жаловались на то, что

мѣстныя бюро не осуществляютъ на практикѣ уже постановленныхъ рѣшеній; хозяева же часто уклонялись отъ передачи дѣла въ такія учрежденія, потому что сами они не имѣютъ времени принимать въ нихъ участія, а довѣрить дѣло управляющимъ или инымъ уполномоченнымъ не рѣшаются, такъ какъ часто необходимо разрѣшать вопросы не только о нормальномъ приложеніи къ текущей практикѣ существующаго уже договора, но и объ измѣненіи его основныхъ условій. Примирительныя бюро имѣли свое значеніе въ то время, когда рабочіе были еще слабо организованы, и хозяева не привыкли смотрѣть на нихъ, какъ на равныхъ себѣ. Разбирательство дѣла при посредствѣ всѣми уважаемаго лица (виднаго государственнаго дѣятеля, судьи и т. п.) не могло не содѣйствовать сближенію сторонъ. Хозяева привыкали къ совмѣстному обсужденію договора съ представителями рабочихъ, забывая прежнія чувства тщеславія и самолюбія, не допускавшія ихъ «унизиться» до встрѣчи съ ихъ рабочими на равной ногѣ. Когда же рабочіе союзы достаточно развились и укрѣпились, это основаніе дѣятельности примирительныхъ камеръ естественно утратило свое былое значеніе, и обѣ стороны, т.-е. какъ рабочіе, такъ и хозяева, стали искать иныхъ, болѣе цѣлесообразныхъ способовъ улаживанія ихъ споровъ [1]). Вотъ почему въ тѣхъ отрасляхъ англій-

---

[1]) Нѣкоторыя бюро, существовавшія довольно долго, въ послѣднее время стали погибать одно за другимъ. Образцовое бюро, устроенное Мунделлой въ кружевной и чулочной промышленности Ноттингэма, было уничтожено послѣ двадцатилѣтней дѣятельности. Такую же судьбу раздѣлило бюро Кеттля въ строительной промышленности Вульвергэмп-

ской промышленности, гдѣ рабочіе хорошо организованы, въ настоящее время примѣняется новая система соглашенія ихъ съ хозяевами, болѣе приспособленная къ сложнымъ задачамъ, требующимъ разрѣшенія, и болѣе удовлетворяющая интересамъ обѣихъ сторонъ. Напр., союзъ рабочихъ въ хлопчатобумажной промышленности употребляетъ слѣдующіе способы для улаживанія споровъ съ хозяевами. Одинъ способъ назначается для примѣненія къ текущей практикѣ установленныхъ уже основныхъ условій рабочаго договора, другой—для измѣненія самыхъ основныхъ условій.

Въ первомъ случаѣ дѣло рѣшается въ соединенномъ комитетѣ, составленномъ изъ спеціальныхъ экспертовъ какъ со стороны хозяевъ, такъ и отъ рабочихъ. Этотъ комитетъ рѣшаетъ, слѣдуетъ ли назначить прибавку къ прежней платѣ и въ какомъ размѣрѣ. Если большинство членовъ найдетъ, что сырой матеріалъ представляетъ извѣстныя несовершенства, или что на данной фабрикѣ примѣняются машины устарѣлаго типа, онъ назначаетъ прибавку, если же окажется, наоборотъ, что хозяева ввели техническія улучшенія, не повышаю-

---

тона. Въ 1892 году прекратило свое существованіе примирительное бюро въ горшечной промышленности Стаффордшира, несмотря на то, что со времени его учрежденія протекло цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ и т. д. См. *W. P. Reeves*, State experiments in Australia and New Zealand. London, 1902, vol. II, стр. 78—79. За десятилѣтіе 1894—1904 гг. изъ общаго числа стачекъ съ помощью примирительныхъ камеръ было прекращено всего 3%. Путемъ (необязательнаго) третейскаго разбирательства было прекращено приблизительно столько же (2,79%). *Mar. Meyer*, Statistik der Streiks und Aussperrungen im In und Auslande. Leipzig, 1907, стр. 201.

щія, однако, напряженія энергіи рабочихъ, то расцѣнки понижаются. Въ такіе комитеты рабочіе союзы назначаютъ представителей изъ лучшихъ знатоковъ дѣла. Обыкновенно секретари союзовъ, на долю которыхъ выпадаютъ указанныя функціи, подбираются посредствомъ спеціальнаго экзамена. Кандидатъ долженъ обнаружить при этомъ не только способность составлять дѣловыя бумаги, знаніе цѣлей союза, но и умѣнье разрѣшать сложныя техническія задачи, касающіяся его отрасли промышленности (вычисленіе необходимыхъ измѣненій въ расцѣнкахъ въ связи съ увеличеніемъ быстроты хода машинъ, числа веретенъ на станкѣ, измѣненіемъ качества сырого матеріала и т. п.).

Во второмъ случаѣ, т.-е. когда дѣло идетъ объ измѣненіи общихъ условій рабочаго договора (распространяющихся обыкновенно на обширный территоріальный районъ), къ дѣлу привлекаются уже не эксперты, а руководящіе члены рабочихъ союзовъ, съ одной стороны, и хозяева или ихъ ближайшіе представители — съ другой. При этомъ обѣ стороны приглашаютъ для содѣйствія дѣлу адвокатовъ, чтобы редактировать текстъ договора съ соблюденіемъ всѣхъ необходимыхъ юридическихъ формальностей. И въ данномъ случаѣ, благодаря привычкѣ хозяевъ и рабочихъ къ совмѣстному обсужденію условій договора и свойственной англичанамъ практичности, часто достигаются удивительные результаты [1]).

Такое видоизмѣненіе формы учрежденій, улажи-

---

[1]) См., напр., описаніе одного такого комитета, закончившаго крупный споръ рабочихъ съ хозяевами въ хлопчатобумажной промышленности въ 1893 году, *у Веббовъ*, Industrial Democracy, т. I, стр. 200—203.

вающихъ споры и столкновенія между хозяевами и рабочими, повидимому, не составляетъ, въ свою очередь, послѣдняго слова въ ихъ развитіи. Новѣйшая промышленная практика начинаетъ опять выдвигать принципъ третейскаго суда, но уже не въ формѣ примирительныхъ камеръ Мунделлы или Кеттля, основанныхъ на частномъ и обоюдномъ соглашеніи, но въ видѣ государственныхъ третейскихъ судовъ, вмѣшательство которыхъ становится обязательнымъ по просьбѣ одной изъ заинтересованныхъ сторонъ [1]).

Такая система существуетъ въ настоящее время въ двухъ австралійскихъ колоніяхъ Англіи: Новой Зеландіи (съ 1894 г.) [2]) и Новомъ Южномъ Уэльсѣ (съ 1901 г.). Въ 1890—94 гг. общественное мнѣніе Австраліи, возбужденное цѣлымъ рядомъ обширныхъ и разорительныхъ стачекъ, было особенно

---

[1]) Въ 1896 году въ Англіи былъ созданъ новый органъ примирительнаго разбирательства споровъ между хозяевами и рабочими. По закону этого года министерству промышленности предоставляется право предлагать спорящимъ сторонамъ свое посредничество. При этомъ министерство можетъ выступить въ качествѣ третейскаго судьи только по добровольному согласію обѣихъ спорящихъ сторонъ. Такое согласіе наблюдается, однако, очень рѣдко. Насколько недѣйствительнымъ оказывается законъ 1896 года, показываетъ, напр., исходъ знаменитой стачки механиковъ въ 1897 году, когда хозяева съ негодованіемъ отвергли посредничество, предложенное министерствомъ, безъ церемоніи обозвавъ его «наглостью» (impertinence). См. History of trade unionism, 2-е изд., стр. XVII—XXI и *W. P. Reeves*. State experiments in Australia and New Zealand. London, 1902, vol. II, стр. 83.

[2]) Иниціаторомъ этого закона былъ министръ труда Новой Зеландіи въ кабинетѣ Сэддона—В. П. Ривсъ, извѣстный авторъ «The long white cloud» и «State experiments in Australia and New Zealand».

благопріятно настроено по отношенію ко всякимъ попыткамъ установленія мирныхъ формъ улаживанія промышленныхъ споровъ. А такъ какъ неудачи добровольнаго примирительнаго разбирательства къ тому времени успѣли уже достаточно выясниться, то прогрессивнымъ правительствамъ двухъ названныхъ колоній и удалось осуществить на дѣлѣ задуманный ими смѣлый «соціальный опытъ». Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы эта попытка не стоила имъ никакого труда. Въ 1891 г., когда новозеландское правительство впервые выдвинуло билль о принудительномъ третейскомъ судѣ, вліятельные органы прессы осыпали новый проектъ ожесточенными нападками. Немедленно же собралась конференція предпринимателей всѣхъ частей колоніи, которая высказалась «абсолютно» противъ билля, какъ «неразумнаго вмѣшательства въ свободу личности, чрезвычайно вреднаго для прогресса промышленности и торговли». Въ письмѣ къ автору билля конференція извѣщала его, что и «рабочіе совершенно такъ же, какъ предприниматели, требуютъ защиты противъ теоретическихъ мѣръ промышленныхъ реформаторовъ и доктринеровъ-идеалистовъ». Во время дебатовъ въ Нижней Палатѣ Новой Зеландіи одинъ оппонентъ заявилъ, что «нѣтъ такого безумца, который повѣрилъ бы, что этотъ проектъ станетъ закономъ». И, однако, послѣ трехлѣтней борьбы билль прошелъ требуемыя инстанціи и съ 1-го января 1895 г. вступилъ въ дѣйствіе (утвержденіе его губернаторомъ колоніи послѣдовало въ августѣ 1894 г.). Въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ дѣло было уже гораздо проще. Во-первыхъ, налицо былъ шестилѣтній опытъ Новой Зеландіи, указывавшій на несомнѣнный успѣхъ принятой мѣры:

во-вторыхъ, прогрессивное правительство, проводившее билль, нашло себѣ дѣятельную поддержку со стороны мѣстной рабочей партіи, располагавшей значительной силой въ парламентѣ [1]).

Новозеландскій законъ объ обязательномъ третейскомъ судѣ примѣняется только къ спорамъ между хозяевами и *организованными* рабочими, чѣмъ, кстати сказать, поощряетъ дальнѣйшее развитіе профессіональныхъ рабочихъ союзовъ [2]).

Судъ имѣетъ двѣ инстанціи. Первую образуютъ мѣстныя примирительныя бюро (boards of conciliation), по одному въ каждомъ изъ шести округовъ, на которые раздѣлена Новая Зеландія; вторую — собственно третейскій судъ (Court of Arbitration), единственный для всей колоніи. Только рѣшенія второй инстанціи имѣютъ юридически обязательную силу (подъ угрозой штрафа до 500 ф. ст. за неисполненіе), а потому сторона, выигравшая въ первой инстанціи, обыкновенно обращается за утвержденіемъ рѣшенія во вторую (если не надѣется, что другая сторона исполнитъ рѣшеніе, постановленное мѣстнымъ примирительнымъ бюро).

Примирительныя бюро слагаются изъ 4—6 членовъ, избираемыхъ въ ихъ промышленномъ округѣ въ равной долѣ союзами рабочихъ и хозяевъ [3]), и предсѣдателя, избираемаго изъ среды «безпристрастныхъ» лицъ, не принадлежащихъ ни къ хозяевамъ, ни къ рабочимъ. Третейскій судъ состоитъ изъ

[1]) *W. P. Reeves*, State experiments, II, стр. 104—107 и 154—155.

[2]) Союзы рабочихъ должны имѣть не менѣе 7 членовъ. Отъ хозяевъ никакихъ союзовъ не требуется.

[3]) Въ первое время въ нѣкоторыхъ округахъ хозяева отказывались отъ выбора своихъ представителей въ бюро, и они были назначены правительствомъ.

президента и двухъ асессоровъ, назначаемыхъ на три года. Асессоры избираются по одному отъ ассоціацій предпринимателей и федерацій трэдъ-юніоновъ; президентомъ же назначается одинъ изъ членовъ Верховнаго Суда колоніи.

Вѣдѣнію этихъ учрежденій подлежатъ всѣ промышленные споры, возникающіе между хозяевами и организованными рабочими. Они обязаны разсмотрѣть дѣло, если этого будетъ требовать хотя бы одна изъ спорящихъ сторонъ. Послѣднія же, въ свою очередь, обязуются за все время, пока длится споръ, не устраивать ни стачекъ, ни локаутовъ. Рѣшеніе третейскаго суда устанавливаетъ новую норму заработной платы или другія условія рабочаго договора на два года, если прямо не оговоренъ болѣе короткій срокъ.

Первые шаги новыхъ учрежденій были удачны. Предсѣдателемъ третейскаго суда былъ назначенъ извѣстный своими юридическими познаніями и практическимъ тактомъ членъ Верховнаго Суда Вилліамсъ, дѣятельность котораго при примѣненіи новаго закона даже враги третейскаго разбирательства признали безупречной. Но что еще важнѣе— страна переживала въ эти годы періодъ промышленнаго оживленія, благодаря которому повышеніе заработной платы, устанавливаемое судомъ, не вызывало особеннаго ожесточенія со стороны хозяевъ. Однако, въ 1898 году оппозиція новому закону усилилась, благодаря нѣкоторымъ рѣшеніямъ суда, особенно непріятнымъ для хозяевъ [1]), и въ резуль-

[1]) Напр., во время спора между одной каменноугольной компаніей и союзомъ ея рабочихъ, компанія уволила предсѣдателя и секретаря Союза и сына предсѣдателя. Третей-

татѣ ея въ парламентѣ прошелъ новый дополнительный билль, исказившій принципы, положенные въ основу третейскаго разбирательства [1]). Такое положеніе продолжалось, однако, очень короткое время, и уже въ 1900 году Сэддонъ, прогрессистскій премьеръ Новой Зеландіи, провелъ новую реформу закона 1894 года, даже увеличившую сферу его дѣйствія. Съ этого времени третейскому суду подлежатъ не только споры между рабочими и частными предпринимателями, но и между служащими на государственныхъ желѣзныхъ дорогахъ и ихъ начальствомъ. Рѣшеніе суда, которое прежде могло распространяться на всѣ предпріятія даннаго рода въ томъ же самомъ промышленномъ округѣ, по закону 1900 г. можетъ быть обязательнымъ на пространствѣ всей колоніи. Впрочемъ, предпріятіямъ другихъ округовъ, несогласнымъ съ постановленнымъ рѣшеніемъ, предоставлено протестовать противъ него. Въ случаѣ такого протеста рѣшеніе суда не имѣетъ для нихъ силы, пока судъ не выслушаетъ на мѣстѣ ихъ возраженій и не постановитъ для нихъ новаго рѣшенія. Наконецъ, въ 1901 году былъ изданъ еще дополнительный актъ, устанавливающій въ нѣкоторыхъ случаяхъ право прямого обращенія къ третейскому суду, минуя первую инстанцію (примирительныя бюро) [2]).

скій судъ нашелъ въ этомъ нарушеніе акта 1894 г., запрещающаго локауты въ теченіе промышленнаго спора, и постановилъ, чтобы компанія выдала тремъ уволеннымъ рабочимъ 56 ф. 14 шилл. вознагражденія, приняла ихъ опять на службу и уплатила 11 ф. ст. издержекъ въ кассу Союза. Какъ ни справедливо было это рѣшеніе, оно вызвало бурю негодованія со стороны лицъ, сочувствовавшихъ компаніи.

[1]) Подробно объ этомъ см. у *Ривса*, указ. соч., II, стр. 120—121.
[2]) *Reeves*, II, стр. 123—134.

Конечно, за новымъ «соціальнымъ опытомъ» лежитъ еще слишкомъ непродолжительное прошлое и судить объ его принципіальномъ значеніи для разрѣшенія промышленныхъ столкновеній было бы преждевременно. Несомнѣнно одно, что до сихъ поръ для Новой Зеландіи онъ принесъ уже не мало пользы.

Законъ о третейскомъ судѣ внесъ устойчивость въ экономическія отношенія колоніи: послѣ рѣшенія суда какъ хозяева, такъ и рабочіе знаютъ, что въ худшемъ случаѣ они гарантированы на два года отъ новыхъ споровъ и столкновеній. Каждый предприниматель можетъ поэтому спокойно заключать контракты со своими заказчиками на довольно продолжительный срокъ; съ другой стороны, и рабочіе могутъ не опасаться за ближайшее будущее. Для организованныхъ рабочихъ законъ сберегъ много денегъ въ ихъ союзныхъ кассахъ, которыя были бы израсходованы на стачки [1]; кромѣ того, онъ подкрѣпилъ требованія слабѣйшихъ элементовъ рабочаго класса, которымъ было бы вообще невозможно добиваться улучшенія своего положенія собственными силами. Напр., рѣшеніемъ третейскаго суда плата женщинъ-наборщицъ въ типографіяхъ была уравнена съ платой наборщиковъ-мужчинъ. Заработная плата женщинъ-портнихъ была увеличена (въ округѣ Auckland) на 15% и т. д. На случай промышленныхъ заминокъ судъ установилъ правила, которыхъ рабочіе при обычныхъ способахъ

[1]) Послѣ изданія закона 1894 года въ Новой Зеландіи стачки возникали только среди неорганизованныхъ рабочихъ, занятыхъ въ правительственныхъ предпріятіяхъ. Но и эти стачки были ничтожны по размѣрамъ и чрезвычайно малочисленны (до 1902 г. ихъ было всего 5—6). См. *Reeves*, II, стр. 139—140.

борьбы съ хозяевами или не могутъ добиться, или достигаютъ путемъ страшныхъ потерь. Именно, было опредѣлено, что если въ угольныхъ копяхъ какого-либо округа будетъ меньше работы, чѣмъ обыкновенно, то предприниматели должны перераспредѣлить работу такимъ образомъ, чтобы на каждаго рабочаго пришлось меньше работы, но чтобы ни одинъ изъ нихъ не былъ разсчитанъ.

Благопріятное вліяніе новаго учрежденія на промышленность Новой Зеландіи начинаютъ сознавать уже и сами предприниматели, которые выступали съ такой сильной оппозиціей противъ него въ 1891—94 гг. Въ 1900 г., при обсужденіи вопроса о расширеніи силы постановленій третейскаго суда на всю территорію колоніи, ассоціація предпринимателей одного округа (Canterbury) высказалась въ представленномъ ею офиціальномъ заявленіи Комитету Палаты Представителей слѣд. обр.: «Ассоціація кэнтерберійскихъ предпринимателей желаетъ сообщить правительству, что она совершенно согласна съ принципами, выраженными въ актѣ о третейскомъ судѣ. Враждебное отношеніе, какое могло быть проявлено ею въ прошломъ, объяснялось по преимуществу тѣмъ фактомъ, что актъ долженъ былъ примѣняться только къ извѣстной части промышленнаго общества. Правительство предлагаетъ теперь устранить это, и если билль, находящійся теперь на обсужденіи Палаты, будетъ измѣненъ въ направленіи, указываемомъ ассоціаціей, она твердо увѣрена, что невозможно создать болѣе полезную мѣру, которая, при надлежащемъ исполненіи, принесла бы столь громадную пользу всѣмъ частямъ промышленнаго общества»... «Теперь нѣтъ уже антагонизма, что

бы ни было въ прошломъ, — прибавилъ м-ръ Блэквеллъ, директоръ самой крупной шерстяной фабрики въ Новой Зеландіи, бывшій представителемъ названной ассоціаціи предпринимателей передъ парламентскимъ Комитетомъ:—мы желаемъ содѣйствовать (правительству), чтобы сдѣлать изъ настоящаго билля хорошую и практическую мѣру» [1]).

Успѣхъ новозеландской попытки привелъ къ созданію аналогичнаго учрежденія въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ. Въ отличіе отъ Новой Зеландіи, здѣсь судъ имѣетъ только одну инстанцію — именно Третейскій Судъ (Arbitration Court), безъ всякихъ примирительныхъ бюро. Судья и два асессора этого суда получаютъ жалованье въ 750 ф. ст. въ годъ (около 7.500 руб.), съ прибавкой на путевыя издержки. Асессоры избираются на три года группами делегатовъ, представляющихъ: для одного — союзы хозяевъ, для другого — союзы рабочихъ. Къ разсмотрѣнію и здѣсь принимаются только споры, возникающіе между хозяевами и организованными рабочими. Также запрещаются во время спора, разбираемаго судомъ, стачки и локауты, подъ угрозой довольно суроваго наказанія (штрафъ до 1000 ф. ст. или заключеніе въ тюрьму до двухъ мѣсяцевъ). Рѣшеніе суда, такъ же какъ и въ Новой Зеландіи, признается окончательнымъ. Сила рѣшенія можетъ быть распространена на всѣ предпріятія данной отрасли промышленности въ колоніи (но также съ правомъ апелляціи для несогласныхъ, какъ и въ Новой Зеландіи по акту 1900 года). Въ отличіе отъ Новой Зеландіи срокъ дѣйствія постановленнаго рѣшенія можетъ быть и неопредѣленный. Наконецъ, интересной особенностью разсматриваемаго акта

1) *Reeves*, II, стр. 151—152.

является право, предоставленное самому суду, черезъ его регистратора, возбуждать дѣло о разборѣ споровъ между хозяевами и рабочими, вопреки ихъ желанію. Насколько это постановленіе привьется къ жизни, покажетъ будущее [1]).

Оцѣнивая общее значеніе примѣненія принципа обязательнаго третейскаго суда, мы не должны, однако, забывать основныхъ условій тѣхъ странъ, въ которыхъ созданы и примѣняются разсматриваемые законы. Мы имѣемъ здѣсь налицо прочную и старинную организацію рабочихъ, политическую демократію, отсутствіе крупныхъ различій между общественными классами и высокій уровень образованія и культурнаго развитія рабочихъ. Перенести такое учрежденіе въ современную Россію было бы немыслимо. Даже въ Германіи почва для дѣятельности государственнаго третейскаго суда еще недостаточно подготовлена. У насъ же необходимо сначала подумать объ организаціи рабочихъ союзовъ и о предоставленіи рабочимъ юридическихъ гарантій осуществленія коллективнаго договора вообще [2]).

---

[1]) «М-ръ Вайзъ (авторъ закона),—говоритъ Ривсъ,—заявилъ открыто, что онъ не видитъ причины, почему бы третейскому суду не вмѣшиваться въ споръ, чрезъ своего регистратора хотя бы ни одна изъ сторонъ не позаботилась обратиться къ нему. Онъ думаетъ, что на спорящихъ, которые пріостанавливаютъ движеніе промышленности, надо смотрѣть какъ на уличныхъ крикуновъ, которые затрудняютъ движеніе своими ссорами; ихъ надо заставить уйти. Это хорошая логика. Я не завидую, однако, тому судьѣ, который долженъ будетъ разбирать споръ между двумя раздраженными спорщиками, ни одинъ изъ которыхъ не желаетъ его вмѣшательства. И я съ любопытствомъ жду первой попытки пользованія этимъ правомъ»... *Reeves*, II, стр. 162.

[2]) Лицамъ, интересующимся вопросомъ объ обязательномъ

Таковы мирные способы улаживанія споровъ и недоразумѣній между хозяевами и рабочими [1]). Мы видѣли, что всѣ они въ большей или меньшей степени находятся въ связи съ организаціей рабочихъ въ профессіональные союзы. Чѣмъ сильнѣе организація рабочихъ, тѣмъ больше шансовъ на мирное разрѣшеніе вопроса. Однако, въ большинствѣ капиталистическихъ странъ мы находимъ параллельно

третейскомъ судѣ, кромѣ цитированнаго капитальнаго сочиненія *Ривса*, можно рекомендовать еще *H. D. Lloyd*, A country without strikes. New-York, 1900, *его же*, Newest England. London, 1902, предисловіе ко 2 изд. Industrial Democracy, и *A. Métin*, Le socialisme sans doctrines. Paris, 1901.

1) Изданными въ 1903 году правилами объ избраніи рабочими старостъ на фабрикахъ и заводахъ наше законодательство сдѣлало первый шагъ къ признанію коллективнаго договора. При всемъ принципіальномъ значеніи этой мѣры, она представляла, однако, неудачную попытку компромисса между новыми запросами русской промышленной жизни и старымъ политическимъ режимомъ. Давъ извѣстное право представительства рабочимъ, «правила» имѣютъ въ виду въ то же время оградить интересъ хозяина и обезпечить административно-полицейскій контроль за дѣятельностью рабочихъ. Рабочимъ предоставлено избирать только кандидатовъ въ старосты; право же утвержденія старостою одного изъ кандидатовъ, избранныхъ въ каждомъ разрядѣ рабочихъ, принадлежитъ предпринимателю («управленію предпріятія»). При этомъ старосты, «не удовлетворяющіе своему назначенію», могутъ быть во всякое время устраняемы распоряженіемъ губернатора. При такихъ условіяхъ отъ новаго закона нельзя было ожидать многаго въ дѣлѣ упорядоченія отношеній между хозяевами и рабочими. Съ изданіемъ же закона о профессіональныхъ союзахъ эти правила потеряли всякій смыслъ. Задача нормальнаго развитія рабочаго представительства въ отношеніяхъ между хозяевами и рабочими должна заключаться просто въ устраненіи тѣхъ путъ, которыя тяготѣютъ пока надъ русскимъ профессіональнымъ движеніемъ.

и другія формы отношеній. При отсутствіи такихъ учрежденій, какъ только-что описанныя, рабочимъ далеко не всегда удается склонить хозяевъ къ уступкамъ при помощи мирныхъ средствъ; бываютъ моменты, когда приходится мѣряться силами и добывать измѣненія въ рабочемъ договорѣ при помощи боевой организаціи, т.-е. стачекъ.

Нѣкоторые видятъ въ стачкахъ просто проявленіе буйныхъ наклонностей со стороны рабочихъ, чрезмѣрныхъ претензій и т. п. На самомъ же дѣлѣ и эти формы борьбы рабочаго класса за свои интересы представляютъ столь же нормальное явленіе въ современномъ экономическомъ строѣ, какъ рабочіе союзы. Развитіе крупной промышленности привело къ тому, что договоръ объ условіяхъ найма утратилъ свой прежній характеръ соглашенія предпринимателя съ отдѣльными рабочими.

Сотни и иногда тысячи рабочихъ, занятыхъ на одной фабрикѣ, поставлены всѣ въ совершенно одинаковыя условія (принимая въ соображеніе, конечно, одинаковые разряды рабочихъ); естественно, что наилучшей формой соглашенія ихъ съ предпринимателями становится общій коллективный договоръ. Рабочіе союзы и имѣютъ въ виду гарантію коллективнаго договора съ предпринимателями. Но если представительство рабочихъ оказывается безсильнымъ заставить предпринимателя измѣнить на будущее время условія договора,—что остается дѣлать рабочимъ? При прежнихъ промышленныхъ порядкахъ рабочіе, въ случаѣ несогласія на предлагаемыя имъ условія, могли уйти и искать работы въ другомъ мѣстѣ, у другого хозяина. Теперь массы людей, связанныя съ извѣстнымъ промышленнымъ пунктомъ, не могутъ оторваться отъ

него и искать другихъ занятій; единственнымъ исходомъ для нихъ остается временное прекращеніе работы, съ цѣлью заставить хозяевъ пойти на уступки.

При такой забастовкѣ необходимо, конечно, участіе всѣхъ или значительнаго количества работающихъ, потому что при протестѣ со стороны немногихъ только лицъ невозможно достигнуть намѣченной цѣли. Договоръ объ условіяхъ найма имѣетъ коллективный характеръ, и попытки его измѣненія должны поэтому облекаться также въ форму коллективной дѣятельности. Въ стачкѣ еще разъ выступаетъ характерная черта современной экономической жизни— потребность въ объединенной дѣятельности рабочаго класса. Вытѣсняемые изъ деревень и изъ мелкихъ мастерскихъ и сосредоточенные въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ, уравненные другъ съ другомъ нивеллирующими тенденціями капитализма, рабочіе естественно побуждаются къ объединенію, къ совмѣстной товарищеской дѣятельности. Стачки служатъ лишь одной изъ формъ такой дѣятельности и потому, повторяемъ, представляютъ собой вполнѣ нормальное явленіе въ современной хозяйственной жизни.

Всматриваясь въ исторію стачекъ въ теченіе XIX столѣтія, мы найдемъ въ ней два рѣзко различающихся періода, какъ по характеру самихъ забастовокъ, такъ и по отношенію къ нимъ законодательства и администраціи.

Первоначально, какъ мы имѣли уже случай видѣть изъ исторіи англійскихъ трэдъ - юніоновъ, рабочіе сами не сознавали смысла происходившаго промышленнаго переворота. Такъ какъ каждая новая машина многихъ оставляла безъ работы, а для другихъ понижала размѣры ихъ заработка, то въ

первое время развитія машинной промышленности рабочіе видѣли причину своихъ бѣдствій въ машинахъ, а потому часто разрушали ихъ и разбивали фабричныя зданія. Забастовки рабочихъ отличались въ то время вообще буйнымъ характеромъ, наиболѣе ненавистные предприниматели и управляющіе дѣлались иногда жертвами возмущенія.

Рабочіе еще не были тогда настолько развиты и дисциплинированы, какъ въ настоящее время; они приносили съ собой на фабрику взгляды «добраго стараго времени» и въ каждомъ неблагопріятномъ для нихъ явленіи жизни склонны были видѣть скорѣе личныя злоупотребленія со стороны хозяевъ, чѣмъ неустройства всего промышленнаго порядка. Съ другой стороны, и сами хозяева очень часто давали поводъ къ такому враждебному отношенію, практикуя систему всевозможныхъ прижимокъ, придирокъ и злоупотребленій.

Однако, такой характеръ стачекъ въ культурныхъ государствахъ Европы не составлялъ постояннаго, прочно укоренившагося явленія. Общее развитіе культуры и разумное отношеніе законодательства скоро измѣнили прежнюю форму рабочихъ забастовокъ, и на мѣсто буйныхъ вспышекъ стали спокойныя заявленія сознательной организованной силы, уважающей законный порядокъ и добивающейся своихъ цѣлей способами, предоставляемыми существующимъ государственнымъ строемъ. Такая метаморфоза наступила бы очень быстро, если бы не попытки правящихъ классовъ затормозить нормальный ходъ развитія общественныхъ отношеній запретительными мѣрами законодательства. Въ то время, когда буржуазія объявляла себя сторонницей свободнаго полити-

ческаго режима, она старалась обойти логическія требованія, вытекающія изъ принципа свободы, поскольку дѣло касалось самодѣятельности трудящихся классовъ

Когда всѣ граждане, принадлежавшіе къ составу господствующихъ классовъ, могли уже свободно объединяться для защиты своихъ интересовъ, всякія коалиціи рабочихъ строго воспрещались. Изъ исторіи англійскаго рабочаго движенія мы уже знаемъ, какихъ усилій стоило рабочимъ завоевать себѣ дѣйствительную свободу дѣйствія. Даже въ то время, когда стачки были уже разрѣшены закономъ, онѣ были поставлены въ такія условія, при которыхъ всегда можно было начать судебное преслѣдованіе противъ рабочихъ. Стоило, напр., нѣсколькимъ женщинамъ, принимающимъ участіе въ стачкѣ, выразить протестъ противъ «черноногихъ» (blacklegs; такъ называютъ въ Англіи лицъ, соглашающихся работать, когда большинство рѣшило устроить стачку) криками «ого!» «ого!», обращенными по ихъ адресу, какъ начиналось судебное разслѣдованіе «преступленія», за которое назначались довольно тяжелыя кары.

Еще тяжелѣе было положеніе стачечниковъ во Франціи. Тамъ хозяева приглашали обыкновенно на помощь административныя власти и иногда вооруженную силу, и стачка кончалась часто жестокимъ избіеніемъ рабочихъ и даже убійствами.

Такое отношеніе, конечно, только способствовало обостренію враждебныхъ чувствъ рабочихъ къ предпринимателямъ, и они, съ своей стороны, часто переходили границы спокойной и законной дѣятельности, совершая насилія и буйства.

Однако, какъ мы имѣли уже случай указать, воинствующее отношеніе европейскихъ правительствъ

мало-по-малу уступило мѣсто болѣе разумной политикѣ (въ особенности въ Англіи). Для характеристики отношенія официіальныхъ круговъ современной Англіи къ стачкамъ рабочихъ можетъ служить, напр., слѣдующее мѣсто изъ перваго отчета о стачкахъ «корреспондента труда», представленнаго въ министерство торговли: «Теперь мы уже очень далеки отъ того времени, когда было необходимо представлять длинные аргументы въ пользу законности стачки... Право рабочихъ поступать съ предложеніемъ труда по ихъ усмотрѣнію давно уже признано, и въ указанныхъ предѣлахъ они имѣютъ полную свободу добиваться желательныхъ имъ пунктовъ договора, отказываясь отъ работы при всякихъ иныхъ условіяхъ, кромѣ тѣхъ, какія они считаютъ для себя подходящими.

«Можно спорить о раціональности или справедливости стачекъ или локаутовъ съ моральной и экономической точекъ зрѣнія, но нѣтъ никакихъ юридическихъ препятствій, которыя мѣшали бы имъ происходить или продолжаться... Теперь признается почти за естественный законъ, что, пока нашъ промышленный строй будетъ покоиться на его современныхъ основаніяхъ, необходимо будутъ возникать различія въ мнѣніяхъ между хозяевами и рабочими... Пока цѣлью спорящихъ группъ будетъ, съ одной стороны, купить (трудъ) возможно дешевле, а съ другой—продать возможно дороже... антагонизмъ между ними будетъ возникать непремѣнно, а съ нимъ и споры, результатами которыхъ и являются стачки и локауты»... [1])

---

[1]) Report on the strikes and lock-outs of 1888. London, 1889, стр. 4. Въ этомъ же отчетѣ содержится и подробная исторія

Рабочіе получили, наконецъ, возможность отстаивать свои требованія на почвѣ законнаго порядка. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился и самый характеръ забастовокъ. Рабочіе научились уважать правила, установленныя законодательствомъ; съ другой стороны, они поняли уже, что необходимо не разрушеніе новыхъ промышленныхъ пріемовъ, не возвращеніе къ отжившимъ формамъ хозяйственной дѣятельности, а приспособленіе къ новому жизненному строю, созданному промышленнымъ переворотомъ (развитіемъ крупной индустріи).

Крупные же успѣхи рабочаго класса въ новыхъ экономическихъ отношеніяхъ могутъ быть созданы только упорной, настойчивой работой въ смыслѣ объединенія и организаціи трудящихся массъ. Съ тѣхъ поръ, какъ законодательство открыло возможность такой объединенной дѣятельности, рабочимъ необходимо было воспользоваться полученнымъ правомъ и спокойно, мирно, но неуклонно защищать свое дѣло.

Стачки рабочихъ при огромномъ количествѣ участниковъ стали проходить безъ всякихъ насилій; стачечники терпѣливо выжидаютъ конца борьбы, и, если обстоятельства сложились даже неблагопріятно для нихъ, они возвращаются къ прерваннымъ занятіямъ, не нарушая порядка, съ надеждой, что въ другой разъ они могутъ опять попытать свои силы, быть-можетъ, одержать побѣду. Конечно, и въ самое послѣднее время и въ наиболѣе культурныхъ государствахъ стачки рабо-

---

законодательства о стачкахъ въ Англіи, а также даны указанія относительно дѣятельности примирительныхъ камеръ системъ Мунделлы и Кеттля.

чихъ иногда сопровождаются печальными инцидентами, въ видѣ отдѣльныхъ вспышекъ со стороны рабочихъ; но, во всякомъ случаѣ, господствующимъ тономъ остается спокойное и дѣловое настроеніе.

Легко понять и причину указанныхъ исключеній: долгое ожиданіе результатовъ начатаго дѣла, тягостныя условія существованія, въ особенности для семейныхъ рабочихъ, отсутствіе правильныхъ занятій къ концу стачки обыкновенно доводятъ нервную систему стачечниковъ до крайняго напряженія. При такихъ условіяхъ легко могутъ оказаться налицо поводы къ возбужденію негодованія, рѣзкимъ протестамъ, въ особенности, когда навлекшій негодованіе фактъ произошелъ передъ большой массой рабочихъ.

Такъ шло дѣло на Западѣ. Приблизительно такой же процессъ развитія имѣлъ вопросъ о стачкахъ и въ Россіи (конечно, съ нѣкоторыми особенностями, характерными для нашихъ политическихъ условій). Первое упоминаніе о стачкахъ рабочихъ въ нашемъ законодательствѣ появляется еще въ крѣпостную эпоху—въ первой редакціи Уложенія о наказаніяхъ (1845 г.). Стачки (статья 1792) разсматривались здѣсь рядомъ съ случаями «явнаго неповиновенія» рабочихъ, состоявшихъ въ крѣпостныхъ или поссессіонныхъ отношеніяхъ къ владѣльцамъ фабрикъ и заводовъ, и хотя карались значительно мягче, но все же квалифицировались, какъ преступныя дѣянія и притомъ съ аналогичнымъ разграниченіемъ «зачинщиковъ» и «прочихъ», т.-е. простыхъ участниковъ (первые карались арестомъ отъ 3-хъ недѣль до 3-хъ мѣсяцевъ, вторые—отъ 7 дней до 3-хъ недѣль).

Статья эта не вытекала изъ условій русскаго экономическаго быта того времени (стачекъ свободныхъ рабочихъ еще не было), а была включена въ Уложеніе «про запасъ» путемъ позаимствованія изъ Франціи (гдѣ, какъ мы уже видѣли, отношеніе законодательства къ стачкамъ было очень суровое). Поэтому она оставалась безъ фактическаго примѣненія цѣлыхъ 25 лѣтъ—до 70-хъ гг., когда новыя условія нашей экономической и культурной жизни создали уже и у насъ стачечное движеніе въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Статья (1358 по новому изданію Уложенія) пригодилась, и судъ началъ усердно примѣнять ее, относя къ «зачинщикамъ» депутатовъ, которыхъ рабочіе выбирали для переговоровъ съ хозяевами, часто по требованію самой полиціи и администраціи фабрикъ (такъ было, напр., уже при одной изъ первыхъ стачекъ въ Петербургѣ, на Невской бумагопрядильнѣ, въ маѣ 1870 года [1]). Министръ внутреннихъ дѣлъ, съ своей стороны, усмотрѣлъ въ новомъ движеніи угрозу «общественному порядку и спокойствію» и уже черезъ мѣсяцъ послѣ первыхъ стачекъ (6-го іюня 1870 гг.) сообщилъ губернаторамъ Высочайшее повелѣніе, предоставлявшее имъ «при первомъ извѣстіи о стачкѣ рабочихъ на какомъ-либо заводѣ или фабрикѣ, не допуская дѣло до судебнаго разбирательства, немедленно по обнаруженіи главныхъ зачинщиковъ между фабричными, высылать таковыхъ въ одну изъ назначенныхъ для того губерній». Съ этого времени надъ русскими стачками постоянно вѣетъ охранно-полицейскій духъ.

---

1) См. *С. Прокоповичъ*, «Изъ исторіи стачекъ въ Россіи», «Вѣстникъ фабр. законодательства и профессіональн. гигіены» 1905, 4, стр. 60—62.

30-го сент. 1871 г. циркуляръ м-ра внутреннихъ дѣлъ распространилъ указанное право губернаторовъ на высылку главныхъ виновниковъ всякаго рода стачекъ (и ремесленниковъ). Въ 1878 г. было повелѣно «предоставить общей полиціи и жандармскимъ чинамъ свободный доступъ на всѣ фабрики и заводы во всякое время, съ тѣмъ, чтобы обыски на нихъ или аресты кого-либо были производимы въ присутствіи завѣдующаго фабрикою или заводомъ».

Съ 80-хъ гг. наше стачечное движеніе и отношеніе къ нему правительства и законодательства вступаютъ въ новый фазисъ. Стачки становятся обширнѣе, упорнѣе и сознательнѣе, и правительство, съ одной стороны, увеличиваетъ преслѣдованіе за нихъ и энергичнѣе ищетъ вліянія «крамолы», съ другой— оказывается вынужденнымъ дать рабочимъ нѣкоторыя уступки путемъ созданія фабричныхъ законовъ.

Такъ, послѣ ряда стачекъ первой половины 80-хъ гг. (среди которыхъ особенно выдѣлялась забастовка на Никольской мануфактурѣ въ Орѣховѣ-Зуевѣ въ 1885 г.) былъ изданъ законъ 3-го іюня 1886 г., урегулировавшій отношенія найма [1]), съ другой— были усилены наказанія за стачки (зачинщикамъ было назначено заключеніе въ тюрьмѣ отъ 4 до 8 мѣсяцевъ, а простымъ участникамъ до 2 и до 4 мѣс.). Въ 1897 г. послѣ громадной стачки текстильныхъ рабочихъ былъ изданъ законъ о нормировкѣ рабочаго времени [2]), но въ то же время министръ внутреннихъ дѣлъ циркуляромъ отъ 12 авг. 1897 г. предложилъ мѣстнымъ властямъ «безусловно воспре-

---

1) См. о немъ ниже, въ слѣд. лекціи.

2) Тамъ же.

щать всякія сходки рабочихъ и выяснять зачинщиковъ этихъ сборищъ, подвергая послѣднихъ аресту, если сходки собирались съ цѣлью уговора къ стачкѣ или забастовкѣ. Въ случаѣ возникновенія стачки или забастовки, назначить забастовщикамъ кратчайшій срокъ стать вновь на работу или получить расчетъ, а по истеченіи этого срока всѣхъ не ставшихъ на работу иногороднихъ рабочихъ, прекратившихъ работу съ соблюденіемъ законныхъ сроковъ, удалять безотлагательно изъ мѣста родины или приписки. Во всѣхъ случаяхъ стачекъ или забастовокъ рекомендуется преимущественное направленіе дѣлъ въ порядкѣ положенія объ охранѣ». Для удобства наблюденія за рабочими въ 1899 г. были учреждены на крупныхъ фабрикахъ и заводахъ (съ 200 и болѣе рабочихъ) новыя должности полицейскихъ надзирателей, получающихъ квартирныя деньги отъ владѣльцевъ, а на югѣ Россіи сами горнопромышленники основали особый «казачій фондъ», расходуемый на постройку казачьихъ казармъ (такъ, на постройку казармъ при ст. Волынцево было израсходовано не менѣе 100.000 р.; столько же обошлась постройка казармы для казачьей сотни близъ Макѣевки).

Наконецъ, къ началу XX вѣка отношеніе русскаго правительства къ стачкамъ вступаетъ въ третій фазисъ. Развитіе политическаго броженія среди рабочихъ и постоянное повтореніе стачекъ, преслѣдующихъ чисто-экономическія цѣли, наводитъ чиновъ разныхъ вѣдомствъ, имѣвшихъ дѣло съ стачками рабочихъ, на мысль о сравнительной безвредности стачекъ для охраны стараго государственнаго порядка. На этой почвѣ возникли вначалѣ столь уродливыя явленія, какъ извѣстная «Зубатовщина», когда

стачечники, преслѣдуемые на основаніи существующихъ законовъ и министерскихъ циркуляровъ, поддерживались чинами охраннаго отдѣленія въ ихъ борьбѣ съ предпринимателями. Затѣмъ возникъ вопросъ и о законодательномъ разрѣшеніи стачекъ. Въ началѣ 1905 г. (послѣ 9-го января) и русская бюрократія заговорила языкомъ составителей англійскихъ парламентскихъ бумагъ. «Въ сущности,— говорится въ мотивахъ проекта комиссіи Коковцева,— всякая забастовка (конечно, если она не сопровождается насиліями надъ имуществомъ и личностью) есть явленіе чисто экономическое, вполнѣ естественное и отнюдь не угрожающее общественному порядку и спокойствію... (Стачки въ Россіи) по абсолютному количеству забастовщиковъ и въ отношеніи ихъ къ общему числу рабочихъ, занятыхъ въ промышленности, не уступаютъ тѣмъ европейскимъ странамъ, гдѣ никакихъ наказаній за стачки не существуетъ. Это доказываетъ, что строгость наказаній не оказываетъ вліянія на число и размѣры стачекъ, и наличность таковыхъ каръ, весьма хорошо извѣстныхъ всѣмъ рабочимъ, не удерживаетъ ихъ, однако, отъ забастовокъ, которыя совершаются въ зависимости отъ совокупности иныхъ причинъ, ничего общаго съ боязнью возмездія не имѣющихъ. Это обстоятельство весьма характерно и служитъ лишнимъ доказательствомъ того, что забастовка есть совершенно естественное явленіе, органически - связанное съ современными экономическими условіями промышленной жизни, возможное вездѣ, гдѣ имѣетъ примѣненіе наемный трудъ, и не могущее быть устраненнымъ посредствомъ подавленія и пресѣченія отдѣльныхъ случаевъ его проявленія“. Однако, старая закваска

все еще была жива. Проектъ Коковцева предлагалъ отмѣнить наказаніе за стачки вообще, но въ то же время считалъ умѣстной «уголовную репрессію» за стачки въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ производствахъ, прекращеніе работъ въ которыхъ «можетъ причинить вредъ и лишенія третьимъ лицамъ, не участвовавшимъ въ сдѣлкѣ найма, а именно мѣстному населенію». Такими «въ сферѣ компетенціи промышленнаго Устава и учрежденій М-ва Финансовъ» комиссія Коковцева считала «только заведенія по водоснабженію, канализаціи и освѣщенію жилищъ и населенныхъ мѣстъ, т.-е. общественные водопроводы и канализаціонныя устройства, а также газовые заводы и электроосвѣтительныя станціи».

15 апрѣля 1905 г. знаменитый циркуляръ 1897 г. былъ отмѣненъ, а 16 августа министръ юстиціи увѣдомилъ прокуроровъ судебныхъ палатъ, что забастовщики и рабочіе, отказавшіеся самовольно отъ работы, не подлежатъ уголовному преслѣдованію, и по возбужденнымъ дѣламъ этого рода преслѣдованіе должно быть прекращено, и арестованные рабочіе должны быть освобождены.

Законодательное разрѣшеніе стачекъ послѣдовало, однако, лишь послѣ октябрьской всеобщей забастовки и торжественнаго объявленія свободъ манифестомъ 17-го октября. Извѣстна роль, какую игралъ въ этой забастовкѣ Желѣзнодорожный союзъ. Поэтому указъ 2 декабря 1905 года, отмѣнившій ст. 1358 и 1358[1] Уголовнаго Уложенія и тѣмъ признавшій въ принципѣ свободу стачекъ, для желѣзныхъ дорогъ и другихъ предпріятій, «прекращеніе или пріостановленіе дѣятельности коихъ угрожаетъ безопасности государства или создаетъ возможность обществен-

наго бѣдствія» (изъ послѣднихъ въ законѣ упомянуты только «телефоны общаго пользованія, кромѣ правительственнаго»), установилъ спеціальныя изъятія съ суровыми наказаніями для виновныхъ въ возбужденіи къ стачкѣ служащихъ или рабочихъ въ этихъ предпріятіяхъ (отъ 8 мѣс. до 1 года и 4 мѣс. тюремнаго заключенія) или принужденіи къ ней (отъ 4 мѣс. до 1 года и 4 мѣс. тюремнаго заключенія), при чемъ на ряду съ принужденіемъ посредствомъ насилія одинаково карается и принужденіе «посредствомъ отлученія отъ общенія».

Вліяніе переходнаго времени на этомъ законѣ очевидно и признано даже самимъ законодателемъ (въ указѣ сказано, что новыя правила вводятся «впредь до изданія общаго о стачкахъ закона»). Такимъ образомъ послѣдняя стадія развитія стачечнаго вопроса въ нашемъ отечествѣ пока еще не завершилась, и для сравненія съ другими культурными странами намъ необходимо поскорѣе перейти къ созданію настоящаго закона о стачкахъ, который отвѣчалъ бы принципамъ, провозглашеннымъ манифестомъ 17 октября, и въ которомъ, конечно, не могутъ уже найти мѣста постановленія, подобныя тѣмъ, какія содержатся въ правилахъ 2-го декабря 1905 года.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній мы можемъ перейти къ характеристикѣ экономическаго значенія разсматриваемаго явленія. Теоретическое изученіе стачекъ находится пока въ зародышѣ. Еще недавно по поводу этихъ «возстаній» рабочихъ противъ предпринимателей можно было услышать самыя фантастическія сужденія изъ устъ экономистовъ, которые въ другихъ спеціальныхъ вопросахъ

своей науки оказывались осторожными и компетентными изслѣдователями. И только въ послѣднее время такіе случаи стали встрѣчаться рѣже, съ одной стороны, благодаря уже отмѣченной нами выше перемѣнѣ западно-европейскаго общественнаго мнѣнія, съ другой—благодаря накопленію обширнаго и, по большей части, весьма точнаго фактическаго матеріала. Со второй половины 80-хъ, а въ особенности съ 90-хъ гг. XIX столѣтія крупныя капиталистическія государства регулярно публикуютъ, среди обычныхъ офиціальныхъ изданій, касающихся положенія труда, и отчеты о стачкахъ [1]).

Правда, эти данныя захватываютъ еще слишкомъ короткій періодъ времени (въ особенности для сравнительно-статистическаго изслѣдованія); но все же на основаніи ихъ можно получить достаточно отчетливое представленіе о наиболѣе крупныхъ чертахъ

1) Въ Англіи ежегодные отчеты департамента труда (первый—за 1888 г.), въ Соед. Штатахъ Сѣв. Америки—среди обычныхъ отчетовъ комиссара труда (десятый и шестнадцатый—Washington, 1896 и 1901; каждый за цѣлый рядъ лѣтъ), во Франціи—ежегодные отчеты Office du travail (первый—за 1890 г.), въ Германіи—для имперіи—первый отчетъ за 1899 г. (въ Пруссіи статистика стачекъ велась регулярно съ 1889 г. по 1897), въ Австріи—ежегодные отчеты статистическаго департамента м-ва торговли, начиная съ 1894 г. (послѣ трехъ пробныхъ лѣтъ—1891—1893), въ Италіи—правильное публикованіе офиціальныхъ отчетовъ о стачкахъ начинается съ 1892, въ Бельгіи—1896 года. Хорошую сводку данныхъ, содержащихся въ указанныхъ изданіяхъ, даютъ статьи Arbeitseinstellungen in den einzennen Ländern въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften (до половины 90-хъ гг.) и—до болѣе близкаго къ нимъ времени—также небольшая, но добросовѣстно составленная монографія *Max. Meyer'a:* Statistik der Streiks und Aussperrungen im In-und Auslande. Leipzig, 1907.

этого новаго явленія въ жизни культурныхъ народовъ.

За послѣдніе годы абсолютныя цифры стачекъ колеблются для крупныхъ капиталистическихъ націй отъ двухъ и полутора тысячъ въ годъ (Германія, Соединенные Штаты) до трехсотъ (Англія), а рабочихъ, принимавшихъ участіе въ стачкахъ, — отъ 280 тысячъ чел. (Соед. Штаты) до ста тысячъ (Англія) и менѣе (Германія). Но по абсолютнымъ цифрамъ, конечно, нельзя еще судить о дѣйствительной интенсивности изслѣдуемаго явленія. Чтобы узнать, насколько значительно стачечное движеніе въ какомъ-либо государствѣ по сравненію съ другими, необходимо привести эти цифры къ какому-нибудь общему основанію. Если принять за такое основаніе количество лицъ, занятыхъ промышленной дѣятельностью, то государства, относительно которыхъ мы имѣемъ соотвѣтственныя свѣдѣнія, расположатся въ слѣдующемъ порядкѣ:

Страны:		На 1000 лицъ, занятыхъ въ промышлен. дѣят., приходилось стачечниковъ:
въ Италіи	(1900—1903)	28
» Соед. Штатахъ Сѣв. Америки.	(1896—1900)	24
» Франціи . . .	(1900—1904)	22
» Австріи . . .	(1900—1904)	13
» Бельгіи . . .	(1900—1904)	12
» Англіи	(1900—1904)	8,3
» Германіи . . .	(1900—1904)	8,1

Какъ видно изъ приведенной таблицы, наибольшей интенсивностью стачечнаго движенія отличались за послѣднее время Италія, Соед. Штаты и Франція.

Германія же занимала послѣднее мѣсто и почти не отличалась отъ Англіи, въ которой интенсивность стачекъ была также сравнительно невелика. Разница между Германіей и Англіей заключается лишь въ томъ, что въ то время, какъ число стачекъ въ Англіи указываетъ на постоянную тенденцію къ пониженію, въ Германіи, наоборотъ, къ повышенію [1]). Въ размѣрахъ отдѣльныхъ стачекъ наблюдаются также значительныя различія между отдѣльными странами, при чемъ наибольшее число участниковъ, приходящихся на каждую стачку, отмѣчается вовсе не безусловно для наиболѣе развитыхъ капиталистическихъ странъ. Такъ, въ Германіи оно было меньше, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ изъ сравниваемыхъ государствъ (за исключеніемъ Бельгіи).

Число стачечниковъ на одну стачку.

Годы.	Герман.	Бельг.	Анг.	Соед. Штат.	Фран.	Австр.	Итал.
1899	77	104	192	172	239	176	259
1900	86	106	209	225	247	347	383
1901	52	118	174	—	213	92	1042
1902	51	74	164	—	415	141	810
1903	61	76	242	—	217	142	549
1904	61	83	159	—	164	155	—
1905	170	—	198	—	—	139	—

Группа самыхъ крупныхъ стачекъ (съ 500 и болѣе стачечниками) представлена также несоотвѣтственно общему капиталистическому развитію разсматриваемыхъ государствъ (за исключеніемъ Англіи),

---

[1]) Съ 1889 къ 1905 число стачекъ (съ локаутами) въ Англіи понизилось съ 1211 до 337. Конечно, въ этомъ нельзя усматривать какой-либо устойчивой тенденціи къ пониженію числа стачекъ.

Число стачекъ съ 500 и болѣе участниками составляло въ послѣдніе годы слѣд. $^0/_0$ общаго числа стачекъ:

въ Англіи	12,28	$^0/_0$
» Италіи	8,44	»
» Бельгіи	7,90	»
» Франціи	6,49	»
» Австріи	6, 2	»
» Германіи	1,77	»

Крупныя уклоненія для отдѣльныхъ странъ отмѣчаются и въ распредѣленіи стачекъ среди различныхъ отраслей промышленной дѣятельности, но, во всякомъ случаѣ, въ большинствѣ ихъ наибольшій процентъ стачекъ приходится на строительную промышленность (въ особенности въ Германіи и Соединенныхъ Штатахъ), текстильную (въ особенности въ Австріи, Франціи, Бельгіи и Италіи), горную (въ особенности въ Англіи и Бельгіи), машиностроительную и по обработкѣ металловъ (почти повсюду, въ особенности же въ Англіи). Значительная доля стачекъ приходится также на транспортную промышленность и изготовленіе одежды [1]).

[1])

ОТРАСЛИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.	Германія 1899—1904. $^0/_0$	Австрія 1899—1904. $^0/_0$	Франція 1899—1904. $^0/_0$	Бельгія 1896—1904. $^0/_0$	Италія 1898—1903. $^0/_0$	Англія 1897—1904. $^0/_0$	Америка 1891—1900. $^0/_0$
Горное дѣло	1,9	13,0	5,2	22,8	7,8 (вмѣстѣ съ слѣд.)	23,4 (вмѣстѣ съ слѣд.)	19,7 (вмѣстѣ съ слѣд.)
Стеклянная, горшечная и т. п. промышленность	6,7	7,9	4,0	4,9			
Обработка металловъ	8,6	9,3	14,1 (вмѣстѣ съ слѣд.)	12,0 (вмѣстѣ съ слѣд.)	8,5 (вмѣстѣ съ слѣд.)	20,3 (вмѣстѣ съ слѣд.)	13. (вмѣстѣ съ слѣд.)
Машиностроительная	4,3	5,6					
Текстильная	5,3	15.0	24,9	25,7	23,7	14,9	6,7
Строительная	38,1	11,6	13,5	—	—	19,4	23,3
Приготовленіе одежды	5,1	8,9	2,1	4,2	4,8	6,2	13,3
Транспортная пром.	2,5	1,3	12,2	5,5	6,6	4,7	6,6

Неравномѣрна была и продолжительность стачекъ. Въ зависимости отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ, но, главнымъ образомъ, отъ степени упорства предпринимателей и устойчивости рабочихъ (послѣдняя, въ свою очередь, опредѣляется наличностью или отсутствіемъ рабочихъ организацій и сравнительной силой ихъ—размѣрами стачечнаго фонда,—а отчасти даже особенностями національнаго характера—импульсивность итальянцевъ, тяжеловѣсность и методичность нѣмцевъ, выдержка и упорство англичанъ) средняя продолжительность стачекъ въ отдѣльныхъ странахъ обыкновенно очень разнообразна.

Въ Соед. Штатахъ за періодъ времени 1881—1900 гг. средняя продолжительность стачекъ составляла 23,8 дня. Изъ европейскихъ же государствъ (не считая Англіи) наименьшую продолжительность имѣли стачки въ Италіи (болѣе $^3/_4$ всѣхъ стачекъ продолжались не болѣе 10 дней), наибольшую—въ Германіи (болѣе 10 дней тянулось 39,6% всѣхъ стачекъ). Во всѣхъ этихъ странахъ, однако, болѣе половины общаго числа стачекъ заканчивались черезъ 10 дней, очень же продолжительныхъ стачекъ (болѣе мѣсяца) повсюду было сравнительно немного:

% стачекъ, длившихся болѣе 30 дней:

Германія	18,9
Франція	9,9
Австрія	9,8
Бельгія	8,8
Италія	5,8 [1]

[1]) Въ Россіи, благодаря крайне тяжелымъ для рабочихъ условіямъ, въ какихъ до сихъ поръ проходили стачки, и отсутствію крупныхъ стачечныхъ фондовъ, продолжительность стачекъ была всего короче. Такъ, по свѣдѣніямъ за

Среди *требованій*, которыя ставятъ рабочіе, главное мѣсто повсюду занимаетъ увеличеніе заработной платы. Если присоединить къ нему борьбу противъ попытокъ предпринимателей понизить заработную плату и другія условія, относящіяся къ заработной платѣ (способы расцѣнки, сроки выдачи и т. п.), то для большинства государствъ (за періодъ времени 1896—1899—1900—1904 гг.) мы получимъ группу, превышающую половину всѣхъ вообще требованій (въ Англіи 63,6%, въ Италіи 61,5%, Бельгіи 55,9%, Германіи 54,0, Франціи 53,2), и только въ Австріи значительно меньшую, но все же весьма крупную долю (36,7%). При этомъ одно требованіе о повышеніи заработной платы составляетъ въ Италіи и

2-ую половину 1900 по 1902 г. изъ происшедшихъ за это время забастовокъ продолжались:

1	день	31,2%
2—4	дня	40,2%
5—7	дней	11,5%
болѣе 7	дней	17,1%.

Такимъ образомъ до 7 дней тянулось 82,9% всѣхъ забастовокъ, при чемъ даже на забастовки, длившіяся всего 1 день, приходится очень крупная доля (31,2%), а забастовки, продолжавшіяся не болѣе 4 дней, составляли немного менѣе трехъ четвертей всѣхъ забастовокъ. Громадный % стачекъ, продолжавшихся всего одинъ день, объясняется между прочимъ и своеобразными обще-политическими условіями Россіи. Не имѣя права собраній, рабочіе должны были прекращать работу для того только, чтобы сообща выяснить свои нужды и требованія, какія они желали бы поставить предпринимателямъ. Бываетъ, что предприниматели сразу соглашаются исполнить эти требованія, и такимъ образомъ эта «предварительная» забастовка прекращается въ тотъ же день, не переходя въ настоящую стачку. Ср. *С. Прокоповичъ.* По текущимъ вопросамъ, «Образованіе», 1905, 4.

Бельгіи около $^{1}/_{2}$ всѣхъ требованій (въ Италіи 55,2%, въ Бельгіи 48,9%), во Франціи—около $^{2}/_{5}$ (40,5%), въ Германіи и Англіи около $^{1}/_{3}$ (въ Германіи 33,4%, въ Англіи 33,2%), въ Австріи—около $^{1}/_{4}$ (24,1%). Значительно меньшую долю составляютъ требованія, касающіяся рабочаго времени, а именно въ общемъ (сокращеніе рабочаго времени, борьба противъ попытокъ предпринимателей удлинить рабочее время и другія требованія относительно рабочаго времени) въ Австріи 17,1%, Германіи 16,5%, Франціи 9,4%, Италіи 7,5%, Англіи 2,1% и Бельгіи 1,8%. При этомъ на одно требованіе о сокращеніи рабочаго времени приходится въ Австріи 12,1%, Германіи 11,0%, во Франціи 9,4%, въ Италіи 6,3%, въ Бельгіи 1,8% и въ Англіи 1,0%.

На всѣ остальныя требованія въ общемъ приходится отъ 46,2% (Австрія) до 29,5% (Германія). Средину занимаютъ Бельгія (42,3%), Франція (37,4%), Англія (33,3%) и Италія (31,0%) [1]).

Познакомившись съ распространенностью стачекъ, продолжительностью ихъ и требованіями, ради которыхъ онѣ возникаютъ, мы можемъ уже перейти

[1]) Среди нихъ—для болѣе развитыхъ странъ характерно отстаиваніе профессіональныхъ организацій (борьба за признаніе рабочихъ союзовъ и протестъ противъ работы неюніонистовъ), а для странъ сравнительно низкой культуры, гдѣ рабочій классъ только начинаетъ пробуждаться,—огражденіе чувства собственнаго достоинства рабочихъ и требованіе измѣненія фабричныхъ распорядковъ, въ которыхъ рѣзко проявляется предпринимательскій произволъ (напр., въ стачечныхъ заявленіяхъ русскихъ рабочихъ послѣдняго времени). Любопытно, что даже въ Германіи еще въ 70-е годы XIX ст. въ заявленіяхъ стачечниковъ встрѣчались такіе пункты, какъ прекращеніе „тыканья“ рабочихъ хозяевами. См. *E. Bernstein*, Der Streik, IV Bd сборника „Gesellschaft“, стр. 27.

къ центральному пункту поставленной нами задачи. Насколько удачно достигаютъ стачки преслѣдуемыхъ ими цѣлей, каковы ихъ шансы на успѣхъ защищаемаго дѣла?

Изъ общаго числа стачекъ въ разсматриваемыхъ статистическихъ отчетахъ обыкновенно полный успѣхъ отмѣчается для $^3/_{10}$—$^1/_5$ (напр., въ Англіи за 1897—1904 гг. въ среднемъ 29,87%, во Франціи за 1890—1904 гг. 24,08%, въ Австріи за 1899—1904 гг. 20,4%, въ Германіи за 1899—1905 гг. 21,87%), частичный успѣхъ—приблизительно для $^1/_3$ (напр., за указанные года въ Англіи 30,59%, во Франціи 34,53%, въ Австріи 39,4%, въ Германіи 32,45%), что въ общемъ составляетъ нѣсколько болѣе половины—приблизительно около $^3/_5$ общаго количества стачекъ (въ Англіи 60,46%, во Франціи 58,61%, въ Австріи 59,8%, въ Германіи 54,32%). Остальное, т.-е. приблизительно около $^2/_5$ всего числа стачекъ приходится на случаи неудачи. Въ чемъ же заключаются условія успѣшности стачекъ, поскольку о нихъ можно судить по имѣющимся статистическимъ даннымъ и другимъ свѣдѣніямъ?

Прежде всего необходимо отмѣтить вліяніе профессіональныхъ рабочихъ союзовъ и вообще рабочихъ организацій. Организованные рабочіе, получая поддержку изъ кассы союза, естественно, могутъ гораздо дольше и гораздо спокойнѣе ждать исхода стачки, чѣмъ неорганизованные, которымъ приходится терпѣть крайнюю нужду, даже въ случаѣ поддержки со стороны, всегда, конечно, незначительной по сравненію съ размѣрами пособій изъ союзной кассы [1]). Предприниматели съ большимъ опасеніемъ

[1]) Необходимо отмѣтить, однако, что одна продолжительность стачки сама по себѣ не говоритъ еще за ея успѣхъ.

относятся къ стачкѣ, въ которой участвуютъ члены рабочихъ союзовъ, чѣмъ къ забастовкѣ рабочихъ, не объединенныхъ постоянными корпоративными учрежденіями. Помимо крупныхъ денежныхъ средствъ, стачечники, въ случаѣ распространенности союзовъ въ данной отрасли промышленности, располагаютъ еще и моральной поддержкой всей массы остальныхъ товарищей, не принимающихъ непосредственнаго участія въ забастовкѣ. Предприниматели не могутъ въ такихъ случаяхъ найти замѣстителей для возобновленія работъ, потому что всѣ рабочіе, способные къ данной работѣ, заявляютъ свою солидарность съ забастовавшими товарищами. У хозяевъ остается

Она указываетъ не только на силу и устойчивость рабочихъ, но и на упорство и средства предпринимателей. Затянувшаяся стачка за извѣстнымъ предѣломъ часто служитъ показателемъ того, что начинаютъ одолѣвать не рабочіе, а хозяева. Такъ, по даннымъ германской и французской статистики оказывается, что процентъ неудачъ больше при продолжительныхъ стачкахъ (свыше одного мѣсяца):

Въ Германіи въ 1899—1904 гг. оканчивались неудачей изъ стачекъ, длившихся

менѣе 5 дн.	6—10 дн.	11—20 дн.	21—30 дн.	31—50 дн.	51—100 дней	101 и болѣе.
46,3%	41,1%	37,9%	42,8%	52,7%	57,9%	56,0%.

Во Франціи за тѣ же годы:

менѣе 7 дн.	8—15 дн.	16—30 дн.	31—100 дн.	101 и болѣе
37,1%	37,9%	33,7%	43,2%	48,8%.

Напротивъ, въ Австріи приблизительно за тѣ же годы (1898—1904) наибольшій успѣхъ имѣли самыя продолжительныя стачки:

	менѣе 5 дней	6—10 дней	11—20 дней	21—30 дней	31—50 дней	51—100 дней	101 и болѣе.
% неудачъ:	44,2%	30,1%	38,3%	42,8%	29,4%	30,3%	15,4%.

одинъ выходъ: привезти рабочихъ изъ-за границы. Но мѣстная союзная организація и въ этомъ случаѣ оказываетъ стачечникамъ крупную услугу. Союзы предупреждаютъ иностранныхъ рабочихъ отъ найма на мѣсто стачечниковъ, обращаясь къ ихъ чувствамъ трудовой солидарности. Тѣхъ же иностранныхъ рабочихъ, которые пріѣзжаютъ съ цѣлью поступить на данную фабрику, на границѣ встрѣчаютъ представители рабочихъ союзовъ, убѣждая ихъ еще разъ возвратиться назадъ и предлагая деньги, необходимыя для покрытія расходовъ обратнаго путешествія.

Такое же вліяніе, хотя въ нѣсколько меньшей степени, оказываютъ на исходъ стачекъ, помимо профессіональныхъ союзовъ рабочихъ, и вообще попытки организаціи рабочаго класса. Въ Германіи, напр., единодушіе рабочихъ, проявленное въ крупныхъ стачкахъ, часто можно отнести на счетъ дѣятельности соціалъ-демократической партіи. Объединяя и организуя рабочихъ для политической борьбы, германская соціалъ-демократія оказываетъ воздѣйствіе и на исходъ попытокъ отстаиванія рабочими своихъ интересовъ въ экономической сферѣ (хотя и не принимаетъ прямого участія въ этихъ попыткахъ). Равнымъ образомъ, извѣстная уже намъ стачка англійскихъ докеровъ въ 1889 г. удалась именно благодаря организаторскимъ усиліямъ вождей этого движенія. Докеры, объединенные и организованные, явились такой силой, о возможности которой хозяева до того совершенно не подозрѣвали.

Но во всякомъ случаѣ лучшимъ условіемъ успѣха стачекъ представляется постоянное прочное объединеніе рабочихъ, наиболѣе подходящей формой котораго слѣдуетъ признать профессіональные ра-

бочіе союзы. Англійскіе докеры сорганизовались не только на время стачки 1889 г.; чтобы упрочить свое положеніе и на будущее, они тогда же рѣшили объединиться въ постоянные союзы (по типу «Новаго Юніонизма»). Кромѣ англійской исторіи послѣдняго времени, за вліяніе профессіональныхъ рабочихъ союзовъ краснорѣчиво говорятъ и факты изъ экономической жизни другихъ капиталистическихъ націй. Такъ, напр., въ Германіи за послѣдніе годы неудачныя стачки были значительно рѣже въ томъ случаѣ, если онѣ устраивались профессіональными союзами, чѣмъ неорганизованными рабочими.

Годы	% неудачныхъ стачекъ при профессіональныхъ организаціяхъ.	% неудачныхъ стачекъ у неорганизованныхъ рабочихъ.
1899	34,01 %	50,55 %
1900	42,35 »	50,53 »
1901	52,46	56,65
1902	55,12 »	58,17 »
1903	42,58 »	53,02 »
1904	35,77 »	48,88 »
1905	34,61 »	46,74 »

Еще рѣзче сказывается вліяніе профессіональныхъ союзовъ въ Соед. Штатахъ. Въ среднемъ за 1881—1900 гг. процентъ неудачныхъ стачекъ у профессіональныхъ организацій составлялъ 33,54%, а у неорганизованныхъ рабочихъ—55,39%.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что дѣятельность профессіональныхъ рабочихъ союзовъ порождаетъ больше стачекъ, чѣмъ прежде. Стачки становятся обширнѣе и упорнѣе, но число ихъ имѣетъ тенденцію уменьшаться.

Въ отчетѣ «королевской комиссіи о положеніи труда» этотъ фактъ отмѣченъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Когда обѣ спорящія стороны хорошо организованы и обладаютъ значительными финансовыми средствами, промышленныя столкновенія могутъ принимать весьма обширные размѣры, тянуться долгое время и стоить дорого. Но подобно тому, какъ современная война между великими европейскими державами при всей ея убыточности представляетъ высшую степень цивилизаціи, чѣмъ непрестанныя мѣстныя стычки и пограничные набѣги... такъ же и крупный промышленный конфликтъ, случающійся послѣ нѣсколькихъ лѣтъ мира, слѣдуетъ предпочесть постояннымъ мелкимъ столкновеніямъ и забастовкамъ» [1]).

Вторымъ факторомъ, выгодно вліяющимъ на успѣхъ стачекъ, является законодательное признаніе за рабочими свободы дѣйствія. Стачки бываютъ, какъ мы знаемъ, и въ то время, когда правительство считаетъ ихъ преступными дѣяніями и преслѣдуетъ самыми жестокими мѣрами. Но сила рабочихъ при такихъ условіяхъ естественно ослабляется, и предприниматели гораздо скорѣе могутъ разсчитывать на благопріятный для нихъ исходъ борьбы. Вотъ почему въ странахъ, имѣющихъ уже свободу рабочихъ коалицій, успѣхъ стачекъ значительно поднимался во время, непосредственно слѣдовавшее за разрѣшеніемъ стачекъ, сравнительно съ эпохой запрещеній.

Въ Саксоніи, напр., вслѣдъ за изданіемъ закона о свободѣ коалицій (въ 1861 г.) многія стачки окончились побѣдой рабочихъ. Такъ, напр., повышеніе

---

[1]) См. *Webb*, Industrial Democracy, т. I, стр. 221.

заработной платы типографскихъ рабочихъ (наборщиковъ) въ Лейпцигѣ, одномъ изъ міровыхъ центровъ книгоиздательства, связывается именно съ этимъ временемъ.

Далѣе, нельзя не отмѣтить и вліянія благопріятной промышленной конъюнктуры. Въ эпоху оживленія промышленности (общаго или частичнаго, въ спеціальныхъ отрасляхъ), когда поднимаются барыши предпринимателей, рабочіе легче могутъ добиться согласія на свои требованія. Въ Германіи время послѣ войны 1870—71 гг. представляетъ цѣлый рядъ примѣровъ удачныхъ стачекъ, благодаря промышленному оживленію. Приливъ французскихъ капиталовъ вызвалъ такъ называемое грюндерство, усиленное учрежденіе разнообразныхъ промышленныхъ предпріятій. Между прочимъ, въ это время въ большихъ городахъ Германіи спекуляція направилась на постройку домовъ, такъ какъ недостатокъ квартиръ подымалъ цѣны на нихъ, доставляя большіе барыши домовладѣльцамъ. Германскіе города переживали время строительной горячки, о которой мы можемъ составить себѣ нѣкоторое представленіе по тѣмъ фактамъ, какіе намъ приходится наблюдать теперь въ Россіи, хотя бы въ Кіевѣ [1]).

Но въ то время какъ у насъ благопріятнымъ временемъ пользуются по преимуществу предприниматели (домовладѣльцы и подрядчики), въ Германіи отъ оживленія домостроительнаго дѣла выиграли и рабочіе. Германскіе рабочіе уже имѣли свободу коалицій и не замедлили воспользоваться своимъ правомъ, разъ къ этому представился удобный случай.

---

1) Лекція эта была произнесена въ 1899 году въ Кіевѣ.

Берлинскіе каменщики послѣ стачки 1871 г. стали получать въ день, вмѣсто $1^1/_3$ талера, $1^1/_2$ талера ($4^1/_2$ марки); это составитъ $^1/_2$ марки выигрыша въ день и 15 марокъ въ мѣсяцъ, т.-е. около 7 рублей прибавки къ мѣсячному заработку. Гамбургскіе рабочіе были еще счастливѣе своихъ берлинскихъ товарищей: имъ удалось добиться платы въ 5 марокъ за 10-часовой рабочій день. Не мало было стачекъ среди строительныхъ рабочихъ и въ другихъ городахъ Германіи. И большинство ихъ въ это время окончилось побѣдой рабочихъ.

Но и въ другихъ отрасляхъ германской промышленности за время съ 1871 по 1873 г. рабочіе удачно отстаивали свои требованія; считаютъ, что за этотъ періодъ времени, благодаря стачкамъ, заработная плата германскихъ рабочихъ поднялась на 20—100%, а рабочій день уменьшился съ 11 до 10 и до $9^1/_2$ часовъ.

Подобныя же явленія наблюдались и въ Англіи. За время процвѣтанія англійской промышленности и торговли (съ 1850—1880 г.) стачки значительно способствовали улучшенію положенія рабочихъ. Этотъ періодъ, благодаря борьбѣ рабочихъ за свои интересы соединенными силами, характеризуется замѣтнымъ подъемомъ заработной платы и сокращеніемъ рабочаго дня. Королевская комиссія для изслѣдованій условій труда, назначенная въ 1891 г., которая опросила множество лицъ изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ англійскаго общества, пришла къ выводу, что за указанное время стачки отразились благотворно на судьбѣ англійскихъ рабочихъ [1]).

---

[1]) Замѣчено, что стачки вообще случаются чаще въ переходное время для промышленности. Когда промышленность

Среди факторовъ, вліяющихъ на успѣхъ стачекъ, нельзя не упомянуть и о роли женщинъ. Какъ бы ни были благопріятны условія, въ которыхъ приходится жить во время стачки, все же они значительно отличаются отъ привычнаго образа жизни. Самыя щедрыя пособія (за немногими исключеніями) равняются не болѣе, чѣмъ половинѣ обычнаго бюджета рабочей семьи, а часто приходится довольствоваться еще болѣе скуднымъ доходомъ. На долю рабочихъ выпадаютъ тяжелыя лишенія, которыя становятся все мучительнѣе, по мѣрѣ того, какъ стачка затягивается. Необходимы большая нравственная стойкость, ясное пониманіе интересовъ общяго дѣла и серьезная корпоративная выдержка, чтобы не поддаться искушенію и не бросить дѣла на половинѣ дороги. Въ это время роль женщины оказывается особенно замѣтной.

Обыкновенно женщина изъ рабочей среды стоитъ ниже мужчины по умственному развитію и твердости нравственныхъ принциповъ. Сознаніе высоты товарищескаго долга, пониманіе общихъ интересовъ рабочаго класса въ его цѣломъ далеко еще не такъ распространены среди женщинъ, не только женъ, матерей и сестеръ рабочихъ, но и женщинъ, участвующихъ самостоятельно въ промышленномъ трудѣ. Женщины часто подбиваютъ стачечниковъ оставить борьбу, покориться прежней участи, лишь

оживляется, рабочіе устраиваютъ стачки, чтобы заставить хозяевъ поднять плату; когда наступаетъ депрессія, рабочіе часто оказываются вынужденными прибѣгать къ стачкѣ, чтобы сохранить за собой прежній уровень платы, такъ какъ хозяева стараются въ это время переложить свои убытки на рабочихъ, понижая имъ плату. См. шестой отчетъ о стачкахъ въ Англіи (Report on the strikes and lock-outs of 1893. London, 1894, стр. 10).

бы не терпѣть страданій и лишеній во время стачки, успѣхъ которой сомнителенъ. Такая реакціонная роль женщинъ въ стачкахъ объясняется, помимо отсталости ихъ умственнаго развитія сравнительно съ мужчинами, еще и тѣмъ, что онѣ, по условіямъ своего положенія въ семьѣ, живѣе чувствуютъ невзгоды и лишенія, которыя приходится претерпѣвать. На женщинѣ лежитъ забота о домашнемъ хозяйствѣ и дѣтяхъ, и недочеты въ семейномъ бюджетѣ гораздо яснѣе и ближе чувствуются прежде всего хозяйкой дома. На ней больше, чѣмъ на мужчинахъ, отражаются эти хозяйственныя невзгоды, потому что она все-таки должна устроить такъ, чтобы всѣ были накормлены и одѣты, и чтобы дѣти не заболѣли и не гибли отъ переносимыхъ лишеній.

Однако, за послѣднее время можно отмѣтить интересную перемѣну въ отношеніи женщинъ къ стачкамъ. Онѣ начинаютъ все болѣе и болѣе проникаться духомъ общихъ интересовъ рабочаго класса. Во многихъ европейскихъ стачкахъ женщины вели себя какъ истинные товарищи и друзья стачечниковъ, облегчая имъ своей бодростью и нравственной поддержкой тяжелое бремя борьбы. Жены рабочихъ, участвовавшихъ въ стачкахъ, часто терпѣливо переносили невзгоды, обрушившіяся на семью, и своимъ примѣромъ поддерживали мужей.

Что же касается женщинъ, работающихъ самостоятельно, то среди нихъ прежняя покорность судьбѣ исчезаетъ въ еще большей степени. Въ Англіи, напр., движеніе въ пользу коллективной борьбы за улучшеніе условій труда низшихъ слоевъ рабочаго населенія открыли женщины - работницы на спичечныхъ фабрикахъ стачкой 1888 г. Въ Аме-

рикѣ, гдѣ женщины во всѣхъ классахъ общества въ общемъ гораздо развитѣе и самостоятельнѣе, чѣмъ на континентѣ, стачки женщинъ - работницъ представляютъ уже регулярно повторяющееся явленіе. За двадцатилѣтіе 1881—1900 гг. въ общемъ числѣ американскихъ стачечниковъ женщинъ насчитывалось около десятой доли.

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности стачки могутъ скорѣе разсчитывать на успѣхъ въ силу зависимости отъ этихъ промысловъ многихъ другихъ промышленныхъ или торговыхъ занятій.

Напр., стачка портовыхъ (доковыхъ) рабочихъ пріостанавливаетъ не только разгрузку и нагрузку товаровъ въ данномъ портѣ, но нарушаетъ торговыя и промышленныя отношенія всѣхъ пунктовъ, изъ которыхъ и въ которые направляются товары; стачка углекоповъ заставляетъ сокращать или пріостанавливать выдѣлку желѣзныхъ, стальныхъ и чугунныхъ издѣлій, гдѣ требуется постоянно большое количество каменнаго угля. При широкомъ же распространеніи стачки въ углепромышленныхъ округахъ, всѣ отрасли промышленности должны почувствовать недостатокъ важнаго для нихъ матеріала. Случалось, что забастовки углекоповъ вызывали прекращеніе движенія по желѣзнымъ дорогамъ въ ближайшихъ къ мѣсту стачки районахъ. Такое вліяніе стачки въ одномъ пунктѣ на разнообразные и многочисленные промышленные интересы вызываетъ иногда попытку уладить дѣло, идущую изъ постороннихъ сферъ. Предприниматели, не затронутые непосредственно забастовкой рабочихъ, но несущіе убытки, благодаря зависимости ихъ пред-

пріятій отъ хода промышленной дѣятельности, въ которой происходитъ стачка, оказываютъ давленіе на своихъ коллегъ, если тѣ оказываются слишкомъ упорными въ отстаиваніи своихъ интересовъ и если при этомъ есть основаніе думать, что рабочіе могутъ долго выдерживать стачку. Вообще въ такихъ случаяхъ «общественное мнѣніе» съ большимъ вниманіемъ относится къ требованіямъ рабочихъ, чѣмъ при забастовкахъ въ изолированныхъ отрасляхъ промышленности, связанныхъ съ другими промыслами болѣе слабыми узами.

Таковы причины, способствующія, по нашему мнѣнію, успѣшному исходу стачекъ. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ рабочіе имѣютъ за собой большую силу въ рабочихъ организаціяхъ, высокой заработной платѣ, привычкахъ къ упорному и сознательному отстаиванію своихъ интересовъ, даже одной угрозы стачкой бываетъ иногда достаточно, чтобы предприниматели пошли на уступки. Напр., въ 70-хъ гг. американскимъ рабочимъ часто удавалось добиться согласія хозяевъ на предложенныя требованія обѣщаніемъ въ случаѣ отказа пріостановить работы. Успѣшныя стачки поддерживаютъ силу рабочаго класса и авторитетъ его заявленій въ глазахъ предпринимателей; усилія, затраченныя на борьбу въ прошломъ, не только улучшаютъ положеніе въ данный моментъ, но облегчаютъ имъ борьбу и на будущее время.

Кромѣ матеріальныхъ пріобрѣтеній для рабочихъ, т.-е. повышенія заработной платы, сокращенія количества рабочихъ часовъ и улучшенія условій труда, удачныя стачки имѣютъ и крупное моральное значеніе. Онѣ пробуждаютъ духъ солидарности

среди рабочихъ, затронутыхъ движеніемъ, на вполнѣ ясномъ фактическомъ примѣрѣ показываютъ, насколько выгоднѣе для рабочаго участіе въ общемъ дѣлѣ, сравнительно съ замкнутымъ существованіемъ, проникнутымъ единственно заботами о своихъ личныхъ интересахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ побѣда надъ предпринимателями поднимаетъ энергію рабочихъ, заставляетъ ихъ больше вѣрить въ свои силы и бодрѣе смотрѣть на будущее.

Что же касается другихъ слоевъ общества, то и на нихъ стачки рабочихъ имѣютъ также не малое вліяніе. Каждая обширная стачка, въ которой участвуютъ тысячи рабочихъ и которая затрогиваетъ разнообразнѣйшіе интересы внутри своей страны и даже за границей, составляетъ крупное событіе общественной жизни.

На положеніе рабочихъ обращаютъ тогда усиленное вниманіе такіе слои общества, которые вообще проявляютъ незначительный интересъ къ рабочему вопросу. По поводу стачекъ высказывается общественное мнѣніе; составляются законодательные проекты, имѣющіе въ виду улучшеніе положенія трудящихся классовъ. Новѣйшая реформа фабричнаго законодательства Германіи должна быть отнесена въ большой мѣрѣ на счетъ стачки вестфальскихъ углекоповъ. Впечатлѣніе этой стачки на молодого императора Вильгельма II было настолько сильно, что онъ выступилъ съ обширнымъ проектомъ законодательной защиты рабочихъ не только Германіи, но и другихъ странъ, созвавъ международную конференцію для обсужденія этого вопроса. Если пожеланія, высказанныя на этой конференціи, и не были потомъ осуществлены иностранными

правительствами, приславшими своихъ делегатовъ, то въ самой Германіи фабричное законодательство было дѣйствительно измѣнено коренным образомъ.

Что же касается связи стачекъ съ общимъ теченіемъ политической жизни, то она также не подлежитъ сомнѣнію. По поводу каждой сколько-нибудь замѣтной забастовки рабочихъ мѣрятся силами различныя политическія партіи; во Франціи, напр., ни одна крупная стачка не проходитъ безъ того, чтобы депутатъ даннаго округа или какой-либо другой депутатъ, сочувствующій рабочему классу, или его представитель, не сдѣлалъ о ней интерпелляціи правительству. Палата депутатовъ становится ареной горячихъ споровъ, и правительству приходится выдерживать тяжелую борьбу, чтобы отстоять свое положеніе. Правящіе классы бываютъ иногда вынуждены, скрѣпя сердце, принимать нежелательныя для нихъ мѣры, чтобы уладить опасный инцидентъ.

До сихъ поръ мы говорили о выгодахъ, приносимыхъ стачками интересамъ рабочаго класса. Но, конечно, мы сдѣлали бы большую ошибку, если бы не остановились и на случаяхъ неудачи рабочихъ.

Стачки далеко не всегда достигаютъ поставленной цѣли; во многихъ случаяхъ торжествуютъ не рабочіе, а предприниматели, и рабочимъ приходится возвращаться къ прерваннымъ занятіямъ съ горькимъ сознаніемъ пораженія, тѣмъ болѣе тягостнымъ, что такъ печально окончившаяся борьба стоила не мало лишеній и жертвъ. Огромные фонды, скопленные годами взносовъ въ кассу союза, оказываются исчерпанными; многимъ товарищамъ приходится оставить родныя мѣста и искать заработковъ на дале-

кой чужбинѣ; въ нѣкоторыхъ семьяхъ за время голоданія развились болѣзни у дѣтей, надломлены окончательно силы стариковъ, а въ перспективѣ тѣ же условія существованія, изъ-за которыхъ велась только что законченная борьба. Но не однимъ рабочимъ стачки приносятъ матеріальные убытки; отъ нихъ страдаютъ предприниматели, страдаютъ интересы данной отрасли промышленности. Мы не станемъ отрицать этихъ убытковъ и все-таки скажемъ, что стачки представляютъ неизбѣжное явленіе современной экономической жизни, въ конечномъ счетѣ выгодное для интересовъ рабочихъ. Было бы, несомнѣнно, лучше, если бы рабочимъ удавалось добиваться улучшенія своего положенія иными средствами, напр., при помощи третейскаго суда, какъ въ Новой Зеландіи; но, какъ мы видѣли, въ большинствѣ капиталистическихъ странъ этихъ средствъ не существуетъ, и иногда, благодаря малой культурности страны, нѣтъ надежды даже на то, чтобы принципъ обязательнаго третейскаго суда получилъ въ ней осуществленіе въ сколько-нибудь близкомъ будущемъ.

Можно сдѣлать изъ указанныхъ соображеній лишь тотъ выводъ, что каждая стачка представляетъ собой весьма серьезное и сложное дѣло, и что рабочіе должны предварительно со всѣмъ вниманіемъ взвѣсить предстоящіе шансы. Въ Англіи и въ средѣ «обученныхъ» рабочихъ, которымъ, какъ мы знаемъ, удавалось добиваться посредствомъ стачекъ весьма полезныхъ для себя результатовъ, представители рабочихъ союзовъ съ большой осторожностью относятся къ рѣшеніямъ о забастовкахъ. Рѣшеніе приступить къ стачкѣ постановляется

послѣ всесторонняго обсужденія условій, въ которыхъ приходится дѣйствовать. Въ этомъ еще разъ сказывается преимущество постоянныхъ организацій, которыя лучше знаютъ всѣ обстоятельства дѣла и бережнѣе относятся къ своимъ фондамъ, накопленнымъ долгими годами обереженій.

По отчетамъ Комиссара Труда Сѣверо - Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, убытки отъ стачекъ за время между 1887 и 1893 гг. составляли для рабочихъ: 1) въ видѣ потери заработка приблизительно отъ 35 до 20 милл. рублей и 2) въ видѣ издержекъ рабочихъ организацій (выдача пособій на время стачекъ)—отъ $2^1/_2$ до одного милл. руб. за годъ; для предпринимателей отъ 14 до 6 милл. руб. въ годъ. Конечно, къ такого рода вычисленіямъ необходимо относиться съ большой осторожностью (кромѣ цифры убытковъ для кассы рабочихъ союзовъ. которая можетъ быть опредѣлена совершенно точно), такъ какъ они основываются только на очень приблизительныхъ расчетахъ. Напр., обыкновенно цифру убытковъ для рабочихъ получаютъ, помножая среднюю цифру дневного заработка рабочаго (въ каждомъ разрядѣ рабочихъ) на число дней стачки и на число рабочихъ, съ котораго началась стачка. тогда какъ часто стачка заканчивается не сразу, а къ работамъ приступаютъ постепенно большія или меньшія группы рабочихъ, такъ что число дней стачки не для всѣхъ рабочихъ одинаково. Кромѣ того, нѣкоторые изъ бастующихъ могутъ имѣть какіе-нибудь заработки на сторонѣ и т. д. Но, во всякомъ случаѣ, эти цифры даютъ возможность лишній разъ убѣдиться, какая масса усилій тратится въ настоящее время безполезно съ точки зрѣнія по-

требностей нормальнаго развитія хозяйственной дѣятельности. При такой организаціи промышленности, въ которой устранялся бы антагонизмъ интересовъ, всѣ огромныя пожертвованія и потери, связанныя со стачками, были бы уже совершенно не нужны. Между тѣмъ современному обществу приходится постоянно расплачиваться за свои собственныя неустройства, при чемъ наиболѣе страдающими элементами оказываются опять-таки трудящіеся классы.

Сказаннаго, я полагаю, достаточно для характеристики наиболѣе существенныхъ сторонъ вопроса о стачкахъ рабочихъ въ современныхъ культурныхъ государствахъ. Въ заключеніе не могу не отмѣтить, что мирный сравнительно характеръ, который приняли стачки за послѣднее время, только усилилъ ихъ вліяніе. Спокойная, основанная на признаніи общихъ требованій закона дѣятельность рабочихъ внушаетъ къ себѣ гораздо болѣе уваженія и даже страха, чѣмъ бурныя, но безпорядочныя волненія прежняго времени. Прежніе коллективные протесты рабочихъ противъ тяжелыхъ условій ихъ труда разражались какъ буря, но проходили быстро, не оставляя послѣ себя замѣтнаго слѣда въ смыслѣ улучшенія участи рабочихъ. Напротивъ, спокойная, увѣренная въ своей силѣ организованная дѣятельность трудящихся массъ внушаетъ невольное уваженіе всѣмъ противникамъ рабочаго движенія. Въ ней начинаютъ видѣть нѣчто дѣйствительно серьезное, новое жизненное теченіе, противъ котораго трудно бороться. Вмѣстѣ съ тѣмъ мало-по-малу подготовляется и почва для мирнаго разрѣшенія споровъ между хозяевами и рабочими обращеніемъ къ высшему авторитету государственнаго суда. Надо

думать, что для передовыхъ капиталистическихъ націй недалеко уже время, когда стачки будутъ случаться, какъ рѣдкія исключенія въ спокойномъ теченіи промышленной жизни, и что для обычныхъ столкновеній, которыя въ настоящее время вызываютъ еще стачки, будетъ вполнѣ достаточно описанныхъ выше мирныхъ формъ коллективнаго договора.

Лекція пятнадцатая.

Фабричное законодательство.—Его причины.—Исторія англійскихъ фабричныхъ законовъ. — Современное англійское фабричное законодательство. — Фабричные законы въ Швейцаріи. — Фабричное законодательство Викторіи и Новой Зеландіи. — Исторія германскаго фабричнаго законодательства. — Фабричное законодательство въ Россіи.

Мм. гг. Въ предшествующемъ изложеніи, разсматривая условія, вліяющія на высоту заработной платы, мы останавливались исключительно на самостоятельной борьбѣ рабочихъ за свои интересы, на рабочихъ союзахъ, организаціи представительства интересовъ рабочихъ въ примирительныхъ камерахъ и третейскихъ судахъ и на стачкахъ. Однако, этихъ формъ защиты интересовъ трудящихся классовъ при современномъ строѣ оказывается все еще недостаточно.

Во многихъ случаяхъ гарантію сколько-нибудь сносныхъ условій существованія рабочаго населенія можетъ дать только прямое вмѣшательство государственной власти. Сила рабочихъ, при наиболѣе совершенныхъ формахъ ихъ организаціи и наиболѣе раціональныхъ пріемахъ отстаиванія ихъ интересовъ, оказывается въ общемъ, конечно, меньшей, чѣмъ та, какой располагаетъ классъ капиталистовъ. Съ другой стороны, въ составѣ дѣйствующей арміи современнаго рабочаго класса насчитываются такіе элементы, которымъ вообще не подъ силу выдерживать борьбу собственными

средствами и которые въ то же время нуждаются въ наибольшей охранѣ отъ неблагопріятныхъ вліяній трудовой обстановки фабрики и мастерской. Распространеніе машиннаго производства вызвало широкое пользованіе трудомъ женщинъ и дѣтей въ крупной промышленности; на ихъ организмѣ нездоровыя условія работы, естественно, отражались сильнѣе, чѣмъ на взрослыхъ мужчинахъ. Бѣдствія той части трудящагося населенія требовали немедленнаго принятія мѣръ защиты, потому что всякая задержка въ данномъ случаѣ грозила ухудшеніемъ основныхъ жизненныхъ силъ націи. Рабочее населеніе вырождалось, благодаря продолжительной. изнуряющей работѣ женщинъ и дѣтей; ночной трудъ женщинъ совмѣстно съ мужчинами, помимо вреднаго вліянія на здоровье, губительнымъ образомъ дѣйствовалъ и на нравственность рабочаго населенія. Некогда было ждать, пока рабочіе сами добьются улучшенія участи занятыхъ на фабрикѣ женщинъ и дѣтей. Сами владѣющіе классы убѣдились въ неотложности мѣръ, которыя ограничили бы произволъ фабрикантовъ. Поэтому съ развитіемъ крупной промышленности появилось и фабричное законодательство, въ особенности съ той поры, когда готовность политическихъ дѣятелей выступить на защиту рабочихъ подкрѣпилась требованіями самого рабочаго класса. Главная цѣль фабричныхъ законовъ состояла первоначально только въ охранѣ слабѣйшихъ членовъ рабочаго класса (женщинъ и дѣтей) отъ злоупотребленій фабрикантовъ; но мало - по - малу защита закона стала распространяться и на взрослыхъ рабочихъ. Появились правила, регулировавшія санитарныя

условія труда всѣхъ вообще лицъ занятыхъ на фабрикахъ; была запрещена расплата товарами; въ нѣкоторыхъ же государствахъ фабричное законодательство пошло еще дальше, ограничивая продолжительность рабочаго дня взрослыхъ рабочихъ.

Обращаясь къ изученію важнѣйшихъ чертъ современнаго фабричнаго законодательства и наиболѣе крупныхъ моментовъ его историческаго развитія, мы должны прежде всего отмѣтить, что до самаго послѣдняго времени ни въ одной странѣ фабричные законы не имѣли въ виду непосредственнаго регулированія высоты заработной платы (если не считать мѣръ противъ расплаты товарами и т. п. злоупотребленій). Вліяніе фабричнаго законодательства въ данномъ случаѣ было косвенное и выражалось, главнымъ образомъ, въ томъ, что, благодаря сокращенію рабочаго дня, женщины и дѣти стали получать прежнюю плату за меньшее количество часовъ труда, а, съ другой стороны, въ меньшей степени выступали конкурентами взрослыхъ мужчинъ. Во многихъ отрасляхъ промышленности, гдѣ трудъ взрослыхъ мужчинъ находился въ непосредственной зависимости отъ работы женщинъ и дѣтей, законодательное ограниченіе часовъ труда этихъ послѣднихъ естественно приводило и къ сокращенію продолжительности рабочаго дня для взрослыхъ мужчинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, защищенные въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мѣрами государственной власти, рабочіе могли затрачивать больше энергіи на самостоятельную борьбу за повышеніе уровня заработной платы. Въ послѣднее же время мы имѣемъ уже попытки и непосредственнаго законодательнаго регулированія заработной

платы, выполненныя съ замѣтнымъ успѣхомъ въ извѣстныхъ своими смѣлыми «соціальными опытами» австралійскихъ колоніяхъ Англіи.

Главнѣйшими причинами, вызвавшими появленіе и дальнѣйшее развитіе фабричнаго законодательства, были измѣненія въ условіяхъ промышленной дѣятельности, въ связи съ обновленіемъ политическихъ формъ. Распространеніе женскаго и дѣтскаго труда, вредная обстановка фабричной работы, не урегулированной спеціальными санитарными мѣрами, требовали законодательныхъ ограниченій произвола фабрикантовъ. Свободныя же формы политической жизни облегчали возможность практическаго выполненія проектовъ охраны рабочихъ. Сторонники рабочаго класса, выходившіе изъ среды политическихъ партій, въ общемъ чуждыхъ ему, а также и непосредственные представители его интересовъ могли пускать въ ходъ механизмъ парламентской машины, чтобы провести законы въ защиту рабочихъ, занятыхъ на фабрикахъ. Нельзя не отмѣтить также и того обстоятельства, что интересы самихъ фабрикантовъ (извѣстной части ихъ) совпадали въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ намѣреніями гуманныхъ защитниковъ рабочаго класса. Въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ въ одно и то же время существовали фабрики, практиковавшія различныя условія найма рабочихъ и примѣнявшія различные техническіе пріемы, для болѣе культурныхъ и гуманныхъ фабрикантовъ (или для такихъ, которые только пользовались технически болѣе совершенными пріемами изготовленія продуктовъ) было прямо выгодно, чтобы законъ ограничилъ произволъ ихъ беззастѣнчивыхъ или отсталыхъ това-

рищей. Людямъ съ болѣе развитыми чувствами гуманности, желавшимъ смягчить тяжелое положеніе рабочихъ на ихъ фабрикахъ, иногда нельзя было выполнить этого намѣренія, потому что конкуренція другихъ фабрикантовъ, примѣнявшихъ беззастѣнчивые пріемы эксплуатаціи, не давала этого сдѣлать. Поэтому они усиленно стояли за проведеніе для всѣхъ обязательнаго закона, который улучшилъ бы положеніе рабочихъ.

Фабричное законодательство возникаетъ впервые въ Англіи, передовой странѣ капитализма. Отсюда оно постепенно распространялось и на другія государства Европы, по мѣрѣ развитія въ нихъ новыхъ промышленныхъ отношеній. Существуетъ оно и въ Россіи, хотя съ очень недавняго времени и, какъ мы увидимъ дальше, съ болѣе слабымъ вліяніемъ на улучшеніе участи рабочихъ, чѣмъ въ западно-европейскихъ государствахъ. Наибольшаго развитія фабричное законодательство достигло въ Швейцаріи, хотя оно появилось тамъ позднѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, и австралійскихъ колоніяхъ Англіи, гдѣ оно имѣетъ совсѣмъ уже недолгую исторію. Поэтому для характеристики историческаго процесса развитія фабричныхъ законовъ я считаю не безполезнымъ, указавъ на главнѣйшіе моменты въ исторіи англійскаго фабричнаго законодательства, отмѣтить и то, чего удалось достигнуть въ данномъ отношеніи въ Швейцаріи и австралійскихъ колоніяхъ. Съ другой стороны, прежде чѣмъ указать на положеніе русскаго фабричнаго законодательства и на обстоятельства, вызвавшія и сопровождавшія его появленіе, я считалъ бы необходимымъ отмѣтить вкратцѣ главные моменты

исторіи германскихъ фабричныхъ законовъ, представляющей не мало аналогичныхъ чертъ съ исторіей введенія и примѣненія фабричнаго законодательства въ Россіи.

Для исторіи англійскаго фабричнаго законодательства лучшими источниками остаются до сихъ поръ «Капиталъ» Маркса (1-й томъ) и работы Пленера (послѣдующія ссылки сдѣланы на англійское изданіе: Ernst von Plener, The English Factory Legislation) и Вейера (Otto Weyer, Die englische Fabrikinspektion. Tübingen, 1888). Для ранняго періода (до конца 40-хъ гг.) обширное собраніе данныхъ содержитъ книга Кидда (Alfed J. Kydd, The history of the factory movement from the year 1802 to the enactment of the ten hours'bill in 1847. London, 1857, 2 тома)[1]).

Въ концѣ XVIII столѣтія новая промышленная система успѣла уже обнаружить свои темныя стороны. Машинное производство создало возможность широкаго примѣненія дѣтскаго труда, и фабриканты пользовались отсутствіемъ общественнаго контроля, заставляя дѣтей выполнять изнуритель-

---

[1]) Недавно появилась доведенная до самаго послѣдняго времени довольно обстоятельная исторія англійскаго фабричнаго законодательства, написанная двумя писательницами — г-жами *Гётчинсъ* и *Гаррисонъ* (B. L. Hutchins and A. Harrison, A history of factory legislation. London, 1893, съ предисловіемъ Сиднея Вебба. Къ книгѣ приложена подробная библіографія по вопросу о фабрич. законодательствѣ). Заслуживаетъ также вниманія небольшая, но очень живо и занимательно написанная коллективная работа — The case for the Factory Acts. London, 1901 (изд. Беатрисой Веббъ съ предисл. Гэмфри Уордъ).

ныя работы въ ужасающей гигіенической обстановкѣ. Обиліе водной силы въ сѣверныхъ графствахъ способствовало развитію фабрикъ; но мѣстные рабочіе не желали отдавать въ работу своихъ дѣтей, потому что фабрики устраивались обыкновенно вдали отъ городовъ и постоянныхъ поселеній. Фабриканты обращались въ южныя графства къ администраціи приходовъ, которая охотно передавала имъ сиротъ, находившихся на ея попеченіи. Такъ создалась прямая торговля дѣтьми чрезъ агентовъ фабрикантовъ, а иногда и при помощи спеціальныхъ посредниковъ, которые массами забирали дѣтей у приходскихъ попечителей, отвозили въ фабричныя мѣстности и тамъ уже распредѣляли по фабрикамъ. «Если дѣти не были заказаны раньше,—разсказываетъ Киддъ,—ихъ помѣщали на нѣкоторое время въ темныхъ подвалахъ, куда торговавшій ими купецъ приводилъ покупателей. Фабриканты осматривали дѣтей при свѣтѣ фонарей, свидѣтельствовали ихъ члены и ростъ; послѣ этого они заключали сдѣлку, и бѣдныя невинныя жертвы отводились на фабрики» [1]). Здѣсь положеніе ихъ всецѣло зависѣло отъ усмотрѣнія фабриканта; кормили ихъ обыкновенно скудной, грубой и нездоровой пищей; работали они непрерывно днемъ и ночью, смѣняя другъ друга, такъ что постели не остывали (постели назначались только для одной смѣны); воздухъ въ рабочихъ помѣщеніяхъ былъ удушливый; приходилось подвергаться рѣзкимъ смѣнамъ температуры, — и въ результатѣ, естественно, среди фабричныхъ дѣтей развивались

---

[1]) *Kydd,* указ. соч., т. I, стр. 17.

разнообразнѣйшія болѣзни, въ особенности же брюшной тифъ. Это послѣднее обстоятельство и послужило, наконецъ, причиной того, что участью фабричныхъ дѣтей заинтересовалось общественное мнѣніе. Въ 1796 году въ Манчестерѣ было учреждено санитарное бюро, которое въ первомъ же отчетѣ указало, что причиной эпидемическихъ заболѣваній, наблюдаемыхъ въ этомъ городѣ, являются въ значительной мѣрѣ дурныя условія жизни фабричныхъ рабочихъ.

Наглядное доказательство вреда безконтрольной эксплуатаціи дѣтскаго труда дало возможность сэру Роберту Пилю провести въ 1802 году „Moral and health Act“, который и открылъ собой эру фабричнаго законодательства. Законъ устанавливалъ 12-часовой день для работы дѣтей, взятыхъ изъ приходовъ, запрещалъ ночной трудъ и требовалъ обязательнаго школьнаго и религіознаго образованія. Наблюденіе за примѣненіемъ закона было возложено на мировыхъ судей, которые должны были назначить двухъ надзирателей для обхода фабричныхъ заведеній. Однако, законъ этотъ не имѣлъ никакого практическаго значенія. Съ одной стороны, не было дѣйствительнаго надзора за его выполненіемъ; съ другой — самые поводы къ его примѣненію постепенно сокращались, потому что съ примѣненіемъ силы пара фабрики стали устраиваться въ большихъ городахъ, и фабриканты брали дѣтей изъ мѣстныхъ бѣдныхъ семействъ. Родители отдавали ихъ добровольно, а потому они не подходили подъ защиту закона [1]).

[1]) *Plener*, указ. соч., стр. 3—4.

Время между 1802 и 1833 гг. характеризуется упорной борьбой изъ-за фабричнаго законодательства, причемъ въ парламентѣ за него выступаютъ тори (представители землевладѣнія), поддерживаемые внѣпарламентской агитаціей среди фабричныхъ рабочихъ (Остлеръ въ Іоркширѣ и др. [1]). Назначается цѣлый рядъ парламентскихъ комиссій для изслѣдованія положенія рабочихъ и проводится нѣсколько новыхъ фабричныхъ законовъ. Но только законъ 1833 г., проведенный вигами въ видѣ уступки требованіямъ противоположной партіи, положилъ дѣйствительное основаніе защитѣ фабричныхъ рабочихъ, такъ какъ въ немъ впервые назначалась серьезная организація надзора въ видѣ существующаго и до сихъ поръ института фабричныхъ инспекторовъ.

Учрежденіемъ фабричной инспекціи были положены твердыя основы дальнѣйшему развитію законодательства въ защиту рабочихъ, потому что при каждомъ новомъ требованіи закона можно было надѣяться на возможность практическаго осуществленія этого требованія. Фабричные законы перестали быть мертвой буквой, за ними стояла уже живая и дѣятельная сила. Конечно, и фабричные инспектора могли небрежно исполнять возложенныя

[1]) Въ первоначальной агитаціи въ пользу фабричнаго законодательства дѣятельное участіе принималъ и *Роб. Овэнъ* сначала своими практическими опытами, указывавшими на раціональность сокращенія часовъ труда, затѣмъ непосредственно путемъ давленія на руководящихъ политическихъ дѣятелей, но не чрезъ рабочихъ (въ чемъ было существенное отличіе его дѣятельности отъ позднѣйшей пропаганды Остлера). См. *Lloyd Jones,* The life, Times and Labours of Robert Owen, стр. 103—111 и 129—154, и *Hutchins and Harrison,* A history of factory legislation, стр. 21—29.

на нихъ обязанности, могли, вопреки своему прямому назначенію, склоняться скорѣе на сторону интересовъ фабрикантовъ, чѣмъ рабочихъ; но по условіямъ англійской жизни такіе случаи должны были составить только исключеніе, и, слѣдовательно, противъ нихъ всегда можно было принять надлежащія мѣры. Дѣйствительно, исторія англійскаго фабричнаго законодательства показываетъ, что въ лицѣ фабричныхъ инспекторовъ англійскіе рабочіе нашли умѣлыхъ, энергичныхъ и добросовѣстныхъ защитниковъ ихъ интересовъ. Примѣръ Англіи оказалъ въ данномъ отношеніи крупную услугу и другимъ странамъ. Типъ фабричнаго инспектора, какъ органа общественной власти, призваннаго къ защитѣ слабыхъ и угнетенныхъ противъ произвола сильныхъ, столь не похожій на обычную фигуру чиновника-администратора, механическаго исполнителя предписаній свыше, появился впослѣдствіи и на континентѣ, когда фабричное законодательство стало распространяться въ другихъ европейскихъ государствахъ. Но если въ континентальныхъ странахъ фабричные инспектора иногда оказывались не на высотѣ задачи, возложенной на нихъ закономъ, если давленіе бюрократическаго режима формировало ихъ по общему шаблону административныхъ агентовъ, то въ Англіи фабричные инспектора постоянно сохраняли свои характерныя черты присяжныхъ защитниковъ интересовъ трудящихся классовъ. Ихъ дѣятельности англійскіе рабочіе обязаны многими полезными измѣненіями въ обстановкѣ и условіяхъ ихъ труда, согласно требованіямъ закона. Безъ неуклонной защиты фабричныхъ инспекторовъ многія изъ подобныхъ постановленій остава-

лись бы мертвой буквой, благодаря уверткамъ фабрикантовъ, не желавшихъ подчиняться требованіямъ закона, если только къ тому была какая-либо возможность.

Послѣ закона 1833 года можно уже говорить и о содержаніи нормъ, регулировавшихъ фабричныя отношенія. Въ чемъ же заключались мѣры, которыми англійское законодательство стремилось тогда устранить бѣдствія фабричной работы?

Сравнивая эти первоначальныя попытки законодательства съ обширной и сложной системой современныхъ фабричныхъ законовъ, мы не можемъ не видѣть, что онѣ были еще крайне слабы. Была запрещена работа дѣтей ниже девятилѣтняго возраста; работа дѣтей отъ 9 до 13 лѣтъ могла продолжаться только до 8 часовъ; ночной трудъ (между $8^1/_2$ часами вечера и $5^1/_2$ часами утра) былъ запрещенъ дѣтямъ и подросткамъ до 18-лѣтняго возраста. Дневная работа подростковъ была ограничена 12 часами. И, однако, въ этихъ немногихъ постановленіяхъ закона чувствуется серьезный поворотъ въ экономическихъ отношеніяхъ. Законодательство на практикѣ разрывало уже съ доктриной промышленной свободы, прикрывавшей всѣ злоупотребленія фабрикантовъ. Неудивительно, что предприниматели встрѣтили крайне недружелюбно актъ 1833 г.; вначалѣ они открыли походъ вообще противъ вмѣшательства государства въ экономическія отношенія; когда же этотъ походъ окончился неудачей, они прибѣгли къ разнообразнымъ уловкамъ, чтобы обойти ненавистныя имъ постановленія закона. Такъ какъ возрастъ дѣтей, поступающихъ на фабрику, опредѣлялся по наружному осмотру, то

фабриканты довольно легко могли принимать дѣтей моложе, чѣмъ было предписано закономъ. Противъ этихъ злоупотребленій мало помогали и мѣры фабричныхъ инспекторовъ. Напр., извѣстный фабричный инспекторъ Горнеръ предложилъ брать признакомъ ростъ (3 фута 10 дюймовъ, какъ minimum для девятилѣтнихъ дѣтей); однако, эта мѣра была неудачна, такъ какъ норма была назначена слишкомъ низкая, да, кромѣ того, сами родители, не научившіеся еще цѣнить значеніе фабричнаго законодательства для ихъ дѣтей, помогали продѣлкамъ фабрикантовъ, приводя къ инспектору для осмотра старшихъ дѣтей или подкладывая маленькимъ дѣтямъ вату въ чулки, чтобы они казались выше. Съ другой стороны, въ случаѣ возбужденія инспекторомъ судебнаго преслѣдованія противъ фабрикантовъ, послѣдніе могли надѣяться на благосклонное отношеніе судей, которые въ то время имѣли еще право разбирать дѣла по нарушеніямъ фабричныхъ законовъ, принадлежа сами къ классу фабрикантовъ. Дѣйствительно, судьи или оправдывали провинившихся хозяевъ, или назначали весьма низкіе штрафы; случаи незаконной работы нѣскольк и х ъ дѣтей считались обыкновенно за одно преступленіе, и штрафъ назначался какъ за незаконное употребленіе на работу одного ребенка [1]).

Но самой существенной уловкой фабрикантовъ было изобрѣтеніе системы смѣнъ. Такъ какъ ночное время было ограничено довольно узкими предѣлами (между $8^1/_2$ часовъ вечера и $5^1/_2$ утра), то фабриканты устраивали въ разрѣшенные часы сложную

---

[1]) *Plener*, указ. соч., стр. 16—18.

систему послѣдовательныхъ смѣнъ, благодаря которой можно было попрежнему пользоваться все время дѣтскимъ трудомъ. Ограниченіе же количества рабочихъ часовъ для каждаго ребенка приносило фабричнымъ дѣтямъ мало пользы, потому что свободные промежутки между смѣнами были слишкомъ коротки. Вмѣсто того, чтобы хорошенько отдохнуть и выспаться, дѣти вяло слонялись изъ угла въ уголъ или засыпали тревожнымъ сномъ, пока ихъ не подымалъ призывъ на работу. Фабричные инспектора указывали на вредное вліяніе системы смѣнъ; однако, прошло цѣлыхъ десять лѣтъ, пока законодательство приняло мѣры противъ этихъ злоупотребленій [1]). Законъ 1844 года постановилъ, что каждый ребенокъ можетъ работать на фабрикѣ только въ обѣденной или послѣобѣденной смѣнѣ. Количество рабочихъ часовъ было сокращено при этомъ до $6^1/_2$ или 7 часовъ въ сутки. Но если ребенокъ работалъ въ одной смѣнѣ даже и меньше этого количества, фабрикантъ все-таки не имѣлъ права заставлять его работать въ другой смѣнѣ. Этимъ же закономъ впервые былъ запрещенъ въ Англіи женскій трудъ (взрослыхъ женщинъ, потому что дѣвочки и дѣвушки до 18 лѣтъ были уже

---

[1]) Несмотря, однако, на всѣ старанія фабрикантовъ, фабричное законодательство стало давать уже осязательные результаты. Такъ, напр., количество дѣтей, занятыхъ на контролируемыхъ закономъ фабрикахъ, значительно сократилось.

Въ 1835 году (до вступленія въ законодательную силу акта 1833 года) было занято:
на 3.164 контр. фабрикахъ 56.455 дѣт.
Въ 1838 году » 4.217 » » 29.283 »

охранены нормами о трудѣ подростковъ и дѣтей). Женщины старше 18 лѣтъ были приравнены къ подросткамъ (т.-е. получили 12-часовой рабочій день). Вновь было возстановлено (хотя и въ ограниченномъ объемѣ) старое правило (введенное еще закономъ 1831 года и вскорѣ отмѣненное закономъ 1833 года), что мировые судьи-фабриканты не могутъ рѣшать дѣла о нарушеніи фабричныхъ законовъ. Именно, было постановлено, что отъ разбора такихъ дѣлъ исключаются мировые судьи, владѣющіе фабрикой, на которой произошло разбираемое нарушеніе закона, или которые приходятся родственниками ея владѣльцу (братья, отцы или сыновья). Между тѣмъ законъ 1831 г. исключалъ отъ разбора дѣлъ по нарушенію фабричнаго законодательства всѣхъ мировыхъ судей, которые были фабрикантами. Наконецъ были болѣе подробно опредѣлены и усилены штрафы за нарушеніе фабричнаго законодательства. Черезъ три года послѣ изданія разсматриваемаго закона чрезъ парламентъ прошелъ еще болѣе важный билль въ защиту рабочихъ. Благодаря ненависти торійской партіи (землевладѣльческой) къ либераламъ (торгово-промышленному классу), проведшимъ въ предыдущемъ году послѣ долгой и усиленной агитаціи законъ объ отмѣнѣ хлѣбныхъ пошлинъ, сторонникамъ рабочаго класса удалось найти парламентское большинство для новаго фабричнаго закона. Рабочій день подростковъ и всѣхъ работницъ былъ ограниченъ десятью часами. Это и есть знаменитый «десятичасовой билль», противъ котораго съ такой яростью ратовали представители класса капиталистовъ.

Однако получивъ въ короткій срокъ два тяжкихъ

пораженія со стороны законодательства, фабриканты старались, насколько было возможно, фактически противодѣйствовать вліянію изданныхъ законовъ. Такъ какъ занятія дѣтей въ послѣобѣденной смѣнѣ могли продолжаться до поздняго вечера ($8^1/_2$ часовъ), то фабриканты старались держать ихъ въ этой смѣнѣ до того времени, когда кончали работу взрослые. Они не останавливались при этомъ не только передъ обходомъ закона, но и передъ прямымъ нарушеніемъ его требованій, не давая работавшимъ дѣтямъ ни малѣйшей паузы для отдыха (которая была, однако, установлена закономъ). Конечно, фабричные инспектора во всѣхъ случаяхъ, когда обнаруживались такія злоупотребленія, возбуждали судебное преслѣдованіе противъ фабрикантовъ.

Тогда фабриканты стали осаждать петиціями министра Грея, главнаго начальника фабричной инспекціи, и добились, въ концѣ-концовъ, что Грей издалъ 5 августа 1848 г. циркуляръ, въ которомъ фабричнымъ инспекторамъ внушалось «не вступаться за нарушеніе буквы закона». Шотландскій инспекторъ (Джемсъ Стюартъ) оказался при этомъ податливѣе, чѣмъ инспектора собственной Англіи (гдѣ, главнымъ образомъ, и была развита фабричная промышленность), которые имѣли смѣлость возразить, что постановленіе министра не можетъ останавливать дѣйствія существующихъ законовъ, и продолжали поступать попрежнему [1]). Къ представленіямъ фабричныхъ инспекторовъ, указывавшихъ на вредныя послѣдствія системы смѣнъ, присоединился въ концѣ

[1]) При этомъ инспектора южнаго и восточнаго округовъ находили себѣ поддержку въ судьяхъ, которые обвиняли фабрикантовъ, нарушавшихъ требованія закона; извѣстный

40-хъ гг. голосъ и самихъ рабочихъ. Рабочіе горячо протестовали противъ уловокъ, практиковавшихся фабрикантами, и вскорѣ добились осуществленія своихъ требованій.

Въ 1850 г. былъ изданъ законъ, которымъ время работы дѣтей было опредѣлено между 6 часами утра и 6 часами вечера, причемъ долженъ былъ быть установленъ перерывъ для принятія пищи въ сложности въ $1^1/_2$ часа и одновременно для всѣхъ работниковъ. Этимъ закономъ положенъ былъ конецъ столь ненавистной рабочимъ системѣ смѣнъ. Послѣ этого первоначальнаго бурнаго періода въ исторіи фабричнаго законодательства Англіи наступаетъ затишье. Защита закона распространяется постепенно на новыя отрасли промышленности, не возбуждая, какъ прежде, ожесточенной борьбы со стороны фабрикантовъ. Когда засѣдала комиссія, назначенная по предложенію лорда Шафтсбюри для выясненія вопроса о желательномъ распространеніи фабричнаго законодательства на незащищенныя еще отрасли промышленности (1862—1864 гг.), не видно было прежней вражды и страстности въ обсужденіяхъ. «Рѣшительное улучшеніе въ положеніи текстильныхъ рабочихъ въ матеріальномъ и моральномъ отношеніяхъ,—говоритъ

же инспекторъ манчестерскаго округа Леонардъ Горнеръ встрѣтилъ такую оппозицію со стороны судей его округа сочувствовавшихъ фабрикантамъ, что прямо заявилъ въ офиціальномъ отчетѣ о своемъ полномъ безсиліи: «Вслѣдствіе того, что одинъ случай былъ отвергнутъ три раза, всѣ фабрики въ предѣлахъ судебнаго округа, въ которомъ дѣйствуетъ г. Гринъ, могутъ работать системой смѣнъ подростковъ и женщинъ, и я не имѣю возможности помѣшать этому». *Hutchins and Harrison*, указ. соч., стр. 103.

Пленеръ,—и непрерывное увеличеніе производства, несмотря на сокращеніе часовъ труда, постепенно убѣдило фабрикантовъ и публику, что ихъ первоначальная ожесточенная оппозиція законодательному уменьшенію часовъ труда была неправильна и лишена основаній, и что дальнѣйшее распространеніе фабричнаго законодательства на другія отрасли промышленности не будетъ сопряжено съ разорительными послѣдствіями, какъ это предполагалось и предсказывалось обыкновенно въ 1843 г. [1]).

Парламентская комиссія, назначенная въ 1862 г. по предложенію лорда Шафтсбюри для изслѣдованія вопроса о положеніи дѣтей и подростковъ въ незащищенныхъ еще отрасляхъ промышленности, доставила, между прочимъ, весьма цѣнный матеріалъ объ условіяхъ труда въ мастерскихъ. Опираясь на данныя, собранныя этой комиссіей, м-ръ Вальполь провелъ въ 1867 году билль, имѣвшій весьма важное значеніе, какъ поворотный пунктъ въ развитіи фабричнаго законодательства. Закономъ 1867 года была впервые принципіально признана законодательная охрана труда въ мастерскихъ, въ которыхъ злоупотребленія дѣтскимъ трудомъ были, по словамъ Вальполя, «вдесятеро сильнѣе», чѣмъ на фабрикахъ [2]). При этомъ крупныя мастерскія (съ количествомъ рабочихъ, превышающимъ 50 человѣкъ) были подчинены общему надзору фабричной инспекціи, мелкія же были поста-

---

[1]) *Plener*, указ. соч., стр. 56—57.

[2]) Частныя попытки регулированія труда въ мастерскихъ были уже сдѣланы незадолго передъ тѣмъ законами 1863 г (для пекаренъ) и 1864 г. (горшеч. произв., изготовл. зажигательныхъ спичекъ и нѣкоторыхъ др.).

влены подъ контроль мѣстныхъ органовъ управленія. Мотивомъ для этого послужили соображенія экономіи. Было вычислено, что новый законъ долженъ распространяться на 100.000 по большей части мелкихъ предпринимателей, для надзора за которыми понадобилась бы цѣлая армія инспекторовъ.

Степень охраны, дарованная этимъ закономъ, была въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ слабѣе, чѣмъ на фабрикахъ. Но главнымъ недостаткомъ новаго закона была слабость надзора. Мѣстные органы, къ которымъ обращался законъ, были — санитарные чиновники и строительная полиція, имѣющая санитарныя полномочія. Но муниципальное управленіе не спѣшило напомнить этимъ органамъ объ ихъ новыхъ обязанностяхъ. Фабричные инспектора напрасно тратили время, разъясняя городскимъ властямъ благодѣтельный характеръ принятой мѣры. Большинство городскихъ управленій относилось съ явнымъ несочувствіемъ къ закону 1867 г., будучи или непосредственно заинтересовано въ его неисполненіи или опасаясь мести городскихъ избирателей. Члены одного городского совѣта, напр., прямо заявляли, что если бы они приняли мѣры къ исполненію закона, «то на слѣдующихъ выборахъ городскихъ совѣтниковъ это имъ припомнили бы, и дѣло кончилось бы тѣмъ, что ихъ вышвырнули бы». Единственными исключеніями были лишь города Лейстеръ, Ноттингэмъ, Ликъ и Стаффордъ, гдѣ новый законъ стали сразу же примѣнять вполнѣ добросовѣстно. Фабричные инспектора обратили вниманіе правительства на неудовлетворительность такого порядка, и въ результатѣ ихъ настояній въ 1871 году

надзоръ за мастерскими былъ переданъ фабричной инспекціи [1]).

Обиліе фабричныхъ законовъ, не приведенныхъ къ единству, въ половинѣ 70-хъ гг. доставляло уже столько неудобствъ, что была назначена спеціальная комиссія по вопросу объ объединеніи существующаго фабричнаго законодательства. Въ результатѣ ея трудовъ и явился консолидированный актъ 1878 года, который замѣнилъ собой всѣ многочисленныя постановленія прежнихъ лѣтъ, сохранившія силу, и, такимъ образомъ, въ одномъ удобообозримомъ и стройно формулированномъ актѣ выражалъ все, что давало законодательство въ смыслѣ охраны фабричнаго труда. Впрочемъ, въ немъ содержатся и кое-какія прибавки, которыхъ не было въ замѣненныхъ имъ предыдущихъ законахъ. Основныя постановленія этого акта сводятся къ слѣдующему:

1) Каждый фабрикантъ обязывается содержать свое заведеніе въ чистотѣ, т.-е. долженъ устроить приспособленія для достаточной вентиляціи воздуха, удаленія нечистотъ и отбросовъ; черезъ опредѣленные промежутки времени долженъ заботиться о мытьѣ, бѣленьѣ и крашеньѣ половъ и стѣнъ фабричныхъ зданій.

2) На каждой фабрикѣ должны быть устроены необходимыя для безопасности работы огражденія фабричныхъ механизмовъ.

3) Запрещается совершенно работа дѣтей до 10-лѣтняго возраста. Дѣти отъ 10 до 14 лѣтъ должны

---

1) *Hutchins and Harrison*, стр. 225—230. Ср. также The case for the Factory Acts, стр. 119—120 и *O. Weyer*, Die englische Fabrikinspektion. Ein Beitrag zur Geschichte der Fabrikgesetzgebung in England. Tübingen, 1888, стр. 205—212.

работать не болѣе 6, и въ исключительныхъ случаяхъ не болѣе 7 часовъ, причемъ они могутъ быть заняты или только въ утреннюю смѣну — отъ 6 или 7 часовъ утра до 1 часу дня или только въ послѣобѣденную смѣну—отъ 1 часу дня до 6 или 7 часовъ вечера; только въ домашнихъ мастерскихъ работа дѣтей можетъ продолжаться до 8 часовъ вечера. Подростки отъ 14 до 18 лѣтъ должны работать на фабрикахъ, обрабатывающихъ волокнистыя вещества, не болѣе 12 часовъ съ перерывомъ въ два часа (10 часовъ дѣйствительной работы); на другихъ фабрикахъ длина перерыва опредѣлена въ $1^1/_2$ часа. Въ праздники работа запрещается, а также и въ полупраздники (какими считаются всѣ субботніе дни, съ 1 и 2 часовъ дня) [1].

При поступленіи ребенка на фабрику требуется медицинское свидѣтельство отъ спеціальнаго врача; если же фабричный инспекторъ найдетъ, что силы кого-либо изъ занятыхъ уже на фабрикѣ дѣтей

---

[1]) Женщины еще въ 1844 году были сравнены съ подростками въ условіяхъ ихъ законодательной охраны. Въ законѣ 1878 года, по настоянію извѣстнаго въ свое время экономиста манчестерской школы Фаусета, было сдѣлано исключеніе изъ этого правила для домашнихъ мастерскихъ, въ которыхъ женщины были объявлены «свободными» отъ законодательной защиты. Интересно, между прочимъ, вліяніе, оказанное въ данномъ случаѣ «дамами изъ общества», великодушно отдававшими свои силы дѣлу борьбы за женскую эмансипацію. Еще въ 1874 году тотъ же самый Фаусетъ пытался вычеркнуть такимъ же образомъ слово «женщины» изъ акта, регулировавшаго условія труда въ текстильной промышленности, но потерпѣлъ неудачу. Онъ натолкнулся здѣсь на сильную оппозицію трэдъ-юніоновъ хлопчатобумажной промышленности, находившихъ средства повліять на парламентъ и ясно сознававшихъ, что для нихъ нужно въ

слабы для возложенной на него работы, то онъ можетъ назначить вторичное освидѣтельствованіе врачемъ (до 16-лѣтняго возраста). Затѣмъ требуется ежедневное посѣщеніе школы всѣми фабричными дѣтьми, не имѣющими еще свидѣтельства объ окончаніи курса начальнаго училища. Фабричному инспектору должна быть представляема подробная отчетность о посѣщеніи школъ и успѣшности учащихся какъ администраціей фабрики, такъ и школьнымъ управленіемъ.

Послѣ закона 1878 года, какъ я уже упоминалъ, наиболѣе крупными явленіями въ развитіи англійскаго фабричнаго законодательства были законы 90-хъ гг. (1891, 1892, 1893, 1895 и 1899). Послѣ извѣстной намъ стачки докеровъ въ 1889 году правительство назначило комиссію для изслѣдованія положенія труда (Royal Commission on labour 1891 г.). Изслѣдованіе обнаружило много печальныхъ сто-

области охраны какъ мужского, такъ и женскаго труда. Въ 1878 же году положеніе Фаусета было гораздо благопріятнѣе. Женщины, работавшія въ мастерскихъ, не имѣли собственной организаціи, и тѣ союзы, какіе среди нихъ были, находились подъ покровительствомъ дамъ - филантропокъ, ратовавшихъ за политическія права женщинъ и за женскую эмансипацію вообще, но въ экономическихъ вопросахъ симпатизировавшихъ не работницамъ, а буржуазіи. Миссисъ Патерсонъ, одна изъ наиболѣе энергичныхъ дѣятелей женскаго движенія въ Англіи, находила, что защита женщинъ фабричнымъ закономъ противорѣчитъ идеѣ женской эмансипаціи. Однако, послѣ ея смерти (въ 1886 г.) даже союзы, основанные ею самой, немедленно же измѣнили прежней политикѣ и поставили своей задачей, между прочимъ, и борьбу за расширеніе законодательной защиты женщинъ. См. The case for the Factory Acts, стр. 90—92, и *Hutchins and Harrison* стр. 185—191.

ронъ въ положеніи низшихъ разрядовъ англійскихъ рабочихъ, подтвердивъ и свѣдѣнія, собранныя нѣсколько раньше специальной анкетой относительно «sweating system». Поэтому рѣшено было дополнить существующее законодательство усиленіемъ охраны этихъ разрядовъ населенія Англіи, до сихъ поръ весьма слабо защищенныхъ отъ притѣсненій и злоупотребленій предпринимателей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ были произведены улучшенія и въ законахъ, касающихся и другихъ категорій рабочихъ.

Наконецъ, въ 1901 году былъ изданъ новый консолидированный законъ, объединившій всѣ постановленія по охранѣ труда, изданныя съ 1878 года. Сводя въ немногіе общіе итоги современныя постановленія англійскаго фабричнаго законодательства, получаемъ слѣдующее:

1) Сфера распространенія законодательной охраны рабочихъ. Если сравнить постановленія современнаго законодательства съ актомъ 1802 года, то нельзя не видѣть громаднаго успѣха, сдѣланнаго охраной труда за истекшее столѣтіе. Законъ 1802 года распространялся только на шерстяныя и хлопчатобумажныя фабрики. Въ настоящее же время законъ различаетъ три основныхъ категоріи промышленныхъ заведеній, регулируемыхъ его нормами: «текстильныя фабрики», «не-текстильныя фабрики (всѣ остальныя заведенія, снабженныя механическими двигателями) и «мастерскія» (которыя, въ свою очередь, раздѣляются на просто «мастерскія» и «домашнія мастерскія»[1]). Доки, верфи,

---

[1]) Подъ «домашними» законъ понимаетъ такія мастерскія, гдѣ работаютъ только члены семьи хозяина мастерской.

товарные склады и прачечныя, которые съ закона 1895 года также поставлены подъ защиту фабричнаго законодательства, считаются или фабриками (если въ нихъ употребляются механическіе двигатели), или мастерскими (въ остальныхъ случаяхъ). Въ 90-хъ же гг. регулированіе было распространено и на торговыя заведенія (Shop-Hours Acts 1892, 1893 и 1895 и Seats for shop-assistants Act 1899).

2) Лица, охраняемыя фабричнымъ законодательствомъ, и ограниченія часовъ труда. Въ этомъ отношеніи современное законодательство также указываетъ на громадный прогрессъ. Законъ 1802 года относился только къ фабричнымъ «ученикамъ»; въ настоящее же время кругъ защитныхъ лицъ значительно расширенъ. При этомъ:

а) Совершенно запрещается поступать на работу дѣтямъ до 12 лѣтъ (для дѣтей старше этого возраста и подростковъ требуется каждый разъ свидѣтельство врача); дѣти обязаны посѣщать школу. Женщинамъ въ теченіе четырехъ недѣль послѣ родовъ работа также воспрещается [1]).

в) Ограниченія работы установлены: для дѣтей (отъ 12 до 14 лѣтъ), подростковъ (отъ 14 до 18 лѣтъ; работа не больше $56^1/_2$ часовъ въ недѣлю) и

---

[1]) Послѣднее запрещеніе было установлено закономъ 1891 года. По недосмотру составителя закона, въ формулировку его вкралась неточность, могущая приводить въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ несоблюденію его. Актъ говоритъ о «женщинахъ», но такъ какъ «женщинами» въ англійскомъ фабр. законодательствѣ называются «лица женскаго пола старше 18 лѣтъ», то можетъ случиться, что матери, которымъ не исполнилось еще 18 л., не будутъ въ состояніи воспользоваться правомъ, установленнымъ актомъ 1891 года. См. The case for the Factory Acts. стр. 93—94.

женщинъ (сравнены съ подростками, за исключеніемъ «домашнихъ мастерскихъ», гдѣ, какъ было указано выше, работа женщинъ не ограничивается). На фабрикахъ рабочій день подростковъ и женщинъ долженъ быть установленъ или между 6 часами утра и 6 часами вечера, или между 7 часами утра и 7 часами вечера. Для мастерскихъ же сдѣланы исключенія, благодаря чему ихъ положеніе въ этомъ отношеніи напоминаетъ еще текстильныя фабрики до закона 1850 года. Правда, мастерскія, въ которыхъ работаютъ не только женщины, но и подростки и дѣти, подлежатъ тѣмъ же правиламъ, что и (не-текстильныя) фабрики; но въ мастерскихъ, гдѣ работаютъ изъ защитныхъ лицъ только женщины, работа можетъ происходить въ любое время, между 6 часами утра и 9 вечера (въ теченіе не болѣе $10^1/_2$ часовъ). Въ домашнихъ же мастерскихъ и подростки могутъ работать между 6 часами утра и 9 вечера, а женскій трудъ совершенно не регулируется. Впрочемъ, эти правила, установленныя еще въ 1878 г., были нѣсколько смягчены законами 1891 и 1895 гг. Законъ 1891 г. установилъ для работы женщинъ въ «женскихъ мастерскихъ» періодъ занятія между 6 ч. утра и 6 часами вечера или 8 часами утра и 8 часами вечера, а работа въ болѣе растяжимый срокъ (между 6 часами утра и 10 вечера) допускается лишь для спеціально оговоренныхъ случаевъ. Актомъ 1895 г. м-ру внутр. дѣлъ предоставлено право сокращать спеціальными правилами періодъ занятій въ производствахъ, особо опасныхъ для здоровья.

Охрана труда **взрослыхъ мужчинъ** до сихъ поръ еще въ принципѣ не признается англійскимъ

законодательствомъ, но съ 1893 года и въ данномъ отношеніи сдѣлано уже одно интересное нововведеніе. Этимъ закономъ установлено правило, что въ министерство промышленности и торговли (board of trade) могутъ быть приносимы жалобы на чрезмѣрную продолжительность рабочаго дня на желѣзныхъ дорогахъ. Министерство передаетъ эти жалобы особому административному суду, рѣшеніямъ котораго желѣзнодорожныя компаніи должны подчиниться. Случаи такого соглашенія уже встрѣчались; вообще за короткій промежутокъ, прошедшій со времени изданія этого закона, длина рабочаго дня желѣзнодорожныхъ служащихъ замѣтно сократилась. Прежде желѣзнодорожная работа считалась одной изъ наиболѣе продолжительныхъ; въ настоящее же время максимумомъ работы желѣзнодорожныхъ служащихъ можно считать 12-часовой рабочій день. Есть случаи, гдѣ трудъ продолжается 10 и 8 часовъ.

3) Охрана здоровья и безопасности. Къ старымъ правиламъ, требовавшимъ только бѣленья рабочихъ помѣщеній, вентиляціи и т. п., съ 1844 года присоединилось запрещеніе чистки машинъ на ходу и требованіе огражденія опасныхъ частей машинъ [1]). Въ хлопчатобумажной промышленности существуютъ, кромѣ того, спеціальныя правила объ устраненіи пыли и регулированіи

[1]) Фабричные инспектора съ первыхъ же шаговъ ихъ дѣятельности настойчиво указывали на необходимость принятія этихъ мѣръ, такъ какъ множество несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ происходило именно отъ небрежности и жадности предпринимателей, не устраивавшихъ загражденій въ опасныхъ мѣстахъ и не дававшихъ рабочимъ времени для чистки машинъ.

температуры и влажности (законы 1864, 1877 и 1889 гг.). Во всѣхъ фабрикахъ и мастерскихъ запрещается переполненіе людьми рабочихъ помѣщеній (на каждаго работника должно приходиться не менѣе 250 кубич. футовъ пространства, а во время сверхурочныхъ работъ — не менѣе 400 футовъ). Въ производствѣ свинцовыхъ бѣлилъ, особенно вредномъ для здоровья, установлены тщательно разработанныя правила для вентиляціи, приспособленій для мытья, ваннъ, респираторовъ и другихъ предохранительныхъ средствъ. Кромѣ того, актомъ 1891 года министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено право издавать спеціальныя правила для всякаго рода производствъ, признаваемыхъ опасными.

4) Для дѣтей установлено обязательное посѣщеніе школы.

5) Запрещается расплата товарами (Truck System).

6) Надзоръ за исполненіемъ закона ввѣренъ теперь, по общему правилу, фабричнымъ инспекторамъ, среди которыхъ есть нѣсколько бывшихъ рабочихъ и женщинъ (съ недавняго времени).

Въ 1896 г. составъ англійской фабричной инспекціи (подчинена министру внутр. дѣлъ) слагался изъ одного главнаго инспектора, 7 инспекторовъ—суперъ-интендентовъ (въ томъ числѣ одна женщина), 44 инспекторовъ, 26 младшихъ инспекторовъ, 25 помощниковъ инспекторовъ, Examiners of Particulars (контролеровъ расцѣнокъ поштучной платы) и 4 женщинъ-инспекторовъ (всего 85 чел.) [1]. Домашнія

[1]) Объ условіяхъ назначенія и характерѣ дѣятельности англійскихъ инспекторовъ см. интересную статью д-ра *Демен-*

мастерскія, однако, и до сихъ поръ находятся только отчасти подъ надзоромъ фабричной инспекціи, главная же забота о соблюденіи регулирующаго ихъ законодательства предоставлена мѣстнымъ санитарнымъ властямъ. Поэтому въ большихъ городахъ еще можно ожидать исполненія закона; въ маленькихъ же городахъ и сельскихъ округахъ защита домашнихъ мастерскихъ, вѣроятно, примѣняется очень рѣдко [1]).

Наконецъ, исполненіе фабричныхъ законовъ въ Англіи гарантируется системой довольно чувствительныхъ штрафовъ, налагаемыхъ на хозяевъ промышленныхъ заведеній. Напримѣръ, при расплатѣ

тьева въ журналѣ «Промышленность и Здоровье» 1903 г. № 5 (февраль).

1) Вообще надзоръ за мастерскими составляетъ до сихъ поръ больное мѣсто англійской промышленной жизни. Даже послѣ 1871 года, когда къ этой обязанности были призваны фабричные инспектора, онъ мало примѣнялся на практикѣ, такъ какъ хозяева мастерскихъ не были обязаны заявлять фабричной инспекціи объ ихъ предпріятіяхъ. Многія мастерскія оставались совершенно неизвѣстными фабричной инспекціи. Но и послѣ установленія такой обязанности фабричные инспектора только постепенно пополняли свои свѣдѣнія о существующихъ мастерскихъ. Въ отчетѣ фабричной инспекціи 1893 г. число мастерскихъ, подлежащихъ надзору, было показано 86.915; въ отчетѣ 1897 г. уже—122.274. Насколько, однако, домашняя промышленность даже и при такихъ условіяхъ находитъ пути ускользнуть отъ общественнаго контроля, можно видѣть изъ слѣдующаго. По переписи 1891 года было найдено лицъ, занятыхъ въ производствѣ одежды,—1.048.681. Между тѣмъ въ 1896 г. всѣхъ лицъ, подлежащихъ надзору фабричной инспекціи въ этой отрасли промышленности, какъ на фабрикахъ, такъ и въ мастерскихъ, было зарегистрировано только 617.139. Слѣдовательно, цѣлыхъ 431.542 чел. оставались еще внѣ наблюденія фабричной инспекціи. См. *Ad. M. Anderson,* Die Arbeitsbedingungen in Hausindustrie und Heimarbeit nach

товарами, совершенной вопреки запрещенію закона, налагается штрафъ въ 10 фунтовъ за каждый платежъ при первомъ обнаруженіи нарушенія, 20 фунтовъ — при второмъ и 100 фунтовъ — при третьемъ. При неправильныхъ расцѣнкахъ поштучной платы въ текстильной промышленности назначается также 10 ф. штрафа. При нарушеніи закона о трудѣ женщинъ, подростковъ и дѣтей опредѣленъ штрафъ въ 3 ф. за каждый случай (т.-е. за каждое неправильно поставленное на работу лицо), если нарушеніе произведено днемъ, и въ 5 ф.—если ночью (за тѣ же нарушенія при домашней работѣ штрафъ значительно ниже—1 и 2 ф.) и т. д. [1]).

Исторія фабричнаго законодательства въ Англіи обнаруживаетъ крайнюю медленность и неравномѣрность развитія. Законодательство движется какъ бы ощупью, переходя отъ однхъ контретныхъ случаевъ къ другимъ и наталкиваясь на каждомъ

---

der Gesezgebung Englands. Schriften d. Ver. f. Socialpol. Bd. 87. стр. 144—146.

[1]) Изложеніе современнаго фабричнаго законодательства Англіи см., кромѣ уже указ. соч. *Hutchins and Harrison* и The case for Factory Acts, въ статьѣ Arbeiterschutzgesetzgebung въ Handwörterbuch Конрада 2-е изд., т. I (есть и русс. пер., изд. Водовозовой, подъ заглавіемъ «Законодательная охрана труда»), и у *I. H. van Zanten*, Die Arbeiterschutzgesetzgebung in den Europeischen Ländern. Jena, 1902, стр. 38—76 (послѣднее соч. содержитъ, впрочемъ, мало новыхъ данныхъ даже по сравненію со статьей въ Handwörterbuch). Полный сборникъ дѣйствующаго законодательства изданъ *Abraham* и *Davies* (The law relating to factories and workshops, 3-е изд. London, 1902). Въ немъ помѣщенъ уже и законъ 1901 года. Хорошій обзоръ текущихъ измѣненій въ фабрич. законодательствѣ Англіи (равно какъ и другихъ странъ, кромѣ Россіи) даетъ издаваемый съ января 1902 г. «Bulletin des Internationalen Arbeitsamtes».

шагу на упорное сопротивленіе со стороны заинтересованныхъ группъ населенія. Поэтому, несмотря на столѣтнюю исторію и на массу усилій. затраченныхъ прогрессивными элементами общества, англійское законодательство и до сихъ поръ во многихъ отношеніяхъ оказывается еще весьма мало совершеннымъ. Напримѣръ, защитный возрастъ дѣтей и теперь еще въ Англіи ниже, чѣмъ въ Германіи, и не превышаетъ нормы, установленной для Россіи. Судьба болѣе демократическихъ странъ, гдѣ на пути соціальныхъ реформъ не стояли столь могущественныя препятствія, была гораздо счастливѣе. Охрана труда особенно далеко подвинулась, напр., въ Швейцаріи — наиболѣе демократическомъ изъ европейскихъ государствъ, и австралійскихъ колоніяхъ Англіи—наиболѣе прогрессивныхъ изъ всѣхъ современныхъ политическихъ союзовъ.

Съ 1891 года дѣйствіе фабричнаго законодательства въ Швейцаріи распространяется на: 1) всѣ промышленныя предпріятія, имѣющія болѣе 10 рабочихъ; 2) имѣющія болѣе 5 рабочихъ и употребляющія механическіе двигатели, представляющіе нѣкоторую опасность; имѣющія менѣе 5 рабочихъ, но представляющія особенную опасность для жизни и здоровья.

Во всѣхъ защищенныхъ закономъ предпріятіяхъ совершенно запрещается работа дѣтямъ до 14 лѣтъ. Такимъ путемъ, помимо охраны здоровья, достигается, естественно, и наилучшее прохожденіе школы. Дѣти поступаютъ на фабрику въ такомъ возрастѣ, когда значительная часть курса начальной школы ими уже пройдена. Дѣтямъ-подросткамъ до 18 лѣтъ и всѣмъ женщинамъ запрещается ночная и воскресная работы. На время родовъ женщины освобо-

ждаются отъ занятій на 8 недѣль (считая время до и послѣ родовъ). Для всѣхъ взрослыхъ рабочихъ работа не можетъ продолжаться болѣе 11 часовъ въ день, а передъ праздниками—болѣе 10 часовъ въ день; при этомъ работы могутъ производиться только между 6 (лѣтомъ 5) часами утра и 8 часами вечера. Дѣти въ возрастѣ отъ 14 до 16 лѣтъ, занятыя на фабрикѣ, обязаны посѣщать школу, при чемъ время школьныхъ занятій и фабричной работы не должно превышать въ совокупности 11 часовъ въ день. Для всѣхъ рабочихъ установлена обязательная обѣденная пауза въ одинъ часъ, для женщинъ - хозяекъ — 1½ часа; лицамъ, желающимъ обѣдать при фабрикѣ, должна быть устроена даромъ приличная столовая (отапливаемая зимой). Ночная работа допускается только по особому разрѣшенію и исключительно лишь для взрослыхъ мужчинъ.

Органомъ надзора за исполненіемъ закона и здѣсь служитъ фабричная инспекція, общая для всего союза. Вся швейцарская территорія дѣлится на три фабричныхъ округа. Такъ какъ размѣры округовъ слишкомъ велики для одного инспектора, то была установлена должность помощниковъ инспекторовъ; въ нѣкоторыхъ же кантонахъ для надзора за промышленными заведеніями существуютъ особыя фабричныя комиссіи. Въ отдѣльныхъ кантонахъ были сдѣланы попытки расширить сферу распространенія фабричнаго законодательства, установленную для всего союза. Такъ, въ Базелѣ - городѣ охрана распространяется на модистокъ и ресторанную прислугу [1]).

[1]) См. указ. статью въ словарѣ *Конрада*.

Среди австралійскихъ колоній въ дѣлѣ охраны труда особенно выдѣляются Викторія и Новая Зеландія, при чемъ наиболѣе характерной чертой дѣйствующаго въ нихъ законодательства представляется законодательное регулированіе высоты заработной платы (непосредственное въ Викторіи и въ видѣ рѣшеній третейскаго суда въ Новой Зеландіи). Объ обязательномъ третейскомъ судѣ въ Новой Зеландіи я уже имѣлъ случай говорить. Здѣсь я отмѣчу лишь нѣкоторыя особенности новозеландскаго фабричнаго законодательства, которыхъ намъ не приходилось касаться въ предшествующемъ изложеніи и которыя представляютъ также крупный шагъ впередъ въ дѣлѣ защиты трудящихся. Закономъ 1894 г. въ Новой Зеландіи было установлено, что подъ фабрикой понимается всякое мѣсто, гдѣ два или болѣе лицъ (включая въ это число и предпринимателя) заняты изготовленіемъ предметовъ на продажу, и установлена обязательная регистрація всѣхъ такихъ мѣстъ. Иначе говоря, съ этого времени въ Новой Зеландіи регулированію фабричнаго законодательства подлежатъ уже всѣ промышленныя работы, за исключеніемъ лишь случаевъ, когда одинъ человѣкъ работаетъ въ собственномъ помѣщеніи. Но и въ этихъ случаяхъ, если работающій изготовляетъ что-либо не за собственный счетъ, а для какого-либо предпріятія, то къ его продукту прикрѣпляется особый билетикъ, съ отмѣткой, что работа выполнена на квартирѣ и съ указаніемъ имени и адреса работника. Это дѣлается для того, чтобы работа внѣ мастерской не ускользала отъ контроля и въ томъ случаѣ, если помѣщеніе, гдѣ она выполнена, не зарегистрировано въ качествѣ

«фабрики». Прикрѣпленный билетикъ, подъ угрозой наказанія, не можетъ быть никѣмъ снятъ раньше, чѣмъ данная вещь продана [1]).

Защитный возрастъ опредѣленъ, начиная съ 16 лѣтъ. Лица до 16 лѣтъ, по общему правилу, не допускаются къ работамъ. Исключаются лишь тѣ, которыя достигли извѣстной степени образованія и получили спеціальное свидѣтельство о физической годности отъ фабричнаго инспектора [2]). Подростками считаются лица до 18 лѣтъ. Продолжительность труда ихъ (равно какъ и женщинъ) не должна превышать 48 часовъ въ недѣлю. Сверхурочныя работы ихъ должны оплачиваться не менѣе, чѣмъ шестью пенсами (24 коп.) въ часъ, и дозволяются только въ теченіе 28 дней въ году и притомъ— что весьма важно—съ предварительнаго разрѣшенія фабричнаго инспектора въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Субботній полупраздникъ долженъ быть

---

1) Вотъ образчикъ такого билетика, приводимый *Ривсомъ* въ его «State Experiments»:

СДѢЛАНО АННОЙ БРАУНЪ, въ № 3 по Таможенной улицѣ, въ ЧАСТНОЙ КВАРТИРѢ или НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННОЙ МАСТЕРСКОЙ. Прикрѣпленъ на основаніи фабричнаго акта. *Всякое лицо, незаконно снявшее или испортившее этотъ билетъ, будетъ преслѣдуемо.*

2) Благодаря этой оговоркѣ, на работы могутъ попасть и лица отъ 14 до 15 лѣтъ (если они прошли четыре класса государственной школы). Для самыхъ мелкихъ мастерскихъ инспектора могутъ дать разрѣшеніе и дѣтямъ ниже 14 лѣтъ, но такія свидѣтельства выдаются очень рѣдко.

предоставленъ не только срочнымъ, но и сдѣльнымъ рабочимъ. Если въ заведеніи работаютъ болѣе шести женщинъ или подростковъ, то для нихъ должна быть устроена тамъ столовая.

Въ томъ, что касается огражденія машинъ, вентиляціи рабочихъ помѣщеній, устраненія переполненія ихъ, санитарныхъ приспособленій и т. п., новозеландскій законъ содержитъ гарантіи, обычныя въ законодательствѣ и другихъ странъ [1]).

Въ законодательствѣ Викторіи особенный интересъ привлекаетъ новый опытъ—законодательнаго регулированія заработной платы, имѣющій въ виду установить твердый минимумъ, ниже котораго плата не могла бы упасть, каково бы ни было соотношеніе силъ хозяевъ и рабочихъ. Актъ 1896 года, которымъ было установлено такое регулированіе (The Factories and Shops Law of 1896, обыкновенно называемый кратко Minimum Wage Law), имѣлъ за собой непродолжительную, но бурную и интересную исторію.

Еще въ 80-хъ гг. въ англо-саксонскомъ мірѣ представители рабочихъ классовъ и ихъ сторонники съ особенной энергіей выдвигали принципъ «платы, достаточной для жизни» (Living Wage). Бѣдствія, испытываемыя рабочими въ sweated industries, усиленныя, кромѣ того, въ большихъ городахъ дурными жилищными условіями, вызывали повсюду единодушное негодованіе и протесты. Но если велико было возбужденіе, вызванное разоблаченіями 80-хъ годовъ въ Англіи, то можно себѣ представить степень негодованія, испытаннаго самыми умѣренными

[1]) The case for the Factory Acts, стр. 181—185; *Reeves*, State Experiments, II, стр. 36—43.

людьми колоніи, которую было принято считать чуть не раемъ для рабочаго человѣка, когда и въ ней обнаружились такія же язвы, какъ и въ Старомъ мірѣ—поразительная эксплуатація, съ одной стороны, и ужасающія угнетеніе и нищета — съ другой. Газеты забили набатъ. Одинъ изъ вліятельнѣйшихъ органовъ австралійской прессы, газета «Age», въ общемъ гораздо болѣе склонная становиться на сторону буржуазіи, чѣмъ рабочихъ, открыла кампанію противъ «sweating system». Общественное мнѣніе заволновалось. Была назначена парламентская комиссія для изслѣдованія условій труда, отчетъ которой (выпущенный въ 1884 году) только подтвердилъ предыдущія свѣдѣнія. Оказалось, что хотя въ лучшихъ отрасляхъ промышленности Викторіи часы труда не превышали восьми, зато въ то же время въ другихъ они доходили до 18 для мужчинъ и 16 для женщинъ. Плата за работы, выполняемыя внѣ фабрики, была мала до смѣшного. Подъ видомъ учениковъ на фабричныя работы принимались дѣти безъ всякой платы и послѣ трехлѣтняго срока ученичества или нѣсколько раньше изгонялись подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Дѣвушки добывали шитьемъ отъ двухъ до двѣнадцати шилл. въ недѣлю при двѣнадцатичасовомъ рабочемъ днѣ. Законъ, наскоро проведенный въ 1885 г., не поправилъ дѣла, и агитація противниковъ sweating продолжалась. 9 іюня 1890 года въ главномъ городѣ Викторіи—Мельбурнѣ—собрался грандіозный митингъ протеста, единодушно провозгласившій резолюцію противъ существующихъ условій труда и въ пользу немедленной реформы. Агитація нашла себѣ поддержку и въ офиціальныхъ кру-

гахъ: вышедшій вскорѣ отчетъ главнаго фабричнаго инспектора указывалъ на то, что въ шитьѣ бѣлья средній заработокъ равнялся 11 шилл. 3 пенсамъ въ недѣлю. Положеніе рабочихъ въ этомъ промыслѣ инспекторъ находилъ «поистинѣ жалкимъ».

Въ 1893 году дѣло было еще хуже. Страна переживала сильное промышленное потрясеніе, и заработная плата повсюду упала. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ухудшенію положенія рабочихъ способствовала еще конкуренція мастерскихъ, гдѣ примѣнялся крайне дешевый трудъ китайскихъ рабочихъ (въ производствѣ мебели). Безработица приняла угрожающіе размѣры. Въ 1891 году на «бѣлыхъ» (т.-е. не-китайскихъ) фабрикахъ мебели работало 1.230 ч.; черезъ два года ихъ осталось всего 471. Хозяева до того понизили плату, что даже восточное терпѣніе истощилось, и Австралія увидѣла, говоритъ Ривсъ, рѣдкое зрѣлище стачки китайцевъ. Новая комиссія, назначенная для изслѣдованія sweating, опять собрала множество данныхъ, съ очевидностью указывавшихъ на необходимость реформы. Принципъ законодательнаго минимума заработной платы былъ тогда уже серьезно поставленъ на очередь. Нижняя палата парламента приняла его для рабочихъ, занятыхъ въ правительственныхъ предпріятіяхъ; ея примѣру послѣдовало и городское управленіе Мельбурна (Metropolitan Board of Works for Melbourne). М-ръ Пикокъ, впослѣдствіи премьеръ колоніи, составилъ еще болѣе смѣлый проектъ, который, послѣ кратковременной борьбы, и сталъ закономъ 1 октября 1896 года.

Актъ 1896 года, кромѣ ряда постановленій обычнаго характера, на которыхъ мы здѣсь не будемъ

останавливаться, содержитъ правила относительно учрежденія особыхъ «бюро для регулированія заработной платы», которыя и представляютъ собой нововведеніе, проложившее новый путь для общественнаго контроля въ области хозяйственной дѣятельности. Актъ распространяется только на городскія поселенія; но сельскія мѣстности могутъ быть включены распоряженіемъ губернатора колоніи. Подъ фабрикой или мастерской (work room) понимается всякое мѣсто, гдѣ изготовляются предметы на продажу и гдѣ: 1) работаютъ четыре или болѣе лицъ; 2) употребляется паровой, водяной, газовый, керосиновый или электрическій двигатель; 3) работаютъ одинъ китаецъ или болѣе; 4) изготовляется мебель или печется хлѣбъ или пирожныя на продажу.

Спеціальныя бюро для установленія заработной платы могутъ быть немедленно учреждены въ производствѣ одежды, мебели, хлѣбопекарномъ и мясномъ промыслахъ. Кромѣ того, бюро могутъ быть учреждаемы и во всякой другой отрасли промышленности, но на основаніи особой резолюціи обѣихъ палатъ парламента. Бюро слагаются изъ членовъ (не менѣе 4 и не болѣе 10) и предсѣдателя, назначаемыхъ на два года. Половина членовъ выбирается предпринимателями, половина—рабочими. Если члены не будутъ избраны, то они назначаются губернаторомъ. Предсѣдатель избирается членами бюро, но не изъ ихъ среды; въ случаѣ же, если такое избраніе не состоится, предсѣдатель назначается губернаторомъ [1]).

---

[1]) Исключеніе изъ этихъ правилъ установлено только для производства мебели, гдѣ весь составъ бюро назначается гу-

Предсѣдатель и члены бюро получаютъ вознагражденіе за трудъ (предсѣдатель — одинъ фунтъ за полный день, и члены — 10 шилл.; за полдня уплачиваются половинныя нормы) и путевые расходы.

Кромѣ опредѣленія заработной платы, бюро можетъ устанавливать и другія правила (напр., объ отношеніи числа учениковъ къ взрослымъ рабочимъ и т. п.). Рѣшенія бюро имѣютъ силу для всего городского населенія и могутъ быть распространены губернаторомъ и на всю территорію колоніи. Для престарѣлыхъ или слабыхъ рабочихъ главный фабричный инспекторъ можетъ дать разрѣшеніе работать и за меньшую сумму, чѣмъ минимальная плата, установленная бюро. Для устраненія случаевъ безплатной работы (подъ видомъ «учениковъ») въ самомъ законѣ опредѣлено, что всякій работающій на фабрикахъ или мастерскихъ, регулируемыхъ закономъ, долженъ получать не меньше 2 ш. 6 п. въ недѣлю.

Въ началѣ 1897 года на основаніи разсматриваемаго закона открыли уже свои дѣйствія шесть бюро, состоявшія каждое изъ десяти членовъ (5 отъ предпринимателей и 5 отъ рабочихъ). Пять бюро были избраны: 1) въ хлѣбопекарномъ производствѣ; 2) изготовленіи мужской и дѣтской одежды; 3) производствѣ обуви; 4) шитьѣ рубашекъ и 5) нижняго бѣлья, и одно назначено губернаторомъ (въ производствѣ мебели). Дѣятельность бюро не вездѣ шла одинаково гладко. Помимо затрудненій, обычныхъ во всякомъ новомъ дѣлѣ, нѣкоторыя отрасли

бернаторомъ. Это сдѣлано для того, чтобы на выборъ бюро не повліяли китайцы, которыхъ много именно въ этой отрасли промышленности Викторіи.

промышленности представляли своеобразныя особенности, требовавшія очень сложной системы установленія минимальныхъ нормъ, не устранявшей, однако, возможности нѣкоторыхъ невыгодныхъ последствій для рабочихъ. Въ производствѣ мебели дѣятельность бюро сильно тормозилась злоупотребленіями китайскихъ мастерскихъ, гдѣ хозяевъ поддерживали въ обходѣ установленныхъ правилъ и сами рабочіе. И тѣмъ не менѣе даже въ этой отрасли промышленности послѣ учрежденія бюро условія труда значительно улучшились, а въ другихъ были достигнуты весьма крупные результаты. Напр., плата взрослымъ рабочимъ въ булочныхъ была сразу поднята на 25%. Въ портняжномъ промыслѣ (гдѣ дѣятельность бюро была въ первое время очень затруднительна) заработная плата мужчинъ и мальчиковъ поднялась въ среднемъ съ 35 шилл. 3 пен. до 40 шилл. 3 пен. въ недѣлю, женщинъ и дѣвочекъ—съ 15 шилл. 5 пен. до 18 шилл. 3 пен., и въ 1891 г. главный фабричный инспекторъ могъ сообщить въ своемъ отчетѣ: «Я рѣшаюсь утверждать, что въ настояще время нѣтъ уже sweating въ портняжной промышленности Викторіи... За краткій промежутокъ въ три года всѣ условія этой промышленности измѣнились. Теперь не поступаютъ уже жалобы на грубое sweating или о томъ, что одежда изготовляется въ нищенскихъ жилищахъ за нищенскую плату. Большинство предпринимателей согласны теперь, что установленіе (платы и другихъ условій) было хорошо для добросовѣстнаго предпринимателя такъ же, какъ и для рабочихъ».

Практика бюро разрушила и ложные аргументы, приводимые противъ нихъ якобы изъ соображеній

о благѣ самихъ рабочихъ. Указывали, что минимумъ, установленный бюро, станетъ для рабочихъ максимумомъ, что при этихъ условіяхъ имъ не удастся уже получить бо́льшую плату, какой они могли бы добиться при полной свободѣ договора. Въ дѣйствительности эти лицемѣрныя опасенія не оправдались. Въ отчетѣ 1902 г. главный фабричный инспекторъ прямо заявилъ, что такой тенденціи превращенія минимума въ максимумъ не наблюдается, въ доказательство чего привелъ рядъ фактовъ изъ различныхъ регулируемыхъ бюро отраслей промышленности. Напр., въ то время какъ минимальная заработная плата, установленная бюро для взрослыхъ рабочихъ портняжной промышленности, составляла въ 1901 г. 45 шилл. въ недѣлю, средняя плата взрослыхъ мужчинъ въ этой промышленности равнялась 53 шилл. 6 пен.; для взрослыхъ женщинъ при установленномъ минимумѣ въ 20 шилл. средняя плата составляла 22 шилл. 3 пен Интересно отмѣтить также, что и цѣна издѣлій въ регулируемыхъ производствахъ не поднялась сколько-нибудь замѣтно, чтобы вызвать неудовольствіе потребителей.

Успѣхъ акта 1896 года далъ возможность сторонникамъ принудительнаго регулированія заработной платы провести къ 1900 году дополнительный билль, который открывалъ возможность немедленнаго учрежденія бюро въ другихъ отрасляхъ промышленности (верхняя палата придала этому биллю характеръ временной мѣры). На основаніи новаго закона къ половинѣ 1902 года было учреждено уже 32 новыхъ бюро [1])

---

[1]) *Reeves*, II, стр. 50—67.

Примѣру Викторіи вскорѣ послѣдовала другая колонія — Южная Австралія. Въ 1900 году въ ней былъ изданъ законъ, скопировавшій постановленія Викторіи о бюро заработной платы и устранившій нѣкоторые недостатки, обнаружившіеся при примѣненіи первыхъ. Такъ, бюро было предоставлено при опредѣленіи обязательнаго минимума заработной платы дѣлать исключенія для пожилыхъ или слабыхъ рабочихъ, которые не могли бы быть приняты хозяевами на общихъ условіяхъ (что замѣчалось при примѣненіи акта 1896 года въ Викторіи). Предѣломъ заработной платы для фабричныхъ дѣтей поставлены 4 шилл. (вмѣсто $2^1/_2$ шилл. въ Викторіи) [1]).

Такъ, мирно и безъ потрясеній вошелъ въ жизнь новый принципъ общественнаго контроля частнохозяйственной дѣятельности, о которомъ еще недавно даже внимательные изслѣдователи экономическихъ отношеній не могли подумать безъ содроганія, въ примѣненіи котораго большинство теоретическихъ сторонниковъ промышленной свободы видѣли актъ величайшаго политическаго безумія. У него и теперь не мало противниковъ, въ особенности, въ Старомъ мірѣ; но насколько ослабѣла ихъ позиція за послѣдніе годы!

Не слѣдуетъ думать, конечно, что этотъ принципъ примѣнимъ повсюду. Подобно учрежденію обязательнаго третейскаго суда, и регулированіе заработной платы вѣнчаетъ собой долгій процессъ культурнаго развитія страны. До него надо еще дорасти даже такимъ развитымъ государствамъ

[1]) *Reeves*. II, стр. 68—69.

Стараго міра, какъ Германія и Франція; въ современной Англіи установленіе его потрбовало бы многихъ спеціальныхъ ограниченій; въ Россіи же онъ представляется невозможнымъ еще на долгое время впередъ.

Отмѣтивъ вкратцѣ существенныя черты наиболѣе передовыхъ законодательствъ по охранѣ труда, мы можемъ уже перейти къ разсмотрѣнію мѣръ, принимаемыхъ по охранѣ труда въ Россіи. Но предварительно я считалъ бы необходимымъ указать на развитіе фабричнаго законодательства Германіи, ранняя исторія котораго обнаруживаетъ черты, сходныя съ наблюдаемыми въ нашемъ отечествѣ. На защиту рабочихъ, занятыхъ въ фабричной промышленности, въ Пруссіи выступило первоначально правительство, обезпокоенное ухудшеніемъ физическихъ качествъ населенія промышленныхъ округовъ и слабымъ распространеніемъ образованія среди фабричныхъ рабочихъ. Министры военный и народнаго просвѣщенія еще въ 20-хъ гг. высказывались въ защиту фабричныхъ дѣтей. Нѣкоторые болѣе просвѣщенные и гуманные фабриканты, принимавшіе участіе въ политической жизни страны, присоединили и свой голосъ къ заявленіямъ правительства. Въ результатѣ былъ изданъ законъ 1839 года, который устанавливалъ запрещеніе работы для дѣтей моложе 9 лѣтъ и обязанность посѣщенія школы въ возрастѣ отъ 9 до 16 лѣтъ. Однако большинство прусскихъ фабрикантовъ не обнаруживало желанія подчиниться требованіямъ закона, а такъ какъ надзоръ за его исполненіемъ былъ порученъ общимъ административнымъ органамъ, то на практикѣ онъ совершенно не соблю-

дался. Послѣ 1848 г., съ обновленіемъ государственнаго строя и развитіемъ крупной промышленности, вопросъ о законодательной охранѣ рабочихъ выплываетъ вновь, на этотъ разъ въ еще болѣе настоятельной формѣ. Въ 1853 г. былъ изданъ законъ, запрещавшій работу дѣтямъ до 12 лѣтъ; отъ 12 до 14-лѣтняго возраста дѣти могли работать не болѣе 6 часовъ, съ обязательствомъ посѣщать школу 3 часа въ день. Для надзора за исполненіемъ закона были назначены фабричные инспектора. Однако первые инспектора, воспитанные еще въ старыхъ бюрократическихъ традиціяхъ, не обнаружили такого мужества въ отстаиваніи интересовъ рабочихъ, какъ англійскіе. Въ Рейнской провинціи, гдѣ тогда была уже значительно развита крупная промышленность, фабриканты представляли настолько могущественную силу, что фабричные инспектора скоро становились очень уступчивыми и, вмѣсто неуклоннаго исполненія своихъ прямыхъ обязанностей, легко переходили на сторону фабрикантовъ. Само начальство фабричныхъ инспекторовъ находило ихъ отчеты слишкомъ розовыми; напр., дюссельдорфскій инспекторъ въ 1855 г. обнаружилъ 894 нарушенія фабричнаго закона; черезъ 10 лѣтъ—въ 1865 году—число зарегистрированныхъ проступковъ уменьшилось до 73, а въ слѣдующемъ 1866 г. даже до 28. Казалось бы, что фабриканты становились все болѣе и болѣе точными исполнителями требованій закона. Однако, когда на смѣну стараго чиновника былъ назначенъ болѣе энергичный и добросовѣстный инспекторъ, онъ обнаружилъ въ первый же годъ (въ 1874 г.) 7.267 нарушеній закона. Впрочемъ, въ этотъ періодъ фабриканты не могли дѣйствовать

съ такой беззастѣнчивостью, какъ въ 30-хъ и 40-хъ гг. Сами рабочіе требовали уже во многихъ случаяхъ исполненія закона; мѣры противъ расплаты товарами (truck system), дѣйствительно, примѣнялись, потому что въ каждомъ случаѣ нарушенія рабочіе заявляли энергичный протестъ. Нѣсколько иначе относились рабочіе къ охранѣ дѣтскаго труда; видя въ работѣ ребенка матеріальную поддержку семьи, они не противились стремленіямъ фабрикантовъ обойти постановленіе закона. Защитниками дѣтей выступали въ данномъ случаѣ, главнымъ образомъ, представители школьной администраціи [1]).

Въ 60-хъ гг., сначала въ Пруссіи и Саксоніи, а затѣмъ (съ 70-хъ гг.) и во всей объединенной Германіи стали развиваться попытки организаціи рабочихъ. Быстрый темпъ развитія крупнаго производства, ростъ городовъ, увеличеніе самосознанія и политической силы рабочаго класса не могли не отразиться и на законодательной дѣятельности. Сначала консервативное правительство (Бисмаркъ) пыталось привлечь рабочихъ на свою сторону для борьбы съ либеральной буржуазіей; потомъ, когда среди рабочихъ все болѣе и болѣе усиливались оппозиціонныя стремленія, правительство старалось смягчить ихъ рядомъ уступокъ. Однако для улучшенія собственно фабричнаго законодательства до самаго послѣдняго времени было сдѣлано очень немного. Дарованіемъ всеобщаго избирательнаго права, законами о страхованіи рабочихъ правительство Бисмарка предполагало ограничиться, не

---

[1]) См. ст. *Голлоса*: «Исторія фабричнаго законодательства въ Германіи» въ «Русскомъ Богатствѣ».

пытаясь выступать съ прямыми мѣрами противъ произвола фабрикантовъ. Однако всѣ условія для измѣненія фабричнаго законодательства были уже налицо въ колоссальномъ развитіи крупнаго производства и силѣ объединеннаго и достигшаго самосознанія рабочаго класса; нуженъ былъ лишь благопріятный случай, удачное стеченіе обстоятельствъ, чтобы дать толчокъ къ фактическому осуществленію опредѣлившихся жизненныхъ потребностей. Такія благопріятныя обстоятельства наступили въ видѣ перемѣны въ лицѣ главы государства (императору Вильгельму I черезъ короткій промежутокъ правленія Фридриха III наслѣдовалъ молодой Вильгельмъ II) и движенія среди вестфальскихъ рабочихъ, занятыхъ въ каменноугольной промышленности. Обширная стачка углекоповъ, привлекшая вниманіе всей Европы къ вопросу о положеніи германскихъ рабочихъ, не могла, конечно, не произвести сильнаго впечатлѣнія на молодого монарха, только что приступившаго къ правленію государствомъ. Вильгельмъ II рѣшилъ выступить защитникомъ интересовъ рабочаго класса, вопреки совѣтамъ стараго канцлера, которому пришлось затѣмъ совершенно оставить свой постъ. Вскорѣ симпатіи императора измѣнились, но фабричная реформа была уже проведена. Въ мартѣ 1890 г. Вильгельмъ II созвалъ международную конференцію по вопросу о законодательной защитѣ труда, а уже въ маѣ того же года новое правительство, замѣнившее министерство Бисмарка, представило въ рейхстагъ обширный проектъ фабричнаго законодательства, который и получилъ силу закона 1 іюля 1891 года. Этимъ закономъ Германія

какъ бы вознаградила себя за долгій періодъ бездѣйствія въ области защиты труда, сравниваясь съ болѣе передовыми странами.

Защитный возрастъ былъ опредѣленъ 13 годами. Дѣтямъ ниже 13 лѣтъ работа совершенно воспрещается; подростки — въ возрастѣ отъ 14 до 16 лѣтъ — работаютъ ограниченное время. По статистическимъ свѣдѣніямъ, имѣющимся относительно труда дѣтей и малолѣтнихъ въ Германіи, защитой закона воспользовались очень многія дѣти. Количество дѣтей, занятыхъ на фабрикахъ Германіи (безъ Эльзасъ-Лотарингіи, Любека, обоихъ Липпе и Мекленбургъ-Стрелица), составляло:

Годы.	Количество дѣтей въ возрастѣ отъ 12 до 14 лѣтъ.
1881	13.672
1882	16.895
1884	18.882
1886	21.035
1888	22.913
1890	26.391
1892	10.726

Изъ этой таблички видно, что послѣ изданія новаго фабричнаго закона количество дѣтей, работающихъ на германскихъ фабрикахъ, уменьшилось болѣе, чѣмъ въ $2^1/_2$ раза. Что же касается труда подростковъ, то примѣненіе его почти не измѣнилось, потому что подростки замѣнили отчасти работу дѣтей, въ особенности тамъ, гдѣ женщины получаютъ сравнительно высокую плату.

Что касается защиты женщинъ, то мотивы къ проекту закона 1891 г. особенно подчеркивали зна

ченіе законодательныхъ мѣропріятій въ данномъ отношеніи, указывая, что въ Германіи женщины-работницы составляютъ болѣе $^{1}/_{4}$ ($28^{0}/_{0}$) всѣхъ рабочихъ, занятыхъ въ фабрично-заводской промышленности. Законъ 1891 г. установилъ слѣдующія мѣры въ защиту женскаго труда: 1) для всѣхъ женщинъ запрещенъ ночной трудъ (между 8 часами вечера и $5^{1}/_{2}$ часами утра). Насколько полезна эта мѣра, можно видѣть изъ того, что по даннымъ, собраннымъ въ 1884 году, во всей Германіи постоянно работали по ночамъ (въ свеклосахарномъ производствѣ и силезской угольной промышленности) не менѣе 13.000 женщинъ. 2) Роженицы не допускаются къ работамъ въ теченіе шести недѣль послѣ родовъ (только въ исключительныхъ случаяхъ, по особому разрѣшенію на каждый разъ врача, срокъ этотъ можетъ быть уменьшенъ до четырехъ недѣль). 3) Кромѣ воскреснаго отдыха (общаго для всѣхъ рабочихъ), женщины пользуются субботнимъ полупраздникомъ (который, однако, гораздо короче англійскаго; работа женщинъ по субботамъ должна оканчиваться не позже $5^{1}/_{2}$ часовъ вечера). 4) Для всѣхъ женщинъ старше 16 лѣтъ установленъ максимальный рабочій день въ 11 часовъ. Чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ большее вліяніе на развитіе фабричнаго законодательства въ Германіи оказываетъ инициатива живыхъ общественныхъ силъ. Среди нихъ, какъ своеобразный факторъ, обращаетъ на себя вниманіе дѣятельность народныхъ учителей. Союзъ германскихъ учителей, признавая вредное вліяніе ранней промышленной работы на умственное и моральное развитіе не только самихъ рабо-

тающихъ дѣтей, но и ихъ школьныхъ товарищей, постановилъ (на собраніи въ Бреславлѣ въ 1898 году) добиваться въ принципѣ полнаго воспрещенія труда дѣтей школьнаго возраста, а на ближайшее время постепенно расширять существующую уже охрану (распространить государственный надзоръ на работу дѣтей въ домашней промышленности, сельскомъ хозяйствѣ и т. п.). Въ 1897 году союзомъ была произведена обстоятельная анкета относительно промышленной дѣятельности дѣтей школьнаго возраста въ Германіи[1]).

Обращаясь къ нашему отечеству, мы должны указать прежде всего, что по условіямъ нашей общественности фабричное законодательство могло появиться у насъ гораздо позднѣе, чѣмъ въ западно-европейскихъ государствахъ. Правда, фабричная промышленность, въ особенности въ губерніяхъ центральнаго района, сдѣлала большіе успѣхи еще въ эпоху крѣпостничества, но весь складъ русской дореформенной жизни составлялъ непреодолимое препятствіе для введенія фабричнаго законодательства по западно-европейскому образцу. Правительство принимало нѣкоторыя полицейскія мѣры, имѣющія въ виду стѣснить произволъ фабрикантовъ, пыталось даже дѣйствовать путемъ законодательства, но при несовершенствахъ всего механизма дореформенной администраціи такія мѣры, естественно, не могли достичь цѣли. Въ этомъ от-

---

[1]) Интересный обзоръ положенія вопроса о дѣтскомъ трудѣ въ Германіи даетъ книга одного изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Союза *Конрада Агада (Konrad Agahd)*, Kinderarbeit und Gesetz gegen die Ausnutzung kindlicher Arbeitskraft in Deutschland. Jena, 1902).

ношеніи представляется чрезвычайно интересной судьба закона 1844 года, который запрещалъ ночной трудъ на фабрикахъ дѣтямъ ниже 12 лѣтъ. Онъ настолько не примѣнялся на практикѣ, что черезъ нѣкоторое время всѣ забыли о его существованіи.

Рѣшительныя попытки правительства приступить къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и связанное съ ними обновленіе многихъ другихъ сторонъ русскаго общественнаго строя не могли не отразиться и на отношеніи власти къ промышленнымъ рабочимъ. Уже въ 1859 г. комиссія, учрежденная для осмотра фабрикъ и заводовъ въ Петербургской губерніи, выработала сначала проектъ спеціальнаго закона для Петербурга и его уѣзда, затѣмъ общій — для всей имперіи. На этой первоначальной попыткѣ съ очевидностью отразилось вліяніе фабричнаго законодательства Англіи. Предполагалось совершенно запретить работу дѣтямъ ниже 12 лѣтъ; отъ 12 до 18 лѣтъ разрѣшить работать не болѣе 10 час. въ день, запретить ночной трудъ. Для надзора за исполненіемъ закона и, вообще, условіями фабричной работы проектировалось учредить спеціальный институтъ фабричныхъ инспекторовъ по англійскому образцу и даже промышленные суды съ равнымъ представительствомъ отъ фабрикантовъ и рабочихъ. Фабриканты не замедлили выступить съ горячими протестами противъ правительственнаго проекта. Ихъ соображенія одержали верхъ, и исполненіе проекта было отложено. Однако ни въ центральномъ правительствѣ, ни у мѣстной администраціи, повидимому, не установилось еще опредѣленнаго отношенія къ рабочему вопросу. Напр., тверской губернаторъ

графъ Барановъ въ своемъ отзывѣ на замѣчанія мѣстныхъ фабрикантовъ не постѣснился выступить съ рѣзкимъ осужденіемъ поведенія русскихъ предпринимателей по отношенію къ ихъ рабочимъ. Излагая мнѣніе вышневолоцкаго хлопчатобумажнаго фабриканта Шилова противъ ограниченій, предлагаемыхъ проектомъ, гр. Барановъ замѣчаетъ, что «въ мнѣніи этомъ видна только изворотливость фабриканта въ защитѣ самаго неправаго дѣла и противорѣчіе самому себѣ. Фабрикантъ хлопчатобумажный, слѣдовательно, протекціонистъ, живущій не естественной жизнью, а покровительственной системой, добивающійся удержанія ея на безконечное время, возвышаетъ голосъ о свободѣ народнаго труда. Такіе тартюфовскіе пріемы не извинительны, потому что извѣстно, что ни о народномъ богатствѣ, ни о воспитаніи дѣтей народа фабриканты не думаютъ, а заботятся единственно о своемъ карманѣ. Если же ихъ производство и разливаетъ въ народѣ деньги, то, очевидно, имъ тутъ хвастаться не слѣдуетъ, что они благодѣтели народа; они просто эксплуататоры его силъ и способностей,—эксплуататоры въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ вовсе не заботятся ни о здоровьѣ, ни о нравственности своихъ рабочихъ... Медицинской помощи въ большей части случаевъ нѣтъ, школъ также, а гдѣ есть та и другія, то заводятся безъ всякаго сочувствія, только для вида». Равнымъ образомъ, въ 1866 г. министръ юстиціи Замятнинъ, въ отзывѣ въ комиссію Штакельберга, указывалъ, что «въ корнѣ большей части стачекъ рабочихъ лежитъ не желаніе воспользоваться чужимъ достояніемъ, а несоотвѣтственность заработной платы средствамъ къ суще-

ствованію и вообще безвыходность положенія рабочаго класса».

Но уже къ началу 70-хъ гг. сочувствіе правящихъ сферъ начинаетъ замѣтно склоняться на сторону фабрикантовъ. Въ комиссіи гр. Игнатьева, работавшей надъ новымъ проектомъ фабричныхъ законовъ, интересы предпринимателей отразились уже въ значительной степени (не было предложено ни фабричной инспекціи, ни промышленныхъ судовъ, а по отношенію къ стачкамъ было выражено пожеланіе усиленія наказанія, какъ за «вымогательство»). Внѣ комиссіи отношеніе къ законодательной охранѣ труда оказалось прямо враждебнымъ, такъ что и этому проекту также не удалось увидѣть свѣта.

Такъ вплоть до начала 80-хъ гг. русскіе рабочіе оставались безъ законодательной защиты. И, однако, изслѣдованія о положеніи труда на русскихъ фабрикахъ указывали съ замѣчательнымъ единодушіемъ на вопіющія злоупотребленія со стороны фабрикантовъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ къ концу 70-хъ гг. въ московскомъ районѣ, оказалось, что дѣти работали на фабрикахъ наравнѣ со взрослыми, что положеніе женщинъ-работницъ было крайне тяжелое (ихъ заставляли работать сейчасъ же послѣ родовъ, обращались крайне грубо, платили нищенское жалованье). Множество несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ происходило просто по недостатку огражденія машинъ. Посредствомъ штрафовъ, назначаемыхъ совершенно произвольно, крупная доля скудныхъ заработковъ рабочихъ безпрепятственно переходила въ бездонный кошель фабриканта. Повсюду шла и самая беззастѣнчивая эксплуатація рабочихъ путемъ хозяйскихъ лавочекъ, въ которыхъ

рабочимъ приходилось платить двойныя цѣны (случалось, что эти лавочки давали больше барышей, чѣмъ сама фабрика). Сроки расплаты устанавливались крайне невыгоднымъ для рабочихъ образомъ и часто оттягивались на нѣсколько мѣсяцевъ и т. д. Понятно, что въ виду такихъ фактовъ общественное мнѣніе, поскольку оно находило путь, чтобы высказаться, было цѣликомъ за изданіе законодательныхъ мѣръ въ защиту труда. Владимирское земство предложило проектъ фабричнаго законодательства; съѣздъ земскихъ врачей въ Тверской губерніи выступилъ съ подобнымъ же проектомъ. Проектъ, составленный проф. Янсономъ, обсуждался въ 1875 г. въ комиссіи Петербургскаго Техническаго Общества и вызвалъ сочувствіе со стороны самихъ фабрикантовъ. Вообще для нѣкоторыхъ группъ русскихъ фабрикантовъ умѣренная защита рабочихъ законодательствомъ представлялась даже выгодной, облегчая конкуренцію съ наиболѣе отсталыми товарищами. Напр., условія работы на петербургскихъ фабрикахъ были гораздо лучше, чѣмъ на фабрикахъ центрально-промышленнаго района. Благодаря рѣдкости населенія прилегающихъ къ Петербургу мѣстностей, рабочихъ приходилось привлекать издалека сравнительно болѣе высокой платой, менѣе продолжительной работой; техническая постановка дѣла въ Петербургѣ была также значительно лучше, чѣмъ на московскихъ фабрикахъ. Петербургскіе фабриканты были прямо заинтересованы въ запрещеніи ночной работы и сокращеніи рабочаго дня на московскихъ фабрикахъ. Наконецъ и рабочіе не разъ протестовали противъ злоупотребленій хозяевъ, устраивая стачки, сопровождавшіяся подчасъ круп-

ными волненіями. Опасаясь, что недовольство рабочихъ ихъ экономическимъ положеніемъ можетъ создать благопріятную почву для политической пропаганды (попытки которой къ концу 70-хъ гг. уже бывали), руководящія бюрократическія сферы стали склоняться къ убѣжденію, что нѣкоторое улучшеніе быта рабочихъ могло бы послужить средствомъ для укрѣпленія порядка и спокойствія на фабрикахъ и гарантіи довѣрія рабочихъ къ правительственной власти. Поэтому когда Н. Х. Бунге, человѣкъ просвѣщенный и гуманный, вступившій на министерскій постъ послѣ долгаго пребыванія на профессорской каѳедрѣ, поставилъ на первую очередь въ числѣ намѣченныхъ имъ нововведеній и законодательную охрану труда, ему не пришлось уже встрѣтиться съ серьезной оппозиціей ни со стороны бюрократическихъ круговъ, ни среди фабрикантовъ (къ тому же въ то время и московскіе фабриканты, сокращавшіе благодаря промышленному кризису работы на своихъ фабрикахъ, относились равнодушнѣе къ предположеннымъ ограниченіямъ).

Проектъ, предложенный Н. Х. Бунге, получилъ силу закона 1-го іюня 1882 года (приведеніе его въ дѣйствіе было отсрочено, однако, до 1884 г.). Фабричная работа была совершенно воспрещена до 12-лѣтняго возраста; для дѣтей въ возрастѣ отъ 12 до 15 лѣтъ былъ опредѣленъ максимумъ работы въ 8 часовъ въ сутки. Работа безъ перерыва не должна была превышать 4 часовъ. Въ воскресенье и праздничные дни законъ совершенно воспрещалъ работу, равнымъ образомъ воспрещалась работа дѣтей и въ ночное время (между 9 час. вечера и 5 час. утра). Для надзора за выполненіемъ закона была учреждена

фабричная инспекція, въ составъ которой были приглашены лица, заявившія себя солиднымъ знакомствомъ съ условіями фабричнаго быта въ Россіи и за границей.

Дѣло, такимъ образомъ, было начато. Легко видѣть, однако, что степень охраны, предоставленной русскимъ рабочимъ новымъ закономъ, была еще очень и очень умѣренной и не могла удовлетворить ихъ. Какъ мы уже видѣли на примѣрѣ Англіи и Германіи, большинство рабочихъ въ первое время по созданіи фабричнаго законодательства относится съ большимъ равнодушіемъ (если не съ прямой враждебностью) къ ограниченіямъ, налагаемымъ закономъ на примѣненіе дѣтскаго труда, въ которомъ семейные рабочіе видятъ подспорье къ собственному заработку. Тѣхъ же притѣсненій хозяевъ (въ области условій найма), которыя съ особенной болью чувствуются всѣми рабочими, новый законъ еще не касался.

Дальнѣйшее развитіе законодательства не заставило себя долго ждать. На сцену выступилъ новый факторъ, вліяніе котораго ранѣе было гораздо слабѣе. Протестъ рабочихъ противъ злоупотребленій хозяевъ принялъ въ половинѣ 80-хъ гг. форму сознательнаго, стройно - организованнаго движенія. Поворотнымъ пунктомъ въ этомъ направленіи была извѣстная стачка на Никольской мануфактурѣ въ Орѣховѣ-Зуевѣ въ январѣ 1885 г., вызванная, главнымъ образомъ, притѣсненіями администраціи фабрики при расчетахъ съ рабочими (напр., по даннымъ судебнаго слѣдствія обнаружилось, что штрафы, налагавшіеся на рабочихъ составляли просто обычную добавочную статью дохода фабрики, регулярно поглощая отъ 5 до 4% изъ ихъ заработка). И эта стачка не обошлась безъ

насилій, но въ нихъ принимали участіе только подростки, да такъ наз. «коты»—самый низшій слой фабричнаго пролетаріата, главная же масса рабочихъ произвела на власти, прибывшія возстановить порядокъ, сильное впечатлѣніе своимъ спокойствіемъ, выдержкою и твердостью. Почувствовалось что-то новое и грозное. Поэтому рѣшено было не ограничиться одними репрессивными мѣрами (которыя и на этотъ разъ были чрезвычайно суровы—33 человѣка было заключено въ тюрьму, 800 человѣкъ были высланы этапнымъ порядкомъ на родину), а и дать рабочимъ что-нибудь положительное. Была назначена комиссія для выработки новыхъ фабричныхъ законовъ подъ предсѣдательствомъ бывшаго тогда товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ Плеве, уже достаточно заявившаго себя и къ тому времени въ качествѣ директора департамента полиціи. Въ результатѣ трудовъ этой комиссіи и были изданы законы 1885 и 1886 годовъ, которые (въ особенности послѣдній) и до сихъ поръ составляютъ главную основу русскаго фабричнаго законодательства. Законъ 1885 г. запретилъ подросткамъ въ возрастѣ отъ 15 до 17 лѣтъ и всѣмъ женщинамъ (работающимъ въ текстильной промышленности) ночныя работы. Законъ 1886 г. былъ какъ бы прямымъ отвѣтомъ на требованія рабочихъ, заявленныя при стачкѣ въ Орѣховѣ-Зуевѣ. Онъ запретилъ выдавать рабочимъ плату товарами, купонами и другими знаками вмѣсто денегъ; постановилъ, что хозяева не могутъ дѣлать вычетовъ за долги изъ заработка ихъ рабочихъ. Рабочіе были освобождены отъ обязанности платить за медицинскую помощь, освѣщеніе мастерскихъ и пользованіе орудіями труда. Законъ требовалъ далѣе, чтобы

списки цѣнъ товаровъ, продаваемыхъ въ фабричныхъ лавкахъ, а также правила внутренняго распорядка на фабрикахъ и штрафы утверждались фабричнымъ инспекторомъ (при чемъ размѣры штрафа не должны превышать $^1/_3$ заработка рабочаго, а деньги, собираемыя посредствомъ штрафовъ, должны итти не въ пользу фабриканта, а на нужды самихъ рабочихъ). Конечно, по мѣрѣ того, какъ выяснялись благопріятные для рабочихъ результаты этихъ первыхъ попытокъ законодательной охраны труда, усиливалась и оппозиція имъ со стороны лицъ, выгоды которыхъ нарушались новыми законами. Московскіе фабриканты вскорѣ послѣ прекращенія кризиса убѣдились, что прежніе пріемы пользованія фабричнымъ трудомъ были для нихъ гораздо выгоднѣе и удобнѣе, и потому подняли цѣлую бурю протеста какъ противъ новыхъ законовъ, такъ и противъ ихъ исполнителей— фабричныхъ инспекторовъ. «Охранительные» органы печати, которые желали водворенія «порядка и спокойствія» на фабрикахъ, но которые не могли перенести разоблаченій вопіющихъ неустройствъ нашего фабричнаго быта и попытокъ первыхъ фабричныхъ инспекторовъ вступить въ рѣшительную борьбу съ этими неустройствами, наполняли свои столбцы всевозможными инсинуаціями, стараясь дискредитировать какъ дѣятельность фабричной инспекціи, такъ и само фабричное законодательство. Вообще, отношеніе нашей реакціонной прессы къ фабричному законодательству даетъ обильный матеріалъ для изслѣдователя новѣйшей экономической и культурной исторіи Россіи. Усилія фабрикантовъ и ихъ литературныхъ приспѣшниковъ не остались безплодными, тѣмъ болѣе, что и Бунге къ тому

времени долженъ былъ выйти въ отставку и уступить свое мѣсто Вышнеградскому, извѣстному обширными дружескими и дѣловыми связями съ представителями торговаго и промышленнаго класса Не имѣя возможности круто повернуть назадъ, уничтоживъ только что созданную отрасль законодательства, рѣшено было сдѣлать частичныя уступки фабрикантамъ. Было прекращено печатаніе отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ, произведены крупныя измѣненія въ личномъ составѣ фабричной инспекціи, внесены нѣкоторыя благопріятныя для фабрикантовъ (въ общемъ, однако, несущественныя) поправки и въ самое законодательство [1]).

Однако тѣ же причины, которыя привели въ прошломъ къ возникновенію и развитію фабричнаго законодательства, не переставали дѣйствовать и теперь. Интересы петербургскихъ и вообще западнорусскихъ фабрикантовъ попрежнему сталкивались съ стремленіями предпринимателей центральнаго района. Еще въ 1867 г. директоръ извѣстной «Кренгольмской мануфактуры» (близъ Нарвы), за-

---

[1]) Такъ, законъ 1890 г. допустилъ для дѣтей работу безъ перерыва въ теченіе 6 часовъ (но зато и вся работа въ такихъ случахъ не должна превышать 6 часовъ). Ночная работа была разрѣшена для дѣтей, занятыхъ на стеклянныхъ фабрикахъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ законъ считаетъ ночнымъ временемъ время между 10 час. веч. и 4 час. утра. Главному фабричному инспектору было предоставлено разрѣшать работу дѣтей и по воскресеньямъ. Равнымъ образомъ законъ 1890 г. ослабилъ прежнія постановленія и относительно труда подростковъ и женщинъ; такъ, губернскимъ фабричнымъ присутствіямъ, а гдѣ ихъ нѣтъ—губернаторамъ, было предоставлено разрѣшать ночной трудъ подростковъ и женщинъ съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день они начинали работу не ранѣе полудня и т. д.

тѣмъ въ 1875 г. собраніе петербургскихъ машиностроителей ходатайствовало предъ правительствомъ о сокращеніи рабочаго дня для всѣхъ рабочихъ до 10 часовъ. Въ 1883 г. владѣльцы текстильныхъ фабрикъ въ Петербургѣ просили объ ограниченіи рабочаго дня для взрослыхъ 12 часами. Наконецъ въ 1894 г. лодзинскіе фабриканты выработали проектъ сокращенія рабочаго времени въ горномъ дѣлѣ до 10 часовъ, въ металлургическомъ — до 11 час. и на всѣхъ остальныхъ фабрикахъ — до 12 часовъ. На эти предложенія изъявили согласіе и многіе московскіе фабриканты. Свѣдѣнія, собранныя относительно вліянія уменьшенія рабочаго дня, дали благопріятные результаты. Въ 1896 г. департаментъ торговли и мануфактуръ поставилъ этотъ вопросъ на обсужденіе фабричныхъ инспекторовъ, которые также высказались въ пользу сокращенія рабочаго времени. Медицинскіе съѣзды подкрѣпили полученные выводы еще своими спеціальными соображеніями. Такимъ образомъ почва для расширенія фабричнаго законодательства въ смыслѣ нормировки рабочаго времени была уже достаточно подготовлена; недоставало только толчка, который побудилъ бы къ скорѣйшему практическому осуществленію предлагаемой мѣры. Толчокъ этотъ дала огромная стачка рабочихъ на ткацкихъ и прядильныхъ хлопчатобумажныхъ фабрикахъ (въ которой участвовало отъ 20 до 30 тыс. человѣкъ). Вскорѣ послѣ стачки была образована комиссія при департаментѣ торговли и мануфактуръ для выработки проекта нормировки рабочаго времени. Въ работахъ этой комиссіи приняли участіе до 200 крупныхъ промышленниковъ. Насколько сильны были у прави-

тельства соображенія о водвореніи порядка на фабрикахъ, можно видѣть хотя бы изъ того, что представители министерства внутреннихъ дѣлъ высказывались за наиболѣе крупныя ограниченія. Проектъ нормировки, выработанный комиссіей, и сталъ закономъ 1897 года.

Этимъ закономъ для взрослыхъ рабочихъ въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, на которыя распространяется дѣйствіе фабричныхъ законовъ вообще, установленъ максимальный рабочій день въ $11^1/_2$ часовъ. Въ субботу и наканунѣ большихъ праздниковъ работы не должны продолжаться болѣе 10 часовъ. Если же рабочіе заняты, хотя отчасти, ночью (между 9 часами вечера и 5 утра, а при двухъ смѣнахъ—между 10 часами веч. и 4 часами утра), то трудъ ихъ въ будни не долженъ превышать 10 час. Въ воскресенье и 14 большихъ праздниковъ работа совершенно воспрещается (но можно праздновать, по соглашенію между хозяевами и рабочими, и въ какой-нибудь будничный день, вмѣсто праздника).

Сверхурочныя работы (т.-е. такія, которыя захватываютъ время сверхъ нормы, установленной закономъ) были разрѣшены только для такихъ производствъ, гдѣ это требуется по особымъ техническимъ условіямъ. Изъятія допускались лишь для непрерывныхъ производствъ, гдѣ норма работы опредѣлена въ 24 часа въ двое сутокъ и въ 30 часовъ — при ломкѣ смѣнъ. Установивъ вкратцѣ указанныя правила, законъ предоставлялъ министрамъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ по соглашенію издавать распоряженія для регулированія дѣйствія этого закона и опредѣлять изъятія изъ него. Иначе говоря, административной власти было предоставлено по собственному

усмотрѣнію пополнять и сокращать постановленія закона. Такія распоряженія и были изданы министромъ финансовъ (по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ) 20 сентября 1897 г. и 14 марта 1898 г. Второе изъ этихъ распоряженій (инструкцій) совершенно нарушило постановленіе закона о сверхурочныхъ работахъ. Закономъ количество сверхурочныхъ часовъ было опредѣлено для каждаго рабочаго не болѣе, чѣмъ 120 часовъ въ годъ, причемъ сюда не включались: 1) обязательныя сверхурочныя работы по договору о наймѣ (необходимыя по техническимъ условіямъ производства) и 2) временныя работы вслѣдствіе непредвидѣнныхъ обстоятельствъ (пожара, поломки и т. д.). Инструкція 14 марта 1898 года допускаетъ уже неограниченное число сверхурочныхъ работъ (необязательныхъ, устанавливаемыхъ по соглашенію съ рабочими), нарушая этимъ и требованія закона, и предыдущую инструкцію того же министра (20 сентября 1897 г., гдѣ положенія о сверхурочныхъ работахъ опредѣлялись согласно съ закономъ). Вообще изъятія изъ правила объ $11^1/_2$-часовой работѣ очень значительны. Многія производства отнесены къ разряду непрерывныхъ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ по существу выполняемыхъ работъ допускаютъ перерывы. Въ этихъ производствахъ (напр., на химическихъ заводахъ) и при отдѣльныхъ работахъ (при паровыхъ котлахъ, электрическомъ освѣщеніи и т. п.) допускается двѣнадцатичасовой рабочій день безъ соблюденія праздничнаго и воскреснаго отдыха, причемъ при ломкѣ смѣнъ каждая смѣна принуждена работать по 18 часовъ подрядъ. Въ 1903 г. главное по фабричнымъ и горнозаводскимъ

дѣламъ присутствіе издало циркуляръ, требующій при производствѣ необязательныхъ сверхурочныхъ работъ всѣмъ заведеніемъ или значительными группами рабочихъ разрѣшенія мѣстнаго по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствія, выдаваемаго только въ особо уважительныхъ случаяхъ, а при работѣ незначительными группами и отдѣльными рабочими увѣдомленія фабричнаго инспектора. Нельзя надѣяться, однако, чтобы этотъ циркуляръ серьезно сократилъ злоупотребленія фабрикантовъ сверхурочными работами. Дѣло зависитъ здѣсь отъ усмотрѣнія присутствія и инспектора, которые, какъ показалъ предыдущій опытъ, подъ вліяніемъ общаго направленія правительственной политики, могутъ относиться довольно благодушно къ примѣненію фабрикантами сверхурочныхъ работъ. Наконецъ, нельзя не отмѣтить, что законъ 1897 г. не назначаетъ никакихъ штрафовъ за его нарушенія фабрикантами. Поэтому объ общемъ и равномѣрномъ примѣненіи этого закона не можетъ быть рѣчи; единственной силой, которая могла до сихъ поръ заставить фабрикантовъ соблюдать установленныя имъ положенія, могла быть только настойчивость самихъ рабочихъ. Въ зависимости отъ степени сознательности и энергіи рабочихъ, ихъ умѣнья защищать общіе интересы, могла находить себѣ примѣненіе и введенная закономъ $11^1/_2$-часовая норма. Какія препятствія, однако, стояли и продолжаютъ стоять на пути этихъ вполнѣ законныхъ стремленій русскаго рабочаго класса, легко видѣть изъ предыдущаго изложенія [1]).

[1]) Законами 15 ноября 1906 г. регулированіе рабочаго времени распространено и на торговопромышленныя и ремесленныя заведенія. Нормой принятъ 12-часовой день съ

Таковъ въ главныхъ чертахъ ходъ развитія нашихъ фабричныхъ законовъ и существенное содержаніе дѣйствующей законодательной охраны русскаго труда (другія постановленія, кромѣ уже указанныхъ, какъ, напр., правила о школьномъ обученіи малолѣтнихъ и мѣры къ охраненію жизни и здоровья рабочихъ, имѣютъ чисто формальное значеніе [1]).

двухчасовымъ перерывомъ для принятія пищи, т.-е. десять часовъ дѣйствительной работы (для ремесленныхъ заведеній формулировка этого правила яснѣе, чѣмъ для торговыхъ). Несовершеннолѣтніе служащіе (до 17 лѣтъ) освобождаются ежедневно въ будни на 3 часа для посѣщенія школы. По праздничнымъ днямъ работа совершенно воспрещается. Изъ общихъ постановленій закона установлено много самыхъ разнообразныхъ изъятій. Введеніе новыхъ законовъ въ жизнь и надзоръ за ихъ исполненіемъ поручается органамъ мѣстнаго самоуправленія, а гдѣ ихъ нѣтъ,—администраціи. Оба закона носятъ слѣды спѣшной и во многихъ отношеніяхъ небрежной и неумѣлой работы, но даже въ такомъ несовершенномъ видѣ могутъ быть полезны для облегченія условій труда въ нашихъ торговыхъ и ремесленныхъ заведеніяхъ. Законъ о нормальномъ отдыхѣ торговыхъ служащихъ былъ нѣсколько измѣненъ 12 сентября 1907 г. новымъ Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Совѣта Министровъ (постановленія о праздничномъ отдыхѣ формулированы болѣе детально и т. п.). Необходимо, чтобы эти законы, изданные между двумя думами, были, наконецъ, пересмотрѣны народнымъ представительствомъ.

1) При отсутствіи въ Россіи системы всеобщаго обученія требованіе о посѣщеніи школы фабричными дѣтьми (по крайней мѣрѣ, 18 часовъ въ недѣлю) обыкновенно не исполняется, потому что законъ только приглашаетъ, а не заставляетъ фабрикантовъ открывать школы. Кромѣ того, при продолжительности дѣтскаго труда по нашему законодательству, такое совмѣщеніе фабричной работы со школьнымъ обученіемъ и вообще не можетъ дать хорошихъ результатовъ. Чтобы доставить возможность нормальнаго обученія дѣтямъ,

Намъ остается только разсмотрѣть вкратцѣ тѣ средства, которыя должны, по мысли законодателя, обезпечивать исполненіе его требованій, т.-е. организацію надзора и систему штрафовъ. Законъ 1882 г. создалъ и въ Россіи институтъ фабричныхъ инспекторовъ. Первоначально фабричными инспекторами назначались люди, дѣйствительно преданные дѣлу, искренно стремившіеся дѣйствовать въ защиту рабочихъ. Врачи, ученые, педагоги, среди которыхъ особенно выдѣлялись московскій профессоръ Янжулъ (инспекторъ Московскаго округа) и д-ръ Песковъ (инспекторъ Владимирскаго округа), образовали составъ фабричной инспекціи «перваго призыва». Ихъ отчеты (первоначально они опубликовывались во всеобщее свѣдѣніе) содержатъ чрезвычайно интересныя данныя для характеристики положенія фабричныхъ рабочихъ въ Россіи. Фабрикантамъ приходилось волей-неволей подчиняться требованіямъ закона, потому что инспектора энергически настаивали на его исполненіи и, въ случаѣ нарушеній, немедленно возбуждали судебное преслѣдованіе. Но и тогда уже въ организаціи надзора замѣчались крупные недостатки. Составъ инспекторовъ былъ слишкомъ малочисленъ. Инспектора не имѣли физической возможности осмотрѣть хотя бы одинъ разъ въ годъ всѣ фабрики ихъ района; легко понять, что фабриканты скоро догадывались, на-

---

необходимо было бы просто повысить защитный возрастъ дѣтей по примѣру указанныхъ выше передовыхъ законодательствъ. Что касается мѣръ къ огражденію машинъ, улучшенія гигіенической обстановки труда и организаціи врачебной помощи рабочимъ, то въ этомъ отношеніи у насъ до сихъ поръ царитъ полный хаосъ.

сколько трудно усмотрѣть за производимыми ими нарушеніями закона. Законъ 1894 г. увеличилъ число фабричныхъ инспекторовъ (съ 34 до 143), но за это время въ составѣ инспекціи произошли уже крупныя перемѣны. Послѣ усиленной агитаціи фабрикантовъ и реакціонной печати противъ первыхъ фабричныхъ инспекторовъ правительство измѣнило прежней системѣ и стало выбирать кандидатовъ на эти должности по преимуществу изъ среды техниковъ. Типъ фабричнаго инспектора, рѣзко отличающійся отъ обыкновеннаго чиновника, мало-по-малу исчезъ, уступивъ мѣсто заурядньмъ исполнителямъ начальственныхъ предписаній, относящимся къ возложенной на нихъ задачѣ съ казеннымъ равнодушіемъ. Законъ 1894 года возложилъ на инспекцію новую функцію, не соотвѣтствующую ея основнымъ задачамъ,—именно осмотръ паровыхъ котловъ, который до того выполнялся губернскими механиками. Отсюда вытекало и назначеніе техническаго ценза для полученія должности инспектора, благодаря которому доступъ къ охранѣ труда былъ загражденъ лицамъ, не прошедшимъ высшей технической школы, хотя бы они были превосходными знатоками фабрично-заводскаго быта [1]).

---

1) Въ законѣ не рѣшились высказать абсолютнаго запрещенія доступа въ фабричную инспекцію не техникамъ (должности фабричныхъ инспекторовъ замѣщаются «лицами, окончившими курсъ въ высшихъ и *преимущественно* техническихъ заведеніяхъ»), но практика твердо держится указаннаго въ текстѣ принципа. Въ настоящее время среди 273 инспекторовъ насчитывается только 8 врачей и 5 лицъ другихъ нетехническихъ спеціальностей, причемъ нѣкоторыя изъ этихъ лицъ были въ штатѣ инспекціи еще до 1894 г. Между тѣмъ въ 1886 г. въ общей суммѣ 29 инспекторовъ было 10 врачей,

Сознаніе той простой мысли, что фабричная инспекція призвана прежде всего регулировать соціально-экономическую сторону фабричной жизни, и что органамъ фабричной инспекціи, которымъ по ихъ обязанностямъ приходится сталкиваться съ самыми щекотливыми и сложными отношеніями, необходима широта воззрѣній и самостоятельность, такимъ образомъ, къ великому ущербу для дѣла отсутствуетъ у насъ какъ въ фабричномъ законодательствѣ, такъ и въ административной практикѣ по его примѣненію [1]).

Въ 1899 году наша инспекція была вновь реорганизована учрежденіемъ главнаго по фабричнымъ и городскимъ дѣламъ присутствія для объединенія дѣятельности фабричной инспекціи на всемъ пространствѣ ея дѣйствія и шести окружныхъ инспек-

---

3 педагога и 2 юриста и только 14 техниковъ. См. *М. Александровъ*, «Фабричная инспекція въ Россіи». «Промышленность и Здоровье», т. III, стр. 15—17.

1) Введеніе въ кругъ обязанностей фабричныхъ инспекторовъ осмотра паровыхъ котловъ имѣетъ только ту выгоду, что устраняетъ возможный аргументъ о дороговизнѣ содержанія фабричной инспекціи. Современная фабричная инспекція, какъ оказывается, съ избыткомъ покрываетъ расходы на свое содержаніе. Содержаніе всего штата инспекціи, а также 10 губернскихъ механиковъ, должности которыхъ сохранены въ мѣстностяхъ, на которыя не распространяется надзоръ инспекціи (Сибирь, Закавказье и часть Кавказа) обходятся въ настоящее время 1.083.382 р. въ годъ. Сборъ же съ паровыхъ котловъ, установленный одновременно съ реорганизаціей фабричной инспекціи въ 1894 г., даетъ въ послѣдніе года свыше 1.500.000 руб. Едва ли, однако, такія выгоды могутъ служить основаніемъ сохраненія за инспекціей столь несвойственной ей функціи. См. *М. Александровъ*, «Фабричная инспекція въ Россіи», стр. 19.

торовъ для объединенія дѣятельности инспекціи на мѣстахъ и надзора за правильностью дѣйствій инспекторовъ. Это нововведеніе не внесло, однако, ничего существеннаго въ примѣняющуюся у насъ охрану труда и вскорѣ подверглось новому измѣненію. Высочайшимъ повелѣніемъ 30 мая 1903 г. (въ управленіе Плеве Министерствомъ Внутр. дѣлъ) мѣстные органы фабричной инспекціи были подчинены, помимо своего непосредственнаго начальства (отдѣлъ промышленности въ Министерствѣ Финансовъ—теперь въ Министерствѣ Торговли и Промышленности), губернаторамъ (градоначальникамъ или оберъ-полицмейстерамъ). За окружными же инспекторами были оставлены пока только двѣ функціи: 1) производство ревизій дѣлъ чиновъ фабричной инспекціи округа и 2) предварительная разработка свѣдѣній по промышленной статистикѣ.

Этимъ закономъ Плеве сдѣлалъ уже рѣшительный шагъ къ переводу фабричной инспекціи въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ, т.-е. къ превращенію ея въ чисто-полицейскій органъ. Этимъ онъ только продолжалъ дѣло, начатое имъ еще въ упомянутой выше комиссіи по выработкѣ фабричнаго закона 1886 года, который возложилъ надзоръ за порядкомъ на фабрикахъ на мѣстное губернское начальство, осуществляющее его «при содѣйствіи губернскихъ по фабричнымъ дѣламъ присутствій, чиновъ фабричной инспекціи и полиціи».

Легко понять, въ какое положеніе попала наша фабричная инспекція послѣ закона 1903 года, вынужденная служить сразу «двумъ господамъ». Особенно странной оказалась при этомъ судьба окружныхъ инспекторовъ, которые были лишены ихъ

существенныхъ функцій, и служба которыхъ въ дѣйствительности превратилась въ особый видъ подневольной синекуры, крайне тягостной въ моральномъ отношеніи. Съ наступленіемъ новыхъ вѣяній въ русской общественной жизни, путь, намѣченный Плеве, былъ оставленъ, и правительство вынуждено было поставить на очередь вопросъ о дѣйствительномъ развитіи нашего фабричнаго законодательства. Но пока дѣло не выходитъ еще изъ области предположеній, и законъ 1903 г. все еще продолжаетъ тяготѣть надъ нашей фабричной инспекціей, подтачивая ея трудоспособность, лишая ее послѣднихъ остатковъ столь необходимаго для этого учрежденія духа независимости и подрывая довѣріе къ ней въ рабочей средѣ.

Другая причина слабости нашего фабричнаго законодательства кроется въ системѣ штрафовъ. За нарушеніе закона о работѣ малолѣтнихъ, подростковъ и женщинъ назначается штрафъ до 100 руб. или мѣсяцъ ареста; за нарушеніе правилъ о договорѣ между хозяиномъ и рабочими—до 300 руб.; если нарушеніе это вызвало безпорядки на фабрикѣ, то хозяинъ наказывается арестомъ до 3-хъ мѣсяцевъ. За самовольное нарушеніе контракта хозяинъ отвѣчаетъ только въ гражданскомъ порядкѣ, тогда какъ рабочаго за такое же нарушеніе постигаетъ уголовное наказаніе—арестъ до одного мѣсяца. Легко видѣть, что хозяину представляется часто болѣе выгоднымъ заплатить 100 или даже 300 руб. штрафа, чѣмъ примѣнять постановленія закона, которыя заставили бы его сократить доходы на тысячи. Но въ нашемъ фабричномъ законодательствѣ есть еще болѣе поразительные недочеты. Напр., какъ мы имѣли уже случай указывать,

за нарушеніе закона 1897 г. о нормировкѣ рабочаго времени не опредѣлено никакихъ штрафовъ.

Къ недостаткамъ нашего фабричнаго законодательства необходимо отнести и крайнюю неопредѣленность круга вѣдомства фабричной инспекціи. Законъ до сихъ поръ не содержитъ точнаго опредѣленія предпріятій, подлежащихъ надзору, что создаетъ крайнюю неравномѣрность законодательной охраны труда по различнымъ мѣстностямъ въ зависимости отъ разнообразія толкованій закона мѣстными властями [1]).

Въ силу отмѣченныхъ обстоятельствъ русское фабричное законодательство, несмотря на нѣкоторыя постановленія, отсутствующія даже въ фабричныхъ законахъ передовыхъ народовъ Европы (нормировка рабочаго времени взрослыхъ), въ дѣйствительности оказывается весьма несовершеннымъ. Законодательству предстоитъ еще много работы въ этой отрасли, причемъ необходимѣйшимъ условіемъ ея успѣшности слѣдуетъ признать искреннее стремленіе выступить на защиту трудящихся классовъ, далекое отъ уступокъ и послабленій въ пользу

---

[1]) Предпріятія, о которыхъ говоритъ наше фабричное законодательство, отмѣчены только названіями «фабрики, заводы и мануфактуры», причемъ со времени закона 1886 г. министру финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, предоставлено распространять надзоръ по ходатайству мѣстныхъ присутствій на значительныя ремесленныя заведенія и освобождать отъ него незначительные фабрики и заводы. Насколько широкъ при этомъ просторъ толкованіямъ закона, видно, напр., изъ того, что такія предпріятія, какъ сельско-хозяйственные винокуренные заводы, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ подлежатъ надзору фабричной инспекціи, а въ нѣкоторыхъ—нѣтъ.

фабрикантовъ и отъ соображеній полицейскаго характера, не имѣющихъ ничего общаго съ задачами законодательной охраны труда [1]).

---

[1]) О развитіи фабричнаго законодательства въ Россіи см., кромѣ указанныхъ, еще соч. *Литвинова-Фалинскаго*, «Фабричное законодательство и фабричная инспекція въ Россіи», ст. П. С. «Къ характеристикѣ нашего фабричнаго законодательства» въ журналѣ «Народное Хозяйство» 1902 г., № 3. *А. Микулина*, «Фабричное законодательство въ Россіи», Кіевъ, 1905 г., *С. Прокоповича*, «Длина рабочаго дня по русскому законодательству», «Образованіе», 1905, № 3. Послѣ долгаго перерыва публикація отчетовъ русскихъ фабричныхъ инспекторовъ была возобновлена въ крайне урѣзанномъ видѣ съ 1900 г., въ формѣ краткихъ «Сводовъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ», дополняемыхъ «Статистикой несчастныхъ случаевъ съ рабочими въ промышленныхъ заведеніяхъ, подлежащихъ надзору фабричной инспекціи». Съ октября 1902 г. въ Россіи началъ выходить журналъ «Промышленность и Здоровье» (теперь «Вѣстникъ фабричнаго законодательства и профессіональной гигіены»), спеціально посвященный вопросамъ фабричнаго законодательства и промышленной гигіены (изъ помѣщенныхъ въ немъ статей смотри въ особ. *А. Микулинъ*, «Сверхурочныя работы въ промышленныхъ заведеніяхъ Кіевскаго фабричнаго округа въ 1899 г.», 1904, № 1, и *Н. Шевалевъ*, «Фабричная инспекція и рабочій вопросъ въ Россіи», 1905, № 3).

Лекція шестнадцатая.

I. Ученіе объ остальныхъ формахъ дохода (прибыли на капиталъ и поземельной рентѣ).—Прибыль на капиталъ.— Два развѣтвленія этой отрасли дохода: процентъ и предпринимательская прибыль. — Теорія прибыли Бёмъ-Баверка.— Критика этой теоріи.—Ученіе Маркса.—Откуда же проистекаетъ прибыль и почему она достается капиталистамъ? II. Поземельная рента.—Теорія Рикардо.—Возраженія противъ нея (Бастіа, Кэри, Шеффле).—Поправки, внесенныя въ теорію Рикардо Марксомъ.—Предложенія общественныхъ реформъ съ цѣлью упраздненія ренты.

I.

Мм. гг. Въ прошлый разъ мы закончили очеркъ ученія о заработной платѣ. Обращаясь теперь къ разсмотрѣнію другихъ видовъ дохода, существующихъ въ современномъ обществѣ, я прежде всего долженъ предупредить, что по недостатку времени, находящагося въ нашемъ распоряженіи, я не имѣю возможности остановиться на предстоящихъ вопросахъ съ такой же подробностью, какъ на вопросѣ о заработной платѣ. Я удѣлилъ сравнительно много мѣста характеристикѣ разнаго рода условій, вліяющихъ на высоту заработной платы, въ виду огромной важности вопроса о вознагражденіи за трудъ при современныхъ экономическихъ отношеніяхъ. Господствующія теоріи заработной платы до сихъ поръ удѣляютъ еще слишкомъ мало мѣста оцѣнкѣ явленій, отмѣченныхъ въ предшествующемъ изложеніи; поэтому представлялось крайне необхо-

димымъ остановиться на нихъ нѣсколько долѣе, чтобы отчетливѣе намѣтить совокупность разнообразныхъ и сложныхъ элементовъ, обнимаемыхъ общимъ понятіемъ «силы, лежащей на сторонѣ рабочаго класса». При изложеніи же вопроса о прибыли и рентѣ мы можемъ съ полнымъ правомъ ограничиться лишь наиболѣе существеннымъ. Общая проблема распредѣленія уже обрисовалась намъ съ достаточной ясностью изъ ученія о заработной платѣ; что же касается въ частности самихъ вопросовъ о прибыли и рентѣ, то выясненіе ихъ также въ извѣстной мѣрѣ подготовлено предыдущимъ изложеніемъ. Зная условія, вліяющія на высоту заработной платы, мы тѣмъ самымъ имѣемъ уже ключъ и къ изученію вліяній, подъ которыми устанавливается прибыль на капиталъ или поземельная рента.

За вычетомъ доли продукта, поступающаго въ обладаніе трудящихся классовъ, въ чистомъ доходѣ современнаго общества остаются, какъ мы знаемъ изъ предыдущаго, доходы капиталистовъ (рантьеровъ и предпринимателей) и земельныхъ собственниковъ.

Доходъ капиталистовъ и поземельная рента имѣютъ одинъ общій признакъ, противополагающій ихъ заработной платѣ. Оба эти вида доходовъ проистекаютъ не изъ трудового начала, а основываются на извѣстныхъ юридическихъ отношеніяхъ. Вотъ почему ихъ удобно разсматривать рядомъ, послѣ выясненія вопроса о заработной платѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, и прибыль на капиталъ, и поземельная рента имѣютъ свои специальныя условія, опредѣляющія ихъ размѣры въ данный моментъ, вліяющія на ихъ измѣненія въ процессѣ историче-

скаго развитія экономическихъ отношеній и т. п. Поэтому мы и попытаемся прослѣдить дѣйствіе различныхъ причинъ, опредѣляющихъ высоту и послѣдовательныя измѣненія прибыли на капиталъ и поземельной ренты въ отдѣльности для каждой изъ этихъ формъ дохода, не упуская при этомъ изъ виду ихъ общей черты—нетрудового происхожденія.

Начнемъ съ доходовъ капиталистовъ. Эти доходы выступаютъ въ двухъ основныхъ формахъ: процента на капиталъ и предпринимательской прибыли. Подъ процентомъ на капиталъ въ экономической наукѣ понимается доля чистаго дохода общества, присвояемая лицами, не участвующими непосредственно въ производствѣ, а ссужающими свои капиталы или капиталистическимъ предпринимателямъ, или мелкимъ самостоятельнымъ производителямъ. Предпринимательская же прибыль достается лицамъ, владѣющимъ предпріятіемъ, т.-е. или организующимъ производство, или принимающимъ на себя права организаторовъ (таковы учредители и члены акціонерныхъ компаній, гдѣ роль организаторовъ производства фактически принадлежитъ лишь немногимъ лицамъ). Очевидно, что рантьеръ совершенно не участвуетъ въ производствѣ, получая свой доходъ въ силу привилегіи, даваемой ему собственностью на капиталъ. Предприниматель же иногда принимаетъ дѣйствительное участіе въ устройствѣ и веденіи принадлежащаго ему предпріятія и въ этомъ смыслѣ является такимъ же работникомъ, какъ инженеръ, прядильщикъ, кочегаръ, извозчикъ, сторожъ и т. д. Но та часть его доходовъ, которая соотвѣтствовала бы его личной дѣятельности въ предпріятіи, при современныхъ

условіяхъ производства, во многихъ случаяхъ составляетъ лишь ничтожную долю. Остатокъ же, приходящійся предпринимателю за вычетомъ изъ цѣнности изготовленнаго продукта заработной платы, процента и ренты, находится въ соотвѣтствіи не съ затратой его трудовой энергіи, а размѣрами вложеннаго въ дѣло (своего и чужого, заемнаго) капитала. Вотъ почему предпринимательскій доходъ называютъ въ экономической наукѣ не заработной платой предпринимателя, а предпринимательской прибылью, или предпринимательскимъ барышомъ. Предпринимательскую прибыль нельзя поэтому противопоставлять проценту на капиталъ; обѣ эти формы дохода являются вѣтвями, идущими изъ одного корня—права собственности на капиталъ и права частнаго распоряженія капиталомъ, а потому и условія ихъ опредѣленія въ главныхъ чертахъ однородны. Въ прежней экономической литературѣ даже и не проводилось строгаго различія между ними; экономисты говорили безразлично о «прибыли на капиталъ», понимая подъ нею то процентъ, то предпринимательскую прибыль, то оба эти источника вмѣстѣ. Для правильности и точности анализа, конечно, необходимо имѣть въ виду и особенности этихъ видовъ дохода капиталистовъ; но для выясненія ихъ основной сущности можно сначала разсматривать ихъ совмѣстно. Поэтому и мы въ дальнѣйшемъ изложеніи ограничимся по преимуществу характеристикой прибыли на капиталъ вообще и только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это будетъ необходимо, отмѣтимъ особенности, съ одной стороны, процента на капиталъ, съ другой—предпринимательской прибыли.

Выясненіе источника прибыли на капиталъ тѣсно связано съ вопросомъ о причинахъ, обусловливающихъ цѣнность хозяйственныхъ благъ. Въ сферѣ обмѣна, какъ мы знаемъ, ликвидируются общественныя отношенія, связанныя съ производствомъ продуктовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ выясняются и условія ихъ распредѣленія. Поэтому всѣ теоретическія попытки, направленныя на объясненіе прибыли на капиталъ, обыкновенно опираются въ своихъ исходныхъ посылкахъ на положенія, установленныя при изслѣдованіи вопроса о цѣнности. Въ свое время, когда мы останавливались на этомъ вопросѣ, мы ограничились въ разборѣ существующихъ теорій на двухъ группахъ ученій: 1) основанныхъ на принципѣ полезности, 2) на принципѣ труда. Подобнымъ же образомъ удобнѣе всего опредѣлить и предстоящую намъ теперь задачу, выбирая изъ всей массы предложенныхъ теоретическихъ объясненій прибыли на капиталъ, съ одной стороны, теорію Бёмъ-Баверка (представителя австрійской экономической школы), съ другой—ученіе Карла Маркса.

Послѣ Карла Менгера Бёмъ-Баверкъ считается наиболѣе выдающимся представителемъ австрійской экономической школы. Дѣйствительно, ему нельзя отказать ни въ богатствѣ эрудиціи, ни въ остроуміи; но въ его положительныхъ построеніяхъ, которыя онъ пытается поставить на мѣсто разбираемыхъ имъ теорій, мы найдемъ мало дѣйствительно цѣнныхъ научныхъ пріобрѣтеній. Отрѣшаясь отъ почвы реальнаго изслѣдованія жизненныхъ отношеній и вступая на скользкій путь произвольнаго теоретическаго творчества, Бёмъ Баверкъ,

подобно другимъ сторонникамъ защищаемаго имъ направленія, тратитъ свою изобрѣтательность и остроуміе на совершенно безнадежное дѣло. Его изслѣдованія о прибыли на капиталъ, самая крупная изъ его работъ, не представляютъ въ данномъ случаѣ исключенія [1]). Она распадается на двѣ, неравныя по значенію, части: первая (первый томъ) содержитъ историко-критическій обзоръ ученій о прибыли на капиталъ, другая — попытку самостоятельнаго разрѣшенія вопроса. Первая часть содержитъ весьма цѣнный матеріалъ, излагая въ сжатой и ясной формѣ существующія теоріи прибыли на капиталъ, часто съ весьма удачными критическими замѣчаніями автора. Зато другая часть, гдѣ Бёмъ-Баверкъ выступаетъ въ качествѣ творца новой теоріи, согласованной съ общими воззрѣніями австрійской школы, страдаетъ крупными недостатками. Стараясь прикрыть недостаточную обоснованность выставляемыхъ имъ положеній, авторъ измѣняетъ своей простой и ясной манерѣ изложенія, выдержанной въ первомъ томѣ, пускаясь въ туманнѣйшія разсужденія по поводу самыхъ простыхъ и несложныхъ явленій. Бёмъ-Баверкъ начинаетъ изложеніе своей положительной теоріи капитала

---

1) *Böhm-Bawerk,* Kapital und Kapitalzins. I Abth. Die Kapital und Zinstheorien. II Abth. Positive Theorie des Kapitals. Insbruck, 1882—1889. Первая часть въ 1900 г. вышла вторымъ переработаннымъ изданіемъ, второе же изданіе другой части (1902 г.) не содержитъ никакихъ перемѣнъ. Впрочемъ, авторъ высказываетъ непремѣнное желаніе издать и эту часть въ переработанномъ видѣ, какъ только онъ будетъ располагать необходимымъ для этого временемъ.

съ опредѣленія капитала и теоріи цѣнности. Объ этихъ сторонахъ его ученія намъ приходилось уже говорить выше, а потому я только вкратцѣ напомню существенные пункты, необходимые для уясненія развитія мысли автора.

Люди достигають своихъ хозяйственныхъ цѣлей,— говоритъ Бёмъ-Баверкъ,—или непосредственно, или окольнымъ путемъ, создавая сначала ближайшую причину возникновенія желательнаго имъ блага и затѣмъ, при ея посредствѣ, самое это благо. Иначе говоря, человѣкъ можетъ работать или прямо голыми руками, или при помощи орудій и, вообще, какихъ-либо средствъ производства, «посредствующихъ благъ». Производство, избирающее разумные окольные пути, Бёмъ-Баверкъ называетъ производствомъ съ капиталомъ или «капиталистическимъ» производствомъ, въ противоположность первобытному производству голыми руками [1]). Производство при участіи капитала, — продолжаетъ Бёмъ-Баверкъ,—имѣетъ свои особенности, отличающія его отъ непосредственнаго, первобытнаго производства, и притомъ не только въ сторону сравнительной выгодности, но и ущерба. Выгода произ-

---

[1]) *Böhm-Bawerk*, указ. соч., т. II, стр. 21. Нельзя не признать неудачной попытку автора предложить терминъ «капиталистическое производство» для производства съ капиталомъ вообще, вопреки общепринятому употребленію этого термина для характеристики современнаго хозяйственнаго строя, гдѣ капиталъ находится въ обладаніи извѣстной части общества. Такъ какъ фактически люди никогда не обходились и не обходятся безъ помощи капитала, то всякое производство оказывается «капиталистическимъ» въ смыслѣ Бёмъ-Баверка. Съ такимъ же правомъ его можно было бы назвать и «трудовымъ», или «естественнымъ».

водства, основаннаго на употребленіи капитала, заключается въ большей производительности труда. Пуская въ дѣло капиталъ, люди могутъ достигнуть гораздо бóльшихъ результатовъ, чѣмъ комбинируя непосредственно свои силы съ матеріалами природы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ примѣненіе капитала сопряжено и съ извѣстной невыгодой, выражающейся въ потерѣ времени. Непосредственное производство даетъ меньше продуктовъ, зато скорѣе; при употребленіи же капитала приходится ждать довольно продолжительное время, пока затраченный въ дѣло трудъ принесетъ свои плоды. Соединяя эти соображенія съ психологической теоріей цѣнности (основанной на принципѣ предѣльной полезности), Бём-Баверкъ и пытается разрѣшить проблему прибыли на капиталъ. Основанія ученія цѣнности, защищаемыя Бём-Баверкомъ, извѣстны уже намъ изъ лекцій прошлаго полугодія. Сущность этой теоріи сводится къ объясненію условій обмѣна производимыхъ людьми предметовъ не изъ обстановки, въ которой они возникли, а изъ послѣдующихъ, направленныхъ на нихъ, психологическихъ стремленій покупателей и продавцовъ. Иначе говоря, цѣнность какого-либо предмета объясняется не необходимостью работы такого-то количества людей, принимавшихъ непосредственное участіе въ его изготовленіи, и другихъ людей, создавшихъ орудія, которыми пользовались первые, а условіями, лежащими внѣ сферы производственныхъ отношеній. Даже болѣе, психологическая теорія цѣнности, выдвинутая австрійскими экономистами, утверждаетъ, что условія производства продуктовъ не только не опредѣляютъ цѣнности этихъ продуктовъ, но что, наобо-

ротъ, цѣнность орудій и матеріаловъ зависитъ въ конечномъ счетѣ не отъ чего иного, какъ отъ цѣнности благъ, произведенныхъ съ ихъ помощью. Цѣнность куска ситца устанавливается, согласно указанной теоріи, не въ зависимости отъ труда рабочихъ, занимавшихся тканьемъ его, и стоимости пряжи и износившихся частей ткацкой машины и т. д., а, наоборотъ, отъ стремленій покупщиковъ и продавцовъ ситца, которые, сталкиваясь на рынкѣ, опредѣлятъ и цѣнность машины, пряжи и труда ткачей. Предѣльная полезность ситца опредѣлитъ и предѣльную полезность ткацкой и прядильной машины, этихъ «благъ высшаго порядка», и т. д.

Откуда же проистекаетъ прибыль на капиталъ и что устанавливаетъ ея размѣры? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ,— указываетъ Бёмъ-Баверкъ,— необходимо отрѣшиться отъ всякихъ соображеній о желательности, цѣлесообразности, справедливости полученія прибыли капиталистами и имѣть въ виду исключительно теоретическую задачу. Необходимо отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, изъ какого источника получается прибыль, т.-е. откуда она возникаетъ, безотносительно къ тому, кому она достается, и затѣмъ, по какимъ причинамъ поступаетъ въ руки опредѣленной группы лицъ.

Источникъ прибыли,—утверждаетъ Бёмъ-Баверкъ,— кроется во вліяніи времени на хозяйственныя явленія. Приглядываясь къ размѣрамъ цѣнности различныхъ предметовъ, обращающихся на рынкѣ, мы находимъ, что настоящія блага (получаемыя въ настоящемъ) по общему правилу цѣнятся выше, чѣмъ будущія (имѣющія быть изготовленными въ будущемъ). Качество и количество продаваемыхъ благъ

будетъ совершенно одинаковое, но если одни блага готовы уже теперь, а другія будутъ налицо только спустя нѣкоторое время, то первыя будутъ оцѣнены дороже, чѣмъ вторыя. Такое явленіе, наблюдаемое каждымъ въ его ежедневномъ опытѣ, не представляется какимъ-либо загадочнымъ, эмпирически-констатированнымъ фактомъ. Можно, по мнѣнію Бёмъ-Баверка, найти и его постоянныя причины. Намъ часто приходится видѣть, какъ начинающіе медикъ, адвокатъ, художникъ, ища поддержки на будущее, готовы цѣнить блага, предлагаемыя имъ въ настоящемъ, и съ помощью которыхъ они могутъ обезпечить себѣ карьеру, гораздо выше, чѣмъ тѣ же самыя блага, обладаніе которыми наступитъ лишь въ будущемъ. Квартира, дающая начинающему врачу возможность немедленно открыть пріемъ больныхъ, будетъ представлять въ его глазахъ бо́льшую цѣнность, чѣмъ та же самая квартира черезъ пять или десять лѣтъ. Равнымъ образомъ, такую же оцѣнку встрѣчаемъ мы и въ случаяхъ крайней нужды въ настоящемъ. Крестьянинъ во время неурожая, ремесленникъ при семейномъ несчастіи будутъ цѣнить каждый настоящій гульденъ несравненно выше будущаго. Отсюда и чрезмѣрная высота ростовщическаго процента. На ряду съ этими частными вліяніями мы встрѣчаемъ и универсально-дѣйствующую психологическую причину. Элементарная психологія учитъ насъ, что люди, вообще, склонны придавать меньше значенія будущимъ ощущеніямъ (какъ пріятнымъ, такъ и непріятнымъ), чѣмъ настоящимъ. У дѣтей цивилизованныхъ людей и у дикарей эта черта выражена съ наибольшей рельефностью: ребенокъ и дикарь

почти совершенно поглощены настоящими впечатлѣніями и очень мало думають и заботятся о будущемъ. Но,—прибавляетъ Бёмъ-Баверкъ,—было бы ошибкой считать отмѣченную черту присущей только имъ однимъ; ее раздѣляютъ въ извѣстной степени и всѣ культурные, взрослые и высокообразованные люди [1]). Наконецъ сюда присоединяется и еще одно основаніе, которое прежде (Сэ, Лодердэль) характеризовали неправильно выраженіемъ «производительность капитала». Такъ какъ окольный процессъ производства, выполняемый при посредствѣ орудій, машинъ и т. п., сопряженъ съ потерей времени, то блага, существующія уже въ настоящемъ, являются, по техническимъ причинамъ, болѣе предпочтительными средствами для удовлетворенія нашихъ потребностей, а слѣдовательно, и имѣютъ бóльшую предѣльную полезность, чѣмъ будущія блага [2]). Таковъ, — по мнѣнію Бёмъ-Баверка, — источникъ происхожденія прибыли на капиталъ. Почему же прибыль поступаетъ въ руки предпринимателей, капиталистовъ, а не какихъ-либо другихъ лицъ?

[1]) «Рабочій,—говоритъ Бёмъ-Баверкъ,—растрачивающій въ воскресенье полученный въ субботу заработокъ, имѣя въ перспективѣ цѣлую недѣлю голоданья съ женой и дѣтьми, представляетъ, къ сожалѣнію, слишкомъ родственную натуру съ дикими индѣйцами (продающими за водку страну своихъ отцовъ европейцамъ). Но въ меньшей степени и въ болѣе утонченной формѣ такое явленіе, рѣшаюсь я утверждать, никому не чуждо, не исключая и самаго предусмотрительнаго человѣка съ твердымъ характеромъ и выдержкой. Кто изъ насъ не припомнитъ случая, когда онъ не могъ себѣ отказать, вопреки предписанію врача, въ любимомъ блюдѣ или сигарѣ?» См. *Böhm-Bawerk*, указ. соч., т. II, стр. 266—267.

[2]) Тамъ же, стр. 273—274.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ уже предыдущее изложеніе. Предприниматель покупаетъ всѣ предметы, необходимые для его предпріятія (а въ томъ числѣ и рабочую силу), какъ существующіе въ настоящемъ элементы его будущаго товара. Они выльются въ настоящій готовый товаръ только въ будущемъ, и, слѣдовательно, какъ будущія блага, они теперь будутъ цѣниться ниже, чѣмъ впослѣдствіи, когда они станутъ уже настоящими благами. Итакъ, покупая всѣ средства производства дешевле, чѣмъ будетъ стоить впослѣдствіи изготовленный съ ихъ помощью продуктъ, предприниматель закупалъ всѣ товары по ихъ полной цѣнности. По полной же цѣнности купилъ онъ и рабочую силу, которая является теперь также только будущимъ благомъ, болѣе дешевымъ, чѣмъ настоящія блага. Итакъ,—заключаетъ Бёмъ-Баверкъ,—будущіе товары предпринимателя созрѣваютъ постепенно въ теченіе того времени, когда производство идетъ впередъ, становясь настоящими товарами. Вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно растетъ и ихъ цѣнность, достигая, наконецъ, уровня цѣнности настоящихъ товаровъ. Вотъ этотъ-то приростъ цѣнности и составляетъ прибыль на капиталъ. Капиталистъ никого не эксплуатируетъ при этомъ, потому что рабочій, нанимаясь къ нему на фабрику или въ мастерскую, продаетъ свою рабочую силу по ея полной (субъективной) цѣнности. Онъ цѣнитъ ее въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ количеству продуктовъ, которое онъ могъ бы добыть своими непосредственными усиліями, безъ помощи капитала. Очевидно, что это количество должно быть меньше получаемаго путемъ приложенія капитала. Отсюда

видно, по мнѣнію Бём-Баверка, что прибыль получается не въ результатѣ эксплуатаціи, а въ силу основныхъ свойствъ капитала, какъ техническаго средства производства, и что она должна оставаться при всякомъ общественномъ строѣ. Иначе говоря, прибыль на капиталъ, по мнѣнію Бём-Баверка, есть не «историческая» категорія, а «экономическая». Она не исчезнетъ и въ соціалистическомъ государствѣ; вся разница будетъ заключаться лишь въ томъ, что ту долю дохода, которая поступаетъ теперь въ руки капиталистовъ, будетъ брать себѣ само общество. А эта разница, по мнѣнію Бём-Баверка, ничего не измѣняетъ въ существѣ понятія о прибыли на капиталъ.

Такова новѣйшая теорія прибыли на капиталъ, которая, если не получила до сихъ поръ широкаго распространенія, тѣмъ не менѣе встрѣчается многими авторитетными экономистами весьма сочувственно, какъ остроумная и удачная попытка разрѣшенія старой проблемы въ смыслѣ, противоположномъ трудовой теоріи. И, однако, нельзя не видѣть, что авторъ вовсе не разрѣшаетъ поставленнаго вопроса, приходя къ своимъ выводамъ не путемъ анализа дѣйствительныхъ экономическихъ отношеній, а послѣдовательнымъ рядомъ софизмовъ.

Какъ бы мы ни старались уловить въ разсужденіяхъ Бём-Баверка указаніе на реальный источникъ прибыли на капиталъ, мы не найдемъ его ни въ одномъ изъ его объясненій. Туманныя фразы о томъ, что прибыль появляется «въ процессѣ постепеннаго созрѣванія цѣнности товаровъ», что она «растетъ въ рукахъ предпринимателя», не могутъ, конечно, считаться научнымъ объясненіемъ изслѣдуемаго

факта. Прибыль не можетъ вырастать изъ ничего. если предприниматель оставитъ въ покоѣ сырые матеріалы и машины, если онъ не заставитъ рабочихъ приняться за дѣло, то въ его рукахъ не только ничего не «выростетъ», а получится прямой убытокъ. Очевидно, что для возникновенія прибыли необходимъ предварительный процессъ производства, которымъ предприниматель могъ бы воспользоваться къ своей выгодѣ. Если же мы признаемъ, что прибыль возникаетъ при производствѣ продуктовъ (а это, въ концѣ-концовъ, вынужденъ былъ признать и самъ Бемъ-Баверкъ) [1]), то мы должны также согласиться и съ тѣмъ, что создать прибыль могутъ только лица, принимающія участіе въ производствѣ. Весь вопросъ сводится, слѣдовательно, къ тому, соотвѣтствуетъ ли полученіе прибыли капиталистомъ его участію въ производствѣ, или нѣтъ.

Капиталистъ можетъ получать прибыль на свой капиталъ или какъ предприниматель (предпринимательскій доходъ), или какъ рантьеръ (процентъ

---

1) Сказавъ, что будущій товаръ предпринимателя постепенно созрѣваетъ въ теченіе процесса производства до степени «настоящаго товара» и тѣмъ самымъ выростаетъ въ полную цѣнность „настоящаго товара", Бемъ-Баверкъ замѣчаетъ: „Конечно, одного движенія времени еще не достаточно, чтобы сдѣлать изъ будущаго товара настоящій. И блага не должны оставаться неподвижными. Они должны, съ своей стороны, перейти пропасть, отдѣляющую ихъ отъ настоящаго, а этотъ переходъ совершается посредствомъ производства, которое превращаетъ ихъ изъ благъ отдаленнаго порядка въ созрѣвшіе для потребленія окончательные продукты». *Böhm-Bawerk*, указ. соч., т. II, стр. 319.

на капиталъ). Очевидно, что рантьеръ, занимающійся только «стрижкой купоновъ», совершенно не принимаетъ участія въ производствѣ и потому не можетъ способствовать своей дѣятельностью возникновенію той суммы продуктовъ (получаемой имъ въ формѣ денегъ), которая ежегодно притекаетъ къ нему, какъ его доходъ. Что же касается предпринимателя, то онъ, дѣйствительно, принимаетъ участіе въ производствѣ. Въ современныхъ общественно-экономическихъ отношеніяхъ предприниматель выступаетъ въ роли организатора производства (въ своемъ предпріятіи); но можно ли, однако, признать, что организаторскому труду предпринимателя соотвѣтствуетъ получаемое имъ вознагражденіе? Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ очевиденъ уже изъ извѣстнаго всякому факта неравенства предпринимательскаго дохода. Въ двухъ предпріятіяхъ, гдѣ степень знанія рынка, знакомства съ технической постановкой дѣла и, вообще, предпринимательскаго искусства оказывается одинаковой, но гдѣ въ одномъ занято капитала на 10.000 рублей, а въ другомъ—на 50.000, разница въ предпринимательскомъ доходѣ будетъ огромная. Но мы имѣемъ и болѣе прямыя указанія на то, что вознагражденіе предпринимателя, соразмѣряемое съ степенью затраты капитала, совершенно не соотвѣтствуетъ его дѣятельности, его личному участію въ предпріятіи. Едва ли можно сказать, что трудъ административнаго чиновника представляется менѣе сложнымъ и тяжелымъ въ смыслѣ организаторскаго искусства, а, между тѣмъ, онъ оплачивается очень часто значительно ниже, чѣмъ дѣятельность предпринимателя. Трудъ губернатора не легче труда фабриканта, и,

однако, крупный фабрикантъ очень часто получаетъ значительно большій доходъ. Если при этомъ принять въ соображеніе и то обстоятельство, что положеніе администратора представляется болѣе почетнымъ и заманчивымъ, чѣмъ положеніе фабриканта, то все-таки мы не объяснимъ имъ колоссальной разницы въ доходахъ этихъ лицъ. Но современная экономическая жизнь даетъ намъ возможность въ еще большей мѣрѣ выяснить разницу между высотой дохода предпринимателя и степенью его реальнаго участія въ производствѣ. Намъ уже приходилось отмѣчать, что новѣйшій экономическій строй создалъ условія, благопріятныя для широкаго распространенія акціонерныхъ предпріятій, т.-е. такихъ, гдѣ функція предпринимателя выдѣлена, обособлена отъ личности капиталиста. Капиталъ акціонерной компаніи принадлежитъ многимъ капиталистамъ, а управляютъ всѣми дѣлами нѣсколько директоровъ. И хотя нельзя сказать, чтобы вознагражденіе способнаго директора крупной акціонерной компаніи было незначительно, оно все же стоитъ далеко ниже дохода крупнаго предпринимателя-капиталиста [1]).

А если прибыль не можетъ создаваться усиліями капиталиста (рантьера или предпринимателя), то гдѣ же искать ея источника? Естественно возни-

[1]) Между тѣмъ самый доходъ директоровъ акціонерныхъ компаній опредѣляется чрезмѣрно высоко въ силу любопытной психологической черты, свойственной предпринимателямъ, какъ всѣмъ людямъ. Въ директорѣ акціонерной компаніи богачи-акціонеры видятъ человѣка, принадлежащаго къ тому же классу общества, что и они сами, и потому, всячески урѣзывая плату низшимъ служащимъ, они легко соглашаются давать директорамъ громадное жалованье, безъ всякой пользы для дѣла. Въ Англіи исторія кооперативныхъ обществъ по-

каетъ вопросъ: да не образуется ли она въ рукахъ рабочихъ?

Бёмъ-Баверкъ, какъ мы знаемъ, отклоняетъ этотъ вопросъ, говоря, что рабочіе получили уже за свой трудъ вначалѣ всю его цѣнность. Но вѣдь если товаръ постепенно созрѣваетъ въ своей цѣнности, приближаясь къ сроку его окончательнаго изготовленія, то не долженъ ли также созрѣвать и трудъ? Вѣдь трудъ прилагается не за одинъ разъ, а тянется во все время производственнаго періода, и, слѣдовательно, исходя даже изъ самой аргументаціи Бёмъ-Баверка, мы въ правѣ были бы предположить, что при годичномъ оборотѣ производства рабочіе получали бы за первый мѣсяцъ одну плату, за второй—бо̀льшую, за третій—еще бо̀льшую и т. д. Въ дѣйствительности, однако, этого не бываетъ, и мы невольно должны признать, что покупка труда капиталистомъ, даже съ точки зрѣнія Бёмъ-Баверка, представляетъ исключеніе по сравненію съ покупкой товаровъ. Товары покупаются капиталистомъ по ихъ полной цѣнности, а трудъ — ниже, потому что иначе капиталисту не было бы и смысла затѣвать промышленное дѣло.

Устранивъ изъ разсмотрѣнія вопросъ о трудѣ, Бёмъ-Баверкъ не касается такихъ условій произ-

---

казала, что веденіе сложнаго и обширнаго предпріятія можетъ итти успѣшно при вдесятеро меньшемъ окладѣ, даваемомъ руководящимъ лицамъ. «Жалованья въ 2.000—5.000 фунтовъ стерл. въ годъ, даваемыя богатыми акціонерами высшимъ служащимъ,—говоритъ Б. Поттеръ,— были замѣнены (въ управленіи кооперативныхъ обществъ) скромными доходами въ 200—400 фунтовъ и, повидимому, безъ ущерба для искусства и честности...» *B. Potter,* The cooperative movement in Great Britain. London, 1891, стр. 132.

водства, какъ кооперація, удлиненіе или сокращеніе рабочаго дня и т. п. Тамъ, гдѣ ему необходимо было затронуть вопросъ о заработной платѣ, онъ ограничивается приведеніемъ нѣсколькихъ придуманныхъ примѣровъ, поражающихъ своимъ несоотвѣтствіемъ съ дѣйствительными жизненными фактами.

Рабочій, продавая свою силу,—утверждаетъ разсматриваемый авторъ,—цѣнитъ ее по количеству продуктовъ, которое онъ могъ бы добыть своими непосредственными усиліями. Допустимъ,—говоритъ Бёмъ-Баверкъ,—что цѣнность продуктовъ, которые рабочій могъ бы получить, комбинируя только свои силы съ матеріалами природы, будетъ вдвое меньшей, чѣмъ цѣнность продуктовъ, произведенныхъ приложеніемъ такого же труда, но съ помощью машинъ или другихъ орудій; въ такомъ случаѣ, если второй работникъ согласится работать за 5 гульденовъ въ день, то первый только за $2^1/_2$ гульдена[1]). Все это было бы справедливо, если бы Бёмъ-Баверкъ не упустилъ изъ вида одного обстоятельства: что при современныхъ условіяхъ производства, когда право собственности на орудія труда принадлежитъ одному классу общества, а работникъ не имѣетъ ничего, кромѣ собственныхъ рукъ, нельзя говорить о подобномъ выборѣ. Съ другой стороны, при современной производственной техникѣ подобный выборъ часто, вообще, невозможенъ. Рабочій, нанимающійся на машиностроительный заводъ, не можетъ, договариваясь съ владѣльцемъ завода, прикидывать, сколько локомотивовъ сработалъ бы онъ «своими собственными руками, безъ помощи машинъ и орудій».

---

1) *Böhm-Bawerk*, указ. соч., т. II, стр. 334—337.

Наконецъ, нельзя не считать ложной и мысль Бёмъ-Баверка, что доходъ съ капитала есть не историческая категорія. Бёмъ-Баверкъ полагаетъ, что нѣтъ существенной разницы для установленія понятія о прибыли на капиталъ, будетъ ли часть общественнаго продукта передаваться всему обществу, или одной группѣ лицъ (капиталистамъ). Между тѣмъ, всякому непредубѣжденному человѣку очевидно, что доля продукта, поступающая въ исключительное обладаніе привилегированнаго меньшинства, не только не къ выгодѣ, а къ прямому ущербу всѣхъ остальныхъ членовъ общества, представляетъ нѣчто совершенно отличное отъ равной по количеству доли продукта, но поступающей или на дѣла, полезныя для всѣхъ членовъ общества (образовательныя учрежденія, общеполезныя развлеченія и т. п.), или раздѣляемой между ними. Во второмъ случаѣ нельзя уже говорить о прибыли на капиталъ, какъ особомъ видѣ дохода, поступающемъ въ силу привилегированнаго положенія.

Эти замѣчаніями мы можемъ и закончить разборъ теоріи Бёмъ Баверка. Подобно теоріи цѣнности, построенной на принципѣ предѣльной полезности, и ученіе о прибыли, предлагаемое австрійской школой, приходится отвергнуть, какъ несоотвѣтствующее тѣмъ жизненнымъ отношеніямъ, которыя оно призвано объяснить [1]). Гораздо ближе къ истинѣ

[1]) Въ 1897 году американскій экономистъ *Микстеръ* указалъ (въ статьѣ въ Quarterly Journal of Economics, vol. XI), что въ полузабытомъ теперь сочиненіи стараго экономиста *Рэ* [*John Rae*, Statement of some new principles on the subject of Political Economy. Boston, 1834) содержится уже теорія, весьма сходная съ изложеннымъ выше ученіемъ Бемъ-Баверка. Но

теорія прибыли, связанная съ другой группой ученій о цѣнности. Излагая теорію цѣнности Маркса, я имѣлъ уже случай отмѣтить и его теорію прибыли на капиталъ.

Оставляя въ сторонѣ попытку примиренія теоріи прибавочной цѣнности съ фактомъ неравенства прибылей въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ, нельзя не видѣть, что въ принципѣ теорія прибавочной цѣнности Маркса правильно намѣчаетъ сущность современныхъ отношеній между хозяевами и рабочими. Какія бы исправленія ни должны были быть внесены въ эту теорію, одно всегда останется несомнѣннымъ: пока будутъ существовать, съ одной стороны, люди, владѣющіе капиталомъ, но не трудящіеся, а съ другой стороны — работающіе, но не съ собственнымъ капиталомъ, а по найму у капиталиста, — до тѣхъ поръ доходъ первыхъ, т.-е. прибыль, будетъ получаться въ результатѣ неоплаченнаго труда вторыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, откуда можетъ возникать прибыль?

Очевидно, изъ того же самаго источника, изъ котораго люди, вообще, черпаютъ удовлетвореніе своихъ потребностей, т.-е. изъ человѣческаго труда, изъ цѣлесообразныхъ усилій людей, направленныхъ на преобразованіе предметовъ внѣшней природы согласно ставимымъ ими цѣлямъ. Причиной воз-

---

такъ какъ Бёмъ-Баверкъ, по его собственному заявленію, ранѣе не былъ знакомъ съ книгой Рэ, то его непосредственнымъ предшественникомъ слѣдуетъ считать *Джевонса,* настойчиво указывавшаго на значеніе элемента времени въ теоріи капитала въ «Theory of Political Economy», которою Бёмъ-Баверкъ, вообще, широко пользовался при выработкѣ своей положительной теоріи.

можности прибыли является производительность человѣческаго труда. При извѣстной степени развитія техники, люди, занятые въ производствѣ непосредственнымъ трудомъ, могутъ создавать не только совокупность средствъ, необходимыхъ для обезпеченія ихъ существованія (конечно, въ весьма скудныхъ размѣрахъ), но и нѣкоторый излишекъ, которымъ могли бы воспользоваться они сами для улучшенія условій ихъ собственной жизни или кто-нибудь другой, имѣющій для этого необходимую силу [1]). Почему же капиталисты присваиваютъ себѣ этотъ излишекъ? Отвѣта на этотъ вопросъ надо искать въ юридическомъ строѣ современнаго общества. Капиталистъ можетъ удерживать въ свою пользу часть продукта, произведеннаго чужими руками, потому что онъ имѣетъ право собственности на средства производства. Этимъ правомъ создается для него возможность ставить условія нанимающимся къ нему рабочимъ такимъ именно образомъ, чтобы извѣстная

---

1) Эту мысль высказалъ еще извѣстный религіозный дѣятель XVII-го и начала XVIII-го вѣка — квакеръ *Джонъ Беллерсъ*. «Люди, работающіе въ собственномъ хозяйствѣ или по найму, способны выработать больше, чѣмъ ихъ содержаніе—въ Англіи не болѣе двухъ третей населенія или семействъ создаютъ своимъ трудомъ всѣ предметы необходимости для себя и для остальныхъ людей... Земля, скотъ, дома, товары и деньги суть только скелетъ богатства, они мертвы безъ людей, ибо люди составляютъ ихъ душу и жизнь. Удвойте число нашего трудящагося населенія, и вы будете въ состояніи имѣть двойное число лордовъ и джентльмэновъ... Земля есть основа, а трудъ—великій созидатель богатства» и т. д. (*John Bellers*, Essays about the poor, manufacture, trade plantations, immorality and of the Excellency and the Divinity of the inward light. 1699).

доля продукта (или цѣнности продукта), произведеннаго его рабочими, пошла не имъ, а ему лично.

Таковы, по нашему мнѣнію, реальныя причины происхожденія прибыли на капиталъ. При такомъ объясненіи изучаемаго явленія намъ становится понятной и тѣсная связь вопроса объ уровнѣ прибыли съ вопросомъ о высотѣ заработной платы. Если заработная плата поднимается, то при прежнихъ условіяхъ производственной техники (т.-е. если производительность труда не измѣнилась) прибыль на капиталъ должна будетъ упасть, и обратно: пониженію уровня заработной платы соотвѣтствуетъ обыкновенно повышеніе прибыли. Всѣ условія, способствующія возрастанію силы на сторонѣ рабочаго класса, представляются поэтому неблагопріятными для капиталистовъ, урѣзывая размѣры ихъ прибыли. Указанному обстоятельству отчасти слѣдуетъ приписать и извѣстный уже намъ фактъ, что капиталисты болѣе передовыхъ по культурному и промышленному развитію странъ вынуждены довольствоваться меньшими сравнительно размѣрами прибыли, чѣмъ ихъ собратья по профессіи въ отсталыхъ странахъ. Понятно также, что если въ какой-либо странѣ существуетъ много капиталовъ, ищущихъ производительнаго помѣщенія и конкурирующихъ другъ съ другомъ, то прибыль будетъ понижаться, и, наоборотъ, въ странѣ, страдающей недостаткомъ капиталовъ и не пользующейся промышленной свободой, прибыль будетъ больше. Вотъ почему, напр., иностранные капиталы стремятся въ Россію: недостатокъ капиталовъ и монопольныя условія производства (запретительный тарифъ) поддерживаютъ прибыль на

капиталъ въ Россіи въ размѣрахъ, весьма соблазнительныхъ для европейскихъ капиталистовъ. Съ другой стороны, и русскіе рабочіе не такъ еще требовательны и сильны, какъ ихъ западные товарищи. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что указанная тенденція одинакова для обѣихъ вѣтвей прибыли, т.-е. какъ для предпринимательскаго барыша, такъ и для процента на капиталъ. Только движеніе процента можно наблюдать гораздо легче и точнѣе, чѣмъ измѣненія въ предпринимательской прибыли.

Теорію Маркса можно лишь упрекнуть въ томъ, что, включая въ себя посылку о «желѣзномъ законѣ» заработной платы, она какъ бы заранѣе опредѣляетъ, сколько должно прійтись на долю рабочихъ. На самомъ дѣлѣ, какъ мы знаемъ изъ предыдущаго, доля рабочихъ измѣнчива въ зависимости отъ измѣненій въ соотношеніи силъ ихъ и хозяевъ и можетъ постепенно подниматься, урѣзывая долю, приходящуюся капиталистамъ. Однако, какъ мы уже замѣчали и раньше, эта неточность не измѣняетъ сущности теоріи великаго экономиста: капиталисты могутъ довольствоваться со временемъ меньшей долей общественнаго дохода, но они могутъ взять ее не иначе, какъ изъ продукта, создаваемаго руками трудящихся классовъ [1]).

---

1) Бёмъ-Баверкъ и въ новомъ изданіи своей книги попрежнему отказывается признать глубокія научныя достоинства за указанной теоріей. «Что касается старой соціалистической теоріи эксплуатаціи, — говоритъ онъ, — разсмотрѣнной нами въ трудахъ ея наиболѣе выдающихся представителей—Родбертуса и Маркса, то я не могу смягчить строгаго приговора, произнесеннаго мной надъ этой теоріей уже 15 лѣтъ тому назадъ (въ первомъ изданіи). Она не только неправильна,

II.

Переходимъ къ вопросу о поземельной рентѣ. Теоретическая мысль давно уже обращалась къ вопросу объ источникѣ самостоятельнаго дохода землевладѣльцевъ, отличнаго отъ прибыли на капиталъ и заработной платы. Но, несмотря на нѣкоторыя, довольно удачныя попытки разрѣшенія этого вопроса, предложенныя еще въ прошломъ столѣтіи, онъ оставался для большинства экономистовъ крайне темнымъ и загадочнымъ, пока за анализъ его не взялся Давидъ Рикардо[1]). Съ этого времени сущность поземельной ренты и причины ея образованія были уже настолько выяснены, что послѣдующему развитію экономической науки осталось прибавить къ трудамъ Рикардо лишь немногія частичныя поправки.

Чтобы нагляднѣе представить процессъ образованія поземельной ренты, Рикардо рисуетъ картину постепеннаго заселенія земного шара. Первоначально, когда свободной земли было много, всякій выбиралъ для обработки участки наилучшаго пло-

---

но даже, съ точки зрѣнія теоретической цѣнности, занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ среди всѣхъ теорій прибыли на капиталъ. Какъ ни велики ошибки, сдѣланныя представителями нѣкоторыхъ другихъ теорій, однако, я не думаю, чтобы гдѣ бы то ни было были соединены въ такомъ огромномъ количествѣ самыя худшія ошибки: легкомысленныя, поспѣшныя презумпціи, ложная діалектика, внутреннія противорѣчія и слѣпое отношеніе къ фактамъ дѣйствительности». *Böhm-Bawerk*, Capital und Capitalzins. 2-е изд., т. I, стр. 557.

1) Въ существенныхъ чертахъ теорія дифференціальной ренты, развитая Рикардо, была намѣчена уже *Андерсономъ* *I. Anderson*, Inquiry into the nature of the Corn Laws, with a view to the new Corn Bill proposed for Scotland. Edinburgh, 1777).

дородія. Всѣ получали одинаковое количество продуктовъ съ равнаго пространства земли, при равной затратѣ труда и капитала, и, слѣдовательно, каждый получалъ одинаковое вознагражденіе за вложенный въ дѣло трудъ и капиталъ, и для иного какого-либо дохода не было мѣста. Со временемъ, однако, обстоятельства измѣнились. Населеніе возросло, и участковъ высшаго качества стало уже недостаточно для всѣхъ желающихъ обрабатывать землю. Нѣкоторымъ пришлось обратиться къ менѣе плодороднымъ участкамъ. При такихъ условіяхъ, при равной затратѣ труда и капитала, одни стали получать съ даннаго пространства земли 100 единицъ хлѣба, а другіе — только 90. Такъ какъ цѣнность единицы хлѣба опредѣляется количествомъ затраты труда и капитала на худшихъ земляхъ (потому что иначе было бы невозможно заниматься ихъ обработкой), то участки перваго рода даютъ не только излишекъ продукта, но и излишекъ въ его цѣнности. Если доходъ съ участка второго рода даетъ, скажемъ, 90 рублей, то доходъ съ участка перваго рода составитъ 100 рублей, т.-е. на 10 рублей болѣе. Вотъ этотъ-то излишекъ и составитъ поземельную ренту, даваемую участками первой категоріи. Съ дальнѣйшимъ ростомъ населенія, когда необходимо будетъ перейти къ обработкѣ участковъ еще болѣе низкаго качества, участки второго рода будутъ давать уже больше продуктовъ, чѣмъ вновь присоединенные къ культурѣ земли. Такъ какъ цѣнность хлѣба попрежнему будетъ устанавливаться соотвѣтственно затратамъ труда и капитала на наихудшихъ земляхъ (т.-е. участкахъ третьей категоріи), то ренту будутъ

давать теперь не только участки 1-ой, но и 2-ой категоріи. Такое же вліяніе, какъ разница въ плодородія земельныхъ участковъ, оказываютъ: 1) послѣдовательная затрата капиталовъ на одномъ и томъ же пространствѣ земли и 2) отдаленность отъ мѣста сбыта. Если мы будемъ увеличивать затрату капитала на извѣстномъ участкѣ земли, то мы получимъ не пропорціональное увеличеніе продукта, а нѣсколько меньшее. Это обстоятельство способствуетъ образованію ренты съ такихъ участковъ, которые находятся въ болѣе благопріятномъ положеніи, т.-е. не требуютъ дополнительныхъ затратъ. Равнымъ образомъ, и разница въ разстояніи отъ мѣста сбыта, приводящая къ большей дороговизнѣ доставки на рынокъ продуктовъ, добываемыхъ въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ, является причиной ренты, даваемой ближайшими участками [1]). До сихъ поръ мы имѣли въ виду землю, назначенную на сельско-хозяйственныя цѣли. Но ренту могутъ приносить не только участки, находящіеся подъ сельско-хозяйственной культурой, но и такіе, которые служатъ мѣстомъ для возведенія построекъ. Городскіе земельные участки также даютъ ренту, въ зависимости отъ разстоянія даннаго участка отъ центра города, какихъ-либо учрежденій и т. п. Наконецъ, и доходы съ продуктовъ экстрактивной промышленности слѣдуютъ также указаннымъ правиламъ, т.-е. рудники даютъ ренту въ зависимости отъ ихъ богатства и разстоянія отъ мѣста сбыта добываемыхъ металловъ, минераловъ и т. п.

[1]) На значеніе этого момента въ образованіи ренты впервые указалъ *Тюненъ* (въ своемъ соч. „Der isolierte Staat") еще въ 1826 году.

Возможность продажи земледѣльческихъ продуктовъ по цѣнѣ, соотвѣтствующей издержкамъ ихъ производства на наихудшихъ участкахъ (по плодородію или по положенію), очевидно, объясняется ограниченностью существующаго запаса воздѣлываемыхъ земель и сосредоточеніемъ ихъ въ рукахъ частныхъ собственниковъ. Въ случаяхъ же, когда земельнымъ собственникамъ того или иного государства угрожаетъ конкуренція дешеваго заграничнаго хлѣба, они употребляютъ всѣ усилія къ тому, чтобы заградить свободный ввозъ этого хлѣба. Поскольку политическая власть находилась въ рукахъ земельныхъ собственниковъ или стояла подъ сильнымъ вліяніемъ ихъ въ странахъ, вынужденныхъ пополнять недостатокъ своего хлѣба привозомъ изъ-за границы, на привозимый хлѣбъ всегда назначались высокія пошлины. Выходъ на политическую арену другихъ общественныхъ классовъ, однако, поставилъ вскорѣ препятствія такимъ стремленіямъ землевладѣльцевъ и тѣмъ внесъ существенныя ограниченія въ повышательное движеніе земельной ренты. Аналогичнаго развитія слѣдуетъ ожидать въ ближайшемъ будущемъ и отъ ренты на городскіе участки (см. слѣдующую лекцію).

Какъ ни просты и ясны положенія, установленныя Рикардо, они вызвали противъ себя много нападокъ [1]). Съ особенно рѣзкой критикой противъ

1) Въ предыдущемъ мы намѣтили основныя положенія теоріи Рикардо. Въ его формулировкѣ слѣдуетъ признать лишь неудачной фразу, что «рента есть плата за первоначальныя и неисчерпаемыя силы почвы». Изъ сущности его ученія вытекаетъ, какъ мы видѣли, что рента есть плата за монопольное владѣніе землей, за сосредоточеніе ея въ рукахъ частныхъ собственниковъ. Такая рента, какъ, напр., съ

теоріи названнаго писателя выступили экономисты, старавшіеся доказать законность и справедливость землевладѣльческаго дохода. Въ ученіи о рентѣ Рикардо они справедливо видѣли отрицаніе экономическихъ основаній для права земельнаго собственника на присвоеніе поземельной ренты въ свое исключительное обладаніе. Если земельная рента получается безъ всякихъ усилій со стороны собственника, а просто въ силу случайно сложившихся для него благопріятныхъ внѣшнихъ условій, то почему оставлять ее въ его обладаніи? Не справедливѣе ли было бы передать этотъ доходъ всему обществу, жизнь и трудъ котораго создаютъ эти особенности въ пользованіи различными участками земли? Такъ какъ подобные вопросы не могли, конечно, возбуждать отраднаго чувства въ средѣ защитниковъ современнаго общественнаго строя и, въ частности, среди лицъ, стремившихся во что бы то ни стало оправдать «священное право собственности», то теорія Рикардо вскорѣ послѣ своего появленія стала предметомъ безконечныхъ теоретическихъ споровъ. Я укажу изъ безчисленной серіи возраженій, исходящихъ изъ лагеря принципіальныхъ защитниковъ частной собственности, только аргументы французскаго экономиста Бастіа, извѣстнаго своими попытками доказать существованіе полной гармоніи въ современныхъ экономическихъ отношеніяхъ. Бастіа указывалъ, что рента не является какимъ-либо особеннымъ, само-

---

рудниковъ или за мѣсто подъ постройками, очевидно, не подошла бы подъ первое опредѣленіе, а между тѣмъ она совершенно ясно раскрывается изъ факта частной собственности на рудники и городскія земли.

стоятельнымъ доходомъ, а просто представляетъ собой плату за вложенный въ землю капиталъ. «Если принять въ соображеніе,—говоритъ Бастіа,— что во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ изъ года въ годъ затрачиваются въ землю все новые и новые капиталы, то мы легко поймемъ, гдѣ источникъ дохода землевладѣльца. Земельный собственникъ реализуетъ въ земельной рентѣ весьма скромнымъ образомъ вознагражденіе за ту массу затратъ и усилій, которую и онъ и его предки влагали въ землю». Не трудно видѣть, что усилія Бастіа совершенно не достигаютъ цѣли. Указывая на затрату капиталовъ, вложенныхъ въ землю, онъ не упоминаетъ объ одномъ весьма важномъ обстоятельствѣ, именно, что эти капиталы изъ года въ годъ даютъ свою прибыль въ обычномъ размѣрѣ и, кромѣ того, извѣстную долю погашенія. Всякое предпріятіе, въ которомъ примѣняется капиталъ, устраивается такимъ образомъ, чтобы его доходъ, помимо прибыли, давалъ возможность постепенно погасить вложенную сумму, соотвѣтственно изнашиванію машинъ и порчѣ зданій. Иначе каждая фабрика или заводъ, существующіе долгое время и не разъ мѣнявшіе за этотъ періодъ и машины и зданія, высчитывали бы въ своихъ новыхъ доходахъ прибыли на давно уже погашенные капиталы. Капиталы, влагаемые въ земледѣліе, не составляютъ исключенія; они приносятъ свой доходъ и постепенно погашаются, доходъ же землевладѣльца, полученный имъ только въ силу права собственности на землю, получается своимъ чередомъ

Такъ же несправедливы, хотя гораздо болѣе научно обоснованы, и возраженія противъ теоріи

ренты Рикардо со стороны другого защитника идеи «согласія интересовъ» въ современномъ обществѣ — американскаго экономиста Кэри. Кэри доказывалъ, что послѣдовательность перехода къ различнымъ земельнымъ участкамъ установлена Давидомъ Рикардо неправильно, несогласно съ дѣйствительными фактами. Ссылаясь на историческій примѣръ заселенія американской территоріи, Кэри утверждаетъ, что первоначально занимаются подъ обработку не лучшія земли, а худшія. Американскіе поселенцы начинали съ воздѣлыванія земли на возвышенныхъ мѣстахъ, гдѣ почва удобна для обработки, хотя и менѣе плодородна, чѣмъ въ низшихъ, на подготовку которыхъ къ сельско-хозяйственной культурѣ нужно употребить много труда. И только когда поселенцы достаточно обживались на новыхъ мѣстахъ, они могли уже справляться съ трудностями обработки лучшихъ по качеству почвъ. Фактъ, указываемый Кэри, дѣйствительно вѣренъ, но онъ совершенно не колеблетъ теоріи Рикардо. Дѣло въ томъ, что отмѣчаемая имъ послѣдовательность въ обработкѣ различныхъ участковъ представляетъ переходъ отъ худшихъ земель къ лучшимъ только съ технической точки зрѣнія; съ экономической же — земли, требующія наименьшихъ затратъ труда и капитала, представляются наиболѣе выгодными. Съ другой стороны, Кэри неправъ, приписывая Рикардо намѣреніе представить исторически имѣвшій мѣсто переходъ отъ однихъ земель къ другимъ. Согласно общему духу построеній Рикардо, и его теорія ренты отправляется отъ гипотетическихъ примѣровъ и вычисленій, не претендуя на изображеніе дѣйствительнаго хода экономической исторіи. Ри-

кардо пытался своимъ примѣромъ сдѣлать яснѣе логическій ходъ его аргументаціи, указывая на логическую послѣдовательность основныхъ чертъ изслѣдуемаго явленія, а не на ихъ конкретныя формы, которыя представляютъ, конечно, безконечно большее разнообразіе. Если въ историческомъ процессѣ и не было такой послѣдовательности, какую мы видимъ въ примѣрѣ Рикардо, то современная жизнь представляетъ въ явленіи ренты результаты совершенно такого рода, какъ если бы они были произведены въ порядкѣ, отмѣченномъ Рикардо. Разница въ плодородіи между различными участками (а также въ разстояніи отъ мѣста сбыта и т. п.) существуетъ въ современной реальной дѣйствительности и порождаетъ указанныя Рикардо послѣдствія, независимо отъ того, раньше или позже былъ занятъ худшій участокъ сравнительно съ лучшимъ.

Наконецъ, я считалъ бы небезполезнымъ указать на возраженіе, выставленное извѣстнымъ нѣмецкимъ соціологомъ и экономистомъ Шеффле. Шеффле ставитъ въ упрекъ Рикардо, что его понятіе о рентѣ слишкомъ узко, такъ какъ ограничено только доходомъ отъ земельной собственности. Избыточный доходъ нѣкоторыхъ лицъ, находящихся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, мы встрѣчаемъ повсюду. Въ доходѣ знаменитаго врача, адвоката, болѣе счастливаго предпринимателя мы находимъ, по мнѣнію Шеффле, такую же рентную долю, какъ и въ доходѣ землевладѣльца. Несомнѣнно, что неравенство доходовъ существуетъ во всѣхъ предпріятіяхъ; но поземельная рента представляетъ свои особенности, выдѣляющія ее изъ всѣхъ указанныхъ

Шеффле видовъ доходовъ. Она основывается на неустранимыхъ особенностяхъ земельныхъ участковъ, плодородіе которыхъ всегда будетъ различно, которые всегда будутъ лежать на неодинаковомъ разстояніи отъ рынка. Доходъ врача, пользующагося наиболѣе крупнымъ успѣхомъ, есть просто плата за квалифицированный трудъ, возвышающаяся надъ платой за среднія медицинскія услуги. Доходъ же цѣлаго класса лицъ, владѣющихъ земельной собственностью, опредѣляется свойствами принадлежащихъ имъ земельныхъ участковъ. Выдѣляя его какъ особый видъ дохода, отличный отъ разнообразныхъ колебаній въ уровнѣ другихъ видовъ дохода, экономическая теорія выясняетъ одну изъ крупныхъ сторонъ въ соціально-экономическихъ отношеніяхъ, не похожую на другія стороны.

Болѣе удачными представляются поправки, внесенныя въ теорію Рикардо Карломъ Марксомъ въ третьемъ томѣ его «Капитала». Ренту Рикардо Марксъ называетъ дифференціальной, потому что Рикардо выводитъ земледѣльческій доходъ изъ различій въ свойствахъ земельныхъ участковъ. Въ этомъ отношеніи теорія Рикардо, по мнѣнію Маркса, вполнѣ справедлива; но въ ней есть нѣкоторые пробѣлы. По ученію Рикардо, худшіе участки (участки послѣдней категоріи) никогда не даютъ ренты; возможность же полученія землевладѣльцемъ дохода со всѣхъ принадлежащихъ ему участковъ, какъ лучшихъ, такъ и худшихъ, объясняется просто тѣмъ, что онъ вычисляетъ общую сумму дохода, распредѣляя ее по участкамъ; фактически же въ составѣ его имѣнія всегда есть такія полосы земли, которыя не даютъ ренты. Капиталистъ-фер-

меръ, однако, находитъ выгоднымъ воздѣлывать ихъ, потому что онѣ вознаграждаютъ его за сдѣланныя затраты. Это мнѣніе,—замѣчаетъ Марксъ,—нуждается въ нѣкоторыхъ поправкахъ. Присматриваясь къ условіямъ сельскаго хозяйства, мы находимъ, что существуетъ не только дифференціальная, но и абсолютная рента, приносимая худшими участками [1]). Случаи воздѣлыванія худшихъ земель, безъ платежа ренты, возможны только при наличности слѣдующихъ условій:

1) Если землевладѣлецъ является въ то же время и капиталистомъ, т.-е. если онъ самъ эксплуатируетъ свою землю. Обработка участка земли, не дающаго ренты, представляется тѣмъ не менѣе выгоднымъ помѣщеніемъ для его капитала, такъ какъ за покрытіемъ издержекъ она доставляетъ обычный уровень прибыли.

2) Арендаторъ-капиталистъ можетъ найти выгодной для себя затрату дополнительнаго капитала на арендованномъ участкѣ. Онъ выручитъ при этомъ только прибыль на затраченный капиталъ; но такъ какъ сумма арендной платы останется при этомъ прежней, то и такая выручка принесетъ ему достаточную выгоду (ренту землевладѣльцу онъ уплачиваетъ приложеніемъ другой (первой) части капитала).

3) Наконецъ въ составѣ аренднаго участка бываютъ полосы земли, не дающія ренты. Онѣ сдаются землевладѣльцемъ даромъ, но такъ какъ онъ высчитываетъ арендную плату на всю сдаваемую

---

[1]) Впрочемъ, Марксъ не первый обратилъ вниманіе на эту сторону дѣла. На существованіе абсолютной ренты указывалъ напр., еще Мальтусъ.

землю, то онъ и не замѣчаетъ этого (случай, отмѣченный уже выше).

Однако,—продолжаетъ Марксъ,—указанныя условія встрѣчаются не всегда. Капиталъ можетъ предъявлять спросъ на воздѣлываніе худшихъ участковъ, но землевладѣлецъ не всегда согласится отдать ихъ. Имѣя возможность обратить ихъ подъ паркъ или оставить на случай какихъ - либо будущихъ потребностей, землевладѣлецъ не согласится сдать ихъ внаймы иначе, какъ подъ условіемъ платежа ренты. Благодаря монопольному характеру землевладѣнія, цѣны земледѣльческихъ продуктовъ поднимутся настолько, что капиталистъ - арендаторъ будетъ въ состояніи уплатить требуемую ренту.

Сравнивая дифференціальную ренту съ абсолютной, находимъ, что между ними существуетъ крупное различіе по отношенію къ образованію цѣнъ на земледѣльческіе продукты. Дифференціальная рента не создаетъ повышенія цѣны; цѣна опредѣляется обычнымъ уровнемъ затраты капитала и труда на худшихъ земляхъ. Здѣсь, — говоритъ Марксъ, — землевладѣніе лишь перехватываетъ добавочную прибыль изъ кармана арендатора. Арендаторъ вынужденъ уступить землевладѣльцу излишекъ надъ обычномъ уровнемъ прибыли, чего ему не пришлось бы сдѣлать, если бы земля не находилась въ частной собственности опредѣленнаго лица, т.-е. если бы доступъ къ ней не былъ загражденъ требованіями землевладѣльца. Другое дѣло — абсолютная рента; она создаетъ уже сама по себѣ извѣстное повышеніе цѣны. При образованіи цѣнъ по обычному уровню издержекъ, арендаторъ не могъ бы уплачивать абсолютной ренты. Слѣ-

довательно, въ данномъ случаѣ земельная собственность вызываетъ не распредѣленіе долей дохода между капиталистомъ и землевладѣльцемъ, но приводитъ и къ повышенію цѣнъ, создаетъ это повышеніе [1]).

Таковы главнѣйшія попытки объясненія причинъ, создающихъ существованіе особаго дохода землевладѣльческаго класса. Что касается вопроса о постепенныхъ измѣненіяхъ въ уровнѣ ренты въ процессѣ историческаго развитія народнаго хозяйства, то прежняя теорія указывала на постоянную тенденцію земельной ренты къ повышенію. Такъ какъ населеніе постепенно возрастаетъ и, слѣдовательно, съ каждымъ годомъ предъявляетъ все большій и большій спросъ на земледѣльческіе продукты, то подъ обработку обращаются наихудшіе участки или повышаются затраты капиталовъ на уже воздѣлываемыхъ земляхъ. Эта теорія была совершенно справедлива при объясненіи развитія земледѣльческихъ отношеній въ Англіи и другихъ европейскихъ странахъ начала XIX столѣтія. Подобно другимъ положеніямъ классической школы, и «законъ постояннаго возвышенія поземельной ренты» не можетъ имѣть абсолютнаго значенія, объясняя совокупность хозяйственныхъ явленій лишь опредѣленнаго историческаго періода. Разсматривая движеніе ренты въ ближайшія къ намъ десятилѣтія, мы находимъ, что во многихъ странахъ оно на-

---

1) Это положеніе Маркса о вліяніи абсолютной ренты на образованіе цѣнъ является новымъ противорѣчіемъ его общему ученію о цѣнности, которое, какъ было уже отмѣчено нами выше, нуждается въ пересмотрѣ, въ особенности съ точки зрѣнія теоріи распредѣленія.

правляется какъ разъ обратно съ ученіемъ Рикардо, въ сторону постепеннаго паденія. Свободная международная хлѣбная торговля (значительное пониженіе ввозныхъ пошлинъ на хлѣбъ) и усовершенствованіе путей сообщенія совершенно измѣнили для Европы условія образованія хлѣбныхъ цѣнъ. Вліяніе отдаленности мѣстностей хлѣбнаго производства отъ рынковъ сбыта исчезло; усиленная постройка желѣзныхъ дорогъ въ земледѣльческихъ странахъ въ связи съ развитіемъ морского транспорта привела къ тому, что цѣны на хлѣбъ повсюду упали въ мѣстахъ его ввоза. Рента землевладѣльцевъ европейскихъ странъ значительно понизилась и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дошла бы до крайняго минимума, если бы не искусственное вздуваніе цѣнъ запретительными хлѣбными пошлинами. Съ другой стороны, въ странахъ хлѣбнаго экспорта рента первоначально сильно поднялась. Въ Россіи, напр., въ годы, слѣдовавшіе за крестьянской реформой, благодаря проведенію желѣзнодорожныхъ путей, связавшихъ хлѣбныя мѣстности съ портовыми городами и съ крупными заграничными хлѣботорговыми пунктами, рента землевладѣльцевъ чрезвычайно поднялась. Арендныя цѣны шли все время въ гору (чему способствовала, сверхъ указанныхъ причинъ, и крайняя необезпеченность крестьянскаго населенія, вынужденнаго арендовать землю у частныхъ владѣльцевъ). Въ послѣдніе годы, однако, наблюдалась и противоположная тенденція. Конкуренція на европейскомъ рынкѣ со стороны Сѣверной Америки, Индіи, Австраліи и другихъ заокеанскихъ странъ, способствуя пониженію цѣнъ на хлѣбъ въ главнѣйшихъ мѣстахъ его

сбыта, неблагопріятно отражалась и на доходахъ русскаго землевладѣнія. Такимъ образомъ, изслѣдуя причины измѣненій въ поземельной рентѣ за какое-либо время, необходимо анализировать специальныя условія, вліявшія въ эту эпоху на образованіе хлѣбныхъ цѣнъ. Только путемъ такого спеціальнаго изслѣдованія можно составить себѣ правильное представленіе о фактическомъ процессѣ движенія земельной ренты и о его вѣроятномъ направленіи въ будущемъ.

Какъ мы видѣли изъ предшествующаго изложенія, полученіе земельной ренты классомъ землевладѣльцевъ зависитъ не отъ какихъ-либо полезныхъ для общества усилій этого класса, а отъ простого факта владѣнія собственностью, правомъ исключительнаго распоряженія землей. Многихъ изслѣдователей, въ общемъ не расположенныхъ къ отрицанію института частной собственности, изученіе условій, вліяющихъ на образованіе земельной ренты, приводило къ выводамъ, направленнымъ далеко не въ пользу землевладѣльческаго класса. Въ особенности новѣйшая хозяйственная исторія культурныхъ странъ полна фактами, способствовавшими распространенію подобныхъ теоретическихъ выводовъ. Въ самомъ дѣлѣ, даже людей, склонныхъ вообще чрезъ розовыя очки смотрѣть на современную экономическую дѣйствительность, не могутъ не поражать явленія, ежедневно происходящія у нихъ на глазахъ. Проводится въ какой-нибудь мѣстности желѣзная дорога, и всѣ окрестные землевладѣльцы, въ силу этого совершенно независящаго отъ ихъ труда факта, начинаютъ получать крупную ежегодную прибавку къ своимъ

доходамъ. Выростаютъ новые городскіе кварталы. увеличивается городское населеніе, — и всѣ домовладѣльцы ближайшихъ къ центру улицъ начинаютъ получать больше доходовъ [1]). Очевидная несправедливость частнаго пользованія условіями. создаваемыми развитіемъ общественной жизни, образованіе частныхъ выгодъ и привилегій въ силу соціальныхъ отношеній, не зависящихъ отъ усилій отдѣльныхъ лицъ, порождали множество проектовъ устраненія или, по крайней мѣрѣ, уменьшенія рентнаго дохода. Писатели, доходившіе до конца въ своихъ логическихъ выводахъ, высказывались за націонализацію земли, т.-е. за сосредоточеніе земельнаго владѣнія въ рукахъ государства, за полное уничтоженія права частной собственности на землю, или предлагали организацію податной системы такимъ образомъ, чтобы значительная часть поземельной ренты или вся рента полностью взималась государствомъ въ видѣ спеціальнаго налога, а добываемыя такимъ путемъ средства шли бы на удовлетвореніе общихъ потребностей. Предлагалась и передача въ руки государства нѣкоторыхъ видовъ земельныхъ участковъ, частное владѣніе которыми казалось авторамъ такихъ проектовъ особенно несправедливымъ (напримѣръ, въ большихъ городахъ). Время не позволяетъ намъ входить въ подробное обсужденіе цѣлесообразности указанныхъ мѣръ; ограничивая нашу задачу лишь теоретическимъ разъясненіемъ вопроса, мы можемъ замѣ-

[1]) Возрастаніе ренты съ городскихъ участковъ отражается особенно гибельно на участи бѣднѣйшаго населенія и общихъ санитарныхъ условіяхъ городской жизни. Подробно мы будемъ говорить объ этомъ въ слѣдующей лекціи.

тить только, что этими предложеніями еще разъ подчеркивается существенная черта поземельной ренты, какъ дохода, имѣющаго нетрудовое происхожденіе [1]).

---

[1]) Характеристику раннихъ ученій о рентѣ въ англійской литературѣ см. у *Cannan*, A history of the theories of production and distribution in english political economy. Среди новѣйшихъ систематическихъ попытокъ изложенія вопроса о рентѣ (и въ частности «закона уменьшенія земледѣльческаго продукта», особеннаго вниманія заслуживаютъ соотв. главы у *Маршалла*, въ Principles of economics.

УЧЕНІЕ О ПОТРЕБЛЕНІИ.

Лекція семнадцатая.

Потребленіе.—Главные вопросы этого отдѣла экономической науки. — Субъекты потребленія. — Размѣры потребленія различныхъ общественныхъ классовъ. — Законъ Энгеля. — Удовлетвореніе потребности въ жилищахъ.—Значеніе жилищнаго вопроса при капиталистическомъ хозяйственномъ строѣ. — Попытки борьбы съ жилищной нуждой въ Англіи.—Организація потребленія. — Отсутствіе связи между производствомъ и потребленіемъ въ современномъ хозяйственномъ строѣ. — Союзы потребителей.—Исторія потребительскихъ обществъ въ Англіи. — Особенности бельгійскихъ потребительскихъ обществъ.—Роль кооперативнаго движенія въ общественномъ прогрессѣ.

Мм. гг. Чтобы закончить очеркъ основныхъ положеній экономической теоріи, намъ необходимо коснуться вопроса о потребленіи хозяйственныхъ благъ.

Недостатокъ времени не позволяетъ намъ остановиться и на этомъ заключительномъ отдѣлѣ экономической науки съ такой подробностью, какой онъ заслуживалъ бы; мы попытаемся лишь намѣтить нѣкоторыя основныя черты его, отсылая лицъ, ближе интересующихся имъ, къ соотвѣтственнымъ главамъ и статьямъ въ не разъ уже цитированныхъ нами обширныхъ трактатахъ политической экономіи Шёнберга и Франкенштейна и «Словарѣ государственныхъ наукъ» Конрада, а также къ нѣкоторымъ спеціальнымъ сочиненіямъ, на которыя будутъ даны дальше ссылки въ настоящей лекціи.

Въ ученіи о потребленіи мы различаемъ три существенныхъ части: ученіе о субъектахъ потре-

бленія, о размѣрахъ и характерѣ потребленія различныхъ общественныхъ классовъ и объ организаціи потребленія. Въ настоящее время весь разсматриваемый отдѣлъ экономической науки представляется еще сравнительно мало разработаннымъ, но всего менѣе научный анализъ коснулся вопроса объ организаціи потребленія.

О субъектахъ потребленія намъ приходилось уже упоминать въ началѣ нашего курса. Мы видѣли тогда, что субъекты потребленія, послѣдней стадіи процесса хозяйственной дѣятельности общества, не совпадаютъ съ субъектами производства, первой стадіи экономической дѣятельности. Всѣ люди потребляютъ хозяйственныя блага, но далеко не всѣ принимаютъ непосредственное участіе въ производствѣ. Разлагая составъ общества на группы, соотвѣтственно участію въ хозяйственной дѣятельности, мы находили въ одной изъ первыхъ лекцій, что извѣстная часть членовъ общества всегда содержится на счетъ труда другихъ членовъ. Въ составѣ этой группы, стоящей внѣ активнаго участія въ хозяйственной жизни, значительная доля, дѣйствительно, не можетъ трудиться. Малолѣтніе и старики, въ силу физическихъ особенностей ихъ организма, не только не могутъ, но и не должны быть привлекаемы къ работѣ. Мы видѣли, что общественный прогрессъ характеризуется устраненіемъ (при помощи законодательныхъ мѣропріятій) слабѣйшихъ членовъ общества отъ промышленной дѣятельности. Въ будущемъ необходимо ожидать еще большаго освобожденія отъ работы дѣтей и стариковъ. Старики заработали себѣ право на спокойную жизнь долгимъ предыдущимъ трудомъ, молодое поколѣніе

будетъ еще трудиться, а пока должно накапливать больше силъ для предстоящей трудовой жизни. Эта часть населенія, повторяемъ, въ интересахъ всего общества должна содержаться на счетъ труда другихъ лицъ, вполнѣ способныхъ къ работѣ. Равнымъ образомъ, и лица, занятыя какой-либо полезной для общества дѣятельностью (учителя, врачи, лица, состоящія на общественной службѣ, ученые, литераторы и т. д.) внѣ круга хозяйственныхъ отношеній, справедливо черпаютъ средства для своего потребленія изъ источника, создаваемаго хозяйственнымъ трудомъ другихъ лицъ. Здѣсь можетъ итти рѣчь лишь о размѣрахъ вознагражденія, которые могутъ быть въ силу существующихъ общественныхъ неустройствъ для однихъ -- чрезмѣрно большими, для другихъ — чрезмѣрно скудными, но въ принципѣ противъ права лицъ, занятыхъ полезной для общества дѣятельностью, на участіе въ потребленіи хозяйственныхъ благъ ничего нельзя возразить.

Въ потребленіи общественнаго дохода участвуютъ также и лица, не дающія съ своей стороны эквивалента въ видѣ полезнаго для общества труда, хотя и трудоспособныя, каковы, напр., преступники, отбывающіе наказаніе въ тюрьмахъ, бродяги, нищіе и т. п. [1]).

Что касается размѣровъ потребленія, то они, какъ извѣстно, далеко не одинаковы для различныхъ общественныхъ классовъ.

---

1) Многіе изъ послѣднихъ, однако, не были бы нищими, если бы государство обезпечило пенсіи всѣмъ престарѣлымъ работникамъ. Основная же причина нищенства лицъ, способныхъ къ труду, заключается въ безсиліи современнаго общества гарантировать постоянное занятіе всѣмъ его членамъ.

Статистическія вычисленія показываютъ, что рабочія семьи расходуютъ почти весь свой доходъ на пищу, одежду и жилище, оставляя на цѣли воспитанія, образованія, заботы о здоровьѣ, развлеченія и т. п. крайне скудныя суммы. Наоборотъ, въ доходахъ среднихъ и богатыхъ классовъ расходы послѣдней категоріи составляютъ вдвое и втрое бо̀льшую часть ихъ бюджета, который, кромѣ того, въ своей абсолютной цифрѣ въ нѣсколько разъ превосходитъ заработокъ рабочей семьи.

Выдѣливъ изъ общей суммы расходовъ издержки на пищу и жилище, германскій статистикъ Энгель нашелъ, что доли расходовъ на остальныя потребности растутъ вмѣстѣ съ общей цифрой доходовъ:

При доходѣ.			ПРИХОДИТСЯ на пищу	на жилище	на остальные расх.
въ	900 марокъ	(около 450 р.)	71,48%	21,6%	7,00%
»	1.500 »	(» 750 »)	68,85 »	18,9 »	12,25 »
»	2.250 »	(» 1.125 »)	66,17 »	19,0 »	14,83 »
»	3.000 »	(» 1.500 »)	64,00 »	17,0 »	19,01 »
»	4.500 »	(» 2.250 »)	60,75 »	14,7 »	24,60 »
»	6.000 »	(» 3.000 »)	58,65 »	15,5 »	25,83 »

Основываясь на этихъ вычисленіяхъ, Энгель выставилъ даже общее положеніе, что «размѣры расходовъ на пищу возрастаютъ въ геометрической прогрессіи соотвѣтственно уменьшенію благосостоянія семьи». Конечно, такая математическая формулировка не представляется вполнѣ точной; но она хорошо намѣчаетъ существующую тенденцію распредѣленія расходовъ въ бюджетахъ лицъ съ различнымъ достаткомъ.

Если взять отдѣльныя статьи расхода, то при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи ихъ мы найдемъ, что нѣкоторые предметы потребленія не только отнимаютъ сравнительно большую долю дохода у рабочихъ клас-

совъ, по сравненію съ состоятельными слоями общества, но что и качество ихъ несравненно хуже. Во многихъ случаяхъ предметы потребленія рабочихъ настолько неудовлетворительны, что пользованіе ими создаетъ новыя бѣдствія для трудящагося населенія.

Въ данномъ отношеніи едва ли не наибольшаго вниманія заслуживаютъ жилища. Удовлетвореніе этой насущнѣйшей потребности человѣка въ наше время, когда господствующіе классы выставляютъ однимъ изъ первыхъ устоевъ общежитія семью и домашній очагъ, стоитъ настолько плохо для большинства населенія европейскихъ государствъ, что даже самые закоренѣлые приверженцы существующаго порядка съ ужасомъ и недоумѣніемъ указываютъ на роковыя послѣдствія неурегулированности «жилищнаго вопроса». Въ экономической литературѣ вопросъ этотъ отмѣчается характерными терминами «жилищной нужды» (Wohnungsnoth), «жилищнаго голода» (house famine) и т. д.

Развитіе капитализма способствовало, какъ мы знаемъ, сосредоточенію населенія въ крупныхъ городскихъ центрахъ. Пришлые рабочіе довольствовались при этомъ тѣми помѣщеніями, какія можно было найти въ городѣ по ихъ скуднымъ средствамъ; никто не заботился о томъ, каковы эти помѣщенія и достаточно ли ихъ для все прибывающаго населенія. Съ другой стороны, сами рабочіе, приходя или изъ сельскихъ мѣстностей, или изъ захудалыхъ семей городскихъ ремесленниковъ и кустарей, приносили съ собой привычки жалкаго, полузоологическаго существованія, нажитыя въ ихъ прошломъ. Городскіе кварталы, занимаемые рабочимъ людомъ, наполнялись тѣми ужасающими притонами, красно-

рѣчивыя описанія которыхъ содержатся въ трудахъ экономистовъ первой половины XIX вѣка.

Прошло много лѣтъ, пока повысившіяся культурныя привычки рабочаго класса, развитіе демократизаціи общества и боязнь эпидемій, испытываемая состоятельными жителями большихъ городовъ, не привели, наконецъ, къ попыткамъ упорядоченія жилищнаго вопроса.

Не имѣя времени подробно остановиться на условіяхъ рабочихъ жилищъ въ современныхъ капиталистическихъ государствахъ и на попыткахъ устраненія замѣченныхъ неустройствъ вмѣшательствомъ государственной и мѣстной власти и частной и общественной иниціативы, я укажу лишь вкратцѣ на исторію жилищнаго вопроса въ современной Англіи, гдѣ онъ успѣлъ уже во многихъ сторонахъ выясниться съ достаточной опредѣленностью. [1])

Развитіе промышленности уже въ началѣ XIX столѣтія создало въ Англіи значительный наплывъ ра-

---

[1]) Что жилищная нужда составляетъ бѣдствіе не одной Англіи, можно видѣть хотя бы изъ слѣдующихъ данныхъ, касающихся континентальныхъ столицъ:

Города.	Общая цифра населенія.		Число жителей, живущихъ въ переполненныхъ квартирахъ (болѣе чѣмъ 2 жильца на 1 комнату).	% ихъ къ общей цифрѣ населенія.
Парижъ	(1891 годъ)	2.424.705	331.976	14
Берлинъ	(1885 »)	1.315.387	363.960	28
Вѣна	(1890 »)	1.364.548	387.000	28
Петербургъ	(1890 »)	956.226	442.508	46
Москва	(1882 »)	750.867	236.649	31

Какъ видно изъ этой таблицы, въ нашихъ городахъ скученность населенія еще больше, чѣмъ въ европейскихъ. См. *I. Bertillon*, Essai de statistique comparée du surpeuplement des habitations à Paris et dans les grandes capitales européennes. Paris, 1894. стр 32.

бочаго населенія въ города. Недостатокъ въ квартирахъ почувствовался очень скоро, и домовладѣльцы воспользовались повышеніемъ спроса, чтобы извлечь выгоды изъ самыхъ дурныхъ помѣщеній. Образованію городскихъ трущобъ (slums) способствовали здѣсь и спеціальныя юридическія условія англійской земельной собственности.

Земля въ англійскихъ городахъ (а особенно въ Лондонѣ) принадлежитъ немногимъ лицамъ, которыя, въ силу юридическихъ стѣсненій продажи недвижимыхъ имуществъ, сдаютъ свои земли въ долгосрочную аренду (обыкновенно на 99 лѣтъ) и притомъ двумя способами:

1) или предварительно застроивъ передаваемые участки (слѣдовательно, сдаются не только земли, но и дома);

2) или сдавая землю подъ постройки (этотъ способъ всего чаще встрѣчается въ Лондонѣ).

Въ томъ и другомъ случаяхъ для строящихъ дома нѣтъ интереса заботиться ни о солидности постройки, ни о ремонтѣ. Всего меньше арендаторъ заботится о домѣ передъ концомъ контракта и если находитъ, что домъ не годится уже для него, передаетъ его рабочимъ, какъ наименѣе взыскательнымъ квартирантамъ, или спеціальнымъ посредникамъ, прилаживающимъ эти дома для жилья рабочихъ. Такъ какъ по англійскимъ обычаямъ дома строятся обыкновенно для помѣщенія только одной семьи, то, при раздѣленіи ихъ на нѣсколько рабочихъ квартиръ безъ надлежащей перестройки, квартиранты лишаются самыхъ элементарныхъ удобствъ. На всѣ квартиры оказывается одинъ клозетъ, одинъ водопроводъ и т. д.

Если бы рабочіе имѣли возможность выбора хорошихъ квартиръ, они не соглашались бы жить въ такихъ «трущобахъ» (slums), но предложеніе квартиръ далеко не отвѣчало спросу на нихъ. Болѣе того, проведеніе городскихъ желѣзныхъ дорогъ, устройство доковъ и т. п. уничтожали многія изъ существовавшихъ уже квартиръ. [1]) Неудивительно, что рабочіе вынуждались волей-неволей обрекать себя на помѣщеніе въ этихъ домахъ, лишенныхъ свѣта и воздуха, санитарныхъ приспособленій, годныхъ скорѣе для помѣщенія скота, чѣмъ для человѣческаго обитанія. По изслѣдованію, произведенному парламентской комиссіей въ 80-хъ годахъ, оказалось, что въ Лондонѣ было 60.000 семей, имѣвшихъ только по одной комнатѣ. Бывало, что въ одной комнатѣ жило и нѣсколько семей. [2])

За такія квартиры рабочимъ приходится, однако, платить не дешево.

По показанію свидѣтеля Вильямса въ указанной выше комиссіи, посѣтившаго по обязанности инспектора лондонскихъ начальныхъ училищъ около 1.000 рабочихъ квартиръ, въ среднемъ квартирная плата составляетъ:

1) за одну комнату—3 шилл. $10^{3}/_{4}$ пенс. въ недѣлю.
2) » двѣ » —6 » » »
3) » три » —7 » $5^{1}/_{4}$ » » »

[1]) Насколько проведеніе желѣзныхъ дорогъ сокращаетъ количество имѣющихся рабочихъ квартиръ, можно видѣть изъ того, что въ одну зиму 1884—1885 г. желѣзнодорожныя компаніи ходатайствовали объ экспропріаціи земли подъ 1.807 домами въ Лондонѣ и 3.859 въ другихъ городахъ Англіи. *P. Aschrott*, Die Arbeiterwohnungsfrage in England. Schriften d. V. f. Soc. Pol. Leipzig. 1886. т. 30, стр. 109.

[2]) *Aschrott*, указ. соч., стр. 97.

Такія цѣны очень тяжелы даже для англійскихъ рабочихъ, получающихъ, какъ мы знаемъ, довольно высокую заработную плату (для Лондона принимаютъ среднюю заработную плату въ 20 шилл. въ недѣлю, съ предѣлами отъ 16 до 25 шилл., смотря по степени искусности труда).

По показаніямъ того же свидѣтеля, квартирная плата отнимаетъ:

у 12% раб. насел. менѣе 10% недѣльн. заработка;
» 42% » » отъ 20 до 25% » »
» 46% » » » 25 до 50% » » [1]).

Такое положеніе естественно вызывало протесты со стороны рабочаго класса и его сторонниковъ, которымъ удавалось время отъ времени добиваться законодательныхъ мѣръ для устраненія зла; но эти мѣры долгое время оставались безсильными на практикѣ, потому что въ городскихъ управленіяхъ засѣдали лица, враждебныя вообще интересамъ рабочихъ классовъ, а часто прямо заинтересованныя въ сохраненіи дурныхъ жилищъ для рабочихъ

Первые законы противъ дурныхъ жилищъ, про-
ные лордомъ Шафтсбэри въ 1851 г., настолько не соблюдались, что въ 1885 г. самъ Шафтсбэри заявилъ передъ парламентской комиссіей: «Я думаю, что я единственный англичанинъ, знающій о ихъ существованіи». [2])

Аналогичная судьба постигла и санитарные акты 1855, 1860, 1866, 1874 и 1875 гг. Согласно этимъ актамъ управленія городскихъ округовъ (vestries) должны были слѣдить за санитарнымъ состояніемъ

[1]) *Aschrott*, указ. соч., стр. 99.

[2]) *E. Bowmaker*, The housing of the working classes. London, 1895, стр. 28.

рабочихъ жилищъ чрезъ спеціальныхъ инспекторовъ. Но городскія управленія, представлявшія по преимуществу интересы домовладѣльцевъ, не желали сами примѣнять этихъ законовъ и умѣряли энергію инспекторовъ, находившихся въ полной зависимости отъ нихъ. Напр., по словамъ сэра Чарльза Дилька, въ округѣ Клеркенвелль въ Лондонѣ засѣдали 13 — 14 арендаторовъ домовъ и 10 кабатчиковъ, которые также заинтересованы въ сохраненіи дурныхъ жилищъ, такъ какъ такія жилища увеличиваютъ число посѣтителей кабаковъ. [1])

Однако, парламентскіе сторонники рабочаго класса не складывали оружія. За законами Шафтсбэри и санитарными актами послѣдовали законы Торренса (1868, 1879 и 1882) и Кросса (1875, 1879 и 1882). Эти законы все болѣе расширяли сферу вмѣшательства общественной власти и, хотя попрежнему наталкивались на оппозицію заинтересованныхъ лицъ, тѣмъ не менѣе давали уже и кое-какіе практическіе результаты.

Особенно важное значеніе имѣли акты Кросса, которыми городамъ Англіи и Шотландіи, имѣющимъ болѣе 25 000 жителей, было дано право очищать отъ дурныхъ жилищъ цѣлые кварталы, причемъ дѣятельность мѣстныхъ управленій была поставлена подъ контроль центральной власти. Если санитарный чиновникъ найдетъ въ городѣ дурныя жилища или будетъ извѣщенъ объ этомъ двумя мировыми судьями или 12 жителями, принадлежащими къ числу плательщиковъ городскихъ налоговъ, то онъ долженъ дать отчетъ о нихъ въ

---

[1]) *Aschrott*, указ. соч., стр. 104 – 105.

мѣстное санитарное бюро подъ угрозой апелляціи центральному правительству. Если будетъ найдено, что данный кварталъ дѣйствительно негоденъ для обитанія, то мѣстное бюро составляетъ планъ его улучшенія съ указаніемъ требуемыхъ расходовъ, причемъ законъ 1882 г. требуетъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, половина рабочихъ, лишающихся отъ этого жилищъ, была обезпечена квартирами здѣсь же или въ ближайшей мѣстности (для Лондона это обязательно какъ общее правило; для провинціальныхъ же городовъ только тогда, если требуется министерствомъ). Составленный на мѣстѣ планъ утверждается центральной властью и парламентомъ, послѣ чего и передается на исполненіе мѣстныхъ органовъ.

Интересы владѣльцевъ и арендаторовъ домовъ не замедлили проявиться и въ данномъ случаѣ. Изъ 33 представленій, сдѣланныхъ санитарному бюро Лондона въ 1882 году, 10 было отвергнуто имъ безъ указанія мотивовъ; 6—потому, что участки были, по его мнѣнію, меньше, чѣмъ установлено въ актахъ Кросса;[1]) изъ остальныхъ 23-хъ ко времени парламентской комиссіи 6 оставались еще «въ соображеніи»; изъ нихъ 2 находились въ этой стадіи съ 1877 г., 2—съ 1878 г. и 1—съ 1879 г. Что же касается остальныхъ 17, по которымъ были даны положительныя рѣшенія, то только для 4-хъ изъ нихъ намѣченный планъ былъ уже осуществленъ; для остальныхъ же — или участки не были еще очищены отъ старыхъ построекъ, или новыя постройки не были еще закончены.

---

[1]) Закономъ 1882 года сфера дѣйствія законовъ Кросса была ограничена кварталами, содержащими болѣе 15 домовъ.

Всего было очищено 40 акровъ, изъ которыхъ только 17 застроены новыми домами. [1])

Кое-что, однако, было уже сдѣлано. Нѣкоторую пользу принесли и законы, дающіе полномочія мѣстной власти заключать займы для выдачи ссудъ на постройку жилищъ для рабочихъ за небольшіе проценты (законы 1866, 1875 и 1879 гг.). На основаніи этихъ законовъ, въ половинѣ 80-хъ годовъ было дано городамъ взаймы на указанныя цѣли около 25 милл. рублей. Справедливо указывали, однако, что государство, имѣя въ почтово-сберегательныхъ кассахъ около 400 милл. рублей вкладовъ, полученныхъ, главнымъ образомъ, отъ бѣдныхъ классовъ населенія, могло бы затратить съ успѣхомъ хотя бы половину этой суммы на устройство квартиръ для рабочихъ, причемъ не оставалось бы въ убыткѣ, если бы взимало по своимъ ссудамъ $2^3/_4{}^0/_0$ (вкладчикамъ оно уплачиваетъ $2^1/_2{}^0/_0$).

Наконецъ, извѣстное значеніе имѣли законы о рабочихъ поѣздахъ (1883 г.). Министръ торговли получилъ право обязывать желѣзнодорожныя компаніи пускать ежедневно до 8 часовъ утра дешевые поѣзда для рабочихъ. Послѣ выхода этого закона желѣзныя дороги сами стали пускать эти поѣзда, но на болѣе удобныхъ для себя условіяхъ, чѣмъ предписывалось закономъ (до 7 часовъ утра). Министръ торговли (Чемберлэнъ) не употреблялъ, однако, своего права принужденія, и хотя передъ парламентской комиссіей онъ привелъ много основаній для своего бездѣйствія, но «единственно вѣрнымъ,—говоритъ Ашроттъ,—хотя по понятнымъ

[1]) *Aschrott*, указ. соч., стр. 118.

причинамъ не высказаннымъ основаніемъ было желаніе министра избѣгнуть конфликта съ представителями интересовъ желѣзнодорожныхъ компаній, столь сильными въ парламентѣ» [1]).

Неудовлетворительность указанныхъ законовъ вызвала пересмотръ жилищнаго вопроса упомянутой уже выше парламентской комиссіей, въ результатѣ чего были изданы новые законы—1885 и въ особенности 1890 года (актъ Ритчи).

Актъ 1890 г. свелъ въ одно цѣлое всѣ предыдущія постановленія, облегчилъ дѣятельность городскихъ управленій и устранилъ прежнія злоупотребленія по отчужденію дурныхъ кварталовъ (высокія оцѣнки). Противъ пристрастнаго отношенія къ дѣлу городскихъ совѣтовъ законъ Ритчи назначилъ тяжелыя наказанія за подачу голоса заинтересованными лицами въ качествѣ членовъ мѣстнаго органа управленія по поводу вопросовъ, касающихся улучшенія дурныхъ городскихъ кварталовъ [1]).

На ряду съ развитіемъ законодательства заслуживаютъ вниманія и попытки раціональной строительной дѣятельности какъ частныхъ лицъ, такъ и муниципалитетовъ. Если законъ открывалъ возможность устройства лучшихъ помѣщеній для рабочихъ, чѣмъ какія давала частная конкуренція, то какъ воспользовалось общество этими условіями?

Прежде всего, какъ разрѣшила англійская практика вопросъ о типѣ помѣщенія, подходящаго для современнаго рабочаго?

---

[1]) *Aschrott*, указ. соч., стр. 125.

[2]) *Bowmaker*, указ. соч., стр. 33—38.

Въ выборѣ этого типа большое значеніе имѣли, конечно, выработанныя уже предшествующей практикой формы рабочихъ жилищъ.

Городскіе рабочіе живутъ въ Англіи или въ маленькихъ квартиркахъ въ одномъ большомъ домѣ, или въ отдѣльныхъ домикахъ (коттеджахъ). Оба эти типа были съ успѣхомъ примѣнены и къ постройкѣ нормальныхъ домовъ для рабочихъ.

Для характеристики ихъ лучше всего взять дома Пибоди и Artizans' Labourers' and General Dwellings Company. Первое учрежденіе строитъ казармы (blocks), другое—отдѣльные домики. Исторія «фонда Пибоди» такова. Пибоди, американецъ по происхожденію, но проведшій много лѣтъ въ Лондонѣ, передалъ еще при жизни нѣсколькимъ довѣреннымъ лицамъ (въ 1862 году) капиталъ въ 150.000 ф. ст., уполномочивъ ихъ употребить эти деньги на «улучшеніе участи бѣдныхъ и нуждающихся лондонскихъ жителей и содѣйствіе ихъ благосостоянію и счастью».

Лица эти рѣшили употребить капиталъ на постройку дешевыхъ жилищъ, но такъ, чтобы онъ давалъ извѣстный (небольшой) процентъ. Пибоди одобрилъ этотъ планъ и къ пожертвованнымъ деньгамъ прибавилъ еще 200.000 фунтовъ ст., а затѣмъ назначилъ въ завѣщаніи 150.000 ф. ст. Весь капиталъ составилъ, такимъ образомъ, 500.000 фун. стерл., т.-е. около 5 милл. рублей.

Къ 1884 году этотъ капиталъ увеличился, благодаря доходу съ выстроенныхъ домовъ, до 857.000 фунтовъ. Кромѣ того, завѣдующіе фондомъ заняли на расширеніе дѣла у общественной власти 390.000 фунтовъ ст. На эти капиталы въ различныхъ частяхъ Лондона было выстроено 17 большихъ

домовъ, оцѣниваемыхъ теперь въ 1.300.000 фун. ст. Въ нихъ помѣщалось къ указанному времени 22.755 лицъ (4.551 семья).

Дома состоятъ изъ 5—6 этажей и слагаются изъ четырехъ частей, образующихъ четыреугольникъ, съ дворомъ посрединѣ, покрытымъ асфальтомъ. Незастроенная часть занимаетъ около $^2/_3$ всей площади; подъ постройками же приходится только $^1/_3$.

Комнаты небольшія, въ 9 футовъ высоты и 12×12 футовъ площади пола (или 12—въ ширину, 12—въ длину).

При установленіи высоты комнатъ принималось въ соображеніе, чтобы отопленіе ихъ не требовало большихъ расходовъ. Въ каждой квартирѣ устроены стѣнные шкафы, приспособленія для мытья посуды, водопроводъ и кухонная печь (отдѣльныхъ кухонь нѣтъ). Въ каждомъ этажѣ имѣется, по крайней мѣрѣ, одинъ клозетъ. Въ цѣломъ домѣ (или въ каждой сторонѣ четыреугольника) устраивается прачечная и сушильня, а также ванная комната.

Благодаря солидности постройки, а также дороговизнѣ земли (дома Пибоди находятся въ центральныхъ частяхъ Лондона), издержки постройки сравнительно высоки, а именно составляютъ около 100 фунтовъ (1.000 руб.) на каждую комнату (причемъ собственно на постройку приходится 77 фунтовъ и менѣе, остальное—на землю).

Квартирная плата взимается за недѣлю впередъ и составляетъ:

За квар. изъ	1 комнаты	отъ	2 шилл.	3 пен.	до	3 ш.	6 п.	въ нед.
» » »	2 комнатъ	»	3 »	6 »	»	5 »	6 »	» »
» » »	3 »	»	4 »	6 »	»	7 »	3 »	» »
» » »	4 »	»	7 »	— »	»	7 »	6 »	» »

Квартиры въ четыре комнаты встрѣчаются рѣдко, въ нихъ жило всего 74 семьи. Больше всего квартиръ въ 3 и 2 комнаты (1.609 и 2.153 семьи). Въ одной комнатѣ жило 715 семей. Квартиранты обязываются подчиняться нѣкоторымъ правиламъ, причемъ за нарушеніе ихъ жильцы немедленно удаляются изъ квартиръ. Главная масса жильцовъ Пибоди принадлежитъ къ разряду лучше оплачиваемыхъ рабочихъ и искусныхъ ремесленниковъ; не мало въ нихъ и полицейскихъ. Средній доходъ обитателей домовъ Пибоди составляетъ болѣе 23 шилл. въ недѣлю. [1])

Другое изъ указанныхъ обществъ — Artizans' Labourers' and General Dwellings Company,—основанное также на благотворительномъ началѣ, имѣетъ, однако, болѣе коммерческій характеръ. Оно организовано по типу обыкновенныхъ акціонерныхъ компаній, отличаясь отъ нихъ только тѣмъ, что размѣръ дивиденда ограниченъ (до 5%).

Эта компанія строитъ не казармы, а отдѣльные домики въ пригородахъ Лондона, Ливерпуля, Манчестера и Бирмингама. Дома приспособлены для лицъ съ различнымъ доходомъ, и большіе изъ нихъ заняты не рабочими въ собственномъ смыслѣ, а клерками банковыхъ учрежденій и конторъ изъ Сити. Всѣхъ типовъ домовъ — пять; дома перваго класса имѣютъ шесть комнатъ, кухню и прачечную (двѣ комнаты — въ первомъ этажѣ и 4 спальни — во второмъ) и сдаются за 11 шилл. 6 пенсовъ въ недѣлю; дома пятаго класса имѣютъ 3 комнаты (въ первомъ этажѣ — одна гостиная, а также кухня и прачечная и 2 спальни — во второмъ этажѣ). За

[1]) *Aschrott*, указ. соч., стр. 129—132.

эти дома компанія беретъ 6 шилл. въ недѣлю Дома устроены такъ, что передъ каждымъ изъ нихъ и сзади расположены садики.

Дѣла компаніи съ самаго начала пошли настолько успѣшно, что къ 80-мъ годамъ она расширила свой капиталъ до 1.750.000 фун. ст., вмѣсто первоначальныхъ 250.000 [1]).

Съ преобразованіемъ мѣстнаго управленія за дѣло постройки хорошихъ жилищъ для рабочихъ взялись муниципалитеты. Совѣтъ лондонскаго графства намѣтилъ, напр., обширную схему перестройки одного изъ дурныхъ рабочихъ кварталовъ (Boundary Street Scheme). Въ настоящее время эта часть города совершенно неузнаваема. Сумма, ассигнованная городомъ на это дѣло, равна приблизительно 1.000.000 фун. ст., т.-е. 10 милл. рублей [2]).

Оба указанные выше типа построекъ имѣютъ свои преимущества, но наиболѣе удобной для семейныхъ рабочихъ представляется система отдѣльныхъ домиковъ, устраняющая мелочныя столкновенія между сосѣдями, дающая больше простора и уюта. Къ сожалѣнію, въ центральныхъ частяхъ большихъ городовъ, благодаря крайней дороговизнѣ земли, она не приложима. Она требуетъ и хорошей сѣти городскихъ желѣзныхъ дорогъ или другихъ удобныхъ

---

1) Тамъ же, стр. 135—136.

2) *Bowmaker*, указ. соч., стр. 92—93. См. также *Ch. Lucas*, Etude sur les habitations à bon marché en France et á l'étranger. Paris, 1899, стр. 128 и слѣд., съ планами квартала Boundary Street до и послѣ перестройки и съ фасадами и планами домовъ. По вопросу о борьбѣ съ жилищной нуждой въ англійскихъ городахъ интересныя свѣдѣнія даны и въ соч. *Гуго*: «Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи». Спб., 1898 г.

средствъ сообщенія, которыя связывали бы окраины съ мѣстомъ работы. При разумной политикѣ государства и городскихъ управленій, конечно, есть основанія надѣяться и на дальнѣйшее болѣе широкое распространеніе этой системы, обѣщающей радикально измѣнить современную физіономію промышленнаго города.

Для холостыхъ же рабочихъ, конечно, болѣе пригодны большіе дома, «рабочія гостиницы», въ которыхъ могутъ быть довольно легко устраиваемы и нормальныя столовыя.

Что касается другихъ европейскихъ государствъ, то и тамъ въ настоящее время можно найти уже нѣкоторыя попытки къ устраненію «жилищной нужды», въ особенности во Франціи и Германіи. Во всякомъ случаѣ, въ настоящее время жилищный вопросъ составляетъ злобу дня въ культурныхъ государствахъ. Удачнаго разрѣшенія его можно ждать, главнымъ образомъ, отъ развитія общественной самодѣятельности и отъ вліянія самихъ рабочихъ классовъ на политику правительства и городовъ.[1])

Для лицъ, желающихъ подробнѣе ознакомиться съ разсматриваемымъ вопросомъ, можно было бы рекомендовать, сверхъ указанныхъ въ ссылкахъ работъ,

---

[1]) Въ послѣднее время начинаютъ появляться смѣлые проекты нормальнаго устройства городскихъ поселеній, имѣющіе цѣлью объединеніе въ высшемъ типѣ лучшихъ сторонъ города и деревни. Такова, напр., схема городовъ-садовъ (garden-cities), пропагандируемая въ Англіи *Эб. Говардомъ*. См. *Ebenezer Howard*, Garden-cities of to-morrow. London, 1902. Пока такіе проекты имѣютъ, конечно, въ значительной степени утопическій характеръ, въ особенности для странъ съ развитой уже городской жизнью. Бо̀льшее практическое значеніе они могутъ имѣть въ новыхъ странахъ, въ особенности въ колоніяхъ.

изслѣдованіе Союза Соціальной Политики — «Die Wohnungsnoth der ärmeren Klassen in deutschen Grossstädten», Schriften des Vereins für Socialpolitik, томы 30, 31 и 33 (гдѣ помѣщена и цитованная выше статья Ашротта), работу Bücher'а «Die Wohnungs-Enquête in der Stadt Basel» и труды международнаго конгресса по вопросу о дешевыхъ жилищахъ въ Брюсселѣ (Actes du Congrès international des habitations à bon marché, tenu à Bruxelles, juillet, 1897, Bruxelles, 1897). Что касается типовъ имѣющихся нормальныхъ построекъ, то весьма интересныя свѣдѣнія о нихъ (съ планами и смѣтами) содержатся въ цитованной уже выше книгѣ архитектора Lucas и брошюрѣ *Альбрехта* (H. Albrecht, Das Arbeiter-Wohnhaus. Berlin, 1896). Въ русской литературѣ по жилищному вопросу имѣется обширный трудъ *В. Святловскаго* [1]).

Сказаннымъ я считаю возможнымъ ограничиться для характеристики различій въ размѣрахъ по-

---

[1]) Квартирный вопросъ представляетъ весьма крупный интересъ и для русскихъ городовъ, которые страдаютъ отъ переполненія не менѣе европейскихъ, но въ которыхъ дѣло снабженія рабочаго населенія сносными жилищами могло бы быть осуществлено гораздо легче. Земли на окраинахъ нашихъ городовъ сравнительно дешевы; города имѣютъ часто и свои обширныя пространства земли; къ нимъ прилегаютъ и казенныя земли. Въ виду небольшихъ сравнительно размѣровъ русскихъ городовъ и разбросанности построекъ устройство нормальныхъ кварталовъ для помѣщенія трудящагося населенія потребовало бы гораздо меньше усилій и денежныхъ затратъ, чѣмъ въ Западной Европѣ. Равнымъ образомъ, и устройство городскихъ путей сообщенія не представило бы крупныхъ затрудненій. Главная бѣда русской

требленія отдѣльныхъ общественныхъ классовъ. Скажу только нѣсколько словъ о значеніи роскоши, такъ какъ на этотъ счетъ въ обычномъ ходячемъ мнѣніи существовало не мало недоразумѣній. Даже среди ученыхъ экономистовъ находились и находятся (хотя теперь и рѣдко) люди, утверждающіе, что потребленіе предметовъ роскоши праздными лицами приноситъ пользу трудящимся классамъ.

Въ защиту потребленія богатыми предметовъ роскоши приводили обыкновенно тотъ доводъ, что роскошь богатыхъ полезна для бѣдныхъ, такъ какъ она даетъ возможность послѣднимъ заработать себѣ средства къ жизни. Если бы богатые не растрачивали своего дохода, много капиталовъ оставалось бы безъ употребленія, и многимъ бѣднякамъ пришлось бы подолгу сидѣть безъ работы. Легко видѣть, что такого рода соображенія основываются на неправильномъ пониманіи сущности общественно-экономическихъ отношеній.

Потребленіе богатыми предметовъ роскоши означаетъ лишь то, что часть общественнаго труда направляется на изготовленіе предметовъ этого рода, отвлекаясь отъ другой работы. Если бы доходъ богатыхъ сократился настолько, что они не въ со-

---

жизни въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ вопросахъ городского благоустройства, заключается въ крайне ненормальной организаціи городского представительства. Сторонникамъ оздоровленія и улучшенія русскихъ городовъ необходимо прежде всего добиваться распространенія избирательныхъ правъ на тѣ слои городского населенія, которые въ настоящее время совершенно устранены отъ участія въ городскомъ управленіи.

стояніи были бы предъявлять спросъ на извѣстное количество предметовъ роскоши, то это значило бы что соотвѣтственная доля общественнаго труда обратилась бы на изготовленіе болѣе полезныхъ предметовъ, потребляемыхъ самими трудящимися классами. Если бы нѣкоторые богачи сами оставили для себя изъ своихъ доходовъ только такую долю, которая обезпечивала бы имъ умѣренный образъ жизни, а остальную долю отдавали бы на общественныя потребности, то сокращенія потребленія предметовъ роскоши опять отразилось бы только выгодно на положеніи трудящихся классовъ. Вмѣсто того, чтобы производить кареты, коляски и другіе роскошные экипажи, выкармливать и воспитывать скаковыхъ лошадей и т. п., та же масса усилій обратилась бы на улучшеніе крестьянскаго скота, постройку народныхъ училищъ, созданіе читаленъ и аудиторій для городскихъ рабочихъ и т. п.

Роскошь, конечно, требуетъ цѣлаго ряда разнообразныхъ работъ, но она не создаетъ новыхъ условій для приложенія труда, а сообщаетъ лишь ему иное направленіе. Если уменьшится производство предметовъ роскоши, то соотвѣтственно возрастетъ производство (а слѣдовательно, и потребленіе) болѣе полезныхъ продуктовъ.

Несмотря на усилія защитниковъ привилегированныхъ классовъ оправдать роскошь богатыхъ, она постоянно встрѣчала суровыя нападки со стороны моралистовъ и государственныхъ дѣятелей. Въ роскоши справедливо видѣли общественное зло; не знали только, гдѣ лежатъ ея коренныя причины. Моралисты обращались съ проповѣдью къ богатымъ, убѣждая ихъ оставить прежнія привычки и вести болѣе

разумную жизнь; государственные люди издавали запрещенія противъ употребленія тѣхъ или иныхъ предметовъ роскоши. Ни тѣ ни другія мѣры, однако, не помогали. Моралисты должны были съ прискорбіемъ убѣдится, что огромное большинство богатыхъ продолжаетъ оставаться безучастнымъ къ ихъ увѣщаніямъ. Что же касается государственныхъ людей, издававшихъ законы и постановленія противъ роскоши, то они также не могли не замѣтить, что ихъ предписанія остаются безъ исполненія. Мѣры эти издавались обыкновенно въ эпоху абсолютизма, когда административныя распоряженія вторгались даже въ мелочи домашняго обихода частныхъ лицъ. Естественно, что въ такое время трудно было найти такихъ чиновниковъ, исполнителей законовъ о роскоши, которые устояли бы противъ соблазна получить нѣкоторое вознагражденіе за слабость надзора. Въ настоящее время всѣ европейскія правительства давно уже отказались отъ подобной политики.

Но если большинство привилегированныхъ классовъ никогда не откажется по доброй волѣ отъ пользованія для себя лично получаемыми доходами, то въ ихъ средѣ оказываются обыкновенно нѣкоторыя единицы, выдѣляющіяся изъ общаго уровня,—лица, желающія отдать весь свой доходъ или часть его на удовлетвореніе потребностей другихъ лицъ. Иначе говоря, извѣстная часть дохода, получаемаго лицами привилегированныхъ классовъ, растрачивается ими не на личныя потребности, а на дѣла благотворительности.

Вопросъ о пользѣ частной благотворительности не разъ поднимался въ экономической наукѣ. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ представителей современной экономической науки въ Германіи · берлинскій

профессоръ Адольфъ Вагнеръ отводитъ даже «системѣ благотворительности» (caritatives System) равное мѣсто въ общественно-хозяйственномъ строѣ съ системами «частной» и «общественной». Конечно, дѣло благотворительности въ настоящее время имѣетъ довольно значительные размѣры; однако за нимъ трудно признать сколько-нибудь существенное значеніе въ смыслѣ улучшенія участи большинства, угнетеннаго современнымъ общественно-хозяйственнымъ строемъ. Тѣ бѣдствія, противъ которыхъ направляются усилія частной благотворительности, по самому существу своему, настолько огромны, что съ ними не въ силахъ справиться никакія частныя пожертвованія (которыя всегда будутъ составлять въ общемъ весьма ничтожную часть всей суммы дохода, получаемаго привилегированными лицами).

Бѣдствія, проистекающія изъ экономическихъ неустройствъ, вообще говоря, совершенно неустранимы усиліями частной благотворительности. За примѣрами недалеко ходить. У всѣхъ насъ еще живъ въ памяти голодъ 1891—1892 гг., мы всѣ не забыли еще о той широкой волнѣ общественнаго сочувствія къ страдающимъ отъ голода, которая породила множество попытокъ борьбы съ разразившимся бѣдствіемъ путемъ частной благотворительности. Какъ ни значительны были сами по себѣ эти попытки, все же онѣ не только не могли помочь населенію, постигнутому голодомъ, избавиться на будущее время отъ подобныхъ же бѣдствій, но далеко не всѣмъ облегчили тяжелое положеніе въ самое голодное время. Нельзя забывать, что, помимо частныхъ пожертвованій, на борьбу съ голо-

домъ было ассигновано тогда и правительствомъ около 150 милл. рублей. Наибольшее значеніе, въ концѣ-концовъ, имѣла трудовая помощь — уходъ за больными, организація столовыхъ, — вообще, такого рода дѣятельность, которой нельзя найти среди казенныхъ исполнителей административныхъ распоряженій, которая требуетъ внимательности, неустаннаго труда и значительной доли самопожертвованія. Этотъ трудъ несла на своихъ плечахъ все та же русская интеллигенція, которая чутко относится къ народнымъ нуждамъ и къ народному горю, но которая въ огромномъ большинствѣ далеко не принадлежитъ къ разряду богатыхъ, привилегированныхъ классовъ. Она могла дать, главнымъ образомъ, свой трудъ и давала его, не останавливаясь ни передъ какими затрудненіями.

Прошло 7 лѣтъ, и въ настоящемъ году мы опять являемся свидѣтелями подобной же картины, которая наблюдалась и при голодѣ 1891 г. [1]).

Лица, одушевленныя горячей любовью къ страдающему народу, стремятся всѣми силами облегчить его бѣдствія, но средствъ оказывается недостаточно, и цынга, голодный тифъ и другія болѣзни безостановочно выполняютъ свое разрушительное дѣло. Какъ бы ни были обширны усилія частной благотворительности, какой благодарности ни заслуживало бы самоотверженное служеніе многихъ лицъ дѣлу помощи голодающимъ, — все же мы должны признать, что причины голодовокъ остаются совершенно незатронутыми. Причины эти коренятся въ бѣдности сельскаго населенія (необезпеченности земельными надѣлами), въ высо-

---

[1]) Эта лекція была произнесена въ 1899 г.

кихъ арендныхъ цѣнахъ, въ обременительности налоговъ и повинностей, въ низкомъ уровнѣ культурнаго развитія и въ сохранившихся еще остаткахъ безправія и угнетенія. Пока существенныя условія жизни нашего крестьянства не измѣнятся къ лучшему, будутъ повторяться и голодъ и другія бѣдствія. Частной благотворительности, конечно, не подъ силу бороться съ этими коренными причинами. Пожертвованія и трудъ частныхъ лицъ могутъ тельконо смягчить крайности переживаемаго тяжелаго положенія, поскольку они захватываютъ постигнутый бѣдствіемъ районъ.

Нѣсколько большій успѣхъ имѣютъ усилія частной благотворительности, направленныя не на непосредственную борьбу съ экономическими бѣдствіями, а на цѣли общественнаго развитія. По самому существу дѣла, въ этой области требуются меньшія матеріальныя средства. Полутораста милліоновъ рублей, израсходованныхъ правительствомъ на борьбу съ голодомъ, крупныхъ частныхъ пожертвованій и самоотверженной дѣятельности множества лицъ оказалось все-таки далеко недостаточно въ тяжелое время 1891 и 1892 г. Несмотря на эти огромныя усилія, направленныя на борьбу съ голодомъ, послѣдствія его сказались въ слѣдующемъ году повышеніемъ цифры смертности крестьянскаго населенія, потерей скота, сильнымъ подрывомъ хозяйственнаго положенія большинства крестьянскихъ семей въ неурожайныхъ мѣстностяхъ и т. д.

Между тѣмъ, если бы за одинъ годъ была затрачена вдвое или даже втрое меньшая сумма на дѣло народнаго образованія, то результаты получились бы несомнѣнно гораздо болѣе отрадные.

Вотъ почему и небольшія сравнительно средства, даваемыя частной благотворительностью, могутъ сдѣлать очень многое въ области просвѣтительныхъ и вообще культурныхъ начинаній. Здѣсь часто требуется только создать основаніе для приложенія дарового труда, который предлагается въ изобиліи. Если бы, напр., какой-нибудь благотворитель задался цѣлью обезпечить организацію разумныхъ развлеченій для народа въ какомъ-либо городѣ, то, выстроивъ зданіе, необходимое для этой цѣли («народный домъ», «народную аудиторію»), онъ могъ бы быть увѣренъ, что ему не придется ассигновать добавочныя средства на жалованье лекторамъ, библіотекарямъ, смотрителю зданія и т. п. Интеллигентные и безкорыстные труженики всегда найдутся, было бы лишь къ чему приложить ихъ трудъ. Къ сожалѣнію, въ особенности въ нашемъ отечествѣ, благотворительность въ огромномъ большинствѣ случаевъ направляется по старымъ, проторенным путямъ; только въ столицахъ и нѣкоторыхъ большихъ городахъ частныя пожертвованія начинаютъ уже притекать къ указаннымъ (просвѣтительнымъ и культурнымъ) цѣлямъ; въ массѣ же русскій благотворитель до сихъ поръ еще очень мало сознаетъ, гдѣ его пожертвованія могутъ быть употреблены съ наибольшей пользой.

Намъ остается сказать только объ организаціи потребленія. Намъ отчасти приходилось уже касаться этого вопроса въ предыдущемъ изложеніи (въ ученіи о промышленныхъ кризисахъ), а потому теперь ограничимся лишь немногими замѣчаніями

Въ старое время, при господствѣ системы замкнутаго домашняго хозяйства, потребленіе стояло

въ непосредственной связи съ производствомъ. Каждая хозяйственная единица имѣла въ виду свои болѣе или менѣе сложныя потребности, и глава ея направлялъ производственную дѣятельность подчиненной ему группы сообразно этимъ потребностямъ. Конечно, такъ какъ въ предѣлахъ замкнутой семьи были неравноправные члены, то потребленіе регулировалось такъ же, какъ и производство, не принципами справедливости, а диктовалось эгоистическимъ интересомъ привилегированныхъ и власть имѣющихъ лицъ; тѣмъ не менѣе роль каждаго члена была заранѣе опредѣлена точно какъ въ производствѣ, такъ и въ потребленіи. Въ современномъ экономическомъ строѣ между производствомъ и потребленіемъ лежитъ глубокая пропасть. Производитель не знаетъ потребителей его продуктовъ, потребители не знаютъ производителей. Какъ мы видѣли выше, такой разрывъ хозяйственной цѣпи неблагопріятно отражается на ходѣ производства, который совершается неровно, съ толчками и задержками. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ строѣ современнаго потребленія замѣчается и другая черта. Такъ какъ предметы, удовлетворяющіе тѣмъ или другимъ потребностямъ, потребляются не тѣми людьми, которые ихъ создаютъ, то въ потребленіе поступаютъ вещи, мало пригодныя къ ихъ назначенію, а иногда и прямо вредныя. Примѣненіе къ производственной техникѣ научныхъ пріемовъ только облегчило изготовленіе фальсифицированныхъ продуктовъ. Эти продукты сбываются и довольно состоятельнымъ классамъ; что же касается бѣдняковъ, то для нихъ нѣтъ никакой возможности уберечься отъ обмана, такъ какъ фальсифицированные продукты имѣютъ

несравненное преимущество передъ настоящими въ ихъ дешевизнѣ.

Противъ такого развитія современнаго потребленія жизнь западно-европейскихъ государствъ выдвинула попытки самозащиты со стороны потребителей. Потребители поняли ту простую мысль (но для созданія которой понадобился геній Роб. Овэна), что они могутъ оказывать вліяніе на производство, только объединившись въ обширныя организаціи. Отдѣльный человѣкъ можетъ негодовать на злоупотребленія лавочниковъ, на поддѣлки фабрикантовъ и заводчиковъ, но онъ, въ концѣ-концовъ, вынужденъ будетъ купить дурной товаръ, потому что лучшаго взять неоткуда или не по средствамъ, да не всегда и легко распознать качество покупаемаго товара. Наоборотъ, потребительское общество можетъ имѣть спеціальныхъ знатоковъ для выбора образцовъ товара, можетъ сноситься только съ испытанными фирмами, можетъ, наконецъ, само изготовлять въ собственныхъ предпріятіяхъ нѣкоторые продукты. Избавляясь такимъ путемъ отъ дурныхъ товаровъ, потребители, соединяясь въ общество, получаютъ и другія выгоды: тѣ барыши, которые доставались на долю торговыхъ посредниковъ, отчасти достаются самимъ потребителямъ и могутъ содѣйствовать расширенію ихъ потребленія; съ другой стороны, они могутъ быть употреблены на образовательныя и иныя культурныя цѣли. Наконецъ, самое веденіе сложнаго дѣла по закупкѣ и продажѣ товаровъ пріучаетъ къ самостоятельности и организованной работѣ, создаетъ подготовку къ разумной и успѣшной дѣятельности на другихъ поприщахъ общественной жизни.

Потребительскія общества болѣе всего развились въ Англіи; въ континентальныхъ государствахъ они строятся, съ большими или меньшими уклоненіями, по англійскому образцу; только въ Бельгіи они развились въ оргинальный типъ, благодаря связи съ дѣятельностью бельгійской рабочей партіи. Я и укажу поэтому исторію потребительскихъ обществъ въ Англіи, присоединивъ къ ней нѣсколько замѣчаній о бельгійскихъ обществахъ.

Общества потребителей существовали въ Англіи еще съ конца прошлаго вѣка; но впервые серьезный толчокъ новому дѣлу былъ данъ пропагандой Р. Овэна (съ 20-хъ годовъ XIX в.) и практической иниціативой «Рочдэльскихъ піонеровъ» (въ 1844 г.)[1])

Первые основатели потребительскаго общества въ Рочдэлѣ установили принципъ дѣленія прибылей между членами. Этимъ они сразу создали живой практическій интересъ къ дѣлу у такихъ лицъ, которыя остаются равнодушными къ идеалистическимъ общественнымъ начинаніямъ. Скромная лавка съ капиталомъ въ 28 фунтовъ ст., поддерживаемая подпиской 2 пенсовъ въ недѣлю 28 чле-

---

[1]) Ранняя исторія кооперативнаго движенія въ Англіи подробно изложена въ I томѣ «History of cooperation» *Holyoak'a*, одного изъ дѣятельнѣйшихъ пропагандистовъ коопераціи. Въ виду того, что первыя потребительскія общества входили, какъ часть, въ общую систему общественнаго переустройства, проектированную Овэномъ и которая должна была основываться на принципахъ коопераціи, и за потребительскими обществами удержалось названіе «кооперативныхъ обществъ». Лучшая характеристика экономическаго значенія потребительскихъ обществъ принадлежитъ *Беатрисъ Поттеръ* (теперь *Веббъ*)—въ цитованномъ уже выше сочин. «The cooperative movement in Great-Britain».

нами-учредителями, превратилась мало-по-малу въ колоссальное учрежденіе съ милліонными торговыми оборотами [1]).

Такой типъ удерживается въ Англіи и до настоящаго времени, и онъ же былъ перенесенъ и на континентъ. Для успѣшной дѣятельности потребительскихъ обществъ (подобно тому, какъ мы видѣли для трэдъ-юніоновъ) понадобились, однако, и спеціальныя юридическія условія. Въ 50-хъ и 60-хъ годахъ стараніями кооператоровъ были проведены парламентскіе акты, даровавшіе потребительскимъ обществамъ необходимыя права по сохраненію и расходованію фондовъ и устройству промышленныхъ предпріятій и образовательныхъ учрежденій [2]).

Принципами англійскихъ потребительскихъ обществъ служатъ:

1) продажа товаровъ по рыночнымъ цѣнамъ (а не по цѣнѣ оптовой закупки);

2) продажа только за наличныя деньги (не въ кредитъ);

3) гарантія хорошаго качества товаровъ (выбираются, по возможности, лучшіе сорта, не стѣсняясь дешевизной);

4) распредѣленіе полученныхъ прибылей между членами (за вычетомъ опредѣленной части на рас-

---

[1]) Рочдэльское общество было основано въ 1844 году. Въ 1888 году рочдэльцы имѣли уже 339.937 ф. ст. складочнаго капитала, школу, подвижную библіотеку въ 14.000 томовъ и справочную библіотеку съ 2.000 томовъ, 17 читаленъ и одну изъ наилучше устроенныхъ лабораторій Ланкашира. *Holyoake*, The cooperative movement to day. London, 1896, стр. 90.

[2]) *Holyoake*, The history of cooperation in England, томъ II, стр. 53—59.

ширенія предпріятія, образовательныя цѣли и цѣли пропаганды);

5) демократическая организація управленія (право голоса принадлежитъ каждому члену, и каждый членъ имѣетъ только одинъ голосъ).

По этому типу строились и другія англійскія потребительскія общества. Въ 60-хъ годахъ они приняли характерный для англійской общественной жизни принципъ федераціи, т.-е. объединились въ большіе союзы. Такихъ союзовъ (называемыхъ обществами оптовыхъ закупокъ) существуютъ два: одинъ — для Англіи, другой — для Шотландіи (English Wholesale Society и Scottish Wholesale Society). Членами этихъ союзовъ являются не отдѣльныя лица, а цѣлыя мѣстныя потребительскія общества. О размѣрахъ дѣятельности обществъ оптовыхъ закупокъ можно судить по тому, что къ 90-мъ годамъ одно English Wholesale Society имѣло годичный оборотъ около 8 000.000 ф. ст., т.-е. около 80.000.000 руб. Всѣ англійскія и шотландскія общества объединены также и въ общій союзъ — «Cooperative Union» и устраиваютъ ежегодные конгрессы. Къ 90-мъ гг. «Кооперативный союзъ» состоялъ изъ 1.300 кооперативныхъ обществъ съ 1.000.000 членовъ [1]).

Для британскихъ рабочихъ потребительскія общества оказываютъ цѣнныя услуги, въ особенности въ слѣдующихъ двухъ отношеніяхъ: съ одной стороны, они гарантируютъ хорошее качество товаровъ и сберегаютъ деньги, которыя пошли бы торговымъ

---

[1]) *B. Potter*, The cooperative movement in Great-Britain. London, 1893, стр. 173—175.

посредникамъ, съ другой — они служатъ школой демократіи.

Въ первомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ принципъ выбора продуктовъ хорошаго качества. Благодаря централизаціи закупокъ въ двухъ обществахъ (Wholesale Societies), англійскія потребительскія общества располагаютъ прекраснымъ персоналомъ спеціально подготовленныхъ закупщиковъ - экспертовъ. Съ другой стороны, они имѣютъ возможность вступать въ непосредственныя отношенія съ крупными фабричными и заводскими фирмами не только въ Англіи, но и за границей, устраиваютъ собственныя фабрики и мастерскія, имѣютъ свои грузовые пароходы и т. д. Такъ, потребительскія общества создали мало - по - малу для англійскихъ рабочихъ снабженіе вполнѣ доброкачественными продуктами, чѣмъ въ настоящее время не всегда могутъ похвалиться даже состоятельные классы. Самые вкусы рабочихъ измѣнились къ лучшему. Прежде, — какъ разсказываетъ Голіокъ, — приходилось затрачивать много труда, чтобы пріучить рабочихъ къ болѣе доброкачественнымъ продуктамъ, такъ какъ нѣкоторые поддѣльные продукты болѣе соотвѣтствовали ихъ установившимся вкусамъ и привычкамъ [1]).

Во второмъ отношеніи весьма важно постоянное участіе въ сложномъ общественномъ дѣлѣ. Тѣ качества моральной дисциплины, дѣловой выдержки, обдуманнаго практическаго расчета и сознанія общихъ цѣлей и потребностей союза, которыя требуются отъ участниковъ потребительскихъ об-

1) *Holyoake*, The cooperative movement to day. London, 1896, стр. 65.

ществъ, въ особенности же отъ завѣдующихъ дѣлами, необходимы и для всякаго сознательнаго гражданина въ его государственной или общественной дѣятельности. «Собраніе кооперативнаго общества оптовыхъ закупокъ (Wholesale),—говоритъ Голіокъ, — представляетъ поразительное зрѣлище способности рабочаго класса къ практическому дѣлу... Каждый делегатъ имѣетъ въ рукахъ большой фоліантъ, заполненный столбцами цифръ; когда закончено обсужденіе одной страницы, раздается шумъ перевернутыхъ листовъ сразу во всѣхъ углахъ залы... Директора Соединеннаго общества, подобно министрамъ въ парламентѣ, всѣ налицо на платформѣ, готовые дать отвѣтъ на всякія возраженія. Въ каждомъ уголкѣ обширной залы быстро слѣдуютъ другъ за другомъ голоса лицъ, ставящихъ вопросы, и критиковъ. Никто изъ промышленныхъ классовъ Англіи — исключая трэдъ-юніонистовъ — не можетъ итти въ сравненіе съ собраніемъ Соединеннаго общества; нигдѣ делегаты не бываютъ такъ многочисленны; нигдѣ не найдешь такого изобилія ораторовъ и людей опытныхъ, практически знающихъ то дѣло, которое они представляютъ [1]).

Вотъ почему въ Англіи въ потребительскихъ обществахъ видятъ не одну только ловкую выдумку сбереженія у потребителей нѣсколькихъ рублей, а дѣйствительное примѣненіе кооперативнаго начала, подготовляющее путь къ болѣе справедливому устройству общества. Такія учрежденія, какъ, напр., потребительское общество государственныхъ чинов-

---

1) *Holyoake*, History of cooperative movement, томъ II, стр. 160—161.

никовъ (Civil Service Supply Association), въ Англіи никогда не смѣшиваютъ съ кооперативными обществами, такъ какъ оно основано исключительно на принципѣ сбереженія расходовъ.

Польза потребительскихъ обществъ въ настоящее время настолько уже выяснилась, что ея почти не оспариваютъ; между тѣмъ 30—40 лѣтъ назадъ даже среди горячихъ сторонниковъ рабочаго класса и проповѣдниковъ коренныхъ соціальныхъ реформъ можно было встрѣтить недоброжелательное отношеніе къ союзамъ потребителей. Лассаль доказывалъ германскимъ рабочимъ, что выгоды, доставляемыя кооперативными обществами, достанутся фабрикантамъ, которые соотвѣтственно понизятъ заработную плату. При этомъ онъ дѣлалъ лишь логическій выводъ изъ извѣстнаго намъ «желѣзнаго закона заработной платы»: разъ плата рабочихъ должна фатально держаться на минимумѣ средствъ существованія, то всякія попытки улучшенія ихъ участи останутся безуспѣшными. Зная, въ чемъ заключается слабость названной теоріи, мы легко поймемъ ошибку Лассаля и въ вопросѣ о потребительскихъ обществахъ. Желѣзный законъ справедливъ, лишь поскольку рѣчь идетъ о слабыхъ и беззащитныхъ рабочихъ; организованные же рабочіе, противопоставляя силѣ капитала силу товарищескаго союза, сумѣли отстоять и выгоды, даваемыя потребительскими обществами. Отсюда можно сдѣлать и дальнѣйшій выводъ, что потребительскія общества могутъ оказать особенно полезную службу рабочему классу, только когда они являются звеномъ въ общей цѣпи демократическихъ учрежденій и начинаній. Они могутъ правильно выполнять свое

назначеніе лишь въ связи съ профессіональными рабочими союзами, при надлежащихъ юридическихъ условіяхъ (имущественныя и иныя корпоративныя права), гарантіи свободы объединенія въ крупные федеральные союзы, свободы устройства образовательныхъ учрежденій и пропаганды идеи коопераціи въ рабочей средѣ.

Было бы, однако, ошибкой думать, будто англійскія потребительскія общества вполнѣ свободны отъ недостатковъ. Ихъ организація нуждается въ дальнѣйшемъ развитіи, которое устранило бы изъ нея одинъ фальшивый принципъ, сохраняемый до сихъ поръ, благодаря матеріальнымъ интересамъ большинства кооператоровъ.

Мы знаемъ, что общества оптовыхъ закупокъ (Wholesale Societies) завѣдуютъ покупкой товаровъ для мѣстныхъ обществъ и, кромѣ того, имѣютъ собственныя предпріятія (сапожныя мастерскія, булочныя, грузовые пароходы и т. п.). Потребительскія общества, сами слагаясь изъ рабочихъ, выступаютъ здѣсь въ роли предпринимателей, имѣя собственныхъ рабочихъ. Они ставятъ ихъ въ сравнительно хорошую обстановку (устраиваютъ обширныя, свѣтлыя, удобныя помѣщенія для работы, даютъ плату, установленную въ данной отрасли производства требованіями трэдъ-юніоновъ), но не дѣлаютъ послѣдняго шага, который слѣдовало бы имъ сдѣлать въ качествѣ представителей рабочаго класса. Прибыль, получаемая отъ такихъ предпріятій, не отдается занятымъ въ нихъ рабочимъ, а дѣлится между всѣми членами потребительскаго общества. Такая система не только несправедлива (потому что потребительскія общества выступаютъ

въ роли эксплуататоровъ, какъ обыкновенные хозяева), но даже и не особенно выгодна для кооператоровъ, потому что ихъ число огромно сравнительно съ количествомъ рабочихъ, занятыхъ въ ихъ предпріятіяхъ. Если взять, — говоритъ Голіокъ, — отчетъ за 1886 годъ, то мы найдемъ, что въ мастерскихъ Англійскаго общества оптовыхъ закупокъ было занято 990 рабочихъ; прибыли отъ этихъ предпріятій составляли 9.500 фунтовъ ст. Если бы ихъ распредѣлить между рабочими, то каждый получилъ бы прибавку къ годичной заработной платѣ въ 9 ф. 10 шилл., т.-е. около 90 рублей. Но такъ какъ прибыль эта была раздѣлена между всѣми кооператорами, которыхъ было 650.000 человѣкъ, то каждый получилъ изъ нея только по 2 пенса 3 фартинга, т.-е. около 10 копеекъ. Голіокъ справедливо возмущается такими пріемами, говоря, что кооператоры поступаютъ, какъ Іуды, съ той только разницей, что продаютъ своихъ братьевъ еще дешевле и не мучатся потомъ угрызеніями совѣсти. Однако, — говоритъ онъ, — есть, повидимому, и надежда, что со временемъ большинство кооператоровъ измѣнитъ эту систему. Наблюдая, какъ кооператоры вотировали его предложеніе объ установленіи участія въ прибыляхъ для изданія «Cooperative News» (періодическаго органа кооператоровъ), онъ видѣлъ, что тѣ члены, которые поднимали руки вверхъ противъ предложенія, держали головы опущенными [1]).

Недостаткомъ англійскихъ обществъ являются и большіе паи нѣкоторыхъ членовъ въ складочномъ капиталѣ. Хотя разница въ размѣрахъ капитала не

---

1) *Holyoake,* The cooperative movement to day, стр. 102—105 и 127.

вызываетъ различій въ правѣ голосованія, тѣмъ не менѣе въ организацію дѣла вносится этимъ частно-капиталистическая нота, порождающая такія ненормальности во взглядахъ кооператоровъ, какъ, напр., только что указанная.

Въ организаціи бельгійскихъ обществъ этотъ недостатокъ устраненъ. Въ большинствѣ ихъ при вступленіи въ общество уплачивается только 30 сантимовъ (около 12 коп.) за членскую книжку и затѣмъ постепенно удерживается изъ прибылей отъ потребленія до 10 франковъ взноса въ общій фондъ. Кромѣ того, бельгійскія общества тѣсно связаны съ бельгійской рабочей партіей; новые члены принимаются лишь подъ тѣмъ условіемъ, что они раздѣляютъ принципы программы, защищаемой рабочей партіей. Этимъ достигается единство въ общихъ взглядахъ и стремленіяхъ бельгійскихъ кооператоровъ. Что касается распространенія и матеріальной организаціи бельгійскихъ потребительскихъ обществъ, то оно сильно затрудняется недостатками бельгійскаго законодательства, стѣсняющаго образованіе такихъ федерацій, какъ британскія общества оптовыхъ закупокъ (Wholesale Societies). Бельгійскій государственный строй не благопріятствуетъ еще проведенію многихъ реформъ, желательныхъ для рабочаго класса, а потому и парламентскимъ представителямъ бельгійскихъ рабочихъ не удалось пока сломить оппозицію буржуазіи и духовенства въ дѣлѣ созданія благопріятныхъ условій для развитія потребительскихъ обществъ [1]). Бельгійскія общества

1) Объ исторіи и современной организаціи бельгійскихъ потребительскихъ обществъ см. *Louis Bertrand*, La coopération.

гораздо моложе англійскихъ; раннія попытки ихъ учрежденія были неудачны, и почти всѣ существующія теперь общества были основаны не болѣе 20 лѣтъ тому назадъ. Поддержка рабочей партіи оказала имъ неоцѣнимую услугу. Дѣло образованія и развитія членовъ поставлено въ нихъ прекрасно, главнымъ образомъ, благодаря заботамъ рабочей партіи. Каждое мѣстное общество имѣетъ обыкновенно свой «Народный домъ». Наиболѣе удобенъ для обозрѣнія «Народный домъ» въ Брюсселѣ. Глядя на это обширное зданіе со множествомъ залъ, конторъ и магазиновъ, наполненное въ праздничные дни толпой рабочихъ, пришедшихъ цѣлыми семьями побесѣдовать за кружкой пива съ знакомыми, послушать музыку и рѣчи любимыхъ ораторовъ, трудно повѣрить, что это учрежденіе выросло за какія-нибудь пятнадцать лѣтъ изъ скромной булочной, основанной небольшимъ кружкомъ рабочихъ съ нѣсколькими сотнями франковъ капитала.

Какова же роль разсмотрѣнныхъ организацій рабочихъ въ соціальномъ прогрессѣ?

Нѣкоторые горячіе сторонники потребительскихъ обществъ (Голіокъ — въ Англіи, проф. Шарль Жидъ — во Франціи) склонны видѣть въ нихъ главный путь къ будущему обновленію культурныхъ обществъ на началахъ коопераціи. Такое мнѣніе сильно преувеличено; изъ предыдущаго изложенія мы знаемъ, что въ дѣлѣ перестройки существующаго общества принимаютъ участіе многочисленные совмѣстно дѣйствующіе факторы, и

Bruxelles. Bibliotheque belge des connaissances modernes и *того же автора*, L'Histoire de la coopération en Belgique. Bruxelles, 1902—1903, два тома.

что потребительскія общества входятъ лишь какъ отдѣльный ручей въ общее теченіе современнаго прогресса, расчищающее путь дальнѣйшему развитію общественнаго контроля и самоуправленія.

Мы можемъ только сказать, что во всѣхъ отрасляхъ современной хозяйственной дѣятельности передовыхъ культурныхъ народовъ замѣчается тенденція къ организованной самодѣятельности трудящихся массъ, и что преобразованіе общественныхъ отношеній, начатое въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка демократизаціей политическаго порядка, дополнялось въ XIX вѣкѣ постепенной демократизаціей хозяйственнаго строя. Эти процессы (въ особенности, второй) далеко не закончили еще своего развитія и во многихъ случаяхъ не вполнѣ согласованы другъ съ другомъ; однако есть основаніе надѣяться, что XX вѣку суждено объединить оба потока въ одномъ могучемъ руслѣ, въ которомъ дальнѣйшая жизнь культурныхъ націй потекла бы менѣе бурно и уносила бы все меньше и меньше жертвъ по пути къ далекому еще океану человѣческаго счастья.

КОМИССІЯ ПО ОРГАНИЗАЦІИ ДОМАШНЯГО ЧТЕНІЯ,

СОСТОЯЩАЯ ПРИ УЧЕБНОМЪ ОТДѢЛѢ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ТЕХНИЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ.

Москва, Большая Никитская, д. Рихтера, кв. № 6.

Правила для отношеній читателей съ Комиссіей при занятіяхъ по программамъ систематическаго курса.

I. Для отдѣльныхъ лицъ.

1) Читатели могутъ пользоваться руководствомъ при занятіяхъ систематическими программами Комиссіи, обращаясь къ Комиссіи за разъясненіемъ встрѣтившихся при чтеніи недоразумѣній и вопросовъ: на отвѣтъ должна быть *прилагаема почтовая марка.*

2) Желающіе пользоваться указаніями Комиссіи въ означенныхъ предѣлахъ уплачиваютъ по 2 рубля за годичный курсъ по каждому изъ слѣдующихъ семи отдѣловъ: науки математическія, физико-химическія, біологическія, философскія, общественно-юридическія, исторія и исторія литературы. Читатели, выбирающіе какую-либо часть одного изъ перечисленныхъ семи отдѣловъ (напримѣръ, астрономію, общую физіологію, русскую исторію, гражданское право и т. п.), платятъ за руководство по 1 р.

Нормой времени для прохожденія отдѣла принято 4 годичныхъ курса, при чемъ теченіе каждаго годичнаго срока считается съ мѣсяца записи въ число читателей. Читателю, не успѣвшему къ сроку закончить прохожденіе назначенной на 1 годъ части курса и сообщившему въ концѣ годового срока Комиссіи о ходѣ своихъ занятій, срокъ можетъ быть продолженъ безъ новаго взноса.

Примѣчаніе. Лица, не могущія уплачивать означенныхъ взносовъ по недостатку средствъ, могутъ быть освобождаемы отъ платы за пользованіе руководствомъ Комиссіи, по представленіи объясненій о своемъ имущественномъ положеніи.

3) Для большей успѣшности руководства занимающіеся приглашаются сообщать кромѣ своего имени и адреса [1]), съ обозначеніемъ отдѣла или отдѣловъ, по которымъ они хотятъ заниматься: a) возрастъ, b) какое и гдѣ получили образованіе, c) званіе или сословное положеніе, d) главное занятіе, e) знаютъ ли иностранные языки и какіе и проч.

4) Комиссія предлагаетъ лицамъ, занимающимся подъ ея руководствомъ слѣдующія льготныя условія по пріобрѣтенію книгъ черезъ ея посредство:

a) Комиссія принимаетъ на себя порученія по покупкѣ всѣхъ книгъ, указанныхъ въ Программахъ (какъ необходимыхъ, такъ и рекомендуемыхъ и справочныхъ) и находящихся въ продажѣ, съ уплатой *ея разсрочку*. При покупкѣ книгъ, отмѣченныхъ въ Программахъ звѣздочкой, нужно высылать при заказѣ не менѣе 30% ихъ стоимости, а при покупкѣ прочихъ—не менѣе 80%. При этомъ читатели пользуются уступкой съ номинальной стоимости книгъ въ такомъ размѣрѣ, какой условленъ Комиссіей съ различными книгопродавцами (московскіе читатели — не болѣе 10%).

b) Книги, отмѣченныя въ Программахъ звѣздочкой, читатели могутъ возвращать по миновaніи надобности, *получая обратно* стоимость книгъ, за вычетомъ по 5% съ ихъ *номинальной цѣны* за каждый мѣсяцъ, въ теченіе котораго книга находилась у читателя; такимъ образомъ книга, стоящая 1 рубль, по истеченіи мѣсяца со дня полученія ея читателемъ, принимается обратно за 95 к., по истеченіи 2 мѣс.—за 90 к. и т. д. По истеченіи 20 мѣс. книга обратно не принимается.

c) По желанію книги могутъ быть высылаемы въ переплетахъ; стоимость переплетовъ—20 или 25 коп. При выпискѣ книгъ необходимо отмѣчать, какія должны быть въ переплетахъ. *Съ правомъ обратнаго возвращенія высылаются только переплетенныя книги.*

Примѣчаніе. Теченіе сроковъ начинается съ 1 и 15 чиселъ, слѣдующихъ за высылкой книгъ читателямъ. *Всѣ почтовые расходы по пересылкѣ книгъ должны быть оплачиваемы читателями.* Книги должны быть возвращаемы назадъ въ полной исправности и безъ помарокъ, съ указаніемъ фамиліи и адреса лица которое возвращаетъ книги.

---

[1]) Въ случаѣ *перемѣны мѣста жительства* нужно немедленно сообщать Комиссіи новый адресъ.

5) Въ промежутокъ отъ 15 мая до 15 сентября прекращаются письменныя сношенія Комиссіи съ читателями, касающіяся руководства занятіями, всякаго рода разъясненій и т. п. Прочія же сношенія (запись въ число читателей, высылка книгъ, полученіе ихъ отъ читателей обратно и т. п.) продолжаются *круглый годъ*.

6) Черезъ посредство Комиссіи читатели могутъ пріобрѣтать лишь книги, указанныя въ Программахъ того курса (а московскіе читатели — того курса и отдѣла), на руководство по которому они записались.

II. *Для группъ.*

Независимо отъ изложеннаго порядка содѣйствія со стороны Комиссіи по пріобрѣтенію книгъ читателями, Комиссія находитъ возможнымъ, для удобства и въ интересахъ занимающихся подъ ея руководствомъ лицъ, составлять и высылать имъ тотъ или другой подборъ указанныхъ въ ея „Программахъ" книгъ на слѣдующихъ установленныхъ условіяхъ:

1) Книги выбираются или по усмотрѣнію Комиссіи, или по желанію занимающихся подъ ея руководствомъ читателей. Въ послѣднемъ случаѣ Комиссія оставляетъ за собой право ограниченія такого выбора.

2) Книги отпускаются и обратно принимаются Комиссіей не иначе, какъ безъ помарокъ и переплетенными.

3) Книги высылаются по требованію не отдѣльнаго лица, а лишь группы лицъ, занимающихся (хотя бы и по различнымъ отдѣламъ) подъ руководствомъ Комиссіи, которая всѣ сношенія съ означенной группой ведетъ черезъ одно лицо, входящее въ составъ группы и несущее всю отвѣтственность за группу въ ея обязательствахъ передъ Комиссіей.

4) Всѣ расходы по пересылкѣ книгъ означенная группа принимаетъ на себя.

5) Высылаемыя Комиссіей книги считаются купленными поименно извѣстными ей читателями, составляющими группу; при покупкѣ читатели уплачиваютъ 20% номинальной стоимости книгъ въ видѣ задатка.

6) Книги могутъ быть возвращены Комиссіи, которая обязывается въ этомъ случаѣ возвратить задатокъ, удержавъ изъ него лишь то, что причтется за книги испорченныя или невозвращенныя и, сверхъ того, за каждый мѣсяцъ пользованія 2% съ общей номинальной стоимости забранныхъ книгъ въ погашеніе расходовъ Комиссіи. Сумму, превышающую размѣръ задатка, лица, пользовавшіяся книгами, обязаны уплатить Комиссіи.

7) Удерживать книги разрѣшается не долѣе 6 мѣсяцевъ со дня ихъ полученія, при чемъ, однако, лица, желающія пользоваться ими болѣе продолжительное время, могутъ ходатайствовать объ этомъ передъ Комиссіей. Въ противномъ случаѣ книги считаются окончательно купленными, и лица, удержавшія ихъ для себя, должны немедленно же, по истеченіи означенныхъ 6 мѣсяцевъ пользованія ими, произвести окончательный расчетъ съ Комиссіей, при чемъ Комиссія дѣлаетъ съ номинальной стоимости книгъ ту скидку, какая условлена съ книжными магазинами, доставляющими книги.

Издавъ четыре выпуска программъ для четырехгодичнаго систематическаго курса наукъ, Комиссія намѣрена выпускать серіи **эпизодическихъ** программъ по отдѣльнымъ вопросамъ различныхъ наукъ съ цѣлью руководства занятіями по этимъ программамъ. Желающіе пользоваться руководствомъ по какой-либо эпизодической программѣ увѣдомляютъ о томъ Комиссію по означенному выше адресу, сообщая: 1) свою фамилію, имя и отчество, 2) точный адресъ, 3) возрастъ, 4) родъ занятій, 5) мѣсто окончанія или прохожденія учебнаго курса или степень домашней подготовки. По полученіи отъ Комиссіи извѣщенія, что руководство для нихъ открыто, они вносятъ плату за руководство въ размѣрѣ, указанномъ особо для каждой программы (отъ 1 р. до 5 р.), и затѣмъ благоволятъ присылать въ Комиссію письменныя работы на предложенныя въ программѣ темы для отзыва, въ указанномъ въ программѣ порядкѣ, а равно и отдѣльные запросы въ связи съ занятіями по этимъ темамъ. По полученіи первой работы Комиссія оставляетъ за собой право измѣнить планъ и порядокъ занятій, намѣченный въ программѣ, примѣнительно къ обнаруженной въ работѣ степени подготовленности. При несогласіи подписчика на это измѣненіе внесенная имъ плата подлежитъ возвращенію. При каждомъ запросѣ и работѣ прилагается на отвѣтъ 7-коп. марка. Дальнѣйшія подробности о ходѣ руководства означены **особо для каждой программы** въ концѣ листка.

Желающіе подписчики могутъ получать чрезъ посредство Комиссіи указанныя въ программахъ книги по номинальной ихъ стоимости, оплачивая почтовые расходы по ихъ пересылкѣ. Книги могутъ быть возвращены въ Комиссію, при чемъ за мѣсячное пользованіе удерживается 5% съ номинальной стоимости книги.